

И.В. КУЗНЕЦОВ

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ
[1917-2000]**

У ч е б н ы й к о м п л е к т

Учебное пособие

Хрестоматия

Третье издание, исправленное

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением
государственных университетов РФ в качестве учебного пособия
по специальности 021400 — Журналистика*

Москва

Издательство «Флинта»

Издательство «Наука»

2006

УДК 070(075)
ББК 76.01я73
К89

Кузнецов И.В.

К89 История отечественной журналистики (1917—2000) : учеб. комплект (учеб. пособие; хрестоматия) / И.В. Кузнецов. — 3-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 640 с.

ISBN 5-89349-369-9 (Флинта)

ISBN 5-02-022715-3 (Наука)

В учебном пособии освещена история средств массовой информации трех периодов отечественной журналистики: буржуазно-демократической республики, советского и постсоветского периодов. Впервые представлены важнейшие документы о печати и других средств массовой информации: решение Временного правительства «О печати» от апреля 1917 года, Закон о средствах массовой информации РФ и др. Книга также содержит публицистические произведения ведущих журналистов и писателей (Булнина, Шолохова, А.Н. Толстого, Симонова, Фадеева, Солженицына, Максимова, Эренбурга и др.).

Для студентов факультетов и отделений журналистики государственных университетов, журналистов-практиков, а также для всех, интересующихся историей отечественной журналистики.

УДК 070(075)

ББК 76.01я73

ISBN 5-89349-369-9 (Флинта)
ISBN 5-02-022715-3 (Наука)

© Издательство «Флинта», 2002

Введение

Российская журналистика за более чем 200-летний период своего развития к 1917 г. превратилась в мощный социальный институт. В начале XX в. в России насчитывалось свыше тысячи, а к 1917 г. около трех тысяч газетных и журнальных изданий. Только в годы Первой мировой войны появилось около 850 новых органов печати. Таким образом, Россия обладала мощной для своего времени прессой: газеты и журналы выходили в 186 городах страны. Только в Петербурге и Москве насчитывалось до тысячи периодических изданий.

С учетом самых различных групп читателей, их политических взглядов, убеждений, общественного положения и возраста выходили общественно-политические, торгово-промышленные, финансовые, литературные, иллюстрированные и многие другие типы газет и журналов. Основную их массу составляли правительственные, монархические и другие буржуазные издания. Официальными органами царского правительства являлись газеты «Правительственный вестник», выходивший ежедневно с 1869 по 1917 г. и «Сельский вестник» (1881—1917 гг.). Правительственными органами были также газеты «Русское государство» (1906 г.), «Россия» (1906—1914 гг.).

Уже первые годы XX в. ознаменовались существенными изменениями в структуре русской журналистики, что было обусловлено возникновением различных политических партий, в том числе и социалистической направленности. После Манифеста 17 октября 1905 г. возникли такие правительственные партии, как «Союз русского народа» (1905—1917 гг.), «Союз Михаила Архангела» (1908—1917 гг.), «Союз 17 октября» (октябристы, 1905—1917 гг.), а также примыкавшая к октябристам партия мирного обновления (мирнообновленцы, 1906—1912 гг.) и прогрессивная партия (прогрессисты, 1912—1917 гг.). Все эти партии имели свои руководящие печатные органы — газеты «Русское

знамя», «Союз русского народа», «Голос Москвы» (октябристы), «Русская молва» и «Утро» (прогрессисты), «Слово» и журнал «Московский еженедельник» (мирнообновленцы).

Близкую к правительственным партиям позицию занимали газеты «Земщина» (1909—1917 гг.), «Колокол» (1905—1917 гг.), «Голос Руси» (1914—1917 гг.). Самым последовательным охранительным органом самодержавия зарекомендовали себя «Московские ведомости» (1756—1917 гг.), возглавлявшиеся в годы первой российской революции (1905—1907 гг.) В.А. Грингмутом, одним из лидеров «Союза русского народа».

Значительное количество буржуазных газет выпускали общественно-политические, торгово-промышленные организации и учреждения, коммерсанты и предприниматели. Из этих изданий можно выделить газеты «Новое время» (1868—1917 гг.), «Биржевые ведомости» (1880—1917 гг.), «Русское слово» (1895—1917 гг.). В 1897 г. владельцем «Русского слова» стал известный издатель И.Д. Сытин, а редактором и фактическим руководителем газеты В.М. Дорошевич. Этот признанный «король фельетона» превратил «Русское слово» в одну из самых популярных газет, о чем свидетельствует ее тираж, достигший к 1917 г. миллиона экземпляров.

Самую разветвленную сеть периодических изданий имела конституционно-демократическая партия — кадеты, партия «народной свободы» (1905—1917 гг.). В 1906 г. В.И. Ленин отмечал, что «кадетская печать — чуть ли не девять десятых всей политической печати России»¹. Центральным органом кадетов была газета «Речь», выходившая с 1906 по 1918 г. под редакцией П.Н. Милюкова и И.В. Гессена. Активно в газете сотрудничали П.Б. Струве, другие видные деятели кадетской партии. Наиболее известными органами кадетского направления являлись газеты «Русские ведомости», «Современное слово», а также многочисленные местные влиятельные газеты «Южный край» (Харьков), «Приазовский край» (Ростов-на-Дону) и др.

Одновременно с развитием буржуазной прессы активизировался рост печати социалистической ориентации, изданий эсеров и российских социал-демократов. Развитие социалистической периодики характерно противоборством в русской журналистике на исходе XIX в. двух идеологий — народничества и марксизма. Эти два направления в общем потоке социалистической мысли

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 346.

(пролетарский и крестьянский социализм) длительное время не просто сосуществовали параллельно, а влияли друг на друга, стимулируя поиск социалистической перспективы.

Основоположителем крестьянского социализма явился А.И. Герцен, считавший, что свободные сельские труженики, объединенные в производственные ассоциации, смогут в условиях коллективной собственности на землю перейти к справедливому устройству своей жизни. Идея общинного устройства получила дальнейшее развитие во взглядах Н.Г. Чернышевского и идеологов революционного народничества П.А. Лаврова, М.А. Бакунина, П.Н. Ткачева. На рубеже столетий народничество получило новый импульс: идеи крестьянского социализма были актуализированы не только применительно к новым историческим условиям, но и сквозь призму некоторых марксистских положений. Многие в этом отношении сделал один из лидеров эсеров В.М. Чернов. Его выступления, начиная со статей в «Русском богатстве» в 1899 г., стали основой будущей программы социалистов-революционеров (эсеров).

В общем потоке народничества уже в 1880-е годы стало возможным выделение пролетарско-демократического течения. Начало разрыву с народническими представлениями о путях движения России к социализму положила деятельность созданной в 1883 году плехановской группы «Освобождение труда». Основной преобразующей силой общества, по мысли Г.В. Плеханова, главного теоретика группы, должен был стать новый для России класс — пролетариат.

Еще задолго до создания плехановской группы в России началось знакомство с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса. Особый интерес революционные народники проявили к изучению «Капитала», первый том которого вышел в Петербурге в 1872 г. Однако число сторонников марксизма в России стремительно возрастает лишь после создания группы «Освобождение труда», приступившей к изданию «Библиотеки научного социализма». Вслед за плехановской группой социал-демократические кружки возникают и в России, в их числе «Партия русских социал-демократов» Д.Н. Благоева (1883—1887 гг.), «Товарищество санкт-петербургских рабочих» П.В. Точисского (1886 г.), «Социал-демократическое сообщество» М.И. Бруснева (1890—1892). Группа Бруснева установила связи не только с Г.В. Плехановым, но и с социал-демократическими кружками многих городов России.

Важным этапом на пути создания социал-демократической прессы в России явилась издательская деятельность «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1894—1897 гг.). Листовки и прокламации «Союза борьбы», а также подготовленная им газета «Рабочее дело» свидетельствовали о все более широком проникновении марксистских идей в рабочую среду. Этот процесс завершился созданием в 1898 г. Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

Таким образом, на рубеже XIX—XX вв. в России шел интенсивный процесс формирования социал-демократической и эсеровской партий и их печати. Особое значение в их развитии имело создание в 1900 г. газет «Искра» и «Революционная Россия». По решению второго съезда РСДРП (1903 г.) «Искра» становится центральным органом Российской социал-демократической партии, а «Революционная Россия» с января 1902 г. — центральным органом Партии социалистов-революционеров (ПСР).

В редакцию «Искры» входили В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич и А.Н. Потресов. В укреплении искровского направления важную роль сыграли выступления в газете В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, Ю.О. Мартова, а также опубликование в «Искре» программы РСДРП.

Раскол на большевиков и меньшевиков на втором съезде привел к образованию в РСДРП двух фракций. Как в большевистской, так и в меньшевистской фракциях были представлены многие яркие личности, вошедшие в историю российского и международного рабочего движения. Не говоря уже о Г.В. Плеханове — одном из основателей российской социал-демократии, В.И. Ленине — редакторе и ведущем публицисте всех руководящих большевистских изданий, Ю.О. Мартове — признанном лидере меньшевиков, в социал-демократической журналистике достойное место принадлежит Л.Д. Троцкому, Ф.И. Дану, Л.Б. Каменеву, Г.Е. Зиновьеву, Н.И. Бухарину и др.

Начиная с «Искры», Л. Мартов (Ю.О. Цедербаум) возглавлял все издания меньшевиков. Он принадлежал к тому же поколению социал-демократов, что и В.И. Ленин. Вместе с Лениным он принимал руководящее участие в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В 1917 г. они почти одновременно вернулись в Россию, да и ушли из жизни с разрывом менее года: Мартов скончался в апреле 1923 г. в Германии, Ленин — в январе 1924 г. Нельзя не отметить, что в революционном движе-

нии активно участвовали все братья и сестры семьи Цедербаумов (как и семьи Ульяновых), только одни были деятелями большевистской, другие меньшевистской фракции РСДРП.

К лидерам РСДРП несомненно следует отнести Л.Д. Троцкого, статьи которого под псевдонимом «Перо» регулярно печатались в «Искре». 10 марта 1903 г. Л. Мартов писал П.Б. Аксельроду: «Вл. Ильич предлагает нам принять в редакционную коллегию на полных правах известное Вам «Перо». Его литературные работы обнаруживают несомненное дарование, он вполне «свой» по направлению, целиком вошел в интересы «Искры» и пользуется уже здесь (за границей) большим влиянием, благодаря недюжинному ораторскому дарованию. Говорит он великолепно — лучше не надо. В этом убедились и я, и Вл. Ильич. Знаниями он обладает и работает над их пополнением. Я безусловно присоединяюсь к предложению Владимира Ильича»². После перехода «Искры» в руки меньшевиков в ее редакцию вошел и Л. Троцкий.

Созданные почти одновременно органы социал-демократов газета «Искра» и журнал «Заря» и руководящие издания эсеров — газета «Революционная Россия» и журнал «Вестник русской революции», также одновременно в 1905 г. прекратили свое существование. Точно так же, как «Искра», выступившая в роли центра идейного и организационного сплочения социал-демократических сил, «Революционная Россия», редактировавшаяся В.М. Черновым, являлась органом, спланировавшим ряды сторонников эсеровской партии.

Революционная деятельность В.М. Чернова (1873—1952 гг.) началась в 90-е годы, когда он был еще студентом Московского университета. Его молодые годы во многом схожи с началом революционной деятельности В.И. Ленина и Ю.О. Мартова: исключение из университета, арест в 1894 г. по делу революционно-демократической партии «Народное право», трехлетняя ссылка, после нее — заграница, где он создает «Аграрно-социалистическую лигу», ставшую важным этапом на пути формирования партии социалистов-революционеров. На первых же ее съездах выступал с программными докладами как признанный теоретик эсеров. В «Революционной России» большинство руководящих статей также принадлежало его перу.

² Письма Б.П. Аксельрода и Ю.О. Мартова. 1901—1916. — Берлин, 1924. С. 79—80.

Важно заметить, что широкая программа демократических преобразований, выдвигаемых эсерами, в ряде основных положений: свобода слова, печати, совести, собраний и союзов, неприкосновенность личности была близка требованиям РСДРП. Так же, как «Искра», «Революционная Россия» была трибуной обличения самодержавия. В открывавшем первый номер газеты заявлении «От редакции» подчеркивалось:

«В двадцатый век мы вступаем при апогее царской власти. Никогда еще гнет деспотизма не ощущался так сильно, никогда издевательство над элементарными правами личности не доходило до таких неслыханных размеров. И конца этому незаконию не предвидится...

В отсутствие активности со стороны населения, в неосознанности им важности непосредственной борьбы против политического угнетения и лежит причина устойчивости самодержавного произвола. Пробудить в массе эту потребность борьбы, указать ей путь к завоеванию свободы, — вот ближайшая задача, стоящая перед тем меньшинством, которое представляет в настоящее время «Революционная Россия». Выступая с настоящим изданием, мы имеем в виду внести свою скромную лепту в трудовую работу пробуждения революционного самосознания»³.

Нельзя не отметить и явного сходства отделов в руководящих изданиях социал-демократов и эсеров. В «Искре» постоянными были отделы «Из партии», «Из нашей общественной жизни», «Из деревни», «Иностранное обозрение». В «Революционной России» — «Из партийной деятельности», «Из общественной жизни», «Что делается в крестьянстве», «Из иностранной жизни и печати». Правда, в отличие от «Искры», «Революционная Россия» значительно больше внимания уделяла крестьянскому движению.

За всю историю «Искры» и «Революционной России» между этими изданиями не прекращалась острая политическая борьба. На страницах «Искры» было опубликовано свыше 50-ти статей против эсеров, многие из которых написаны В.И. Лениным. О том, как критиковал он социалистов-революционеров, их тактику революционного террора, красноречиво свидетельствуют их названия: «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну «социал-революционерам»?», «Ре-

³ Революционная Россия. 1900. № 1, январь.

волюционный авантюризм», «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами».

Накануне, да и в годы первой российской революции, партия эсеров не переживала острых внутренних расколов, в русской же социал-демократии после второго партийного съезда борьба между большевиками и меньшевиками все более обострялась. К 1905 г. эти два течения уже оформились в самостоятельные фракции, имевшие свои руководящие центры, органы печати, местные организации. Меньшевики продолжали издавать «Искру», на страницах которой непрестанно полемизировали с большевиками, издававшими в 1905 г. газеты «Вперед» и «Пролетарий». Следует особо заметить, что уже в ходе этой полемики, Г.В. Плеханов разъяснял в «Искре» всю опасность насаждения большевиками антидемократических, диктаторских методов руководства в партии. Наиболее убедительно это выражено в его статье «Централизм или бонапартизм? (Новая попытка образумить лягушек, просящих себе царя)». «Если бы честолубцы, — пророчески писал в ней Г.В. Плеханов, — захотели бы сделать из партии пьедестал для своего личного тщеславия, если бы наша партия в самом деле наградила себя такой организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов: в ней остались бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да «Центральный Журавль», беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой»⁴.

И все-таки несмотря на острые обоюдные полемические выпады во второй половине 1905 г. позиции большевиков и меньшевиков значительно сблизились, особенно в первых легальных изданиях — большевистской газете «Новая жизнь» и меньшевистской «Начало».

В редакции «Новой жизни», как и во всех руководящих большевистских изданиях периода первой российской революции, были В.И. Ленин, В.В. Воровский, А.В. Луначарский, М.С. Ольминский. Активно сотрудничал А.М. Горький, публиковались поэт Н. Минский (Н.М. Виленкин) — официальный редактор, подписывавший газету, Н.А. Тэффи. Именно в этой газете появилась программная для большевистской и советской печати статья В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». «Начало» издавалось под руководством Л. Мартова, Ф.И. Дана, Л.Д. Троцкого, А.Л. Гельфанда (Парвуса), участника российского и германского социал-демократического движения.

⁴ Искра. 1904. № 65.

Дан (Федор Ильич Гурвич) — самый видный (после Мартова) лидер меньшевиков был одним из редакторов не только газеты «Начало», но и таких ведущих меньшевистских изданий, как «Голос социал-демократа», «Наша заря», «Луч», «Новая рабочая газета» и других печатных органов.

Самыми активными публицистами в редакции «Начало» являлись Троцкий и Парвус. Их статьи придали газете в значительной мере пробольшевистский характер. Признание исключительной роли пролетариата, возможность ускорения революционного процесса во имя быстрее революции в Европе, как единственной гарантии революционного будущего России, — эти положения перманентной революции были близки и взглядам большевиков. В статьях Л. Троцкого «Социал-демократия и революция», «Революция — творец», «Нужно строить партию» последовательно проводилась мысль, что революция, во главе которой идет пролетариат, «разрубит узел мировой реакции».

Сближение газет «Новой жизни» и «Начало» было таким, что вынашивался план их немедленного слияния на началах равенства. И хотя осуществить этот замысел не удалось, но все-таки после закрытия «Новой жизни» и «Начала» большевикам и меньшевикам удалось выпустить совместно три номера ежедневной легальной социал-демократической газеты «Северный голос», а после ее закрытия продолжить это издание под названием «Наш голос», единственный номер которого увидел свет 28/31 декабря 1905 г.

После поражения первой российской революции социалистические партии переживали тяжелый организационный и идейно-политический кризис, что не могло не отразиться на состоянии их печати. Выступившие с позиций ликвидаторства лидеры меньшевиков Л. Мартов, Ф. Дан, А. Мартынов с февраля 1908 г. приступили к изданию журнала «Голос социал-демократа». Большевики, боровшиеся в это время за укрепление подполья, издавали газету «Пролетарий», Г.В. Плеханов — неперидический орган «Дневник социал-демократа», Л. Троцкий издавал в Вене газету «Правда». Центральным органом РСДРП была газета «Социал-демократ» (1908—1917 гг.), в состав редакции которого до конца 1911 г. входили и большевики, и меньшевики. Однако в связи с тем, что газета проводила сугубо большевистские взгляды, Л. Мартов и Ф. Дан, а также поддерживавший меньшевиков представитель польской социал-демократии В.Л. Ледер вышли из состава редакции, которая с 1912 г. стала полностью большевистской.

НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

Русская социалдемократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии

ческой мысли от передовых представителей трудящихся классов гораздо больше, чем в других странах, и что при такой оторванности русское революционное движение осуждено на беззвездие. Отсюда сама собою вытекает та

...есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера, Петра Августова: поднимется туземная рука знаменитого рабочего анда, и вечно достояние, огроменное социальное

EN AVANT

Российская
Социал-демократическая
Рабочая Партия

В ПЕРЕДЪ

Пролетаріи всѣхъ странъ
соединяйтесь!

N° 1

ЖЕНЕВА. 4 ЯНВАРЬ (22 ДЕКАБРЯ)

1905.

Самодержав

Россия переживает
движения. Современное
подобного теперешнему
газеты громят
представителей народа
настойчиво заявляют о
форм. Всевозможные со
инженеров, сельских хо
и пр. выносят резолюци
мализируется за констит

ЖЕНЕРА. 27 (14) мая 1905 года.

№ 1

LE PROLÉTAIRE

Пролетарій

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

Пролетаріи всѣхъ с
СОЗНАВАЮТСЯ!

ОД ПЕРВЫЙ.

№ 1
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ
персональной и доставкою:
Въ России
г. Наим. Наим. Наим. Наим.
г. 4р.50к. 3р.75к. 1р.50к. 80к.
За границей
г. Наим. Наим. Наим. Наим.
г. 6р. 3р. — к. — к.
Итальный номер стоит 3 коп.
ДАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ: за
каждую посылку по 1 рубли
текста 50 коп. Незаданная
20 коп. За объявление на
сложнейшемъ трудѣ по 20 коп.
Плата за перемену адр.
1.25 копеек.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

С.-ПЕТЕРБУРГ.

ЧЕТВЕРГ, 27 ОКТЯБРЯ

Вызвать свидетеля, прочесть доклад
докладывающего.

КОМТОРА (Неланд, 60) от
крест для подлинности и при-
общения. Он будет от 10
до 5 по понедельникам от 12 до 2.

РЕДАКЦИЯ (Неланд, 60) от
крест для личного пользования
и от 10 до 5 по понедельникам от 12 до 2.

Рукописи, доставленные без обозначения страниц, оплачиваются в случае вычитания

[illegible]

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
500 FIFTH AVENUE, NEW YORK, N. Y. 10017

ПАРИЖЪ. Среда 28/10 Феврала 1909 г.

№ 2.

РОССИЙСКАЯ СОЦ. ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЪДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

Социал-демократические и большевистские центральные газеты

Подвергая самой острой критике и большевиков, и меньшевиков, неустанно призывая их «направить свои силы не на борьбу друг с другом, а на борьбу с общим врагом», Г.В. Плеханов в годы реакции сначала сблизился с меньшевиками, принимал участие в создании их журнала «Голос социал-демократа», но уже в 1909 г. вместе с В.И. Лениным со страниц центрального органа РСДРП газеты «Социал-демократ» повел настойчивую борьбу за укрепление подполья, осудив идею открытого существования партии при Столыпине.

Свою деятельность вместе с В.И. Лениным Г.В. Плеханов продолжил и в «Правде», на страницах которой успешно повел полемику с лидерами меньшевиков. В 1913 г. в цикле статей под общим названием «Под градом пуль» он подверг сокрушающей критике А.Н. Потресова, В.И. Засулич, В. Ежова (С.О. Цедербаума), В. Левицкого (В.О. Цедербаума), Е. Маевского и других меньшевистских лидеров, выступавших в газете «Луч». Против ликвидаторов он выступал также в «Рабочей газете», журнале «Мысль» и других большевистских изданиях. Это было последнее сближение основоположника русской социал-демократии с Лениным. В годы Первой мировой войны их пути разошлись окончательно.

После первой российской революции в тяжелом кризисе находилась и пресса эсеров в связи со скандальным разоблачением Евно Азефа как агента царской охранки.

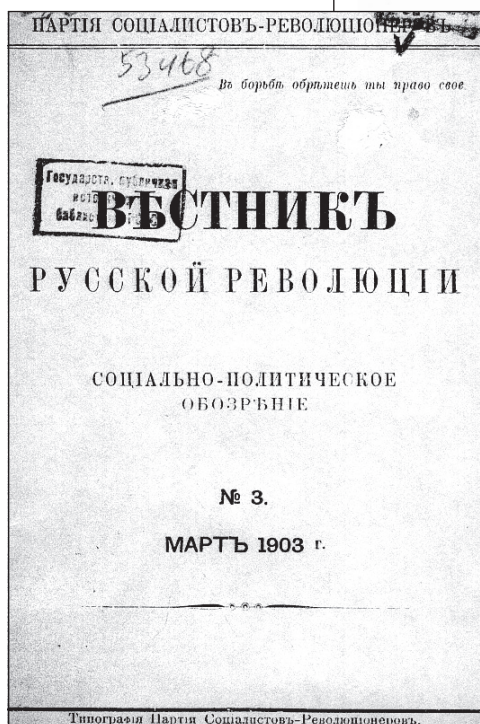
Азеф (Евно Фишелевич, 1869—1918 гг.), совершивший ряд крупных террористических актов (убийство в 1904 г. министра внутренних дел В.К. Плеве, в 1905 г. — великого князя Сергея Александровича), в 1908 г. был изобличен как провокатор, завербованный царской охранкой еще в 1893 году. В печати появилось немало гневных выступлений в адрес эсеров. В журнале «Голос социал-демократа» Ф. Дан в статье «Религия террора» писал: «Азеф был для партии эсеров больше, чем вождем. Он занимал в партии единственное в своем роде место и в этом отношении не знал себе равных... С провалом Азефа террор, как тактика революционного процесса, осужден, он играет прямо контрреволюционную и потому реакционную роль. Отделить террор от революции и противопоставить мнимореволюционному заговорществу действительно революционное массовое движение — обязанность всякого социал-демократа»⁵. И все-таки эсеры укрепляли свою прессу: с апреля 1907 по апрель 1914 г. их центральным органом являлась газета «Знамя труда», а в 1912—1914 гг. они издавали еще журнал «Заветы» и газету «Трудовой голос».

Социалистическая журналистика не шла ни в какое сравнение по своему количественному измерению с либеральной и монархической периодикой царской России. «На сто либеральных газет, — отмечал в 1912 г. В.И. Ленин, — в России едва ли придется одна марксистская»⁶. Но и эти сравнительно немногочис-

⁵ Голос социал-демократа. 1909. № 13.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 22. С. 64.

ЗАВѢТЫ

№ 1

**Центральные
журналы эсеров**

ленные издания подвергались постоянному гонению со стороны властей: то и дело закрывались и вынуждены были выходить под другими названиями. Многократно меняла названия в 1913—1914 гг. эсеровская газета «Трудовой голос»: «Живая мысль», «Заветная мысль», «Вольная мысль», «Северная мысль», «Смелая мысль», «Верная мысль», «Стойкая мысль», «Живая мысль труда». Восемь раз пришлось менять свое название и большевистской «Правде».

Только после падения самодержавия, да и то лишь в течение нескольких месяцев, социалистическим партиям предоставилась возможность полностью легализовать свою деятельность благодаря принятому Временным правительством постановлению «О печати», провозгласившему беспрепятственный выпуск,

распространение и торговлю печатными изданиями независимо от политической направленности.

В 1917 г., в условиях буржуазно-демократического государства, социалистическая пресса получила небывалое до сего времени развитие. Партия эсеров издавала ежедневную руководящую политическую газету «Дело народа», правые эсеры — газету «Воля народа», левые — газету «Знамя труда». Около 60 газет в центре и на местах имели меньшевики, центральным органом которых стала «Рабочая газета». Сторонники Мартова, левое крыло меньшевиков, лишь в сентябре наладили издание своей газеты «Искра», активно выступая до этого в «Новой жизни» М. Горького. Правые меньшевики во главе с Г.В. Плехановым выпускали газету «Единство» (с декабря 1917 г. «Наше единство»). Еще больше было изданий большевиков, возобновивших 5 марта 1917 г. газету «Правда», созданную еще в мае 1912 г. и ставшую в 1917 г. центральным органом РСДРП(б), затем в 1918 г. — центральным органом ЦК и МК ВКП(б), а с октября 1952 до 1991 г. — центральным органом Коммунистической партии Советского Союза (КПСС).

В начале XX века и в первые годы Советской власти значительной была издательская деятельность анархистов. В 1905—1907 гг. в анархизме определились три обособленные направления: анархисты-коммунисты, анархисты-синдикалисты и анархисты-индивидуалисты. В годы первой российской революции в 58 губерниях и областях насчитывалось свыше 250 организаций анархистов (особенно много их было в Белостоке, Екатеринославе, Одессе). Накануне Октябрьской революции организации анархистов действовали в 40 городах страны. Вплоть до 1920 г. анархисты имели возможность издавать свои газеты и журналы. Первым изданием анархистов явилась газета «Хлеб и воля» — центральный орган анархистов-коммунистов, выходившая в 1903—1905 гг. в Женеве. В названии газеты отразилось главное ее содержание: обездоленным — хлеб, угнетенным — воля. Редакция активно пропагандировала идеи П.А. Кропоткина, по мнению которого социальная революция должна принести немедленное уничтожение государства, писаных законов и частной собственности не только на орудия производства, но и на предметы потребления.

Из анархистских изданий, выходивших после Октябрьской революции, наибольшую известность получили газеты «Анар-

хия», «Буревестник», «Труд и воля» и «Вольная жизнь», существовавшая до 1922 г.

Установление в России большевистской диктатуры привело к ликвидации многопартийной печати. Лишь спустя многие десятилетия на рубеже второго и третьего тысячелетий стало возможным возрождение многопартийной отечественной журналистики.

В истории отечественных средств массовой информации 1917—2000 гг. можно выделить такие периоды, как многопартийная печать после падения самодержавия в условиях буржуазно-демократического государства (февраль — октябрь 1917 г.), отечественная журналистика советского периода (октябрь 1917—1991 гг.), средства массовой информации Российской Федерации (1991—2000 гг.).

По истории отечественной журналистики имеется немало фундаментальных научных трудов, в числе которых можно прежде всего назвать книги: А.Ф. Бережной: «История партийно-советской печати. Дооктябрьский период» (М., 1987 г.); «Большевистская печать. Краткие очерки истории. 1894—1917 гг.» (М., 1962 г.); «Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма» (М., 1966 г.); «Основы радиожурналистики» (М., 1984 г.); «Многонациональная советская журналистика» (М., 1975 г.); А.З. Огороков «Октябрь и крах русской буржуазной прессы» (М., 1970); П. Гуревич, В. Ружников «Советское радиовещание» (М., 1974); А.Я. Юровский «Телевидение — поиски и решения» (М., 1983) и некоторые другие, содержащие богатый фактический материал, но написанные авторами, не имевшими возможности изучать хранившиеся в спецхранах необходимые им источники, а главное — они не могли не следовать партийным указаниям, согласно которым замалчивалось все, что не способствовало возвеличению политики партии и ее вождей.

В результате грубого насилия над научной мыслью у нас до недавнего времени не изучались газеты и журналы белого движения, русского зарубежья, были преданы забвению такие выдающиеся публицисты как Н. Бердяев, И. Бунин, Л. Мартов, П. Милюков, Л. Сосновский, Н. Тэффи, В. Чернов и многие другие.

Хотя восстановление подлинной истории отечественных средств массовой информации только началось, появились уже

учебники, учебные пособия, монографии, являющиеся важным шагом в этом направлении. В 1994 г. издан учебник «Телевизионная журналистика» (редакционная коллегия Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский), переизданный с необходимыми дополнениями в 1998 г. В 2000 г. под редакцией А. Шереля вышел учебник «Радиожурналистика». В 1996 г. выпущено учебное пособие «История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 — начало 90-х годов)» Р.П. Овсепяна, также переизданное в 1999 г. В 1998 г. увидели свет учебные пособия Г.В. Жиркова: «Между двух войн. Журналистика русского зарубежья (1920—1940 гг.)», «История цензуры в России XIX—XX вв.» (М., 2001). Заслуживают внимания книги Б.И. Варецкого «Шелест страниц, как шелест знамен. Пресса России в трех политических режимах». (М., 2001), Г.Н. Вачнадзе «Секреты прессы при Горбачеве и Ельцине» (М., 1992), А.А. Грабельникова «Русская журналистика на рубеже тысячелетий», И.И. Засурского «Масс-медиа второй республики (М., 1999), Е.А. Корнилова «Журналистика на рубеже тысячелетий» (Ростов-на-Дону, 1999), Д.Л. Стровского «История отечественной журналистики новейшего периода (Екатеринбург, 1998).

В связи с тем, что до сих пор по истории отечественной журналистики 1917—2000 гг. не издано полной хрестоматии, в настоящем учебном пособии наряду с краткими историческими очерками по истории СМИ даны в соответствии с учебной программой необходимые документы и публицистические произведения, что окажет существенную помощь студентам в изучении одной из важнейших дисциплин по подготовке журналистских кадров.

Г л а в а I

**ЖУРНАЛИСТИКА РОССИИ
В УСЛОВИЯХ
БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

[февраль — октябрь 1917 г.]

Начало 1917 г. в России ознаменовалось бурным развитием революционных событий. Народ проявлял все большее недовольство затянувшейся войной. Нараставшее революционное настроение масс 23 февраля (8 марта) вылилось в Петрограде в крупные беспорядки. 27 февраля самодержавие было низвергнуто. Накануне, 26 февраля, появился Высочайший указ Правительства о роспуске Государственной думы с назначением срока ее созыва не позднее апреля 1917 г. Однако в связи с чрезвычайными обстоятельствами Совет старейшин Государственной думы принял решение не расходиться и всем «оставаться на местах». 27 февраля был образован «Временный комитет» распущенной накануне Государственной думы во главе с ее председателем октябристом М.В. Родзянко. В тот же день, 27 февраля был создан Временный исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих депутатов. Главой Исполкома стал лидер социал-демократической фракции Думы меньшевик Н. Чхеидзе, а его заместителями — трудовик А.Ф. Керенский и меньшевик М.И. Скобелев. От большевиков в Исполком вошли А. Шляпников и П. Залуцкий.

В ночь с 1-го на 2 марта Временный Комитет Государственной думы приступил к формированию Временного правительства, в состав которого вошли шесть кадетов, остальные октябристы и близкие к ним деятели. Возглавил правительство близкий к кадетам князь Г.Е. Львов. Министром иностранных дел стал кадет П.Н. Милюков, военным министром А.И. Гучков, министром юстиции единственный, вошедший от социалистов в состав правительства, А.Ф. Керенский.

В результате соглашения, достигнутого между Исполкомом Совета и думским Временным комитетом, в стране стали функционировать два политических центра: Петроградский Совет (с конца июня 1917 г. Всероссийский Совет и его ВЦИК) и Временное правительство. Долго двоевластие продолжаться не могло: вся полнота власти должна была оказаться либо в руках Совета, либо Временного правительства.

ПРЕССА В УСЛОВИЯХ ДВОЕВЛАСТИЯ

Две власти, переплетение двух диктатур — такого развития событий никто не ожидал. Соответственно и журналистика с первых же дней падения самодержавия прежде всего характеризовалась буржуазной и социалистической направленностью. Хотя после Февральской революции близкие самодержавию газеты, такие как «Русское знамя», «Земщина» и другие были закрыты, буржуазных (особенно кадетских) изданий было во много раз больше, чем эсеровских, меньшевистских и большевистских газет и журналов, да и по своему объему они значительно превосходили социалистические печатные органы.

Из буржуазных изданий наиболее крупный тираж имели «Русское слово» (свыше 1 млн экз.), «Биржевые ведомости» (120 тыс. экз.), «Петербургский листок» (80 тыс.), «Новое время» (60 тыс.), «Раннее утро» (60 тыс.), Русские ведомости» (50 тыс.), центральный орган кадетов газета «Речь» (40 тыс. экз.). В то же время общий тираж всех большевистских газет в июле 1917 года составлял всего 320 тыс. экз. Ничтожными тиражами выпускались издания меньшевиков и эсеров: центральный орган меньшевиков «Рабочая газета» выходила в количестве 10—12 тыс. экз., а тиражи местных социалистических газет были совсем мизерными: «Бакинский рабочий», например, имел 4 тыс. экз.

Перестройка печати после падения царизма началась с преобразования официальных органов самодержавия — «Правительственного вестника», ставшего с 5(18) марта «Вестником Временного правительства» и «Сельского вестника», преобразованного 21 апреля (4 мая) 1917 г. в «Народную газету».

Номер первый «Вестника Временного правительства» открывался «Актом об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича», подписанным в Пскове 2 марта 1917 г. В этом же номере был помещен «Акт об отказе Михаила Александровича от принятия верховной власти и признании им всей полноты власти за Временным правительством». В номере находим также подробный обзор событий с 27 февраля по 4 марта в Петрограде, которые привели к образованию новой правительственной власти. Подробно сообщалось также о событиях в связи с падением самодержавия в Москве и крупных губернских городах.

О характере «Вестника Временного правительства» дают представление его постоянные рубрики: «Постановления Временного правительства», «Административные известия», «Война», «По России». Всем своим содержанием «Вестник» свидетельствовал, что Временное правительство намерено продолжать прежний курс царизма, особенно во внешней политике. 8(21) марта в газете были помещены обращения к гражданам России, жителям деревни, к офицерам и солдатам. В каждом из этих обращений особо подчеркивалось, что «к свободе и счастью России путь один — победа». Напрячь все силы для спасения долгожданной свободы, которая, наконец, пришла к нам, призывал со страниц «Вестника» В.Г. Короленко. 14(27) марта в газете появилась его статья «Отечество в опасности». С запада, читаем в ней, идет туча, какая когда-то надвигалась на Русь с востока. Для отражения этой опасности Россия должна стать у своего порога с удвоенной, с утроенной энергией. Перед этой грозой, призывает автор статьи, «забудем распри, отложим споры о будущем. Задача ближайшего дня — отразить нашествие, охранить Родину и ее свободу».

Цели войны при новом правительстве провозглашались старые. Истощенная, измученная страна задыхалась под тяжким бременем войны: на полях сражений Россия потеряла три миллиона своих граждан, столько же, сколько ее союзники Англия, Франция, Италия, США вместе взятые. Но несмотря на это Временное правительство в своем официальном издании упорно провозглашало лозунг: «Война до победного конца!».

На неизменности внешнеполитического курса России всячески настаивали кадеты. Занявший во Временном правительстве пост министра иностранных дел их лидер П.Н. Милюков в апреле 1917 г. в официальной ноте союзникам подтвердил верность царским договорам, что привело к первому кризису Временного правительства, вынудило Милюкова уйти в отставку. Возглавляя вместе с И.В. Гессеном редакцию центрального органа кадетов газеты «Речь», Милюков последовательно проводил политику территориальных притязаний царского правительства: захвата Галиции, польских районов Австрии и Германии, турецкой Армении, а главное Константинополя, проливов Босфор и Дарданеллы. В первом же номере газеты «Речь», вышедшем после падения самодержавия 7(20) марта, в статье «Пер-

вые шаги Временного правительства» утверждалось: «Страна должна была освободить себя для того, чтобы успешно закончить свою борьбу с внешним врагом». Призывы довести войну до победного конца звучали со страниц газеты «Речь» столь настойчиво, что к ее редактору прочно прилипла кличка «Милюков-Дарданелльский».

После падения самодержавия «Речь» мало в чем изменилась. По-прежнему ее первая полоса целиком отводилась под рекламу, приносившую центральному кадетскому органу немалые доходы. Из постоянных снова в газете были отделы «Известия за день», «По России», «Печать». «Известия за день» в основном содержали краткие сводки с фронтов, в том числе, о действиях английской и французской армий, в подборках «По России» особо отмечалось, что вся страна «горячо примкнула к новому порядку». В заметках, печатавшихся в разделе «Печать», звучали похвалы в адрес буржуазных изданий, в адрес же социалистических, особенно большевистских газет и журналов все более гневной становилась критика их позиций, особенно по отношению к войне. Так, в номере за 16 марта читаем: «С большим достоинством и серьезностью освещает современные события газета «День». В частности, г-н Заславский в ряде блестящих статей ведет борьбу с крайностями пресловутой «Правды». Пресловутой, по мнению кадетов, являлась и газета московских большевиков «Социал-демократ». В Москве, — пишет «Речь», — есть своя «Правда». Там эта «Правда» называется «Социал-демократ». Совету рабочих и солдатских депутатов нужно обратить на нее самое серьезное внимание». В следующем номере, за 23 марта, в ежедневном газетном обозрении «Речь» подчеркивает: «Все социалистические газеты настойчиво зовут к организации и предостерегают против дезорганизационной поспешности. Этому призыву, в частности, изменяет «Правда» с ее демагогией. Подобные заявления буквально не сходят со страниц центрального органа кадетов. В большевистских изданиях нередко отмечалось, что своими нападками на «Правду» «Речь» едва ли не превосходит самой «Русской воли», основанной в годы Первой мировой войны последним царским министром внутренних дел крупным фабрикантом А.Д. Протопоповым и закрытой в 1917 г. Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов за погромную антибольшевистскую агитацию.

В трехтомнике «История второй русской революции» П.Н. Милюков, анализируя события от Февраля к Октябрю 1917 г, заключает: «Массы принимали от революции то, что соответствовало их желаниям, но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного сопротивления, как только начинали подозревать, что события клонятся не в сторону их интересов»¹. Именно это и происходило в отношении кадетов в 1917 г: массы все больше убеждались в несоответствии их интересам политики кадетов, а после выступления и разгрома Корнилова стали питать к ним открытую вражду. Народу были ближе программы социалистических партий: эсеров, меньшевиков, большевиков. С развитием революционных событий влияние последних на массы все больше усиливалось.

Из социалистических самой многочисленной в 1917 г. была партия эсеров, насчитывавшая в своих рядах свыше 500 тысяч. Руководящим органом эсеров стала ежедневная политическая и литературная газета «Дело народа», выходившая с 15(28) марта как газета Петроградского, а с 1(14) июля как орган ЦК эсеровской партии. Редакцию «Дела народа» возглавляли В.М. Чернов, А.Р. Гоц, В.М. Зензинов. В газете участвовал А.Ф. Керенский. Как и все эсеровские издания, «Дело народа» выходило под девизом: «В борьбе обрешь ты право свое!» Главными в газете были разделы «Из жизни партии эсеров», «В Совете рабочих и солдатских депутатов», «Рабочая жизнь», «Война», «Телеграммы», «Хроника». Ведущим публицистом являлся В.М. Чернов. В газете была даже специальная рубрика «Приветствия В.М. Чернову», как и в меньшевистском «Единстве — «Приветствия Г.В. Плеханову». Выступления В.М. Чернова определяли основную политическую позицию центрального органа эсеров, являвшуюся непримиримой, прежде всего, к большевикам. Редакция призывала не следовать за теми, кто «очертя голову зовут к розни, развалу, дезорганизации», кто «играет в руку контрреволюции». «Игра с огнем» — так была озаглавлена статья В. Чернова в номере за 11 июня 1917 г. «Работа большевиков, — читаем в ней, — подготавливает только почву для анархизма, под влиянием ударившего в голову революционного хмеля большевики слу-

¹ Милюков П.Н. Очерки второй русской революции. — Киев. 1918. — Вып. 1. С. 5—6.

жение массам заменили прислуживанием им. Они разучились говорить прямо в глаза правду, — когда нужно, даже горькую правду», «На всех парах ленинский большевизм помчался ...куда? К политическому самоубийству». Столь же резкая критика звучит в статье «Анархистующий бланкизм», появившаяся в «Деле народа» 13 июня. «Невероятно, но факт, — пишет в ней В. Чернов, — вся история с демонстрацией-выкидышем 10-го июня может быть резюмирована в немногих словах: большевизм на подмогу анархизму». И далее: «Конечно, когда большевизм идет на поводу у анархизма, невольно приходится помнить слова «не ведают бо, что творят». И во многих других выступлениях В. Чернова неизменно проводится мысль, что политика большевиков «ультрафракционна, проникнута упрямым групповым эгоизмом и чувством безответственности», что она «обречена на бесплодие, на голое отрицание, на разрушение».

С апреля 1917 г. начала издаваться другая столичная газета эсеров, ее правого крыла, «Воля народа». В числе сотрудников были Е. Брешко-Брешковская, В. Миролюбов, Б. Савинков. Партия левых эсеров, образовавшаяся в ноябре 1917 г., издавала «Знамя труда». Газета выходила под редакцией М.А. Спиридоновой, Г.Д. Камкова и др. Кроме столичных, эсеры имели довольно разветвленную сеть изданий в Москве (газеты «Труд», «Земля и воля», «Народное слово», «Власть труда», «Знамя труда», «Социалист-революционер», «Солдат-гражданин»), в Киеве — «Воля народа», в Баку — «Знамя труда», под таким же названием выходили газеты в Тифлисе, Владивостоке, в ряде городов издавались газеты под названием «Социалист-революционер».

Широкую издательскую деятельность в марте-апреле развернули меньшевики: в центре и на местах они выпускали около 60-ти газет и журналов. С марта стала выходить «Рабочая газета», ставшая впоследствии центральным органом меньшевиков, рупором их видных лидеров — Ф. Дана, В. Засулич, Ю. Ларина, А. Потресова, И. Церетели, Н. Череванина. «Рабочая газета» одной из первых начала полемику с ленинскими апрельскими тезисами. Уже 6 апреля она поместила статью «Опасность левого фланга», 9 апреля в газете появилась редакционная статья «Возрождение анархизма и максимализма», а 11 апреля на ее страницах выступил известный меньшевистский публицист Н. Черева-

нин с большой статьей «Чего добивается Ленин». Во всех этих выступлениях говорилось о невозможности социалистической революции в стране, где пролетариат не составляет большинства населения.

Левое крыло меньшевиков представляли сторонники Л. Мартова, объединенные интернационалисты. Известие о Февральской революции было для Мартова такой же неожиданностью, как и для большинства других эмигрантов. Жизнь, по его словам, стала с этого момента проходить «от газеты к газете», «в ловле новостей из России». В мае он вернулся в Петроград. Мартова сильно встревожила стремительно нарастающая радикализация масс и близорукая политика большинства Петроградского Совета, направленная на прямую поддержку Временного правительства. Он всячески стремился не допустить острого столкновения между Советом и большевиками, понимая, что за ними стоят большие массы питерских рабочих. Ленин и Троцкий, пояснял Мартов в своих выступлениях на страницах газеты «Новая жизнь», выходящей в Петрограде с апреля под редакцией М. Горького, Н. Гиммера (Н. Суханова), В. Десницкого (Строева), заняли «совсем сумасшедшую позицию», «разнуздывают все стихийные движения», обещают массам «чудо от захвата власти», поэтому «договориться с ними явно невозможно». У Мартова не было, как у правых меньшевиков убеждения, что только буржуазия должна идти во главе революции. Однако он критиковал и большевистский лозунг перехода власти к Советам, считая недопустимым «преждевременный рывок пролетариата к власти».

Правая группировка меньшевиков во главе с Г.В. Плехановым издавала газету «Единство» (с декабря 1917 г. «Наше единство»). До возвращения Плеханова в Россию газету редактировал Н.И. Иорданский. Кроме него в редакцию входили Г.А. Алексинский, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич, Н.В. Васильев. Номер первый «Единства», увидевший свет 29 марта, открывался статьей «Революция и пролетариат», в которой была четко выражена политическая линия газеты. «Русская революция, — отмечалось в ней, — родилась и развивается в обстановке исключительной. 32 месяца мировой пожар пожирает Землю, все расширяя сферу своего действия... Серьезность момента — не исчезнувшая еще опасность контрреволюции и грозная внешняя опасность — не терпит никакого двоевластия: последнее чревато гибельными по-

***Киоск «Правды» на Дворцовой площади
в Петрограде в 1917 г.***

следствиями. Совет Рабочих Депутатов должен искренне и всемерно поддержать Временное правительство, пока оно честно делает необходимое реформатское дело и пока оно твердо держит в своих руках знамя Учредительного собрания». Уже в первом номере в «Письме в редакцию» Евгения Чирикова подвергались резкой критике «фантазеры из газеты «Правда». В последующих номерах, особенно когда редакцию возглавил Г.В. Плеханов, критика правдистов усиливается, в статьях Плеханова можно встретить даже такие утверждения: «Контрреволюция проникает к нам преимущественно через ленинские ворота» и соответственно призывы: «направить главные революционные усилия именно в сторону этих ворот».

Самую активную издательскую деятельность в первые же месяцы после Февральской революции развернули большевики. Это стало возможным благодаря тому, что в феврале-июне, как отмечал В.И. Ленин, Россия управлялась как свободная страна

«посредством открытой борьбы свободно формирующихся партий и свободного соглашения между ними»². Открывшиеся возможности для легальной издательской деятельности всех партий были законодательно закреплены постановлением «О печати», принятым Временным правительством 27 апреля 1917 г. Постановление провозгласило беспрепятственный выпуск, распространение и торговлю печатными изданиями всех политических направлений.

Издательская деятельность большевиков началась с возрождения «Правды». 2 марта Русское бюро ЦК приняло решение о ее возобновлении, а 5 марта вышел первый номер центрального органа большевиков. В статье, открывавшей первый номер центрального большевистского издания «Газета «Правда». Июль 1914 — март 1917 года», отмечалось: «Газета была задущена за неделю до войны, 8 июля закрыта «Правда» — 14 июля объявлена война. Во время войны мрачный террор давил все живое в стране. Но не замирала рабочая мысль. Идея создания рабочей прессы пробивалась в резолюциях, в отдельных попытках. Нужны были только условия, чтобы ее восстановить. Революция создала эти условия».

До приезда в Россию В.И. Ленина в редакцию газеты входили К.С. Еремеев, М.И. Калинин, В.М. Молотов, М.К. Муранов, М.С. Ольминский, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев. Одним из ведущих публицистов, в выступлениях которого и проявилась политическая линия газеты первых мартовских дней, был М.С. Ольминский. Уже во втором номере, вышедшем 7 (20) марта, в статье «Настороже» он писал: «Временное правительство сходно со старым правительством в том, что оно — правительство капиталистов и помещиков... Оно стоит не за революцию, а против революции... Члены правительства, кроме Керенского, все монархисты. Нужно идти против них, требуя республики. Временное правительство хочет захвата чужих стран, порабощения других народов. А мы говорим, что каждый народ должен сам свободно решать свою судьбу, и хотим скорее кончить войну». В последующих статьях, разъясняя, что дороги Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов неизбежно разойдутся, М.С. Ольминский призывает быть настороже, потому что нападение на демократию со стороны Временного правительства «идет быстрым шагом».

² Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 58.

Вернувшийся в середине марта из ссылки Л. Каменев выступил в «Правде» со статьями», в которых содержались совершенно иные оценки происходящих событий. 14 марта в газете появилась его первая статья под заглавием «Временное правительство и революционная социал-демократия». «Всегда и всюду, — писал Л. Каменев, — где Временное правительство, повинувшись голосу революционной демократии, представленной в Советах рабочих и солдатских депутатов, столкнется с реакцией или контрреволюцией, революционный пролетариат должен быть готов к его поддержке». Позиция Л. Каменева условной поддержки Временного правительства встретила немедленное одобрение всей буржуазной прессы. Редактируемая А. Потресовым меньшевистская газета «День» 15 марта в статье «Переворот в «Правде» констатировала: «Вышедший сегодня номер «Правды» выгодно отличается от всех предыдущих номеров. В нем нет азартной и огульной брани, нет недобросовестных выпадов против отдельных членов Временного правительства. Мало того, — особо подчеркивалось в статье, — «Правда» прямо обещает поддержку Временному правительству». «Правда» поумнела за одну ночь» — такая оценка была дана статье Л. Каменева во многих буржуазных газетах. Незамедлительно буржуазные издания перепечатали и вторую статью Каменева «Без тайной дипломатии», обнародованную 15 марта. С позиции революционного оборончества ее автор утверждал: лозунг «Долой войну!» устарел, после свершившейся революции необходимо защищать ее завоевания. «Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, — говорится в статье, — которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложно». В связи со второй статьей Каменева потресовский «День» не без оснований замечал: «Мы приближаемся очевидно, к моменту, когда возможным станет объединение двух течений российской социал-демократии, столь долгое время поевавших друг друга».

День такой, однако, не наступил, объединения не произошло. После возвращения 3 апреля 1917 г. в Петроград Ленина, вступившего в должность редактора «Правды», единомышлен-

ники А. Потресова 7 апреля в статье «Контрреволюция слева» вынуждены были признать, что «шатаниям «Правды» приходит конец». «Со вступлением в ее редакцию Ленина, — заключалось в статье, — мы имеем теперь орган, открыто и определенно берущийся защищать и проводить идеи гражданской войны».

Вслед за «Правдой» большевистские издания возникают в Москве и в других крупных городах и промышленных районах России. 7 марта начала издаваться газета «Социал-демократ» — орган московских большевиков, с того же дня стала выходить в Петрограде «Циня» («Борьба») — руководящий орган социал-демократии Латышского края, 10 марта харьковские большевики выпускают газету «Пролетарий», 11 марта в Тифлисе возобновляется выход «Кавказского рабочего», 14 марта в Киеве издается «Голос социал-демократа», 18 марта в Якутске — «Социал-демократ», а в Нарве — «Кийр» («Луч»). Возникает целая сеть военных газет «Солдатская правда» (Петроград), «Солдатская жизнь» (Екатеринослав), «Голос правды» (Кронштадт), «Окопная правда» (Рига), «Волна» (Свеаборг).

О вновь создаваемых большевистских газетах и журналах регулярно сообщалось в «Правде» и местных изданиях большевиков. И всякий раз напоминалось, что статьи, опубликованные в партийных газетах, могут свободно перепечатываться другими партийными печатными органами, что сократит литературный труд, даст лучшим статьям более широкую дорогу по всей России и внесет более единства во взгляды и настроения пролетарских масс. Следуя этому, не только местные большевистские издания перепечатывают выступления «Правды», но и «Правда», в свою очередь, помещает отдельные публикации периферийных изданий. 7 апреля «Правда» обнародовала ленинские Апрельские тезисы под заглавием «О задачах пролетариата в данной революции», которые тут же были перепечатаны газетами «Социал-демократ» (Москва), «Пролетарий» (Харьков), «Кавказский рабочий» (Тифлис), «Бакинский Рабочий», «Красноярский рабочий» и др.

Указывая на необходимость решить основной вопрос революции — вопрос о власти, Ленин писал в Тезисах: «Своеобразие текущего момента состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности организованности пролетариата, — ко второму ее

этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»³. Идеи Тезисов, определивших тактику большевиков в марте—июне 1917 г., В.И. Ленин настойчиво разъяснял в опубликованных в «Правде» статьях «Луиблиновщина», «О двоевластии», «Война и Временное правительство», в брошюрах «Задачи пролетариата в нашей революции», «Письма о тактике» и многих других работах.

Ленинские Тезисы встретили и одобрение во многих большевистских изданиях, и резкую критику со стороны буржуазных и социалистических газет, и неодобрение даже в редакции самой «Правды». 8 апреля в «Правде» появилась статья Л. Каменева «Наши разногласия», в которой он отстаивал требования контроля над действиями Временного правительства Советами, защищал оборонческие позиции в оценке войны, квалифицируя тезисы Ленина, как его «личное мнение». Не было полного единства и на местах: Кавказский комитет РСДРП/б/, например, семью голосами против четырех принял резолюцию, признавшую Тезисы неприемлемыми.

Самая непримиримая критика Тезисов развернулась на страницах буржуазных, эсеровских, меньшевистских изданий, особенно плехановской газеты «Единство». 9, 10 и 11 апреля в газете была напечатана статья Г.В. Плеханова «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас весьма интересным». Заявляя, что о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, «хоть немного усвоившие себе учение Маркса, что тезисы — это «безумная и крайне вредная попытка посеять анархическую смуту в Русской Земле», Плеханов писал: «Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нельзя звать рабочих городских и сельских и беднейшую часть крестьянства к его низвержению». Пока не поздно, призывала дать отпор Ленину и его сторонникам «Рабочая газета», считавшая, что законным преемником царизма может быть только буржуазия.

Руководимая Лениным «Правда» заняла непримиримую позицию ко всем своим оппонентам. Это проявилось не только в вопросе о власти, но и во многих других, в том числе в вопро-

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 114.

се о войне. Взяв курс на продолжение империалистической войны, Временное правительство объявило о выпуске «Займа свободы», чтобы получить средства для ее продолжения. В «Вестнике Временного правительства» целые полосы занимали набранные крупным шрифтом призывы к гражданам России: «Неужели вы забыли ту великую жертву, которую принесли на поле брани за спасение Родины и вас. Спасайте же тех, кто еще борется за честь, свободу и благо России, и дайте им средства, чтобы с честью выйти из этой великой борьбы. Подписывайтесь на «Заем свободы».

Решительную поддержку «Заем свободы» получил в кадетской газете «Речь», опубликовавшей 27 марта «Воззвание Временного правительства», гласившее: «К вам, граждане великой свободной России, и тем из вас, кому дорого будущее нашей Родины, обращаем мы горячий призыв: сильный враг глубоко вторгся в наши пределы, грозит сломить нас и вернуть страну к старому, ныне мертвому, строю. Только напряжение всех наших сил может дать нам желанную победу. Нужна затрата многих миллиардов, чтобы спасти страну и завершить строение свободной России на началах равенства и правды. Не жертвы требует от вас Родина, а исполнения долга. «Время не ждет! — призывало читателей эсеровское «Дело народа». — Торопитесь подписаться на «Заем свободы», спешите исполнить свой долг перед Родиной и свободой!». С великим удовлетворением «Заем свободы» встретили в редакции газеты «Единство». «Мы горячо приветствуем это решение, — сообщалось в передовой статье номера за 9 апреля. — Обновленная Россия должна собрать все силы и средства для отпора реакционной армии Вильгельма».

Только большевистская пресса выступила с решительным протестом против Займа. В московском «Социал-демократе» 15 апреля кроме передовой статьи «Заем свободы и рабочий класс» была опубликована статья Д. Боголепова «Хитрая механика («О займе свободы») и подборка сатирических стихов Д. Бедного под общим заглавием: «Заем. (Посвящается всем социалистам оборонцам)». Приведя опубликованное в печати сообщение о том, что Временному правительству подано заявление от бывшего царя и его семьи о желании подписаться на Заем свободы, поэт писал:

Как бы, братцы, ни было, —
К оборонцам прибыло:
Царь с царицею вдвоем
Подписались на заем!..

Для поддержки чьей свободы
Царь пустился на расходы?

В дни объявленной кампании по подписке на «Заем свободы», 18 апреля министр иностранных дел П.Н. Милюков направил ноту союзным державам о верности Временного правительства царским обязательствам и готовности продолжать борьбу до победного конца. В «Правде» незамедлительно появились ленинские статьи «Нота Временного правительства», «Один из коренных вопросов (Как рассуждают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии)», «С иконами против пушек, с фразами против капитала». Резкая критика в адрес Милюкова появилась не только в «Правде». «Негодование, вызванное нотой Милюкова было общее»⁴, свидетельствует один из меньшевистских лидеров, министр Временного правительства И. Церетели. 21 апреля в Петрограде состоялась массовая демонстрация под лозунгами: «Опубликовать тайные договоры», «Долой войну!», «Вся власть Советам!». В демонстрации приняли участие около 100 тыс. человек. Митинги и демонстрации состоялись также в Москве, Киеве, Царицыне и других городах. Милюкову пришлось уйти в отставку, а Временное правительство, чтобы удержаться у власти, решило ввести в свой состав меньшевиков и эсеров. Так 5 мая было образовано первое коалиционное Временное правительство, в котором от меньшевиков представлял Скобелев, от эсеров — Чернов и ранее входивший Керенский.

Считая коалиционную политику ошибкой, «буржуазным пленением Совета», большевики все настойчивее вели пропаганду за завоевание большинства в Советах и передачу им всей полноты власти. Хотя соотношение сил в это время было явно не в пользу большевиков, что с очевидностью подтвердил I Всероссийский съезд Советов, проходивший с 3 по 24 июня в Петрограде, на котором из 1090 делегатов было всего 105 представителей от большевиков, мощные демонстрации в Петрограде и других городах проходили при подавляющем большинстве сто-

⁴ *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции // От первого лица. — М., 1992. С. 77.

ронников «Правды», под большевистскими лозунгами. Особенно убедительно это проявилось 18 июня, когда вопреки призывам плехановского «Единства» — объединяться вокруг Временного правительства и эсеровского «Дела народа» — не верить тем, кто провоцирует массы на демонстрацию и гибель революции, состоявшаяся в Петрограде демонстрация, как сообщала далеко не симпатизировавшая большевикам «Новая жизнь», «обнаружила полное торжество большевизма в среде петроградского пролетариата и гарнизона».

После июньской демонстрации политическое положение в стране продолжало резко обостряться, назревало вооруженное выступление. 4 июля более 500 тыс. рабочих и солдат вышло на улицы Петрограда с лозунгами: «Хлеба, мира, свободы», «Долой министров-капиталистов!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!». В ряде районов по демонстрантам был открыт огонь, 5 июля подверглось разгрому помещение «Правды», 7 июля был отдан приказ об аресте Ленина.

Двоевластие закончилось, закончился мирный период развития революции, а вместе с ним и период свободы печати.

ЖУРНАЛИСТИКА ПОСЛЕ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЙ

Учинив расстрел демонстрантов в Петрограде, Временное правительство перешло в решительное наступление на большевиков. Вслед за разгромом редакции «Правды» последовал разгром и ее типографии, в которой половинным форматом газеты едва успели отпечатать «Листок «Правды». В «Листке», вышедшем 6 июля, были опубликованы статьи В.И. Ленина «Где власть и где контрреволюция», «Злословие и факты», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Близко к сути», «Новое дело Дрейфуса». Ленин опровергал распространившиеся в прессе утверждения, что большевики 3—5 июля хотели силой овладеть городом, посягали на власть Советов. Но несмотря на это, враждебность к большевикам возрастала, что проявилось и в отношении к «Листку «Правды». Казачьи разъезды и патрули преследовали его распространителей. На Шпалерной улице был убит один из них — рабкор «Правды» И.А. Воинов.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСТОКЪ ПРАВДЫ.

Не нѣтъ возможности выпустить сегодня очередной номеръ „ПРАВ
ДЫ“, мы выпускаемъ „ЛИСТОНЪ ПРАВДЫ“!
Завтра мы наденемъ выпустить очередной номеръ „ПРАВДЫ“

РАБОЧНЕ! СОЛДАТЫ!

Демонстрація 3-4-го класу закінчи-
лась. Ви сказали правду, напевно, всім.

Темные и преступные силы возманили во-
звратиться к старым и сохранившим репутацию
России мы скорей и о помощи к стн дин
созидать народа. Ответственность за шарты
подлежит на подпольных врагов революции
ко исключит омыслы даной диктаторской

Теперь останется ждать, когда стинным
надесть во все стране ширь камы. «Со-
власть Советов!» Демонстрация закончи-
лась — начинается снова для уверенной ин-
телигентности стетальны камы, приде-
ланы на язык стетальны законным.

ТОВАРИЩИ РАБОЧЕ И ВОЛДАТЫЕ МЫ
ПРИЗЫВАЕМЪ ВАСЪ КЪ СТОЙКОСТИ И
ВЫДЕРЖКѢ. НЕ ДАВАЙТЕ ЗЛОБСТВУЮ-
ЩЕМЪ РЕАКЦИИ НИКАКОГО ПОВОДА ОБОН-

ИМЯТЬ ВАСЪ ВЪ НАСМЯНХЪ, НЕ ПОД-
ДАВАЙТЕСЯ НА ПРОВОКАЦІЮ: ИМЯННХЪ
ВЫСТУПЛЕНІИ НА УЛИЦАХЪ, ИМЯННХЪ
СТОЯНОВЕНІИ.

ТОВАРИЩИ РАБОЧЕ! ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ
МИРНО КЪ СТАНКАМЪ.
ТОВАРИЩИ СОЛДАТЫ! ОСТАВАЙТЕСЬ
МИРНО КЪ ВАШИХЪ — ЧАСТЕХЪ!

Вся жизнь диктуетъ за нас. Побѣда
будетъ за нами. Не нужно никакихъ наоб-
рученныхъ дѣловъ.

Центральный Комитет Рес. Соц.
Вам В. Путин

Ден Р. Парти.

Военная Организация Рос. Соц.
Дем. Р. Партия

меннейших социалдемократов - интернационалистов.

Контроль революционная почта канцелярии избоблажает для так, будто бы в последние дни борьбы в Петрограде шла из-за того, что партия большевиков хотела захватить власть в свои руки и для того свернуть Всероссийский Цеперь Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Это — ложь, что советская власть в Петрограде была установлена

[illegible]

Советы не смогут вести страну по пути
революции. Теперь, ась выдать, все страны
убеждают, что мы были правы. Второе
Коллапсированное Правительство оказалось не
состоятельным и неспособным достигнуть
до Учредительного Собрания. Та политика
которая предвидит развитие советизм, есть
правильная и надежная политика. А та-
ков именно показала себя перед всеми
широчини массами политика нашей партии

Выдвинутый левый в самом начале революции лозунг непреодолимости зарождающейся массы. Несмотря на поверхность и сопротивление вышедшего большинства Советов, движется в сторону зарождающаяся масса. Жизнь за массу. Большие и большие массы становятся движущим фактором за переход всей страны к народу.

Именно поэтому мы должны с полной уверенностью взглянуть на будущее. У нас есть негнать твердая почва. Жалко за нас. Нужно только укрепить и, твердо идти навстречу будущему. Никакого сомнения, мы достигнем наших целей, выдержим и сложившиеся — таковы наши паролы!

На этот вопрос, обычно отличаю

На этот вопрос, однако, отвечают, что, прося контроль революции, мы не хотим, чтобы кто-нибудь из нас не знал, каково настоящее время. Правительство, контролируемое Центральными Исполнительными Комитетами (Ц. И. К.), Восточными Комитетами и Советами, не должно забывать, что оно имеет дело с Демократией. Таковы, обобщенный ответ.

Второй политический кризис, оставшийся на наследство вожди, состоит в том, что большинство кризисов, которые в настоящее время являются частью роли, возникают из-за отсутствия понимания всей картины, — разрыв между тем, что происходит, и тем, что должно происходить. Поэтому, когда мы хотим, чтобы кризисы, оставшиеся на наследство вожди, оставались на наследство вожди, мы должны, чтобы кризисы, оставшиеся на наследство вожди, оставались на наследство вожди.

Существовать на этой почве чуждым
3-й Гос. Думой Александрийской, которые
и женщины, правящие парти
Советом Раб., Союз и Крест. Д
платить единственно допустить из Н
комитет Совета Союз и Раб. Дел
тотже, как он не разоблачивает се
т. е. пока он не восстановит сво
чести.

В чем дело? Почему Николас, несмотря на публично и формально отказать в доверии Алексинскому, продолжает от него восстановления чести, т. е. признавать его бравадным?

Потому, что Алексисский настоял
составлять «свои клеветания», что
Парижский журналисты разнообрази-
лих партий объясняли его клеветни-
честв. Алексисский не стал возве-
щать своим чести перед Иисусом.
Клеветом, а предостерегать, спрятав
в пахляковской газетке. Единство
вступая в ней оказалась за жи-
вца, а потому — осмелить — и откры-
4-го июня, вчера дном. Некогда
большинство получило от знакомых
предостережение, что Алексисский

область комитету журналистов». Ватері, макух-то нонуа: клеветни-
сугу пакости. Пошаняство изъ оного
принимъ по обратило равню инквизи-
ціи на изъто прадостерженіе отъ
срѣ съ брѣгашанью презрѣнію
Александрискому и его работѣ. Но оди
большовити, Джуагшаді (Сталинъ)
чистѣ Центр. Иос. К-га, давнѣ знающіи

наше грузинский с.-д., тов. Чхендзе говорил, что мы, на заседании Ц.И.К.та обз. этом новом гнусном и преступном походе Аляксандраго Дзас было поздно ночью, но Чхендзе заявил, что Ц.И.К. не будет равнодушно смотреть на распространение клеветы людской, боющийся суда и р.с.бывающей со стороны Ц.И.К. Орьон его имени как-то дразнило, Ц.И.

Врем. Правительстве. Членов собрания съобщалось на телеграфном и по радиопроводу: «не имеем никаких сведений о судьбе автора». Сталинку, что большинство делегатов выразило готовность исполнить просьбу, что «отказывались» «такое время лишь „Единство“ и „Республика“ мы не выдаем, а „Республика“ перепечатала клевету». В результате клевета попала даже на страницы маленькой, местной, большинство из талантливых людей здесь вовсе не из отеческой газеты. «Живое Слово», № 404), редакторы - издатели клеветы подписались А. М. Уманский.

Теперь клетистники ответят перед судом. Сь этой стороны дело просто ясно.

...младшесть классов. Остаток же гимназическое образование 16 Сибирских стрелков Ермаков был "перевешен" (?) 20-го августа на западный фронт в армию для агитации по пользу социализма заключенного парижского мира с Германией". Видно, что башмачник из числа объектов, которого именитый "Жуковский" С. Усов "документально" добавляет: "очевидно, что Ермаков принял на вооружение товарищеский".

Можно судить уже отсюда, что доктрина заснушивает субъекта, ст. безличней, что он мог согласен он принять подобное „поручение“! С. датель — человек безличней. Это

[illegible]

Итак, германские офицеры, что склонили Ермакову к его блестящей поступку, жалали ему советом про Ленина, который, как всегда известно, как официально выдвинуло в партии большевиков, сенартиным сь Германией самым ринительным и безопасным образом всегда и аусподор отавался" Лозе, режиссер

офицеров: такая язва, гнильба, не-
пая, что ни один грамотный
век ни на минуту не усомнится
в том, что это ложь. А вопиюще-
грамотный человек так более
усомнится в этом, что сопоставит
Ленина с какими-то Толстухинским
и, сожалея освобождения Украи-
ны, шепелью особыми бросаючи

Антидемократические действия Временного правительства не только не встретили осуждения, но и были одобрены социалистическими, не говоря уже о буржуазных, газетами. «Большеви-

ки открыто идут против воли революционной демократии, — заявляла 5 июля правоэсеровская газета «Воля народа». — Революционная демократия обладает достаточной силой, чтобы заставить всех подчиниться своей воле. Она должна это сделать... В наши горячие дни всякое промедление смерти подобно». Не менее суровыми в адрес большевиков были и обвинения Г.В. Плеханова. «Беспорядки на улицах столицы, — писал он 9 июля в «Единстве», — очевидно, были составной частью плана, выработанного внешним врагом России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому с своей стороны явиться составной частью плана русской национальной самозащиты... Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить все, что загораживает дорогу».

Вся социалистическая печать, за исключением «Новой жизни» М. Горького, отвергла утверждение большевиков о стихийном характере июльского выступления и требовала принятия самых решительных мер против экстремистов не менее настойчиво, чем буржуазные газеты.

После разгрома редакции «Правды» и ее типографии положение большевистской печати крайне усложнилось. С огромным трудом удалось наладить выпуск газеты «Рабочий и солдат», заменившей «Правду». Репрессии обрушились не только на «Правду», но и на местные издания, а также на военную большевистскую печать. Были закрыты большевистские газеты «Голос правды» в Кронштадте (возобновилась под названием «Пролетарское дело»), «Утро правды» в Таллине (стала выходить под названием «Звезда»), в Гельсингфорсе газета «Прибой» заменила «Волну», в Царицыне вместо «Борьбы» стал выходить «Листок борьбы».

О том, как на местах рабочие отстаивали свои газеты, свидетельствует история «Социал-демократа». 18 июля командующий Московским военным округом получил телеграмму, согласно которой по указанию Керенского надлежало закрыть газету московских большевиков. 19 июля в газете появилась редакционная статья «Завещание» и статья М.С. Ольминского «Поход против пролетариата», призывавшие читателей защитить свою прессу. В результате мощного выступления рабочих и солдат приказ Керенского не был выполнен и московский «Социал-демократ» — одна из немногих газет — не изменила своего названия после 3 июля.

Преследования большевиков и их печатных органов еще более усилились после развязанной 5 июля кампании по обвинению Ленина в шпионаже, о получении якобы большевиками немецких денег. «Живое слово», «Маленькая газета», «Петроградский листок» и другие буржуазные и даже социалистические газеты 5—7 июля заполняются такими статьями, как «Вторая и великая Азефовщина», «Ужас», «Найдена германская переписка» и т.д. 7 июля Временное правительство принимает решение об аресте Ленина, требуя его явки на суд. Лидеру большевиков пришлось уйти в подполье.

После июльских событий большевики круто изменили свою тактику, взяв курс на вооруженное восстание. План свержения Временного правительства был определен В.И. Лениным в статье «Уроки революции» и брошюре «К лозунгам». Последняя во многом определила решения VI партийного съезда, проходившего полулегально в Петрограде с 26 июля по 3 августа. Каждому делегату съезда был вручен экземпляр брошюры Ленина. Наряду с важнейшими вопросами о свершении социалистической революции делегаты съезда значительное внимание уделили партийной печати. Было отмечено, что с 5 марта по 5 июля вместе с «Правдой» издавались «Социал-демократ» (Москва), «Приволжская правда» (Самара), «Борьба (Царицын)», «Пролетарий» (Харьков), журналы «Спартак», «Жизнь работницы» (Москва) и др.

Между тем Временное Правительство все решительнее наступало на завоеванные в феврале свободы, в том числе и на провозглашенную в апреле свободу печати. 22 августа «Вестник Временного правительства» опубликовал новые «Временные правила о специальной военной цензуре» и утвержденное правительством положение «О военной цензуре печати». В этих документах было записано, что «за непредоставление экземпляров периодических или непериодических изданий военно-цензурным комиссиям, издатели подвергаются заключению в тюрьме на время от восьми до одного года и четырех месяцев или аресту от трех недель до трех месяцев, или денежному взысканию от трехсот до десяти тысяч рублей».

В соответствии с этими новыми правилами последовал приказ Керенского о запрещении «Пролетария». 24 августа в его типографии были разбиты матрицы, а отпечатанные номера газеты конфискованы. В конце августа были закрыты также

большевистские газеты «Циня» («Борьба», Рига), «Звезда» (Минск), а 2 сентября ЦО РСДРП(б) газета «Рабочий». В это же время закрытию подверглась «Новая жизнь» М. Горького, выходившая со 2 по 6 сентября под названием «Свободная жизнь».

На завоеванные свободы все активнее наступали правые. Уже в апреле, как свидетельствует А.И. Деникин, в генеральско-офицерской среде развивалась мысль о том, что «революционный пасхальный перезвон» слишком затянулся, пора «бить набат». 6 августа «Рабочий и солдат» сообщал, что на проходившем в это время съезде промышленников в Москве один из их глав-ре-рей П. Рябушинский высказался за немедленное установление в стране военной диктатуры. Через неделю Временное правительство созвало в Москве Государственное совещание. Заговор против революции, — так определила цель этого совещания большевистская пресса, призвав рабочих, крестьян, солдат организовывать массовые протесты. Этот призыв встретил наиболее широкий отклик в Москве: 12 августа в день открытия Совещания руководящий московский большевистский орган газета «Социал-демократ» вышла с аншлагом на первой полосе: «Сегодня день всеобщей забастовки». По призыву газеты во второй столице царской империи 12 августа бастовало около 400 тыс. Акцентируя внимание читателей на том, что в Москве происходит заговор контрреволюции, газета называла и главу этого заговора — генерала Корнилова.

В дни корниловского наступления на Петроград все социалистические газеты, а не только большевистские, призывали к быстрейшему разгрому кадетско-корниловского заговора. «Революция в опасности», «Буржуазно-военная клика объявила народу гражданскую войну», «Необходимы решительные меры» — эти и другие призывы звучали с их полос. В книге «Большевики приходят к власти» А. Рабинович замечает: «Возбужденные сообщениями о наступлении Корнилова, все политические организации левее кадетов, все более или менее значительные профсоюзные организации, солдатские и флотские комитеты всех уровней сразу же поднялись на борьбу с ним. Трудно обнаружить в новейшей истории более мощную и эффективную, во многом стихийную и дружную массовую политическую акцию»⁵.

⁵ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. — М., 1989. С. 164—165.

Корниловские события перевернули всю политическую ситуацию в стране: провал корниловщины означал сокрушительное поражение правых.

Главным после поражения Корнилова стал вопрос о взаимоотношениях социалистических партий. От их единства или раскола во многом теперь зависела судьба революции. Эту мысль особенно настойчиво проводил Л. Мартов. В статье «Единство революционной демократии», опубликованной в «Новой жизни», он писал: «Демократия осваивается с мыслью, что ей одной должна принадлежать власть в государстве... Вопрос поставлен самой жизнью, и от его решения никому не уйти. Государственная машина должна перейти в руки демократии: без этого Россия не добьется мира, не справится с экономической разрухой, не одолеет своих контрреволюционных врагов, покушающихся на землю и волю». Единственно, что может помешать демократии, разъяснял он далее, это раскол в ее среде. Отвергая движение лозунгов и задач, которые, по его мнению, «противоречат созданию большинства демократии», Мартов в то же время выступал противником и большевиков, считая, что на повестке дня стоит не лозунг «Вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству», а лозунг «Всей демократии вся власть!»⁶.

Правое, оборонческое крыло меньшевиков и эсеры, качнувшиеся было в сторону разрыва с кадетами, которые, как утверждал их лидер П. Милюков, проявили по отношению к Корнилову «сочувствие, но не содействие», вскоре снова вернулось к идее коалиции с буржуазией. Такая коалиция, тормозившая развитие революции, могла внести в общедемократический фронт лишь пагубный раскол, которого так опасался Л. Мартов, поэтому он решительно отстаивал свою линию создания однородного социалистического правительства, которое только, по его мнению, и могло спасти страну и демократию. Позиция Мартова не нашла, однако, поддержки ни справа (со стороны меньшевистско-эсеровского руководства), ни слева (со стороны большевиков).

Важным событием на путях к Октябрю стало Демократическое совещание, состоявшееся 14—22 сентября в Петрограде, в то самое время, когда вопрос о взятии власти стал в порядок дня как конкретная практическая задача. На Совещании среди

⁶ Россия на рубеже веков: исторические портреты. — М., 1991. С. 289.

делегатов выявились три течения: правое крыло — меньшевистско-эсеровский блок (И. Церетели, Н. Авксентьев), взявшее курс на продолжение коалиции с кадетами; центр — меньшевики-интернационалисты и часть эсеров (Ю. Мартов, В. Чернов), отвергавшие коалицию и выступавшие за создание демократического, практически однородного социалистического правительства; и левые — большевики, требовавшие передачи всей власти Советам. Особую позицию занимал Л. Каменев, склонявшийся к сотрудничеству с другими социалистическими партиями.

Ленин осудил участие большевиков в Демократическом совещании, первым увидев наметившиеся стремления меньшевиков и эсеров к возобновлению коалиции с кадетами. Твердо держа курс на полную победу большевиков, Ленин в письме в ЦК РСДРП(б) 12—14 сентября «Большевики должны взять власть» писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки»⁷. Далее, заявляя, что Демократическое совещание не представляет большинства революционного народа, а лишь «соглашательские мелкобуржуазные верхи» его, заключал: «История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь»⁸.

7(20) октября, когда В.И. Ленин нелегально возвратился из Выборга в Петроград, «Правда» опубликовала его работу «Кризис назрел». Ни тени сомнения быть не может, писал Ленин, что вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и в стране, что в стране назревает восстание крестьян, которые все больше не довольны правительством, и заключал: «Можно ли быть перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины...

Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все

⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 239.

⁸ Там же. С. 240.

будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту...

Кризис назрел...⁹

В дни подготовки вооруженного восстания отмечается рост большевистской периодики. В октябре насчитывалось 75 большевистских изданий, общий тираж которых составлял 3,5 млн экземпляров. Из числа вновь созданных газет следует выделить «Деревенскую правду», издававшуюся в Москве с 4 октября, «Деревенскую бедноту» — с 12 октября в Петрограде, газету на армянском языке «Нацук» («Опора»), выходившую в Азербайджане. Вся большевистская пресса, перепечатывая ленинские и другие руководящие статьи из «Правды», готовила массы к завоеванию власти Советами.

Вернувшийся в Петроград Ленин, при поддержке Л. Троцкого, 10 и 16 октября на заседаниях ЦК сумел провести решение о начале непосредственной подготовки к вооруженному восстанию. Против этого выступил Л. Каменев, заявивший, что «объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции». Его поддержал Г. Зиновьев. О своем несогласии с ЦК они сообщили 18 октября газете «Новая жизнь». В.И. Ленин, расценив это как «штрейкбрехерство», предательство, потребовал исключения обоих из партии, однако большинство ЦК это предложение не поддержало.

Временное правительство в свою очередь также готовилось к разгрому ленинцев. Вечером 23 октября оно приняло решение о захвате центрального органа большевиков газеты «Рабочий путь» и партийной типографии «Труд». На рассвете 24 октября был совершен вооруженный налет на типографию, где уже было отпечатано около 8 тыс. экземпляров № 44 газеты «Рабочий путь». По приказу Военно-революционного комитета солдаты Литовского полка очистили типографию от охраны, поставленной Временным правительством, и газета вышла в свет. Во всех статьях этого номера содержался призыв — свергнуть буржуазное Временное правительство и установить власть Советов.

Вечером 24 октября Временным правительством была принята еще одна попытка разгромить газету «Рабочий путь»,

⁹ Там же. С. 277—280.

но и она успехом не увенчалась. Под защитой красногвардейцев в ночь с 24 на 25 октября печатался очередной, 45-й номер, призывавший рабочих, солдат и матросов немедленно взять власть в свои руки. 25 октября «Рабочий путь» впервые вышел тиражом в 200 тыс. экземпляров, а с 27 октября газета снова стала издаваться под названием «Правда». 26 октября в центральном органе большевиков и еще в 25-ти большевистских газетах было обнародовано написанное В.И. Лениным обращение «К гражданам России». Еще раньше это обращение было издано в виде листовки и передано по радиотелеграфу радиостанцией крейсера «Аврора». В обращении сообщалось: «Временное правительство низложено и обеспечено создание Советского правительства».

ПУБЛИЦИСТИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ

За две недели до Октябрьской революции в письме своему другу Н.С. Кристи Ю.О. Мартов заметил: «Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу — к большевикам, которые «проще» и больше дерзают. Ввиду этого импрессионисты и люди, жаждущие немедленного успеха, сплошь и рядом нас покидают и идут к большевикам». 20 мая 1921 г. в журнале «Социалистический вестник» в статье «По поводу письма тов. П.Б. Аксельрода» он развивает эту же мысль: «Наше разногласие с тов. Аксельродом несомненно заключается в том, что и для настоящего, и для прошлого он недооценивает действительного влияния большевиков на широкие массы пролетариата и органическую, неслучайную его связь со значительными слоями рабочего класса. Благодаря этому, в объяснении самой победы большевистской партии в октябре 1917 года у него слишком уж большую роль играет ловкость их бесшабашной и бессовестной демагогии, руководившейся одной целью — захвата власти во что бы то ни стало. Это, конечно, не так... В октябре 1917 года большевики явились выразителями вполне законного возмущения широких слоев пролетариата политикой, которая по объективному смыслу своему направлялась в конечном счете не политическими ин-

тересами русской революции, но военными интересами Антанты. Другое дело, как использовала большевистская партия доверие народных масс, какие цели, как сознательная сила, поставила себе... В этом вопросе, по нашему мнению, заключается историческое осуждение большевистской партии, а не в самом факте стремления к захвату власти, опиравшегося на несомненное в то время сочувствие широких пролетарских и народных масс»¹⁰.

Аналогичные мысли находим и в высказываниях В.И. Ленина, неоднократно утверждавшего, что если взгляды большевиков находят все большую поддержку, то причиной тому является правильное выражение этими взглядами интересов пролетариата и всех трудящихся. А взгляды эти получали последовательное развитие прежде всего в ленинских статьях, каждодневно появлявшихся не только в «Правде», но и во многих других большевистских газетах и журналах. Именно они определяли политическую линию большевиков, против которой непримиримо выступали лидеры всех, в том числе социалистических партий.

В «Правде» ленинские статьи печатались еще до возвращения его в Россию, а едва он появился в Петрограде, как тут же приступил к редактированию газеты. Начиная с Апрельских тезисов до обращения 25 октября «К гражданам России», возвестившего о низложении Временного правительства, ни на день не прекращается ленинская полемика с кадетами, эсерами, меньшевиками и не всегда разделявшими его взгляды некоторыми большевиками. Неизменно эта полемика направлена на достижение единой цели — на свершение социалистической революции. Никакой поддержки Временному правительству, вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством — вот что было главным в ленинской публицистике.

Из обширной ленинской публицистики в апреле—июне 1917 г. следует особо выделить статьи: «О задачах пролетариата в данной революции» (Апрельские тезисы), «О двоевластии», «И.Г. Це-

¹⁰ Россия на рубеже веков: исторические портреты. — М., 1991. С. 291.

ретели и классовая борьба», «Куда привели революцию эсеры и меньшевики», «О конституционных иллюзиях», «Уроки революции», «О героях подлога и об ошибках большевиков», «Кризис назрел».

Одним из самых непримиримых по отношению к Ленину был Плеханов, подвергавший наиболее оперативной и наиболее резкой критике каждое ленинское выступление.

Усматривая в ленинских установках «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту в Русской земле», Плеханов занял прочную позицию всемерной поддержки Временного правительства, необходимости участия буржуазии в государственном управлении, всемерного укрепления военной мощи России, продолжения войны до победного конца. Статьи Г.В. Плеханова в «Единстве» — «Война народов и научный социализм», «Отечество в опасности», «Революционная демократия и война», «Революционная демократия должна поддержать свое Правительство», «Логика ошибки» характеризовали ленинцев, как «чужаков», считавших чем-то совершенно недопустимым существование коалиционного Временного правительства, в состав которого входили социалисты. Из перечисленных статей Плеханова, да и последующих его выступлений, неизменно следует вывод, что, «требуемая Лениным диктатура пролетариата и крестьянства была бы большим несчастьем для нашей страны». Поэтому Г.В. Плеханов неизменно выступал против требования большевиков об удалении из правительства «министров-капиталистов» и замены их представителями «социалистических организаций». Наиболее ярко это было выражено в статье «Логика ошибки», в которой утверждалось: «Русская история еще не смогла той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма и... пока она такой муки не смогла, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся»¹¹. Преждевременной, несущей народам России величайшие бедствия, считал Плеханов и Октябрьскую революцию. В «Открытом письме к петроградским рабочим», опубликованном в газете «Единство» 28 октября, он писал:

«Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство

¹¹ Единство. 1917. 18 июня.

А.Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Скажу вам прямо: меня эти события огорчают.

Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души».

Изложенные в «Открытом письме к петроградским рабочим» мысли о преждевременности провозглашения пролетарской диктатуры, когда он составляет меньшинство, а не большинство населения, а крестьянство совсем «ненадежный союзник рабочего в деле устройства социалистического способа производства», находят свое завершение в последней статье Г.В. Плеханова «Буки Аз-Ба», обнародованной в газете 11 и 13 января 1918 г., выходявшей уже под названием «Наше единство». Эта статья, завершившая обширнейшее публицистическое наследие патриарха русских марксистов, является по сути его политическим завещанием. Последний раз полемизируя с Лениным, Г.В. Плеханов не только обосновал неготовность России к социализму, но и пагубность этого курса для страны с недостаточно развитыми капиталистическими отношениями, а следовательно, и недостаточно развитыми политическими институтами, способными успешно решать социалистические задачи.

Одним из основных мотивов плехановской публицистики являлся также призыв «главной и первой заботой» сделать оборону страны. Со страниц «Единства» как набат звучат фразы: «Россия на краю гибели», «Россия переживает смертельную опасность», «Время не ждет. Конец приближается». «Я пишу это, разумеется не потому, что намерен сеять панику, — обращался к читателям публицист в статье «Смотрите, граждане!», опубликованной в «Единстве» 3 октября. — Я пишу это потому, что пора, давно уже пора всем нам трезвыми глазами взглянуть на положение России и понять значение страшных слов «Отечество в опасности». Утверждая, что большевистская «борьба за мир» страшно понизила боеспособность русского войска, что ленинская пропаганда «растлила солдатскую душу», Г.В. Плеханов призывает положить все силы, чтобы «расстроить планы германских империалистов, а значит — воевать, воевать «со всей тою энергией, на какую еще способна Россия». «Чем энергичнее будем мы воевать, — акцентируется в статье внимание читате-

лей, — тем скорее придет справедливый мир. А чтобы Россия энергично вела войну, надо, чтобы мы, социалисты, отметили в своей пропаганде и в своих резолюциях то, что могло бы ослабить боеспособность нашей армии»¹².

Полемика с В.И. Лениным велась буквально в каждом номере «Единства» так, что В.М. Чернов в статье «Ленин» не без основания заметил: «Мне смешно, когда фигура Ленина гипнотизирует внимание целых газет, вроде «Единства», о которых не знаешь, что с ними случилось, если бы Ленин вдруг волею божиею помре, или вовсе не родился на свет»¹³.

Однако Ленин гипнотизировал не только «Единство», но и эсеровское «Дело народа» и меньшевистскую «Рабочую газету», не говоря уже о кадетских и других буржуазных изданиях. Главным и в публицистике В.М. Чернова в политическом противоборстве 1917 г. также являлась полемика с Лениным, с большевиками. Нельзя не отметить, что В.М. Чернов воздавал должное «любопытной политической фигуре» большевистского лидера, у которого, по его словам, был «большой боевой темперамент» и «огромный запас энергии». В уже упомянутой статье «Ленин» лидер эсеров писал: «Ленин — человек безусловно чистый, и все грязные намеки мещанской прессы на немецкие деньги, по случаю его проезда через Германию надо раз навсегда с отвращением отшвырнуть ногою с дороги»¹⁴. Вместе с тем, на страницах «Дела народа» пункт за пунктом критиковалась ленинская программа и нередко в резкой, нелицеприятной форме.

Значительно мягче велась полемика между Лениным и Мартовым, позиция которого к большевикам была наиболее близкой, хотя он тоже бескомпромиссно подвергал осуждению ленинские установки на социалистическую революцию. Не имея своего печатного органа (лишь в сентябре начала издаваться «Искра» — руководящая газета меньшевиков-интернационалистов), Ю.О. Мартов печатался в «Новой жизни» М. Горького. В статьях «Единство революционной демократии», «Революционная диктатура», «Разоблачение Михаэлиса», «О рыцарской тактике», «Что же теперь?» и других проводилась мысль, что рабочий класс в июльские дни «понес несомненное поражение», что

¹² Там же. 23 августа.

¹³ Дело народа. 1917. 16 апреля.

¹⁴ Там же.

оборонческий блок меньшевиков и эсеров «все возможное сделал, чтобы толкать массы к большевикам» и в результате оказался «бессильным противодействовать напору контрреволюции». С горечью подчеркивая, что революция отброшена назад, Мартов в статье «Что же теперь?» пророчески писал: «Завтра, может быть, Милюковы и Родзянко приобретут некоторое влияние на ход государственного корабля. Будут сделаны попытки — о, конечно, — под предлогом «спасение революции и Родины» урезать основные права рабочего класса. Предстоят черные дни. Но судьбы революции этим поворотом не решаются»¹⁵. Призывая не поддаваться «ни провокации справа», ни «сигналам отчаяния слева», Мартов последовательно отстаивал свою идею однородного социалистического правительства и особенно напористо проводил эту мысль после разгрома корниловского заговора. Считая, что в истории русской революции наступила «критическая минута», что «в полном грозном объеме встал вопрос об итогах политики соглашения с буржуазией, политики, которая представляется «убийственной», он в передовой первого номера газеты «Искра» заключал: «Коалиционная политика, которую партийное большинство проводило с такой самоуверенностью, разлетелась в прах при столкновении с контрреволюцией... Пришлось подойти вплотную к выводу, что доделать революцию и докончить ломку старого может лишь демократия, вырвавшаяся из плена коалиции с имущими»¹⁶.

Значительное внимание в публицистике 1917 г занимали проблемы революции и культуры. В этой связи наибольшее значение имели публиковавшиеся в «Новой жизни» под рубрикой «Несвоевременные мысли» статьи А.М. Горького, считавшего, что после Февральской революции в опасности оказалось не только Отечество, но, что еще страшнее, — культура. В первые же дни революции, с горечью констатирует писатель, — какие-то бесстыдники выбросили на улицу кучи грязных брошюр, отвратительных рассказов на темы из придворной жизни: о «самодержавной Алисе», о «Распутном Гришке», о Вырубовой. Эта «грязная литература», совершенно вытеснив хорошие, честные книги, особенно вредна, когда общество переживает не только экономическую разруху, но и социальное разложение, а по-

¹⁵ Новая жизнь. 1917. 16 июля.

¹⁶ Искра. 1917. 26 сентября.

этому, призывая к упорной культурной работе в стране, он с огромной тревогой заключает: «Старая, неглупая поговорка гласит: Болезнь входит пудами, а выходит золотниками», процесс интеллектуального обогащения страны — процесс крайне медленный. Тем более он необходим для нас, и революция, в лице ее руководящих сил, должна сейчас же, немедленно, взять на себя обязанность создания таких условий, учреждений, организаций, которые упорно и безотлагательно занялись бы развитием интеллектуальных сил страны»¹⁷.

Резкое осуждение в статьях А.М. Горького звучит в адрес печати, газет, которые изо дня в день поучают людей вражде и ненависти друг к другу, «клеветают, возятся в пошлейшей грязи, режут и скрежещут зубами, якобы, работая над решением вопроса о том — кто виноват в разрухе России»¹⁸. Социалистическая революция значительно актуализировала выступления Горького, уловившего уже в первые дни Советской власти тенденцию к подавлению любого инакомыслия.

С падением царского самодержавия начался новый этап в развитии отечественной журналистики: прекратилось издание монархических газет и журналов, в то же время, в связи с принятием Временным правительством постановления «О печати», происходит довольно быстрый рост газетно-журнальной периодики, в том числе прессы социалистической направленности.

Все более обострявшаяся политическая борьба между буржуазными, буржуазно-демократическими и социалистическими партиями таила в 1917 г. самые различные перспективы: буржуазно-демократическую (Керенский), генеральско-диктаторскую (Корнилов), однородносоциалистическую (Мартов), большевистсколеворадикальную (Ленин)¹⁹. В этих условиях победа большевиков отнюдь не была предreshена, но взятие ими власти неминуемо должно было привести и привело к закрытию не только буржуазной, но и всей оппозиционной прессы, к созданию однопартийной журналистики в однопартийном государстве.

¹⁷ Новая жизнь. 1917. 18 апреля.

¹⁸ Там же. 31 мая.

¹⁹ См.: Наше Отечество. Опыт политической истории. — Т. 1. — М., 1991. С. 390.

Вопросы для повторения

1. Постановление Временного правительства «О печати» и развитие многонациональной отечественной журналистики после Февральской революции 1917 г.
2. Отечественная журналистика после июльских событий 1917 г.
3. Социалистическая печать в системе отечественной журналистики периода буржуазно-демократического государства.
4. Публицистика В.И. Ленина 1917 г.
5. Критика ленинского курса на социалистическую революцию в России Г. Плехановым, Ю. Мартовым и В. Черновым на страницах центральных изданий меньшевиков и эсеров.
6. Публицистический цикл М. Горького «Несвоевременные мысли». Его рассуждения о революции и культуре.

Хрестоматия к главе I

О ПЕЧАТИ

Постановление Временного правительства

27 апреля 1917 г.

I. Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается.

II. Порядок печатания и выпуска в свет произведений тиснения определяется нижеследующими правилами:

- 1) В течение суток после выпуска в свет вновь отпечатанных книг, брошюр-журналов, газет, нот и других произведений тиснения типографии обязаны представлять в исправном виде местному Комиссару Временного Правительства, или заменяющему его уполномоченному или должностному лицу, восемь экземпляров каждой в отдельности, книги, или брошюры, или номера повременного издания, в коих три экземпляра для Книжной Палаты и по одному экземпляру для Комиссариата, для Публичной Библиотеки, для Академии Наук, для Московского Публичного и Румянцевского Музеев и Александровского Университета в Гельсингфорсе.

- 2) Каждый желающий выпускать в свет новое повременное издание обязан представить местному Комиссару Временного Правительства или иному, заменяющему его установлению или должностному лицу, заявление в двух экземплярах, содержащее в себе обозначение: а) места, в котором издание будет выходить; б) наименование издания (издание литературное или политическое, или техническое и т.п.), сроков выхода в свет и подписной цены; имени, отчества, фамилии и местожительства каждого из них, и в) типографии, в которой издание будет печататься. Местный Комиссар или иное заменяющее его установление или должностное лицо обязано выдать заявителю расписку в получении от него означенного в сей (2) статье заявления.
- 3) В местностях, вне городов лежащих, заявление о выпуске в свет нового повременного издания (ст. 2) подается Комиссару Временного Правительства ближайшего уездного или губернского города, или иному заменяющему Комиссара установлению или должностному лицу.
- 4) Ответственными редакторами повременного издания или части его могут быть только лица, проживающие в пределах русского государства, достигшие совершеннолетия, обладающие общегражданской правоспособностью и не ограниченные в правах по судебному приговору.
- 5) Если по выходу издания произойдет какое-либо изменение в одном из условий его выпуска в свет (ст. 2), то об этом в течение семи дней должно быть подано, в вышеуказанном порядке, соответственное заявление (ст. 2).
- 6) Один из экземпляров заявления о выпуске в свет повременного издания или об изменении в условиях выпуска его хранится у местного Комиссара Временного Правительства, или у лица, или в установлении, его заменяющих; другой препровождается в Книжную Палату.
- 7) В каждом номере повременного издания должны быть напечатаны фамилии ответственного редактора и издателя, а также обозначена типография, в которой номер этот напечатан, равно как и адрес редакции. На каждом неповременном издании должно быть обозначено наименование и место нахождения типографии, в которой издание напечатано.
- 8) Всякое повременное издание обязано, безденежно, ежедневное в трехдневный срок, а еженедельное или ежемесячное в

ближайшем номере, поместить сообщенное ему от Временного Правительства официальное опровержение или исправление обнародованного тем изданием фактического известия, без всяких изменений и примечаний в самом тексте опровержения, напечатав его в том же отделе, где было напечатано первоначальное известие, и тем же шрифтом.

- 9) На тех же основаниях и в тот же срок должно быть помещено в периодическом издании, опубликовавшем какое-либо фактическое известие о правительственном и общественном учреждении, либо о должностном или частном лице, присланное таким учреждением или лицом опровержение или исправление опубликованного, при условии, что указанное опровержение или исправление не превышает размерами сообщенное известие, подписано его пославшими, не включает в себе признаков преступного деяния и укоризненных выражений, не имеет характера спора и ограничивается одними фактическими указаниями.
- 10) Правила, изложенные в сем (II) отделе и касающиеся неповрежденных изданий, не применяются к произведениям, служащим целям в промышленности и торговле или домашнего и общественного обихода, как-то: к циркулярам, визитным карточкам и т.п., а также к избирательным бюллетеням, если они соответствуют форме, установленной законом или правительственным распоряжением.

III. Типографии, литографии, металлографии и все прочие заведения для тиснения подчиняются правилам, установленным для предприятий фабричной и заводской промышленности, с соблюдением при том постановлений, изложенных ниже.

- 1) Всякий желающий учредить типографию, литографию, металлографию или какое-либо иное заведение для тиснения букв и изображений обязан подать о том местному Комиссару Временного Правительства или заменяющему его должностному лицу или установлению заявление, в котором должно быть указано имя, отчество и фамилия учредителя, а равно местонахождение открываемого ими заведения для тиснения и предполагаемое число рабочих.
- 2) К означенному в предыдущей (1) статье заявлению учредитель заведения для тиснения обязан приложить шнуровую книгу, в которую должны вноситься все поступающие в заведение работы, за исключением работ по означенным в статье 10 отдела II неповременным изданиям.

IV. Местный Комиссар Временного Правительства или заменяющее его должностное лицо или установление, по получении упомянутого в статьях 1 и 2 отдела III заявления и шнуровой книги, в трехдневный срок обязан скрепить означенную книгу по листам и возвратить ее подателю вместе с распискою в приеме заявления.

V. За нарушение правил, изложенных в статьях 1, 2, 3, 5, 7, 8 и 9 отдела II сего постановления виновный подвергается денежному взысканию не свыше 300 рублей.

В случае заведомо ложного указания заведения тиснения, издателя и ответственного редактора, виновный подвергается денежному взысканию до 300 рублей или аресту до 3 месяцев.

VI. Если повременное издание после вступления в силу обвинительного приговора, состоявшегося на основании отдела V сего постановления, продолжает выходить в свет без соблюдения требований, означенных в статьях 2 и 5 отдела II сего постановления, то издатель, ответственный редактор или, если таковых не имеется, типографщик, подвергается денежному взысканию в размере не свыше 100 рублей за каждый вышедший номер, считая со дня постановления обвинительного приговора.

VII. Виновный в устройстве или содержании заведения для тиснения без подачи требуемых статьями 1 и 2 отдела III заявлений и шнуровой книги, а равно, до получения расписки в приеме заявления, наказывается денежным взысканием не свыше 300 рублей.

Заведующий заведениями для тиснения, виновный в неисполнении установленных статьею 2 отдела III правил о ведении шнуровых книг, наказывается денежным взысканием не свыше 50 рублей.

Подписали: Министр-Председатель и Управляющий Министерством Внутренних Дел, Товарищ-Министра.

Вестник Временного Правительства 1917. № 55 (101)

М. ГОРЬКИЙ [1868—1936]

Революция и культура

Если окинуть одним взглядом всю внешне разнообразную деятельность монархического режима в области «внутренней» политики, то смысл этой деятельности явится перед нами в форме всемерного стремления бюрократии задержать количественное и качественное развитие мыслящего вещества.

Старая власть была бездарна, но инстинкт самосохранения правильно подсказывал ей, что самым опасным врагом ее является человеческий мозг, и вот, всеми доступными ей средствами, она старалась затруднить или исказить рост интеллектуальных сил страны. В этой преступной деятельности ей успешно помогала церковь, порабощенная чиновничеством, и не менее успешно — общество, психически расшатанное и, последние годы, относившееся к насилию над ним совершенно пассивно.

Результаты длительного угашения духа обнаружила с ужасающей очевидностью война — Россия оказалась перед лицом культурного и прекрасно организованного врага немошной и безоружной. Люди, так хвастливо и противно кричавшие о том, что Русь поднялась «освободить Европу от оков ложной цивилизации духом истинной культуры», эти, вероятно, искренние и тем более несчастные люди быстро и сконфуженно замкнули слишком красноречивые уста. «Дух истинной культуры» оказался смрадом всяческого невежества, отвратительного эгоизма, гнилой лени и беззаботности.

В стране, щедро одаренной естественными богатствами и дарованиями, обнаружилась, как следствие ее духовной нищеты, полная анархия во всех областях культуры. Промышленность, техника — в зачаточном состоянии и вне прочной связи с наукой; наука — где-то на задворках в темноте и под враждебным надзором чиновника; искусство ограниченное, искаженное цензурой, оторвалось от общечеловеческой, погружено в поиски новых форм, утратив жизненное, волнующее и облагораживающее содержание.

Всюду, внутри и вне человека, опустошение, расшатанность, хаос и следы какого-то длительного Мамаева побоища. Наследство, оставленное революцией монархией, — ужасно.

И как бы горячо ни хотелось сказать слово доброго утешения, — правда суровой действительности не позволяет утешать, и нужно сказать со всей откровенностью: монархическая власть в своем стремлении духовно обезглавить Русь добилась почти полного успеха.

Революция низвергла монархию, так! Но, может быть, это значит, что революция только вогнала накожную болезнь внутрь организма. Отнюдь не следует думать, что революция духовно излечила или обогатила Россию. Старая, неглупая поговорка гласит: «Болезнь входит пудами, а выходит золотниками», процесс интеллектуального обогащения страны — процесс крайне медленный. Тем более он необходим для нас, и революция, в лице ее руководящих сил, должна сейчас же, немедленно, взять на себя обязанность создания таких условий, учреждений, организаций, которые упорно и безотлагательно занялись бы развитием интеллектуальных сил страны.

Интеллектуальная сила — это первейшая, по качеству, производительная сила, и забота о скорейшем росте ее должна быть пламенной заботой всех классов.

Мы должны дружно взяться за работу всестороннего развития культуры, — революция разрушила преграды на путях к свободному творчеству, и теперь в нашей воле показать самим себе и миру наши дарования, таланты, наш гений. Наше спасение — в труде, да найдем мы и наслаждение в труде.

«Мир создан не словом, а деянием», это прекрасно сказано, и это неоспоримая истина.

*Новая Жизнь. № 1.
18 апреля (1 мая) 1917 г.*

Л.Б. КАМЕНЕВ [1883—1936]

Временное правительство и революционная социал-демократия

Временное Правительство, созданное революцией, гораздо умереннее тех сил, которые его породили. Создали революцию рабочие и крестьяне, одетые в крестьянские шинели. А формально власть перешла в руки не представителей революционного пролетариата и крестьянства, а в руки людей, выдвинутых либеральным движением класса собственников. Пролетариат и крестьянство и составленная из них армия будут считать начавшуюся революцию завершенной лишь тогда, когда она удовлетворит целиком и полно их требования, когда все остатки бывшего режима будут до основания вырваны, как в экономической, так и в политической области. Это полное удовлетворение требований рабочих, крестьян и армии возможно лишь тогда, когда вся полнота власти будет в их собственных руках. Поскольку революция будет расширяться и углубляться, она будет и идти к этому, к диктатуре пролетариата и крестьянства.

Наоборот, Временное Правительство, согласно с социальной природой тех слоев, из которых оно вышло, склонно было бы задерживать развитие революции на ее первых шагах. Если они еще не делают этого, то потому, что у них нет сил для этого. Упираясь и против воли, они принуждены под давлением революционного народа идти все вперед. И нам, революционерам социал-демократам, нет надобности даже говорить о том, что поскольку это Временное Правительство действительно борется с остатками старого режи-

ма, постольку ему обеспечена решительная поддержка революционного пролетариата. Всегда и всюду, где Временное Правительство, повинаясь голосу революционной демократии, представленной в Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, столкнется с реакцией или контрреволюцией, революционный пролетариат должен быть готов к его поддержке.

Но это поддержка дела, а не лиц, поддержка не данного состава Временного Правительства, а тех объективно-революционных шагов, которые оно принуждено предпринимать и поскольку оно их предпринимает.

Поэтому наша поддержка ни в коей мере не должна связывать нам рук. Столь же решительно, как мы поддерживаем его в окончательной ликвидации старого режима, монархии, в осуществлении свобод и т.д., столь же решительно мы будем критиковать и разоблачать каждую непоследовательность Временного Правительства, каждое уклонение его в сторону от решительной борьбы, каждую попытку связать руки народу или притушить разгорающийся революционный пожар.

Мы призываем революционную демократию во главе с пролетариатом к самому неослабному контролю над всеми действиями власти как в центре, так и на местах.

Мы должны знать, что пути демократии и Временного Правительства разойдутся, что опомнившаяся буржуазия неизбежно попытается удержать революционное движение и не дать ему развиваться до удовлетворения коренных нужд пролетариата и крестьянства. Мы должны быть настороже и наготове. Спокойно и хладнокровно взвешивая свои силы, мы должны всю свою энергию употребить на собрание, организацию и сплочение революционного пролетариата. Нам незачем подгонять события! Они и так развиваются с великолепной быстротой.

И именно поэтому было бы политической ошибкой сейчас ставить вопрос о смене Временного Правительства.

Движущие силы великой революции за нас; они разоблачат недостаточность и ограниченность всякой попытки решить задачи революции путем компромисса.

И только тогда, когда перед лицом демократии России исчерпает себя Временное Правительство либералов, станет перед ней, как вопрос практический, вопрос о переходе власти в ее собственные руки.

Лозунгом же момента остается: организация сил пролетариата, сплочение сил пролетариата, крестьянства и армии в Советах депутатов, абсолютное недоверие ко всяким либеральным посулам, самый пристальный контроль над осуществлением наших требова-

ний, решительная поддержка каждого шага, ведущего к искоренению всех остатков царско-помещичьего режима.

Правда. 1917. 14 марта

Без тайной дипломатии

Война идет. Великая Русская Революция прервала ее. И никто не питает надежд, что она кончится завтра или послезавтра. Солдаты, крестьяне и рабочие России, пошедшие на войну по зову низвергнутого царя и лившие кровь под его знаменами, освободили себя, и царские знамена заменены знаменами революции. Но война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русской и все еще повинуетя своему императору, жадно стремящемуся к добыче на полях смерти.

Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложно.

Революционный солдат и офицер, свергнувший иго царизма, не уйдет из окопа, чтобы очистить место германскому или австрийскому солдату и офицеру, не нашедшим еще мужества свергнуть иго своего собственного правительства. Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции. Война должна быть закончена организованно, договором между свободными народами, а не подчинением воле соседа-завоевателя и империалиста.

Но освобожденный народ имеет право знать, за что он воюет, имеет право сам определить свои цели и задачи в не им затеянной войне. Он должен заявить открыто не только друзьям своим, но и врагам, что он не стремится ни к каким завоеваниям, ни к каким присоединениям чужих земель, что он предоставляет каждой национальности решить, как устроить свою судьбу.

Но мало того, освобожденный народ должен открыто сказать всему миру, что в каждый момент он готов вступить в переговоры о прекращении войны. На условии отказа от аннексий и контрибуций и признания права наций на самоопределение в каждый данный момент мы должны быть готовы вступить в переговоры о ликвидации войны. Россия связана союзами с Англией, Францией и др. странами. Она не может действовать в вопросах мира помимо них. Но это значит, только что освобожденная от царского ига, революционная

Россия должна прямо и открыто обратиться к своим союзникам с предложением пересмотреть вопрос об открытии мирных переговоров. Каков будет ответ союзников, мы не знаем, не знаем и того, каков будет ответ Германии, если предложение будет сделано.

Но мы знаем одно: только тогда народы, втянутые помимо своей воли в империалистическую войну, смогут дать себе ясный отчет в том, из-за чего ведется война. А когда миллионы солдат и рабочих во всех странах уяснят себе действительные цели правительств, втянувших их в кровавую бойню, это будет не только конец войне, но и решительный шаг к открытой борьбе против того строя насилия и эксплуатации, который создает все войны.

Не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное «долой войну» — наш лозунг. Наш лозунг: давление на Временное Правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией, немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны.

А до тех пор каждый остается на своем боевом посту.

И поэтому, горячо приветствуя напечатанный выше призыв Совета Рабочих и Солдатских Депутатов «К народам всего мира», мы видим в нем лишь начало широкой и решительной кампании за торжество мира и прекращение мирового кровопролития.

Правда. 1917. 15 марта

В.И. ЛЕНИН [1870—1924]

О задачах пролетариата в данной революции

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, — и добросовестным оппонентам, — было изготовление письменных тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и дважды: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе...

Тезисы

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской, империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистической войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С.Р.Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разъяснение ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.

8. Не «введение» социализма; как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистической войне,

2) об отношении к государству и наше требование «государства-коммуны»,

- 3) исправление отсталой программы-минимум;
в) перемена названия партии.

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против «центра».

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разьяснять им их ошибку...».

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, не принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!!) революционной демократии...».

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской воли»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р.Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разьяснение ошибок их тактики...».

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я нападаю на Временное правительство за то, что оно не назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учредительного собрания, отделяваясь посулами. Я доказывал, что без Советов рабочих и солдатских депутатов созыв Учредительного собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учредительного собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, не ловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брета»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, какое государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберги и Ко «обижаются»... на кого? — за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

Правда. 1917. 7 апреля

Кризис назрел

I

Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции.

Всемирная рабочая революция началась выступлениями одиночек, с беззаветным мужеством представлявших все, что осталось честного от прогнившего официального «социализма», а на деле социал-шовинизма. Либкнехт в Германии, Адлер в Австрии, Маклин в Англии — таковы наиболее известные имена этих героев-одиночек, взявших на себя тяжелую роль предтеч всемирной революции.

Вторым этапом в исторической подготовке этой революции явилось широкое массовое брожение, которое выливалось и в форму раскола официальных партий, и в форму нелегальных изданий, и в форму уличных демонстраций. Усиливался протест против войны — увеличивалось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы стран, славившихся своей законностью и даже своей свободой, Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало *военных восстаний* в Германии — вот несомненные признаки великого перелома, признаки *кануна революции* в мировом масштабе.

Нет сомнения, в Германии были и раньше отдельные случаи мятежа в войсках, но эти случаи были так мелки, так разрознены, так слабы, что их удавалось замять, замолчать — и в этом было главное для пресечения *массовой заразительности* мятежнических действий. Наконец, назрело и такое движение во флоте, когда уже ни замять, ни замолчать его, даже при всех неслыханно разработанных и с невероятным педантизмом соблюденных строгостях германского военно-каторжного режима, *не удалось*.

Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И так как мы, русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран, пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные Советы рабочих и солдатских депутатов, имеем на своей стороне *большинство* народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится.

II

В России переломный момент революции несомненен.

В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партии эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет *крестьянское восстание*.

Это невероятно, но это факт.

И нас, большевиков, не удивляет этот факт, мы всегда говорили, что правительство пресловутой «коалиции» с буржуазией есть правительство измены демократизму и революции, правительство империалистской бойни, правительство *охраны* капиталистов и помещиков от народа.

В России, благодаря обману эсерами и меньшевиками, осталось и остается, при республике, во время революции, рядом с Советами, правительство капиталистов и помещиков. Такова горькая и грозная действительность. Чего же удивительного, если в России, при неслыханных бедствиях, причиняемых народу затягиванием империалистской войны и ее последствиями, началось и разрастается крестьянское восстание?

Чего же удивительного, если противники большевиков, вожди *официальной* эсеровской партии, той самой, которая все время «коалицию» поддерживала, той самой, которая до последних дней или до последних недель имела большинство народа на своей стороне, той самой, которая продолжает порицать и травить «новых» эсеров, убедившихся в предательстве интересов крестьянства политикой коалиции, — эти вожди *официальной* эсеровской партии пишут 29-го сентября в редакционной передовице «Дела Народа», их официального органа:

«...Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России... Закон об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во Временное правительство и даже прошедший через такое чистилище, как Юридическое совещание, этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы не правы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще не освобождалось от старых навыков царского управления, что столыпинская хватка еще сильно не дает себя знать в приемах революционных министров».

Так пишут официальные эсеры! Подумайте только: сторонники коалиции *вынуждены* признать, что через семь месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабалы» крестьян, закабаления их помещиками! Эти эсеры *вынуждены* назвать *столыпинцами* своего коллегу Керенского и всю его банду министров.

Можно ли найти более красноречивое свидетельство из лагеря наших противников, подтверждающее не только то, что коалиция крахнула, не только то, что официальные эсеры, терпящие Керенского, стали *противонародной, противокрестьянской, контрреволюционной!!* партией, но и то, что вся русская революция пришла к перелому?

Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского, эсера, Никитина и Гвоздева, меньшевиков, и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов! Подавление этого восстания военными мерами республиканского правительства.

Можно ли быть еще перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины?

III

Ясно само собою, что если в крестьянской стране, после семи месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к *последней черте*.

Это ясно само собою. Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения.

Но все симптомы указывают наоборот, именно на то, что общенациональный кризис назрел.

После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелкобуржуазных масс населения, национальный вопрос. И мы видим, что на «Демократическом» совещании, подтасованном господином Церетели и К°, «национальная» курия по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя выше курии Советов рабочих и солдатских депутатов по проценту голосов, поданных *против* коалиции (40 из 55). Из Финляндии правительство Керенского, правительство подавления крестьянского восстания, выводит революционные войска, чтобы подкрепить реакционную финскую буржуазию. На Украине конфликты украинцев вообще и украинских войск в частности с правительством все учащаются.

Возьмем далее армию, которая в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни. Мы видели полный *откол* от правительства финляндских войск и Балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, небольшого, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т.е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ручаться нельзя. Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные Думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелкобуржуазна, это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эсеров и меньшевиков с 70 процентов в июне падают до 18 процентов. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17 процентов до 30 процентов, но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эсеров и «правых» меньшевиков. А «Русские Ведомости» говорят, что *абсолютное* число голосов за кадетов понизилось с 67 до 62 тысяч. Только у большевиков число голосов возросло с 34 тысяч до 82 тысяч. Они получили 47 процентов всего числа голосов. Что вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и *в стране*, в этом ни тени сомнения быть не может.

А к числу симптомов, имеющих не только симптоматическое, но и весьма реальное значение, надо отнести еще тот, что имеющие гигантское общеэкономическое и общеполитическое и военное значение армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством, причем даже меньшевики-оборонцы недовольны «своим» министром Никитиным, а официальные эсеры называют Керенского и К° «столыпинцами». Не ясно ли, что такая «поддержка» правительства меньшевиками и эсерами имеет, если имеет, только отрицательное значение?

IV

V

Да, вожди Центрального Исполнительного Комитета ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков. И нет ни малейшего сомнения, что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в съезд Советов и в созыв Учредительного собрания, «ожидания» съезда Советов и т.п., нет сомнения, что такие большевики оказались бы *жалкими изменниками* пролетарскому делу.

Они были бы изменниками ему, ибо они предали бы своим поведением немецких революционных рабочих, начавших восстание во флоте. При таких условиях «ждать» съезда Советов и т.п. есть *измена интернационализму*, измена делу международной социалистической революции.

Ибо интернационализм состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а в деле.

Большевики были бы изменниками крестьянству, ибо терпеть подавление крестьянского восстания правительством, которое даже «Дело Народа» сравнивает с столыпинцами, значит губить всю революцию, *губить* ее навсегда и бесповоротно. Кричат об анархии и о росте равнодушия масс: еще бы массам не быть равнодушными к выборам, если крестьянство *доведено до восстания*, а так называемая «революционная демократия» терпеливо сносит военное подавление его!!

Большевики оказались бы изменниками демократии и свободе, ибо снести подавление крестьянского восстания в такой момент *значит* дать подделать выборы в Учредительное собрание *совершенно так же* — и еще хуже, грубее — как подделали «Демократическое совещание» и «предпарламент».

Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту.

Кризис назрел...

Правда. 1917. 20 сентября

Г.В. ПЛЕХАНОВ [1856—1918]

Логика ошибки

Желающий получить пшеничный пирог
должен подождать, чтобы смололи муку

Пандарь у Шекспира (*Троил и Крессида*)

Ошибки имеют свою логику. И это самое неприятное свойство ошибок. Бывает так, что человек давно уже перерос тот уровень развития, на котором могла быть совершена им данная ошибка, что он уже и не вспоминает о ней, а события вдруг представляют ему требование уплаты за нее, с непогрешимой точностью присчитывая к капиталу проценты и проценты на проценты. Логика ошибок есть неумолимая логика жизни.

Вчера эти мысли совсем неожиданно пришли мне в голову, когда я, стоя на Марсовом поле, смотрел на проходившие мимо меня бесконечные ряды участников демонстрации.

Всероссийский Съезд Р. и С. Депутатов выразил доверие нашему Временному Правительству. Демонстрация 18 июня произош-

ла согласно постановлению этого Съезда. Казалось бы, она должна была сильно подчеркнуть и громко подтвердить то, что было выражено самым авторитетным органом революционной демократии.

В этом, естественно, заключалась одна из ее задач. И однако — не побоимся взглянуть в лицо истине! — демонстрация 18 июня этой задачи не решила. Красных полотнищ с надписью: «Долой десять министров-капиталистов!» было много. Правда, были и полотнища с надписью: «Доверие к Временному Правительству!» Что эти полотнища вызывали протесты со стороны некоторых весьма небольших групп, это было бы еще с полбеды. Но доходило до того, что кроткие противники правительства, так горько жалующиеся на «погромщиков», с ожесточением рвали такие полотнища, не всегда встречая достаточный отпор. Чем объясняется это? И можно ли сделать отсюда тот вывод, что правительство, по крайней мере в Петрограде, не пользуется доверием демократии?

Я должен сказать, что такой вывод был бы совершенно неправилен.

На самом деле демократия доверяет правительству в его целом. Но когда она слышит, что следует низвергнуть («долой!») тех его членов, которые не принадлежат к социалистическим партиям, она остается равнодушной. Ее наиболее сознательные и наиболее влиятельные представители молчат, опасаясь погрешить сочувствием к капитализму. Но удалить из нынешнего правительства «министров-капиталистов» — значит низвергнуть это правительство и поставить на его место новое, целиком составленное из членов различных социалистических организаций. Ленин и его единомышленники давно уже рекомендуют сделать это. И они остаются вполне верными себе, добиваясь удаления буржуазных членов нынешнего правительства. Но верны ли себе те наши товарищи, которые, отвергая тактику Ленина, боятся объяснить народу, что произошло бы у нас, если бы власть немедленно перешла в руки социалистов?

Такой переход был бы не чем иным, как диктатурой «пролетариата и крестьянства». Наша трудящаяся масса еще не готова для такой диктатуры. Как заметил Энгельс, для всякого данного класса нет большего несчастья, как получить власть в такое время, когда он, по недостаточному развитию своему, еще не способен воспользоваться ею надлежащим образом: его ожидает в этом случае жестокое поражение. Что касается нашей трудящейся массы, то ее поражение было бы тем неизбежнее, в случае захвата ею власти, что, как это всем известно, Россия переживает теперь небывалую экономическую разруху. Кто согласен с этим, — а с этим согласно огромное большинство наших организованных демократов, — тот должен наконец сделать правильный политический вывод им самим

признаваемых посылок: он должен разъяснить трудящейся массе, что русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма, и что пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся. К этому он должен прибавить, что участие буржуазии в управлении страной особенно необходимо в нынешнее, совершенно исключительное, время. Пока наши демократы, отвергающие тактику Ленина, не провозгласят этого смело и открыто; пока они не станут упорно твердить это при каждом удобном случае, до тех пор они сами, — не желая и не сознавая этого, — останутся полуленинцами, и до тех пор им невозможно будет парализовать разрушительные усилия тех, которые целиком проводят тактику Ленина.

Ошибки имеют свою неумолимую логику. Коренная ошибка наших революционных противников Ленина заключается в их непоследовательности: они считают капиталистическую фазу развития еще не превзойденной в России и, сообразно с этим, находят необходимым участие буржуазии в управлении страной, но при этом сами говорят о «буржуях» таким языком, что у массы воспитывается и поддерживается склонность выслушивать клич: «долой министров-капиталистов». Логика этой ошибки сильно дала себя почувствовать в демонстрации 18 июня.

Демагоги запоют, завопиют и возглаголят на разные голоса, что я советую социалистам петь хвалы буржуазии. Это, разумеется, вздор. Мы должны критиковать буржуазию, мы должны всеми силами отстаивать от ее посягательств интересы рабочего класса. Но мы должны делать это разумно и целесообразно; мы должны позаботиться о том, чтобы, идя в одну комнату, не попасть в другую; мы должны вести свою пропаганду и агитацию так, чтобы под их влиянием народ не вообразил, будто ему не остается ничего другого, как теперь же попытаться сделать социалистическую революцию.

Еще раз: ошибки имеют свою логику, и эта логика неумолима, от нее не отделаешься ни крестом, ни перстом.

Единство. 1917. 20 июня

Открытое письмо к петроградским рабочим

Товарищи!

Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А.Ф. Керен-

ского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Скажу вам прямо: меня эти события огорчают.

Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а, наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души.

В течение последних месяцев некоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть ли не контрреволюционером. Во всяком случае, они охотно распространялись на ту тему, что я готов перейти или уже перешел на сторону буржуазии. Но эти агитаторы и публицисты, — по крайней мере, те между ними, которые не страдали неизлечимым простодушием, — конечно, сами не верили тому, что распространялось ими на мой счет. Да и нельзя этому верить.

Кому известна была история моей политической деятельности, тот знает, что уже с начала восьмидесятых годов прошлого столетия, — со времени основания группы «Освобождения Труда», — в ее основе лежала одна политическая мысль: мысль об историческом призвании пролетариата вообще и русского пролетариата в частности.

«Революционное движение в России восторжествует как движение рабочего класса или совсем не восторжествует», — сказал я в речи о русском положении, произнесенной мною на Парижском международном Социалистическом Съезде 1889 г., — этом первом Съезде 2-го Интернационала.

Эти мои слова недоверчиво встречены были огромным большинством участников Съезда. Россия представлялась им такой безнадежно отсталой страной, что они должны были принять и действительно приняли за несбыточную утопию мое мнение о великом историческом призвании русского пролетариата в области нашей внутренней политики. Только мой друг Жюль Гэд, зять Маркса Шарль Лонгэ да еще старый деятель германской социал-демократии Вильгельм Либкнехт иначе отнеслись к мысли, мною высказанной. Они нашли, что мысль эта проливает новый свет на дальнейший ход русского общественного развития и соответствующего ему освободительного движения.

Что же касается нашей революционной интеллигенции того времени, то в ее среде моя парижская речь вызвала значительное неудовольствие. Вера в промышленный пролетариат считалась тогда у нас вредной ересью. Интеллигенция насквозь пропитана была старозаветными народническими понятиями, согласно которым промышленный рабочий не мог претендовать ни на какую самостоятельную историческую роль. В лучшем случае он способен был, по

убеждению тогдашних народников, поддержать революционное движение крестьянства. И это убеждение так сильно укоренилось в интеллигенции, что всякое отклонение от него считалось почти изменой революционному делу.

В первой половине девяностых годов «легальные» народники печатно называли нас, «нелегальных» проповедников идеи рабочего сословия (как выразился бы Лассаль), *кабатчиками*, а один из них выразил ту отрадную уверенность, что ни один уважающий себя журнал не позволит себе напечатать на своих страницах изложение наших взглядов.

В продолжение целой четверти века мы стойко выносили самые ожесточенные нападки и преследования. Мы обладали той «благородной упрямкой», на которую с гордостью указывал некогда Ломоносов как на одно из отличительных свойств своего характера. И вот теперь, когда жизнь как нельзя более убедительно показала, что мы были правы; теперь, когда русский рабочий класс в самом деле стал великой движущей силой общественного развития, мы отвернемся от него и перейдем на сторону буржуазии? Да ведь это ни с чем не сообразно; этому может поверить лишь тот, кто не имеет ни малейшего понятия о психологии!

Повторяю, этому не верят сами наши обвинители. И, конечно, сознательные элементы русского рабочего класса отвергнут это обвинение как недостойную клевету на тех, которых сами обличители не могут не признать первоучителями русской социал-демократии.

Итак, не потому огорчают меня события последних дней, чтобы я не хотел тождества рабочего класса в России, а именно потому, что я призываю его всеми силами души.

В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было.

Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру?

Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, ответит на этот вопрос решительным отрицанием.

Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической

власти. Навязать ему такую власть — значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России.

В населении нашего государства пролетариат составляет *не большинство, а меньшинство.* А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист.

Правда, рабочий класс может рассчитывать на поддержку со стороны крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма. В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию. Стало быть, крестьяне — совсем ненадежный союзник рабочего в деле устройства социалистического способа производства. А если рабочий не может рассчитывать в этом деле на крестьянина, то на кого же он может рассчитывать? Только на самого себя. Но ведь он, как сказано, в меньшинстве, тогда как для основания социалистического строя необходимо большинство. Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить «социальную революцию», то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение.

Говорят: то, что начнет русский рабочий, будет dokonчено немцами. Но это — огромная ошибка.

Спора нет, в экономическом смысле Германия гораздо более развита, чем Россия. «Социальная революция» ближе у немцев, чем у русских. Но и у немцев она еще не является вопросом нынешнего дня. Это прекрасно сознавали все толковые германские социал-демократы как правого, так и левого крыла еще до начала войны. А война еще более уменьшила шансы социальной революции в Германии, благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство немецкого пролетариата с Шейдеманом во главе стало поддерживать германских империалистов. В настоящее время в Германии нет надежды не только на «социальную», но и на политическую революцию. Это признает Бернштейн, это признает Гаазе, это признает Каутский, с этим наверное согласится Карл Либкнехт.

Значит, немец не может закончить то, что будет начато русским. Не может закончить это ни француз, ни англичанин, ни житель Со-

единенных Штатов. Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года.

А война, которую поневоле приходится вести России? Страшно осложняя положение дел, она еще больше уменьшает шансы социальной революции и еще больше увеличивает шансы поражения рабочего класса.

На это возражают: мы декретируем мир. Но чтобы германский император послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его стороне, то, «декретируя» мир, мы тем самым декретируем его победу, т.е. победу германского империализма над нами, над трудящимся населением России. Решите сами, можем ли мы радостно приветствовать подобную победу.

Вот почему, дорогие товарищи, меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде. Повторяю еще раз. Они огорчают меня не потому, чтобы я не хотел торжества рабочего класса; а, наоборот, потому, что я призываю его всеми силами души и вместе с тем вижу, как далеко отодвигают его названные события.

Их последствия и теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или — еще того хуже — одной партией.

Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка.

Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление.

Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться.

Весь ваш

Г. Плеханов.

Единство. 1917. 28 октября

[ноябрь 1917—1927 гг.]

Проектные работы

ПОДПИСА
НА / 1991 г. 28 лет
(фамилия, имя, отчество)

ОБЯВЛЕНИЕ
Страна
1991 г.

После победы Октябрьской революции первоочередной стала задача выхода России из империалистической войны. 9 декабря в Брест-Литовске начались переговоры о заключении мирного договора, в ходе которых Германия выдвинула уничижительные для России условия мира, что вызвало резкий протест против его заключения у многих членов Центрального Комитета партии. Против сторонников Ленина, настаивавших на принятии германских условий, решительно выступили «левые коммунисты» во главе с Бухариным. 28 января 1918 г. переговоры в Брест-Литовске были прерваны, а 18 февраля германская армия перешла в наступление по всему фронту, заняв часть западной территории России. В результате Советское правительство по настоянию Ленина вынуждено было принять более тяжелые условия мира, предъявленные германским командованием 21 февраля, и 3 марта сепаратный мир с Германией был подписан.

Для окончательного решения вопроса о выходе России из империалистической войны был созван VII экстренный съезд РКП(б), состоявшийся 6—7 марта. На съезде борьба сторонников и противников заключения уничижительного грабительского мира приобрела особенно острый характер: за необходимость принятия мира Ленину пришлось выступать на съезде 18 раз. Состоявшийся 14—16 марта IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицировал мирный договор Советского правительства с правительством Германии.

Настойчиво разъясняя решения съезда, печать изо дня в день призывает использовать мирную передышку для подъема экономики страны. Неоднократно провозглашавшие, что в переходный период от капитализма к социализму государство не может быть ничем иным, как государством диктатуры пролетариата, Ленин и его соратники уже в первое советское десятилетие оказались способными вмонтировать большевистскую партию в государственную систему, а прессу превратить в «сугубо партийное дело».

СТАНОВЛЕНИЕ ОДНОПАРТИЙНОЙ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Еще до прихода большевиков к власти их курс на вооруженное восстание вызывал самую резкую критику не только буржуазных, но и социалистических газет, называвших Ленина и его сторонников «заговорщиками», «слепыми фанатиками», способными совершить «любые преступления». Такие газеты, как «Биржевые ведомости», «Русская воля», «Дело народа», «Новое время» утверждали, что призыв большевиков к бунту и анархии «уголовно наказуемые деяния» и требовали от Временного правительства, чтобы большевистская пропаганда была уничтожена «в корне». 15 октября эсеровская газета «Дело народа» решительно заявляла: «Против объявленного похода большевиков революция должна собрать все свои силы. Пусть грозный и дружный отпор будет ответом к преступному выступлению в эту тяжелую для страны минуту».

Не менее резкой была критика в адрес большевиков в газете «День». 22 октября она открывалась призывом: «Граждане, будьте настороже». «Сегодня, — писала газета, — может быть, темные силы попытаются свергнуть столицу России в ужасы гражданской войны. От вас зависит не дать разгореться пожару».

С переходом власти к большевикам их критика несоизмеримо усилилась. 26 октября в статьях «Преступление совершилось», «Тем, кто у власти», «Пролог или эпилог» «День» заявляет, что большевистская авантюра обречена на «быстрый и полный провал», что при всеобщем бойкоте буржуазии большевики не смогут управлять Россией ни одного дня. «Мы хотели бы видеть их в этом положении хотя бы завтра, — предрекает газета. — Пролог оказывается эпилогом».

Как плод «политического безумия и авантюризма» характеризовали большевистское вооруженное восстание и такие газеты, как «Речь», «Народное дело», «Воля народа», а «Утро России» (газета П. Рябушинского — орган крупных промышленников и банковских магнатов) 8 ноября заявляла: «Большевистские официозы продолжают утверждать, что в последних числах октября в России произошла революция и что революцию эту совершили «рабочие, солдаты и крестьяне». На самом деле ни в Петрограде, ни в Москве, ни на узловых станциях не было революции. Там были только солдатские бунты». А на следующий день эта же газета

призывала «совместными усилиями ликвидировать большевистскую авантюру, положить конец царствованию Ленина».

Встретив в штыки образование на II съезде Советов новой государственной власти, все эсеровские и меньшевистские издания на другой же день после октябрьского переворота обнародовали воззвание Комитета спасения Родины, возглавлявшегося эсером В. Черновым, а также приказ А. Керенского, выпущенный им в Пскове с призывом сохранить верность Временному правительству, не признавать «власти насильников» и не исполнять их распоряжений. Полностью солидаризируясь с Керенским и Черновым, оппозиционные большевикам газеты называли Советское правительство «кратковременным», а его представителей «рыцарями на час». «Начало конца» — такой приговор, раздававшийся со страниц всей оппозиционной прессы, не мог не вызвать экстренных ответных мер. И они последовали незамедлительно: уже 26 октября по постановлению Петроградского и Московского Военно-революционных комитетов десять наиболее крупных буржуазных газет, в том числе «Речь», «День», «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Утро России» были закрыты, однако некоторые из них возобновились под другими названиями. Чтобы меры, принимаемые против оппозиционной прессы были более действенными, имели бы силу революционного закона, Совет Народных Комиссаров 26 октября (9 ноября) принял «Декрет о печати». 28 октября он был опубликован в «Правде» и других газетах.

Декрет о печати. Закрытие оппозиционной прессы. Особое внимание в Декрете акцентировалось на том, что закрытию подлежат лишь органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству, сеющие смуту путем клеветнического извращения фактов, призывающие к деяниям явно преступного, уголовно наказуемого характера. Разъяснялось также, что запрещения органов прессы проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров, что Декрет имеет временный характер и будет отменен особым указом, как только наступят нормальные условия общественной жизни.

Принятие «Декрета о печати» вызвало бурю протеста даже со стороны социалистических изданий. 26 ноября 1917 г. Союзом

русских писателей была издана однодневная «Газета-протест». В числе ее авторов были В. Короленко, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, З. Гиппиус, а также В. Засулич, П. Потресов. О характере опубликованных в газете материалов красноречиво свидетельствуют их заглавия: «Слова не убить», «Осквернение идеала», «Насильникам», «Красная стена», «Протесты против насилия над печатью». Аналогичную позицию по отношению к Декрету занимал А.М. Горький. Не приемля «позорного отношения к свободе слова» со стороны большевиков, А.М. Горький 20 ноября писал в «Новой жизни»: «Чем отличается отношение Ленина к свободе слова от такого же отношения Столыпиных, Плеве и прочих полулюдей? Не так ли же Ленинская власть хватается и тащит в тюрьму всех несогласномыслящих, как это делала власть Романовых?».

Сблизившийся в это время с А.М. Горьким писатель Е.И. Замiatин в статьях «Елизавета Английская», «Великий ассенизатор», «Последняя страница», «Они правы», опубликованных в газетах «Новая жизнь» и «Дело народа», также выступил против ограничения свободы печати. Под нигилистическими большевистскими лозунгами «разрушения старого мира до основания» и популистскими призывами строительства «нашего нового мира» писатель уже в то время сумел распознать контуры надвигающейся беды — тоталитаризма. «Свободное слово страшней пулеметов, — читаем в его статье «Они правы», опубликованной в «Деле народа» 18 июня 1918 г. — И это знают теперешние исполняющие обязанности. Ночная нечисть права, что боится петушиного крика. Они правы, что боятся свободного слова». Снять с печати осадное положение — этот призыв звучит во многих его выступлениях. Только свобода печати, утверждает писатель, явится убедительным доказательством, что власть действительно верит в себя и в свою прочность.

Острейшая борьба вокруг «Декрета о печати» развернулась при обсуждении его на заседании ВЦИК 4(17) ноября, на котором была предпринята попытка отмены Декрета. С предложением покончить с политическим терроризмом, отказаться от мер подавления оппозиционной прессы выступил Ю. Ларин. Однако участники заседания его не поддержали, а выступивший с речью Ленин провозгласил, что превращение печати из орудия классового господства буржуазии в орудие диктатуры про-

летариата составляет основу классового понимания свободы печати. «Мы и раньше заявляли, — подчеркнул он, — что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом»¹.

Самое упорное сопротивление «Декрету о печати» оказали меньшевистские союзы печатников, заявлявшие, что настало время объединиться «для отпора».

Принимая решительные меры по подавлению оппозиционеров, Совет Народных Комиссаров 7(20) ноября издал Декрет о введении государственной монополии на объявления. Это был еще один шаг по воплощению большевистской программы в области печати. Издатели газет, особенно буржуазных, по этому Декрету лишались огромных доходов, которые составляли до 2 млн в «Русском слове», свыше 1 млн руб. в газете «Копейка». Многотысячные доходы имели также «Речь», «Биржевые ведомости», «Новое время» и многие другие. Едва Декрет о введении государственной монополии на объявления был обнародован, как со страниц оппозиционной прессы раздались голоса о «вопиющем насилии», о том, что запрет печатать объявления «взят из арсенала прежних гонителей печати». Протест против нового декрета был настолько сильным, что, игнорируя его, отдельные эсеровские и меньшевистские газеты стали помещать объявлений еще больше, причем они появлялись даже в тех газетах, которые раньше объявлений не публиковали.

Вопреки всем протестам наступление властей на оппозиционную прессу упорно продолжалось. За два с небольшим месяца 1917 г. было закрыто более 120 буржуазных изданий и газет эсеров, меньшевиков, трудовиков и анархистов. Некоторые из закрытых газет продолжали выходить под другими названиями. «Речь», например, закрытая 26 октября, через несколько дней возобновилась, как «Наша речь», а затем выходила под названиями «Свободная речь», «Наш век», «Новая речь», «Новое время». Неоднократно меняли свое название газеты «День» (Полдень), «Новый день», «Грядущий день», «Полночь», «Ночь», «Рабочая газета» («Луч», «Заря», «Клич», «Пламя», «Факел»).

Эти уловки оппозиционной прессы, порождавшие все более строгие меры борьбы с ними, привели к созданию 28 января 1918 года Революционного трибунала печати, который за проступки путем использования печати мог тот или иной печат-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 54.

ный орган подвергнуть различным мерам наказания: от денежного штрафа до приостановки издания и даже до его закрытия.

28 января «Правда» сообщила о первом заседании Петроградского революционного трибунала печати, намеченном на 31 января. Слушалось дело о привлечении к ответственности эсеровской газеты «Дело народа» за открытые призывы к свержению Советского правительства.

Во второй половине марта — первой половине апреля 1918 г. в Революционном трибунале печати состоялись судебные процессы над газетами «Русские ведомости», «Новое слово», «Утро России», «Власть народа». Все они были закрыты «за распространение провокационных слухов» без права выхода под другими названиями. Кроме того, их редакторы были сурово наказаны: редактор «Утра России» был оштрафован на сто тысяч рублей, а «Русских ведомостей» — осужден на 3 месяца принудительных работ. В мае—июне было закрыто около 60 газет и около 20 изданий подверглись штрафам от 25 до 80 тыс. рублей. Всего в 1917 — январе—августе 1918 г. было ликвидировано свыше 460 газет: 226 буржуазных, 235 эсеровских и меньшевистских².

Первые советские газеты. В ходе ликвидации буржуазной прессы и других оппозиционных изданий продолжался процесс по созданию советской партийной журналистики. Уже на третий день после взятия большевиками власти 28 октября (10 ноября) в Петрограде начал издаваться официальный орган Совета Народных Комиссаров «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства». Редактором первого правительственного органа Советской России был утвержден П.А. Красиков. Редакция находилась на Фонтанке в здании Комиссариата по внутренним делам. Как правительственный орган газета имела исключительное право на печатание объявлений (и местных петроградских, и присылавшихся из провинции и из-за границы), рассылалась во все правительственные учреждения, волостные правления, земельные комитеты, местные Советы рабочих и солдатских депутатов.

Главным в газете был отдел «Действия правительства» (первоначально назывался «Постановления рабочего и крестьянского

² Окорков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. — М., 1970. С. 310.

правительства»). В этом официальном отделе публиковались декреты, приказы, распоряжения СНК, местных органов власти. В первом номере были обнародованы Декрет о земле, Декрет о мире, Декрет о печати. Из других опубликованных правительственных постановлений следует выделить Декрет о государственном издательстве, Декрет о введении государственной монополии на объявления, Постановление о революционном трибунале печати, Декрет о свободе совести и церковных и религиозных обрядах, Проект о расторжении брака, Декрет о введении в Российской республике западно-европейского календаря, согласно которому первый день после 31 января 1918 г. считался не 1-м, а 14 февраля. Под рубрикой «Вести из провинции» шли информационные сообщения об утверждении советской власти на местах. Под постоянной рубрикой «Суд» публиковались решения Революционного трибунала печати о закрытии оппозиционных газет. Последний номер газеты вышел 28 февраля 1918 г.

В 1917 г. возникло еще несколько новых изданий: 21 ноября в Петрограде под редакторством К.С. Еремеева начала выходить газета «Армия и флот рабочей и крестьянской России». Газета являлась органом СНК по военным и морским делам и выходила под аншлагами: «Да здравствует Красная Армия!», «Защита революции — Красная армия!» Заглавиям полос полностью соответствовало и их содержание: «Для чего нужна социалистическая армия», «Красная армия — это звучит грозно и гордо!», «Что нужно знать солдату и гражданину, чтобы хорошо уметь драться штыком», «Об условиях поступления в социалистическую армию» и т.д.

Много места занимали в газете материалы о переговорах в Брест-Литовске, о подавлении мятежа Керенского, о реорганизации армии и милиции. В номере от 18(31) января 1918 г., вышедшем под новым названием «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот» были помещены Декрет СНК об организации Красной Армии и сообщение об ассигновании 20 млн рублей на эти цели. В связи с созданием в Москве еженедельника «Красная Армия» издание газеты 30 апреля 1918 г. прекратилось.

Важное значение в периодике Советской России 1917 г. имели «Голос трудового крестьянства» и «Гудок».

Еженедельник крестьянского отдела ВЦИК Советов «Голос трудового крестьянства» был основан 3 декабря как орган

фракции левых эсеров Всероссийского Совета крестьянских депутатов в Петрограде. Весь тираж еженедельника, составлявший 60 тыс. экземпляров, бесплатно рассылался губернским, уездным, волостным Советам, земельным отделам, библиотекам-читальням и крестьянам. Последний номер газеты под руководством эсеров вышел 6 июля 1918 г. Издание было возобновлено 10 июля при большевистском составе редакции. Чтобы привлечь по возможности больше читателей, новая редакция в виде бесплатного приложения выпускала специальные листки «Деревенская жизнь», «Народная медицина и ветеринария», «Женская страничка», «Сельское хозяйство». В июне 1918 г. газета слилась с «Беднотой».

В 1917 г. увидела свет и наиболее популярная, особенно в 1930-е годы, газета «Гудок». Она начала выходить 23 декабря как орган профессионального союза железнодорожных мастеровских и рабочих Петроградского и Московского узла. Первым ее редактором был Л.С. Сосновский. Определяя свою программу, редакция в первом номере заявляла, что она будет «способствовать выработке единства воли и действия железнодорожного пролетариата, выявлять его революционное классовое сознание, углублять и расширять завоевания революции, будить и звать железнодорожные низы к сплочению своих сил и тесному единению со всем борющимся пролетариатом России для торжества трудовой революции и лучших заветов рабочего движения». Это программное редакционное заявление — еще одно свидетельство, что рожденная Октябрем советская пресса с первых дней своего существования представляла собою идеологическое и организационное средство проведения политики РКП(б).

Еще значительно интенсивнее советская журналистика развивается в 1918 г. В марте, после переезда Советского правительства в Москву, была создана газета «Беднота», редакционный коллектив которой возглавили Л.С. Сосновский и В.А. Карпинский. «Беднота» быстро превратилась в одно из наиболее популярных изданий: уже к марту 1919 г. ее тираж превысил полмиллиона экземпляров.

Рассчитанная на полуграмотных и вовсе неграмотных в своей массе читателей-крестьян, «Беднота» существенно отличалась от других центральных газет и версткой, и формами подачи материалов, и краткостью, популярностью их изложения.

С первых же номеров редакция газеты стремилась установить тесные связи с читателями. Их письма полностью занимали всю вторую полосу «Бедноты» под рубриками «Как живется в нашей деревне», «Советская власть в деревне». Значительной популярности газеты способствовали публикации под рубрикой «Вопросы и ответы», а также выпуски приложений и специальных страниц: «Новое земледелие», «Лицо земледельца» и др.

Из центральных, возникших в 1918 г. газет следует выделить первую советскую вечернюю газету, первое советское экономическое издание, первый советский печатный орган по делам национальностей.

Первое вечернее издание — «Вечерняя Красная газета» выходила с 17 июля по 1 октября 1918 г. под редакторством В.А. Карпинского. Нам нужна дешевая вечерняя газета, живая, с интересным рисунком, с оперативными новостями, житейскими сведениями, — так определяла свою задачу редакция. Внимание читателей привлекали подборки заметок под рубриками «В последний миг», «В последнюю минуту», «Телеграммы». Значительный интерес вызывали публикации в отделе «Черная доска». «Материалов для «Черной доски», — заявляла редакция в номере за 15 августа, — жизнь преподносит более, чем достаточно. Что же! Будем заносить туда все «славные имена» всяких дезорганизаторов, примазавшихся к Советской власти, негодяев и саботажников — какими бы именами они не прикрывались!».

В связи с тем, что 1 октября в Москве стала выходить ежедневная газета «Коммунар», издание «Вечерней Красной газеты» прекратилось. В «Коммунаре» сохранились некоторые рубрики «Вечерней Красной газеты», в том числе «В последнюю минуту», «На «Черную доску», а также сатирический отдел «Пролетарская плаха». Ведущим в «Коммунаре» стал отдел «Рабочая жизнь», занимавший порой целые полосы. Ввиду острого недостатка бумаги с 1 июня 1919 г. издание «Коммунара» было прекращено, вместо его подписчики стали получать «Бедноту».

С октября 1918 г. началась история советской экономической журналистики. 10 октября появился первый номер ведомственной газеты «Известия Высшего Совета Народного Хозяйства», предназначенной для публикаций постановлений и распоряжений ВСНХ. Трудности с изданием ежедневной газеты, доводила до сведения читателей редакция, заставляют ее ограничиться на первое время изданием информационного органа, одна-

ко в ближайшие дни редакционный коллектив намерен превратить его «в большую ежедневную экономическую газету». Превращение это произошло 6 ноября 1918 г. В этот день читатели получили первый номер газеты «Экономическая жизнь», в котором, кроме передовой «Экономические перспективы русской революции», были помещены статьи «Из истории возникновения ВСНХ» М. Савельева, «Экономическая диктатура пролетариата» Р. Арского, «Условия экономического строительства и перспективы будущего» М. Бронского, «Как мы овладели государственным банком» Н. Осинского. Постоянными на страницах руководящего органа ВСНХ стали рубрики «Продовольствие», «Транспорт», «Металл», «Топливо», «Сельское хозяйство», «Финансы», «В президиуме ВСНХ». Особое внимание газете уделял Ленин: с 1918 по 1923 г. на страницах «Экономической жизни» было опубликовано более ста его материалов.

Через три дня после создания «Экономической жизни» вышла еще одна центральная газета «Жизнь национальностей» — еженедельник Наркомнаца. Регулярно освещая вопросы промышленности, сельского хозяйства, культуры, просвещения национальных регионов, газета нередко помещала исторические очерки под заглавиями «Киргизы», «Ингуши», «Мари (черемисы)», «Из истории восточного трудового народа» и т.д. Основное содержание этих публикаций сводилось к тому, что только организованность и единение всех национальностей вокруг русского народа приведут к успеху в борьбе за Советскую власть. Среди постоянных авторов были Ф. Кон, П. Стучка, другие партийные и государственные деятели. Часто в газете выступал возглавлявший Наркомнац И. Сталин, перу которого принадлежит немало передовых статей: «Политика правительства по национальному вопросу», «Два лагеря», «Наши задачи на Востоке», «Резервы империализма» и др.

Последний номер газеты вышел 16 февраля 1922 г., а с 25 февраля под тем же названием стал издаваться журнал.

Российское телеграфное агентство. Важным событием в истории советской журналистики стало создание в 1918 году Российского телеграфного агентства (РОСТА). Без хорошо поставленной службы информации, без оперативного распространения по всей стране важнейших актов и постановлений Совет-

ской власти, без сообщений о важнейших событиях в стране и за рубежом советская журналистика не могла в полной мере выполнять свои задачи укрепления власти большевиков.

В России первое информационное агентство возникло в 1894 г. В 1902 г. Российское телеграфное агентство было реорганизовано в Торгово-телеграфное агентство (ТТА), а в 1904 г. на его базе появилось Санкт-Петербургское телеграфное агентство, переименованное в 1914 г. в Петроградское телеграфное агентство (ПТА), просуществовавшее до октября 1917 г. После Октябрьской революции некоторое время газеты пользовались сообщениями агентства «РусТель» (Русский телеграф). Причем агентство взимало за доставку утренних и вечерних бюллетеней и телеграмм до 600 рублей в месяц. Однако и на этих условиях редакции не всегда своевременно получали необходимые известия. Такое положение не могло быть терпимым. 1 декабря 1917 г. Совнарком принял постановление «О Петроградском Телеграфном Агентстве», которое объявлялось центральным телеграфным агентством при Совете Народных Комиссаров. Агентство обязано было давать оперативную информацию не только для газет, но и для Советского правительства. Кроме ПТА официальную информацию для печати поставляло Бюро печати при Совнаркоме (Бюро печати было создано при ЦК РКП(б) еще в мае 1917 г.). Таким образом, пресса имела два источника информации: сведения о действиях правительства она получала в Смольном в Бюро печати, остальную информацию — в ПТА на улице Почтамтской.

После переезда Советского правительства в Москву сюда же перебрались ПТА и Бюро печати, на базе которых постановлением ВЦИК от 7 сентября 1918 г. было создано Российское телеграфное агентство (РОСТА).

К моменту Октябрьской революции под контролем большевиков выходило около ста газет и журналов. К середине 1918 г. они издавались более, чем в 120 губернских центрах и в 280 уездах и волостях. Всего было 884 газеты, в том числе на национальных языках около 40 газет. Возрастали и тиражи периодических изданий: «Правда» имела 170 тыс. экз., «Беднота» и «Известия» соответственно 240 и 450 тыс. экз.

Начало радиовещания. Еще до октября 1917 г. начинается использование радио как средства информации. 25 октября (7 ноября)

в эфир было передано ленинское обращение «К гражданам России», возвестившее о победе Октябрьской революции. После этого последовали другие радиопередачи, начинавшиеся с обращения: «Всем, всем, всем!». С самого начала радио предназначалось особая роль в системе средств массовой информации: только по радио можно было получить оперативную зарубежную, а также информацию о событиях отдаленных регионов страны.

19 июля 1918 г. был принят «Декрет о централизации радиотехнического дела РСФСР», в соответствии с которым в ведение Народного комиссариата почт и телеграфа (Наркомпочтеля) перешли радиостанции Детскосельская под Петроградом, Ходынская (Москва), Тверская, Ташкентская, Хабаровская и др. Всего к июлю 1918 г. в стране действовало около ста радиотелеграфных станций.

Развивалось также *издательское дело*. В январе 1918 г. был принят декрет «О Государственном издательстве», главной задачей которого стало издание книг классиков отечественной литературы и учебников.

Первый съезд журналистов России. Для всех средств массовой информации в условиях большевистской однопартийности все настойчивее выдвигалась задача пропаганды социализма в государственном масштабе. Многочисленные ленинские декреты, документы, статьи нацеливали на превращение прессы в орудие социалистического строительства, на превращение ее в составную часть административного управления обществом. Основоположающими для деятельности печати, радио, информационных агентств, работников издательств стали статьи Ленина «Как организовать соревнование?» (декабрь 1917), «Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918), «О характере наших газет» (сентябрь 1918). Последняя статья появилась за два месяца до открытия Первого съезда журналистов России, проходившего в Москве с 13 по 16 ноября 1918 г. и имела немаловажное значение для принятия его решений. В состав президиума съезда были избраны редакторы «Бедноты» (Л.С. Сосновский), «Известий» (Ю.М. Стеклов), зам. наркома почт и телеграфа, комиссар РОСТА Л.Н. Старк. Среди 106 делегатов были такие видные журналисты, как Эрде («Известия»), Н. Батулин («Правда»), М. Городецкий («Беднота»), Л. Сталь (Вятка) и др.

Собравшиеся заслушали выступления А. Коллонтай, К. Радека, П. Керженцева. Открывший съезд Л. Каменев, заявил: «Нам решительно нужно отделаться от того, что было так характерно для буржуазной печати... История ждет от вас, — подчеркнул он, обращаясь к участникам съезда, — чтобы вы явили миру пример, как нужно вести пропаганду социализма»³.

В центре внимания делегатов были проблемы типологии прессы. В докладах Л. Сосновского и Ю. Стеклова проявился разный подход к этой важнейшей проблеме. Стеклов отстаивал тезис о необходимости издания в любом более или менее крупном центре большой, руководящей газеты (типа «Известий») и популярной информационной (типа «Бедноты»). Сосновский высказал решительное несогласие с этим, заявив, что он «стоит на совершенно иной точке зрения». По сути он выступил против типа «большой газеты», выразив сомнение, что простой рабочий читает «Известия». «Советская печать — утверждал он в запальчивости, — или совершенно не должна существовать или должна существовать для масс пролетариата... Наша печать должна быть печатью простого мужика, простого рабочего нашей пролетарской диктатуры, или к черту всю эту печать, всю эту прессу»⁴. Сосновский призывал принять все меры к тому, чтобы в газете сотрудничали сами рабочие и крестьяне, чтобы газета стала «органом борьбы масс, как винтовка в руке»⁵.

Свою точку зрения по вопросам типологии высказал П. Керженцев, заявивший, что создание двух постоянных типов газет — идея опасная, что не следует создавать два шаблона, а стремиться к созданию самых различных типов газет, так как, чем больше будет этих типов, тем богаче будет возможность проявлять свои творческие силы. Из-за разногласий, возникших в ходе обсуждения проблем типологии и других вопросов по строительству советской журналистики, были предложены два варианта резолюции, подготовленные под руководством Ю. Стеклова и Л. Сосновского. В основу принятой съездом резолюции «О задачах советской печати» был принят вариант комиссии Стеклова с отдельными дополнениями из варианта комиссии Сосновского. Приня-

³ Правда. 1918. 15 ноября.

⁴ Первый Всероссийский съезд советских журналистов. Из стенографического отчета. — М., 1918. С. 32.

⁵ Там же. С. 36.

тая резолюция немало способствовала выработке основных типов изданий в годы первого советского десятилетия.

Очень остро был на съезде поставлен вопрос о независимости газет от чиновничьего произвола. Делегаты, особенно представители от местных газет, открыто заявляли, что им нет житья от «больших и маленьких комиссаров» и единодушно требовали «раскрепостить газеты от товарищей комиссаров», дать возможность свободно работать. Особенно резко против комиссародержавия в журналистике выступила Л. Сталь. «Печать, — заявила она, — должна вести беспощадную борьбу с тем чиновничеством, которое нас совершенно замучило. У нас чиновники хуже, чем при старом режиме»⁶.

Протесты против комиссародержавия были столь сильными, что это послужило поводом для убеждения в опубликованном в «Правде» отчете о съезде журналистов, что на нем принята резолюция «о полной независимости советской прессы», что «ни под каким предлогом недопустима политическая цензура». В действительности такой резолюции не было, как не было и резолюции о том, что только партийная организация может распоряжаться прессой и направлять ее на должный путь, хотя в некоторых выступлениях эта мысль и звучала. Так, Сосновский утверждал: «Редактора должны помнить, что ответ за все в первую очередь они несут перед партией и они должны заставлять партийные организации взять на себя руководство печатью»⁷.

С иным настроением проходил Второй съезд журналистов России в мае 1919 г. «Предоставить печать в полное распоряжение коммунистической партии», — записали его участники в своем решении, объявив все свои организации «мобилизованными в дело печатной пропаганды и агитации по обороне Советской республики». А еще раньше, в марте 1919 г., на VIII партийном съезде было отмечено, что за время Гражданской войны общее ослабление партийной работы «вредно отразилось на состоянии нашей партийной и советской печати», являющейся «незаменимым средством воздействия на самые широкие массы». Исходя из этого, съезд постановил: «Редакторами партийных и советских газет назначать наиболее ответственных, наиболее опытных партийных работников, которые обязаны фак-

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 11.

тически вести работу в газете; партийные комитеты должны давать редакторам общие политические директивы и указания и следить за выполнением директив, не вмешиваясь, однако, в мелочи повседневной работы редакции»⁸.

Решения VIII партийного съезда окончательно превращали журналистику в орудие партии, все средства массовой информации в условиях моноидеологии должны были идти в ногу с партией, полностью отражая ее линию в политической, экономической, культурно-просветительской и других областях. Начиная с VIII съезда, на всех последующих съездах и в специальных решениях о печати первостепенное внимание неизменно обращалось на идейно-политическую выдержанность газет и журналов, на превращение их в боевые центры борьбы за марксистскую идеологию и идейное влияние партии в массах.

Журналистика в годы Гражданской войны. Существенные изменения в советской журналистике произошли в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Даже в самые трудные дни войны пресса, особенно местная, продолжала довольно быстро развиваться. В результате, в 1920 г. насчитывалось 246 губернских и 334 уездных газет. Фронт огневой и фронт тыловой — так можно охарактеризовать основную проблематику всех этих изданий военного времени. Социалистическое отечество в опасности, все на борьбу с Деникиным, Колчаком, Юденичем, Врангелем, борьба за хлеб — борьба за социализм, — эти и подобного рода призывы не сходили с газетных полос. Многострочные шапки-призывы стали одной из характерных особенностей печати всего военного периода. «За Харьковом пал Екатеринослав. Генерал Деникин вешатель рабочих, занимает пролетарские центры Украины. Через советскую Украину царский генерал и его казацкие орды прокладывают себе путь в Советскую Россию. Пролетариат в опасности! Крестьянство в опасности! К оружию! К работе! К борьбе!» — таким, обычным для того времени призывом открывался номер «Правды» за 1 июля 1919 г. Призывной характер носили и материалы газет, особенно передовые статьи. В передовой «Правды» от 3 июля 1919 г. «Царицын умер — да здравствует Царицын!» читаем: «Пал наш героический красный Царицын... Но пусть не радуются насильники.

⁸ О партийной и советской печати / Сб. док. — М., 1954. С. 211—212.

Рабочий класс снова будет хозяином города. Рабочий класс победит на этот раз до конца!.. С твердой уверенностью в победе русский пролетариат скажет у могил верных царицынских друзей: «Царицын умер — да здоровствует Царицын!».

Многочисленными и в центральных, и в местных газетах были сообщения о злодеяниях Колчака, Деникина, Шкуро, Семенова, Мамонтова и других царских генералов: «Чудовища в генеральских эполетах», «Тысячи сожженных», «Шкура» и т.д. Автор корреспонденции «Шкура» писал: «Под этой почти по французски звучащей фамилией сидит типично фельдфебельская шкура, которая идет спустить семь шкур со всякой демократии» («Правда», 1919, 16 июня). Вести с фронтов печатались под постоянными рубриками «На Красном фронте», «Южный фронт», «Восточный фронт», «По ту сторону фронта», «Вести с фронта».

Значительным числом изданий была представлена *красноармейская печать*. В 1918—1919 гг. выходило около 90 фронтовых, армейских, дивизионных газет. Из 25 газет Восточного фронта особой популярностью пользовалась газета 5-й армии «Красный стрелок», активно работал в которой Ярослав Гашек, опубликовавший в феврале 1919 г. на ее страницах фельетон «Армия адмирала Колчака». Популярными на Восточном фронте были газеты «Революционная армия», «Красная армия» (12-я армия, в состав которой входила дивизия Н.А. Щорса), «Красноармеец» (16-я армия), «Красный кавалерист» (Первая конная армия С.М. Буденного). С весны 1920 г. в «Красном кавалеристе» появился Исаак Бабель, написавший на основе газетных публикаций и днев-

**Ярослав Гашек в форме бойца
Красной Армии (1919 г.)**

никовых записей свою известную книгу «Конармия», в которой правдиво показал неудачный поход на Варшаву. Книга не понравилась ни Буденному, ни Сталину, что сыграло не последнюю роль в трагической судьбе писателя: в конце 30-х годов он был арестован, в январе 1940 г. расстрелян.

Многочисленны были и *белогвардейские издания*. В стане Деникина выходило более ста газет и журналов, у Колчака — 122 газеты и 69 журналов. Имелись в белой армии и свои агитпоезда (у Деникина три агитпоезда). Широко в белых частях использовалось радио. С помощью интервентов в городах Сибири, Дальнего Востока, Урала, Севера, на побережье Черного, Азовского, Каспийского морей действовало около ста радиостанций⁹.

Все антисоветские режимы имели свои правительственные идеологические центры: Миллер — «Архангельское бюро печати», Юденич — «Отдел пропаганды в Северо-Западном правительстве» (Таллин), Врангель — «Отдел печати при начальнике гражданского управления в «Просветительстве юга России», Деникин — «Осведомительное агентство» (ОСВАГ), Колчак — «Отдел печати при канцелярии Омского правительства». Отдел состоял из «Российского телеграфного агентства», «Пресс-бюро», «Бюро иностранной информации». В мае 1919 г. он был передан частному акционерному объединению «Русское общество печатного дела», которое широко фабриковало фальшивые номера «Правды», «Бедноты», ряда красноармейских газет¹⁰.

Антисоветскую пропаганду белогвардейские газеты вели не без помощи Американского бюро печати, действовавшего на Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке в 1917—1920 гг. С подачи Бюро белогвардейские газеты писали то о падении Советской власти, то о подготовке большевиками новой Варфоломеевской ночи — поголовной резне буржуазии в Петрограде в ночь на 10 ноября 1918 г., то об аресте Ленина Троцким, то о национализации женщин в России. Особенно усердствовали в публикации этих измышлений колчаковский «Правительственный вестник» (Омск), архангельское «Северное утро», «Вестник Томской губернии», «Дальний Восток», «Новая Сибирь» (Ир-

⁹ Кучерова Г. Э. Большевицкая печатная пропаганда в войсках и тылу противника 1917—1920. — Ростов. 1989. С. 84.

¹⁰ Там же.

кутск), «Утро Сибири» (Челябинск), «Отечественные ведомости» (Екатеринбург), «Русская речь» (Новониколаевск)¹¹.

В борьбе с белогвардейской прессой немалую роль сыграли *издания на иностранных языках* групп коммунистов-интернационалистов, действовавших на территории РСФСР. В 1918 г. интернациональные части формировались в 85 пунктах страны. Если весной 1918 г. в рядах Красной армии насчитывалось несколько тысяч интернационалистов, то осенью того же года их численность превысила 50 тысяч. Объединившись в Федерацию иностранных групп РКП(б), они с ноября 1918 г. начали издавать свой центральный орган — газету «Коммуна», которая выходила в Петрограде на немецком, английском, французском, итальянском, финском, сербохорватском и русском языках до конца 1919 г.

Некоторые интернациональные группы издавали свои газеты, листовки и брошюры. Только в 1919 г. иностранными группами РКП(б) были изданы 142 номера газет и 71 брошюра, тираж которых составил 712 тысяч экземпляров. Все эти издания целиком распространялись среди местных партийных организаций иностранных коммунистов и военнопленных в разных местностях РСФСР¹². Всего же группами интернационалистов, в числе которых были такие революционные деятели, как Б. Кун, Дж. Рид, Ю. Лещиньский, И. Броз-Тито, за 1918—1920 гг. выпущено около 100 периодических изданий на более чем 10 иностранных языках.

Известное воздействие на солдат белой армии оказывали газеты, предназначенные для разложения войск противника, «Слушай правду» (Восточный фронт), «Долой Деникина!», «Красный воин» (Южный фронт) и др.

Издавания РОСТА. В развитии советской журналистики в 1918—1920 гг. исключительная роль принадлежит РОСТА, при создании которого его ответственным руководителем являлся Л. Сосновский, комиссаром Л. Старк. Поработали они, однако, вместе недолго: Сосновский перешел в «Бедноту», а Старк на военную работу. В апреле 1919 г. постановлением Президиума ВЦИК ответственным руководителем РОСТА был утвержден

¹¹ Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России. (1917—1920 гг.). — М., 1990. С. 280—300.

¹² Правда. 1987. 25 октября.

заместитель редактора «Известий» П.М. Керженцев. С его приходом РОСТА исполняло функции не только информационного органа, но занималось постановкой и изданием многочисленных органов печати, инструктированием местных газет и журналов, подготовкой журналистских кадров. Именно благодаря РОСТА появился такой тип печати, как *стенные газеты РОСТА*.

Первая стенная газета, расклеенная на улицах Москвы 28 октября 1918 г., отпечатанная типографским способом на одной стороне листа, наглядно продемонстрировала всю важность подобных изданий для расклейки в людных местах. Второй номер увидел свет 4 ноября, а всего до конца года появилось 11 номеров. К этому времени определились основные особенности содержания и верстки стенных газет: под броскими заголовками помещались сведения о положении на фронтах, а также сообщения о местных событиях.

Вслед за Москвой стенные газеты появились в Петрограде, а затем в губернских и даже в уездных центрах. Обычно эти газеты имели единое название «Стенная газета РОСТА» или «РОСТА», хотя многие из них выходили и под другими заглавиями: «Набат» (Иркутск), «Кавказская коммуна» (Баку, Владикавказ, Нальчик), «Красная весть» (Архангельск).

Стенные газеты, имевшие тираж 2—3 тысячи экземпляров, быстро распространились во всех уголках Советской России. «Эти стенные газеты, о которых в Америке пишут, как о совершенно новом, невиданном типе газет, — свидетельствовал в «Красном журналисте» П. Керженцев, — явились могучим средством агитации как раз в среде наиболее темной и несознательной. Потребляя минимальное количество бумаги, давая сведения в краткой форме, агитируя фактами, стенные газеты являются исключительным явлением в истории периодической печати»¹³. В журнале сообщалось также, что в 1918 г. в стране существовала всего одна стенная газета, а в 1920 г. их стало свыше 200 (60 из них на местных языках).

Другим видом печатных изданий РОСТА стали газеты «ЛиттагитРОСТА» или «АгитРОСТА». Они предназначались для оказания помощи губернским и уездным газетам, выходили на 4—6 полосах большого формата, каждый материал отделялся от другого так, чтобы его можно было вырезать, вывесить в вит-

¹³ Красный журналист. 1920. № 4, 5, 6.

рине или отдать в набор для местной газеты. Материалы были представлены в самых различных жанрах, по самым различным вопросам внутренней и международной жизни. Для работы в «ЛитагитРОСТА» приходили не только пропагандисты, но и писатели, поэты, художники.

В номере 75 появилась первая инструкторская страничка для работников местных газет, а вскоре (в ноябре 1919 г.) вместо газеты литературно-агитационного отдела, чьим органом являлась «ЛитагитРОСТА» выходит первый номер ежедневной газеты «АгитРОСТА». Это уже был орган не одного отдела, а всего РОСТА. Цель нового издания — снабжение агитационно-пропагандистскими материалами редакции провинциальных газет. С середины января 1922 г. газета стала выходить под названием «В помощь газете». Газеты, подобные «АгитРОСТА» издавались и в некоторых губернских центрах: Омске, Саратове и др.

Значительное место в деятельности РОСТА периода Гражданской войны занимает *печать агитпоездов и агитпароходов*. Первый военно-передвижной фронтовой литературный поезд имени Ленина отправился из Москвы на Восточный фронт в августе 1918 г. Это был поезд Предреввоенсовета Л. Троцкого, который в книге «Моя жизнь» вспоминает: «Поезд мой был организован спешно в ночь с 7 на 8 августа 1918 г. в Москве. Наутро я отправился в нем в Свияжск на чехословацкий фронт... В поезде работали: секретариат, типография, телеграфная станция, радио, электрическая станция, библиотека, гараж и баня. Поезд был так тяжел, что шел с двумя паровозами. Потом пришлось его разбить на два поезда»¹⁴.

За годы гражданской войны поезд Троцкого прошел более 200 тыс. километров. Он практически побывал на всех фронтах, но особенно много поездок было на Южный фронт, который, по словам Троцкого, оказался «самым упорным, самым длительным и самым опасным». Сильное агитационное воздействие на красноармейцев и жителей прифронтовых районов оказывала многотиражка «В пути» с многочисленными статьями Л. Троцкого, нередко перепечатывавшимися в «Правде», «Известиях» и местных газетах.

Главное в публицистике Л. Троцкого — призыв к быстрой победе над белогвардейцами и интервентами. В январе 1919 г.

¹⁴ Троцкий Л. Моя жизнь. — Берлин. 1930. Т. 2. С. 143.

газета «В путь» поместила его статью «Пора кончать», в которой, обращаясь к солдатам и командирам Южного фронта, Троцкий писал, что пора проложить дорогу на Кавказ, пора нанести «смертельный удар заклятому врагу и дать истомленной стране безопасность, мир и довольство». Эти же призывы содержались в его статьях, «Россия или Колчак», «Весна, которая решает», «В чаду и хмелю». В последней внимание акцентировалось на том, что Красная Армия сумеет победить и на Западе, как она побеждала на Востоке, на Севере и на Юге.

В апреле 1919 г. был оборудован, также получивший большую известность, агитпоезд «Октябрьская революция», совершивший до 1922 г. 17 рейдов по стране. На этом агитпоезде, возглавлявшемся М. Калининым, тоже издавалась газета (тиражом 10—15 тысяч экземпляров) под названием «Известия передвижного инструкторского бюро РОСТА на литературно-инструкторском поезде Октябрьская революция», затем просто «Октябрьская революция», а с июля 1919 г. — «К победе!» Одним из редакторов газеты являлся В. Карпинский. Газета имела небольшой формат, выходила через день.

На Дону, Кубани, Северном Кавказе курсировали поезда «Красный казак», «Советский Кавказ».

Походные поездные типографии, кроме многотиражных газет выпускали значительное количество листовок с речами В.И. Ленина, декретами и постановлениями Советского правительства. Значительную пропагандистскую деятельность развернул плававший по Волге и Каме в 1919—1921 гг. агитпароход «Красная звезда». Пароход тянул на буксире баржу, на которой были оборудованы кинозал на 600—800 мест, типография, книжный магазин, радиостанция. Политическим комиссаром на пароходе был В. Молотов, представителем Наркомпроса Н. Крупская. Пароход плыл, украшенный кумачовыми полотнищами с лозунгами: «Бей разруху дружным трудом!», «Честь и слава героям труда!», «Труд — наше спасенье!», «Праздность — преступление!»¹⁵. На пароходе выходила многотиражка под названием «Красная звезда». Самым активным сотрудником газеты являлась К.Н. Самойлова, жизнь которой трагически оборвалась 2 июня 1921 г. Более тридцати раз выступала в «Красной звезде» Н. Круп-

¹⁵ Брыляков Н.А. Российское телеграфное... — М., 1976. С. 105.

ская. 30 сентября 1920 г. редактор «Красной звезды» В. Карпинский в газете «Нижегородская коммуна» выступил со статьей «Плавучие дома просвещения», в которой писал: «О качестве, полезности и настоящей необходимости такой агитационно-инструкторской деятельности криком кричит каждая наша остановка. Достаточно сказать, что не было ни одного места, где бы нас не спрашивали, с кем и почему идет война, чтобы понять до какой степени необходима еще простейшая агитация по самым основным вопросам».

Острейшая необходимость в самой простейшей агитации при катастрофической нехватке бумаги привела к созданию устных газет, что явилось небывалым явлением в истории отечественной журналистики.

Что такое устная газета, как ее поставить, какими должны в ней быть материалы, как привлечь к сотрудничеству в ней рабочих — обо всем этом подробно писал «Красный журналист». Во втором номере этого журнала появилась статья М.И. Ульяновой «Новое оружие», в этом же номере выступил один из редакторов устной газеты Астров с рассказом «Как мы устроили устную газету». Он поведал, что в центральном парке города Смоленска в вечерние часы два раза в неделю проводится чтение устной газеты, что ее содержание составляют специально подобранные материалы на «злобу дня», статьи на местные темы, местная хроника. Особый интерес вызывают у слушателей сатирические материалы отдела «Красные царепинки» — юмор и стихи на темы из жизни горожан. Чтение продолжается 45 минут — один час, подчеркивает Астров, и самое главное — это хорошее чтение, это — «шрифт» и «оттиск» устной газеты.

Редакция «Красного журналиста» нередко писала, что громкие читки могут быть и обычных газет, но обычная газета трудна для понимания на слух. Специальная обработка материала, перепечатка его на машинке — это уже новый вид газеты «без бумаги». Каждый номер газеты рекомендовалось читать в нескольких местах.

Насколько важное значение придавалось такому виду пропаганды свидетельствует уже то, что почти в каждом номере «Красного журналиста», а затем «Журналиста» и «Красной печати» оперативно сообщалось о новых и новых устных газетах.

Среди многообразной деятельности Российского телеграфного агентства особую известность приобрели «Окна РОСТА». Идея их выпуска принадлежала художнику М. Черемных, который свидетельствует: «Я сговорился с Ивановым-Граменом и на свой страх и риск сделал первое «Окно РОСТА». Был в РОСТА шрифтовик, который писал ежедневно вывешивавшиеся в окнах «последние телеграммы». Он написал для «Окна» текст, сочиненный Граменом, я сделал рисунок. «Окно № 1» показал Керженцеву и, получив его одобрение, вывесил в витрине бывшего магазина Абрикосова на углу Чернышевского переулка и Тверской... Первые же «Окна» имели большой успех. Мы стали их вывешивать и в витринах других магазинов: на Кузнецком мосту, на Сретенке»¹⁶.

Заведовавший в то время художественным отделом РОСТА М. Черемных привлек к работе над «Окнами» Д. Моора, Б. Ефимова, А. Нюренберга, А. Левина, И. Малютина и многих других талантливых художников. С весны 1920 г. «Окна» стали размножаться с помощью трафаретов от 100 до 200 экземпляров и рассылаться в 47 местных отделений РОСТА. «Окна» выпускались не только в Москве и Петрограде, но и во многих губернских и уездных центрах. Из губернских больше всех «Окон» вышло в Одессе. Здесь в работе над ними принимало участие более 15 поэтов и 20 художников, в том числе Борис Ефимов, Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша, Валентин Катаев. По числу выпущенных плакатов Юг-РОСТА стоит на втором месте после Москвы¹⁷.

Самый весомый вклад в выпуск «Окон РОСТА» внес В. Маяковский. Вспоминая о тех днях, ответственный руководитель РОСТА П.М. Керженцев пишет: «Стоило Маяковскому увидеть первое наше «Окно» и он пришел к нам работать. С того момента он стал застрельщиком и организатором этого дела. Он изобретал темы для «Окон», делал подписи, неумоимо рисовал сам. Изо дня в день он приносил мне новые тексты, то частушек против Деникина и Врангеля, то призывных лозунгов к топливной неделе, то бичующие строки против разгильдяйства и головотяпства. И тут же часто были его эскизы или готовые рисунки»¹⁸. По подсчетам исследователей, перу Маяковского принадлежат тексты примерно к 850—900 «Окнам РОСТА», что состав-

¹⁶ Искусство. 1940. № 3. С. 45.

¹⁷ Брыляков Н.А. Указ. соч. С. 115.

¹⁸ Журналист. 1922. № 1. С. 4.

ляет около 90% общего их числа¹⁹. Маяковский был не только автором текстов: вместе с художниками М. Черемных и М. Милутиным с Октября 1919 по январь 1921 г. нарисовано было около 2 тыс. «Окон», более, чем по 350 каждым.

Среди изданий РОСТА нельзя не выделить его инструкторскую печать в помощь редакциям губернских и уездных газет. Первая «Инструкторская страничка» появилась 15 августа 1919 г. в газете «АгитРОСТА». Инструкторские странички публиковались до августа 1920 г., до выхода журнала «Красный журналист». В первом номере журнала в редакционной статье отмечалось: «Наш «Красный журналист» (расширенная «Инструкторская страничка») — попытка прийти на помощь неопытным товарищам». Была продолжена и нумерация — 1(10).

Наибольшее внимание «Красный журналист» уделял устным газетам, подготовке журналистских кадров, проблемам публицистического мастерства. В первых же номерах публикуются статьи В. Карпинского «Как нужно писать», редактора уездной газеты «Путь бедняка» (Ельня, Смоленской области) М. Исаковского «Как найти, что писать в газету», фельетониста Грамена (Н. Иванова) об оживлении четвертой полосы газеты, журналиста Мих. Пустынина о публикации иллюстраций, об изготовлении клише из линолеума, дерева и других материалов. Постоянными в журнале являлись рубрики: «Периодическая печать», «Блокнот журналиста», «Кафедра читателя», «Уголок начинающего журналиста», «Школа журнализма», «Письма из провинции». 5 июня 1921 г. выход журнала прекратился в связи с возобновлением «Инструкторской странички РОСТА», вместо которой с 14 сентября 1921 г. начал выходить еженедельный журнал «Журналист». В нем также содержится много статей и об устных газетах, и о журналистском мастерстве. С № 16 одной из ведущих в журнале становится рубрика «Новая экономическая политика в освещении нашей печати». С декабря 1921 г. эстафету этого издания продолжил журнал «Красная печать». С 1 ноября 1922 г., когда РОСТА стало сугубо информационным агентством и «ничем больше», журнал «Красная печать» становится органом Агитпропа (подотдела печати ЦК РКП(б)). Журнал выходил до 1928 г., продолжая традиции, заложенные инструкторскими изданиями РОСТА.

¹⁹ Литературная газета. 1930. 17 апреля.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 20-х годов

После окончания Гражданской войны выявилась полная непригодность экономической политики «военного коммунизма». Крестьянство выражало крайнее недовольство введенной в годы войны продразверсткой, наиболее остро проявившееся в кронштадском мятеже (28 февраля — 18 марта 1921 гг.) и вооруженном выступлении крестьян Тамбовской губернии (1920—1921 гг.) под руководством А. Антонова. Незамедлительно требовалось принять новую экономическую политику, которая помогла бы вывести из тупика село и возродить хозяйственную жизнь страны в целом. И эта новая экономическая политика была провозглашена XII партийным съездом, принявшим решение о замене продразверстки продналогом.

Введение продовольственного налога повлекло за собой свободу частной торговли, открытие мелких частных предприятий, а в области печати — частных издательств. В 1922 г. только в Москве и Петрограде их насчитывалось свыше 300. С возникновением частных издательств появилась возможность издания газет и журналов оппозиционных Советской власти, чем нэпманы незамедлительно и воспользовались: в 1922 г. группа московских нэпманов приступила к выпуску газеты «Листок объявлений», начали выходить также многие бульварные журналы, такие, как «Рупор», «Тачка» и др. Появились также сменовеховские издания, в числе которых журнал «Новая Россия». Сменовеховское, или нововеховское течение не являлось однородным: одни его руководители не скрывали своих реставрационных настроений, другие искренне призывали к сотрудничеству с властью большевиков, к участию в социалистическом строительстве.

В это исключительно трудное время, в условиях невероятной разрухи, нэпмановской стихии, острой нехватки бумаги, слабости полиграфической базы, малочисленности журналистских кадров партийная советская журналистика находилась в состоянии тягчайшего кризиса. В особенно катастрофическом положении оказались уездные газеты и национальная печать. «Однолошадное хозяйство» — этот термин был применим ко многим уездным газетам, в которых всю работу, начиная от сбора ма-

териалов до выпуска и распространения тиража, выполнял один редактор. Рассказывая об одном из таких редакторов, выпускавших миргородскую уездную газету, журнал «Журналист» замечал: «Данный случай не является, к сожалению, исключительным, наша уездная печать — сплошь Миргород». При таком положении с кадрами, вспоминает А. Зорич, были рады любому журналисту, кто «корову не писал через «ять». Соответственно и популярность многих газет была не очень высокой и в 1922 г. после перевода периодических изданий на хозрасчет, самоокупаемость, существование на средства от подписки, количество газет стало катастрофически сокращаться. В январе 1922 г. выходило 803 газеты, а в июле в РСФСР осталось только 313, наполовину сократился и тираж периодической печати.

В исключительно тяжелом положении оказалась национальная пресса. Обследование газет автономных республик и областей, проведенное подотделом агитпропа ЦК РКП(б) в середине 1922 г., показало, что многие из этих органов печати «слабы во всех отношениях», а некоторые «находятся на грани умирания» и требуются самые срочные и решительные меры к их спасению. В январе 1922 г. на национальных языках выходило 108 газет, в мае этого же года — 23. В некоторых республиках, например в Татарской, не выходило ни одной, на всю Киргизскую республику на национальном языке издавалась только одна газета. В аналогичном положении находилась печать и других республик. Тираж некоторых газет не превышал тысячи экземпляров, выходившая же в Воткинской области на вотском языке газета выпускалась в количестве 170 экземпляров²⁰.

Слабыми были в республиках газеты и на русском языке. «Казанские известия», — сообщается в одном из документов подотдела печати агитпропа ЦК РКП(б), — слабая губернская газета, совершенно не носит характера краевого органа автономной республики. Еще слабее «Степная правда», которая должна быть краевым органом Киргизской республики, но в действительности является плохой губернской газетой, опускающейся иногда до уездной»²¹. «Газета слабая», «газета очень слабая» — такими определениями начинаются характеристики многих периодических изданий национальных республик. «Газеты совер-

²⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 17, оп. 60, ед. хр. 853, л. 9.

²¹ Там же. Л. 8.

шенно не имеют установившегося лица, материал случайный, плохо подобран, 60% места занимают длинные и ненужные статьи, информация списана с протоколов учреждений», — это в адрес газет «Ижевская правда» (Воткинская область) и «Чувашский край» (Чебоксары)»²².

Кризис захватил и губернскую, и даже центральную печать. Тираж «Правды», например, в 1922 г. снизился в два с половиной раза — с 250 до 100 тыс. экземпляров. Острый дефицит журналистских кадров (в отдельных губернских газетах насчитывалось не более пяти журналистов) сильно сказывался на их качестве. «Красная печать» и «Журналист» подвергали справедливой критике за недопустимо низкий профессиональный уровень такие газеты, как «Бузулукский землероб», «Брянский рабочий», «Тамбовская правда», которые, по мнению журналов, пишут так, «что стыдно читать». В номере 147 за 1923 г. в «Брянском рабочем» под рубрикой «Жизнь РКП» появилась заметка о вступлении в партию трех женщин, в которой за подписью «он» говорилось: «Женщина — двигатель, обновляющий поколение, дающий лучший детский цветник, в суровость жизни; рождающая строителей жизни и поборников труда, должна стать свободной. Привет вам, женщины, вступившие на путь открытой борьбы за равноправную бесклассовую жизнь, за безмолвие полей, взрастающих свободные семена». Перепечатав заметку целиком, журнал «Красная печать» сопроводил ее таким комментарием: «Французы в таких случаях говорят: «Извините за пустяки». Мы советуем редакции жалеть бумагу, да и читателей тоже»²³. Совет «жалеть бумагу» редакция адресовала и харьковскому «Пролетарию» (статья «Харьковские забавники», «Красная печать», № 8, 1923 г.), и пензенской «Трудовой правде» за передовую «Гражданская война разорвала эсеров по составным элементам», помещенную в 64-м номере газеты за 1923 г.

Система центральных газет. Несмотря на тягчайший кризис именно в первой половине 20-х годов сложилась система советской журналистики, сохранившаяся на все время существования СССР. Кроме «Правды», «Известий», «Бедноты», «Экономической жизни», в числе центральных газет появились «Труд», «Рабочая газета», «Крестьянская газета», «Батрак», «Красная

²² Там же. Л. 28.

²³ Красная печать. 1923. № 9.

Здание редакции газеты «Правда»

звезда», «Комсомольская правда», «Советский спорт», «Пионерская правда», «Учительская газета».

Ежедневный орган ВЦСПС — газета «Труд» начала регулярно издаваться с 19 февраля 1921 г., а ее пробный номер увидел свет 15 февраля. Сначала газета выходила малым форматом

тиражом 150 тыс. экземпляров, на большой формат она перешла с 1 сентября 1921 г. В передовой первого номера отмечалось: «Газета «Труд» должна быть и будет газетой массовика-рабочего. В ней рабочий найдет ответы на все вопросы его быта, его участия в хозяйстве, его самостоятельности на заводе и вне завода. Она будет для него школой коммунизма и творческого труда». В соответствии с этим заявлением в «Труде» главными стали рубрики «Снабжение рабочих», «Союзы и хозяйство», «Ответы на вопросы», «Досуг пролетария». Особое место занимал отдел «Рабочий быт».

В первых номерах редакция нередко напоминала читателям: «Рабочий, посмотри на 4-ю страницу своей газеты, там есть уголок «Рабочий быт». Он мал, потому что ты не пишешь. Пиши, заполняй газету своими письмами». И читатели сообщали об электрификации сел («Капут лучине», «Электричество выручает»), о трудностях быта («Необходимы ясли», «Дети рабочих») и т.д. Одна из особенностей газеты этой поры — обилие читательских частушек, публиковавшихся под заглавиями: «Топливные частушки», «Посевчастушки», частушки о новой экономической политике:

Все засеём — до тропинки
У большой дороги.
Будут ситец и ботинки
При натурналоге.

В первые годы газета выходила со специальными приложениями, посвященными профессиональному движению в отдельных областях и губерниях.

В числе первых появилась также ежедневная «Рабочая газета», первый номер которой под названием «Рабочий» увидел свет 1 марта 1922 г. Редакция, во главе с К.С. Еремеевым, ставила перед собой задачу, чтобы у рабочих «была своя газета». Для усиления связи с читателями при редакции была создана широкая рабочая редколлегия, в которую входили представители от крупных фабрик, заводов, рудников. Члены широкой редакции участвовали в заседаниях редакционных советов, в обсуждении вышедших, в составлении планов следующих номеров.

С 99-го номера издание переименовано в «Рабочую газету», тираж которой уже за первый год возрос в 25 раз и превысил 100 тыс. экземпляров. «Рабочая газета» постоянно проводила раб-

селькоровские собрания и конференции читателей. Только в январе—апреле 1927 г. состоялось около 20 таких конференций в Луганске, Златоусте, Горловке и других городах. Ежедневно в редакцию поступало 400—500 писем, что позволяло отдельные номера выпускать на 8-ми полосах.

В январе 1932 г. газета была переименована в «Водный транспорт».

Популярностью пользовалась массовая «Крестьянская газета», выходившая с 25 ноября 1923 г. по 1 марта 1939 г. Это — первая газета-миллионер (по тиражу) в истории советской журналистики: в 1925 г. ее тираж достиг 2 млн экземпляров, а отдельные номера выходили 5-ти и даже 11-миллионным тиражом.

Одной из существенных сторон работы редакции была борьба с неграмотностью. С 1 марта 1925 г. печатались страницы букваря «Долой неграмотность». Редакция просила подписчиков собирать и хранить эти листы, обещая выслать папки-переплеты для собранной ими таким образом нужной книги.

О популярности «Крестьянской газеты» свидетельствует и то, что на местах повсеместно работали «Кружки друзей газеты»: в 1924 г. постоянную связь с редакцией поддерживали 20 кружков, в 1925 — 830, в 1926 — 2019 кружков. Занимаясь повышением журналистского мастерства своих постоянных авторов, редакция добилась 30 мест на рабфаках для передовых селькоров в 1925 г. и 170 мест в 1926 г.

Особое место на страницах «Крестьянской газеты» занимали вопросы землеустройства и культурно-просветительной работы. За 1923—1925 гг. редакция получила около 130 тыс. писем о более рациональном ведении хозяйства. Селькоры не только призывали, но и сами становились участниками в проведении экспериментов по выращиванию зерновых, технических культур, овощей, использования минеральных удобрений и химикатов. Обилие местной информации позволило редакции выпускать 15 вариантов сменных полос, в том числе Белорусский, Украинский, Северо-Кавказский, Поволжский, Сибирский и др.

Годом раньше, 7 ноября 1922 г. начала издаваться еще одна крестьянская газета — «Батрак», предназначенная для деревенских пролетариев, сельскохозяйственных и лесных рабочих. В редакционной статье первого номера «Для кого и зачем выходит «Батрак», разъяснялось, что батраки, лесники, вся жизнь

которых проходит в глухой деревне, особенно нуждаются в своей газете. Призывая бедноту вступать в Союз работников земли и леса, редакция писала, что Союз поможет им получить образование и культурное развитие. У полуграмотных читателей популярностью пользовались раешники в стихах и прозе: «Красные открытки товарища Никитки», «Красные письмишки от дяди Тришки», «Кого батрачек ловит на крючок». С учетом интересов читателей редакция постоянно издавала «Листок лесоруба и сплавщика», «Листок лесника», «Страничку пастуха».

Первоначально газета выходила два раза в месяц, затем — раз в неделю, с 1926 г. — два раза в неделю, тиражом 80—85 тыс. экземпляров. С января 1930 г. издавалась под названием «Сельскохозяйственный рабочий», в марте 1933 г. издание прекратилось.

Из числа вновь созданных внимания заслуживают также «Красная звезда» и «Комсомольская правда». Пробный номер первой появился 29 декабря 1923 г., а регулярное издание началось с 1 января 1924 г. Полосы пробного номера заполнены преимущественно информационными сообщениями, а передовая «На переломе» перепечатана в несколько измененном виде в первом номере. Излагая программу нового издания, редакция подчеркивала, что газета должна стать лабораторией военной мысли всей Красной Армии и Флота. Рассчитанная первоначально на комсостав и политсостав «Красная звезда» становилась все более и красноармейской. Коллектив редакции всемерно стремился к тому, чтобы газета вышла за пределы Армии и стала средством приобщения к делу обороны страны всех трудящихся. Это отразилось на характере даже ее основных рубрик: «Трудящиеся и оборона», «Как работает Осоавиахим».

Одной из наиболее интересных в первое советское десятилетие являлась созданная по решению XIII партийного съезда газета «Комсомольская правда», орган ЦК и МК РЛКСМ. Первый номер тиражом всего около 30 тыс. экземпляров вышел 24 мая 1925 г., а через год тираж перевалил за сто тысяч. «Молодежь — на трактор!», «Добудем миллионы на индустриализацию!», «Готовься к труду и обороне!» — эти и другие аншлаги газетных полос первых номеров вполне определили творческое лицо главной газеты советского комсомола.

В унисон с этими призывами звучал в первом номере фельстон М. Кольцова «Проект Владимира Шифера». В. Шифер пред-

лагал ввести единообразную форму для комсомольцев: черный гладкий строгий пиджак английского покроя «с малиновыми выпушками по воротнику и с платочками в кармане пиджачка с эмблемой РЛКСМ или КИМа». Ответ фельетониста звучал приговором всем бюрократам от комсомола, кто сводил воспитание молодежи «к внешним формулам», к «парадам, манифестациям», всем «не героям комсомола».

На страницах газеты выступали А. Жаров, Арк. Гайдар, Сем. Кирсанов, В. Маяковский. Активный очеркист «Комсомольской правды» тех лет Г. Серебрякова вспоминает, что обстановка в редакции в середине 20-х была весьма своеобразна. «Всегда здесь было шумно, многолюдно, весело. Предпочитали сидеть не на стульях, а на столах и бурно спорить. Хорошо помню, как забравшись на чей-то письменный стол, читал свои новые стихи В. Маяковский»²⁴.

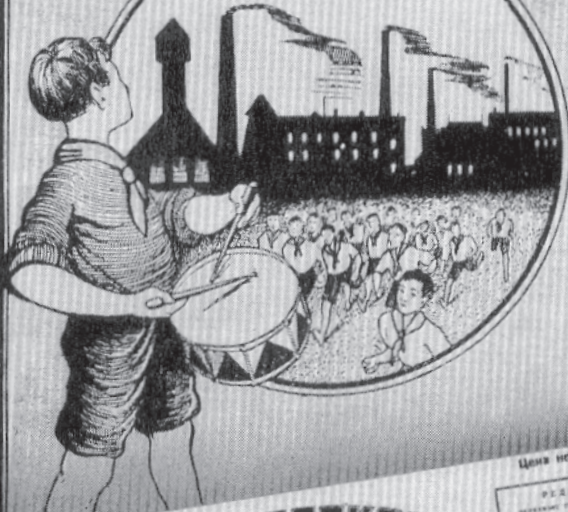
Свое особое место в годы первого советского десятилетия заняли в системе центральной печати «Советский спорт» («Красный спорт»), увидевший свет 20 июля 1924 г., «Учительская газета» (3 октября 1924 г.), «Пионерская правда» (6 марта 1925 г.).

Приложения к газетам. Процесс дифференциации прессы в первой половине 20-х годов закономерно сопровождался созданием многочисленных приложений к газетам. 15 февраля 1923 г. вышел первый номер иллюстрированного литературно-художественного журнала «Прожектор», который в качестве приложения к «Правде» издавался до августа 1935 г. В 1923—1924 гг. он выходил раз в две недели, затем выпускался еженедельно. «Известия» с 1923 по 1931 г. издавали литературно-художественный иллюстрированный журнал «Красная нива». Целый ряд массовых газет и журналов издавалось при «Крестьянской газете», среди которых «Деревенский коммунист» (декабрь 1924 — август 1930), «Крестьянка» (с 1922 г.), сатирический журнал «Лапоть» (ноябрь 1924 — январь 1933). Несколько приложений имела «Рабочая газета»: сатирический журнал «Крокодил», ежемесячный литературно-художественный журнал «Хочу все знать», детский журнал «Мурзилка», приложение к этому журналу «Мурзилкина газета», иллюстрированный журнал «Экран».

²⁴ Комсомольская правда. 1965. 5 мая.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БАРАБАН

ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА

Орган Московского Комитета ВЛКСМ

Цена номера 3 коп.

РЕДАКЦИЯ
Печатный цех № 3 с. м.
Тел. № 545-00
Адрес: Москва, Ленинский пр., 20
Почтовый индекс: 251000
Телефон: 545-00

АДРЕС
Москва, Ленинский пр., 20
Почтовый индекс: 251000
Телефон: 545-00

11 августа 1925 г.

Ежедневная газета юных пионеров

Деткиры, за перо!

№ 23 Наш путь

Пионеры, мы пионеры пионеров...
Вот так, так и пионеры пионеров...
Вот так, так и пионеры пионеров...
Вот так, так и пионеры пионеров...

Вот так, так и пионеры пионеров...
Вот так, так и пионеры пионеров...
Вот так, так и пионеры пионеров...
Вот так, так и пионеры пионеров...

Московские пионерские издания

Приложения, и даже многочисленные, имели не только центральные газеты. При «Рабочей Москве», например, издавались газеты «Советская иллюстрация» (1922—1924), «Комячейка» (1923—1924), журналы «Наша культура» (1922—1923), «Самоучка» (1924—1925), ежемесячный иллюстрированный журнал «Туннель» (1924—1925), московский рабочий журнал «У станка» (1924—1925), сатирические журналы «Красный перец» (1922—1926), «Заноза» (1924), журнал «Рабочая Москва» (1925). В связи с выходом последнего редакция газеты «Рабочая Москва» писала: «Мы считаем, что из-за размеров нашей газеты мы не в состоянии охватить все интересующие нашего читателя вопросы... Где же выход из создавшегося положения? В массовом журнале в качестве приложения к газете, причем журнал этот по своим размерам и содержанию должен отличаться от наших толстых журналов. Журнал должен быть продолжением газеты, концентрированной газетой, отличаясь от нее лишь большим обоснованием вопросов... Он должен быть нечто среднее между газетой и журналом»²⁵.

Наибольшее количество приложений было сатирических. Кроме самых известных «Крокодила», «Лаптя», «Красного перца», выходили «Военный крокодил», «Танком на мозоль» (Красная звезда), «Бузотер» (Труд), «Смехач» (Гудок), «Веселый ткач» («Рабочий край», Иваново), «Гаврило» («Пролетарий», Харьков), «Дагестанский скорпион» («Красный Дагестан», Махачкала), «Колотушкой по макушке» («Кинешемская жизнь»), «Перец» («Коммунист», Киев), «Шмель» («Северная правда», Кострома) и десятки других.

Первые иллюстрированные сатирические приложения появились в «Рабочей газете». 4 июля 1922 г. редакция начинает издавать еженедельное сатирическое иллюстрированное приложение, рассылая его подписчикам бесплатно вместе с воскресными номерами, а с 27 августа подписчики стали получать журнал «Крокодил». Первый его номер открывался стихотворением Д. Бедного «Красный Крокодил — смелый из смелых! — против крокодилов черных и белых». Редактор «Рабочей газеты» К.С. Еремеев сумел привлечь к участию в журнале многих поэтов, писателей, художников. К началу 1923 г. журнал выходил невиданным для подобного рода изданий тиражом — 150 тыс. экземпляров.

²⁵ Рабочая Москва. 1925. № 1. С. 3—4.

Журналы сатиры и юмора

18 января 1924 г. появилось еще одно сатирическое издание к «Рабочей газете» — «Газета Крокодила». В обращении к читателям, написанном в форме раешника, говорилось: «Дорогие товарищи-читатели! Хорошенько нас похвалите-ка за то, что у нас новая юмористическая политика. У вас НЭП, а у нас НЮП. В «Газете Крокодила» будут веселые инциденты, будут лучшие корреспонденты. С «Крокодилом» сделана из одного теста, но легче поднимается с места. Читатели журнал получали и говорили в печати: все хорошо, только на беду, это было чуть не в позапрошлом году. Так вот редакция решила сделать более подвижного «Крокодила» и, чтоб выполнить задачу эту, дала ему в «лапы» газету. Будет выходить каждые семь дней и станет рабочему матери родней. Мастерница насчет таски, печатается в две краски».

«Газета Крокодила» строилась на материалах рабочих и сельских корреспондентов, в ней участвовали ведущие сатирики «Крокодила». В сентябре 1924 г. «Газета Крокодила» слилась с журналом «Крокодил».

Популярностью пользовался также «веселый и ядовитый крестьянский журнал» «Лапоть», выходивший с ноября 1924 по январь 1933 гг. Редактором журнала, как и «Крестьянской газеты», был Я.А. Яковлев. В числе сотрудников представляли сатирики А. Архангельский, В. Лебедев-Кумач, М. Зощенко, художники Д. Моор, Ю. Куприянов, М. Черемных. Из ведущих были отделы «Лаптем по шее», «Страничка читателя», «Сор из избы», «И еще кланяемся», составлявшиеся по читательским письмам. С мая 1925 г. два раза в месяц выходили книжечки «Веселая библиотека «Лаптя».

Высокую оценку дал журналу А.М. Горький. В связи с десятилетием «Крестьянской газеты» он писал: «Ее «Лапоть» весьма умело бил кулаков, лентяев, жуликов».

Губернские, областные, уездные издания. Дифференциация прессы позволила определить основные типы и местных изданий. На основе решений XII и XIII съездов партии в губерниях и областях издавались общепартийные и массовые крестьянские газеты. Опыт показал, отмечалось на XII партсъезде, что обычная губернская газета не может быть одновременно изданием для городского и для сельского читателя — она прежде всего городская газета. Для обслуживания крестьянства в крупных губерн-

ских центрах необходимы специальные ежедневные крестьянские газеты. Но там, где специальная крестьянская газета не может быть создана, губернская газета должна максимум внимания и места уделять вопросам сельской жизни.

В зависимости от читательской аудитории в губернских и областных центрах выходила либо одна губернская или две — руководящая крестьянская и массовая крестьянская. Так, в Вятке выходила только «Вятская правда», в Рязани — «Рабочий клич» и «Крестьянская газета», в Туле — «Коммунар» и «Деревенская правда», в Екатеринбурге «Уральский рабочий» и «Крестьянская газета», в Москве «Рабочая Москва» и «Московская деревня».

Расширилась сеть молодежных губернских, и областных изданий: в Москве с декабря 1919 выходил «Юный коммунар», с апреля 1920 — «Юношеская правда», с января 1924 — «Молодой ленинец», с 1 сентября 1929 — «Московский комсомолец», в Петрограде «Смена», в Екатеринбурге «На смену», в Рязани «Клич молодежи», в Харькове «Молодой рабочий», в Саратове «Заря молодежи». В середине 20-х годов ленинградская «Смена» стала молодежной газетой всесоюзного масштаба.

В соответствии с партийными установками исключительно изданиями для массового читателя должны были стать уездные газеты. В циркуляре ЦК РКП(б) «О программе местной газеты» (апрель 1921), в письме ЦК РКП(б) «О плане местных газет» (июнь 1922) указывалось, что основным типом в уезде является газета, рассчитанная на читателя-крестьянина, выходящая один—три раза в неделю, ориентированная на «самое широкое и полное освещение жизни уезда».

Живое представление об уездной печати дают воспоминания ветеранов советской журналистики. «Отделов в редакции не было, — пишет сотрудник газеты «Новый пахарь» Можайского уезда П. Шари, вспоминая о своей работе в газете в 1925 г., — весь штат составляли пять человек вместе с редактором. Каждому приходилось писать обо всем: о работе партийных и комсомольских организаций, сельских Советов, комитетов крестьянских обществ взаимопомощи. Газетные полосы пестрели заголовками: «Агроном — красный командир на сельскохозяйственном фронте», «Сельскохозяйственные кружки — двигатели крестьянского хозяйства», «Клячу заменим хорошим конем»²⁶.

²⁶ Солдаты слова / Рассказывают ветераны советской журналистики. — Кн. 4. — М., 1983. С. 59.

В воспоминаниях ветеранов находим немало любопытного о трудностях подписки и распространения уездных газет. Тираж «Нового пахаря», как редакция не старалась, не превышал 3200 экземпляров. Чтобы «поправить дело», читаем в уже цитированных воспоминаниях П. Шари, редакция прибегала даже к таким мерам, как лотерея. «Верное средство поправить хозяйство, — обращалась редакция к читателям, — подписаться на газету «Новый пахарь», за 60 копеек можно выиграть корову или плуг. Как это сделать? «Новый пахарь» устраивает для своих читателей выигрышную лотерею. Каждый, кто в течение августа подпишется на полгода, получит право участвовать в лотерее. С первого сентября всем подписавшимся на полгода будет выдан лотерейный билет. Хочешь посмотреть корову и плуг — заходи в редакцию»²⁷.

Из уездных изданий значительный интерес представляет деятельность «Деревенской газеты» Гдовского уезда Ленинградской губернии, имевшей для того времени солидный тираж (5000 экз., один подписчик приходился на пять крестьянских дворов). Неизменный интерес читателей вызывали подборки на четвертой полосе: «Беседы врача», «Крестьянское домоводство», «Крестьянам-садоводам», «Охотникам-крестьянам» и др. Эти материалы читатели вырезали и хранили²⁸.

Среди организаторов уездных газет были известные писатели и поэты: К. Федин редактировал газету в Сызрани, М. Исаковский в Ельне.

С 1923 г. начался процесс преобразования уездных газет в районные. В 1929 г. в стране насчитывалось более 300 районных газет.

Начало 20-х годов — это также время создания и развития фабрично-заводской печати. Многотиражки на фабриках и заводах, как правило, возникали из рукописных стенных газет. Характерна в этом отношении история одной из старейших многотиражных изданий — газеты «Мартеновка» — печатного органа московских сталеваров завода «Серп и Молот». В 1921 г. небольшая группа рабочих завода на листе картона разместила несколько рукописных заметок и под заглавием «Наша газета» вывесила ее в проходной завода. Затем ее стали размножать в нескольких экземплярах под названием «Мартеновка». С 1925 г. «Мартеновка» стала регулярно печататься типографским способом.

²⁷ Там же.

²⁸ Водкин С.М. Мужичья газета. — Л., 1926. С. 29.

Таким же образом возникали и другие многотиражки. В сентябре 1922 г. появился первый номер стенной рукописной газеты «Жизнь печатника», а через год в передовой «Наши задачи» редакция писала: «Газета из стенной в пять заметок с тремя корреспондентами превратилась в образцовую фабричную газету и теперь отражает на своих страницах вопросы производства, культурную работу, рабочий быт, политические вопросы дня»²⁹.

До 1924 г. фабрично-заводских многотиражек насчитывались единицы, к концу первого советского десятилетия их было около 200.

Национальная пресса. Из тягчайшего кризиса постепенно выбиралась и национальная пресса. Газетами на родном языке обзаводились даже национальные области, в которых до октября 1917 г. не было своей письменности. В 1923 г. появилась первая газета для ингушей «Сердало» («Свет»), которая являлась для читателей не только источником информации, но и учебником, приобщавшим их к грамоте. Точно также первым учебником являлась для чеченцев основанная в 1925 г. газета «Серло» («Свет»); такую же роль играла хакасская газета «Хызыл аал» («Красная деревня»), увидевшая свет в 1927 г. О появлении в улусах первой газеты на хакасском языке первый ее редактор С. Добров пишет: «В одну низкую хату, где разместился сельский Совет, приходит почта. Неграмотный председатель, получив большой пакет, передает его секретарю. Оказывается, в нем газета. Через некоторое время о появлении в улусе большой бумаги (так называли в улусе газету) стало известно всем жителям. Единственный грамотный человек — писарь — читал собравшимся вокруг него жителям, старикам и детям и женщинам первую печатную газету».

Значительную помощь в развитии национальной печати оказал журнал «Жизнь национальностей», издававшийся с 25 февраля 1922 г. и регулярно публиковавший обзоры газет, выходивших на национальных и русском языках в автономных республиках и областях.

Журнальная периодика. Не отставала в своем развитии и журнальная периодика. Создаются новые центральные теоретичес-

²⁹ Жизнь печатника. 1923. 20 сентября.

кие журналы «Коммунистическая революция» (1920—1935), «Большевик» (с 1924), «Под знаменем марксизма» (1922—1944). Целям партийной пропаганды служили органы истпарта «Пролетарская революция» (1921—1941), «Красный архив» (1922—1941), «Коммунистический Интернационал» (1919—1941). Появились новые журналы по работе среди женщин: кроме «Работницы (основанной в 1914), стали выходить «Коммунистка» (1920—1930), «Крестьянка» (с 1920). Значительную группу журнальной периодики представляли литературно-художественные и литературно-критические журналы: «Красная новь» (1921—1942), «Новый мир» (с 1925), «Октябрь» (с 1924), «Молодая гвардия» (с 1922), а также иллюстрированные молодежные и детские: «Смена» (с 1924), «Красная молодежь» (1921—1925), «Пионер» (с 1924), «Мурзилка» (с 1924), в 1923 г. начал издаваться один из самых популярных журналов — «Огонек».

О росте журнальной периодики и изданий журнального типа свидетельствует уже то, что к середине 1923 г. их общий тираж и численность превысили и количество, и общий тираж газет³⁰.

Издательская деятельность. Возраставший объем газетно-журнальной периодики требовал значительного расширения издательской деятельности. Крупным центром советского книгоиздания становится Государственное издательство РСФСР, редакционная деятельность которого сосредоточивается в Москве и Ленинграде за счет сокращения местных отделений Госиздата. Это позволило улучшить качество обработки рукописей и выпускаемых книг. В 1922—1925 гг. в непосредственное ведение Госиздата передается ряд типографий, в том числе «Печатный Двор» в Ленинграде и Первая Образцовая типография в Москве (бывшая типография И.Д. Сытина). В 1924 г. с Госиздатом сливаются издательства «Прибой», «Красная новь», Государственное военное издательство (ГВИЗ), что превращает Госиздат в предприятие, охватывающее все более широкий круг общественно-политических, научных, военных и других проблем.

Из вновь созданных следует выделить издательства «Земля и фабрика» (ЗИФ, 1922—1930) выпускавшее художественную литературу, Государственное издательство технической литературы (Гостехиздат), издательство педагогической литературы «Ра-

³⁰ Красная печать. 1924. № 30. С. 33.

ботник просвещения», издательство юношеской литературы «Молодая гвардия» (1922). С целью выпуска литературы для крестьян было образовано издательство «Новая деревня». В 1922 г. появилось еще одно универсальное издательство — «Московский рабочий».

Выпуск литературы для народов нерусской национальности до 1924 г. осуществляли Западное и Восточное издательства. В мае на их базе было образовано Центральное издательство народов СССР — Центроиздат. «Помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию», — так определялась постановлением ЦИК СССР задача этого издательства.

К концу первого десятилетия Советской власти книги издавались на 61 языке народов СССР³¹.

Радиовещание. В качестве средства массовой информации все большую роль играло радиовещание. В 1921 г. в Москве начинают действовать первые радиоустановки. Ведется активная деятельность по организации программ радиовещания, по строительству радиостанций на местах. В 1923 г. в стране насчитывалось около 300 приемных станций. После открытия в Москве радиостанции имени Коминтерна началось массовое радиолубительство и в конце 1924 г. было учреждено Общество друзей радио (ОДР), члены которого стали первой массовой слушательской аудиторией.

В октябре 1924 г. организовалось первое акционерное общество для ширококвещания, получившее в декабре название «Радиопередача». Общество оперативно включилось в строительство новых радиовещательных станций в Минске, Новосибирске, Астрахани, Харькове и других городах. 1924 год был ознаменован также выходом в свет первого номера «Радиогазеты РОСТА». С этого времени радиогазеты стали основной формой советского общественно-политического вещания на протяжении всего периода 20-х годов. В 1926 г. появились «Крестьянская радиогазета», «Рабочая радиогазета», «Комсомольская правда» на радио, а в ноябре 1927-го в эфире зазвучала «Красноармейская радиогазета».

³¹ Назаров А.И. Очерки истории советского книгоиздательства. — М., 1952. С. 120.

Выпускающим радиогазеты, особенно в сельской местности, приходилось преодолевать значительные трудности. Николай Погодин, один из участников выпуска «Крестьянской радиогазеты» в Щигровском районе под Воронежем вспоминает: «Наперекор всем законам науки и техники, наперекор стихиям, в сарае, наполовину крытом, в присутствии развеселившихся людей устанавливается микрофон. Наш репортер тащит стол из жилья заведующего колонной. Стол устанавливается на подмостках сцены. И студия оборудована... И вот в популярной форме музрук объясняет собранию, почему надо молчать. Мне, кажется, он никого не убедил. Загипнотизировало само радиодейство. В самом деле, даже страшно стало, когда диктор объявил: — Одновременно работают радиостанции в городах Воронеже, Курске, Нижнем Новгороде, Тифлисе... Наш сарай стал студией. Где-то фыркал трактор. Но это — колорит»³².

Значительную помощь в развитии радиовещания оказывала радиопресса. Первая радиогазета «Новости радио» появилась 8 февраля 1925 г. Это было еженедельное издание Акционерного общества «Радиопередача». Газета выходила на 12 полосах, тиражом 50 тыс. экз. до 2 сентября 1928 г. Издавались также два журнала «Радиолюбитель» (1924—1930), «Радио всем». Оба являлись органами Общества друзей радио.

Нельзя не отметить, что как и вся советская журналистика, радиовещание с первых же шагов превращалось в неотъемлемую часть партийной пропагандистской системы советского государства. До 1927 г. многие радиопередачи, главным образом художественного вещания, шли в эфир без заранее подготовленного текста. Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 января 1927 г. «О руководстве радиовещанием» вменялся обязательный порядок прохождения всех материалов через самую строгую цензуру. Предписывалось всем парткомитетам, на территории которых имелись радиотелефонные станции, взять под непосредственное свое руководство работу этих станций, максимально используя их в агитационных и пропагандистских целях. В этой связи в качестве руководителей радиовещанием выделялись ответственные партийные работники, отвечавшие как за организацию дела, так и за содержание всех передающихся материалов.

³² История советской радиожурналистики. Документы. Факты. Воспоминания. 1917—1945. — М., 1991. С. 337—338.

Военно-политический контроль над радиовещанием возлагался на Главлит, который осуществлял это как через свой аппарат, так и через уполномоченных им лиц в радиовещательных организациях.

Усиление партийного контроля. Об усилении партийного контроля над советской журналистикой уже в самом начале 20-х годов свидетельствует и создание в декабре 1921 г. журнала «Красная печать». В передовой первого его номера «Наши задачи» отмечалось: «Место «Журналиста» инструкторского еженедельника РОСТА занимает «Красная печать» — орган Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б). Чем вызвана эта перемена? «Журналист» говорил от имени РОСТА, «Красная печать» — от имени партии. «Журналист» руководил работой одной лишь газетной редакции, «Красная печать» будет стремиться руководить всей работой в области печатного дела»³³.

Об усилении партийного диктата в области печати свидетельствуют почти все партийные решения, принимавшиеся в соответствии с ленинскими установками о предназначении средств массовой информации в условиях однопартийности. Полностью трудами В.И. Ленина руководствовалась советская журналистика в борьбе с религией. Специальные антирелигиозные издания, возглавляемые газетой «Безбожник», выступали с позиций «Борьба против религии — есть борьба за социализм». Орган Центрального Союза воинствующих безбожников газета «Безбожник» издавалась с 21 декабря 1922 г. до 20 июля 1941 г. Почти бессменным ее редактором являлся Ем. Ярославский. Он же был и самым активным публицистом газеты.

«Религия — опиум для народа» — эта редакционная статья номера первого достаточно четко определила главную направленность «Безбожника», проводившего антирелигиозную пропаганду на основе решений XII партийного съезда и ленинской статьи «О значении воинствующего материализма». Особенно непримиримо борьба «с религиозным дурманом» велась в отделах «Пауки и мухи», «Деревенская тьма», «У церковников», «Пролетарская метла». Наибольшее внимание обращалось на атеистическое воспитание молодежи. Борясь с отдельными религиозно настроенными учителями, редакция выпускала осо-

³³ Красная печать. 1921. № 1.

бые школьные страницы под заглавием: «Гоните поповщину из школы», а в 1924—1925 гг. провела конкурс на лучшего учителя-антирелигиозника. Конкурс проходил под девизом: «Не надо к слову «учитель» добавлять слово «безбожник», надо, чтобы иначе и быть не могло».

Программными в газете были статьи И.И. Скворцова-Степанова «Мысли о религии», Н. Семашко «Два акта — затемняющий и просветляющий», Ем. Ярославского «Библия для верующих и неверующих». Статьи Ем. Ярославского появлялись почти в каждом номере и порой занимали не один подвал. Приступая к их публикации, автор замечал, что из них должна получиться своеобразная книга, основная цель которой не столько осмеять библейские выдумки, сколько объяснить все, что в Библии имеет социально-политический смысл.

Антирелигиозная борьба велась настолько наступательно, что кроме газеты редакция выпускала еще антирелигиозные журналы: в 1924—1925 г. «Безбожный крокодил», в 1923—1941 гг. — «Безбожник». К тому же выходили специальные безбожные номера некоторых газет: один из таких номеров «Рабочей газеты» был выпущен 6 января 1923 г. с передовой статьей «И бога свечкой и черта кочергой». Заглавие на всю первую полосу гласило: «Штурмуем небеса». Самая значительная подборка материалов была озаглавлена: «Поход против богов» и объединялась единой мыслью: чтобы свергнуть гнет на земле, нужно освободить небо от призраков.

Журналистика и НЭП. Ведущей темой советской журналистики первой половины 20-х годов стал НЭП как необходимое в соответствии с ленинскими установками условие движения к социализму. Ленинский план построения социализма определял характер деятельности всех средств массовой информации, пропагандировавших необходимость крупного поворота экономического курса страны. Проблемы частной торговли, мелкого и среднего предпринимательства, восстановление денежной системы, развитие транспорта, промышленного и сельскохозяйственного производства — все это находилось в центре внимания печати и радиопередач.

Цели и перспективы новой экономической политики наиболее обстоятельно освещались в «Правде», на страницах кото-

рой регулярно появлялись ленинские статьи, в том числе «Новые времена — старые ошибки в новом виде» (28 августа 1921), «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» (18 октября 1921), «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (6—7 ноября 1921), «Странички из дневника» (4 января 1923), «Как нам реорганизовать рабкрин» (25 января 1923), «Лучше меньше, да лучше» (4 марта 1923), «О кооперации» (26—27 мая 1923), «О нашей революции» (30 мая 1923) и др.

В числе активно пропагандировавших НЭП были «Беднота» и «Крестьянская газета». Еще до замены продразверстки продналогом в этих газетах появились письма недовольных политикой военного коммунизма. 16 января 1921 г. в «Бедноте» было напечатано письмо крестьянина Вологодского уезда Фрола Силина «Голос крестьянина или вопли наболевшей души», в котором утверждалось, что «никогда не жилось так плохо крестьянству, как при большевиках», что для крестьян установлено «просто египетское рабство». Письмо вызвало многочисленные отклики: дискуссия по нему продолжалась два месяца и закончилась редакционным обзором «О царе и о том, кто его хочет и не хочет». В ноябре — декабре 1923 г. аналогичная дискуссия развернулась в «Крестьянской газете» по письму Владимира Я., в которой приняли участие не только рядовые читатели, но и М.И. Калинин.

После введения НЭПа на страницах этих газет появляется масса одобрительных откликов: «Мы удовлетворены», «Я за налог», «Почему я против разверстки и за налог». В «Крестьянской газете» появляется постоянный отдел «Пуд и аршин», в котором остро ставится вопрос о снижении цен на промышленные товары. Эти же проблемы стали главными и для «Бедноты». «Ситец страшно дорог — вот одна из самых распространенных жалоб в настоящее время», — пишет газета 30 мая 1923 г. С разъяснением, что делает Советская власть, чтобы удешевить промышленные товары, выступают М.И. Калинин, В.А. Карпинский и другие партийные и государственные деятели. В «Бедноте» появились статьи «Продналог и беднота», «Хлеб, помада и духи», «Продналог и наша промышленность» В.А. Карпинского, в «Крестьянской газете» — «Какой должна быть советская власть в деревне», «О волостных доходах и расходах» М.И. Калинина.

Борьба с голодом. Значительное место во всех газетах отводилось борьбе с голодом, охватившим в 1921—1922 гг. Поволжье. Целые полосы, а иногда и номера борьбе с этим бедствием посвящала «Правда». 23 июля 1921 г. газета вышла с лозунгами: «Поволжье — житница России. Спасти Поволжье от разрушения — долг всех рабочих, всех крестьян, всех честных людей. Кто не помогает голодным, тот роет им яму — могилу. Кто роет им яму, тот может попасть в нее сам».

С аналогичными же призывами издавались «Известия». В газете постоянными стали рубрики «На голоде», «Из голодных мест». Сильное впечатление производили помещенная 11 декабря статья Н. Семашко «Белый саван», и номер от 16 марта 1922 г. под заглавием «Помни о голоде».

Вопросы внутрипартийной жизни. Оперативно и остро ставились в прессе вопросы внутрипартийной жизни. Особенно сильные дискуссии по этим проблемам разгорелись в октябре—ноябре 1923 г. Начались они с заявления Л. Троцкого «Членам ЦК и ЦКК», которое он направил в Политбюро 8 октября 1923 г. Неделью спустя сторонники Л. Троцкого выступили с «Заявлением 46», а 25—26 октября состоялся объединенный Пленум ЦК и ЦКК РКП(б), рассмотревший вопрос о «Внутрипартийном положении в связи с письмами Троцкого». И хотя на Пленуме Троцкий был осужден как фракционер, пытающийся осуществить «ревизию большевизма с меньшевистских позиций», он вскоре выступил с «Письмом к партийным совещаниям», поместив его в «Правде» 11 декабря 1923 г. под заглавием «Новый курс». Новый курс, — писал он, — состоит в том, что «центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии как организованного авангарда пролетариата. Партия должна подчинить себе аппарат, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией».

В конце декабря в «Правде» появилось еще несколько статей Л. Троцкого: «Группировки и фракционные образования», «Вопрос о партийных поколениях», «Общественный состав партии», «Традиция и революционная политика», собранные автором в сборник «Новый курс», который вышел в январе 1924 г.

Однако чем больше Троцкий нападал на Сталина, тем сильнее снижалась его популярность. Полное поражение Троцкого предопределили появившиеся в «Правде» статьи Сталина «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого» (15 декабря) и «Необходимое замечание. (О Рафаиле)» (28 декабря). В принятой на XIII партийной конференции резолюции «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» позиция Троцкого была расценена как «прямой отход от большевизма».

После смерти В.И. Ленина борьба за лидерство между Сталиным и Троцким еще больше обострилась: Председатель Реввоенсовета еще достаточно часто будоражил общественное мнение своими речами и статьями. В сентябре 1924 г, находясь на отдыхе в Кисловодске, Троцкий написал статью «Уроки Октября». Состоявшийся 17—20 января 1925 г. Пленум ЦК РКП(б) сделал Троцкому категорическое предупреждение, что принадлежность к большевистской партии требует «полного безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против ленинизма». Пленум освободил Троцкого от должности Председателя Реввоенсовета Республики, в 1926 г. он был выведен из состава Политбюро, в октябре 1927 г. исключен из состава ЦК ВКП(б), а 14 ноября за организацию демонстрации приверженцев оппозиции в 10-ю годовщину Октябрьской революции — из членов партии.

В самый разгар внутрипартийных дискуссий умер В.И. Ленин. Пресса и радио незамедлительно разнесли эту скорбную весть. «Без Ленина — по ленинскому пути» — эта рубрика стала постоянной во многих газетах, постоянно появляются и рубрики «В ряды РКП(б)», сообщающие о вступлении в партию в связи с ленинским призывом. 19 февраля в передовой «Правды» Ем. Ярославский писал, что только в Москве и Московской губернии подано 30 тыс. заявлений от желающих стать коммунистами, примерно столько же по Ленинграду и ленинградской области, около 90 тыс. по остальным рабочим центрам. Всего вступило в партию во время ленинского призыва 240 тыс. человек.

Каждодневно ведет пресса борьбу по ликвидации детской беспризорности. «Правда» обращается к своим читателям с призывом организовать для беспризорных детей дом-колонию имени «Правды».

Не обошла своим вниманием пресса таких важнейших событий, как образование СССР, признание на международной арене Советского государства. В феврале—октябре 1924 г. средства массовой информации сообщили об установлении дипломатических отношений СССР с Англией, Италией, Норвегией, Австрией, Китаем, Грецией, Швецией, Данией, Мексикой, Францией.

Кампания за режим экономии была начала в печати в апреле 1926 г. На газетных полосах появляются рубрики «За режим экономии», «За режим экономии в деревне», «За экономию в большом и малом», «Борьба за экономию». 5 мая 1926 г. «Правда» в статье «Борьба за режим экономии — главная задача печати» заявляла: «Разветвленный организм печати, имеющий всюду свои щупальца в виде рабселькоров и селькоров, наиболее подходит к этому делу — заглянуть за все перегородки и вытащить все негодное наружу на суд общественной критики».

Для возрождающейся промышленности одним из наиважнейших был вопрос укрепления руководящих кадров. И тут средства массовой информации сыграли свою особую роль: 11 марта 1923 года при клубе «Правды» была организована секция красных директоров. В повышении профессиональной квалификации руководителей промышленного и сельскохозяйственного производства немаловажное значение имели общественные и производственные конкурсы — одна из первых форм массовой работы советской журналистики. С большим размахом проводила конкурсы «Правда». С октября 1922 по январь 1923 г. газета провела конкурс на лучшего директора. За три месяца на суд общественности были представлены 132 директора. В марте 1923 г. правдистами был объявлен конкурс на лучшего учителя под девизом: «Школа — культурный центр деревни». В конкурс включились многие газеты: самую широкую его пропаганду вели петроградская «Красная газета», харьковский «Пролетарий», воронежская «Коммуна», ростовский «Трудовой Дон» и многие другие. «Череповецкий коммунист» обратился к своим корреспондентам с просьбой писать об учителях своей волости. Мы должны выявить культурные силы губернии, заявляла редакция, и поэтому помочь конкурсу — дело каждого деревенского работника. В 1923—1924 гг. в «Правде» успешно прошел еще один конкурс — на лучшую избу-читальню.

Общественные и производственные конкурсы внедрились в практику и других газет. В 1925 г. успешно прошел конкурс на лучшее воинское хозяйство Красной Армии и Флота в «Красной звезде».

Конкурсы приобщили к печати новых рабкоров и селькоров. 16 ноября 1923 г. «Правда» провела первое совещание рабочих корреспондентов, 5 декабря 1924 г. — второе Всесоюзное совещание рабселькоров, 23 мая 1926 г. — третье Всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров. Если на первом совещании присутствовало 42 делегата, то на втором их было 350, а на третьем — 524 делегата. В 1924 г. в стране насчитывалось 100 тыс. рабселькоров, за несколько лет их стало 216 тысяч.

В помощь рабселькорам в середине января 1924 г. начал издаваться журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент». Кроме него выходили еще «Селькор», «Листок рабкора», «Юнкор», «Рабкор железнодорожник». Постоянное внимание рабселькорам уделяли журналы «Красная печать» и «Журналист». В последнем одним из постоянных был раздел «Под огнем». Именно в таких условиях приходилось работать в те годы рабселькорам: бесконечные преследования, сопровождавшиеся нередко убийствами. 8 апреля 1922 г. на московской ситценабивной фабрике (бывшая Циндель) был убит рабкор «Правды» Н. Спиридонов. 14 апреля 1922 г. «Правда» сообщила, что член фабзавкома Володин совершил это из мести: рабкор изобличил злоупотребления членов фабзавкома и его председателя. Из мести были убиты многие рабочие и сельские корреспонденты, в том числе Григорий Малиновский, который не мог мириться с беззаконием местных властей и разоблачил их в окружной газете «Красный Николаев» в заметках «Бравый председатель» и «Ряженный дурень». Выстрел в упор, прозвучавший 28 марта 1924 г. в поселке Дымовка Николаевского округа Одесской губернии и сразивший селькора, всколыхнул всю страну. Приговор суда, продолжавшегося над убийцами селькора с 7 по 23 октября 1924 г. явился приговором всем «рыцарям обреза». Присутствовавший на суде от имени «Правды» Л. Сосновский в своей брошюре «Дымовка» писал: «Селькора никто не назначает и никто не выбирает. Звание селькора не сулит никаких привилегий, а, как раз, наоборот, навлекает на него гонения, притеснения, расправы, вплоть до убийства. При таком естественном отборе в селькоры

идут только те, у которых сознание не мирится с неправдой, беззаконием, произволом. Тянутся люди чуткие и отзывчивые к общему делу трудящихся»³⁴.

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОГО ОЧЕРКА И ФЕЛЬЕТОНА

Журналистика первого советского десятилетия представлена очерками, фельетонами Л. Сосновского, А. Серафимовича, Л. Рейснер, Д. Фурманова, В. Карпинского, М. Шолохова, А. Платонова, М. Булгакова и других. Некоторые из них являлись фронтовыми корреспондентами «Правды», «Известий», др. центральных и местных газет уже в годы Гражданской войны. В статье «Корреспондент «Правды» А. Серафимович вспоминает: «Тяжкая осень восемнадцатого года. На Восточном фронте Красная Армия с переменным успехом билась с Колчаком, с чехословаками. С фронта систематических известий не было. Что доходило оттуда — было отрывочно, случайно. Не было кадров постоянных корреспондентов. Случайные же корреспонденты неизменно возглашали «гром победы» даже и тогда, когда красные полки с «громом победы» пятились. «Правда» первая эту «линию» попыталась выправить и послала меня на Восточный фронт»³⁵.

Первый очерк А. Серафимовича «В теплушке» появился в «Правде» 1 января 1918 г. Затем писатель некоторое время выступал в «Известиях», под рубрикой «Впечатления» в этой газете были опубликованы очерки: «Только уснуть», «Красный праздник», «На родине». Со второй половины 1918 г. в течение всего военного периода под постоянной рубрикой «Впечатления» очерки и рассказы публиковались регулярно в «Правде». Только в декабре 1918 г. на ее страницах появились очерки «Политком», «На позиции», «Подарки», «Волчий выводок», «По усам текло».

Нельзя не отметить, что деятельность А.С. Серафимовича как военного корреспондента началась еще в дооктябрьский период. В годы Первой мировой войны он сотрудничал в газете «Рус-

³⁴ Сосновский Л. Дымовка. — М. 1924. С. 5.

³⁵ Серафимович А. Собр. соч. В 4 т. — М., 1980. — Т. 3. С. 213—214.

ские ведомости», опубликовав в ней очерки «Встреча», «На побывке» и др. Сравнивая свою деятельность в «Правде» и «Русских ведомостях», писатель отмечал, что старый дореволюционный корреспондент «выуживал материал» в верхах, штабах, канцеляриях, а в годы Гражданской войны необходимо было «стать как можно ближе к красноармейской массе», чтобы в ее гуще черпать «необходимый материал». И этого «необходимого материала» у писателя хватало не только на многочисленные рассказы, очерки и статьи в «Правде», «Известиях», «Петроградской правде». На их основе автор намеревался создать целый цикл произведений о революции под общим заглавием «Борьба», однако, из задуманного цикла появился только один роман «Железный поток», опубликованный в 1924 г. в альманахе «Недра» с подзаглавием «Из цикла «Борьба». Не только герои этого самого крупного романа А. Серафимовича имеют своих прототипов, но и сюжет сохраняет реальную канву действий — героический поход в августе—сентябре 1918 г. Таманской армии, отрезанной от красных войск на Северном Кавказе, сумевшей пробиться к своим и принять затем участие в успешном наступлении на Южном фронте.

Главное достоинство военной публицистики А. Серафимовича в том, что в его очерках не было «выдумки», что «ужасы войны» представляли во всей правдивости, так ярко, что некоторые его очерки, как заметил А. Луначарский «больно читать». Уже самый первый, появившийся в «Правде» очерк «В теплушке» зримо передает картину «побелевших от морозов», переполненных голодными красноармейцами с «заколелыми ногами» теплушек, когда «зубы стучат от неодолимой внутренней дрожи», когда от «раскаленной докрасна печки несет нестерпимым жаром, а из сквозивших щелей вагона — нестерпимым холодом, когда приходится всячески изворачиваться, стараясь найти среднее положение, чтобы не так жгло и морозило». В каждом очерке все новые и новые картины нечеловеческих страданий на войне. Воочию видишь и обросших сосульками, старающихся хоть как-то укрыться от «нижущего уфимского ветра, который сколько глаз хватит бело дымится поземкой»; и сутками сидящих зажатыми в углу вагона, измученных до того, что голова плохо держится на шее»; и «неделями валяющихся в переполненных теплушках тифозных»; и шагающих через головы, руки и ноги, лишь бы найти на вокзале «кусочек свободного места».

Стремясь как можно обстоятельнее запечатлеть доподлинную правду тяжелейшей из войн, писатель с нескрываемым огорчением замечал, что если империалистическая война освещалась сотнями журналистов, фоторепортеров, литераторов, то Гражданская «проходит молча». «Неужели все это уйдет и потухнет с уходящим днем? — писал он в очерке «Мокрый ветер», появившемся в газете «Петроградская правда» 9 марта 1920 г. И тут же замечал: «Поколениям один маленький рассказ, маленькое воспоминание, один небольшой рисунок даст неизмеримо больше, чем сотня ученых изысканий в архивах».

Военные рассказы и очерки А. Серафимовича, запечатлевшие важнейшие события на Восточном, Южном и Западном фронтах — правдивая летопись Гражданской войны, и в этом их непреходящее значение.

Такой же правдивой летописью боев на Восточном и Южном фронтах стала публицистика Д.А. Фурманова, являвшегося в марте—августе 1919 г. военным комиссаром 25-й чапаевской дивизии. 31 января 1919 г. он отправился на Восточный фронт, а 15 апреля в иваново-вознесенском «Рабочем крае» появилось его первое «Письмо с фронта». С этого времени «Рабочий край» становится его постоянной корреспондентской трибуной, хотя его очерки все чаще начинают появляться в «Правде», «Известиях» и других газетах. Публицистические произведения Д. Фурманова легли в основу таких его будущих книг, как «Красный десант», «Мятеж» и самого известного произведения — «Чапаев».

Немало очерков писатель посвятил В.И. Чапаеву, М.В. Фрунзе, П. Батурину, сменившему Фурманова на посту военного комиссара чапаевской дивизии и погибшему вместе с легендарным героем, Епифану Ковтюху и другим героям Гражданской войны. С 4 на 5 сентября 1919 г. «на берегу стремительного мутного Урала» в казацкой станице Лбищенск погиб В.И. Чапаев. В одном из лучших своих очерков «Лбищенская драма» Д. Фурманов писал: «Может быть нигде не была более ожесточенной гражданская война, чем здесь, в уральских степях. По страдному пути от Уральска до Каспия не один раз наступали и отступали наши красные полки. Уральское казачество билось отчаянно... Сожженные станицы, разоренные хутора, надгробные кресты — вот чем разукрашены просторные уральские степи. Не одна тысяча красных воинов покоится здесь на пшеничных и

кукурузных полях, не одна тысяча уральских казаков на веки вечные оставила станицы. Одною из последних и наиболее драматических страниц в истории борьбы по уральским степям, несомненно, останется лбищенская драма»³⁶.

В связи с трагической гибелью В.И. Чапаева Политическим управлением Революционного военного совета Туркестанского фронта в Самаре в начале октября 1919 г. была выпущена листовка «Памяти героя пролетарской революции и полководца красноармейцев Василия Ивановича Чапаева», которая представлена очерками Д. Фурманова «Чапаев», «Последние часы Чапаева», «Воспоминания о Чапаеве». В них особо отмечено, что «не было случая, чтобы Чапаевская дивизия отступила в бою и была разбита, что всю свою боевую жизнь Чапаев «горел, как костер; все искал, все стремился куда-то, все рвался вперед и погиб, как подобает погибнуть честному революционеру: с оружием в руках, весь пробитый вражескими пулями». Наблюдавший Чапаева в самой различной обстановке в течение многих месяцев писатель заключал: «Это был замечательный самородок: красивый, яркий и самобытный. С Чапаевым можно было устывать, с ним можно было исстрадаться, но никогда не могли бы вы с ним заскучать. Это был удивительно живой человек»³⁷.

Значительное место в публицистическом наследии Д. Фурманова занимает очерковый цикл о М.В. Фрунзе: «Первая встреча» (Правда, 1925, 5 ноября), «Как собирался отряд» (журн. «Красноармеец», 1925, № 79), «Последний вечер» (журн. «Красная новь», 1925, № 10), «Встреча в Уральске» («Красная звезда», 1925, 5 ноября), «Фрунзе под Уфой» («Правда», 1925, 13 ноября), «Весть о его смерти» (журн. «Комсомолия», 1925, № 8). Все эти очерки, опубликованные в год смерти полководца, воссоздавали не только образ беззаветной храбрости героя, но и «прекрасного, редкостного человека с мудрой головой и с детским сердцем, любившего какой-то особенной нежной любовью» свой северный Ивано-Вознесенский край.

В некрологе «Комиссар Дмитрий Фурманов» Л.С. Сосновский отмечал: Фурманову «было, что сказать о революции. И он, бесспорно, рассказал бы о ней очень много достойного. Но он погиб от злосчастной болезни. Оборвалась жизнь такая яркая и

³⁶ Фурманов Д. Незабываемые дни. — Л., 1983. С. 84—85.

³⁷ Там же. С. 157.

содержательная. Только что начавший свою литературную работу по-настоящему, он должен был дать стране еще очень многое»³⁸.

За месяц до смерти Д. Фурманова ушла из жизни Л.М. Рейснер, в публицистике которой героика Гражданской войны получила не менее яркое отображение. Невозможно отделить Рейснер-писательницу от Рейснер-бойца Волжской флотилии, автора цикла очерков «Фронт» от участника боев под Царицыном. В годы Гражданской войны ее постоянной трибуной стала газета «Известия», помещавшая очерки писательницы под рубриками «Письма с фронта» и «Письма с Восточного фронта». Некоторые очерки о фронтовых событиях появились уже после окончания войны, в том числе самый лучший из них — «Казань», напечатанный в 1922 г. в журнале «Пролетарская революция».

В послевоенное время в «Известиях», в журналах «Прожектор» и «Красная нива» постоянно публикуются очерки из цикла «Уголь, железо и живые люди». В 1924 г. очерки Л. Рейснер вышли отдельной книгой. Публицистическое наследие Л. Рейснер отличается высоким художественным мастерством. В очерках «Маркин», «Казань», «Астрахань», «Астрахань — Баку», «Казань — Сарапул» запечатлены моряки Волжской флотилии с «их голодом и героизмом», Астрахань, согретая ранней весной 1919 г., среди совершенно голых и неподвижных холмов Каспийского побережья, Казань с уходящими из города, спасающимися от Колчака жителями. «Рядом бежит семейство с детьми, шубами и самоварами, — читаем в очерке «Казань». — Несколько впереди женщина тянет за веревку перепуганную козу. На руках висит младенец. Куда ни взглянешь, вдоль золотых осенних полей — поток бедноты, солдат, повозок, нагруженных домашним скарбом, все теми же шубами, одеялами и посудой. Помню, как много легче стало в этом живом потоке. Кто эти бегущие? Коммунисты? Вряд ли. Уж баба с козой наверное не имеет партийного билета. При каждом выстреле, при каждой вспышке панического ужаса, встряхивающего толпу, она крестится на все колокольни. Она просто — народ, масса, спасающаяся от старых врагов. Целая Россия, схватив узел на плечи, по вязкой дороге пошла прочь от чехословацких освободителей»³⁹.

³⁸ Правда. 1926. 17 марта.

³⁹ Рейснер Л. Избранное. — М., 1965. С. 26.

«Это был большой художник, это был большой творец», — так отзывался о Ларисе Рейснер Л. Сосновский. Особенно высокой оценки удостоил он один из последних ее очерков «Молоко», напечатанный в «Гудке». «В этом фельетоне, — отмечает Л. Сосновский, — было нечто совсем новое. Те, кто имел случай прочесть этот фельетон «Молоко», могли увидеть еще один этап в творчестве Ларисы Михайловны... Она как бы вела нас за разносчиком молока, который чуть свет поднимается по лестнице многоэтажного дома, и провела нас через все ступени нищеты берлинского рабочего. Этот новый и ясный обнаженный прием мне показал, что мы еще не знаем и малой доли того, на что способна Лариса Михайловна»⁴⁰.

Сохранившиеся в рукописном фонде Л.М. Рейснер материалы о состоянии уральской и донецкой промышленности подтверждают, что она действительно вынашивала планы создания еще многих произведений, в том числе трилогии о жизни уральских рабочих.

Наибольшую известность в первое советское десятилетие получила публицистика Л.С. Сосновского. Уже к 1925 г. под заглавием «Дела и люди» увидел свет двухтомник его очерков и фельетонов (том первый «Рассея», том второй «Лед прошел», а к 1927 г. под тем же названием вышли еще две книги (третья «Люди нового времени», четвертая «Лешегоны и лешегонство»). Кроме того, были изданы книги «Советская новь», «О музыке и о прочем», «О культуре и мещанстве» и др.

Интенсивная журналистская деятельность Л. Сосновского началась сразу же после Октябрьской революции. Вместе с В. Володарским ему пришлось в Петрограде создавать «Красную газету», с весны 1918-го вместе с В. Карпинским он возглавлял «Бедноту» и одновременно сотрудничал в «Правде». «С весны 1918 года, — пишет он в автобиографии, — я был постоянным работником «Правды», совмещая эту работу с разными другими, но ни одной другой не отдавал столько сил, сколько «Правде». Мне пришлось протоптывать дорогу советскому фельетону. Первые месяцы и годы революции, кроме меня и Демьяна Бедного фельетонов почти не писал никто. Потом появился В. Князев, за ним другие»⁴¹.

⁴⁰ Сосновский Л. Дела и люди. — Кн. 3. — М., 1927. С. 103—104.

⁴¹ Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. — М., 1989. С. 697.

Статьи о героизме на фронте, проблемы развития советской экономики, борьба с бюрократизмом — эти темы называл главными в своем творчестве сам публицист. В самых первых выступлениях в «Правде» он беспощадно высмеивал тех, кто задался целью незамедлительно «ввести социализм» в тех или иных регионах страны. Мастерски была им воссоздана картина такого «введения» социализма в городе Быхове Могилевской губернии, где мгновенно оказались закованными все частные лавчонки («социализм, так социализм, черт побери!») и, придя в полное уныние от такого «социализма» («самого пустяшного пустяка нельзя никаким манером достать»), жители городка стали вздыхать даже о только что изгнанных немцах, при которых не было «бестолочи с заколачиванием лавочек»⁴².

В лучших своих фельетонах «В гостях у советского робинзона», «Тяжелые дни Волховстроя», «Лед прошел» и других публицист акцентирует внимание на таких негативных явлениях советской действительности, как расточительство, хищничество, бесхозяйственность, бюрократизм, волокита. «Сколько тупого, бесстыдного бюрократизма вокруг нас, — писал Сосновский в фельетоне «Советская казна дыбом или как у нас советскую копейку берегут». — «Если потрясти эту рухлядь, эту разорительную канцелярщину, сколько мы найдем средств на полезные культурные дела, порой гибнущие из-за отсутствия незначительных сумм»⁴³.

Непримирим был Сосновский к безответственности и бесконтрольности, приводивших к хищениям и нередко в крупных размерах. Как в трудовой республике появились штатные должности бездельников, откуда есть пошла на Руси новая буржуазия, как в карман некоего Карманова в результате лишь одной махинации попало сто тысяч рублей золотом — обо всем этом миллионы читателей «Правды» прочитали в фельетоне «Севастьян Карманов и его хождения по НЭПу (Истинная повесть в трех частях с судебным эпилогом)», появившимся в газете 19 декабря 1923 г.

Объектами критики публициста были также саботажники, волокитчики, бракоделы. Развеять атмосферу безнаказанности призывали фельетоны «О хищениях бескорыстных» (Мосшвея

⁴² Сосновский Л. «Национализация». Правда. 1919. 11 февраля.

⁴³ Правда. 1924. 22 марта.

поставляет такие изделия, которые «лучше всякой эсеровской прокламации агитируют против советской власти»), «Подкладочка» (подкладка некоторых изделий обувных фабрик «не прочнее паутины»). В фельетонах «Потоп», «Некрещенный паровоз» содержится гневный протест против бесконечного потока бумаг, губящего экономику, когда неделями простаивают новенькие мощные паровозы только потому, что им не удалось прислать соответствующий номер. Нужно сосчитать, пишет фельетонист, сколько пудов потеряла республика из-за простоя мощных паровозов, а потом на соответствующее время посадить в Бутырки виновников этого преступления.

С убийственной иронией высмеивал публицист бесконечные, порой нелепые комиссии по всевозможным заготовкам, деятельность которых он определял словом «бестолковщина». В фельетоне «Проделки Скапена, или классическая комедия», живописуя деятельность комиссии по заготовке валенок и лаптей («чеквалап»), публицист резюмировал: «В нашей хозяйственной деятельности много «чеквалапства». «Почеквалапили» три года и довольно. Пора вырасти»⁴⁴.

Освещая успехи советских людей, Л. Сосновский многократно убеждался, что они были бы несравненно более значительными, если бы не сдерживались чудовищной силой бюрократического государственного аппарата. В очерке «Тяжелые дни Волховстроя» он без обиняков заявляет, что когда эта электростанция будет достроена и даст энергию Питеру — это будет чудо! Да, чудо, потому что стройка будет завершена не благодаря, а «вопреки стараниям почти всего государственного аппарата сорвать строительство»⁴⁵. Подлинной трагедией для строительства ГЭС, пишет Сосновский, стали бесконечные комиссии РКИ, десятки раз обследовавшие волховские работы. Последняя из них, сообщается в очерке, усердно трудилась целых 67 дней, было задано в письменном виде 1555 вопросов, составление ответов на которые потребовало 1500 рабочих человеко-дней, а представленные ответы истребовали около трех пудов бумаги.

Главная цель очерка, как ее определил сам автор, уменьшить «трудности и препоны» на пути Волховстроя. К этой же цели

⁴⁴ Правда. 1929. 14 ноября.

⁴⁵ Правда. 1923. 8 декабря.

стремился Л. Сосновский и во многих других выступлениях: «Русская галоша и русская лампочка», «Около галоши», «О ламповой концессии», «О тормозах», появившихся в «Правде» в январе—апреле 1923 г. Во всех этих материалах публицисту пришлось «выдержать настоящий бой» с теми, кто готов был по любому поводу приглашать американских, голландских, немецких концессионеров, не прилагая особых усилий для развития отечественной промышленности. Нелегко было ему переубедить министров и их замов отказаться от услуг всех, кто стремился «облагодетельствовать» нас новыми и новыми концессиями. Из корреспонденции «Русская галоша и русская лампочка» узнаем, что один из заместителей наркома писал в партийное учреждение: «Что мне делать с Сосновским? Не заглянув в святыцы, бухает в отвратительные колокола. Он гадит нам всю нашу концессионную политику»⁴⁶. Другой нарком требовал: «Впредь, прежде, чем писать подобные вещи, прошу вас запрашивать меня»⁴⁷. Вопреки всем трудностям, с удовлетворением заключал журналист, галоша стала советской.

Многочисленные очерки Л. Сосновского — «Смагин», «Мастер Клюев», «К делу Кузнецова», «Памяти смелого изобретателя» и другие — были посвящены энтузиастам труда и порядка, тем, которые только и могли «вытянуть Россию из нищеты». Один из таких тружеников — самородок-изобретатель Смагин, главным для которого было то, чтобы «дело спорилось». «Берегите Смагиных, — призывает Сосновский. — Это лучшее, что есть в народных массах... Берегите Смагиных, не проглядите их вокруг себя»⁴⁸.

Выступления Л. Сосновского получали самый широкий читательский отклик. На статью «О культуре и мещанстве», опубликованную в «Правде» 27 ноября 1925 года, откликов поступило такое количество, что ответы на них составили целую объемную брошюру. Проблемы, затронутые в статье, вызвали острую полемику в среде журналистов. С резкой критикой в адрес Сосновского выступил Абрам Аграновский, обвинивший Сосновского в том, что он хвалит европейскую буржуазную культуру. Сосновский отвечал, что у Запада следует учиться все-

⁴⁶ Правда. 1923. 8 апреля.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Правда. 1921. 20 ноября.

му, чему «можно научиться и отнюдь не будем фыркать на западные порядки только потому, что там буржуазный строй». Во многих откликах на статью Л. Сосновского утверждалось, что она «многих и на многое заставила переменить взгляды», явилась для них «моральной базой».

Публицистика Л. Сосновского многие десятилетия была под запретом. В 1927 г. он был исключен из партии, объявлен троцкистом и разделил судьбу безвинных жертв сталинского режима. Ему в то время исполнилось только пятьдесят и впереди могло быть еще немало лет интенсивной творческой деятельности.

Заслуживает внимания публицистика начала 20-х годов М. Шолохова, В. Шишкова, А. Платонова. В марте—апреле 1924 г. внимание читателей «Правды» привлекли «Смоленские письма» В. Шишкова, в которых было немало интересного о возрождении культурной жизни в послевоенном Смоленске: о деятельности литературного объединения «Арена поэтов», в составе которого были студенты, политруки, сотрудники местных газет, советские служащие и просто барышни, о работе Дома крестьянина, где читались лекции по ветеринарии и все желающие могли получить советы по земельно-правовым вопросам, тут же размещались сельскохозяйственный музей и редакция крестьянской газеты «Смоленская деревня». «Письма» примечательны и другими подробностями из жизни первых лет Советского государства.

В самом начале двадцатых годов началась публицистическая деятельность М.А. Шолохова. 21 сентября 1923 г. «Юношеская правда» (одно из названий «Московского комсомольца») поместила его фельетон под названием «Три», затем были напечатаны фельетоны «Ревизор» и «Испытание», а 14 декабря 1924 г. появился рассказ «Родинка». Заведовавший литературным отделом газеты поэт А. Жаров 15 марта 1924 г. под рубрикой «Ответы нашим читателям» поместил следующее письмо М. Шолохову: «Твой рассказ (речь идет о рассказе «Родинка») написан сочным образным языком, тема его очень благодатна. Но это еще не рассказ, а только очерк. Не спеши, поработай над ним, очень стоит. Введи в него больше действия, больше живых людей и не очень перегружай образами: надо их уравновесить, чтобы один образ не заслонял другой, а ярче выделялся на фоне другого. Работай терпеливее, упорнее». И рабфаковец Михаил Шо-

лохов, вспоминал впоследствии М. Жаров, не обиделся на советы редакции и поработал над рассказом достаточно «терпеливо и упорно»⁴⁹. К концу 1926 г. М. Шолохов являлся уже автором двух книг — «Донские рассказы» и «Лазоревая степь». В сборник «Донские рассказы» вошел и рассказ «Родинка».

В 1918—1926 гг. в губернских газетах «Воронежская коммуна» и «Красная деревня» регулярно появлялись статьи, очерки и фельетоны А. Платонова. Уже в этот период ярко проявилось самобытное дарование молодого журналиста. Его статьи и очерки «Душа мира» («Красная деревня», 1918, 18 июля), «Герои труда» («Воронежская коммуна», 1920, 7 ноября) звучат гимном женщине-матери, людям труда, страстным призывом беречь природу. «Женщина и мужчина, — читаем в статье «Душа мира», — два лица одного существа — человека: ребенок же является их общей вечной надеждой. Некому кроме ребенка передать человеку свои мечты и стремления; некому отдать для конечного завершения свою великую обрывающуюся жизнь. Некому кроме ребенка». Весьма злободневно, будто написанные сегодня, звучат многие строки ранней публицистики А. Платонова: «У нас, можно сказать, вообще здоровая вода не ценится, река, дескать, дело вечное, а ведь вода так же необходима и ценна, как и хлеб» («Воронежская коммуна», 1923, 20 июня); «Каждое общество-государство обязано уважать все остальные государства, независимо от того, могущественны они или бессильны» («Красная деревня», 1920, 1 августа).

Поистине всенародная слава выпала в двадцатые годы на долю М. Зощенко. Редакторы буквально боролись за право печатать его новые фельетоны и рассказы. «Красный ворон», «Смехач», «Дрезина», «Бузотер», «Бегемот» — всех сатирических изданий не перечесть — под многочисленными псевдонимами (их насчитывалось около двадцати) публиковали восторженно встречавшиеся его произведения, многие из которых («Аристократка», «Баня», «Жених», «Муж», «Пациентка») постоянно звучали с эстрады. Несмотря на столь небывалый успех судьба писателя складывалась трагично: официальная критика приписывала Зощенко обывательский взгляд на вещи, обвиняла его в неуважении к своему герою и даже в издевательствах над ним, а после постановления ЦК ВКП(б) в 1946 г. о журналах «Звез-

⁴⁹ Московский комсомолец. 1959. 11 декабря.

да» и «Ленинград», власти пытались предать его имя забвению, перестав печатать. Но любимый миллионами и миллионами читателей М. Зощенко возвратился к ним и не мог не возвратиться, потому что написанное им — не для архивных полок, потому что в жизни еще немало такого, с чем боролся писатель, что еще мешает нам быть чище, красивее, человечнее. Недаром А.М. Горький утверждал, что творчество М. Зощенко несет в себе высокий заряд «социальной педагогики».

Середина двадцатых годов ознаменовалась началом деятельности знаменитых Кукрыниксов. В декабрьском номере за 1926 год в журнале «Комсомолия» (литературно-художественный орган МК РЛКСМ) в статье «Рисунки М. Куприянова» сообщалось, что вместе с двумя товарищами П. Крыловым и Н. Соколовым он составил «дикувинную артель» по поставке коллективных — главным образом шаржированных рисунков в печать. Подпись трех товарищей Кукрыниксов, делался в статье вывод, скоро будет пользоваться «всяческой заслуженной известностью». Свою поистине необычайную известность художники приобрели в «Правде», первая их карикатура на страницах которой на стихотворение А. Безыменского «Акулы» появилась 3 марта 1932 г. С этого дня многие десятилетия их карикатуры со статьями и фельетонами публицистов «Правды» оказывали особенно сильное воздействие на читателей.

ЖУРНАЛИСТИКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Октябрьская революция и Гражданская война вызвали огромную эмиграционную волну: Россию покинуло более двух миллионов человек. К декабрю 1924 г. только в Германии оказалось около 600 тыс. русских эмигрантов, во Франции — около 400 тыс., в Манчжурии более 100 тыс., в США около 30 тысяч. Русские эмигранты к 1924 г. обосновались в 25 государствах, не считая стран Америки⁵⁰. Сохраняя за границей свои классовые организации, они издавали свыше трех тысяч наименований газет и журналов. В этом обильном потоке периодики на самом правом фланге находились такие журналы, как

⁵⁰ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. — М., 1986. С. 25—26.

«Двуглавый орел» (затем «Вестник Высшего монархического Совета», Берлин, Париж, 1920—1922 гг., 1926—1931 гг.), «Грядущая Россия» (Париж, 1920; редакторы — лидер энесов Н.В. Чайковский и писатель М.А. Ландау — Алданов), «Русская мысль» (София, Прага, Берлин, 1921—1924 гг., ред. П.Б. Струве). К ним примыкала право-кадетская газета «Руль» (Берлин, 1920—1931 гг., ред. И.В. Гессен). Руководящим органом кадетов являлась газета «Последние новости» (Париж, 1920—1940 гг., ред. П.Н. Милюков); центральным органом эсеров был журнал «Революционная Россия» (Юрьев, Берлин, Прага, 1920—1931 гг., ред. В.М. Чернов); меньшевиков — «Социалистический вестник» (Париж, Нью-Йорк, 1921—1965, первым редактором был Ю.О. Мартов). Широкую известность получили сменовеховские издания: журнал «Смена вех» (Париж, 1921—1925) и газета «Накануне» (Берлин, 1922—1924. Редактором и журнала, и газеты был Ю.В. Ключников).

Одним из главных идеологов продолжения борьбы с большевиками «всеми способами и прежде всего «вооруженным путем» был П.Б. Струве, редактировавший в эмиграции журнал «Русская мысль». Журнал расценивал русскую революцию как разрушение и деградацию всех сил народа. В статьях П. Струве «Размышления о русской революции», «Прошлое, настоящее и будущее», «Мысли о национальном возрождении России», «Россия» и других утверждалось, что падение большевистской власти «приближается неотвратимо и ускоренно». В то же время редакция постоянно информировала читателей, что процесс объединения русских сил вокруг великого князя Николая Николаевича, внука Николая I, одного из главных претендентов на царский престол неизменно продолжается. «К великому князю, живущему недалеко от Парижа, — читаем в 9—12 номерах журнала за 1923/24 гг., — приезжал генерал Врангель и был очень сердечно им принят. Во всех государствах, где живут сейчас русские, начат сбор пожертвований в казну Великого князя, «Фонд спасения России». Этот сбор является первой попыткой двухмиллионной зарубежной России собственными силами начать дело борьбы за родину, не надеясь на державы, на «американские миллионы или на одни стихийные процессы в советской власти. Понятно поэтому раздражение, с которым этот сбор был встречен в большевистских и соглашательских

кругах»⁵¹. К этому же центру, сообщалось в журнале, примыкают и русские люди на Дальнем Востоке, наибольшее количество которых вне большевистской власти находится в Манчжурии и горах Китая.

В журнале было помещено также «Заявление Великого князя Николая Николаевича», сделанное им американским журналистам в начале мая 1923 года. «Вы спрашиваете меня, как я отношусь к призыву моих соотечественников стать во главе движения во имя освобождения России... Я готов отдать все свои силы и жизнь на служение Родине»⁵².

В течение полутора лет, начиная с января 1922 г. до августа 1923 г. в журнале публиковались воспоминания В.В. Шульгина «Дни». Приступая к их печатанию, редакция заявляла, что этот человеческий и исторический документ будет «во всей его значимости оценен и современниками и стремящейся к живой правде историей». В ряде номеров публиковался «Дневник» З. Гиппиус («История моего дневника» и «Черная книжка»), оцененный редакцией как «замечательный документ переживаемой эпохи». Почти в каждом номере появлялись стихи Н. Гумилева, И. Бунина, М. Волошина, М. Цветаевой.

Среди непримиримых антисоветских изданий не последнее место занимала газета «Руль», выходявшая ежедневно с 16 ноября 1920 г. до 14 октября 1931 г. под редакцией кадета И.В. Гессена. Излагая программу своей деятельности в передовой первого номера, редакция заявляла: «Восстановление России немыслимо при существовании советской власти. Каждый месяц, каждый день хозяйничание этой власти продолжает и довершает дело разрушения России, ее культурных и хозяйственных ценностей. Наша основная политическая задача, — особо подчеркивалось в передовой, — освещать неприглядную русскую действительность».

В соответствии с намеченной программой в «Руле» с первых же номеров одной из ведущих стала рубрика «В Советской России». О характере публиковавшихся в этом разделе материалов можно судить по их заглавиям: «Голод в Петербурге», «Война с деревней», «Струве о борьбе с большевизмом», «Черчилль о большевизме» и т.д. 28 ноября 1920 г. газета обнародовала «Декла-

⁵¹ Русская мысль. 1923/24 № 9—12. С.484.

⁵² Там же. С. 518.

рацию генерала Врангеля», в которой утверждалось: «Армия и Флот не допускают мысли о возможности прекращения борьбы. Наша задача — сохранить ядро русской армии и флота для того часа, когда Европа учтет необходимость борьбы с мировой тиранией».

Активно в «Руле» сотрудничали М. Волошин, К. Бальмонт, И. Шмелев, печатались мемуары С.Ю. Витте. Выступал на его страницах и признанный классик русской литературы, ее первый нобелевский лауреат (1933 г.) И.А. Бунин, решительно не принявший Февральскую, а затем и Октябрьскую революцию. В апреле 1924 г. в «Руле» была обнародована произнесенная им в Париже речь «Миссия русской эмиграции», имевшая программное значение для всех, оказавшихся в изгнании. Вся речь проникнута призывом: не поддаваться ни соблазнам, ни окрикам, ни соглашаться на «похабный» мир с большевистской ордой. Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдадутся и падут еще тысячи и тысячи. Но все равно, — заключает писатель, — останутся и такие, что не сдадутся никогда»⁵³.

Подтверждением этих слов является трагическая судьба самого писателя. Постоянно и безысходно тосковал он по России, но так и не вернулся на родину. Встречавшийся с ним в Париже в 1949 г. К.М. Симонов свидетельствует: «Это был человек не только внутренне не принявший никаких перемен, совершенных в России Октябрьской революцией, но все еще никак не соглашавшийся с самой возможностью таких перемен, все еще не привыкший к ним как к историческому факту»⁵⁴.

Из наиболее известных изданий в журналистике русского зарубежья несомненно была газета «Последние новости», выходившая в Париже с 27 апреля 1920 г. до 13 июня 1940 г. Первым ее редактором был присяжной поверенный М.А. Гольдштейн, с 1 марта 1921 г. редакцию возглавил лидер кадетов П.Н. Милюков. Редактировавшаяся Милюковым почти 20 лет газета являлась центральным органом кадетской партии и в отличие от правокадетского «Руля» значительно отличалась от него по более объективной оценке происходивших в Советской России событий, о чем редакция открыто заявила в статье «Наша задача»,

⁵³ Руль. 1924. 3 апреля.

⁵⁴ Симонов К.М. Из записей об И.А. Бунине. Собр. соч. в 10 т. — М., 1985. — Т. 10. С. 350.

открывавшей первый номер. «Хотели бы самим своим названием сказать, что они будут стремиться отражать не столько свои мнения по поводу событий, а сами события, не тенденциозное освещение фактов, а факты. Слова все сказаны, мнения все высказаны, но, увы, никто никого ни в чем не убедил, не научил и не заставил забыть... Задача наша иная, более скромная, в необходимость ее мы верим непоколебимо. Эта задача — излагать факты как они есть, т.е. говорить правду — и не ту, которая той или иной партии в преломлении политической веры кажется правдой, а ту, которая есть правда. Вот почему, вопреки установившемуся в последнее время трафарету, мы не считаем нужным озаглавливать нашу газету, как «беспартийную» или «демократическую». За этими словами столько раз обнаруживалась и очень узенькая партийность и очень широкая антидемократичность, что мы предпочитаем опираться не на аншлаг, который часто ни к чему не обязывает, а на ежедневную работу, которая будет вся на виду, как под стеклянным колпаком». Избрав своим девизом — служение объективной правде, какой бы она не была, редакция особенно настаивает на недопустимости в прессе лжи, неискренности, погубивших царскую Россию и не дающих ей подняться при большевиках. Поэтому правда, по мнению редакции, «должна стать национальным кумиром и извращение ее должно считаться осквернением святыни».

Выдвинув столь благородную задачу, во имя новой России, в которой не должно быть места «ни угнетению, ни насилию», призывая делать журналистику «чистыми руками», редакция на первых порах всячески стремилась к тому, чтобы газета выглядела сугубо информационным органом. Об этом свидетельствуют даже рубрики первых номеров: «Телеграммы», «По Советской России», «В Париже», «На Западе», «Среди эмигрантов» и т.д. Однако все стремления редакции не вникать в политику успехом не увенчались. 27 апреля 1923 г. в статье «Трехлетие «Последних новостей» было сказано: «Само название нашей газеты показывает, что, когда три года назад она была основана, ее цель была по преимуществу информационная. Однако, политическое значение переживаемого нами времени так велико, что газета... не могла остаться в стороне от борьбы направлений и вынуждена была неизменно следовать курсу, верному своему компасу — «борьбы против насильников, овладевших Россией».

Страницы газеты заполняли рассказы и литературные портреты И.А. Бунина, М.М. Зощенко, очерки и отдельные главы из трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам». Регулярно публиковались фельетоны Н. Тэффи. «Ностальгия» — так назывался один из них, правдиво передававший настроение всех, находившихся в вынужденной эмиграции, в разлуке с родной страной.

Мыслью о трагической судьбе России проникнуты не только произведения Н. Тэффи, но и многих других писателей и публицистов. Из их числа следует выделить Е.Д. Кускову, особенно ее «Письма из Берлина». В своих «Письмах» Е.Д. Кускова решительно выступила против вооруженного свержения большевиков. Как бы ни относиться к революции, подчеркивала она, на стороне революции при самодержавии была «большая правда», большая «нравственная сила» и, призывающие «топить» всех прикосновенных к большевизму, проявляют тот же «звериный русский большевизм, только наизнанку». «Струве настойчиво твердит, — читаем в «Письмах», — мне все равно кто их свергнет Марков II или Керенский». Ну, а мне не все равно, заявляет Кускова, так как такое свержение приведет к еще более страшной гражданской войне⁵⁵.

Оперативно откликнулись «Последние новости» на смерть Ю.О. Мартова и В.И. Ленина. С 23 по 30 января в каждом номере под рубрикой «После смерти Ленина» печатались отклики на его кончину. Главная мысль всех публикаций в траурные дни сводилась к тому, что после смерти Ленина «быть может недалек день перерождения всей русской жизни».

Перерождения русской жизни ждали не только кадеты, а можно сказать вся русская эмиграция, в том числе эсеры, неизменно занимавшие в своем центральном органе — журнале «Революционная Россия» позицию «изживания коммунизма» большевиков. Журнал издавался с 1920 до 1931 г. в Праге и Берлине. Его редактором являлся Ю.М. Чернов, активными сотрудниками были А.Ф. Керенский, В.М. Зензинов, И.А. Рубанович, Н.С. Русанов, В.В. Сухомлин, Марк Слоним, печатался поэт Константин Бальмонт, который откровенно заявлял: «коммунизм я ненавижу. С кем бы то ни было из коммунистов у меня нет ничего общего»⁵⁶.

⁵⁵ Последние новости. 1923. 28 апреля.

⁵⁶ Революционная Россия. 1921. № 8.

В апреле 1921 г. в журнале появилась программная статья В. Чернова «Основные мотивы гильдейского социализма», в которой, считая октябрьский переворот «пародией на социалистическую революцию», В. Чернов решительно выступил против нарождавшейся дискреционной (тоталитарной) власти «коммунистических опекунов» над народом России. И все-таки, в отличие от монархических и кадетских изданий, «Революционная Россия» не поддерживала военного выступления против большевиков. «Монархисты мечтают, — отмечалось в июле 1921 г. в статье «Изгои», — силой оружия вернуть себе власть в России, готовятся к победоносному возвращению на Родину, чтобы по-своему расправиться с взбунтовавшимися мужичками». К диктатуре меньшинства, — отмечает далее журнал, — постоянно призывает и «неисправимый идеолог «белых генералов» П. Струве. «Нужна сила, нужна энергия, — восклицает он. Должно создаться мощное своим сознанием меньшинство, которое пошло бы напролом». «Напролом идут только те, — в ответ на эти призывы Струве отвечал журнал, — кому нечего терять. Именно напролом шли уже и Деникин, и Врангель, и подобные им могут еще пойти «напролом», чтобы захватить власть в государстве. Но, — особо подчеркивается в статье, — это им не удастся, ибо не насилием меньшинства, как думает г. Струве, а организованной волей большинства создаются великие государства».

Одним из наиболее долговечных зарубежных изданий был основанный Л. Мартовым при ближайшем участии Р. Абрамовича журнал «Социалистический вестник», выходивший в Берлине, Париже и Нью-Йорке с 1921 по 1965 г. Наиболее четко политическая позиция «Социалистического вестника» проявилась в полемике с «Рулем». В статьях «Кадеты и эсеры на randevu», «Маленькая неточность», «Грозное предостережение», констатируя, что редактор «Руля» Иосиф Гессен стремится «пригвоздить к позорному столбу в назидание потомству и истории» социал-демократов — меньшевиков за их отказ от свержения большевиков путем вооруженного восстания, редакция «Вестника» писала: «Кадетские писатели из «Руля» со своей точки зрения правы, упрекая нас в том, что мы хотим бороться с большевиками не пушками, а давлением рабочего класса, организованного нами на почве создавшегося в России порядка. При этом нашей партией руководит, конечно, не своеобразное по-

литическое «толстовство» и «непротивление злу», а, помимо ради других мотивов еще и ясное сознание... что при социальном родстве тех слоев населения, на которые опираются большевики и меньшевики, вооруженная борьба между ними неминуемо превратится в братоубийственную войну внутри рабочего класса и, подорвав мощь последнего, может доставить легкую победу господам из «Руля» и их друзьям справа и чрезвычайно усилит позицию международной реакции в борьбе с революционным пролетариатом»⁵⁷.

Резко отрицательным было отношение «Социалистического вестника» к монархистам и кадетам. Показывая бесплодность всех усилий кадетов вкупе с монархистами, направленных на свержение власти Ленина вооруженным путем, журнал с полной уверенностью утверждал: перспектив будущего у этих «политических покойников никаких нет»⁵⁸.

С чувством душевной скорби откликнулась редакция «Социалистического вестника» на смерть Ленина. «Номер уже верстался, — говорилось в передовой статье «Смерть В.И. Ленина», — когда телеграф принес это скорбное сообщение... Перед только что развернувшейся могилой мы вспоминаем прежде всего не политического противника, не главу государства, где наша партия находится на нелегальном положении, где во всей силе свирепствует террористическая диктатура, а крупного деятеля рабочего движения, который вместе с незабвенным Ю.О. Мартовым закладывал фундамент классовой организации пролетариата в России». «Не прошло и года, — особо подчеркивается в статье, — как пламя крематория испепелило тело Мартова. Теперь и Ленин покончил счеты с жизнью. И такая близкая последовательность их смерти как бы снова символически напоминает о том, насколько неразрывно были связаны в истории целой полосы русского рабочего движения их имена при всем различии и даже резкой противоположности их политического и морального облика»⁵⁹.

Значительное развитие в журналистике русского зарубежья первой половины 20-х годов получила сменовеховская печать. В

⁵⁷ Грозное предупреждение. Социалистический вестник. 1921. 18 марта.

⁵⁸ Съезд политических покойников. Социалистический вестник. 1921. 19 июня.

⁵⁹ Социалистический вестник. 1924. 25 января.

Праге в 1921 г. вышел сборник «Смена вех», появление которого дало название всему сменовеховскому течению. В 1921—1922 гг. под тем же названием «Смена вех» издавался журнал в Париже. В Берлине в 1922—1924 гг. выходила сменовеховская газета «Накануне», в Харбине в 1921—1923 гг. — газета «Новости жизни», в Петрограде и Москве — журналы «Новая Россия» и «Россия». Во всех этих изданиях, в статьях их ведущих публицистов Н. Устрялова, С. Лукьянова, Ю. Ключникова, И. Лежнева, хотя и проявлялись порою острые разногласия, особенно по вопросу государственного устройства, но всех их объединяла единая цель — благо России. Эта главная задача была ясно выражена в первом номере журнала «Смена вех», определившем направление всех последующих сменовеховских изданий. После четырех лет величайшей в мире революции, заявляла редакция, можно сделать соответствующие выводы, а сделав их, действовать, как подсказывает новая политическая обстановка. «Долго ли повторять привычную формулу «Долой большевиков!» Хочется верить, что недолго. Из России приходит все больше и больше известий о тех лучших представителях русской интеллигенции, которые не за страх, а за совесть решили отдать свои силы новой России, дабы поскорее преодолеть ужасы и тени переходного состояния. За границей первая коллективная попытка глубже вдуматься в свой новый долг представителей новой интеллигенции была недавно сделана авторами сборника «Смена вех». Выпускаемый с сегодняшнего дня еженедельник «Смена вех» хочет быть следующим этапом в примирении заграничной русской интеллигенции с Россией и русской революцией... Новая Россия еще слаба, ее надо поддержать. Поддерживать — не значит, однако, до бесконечности сохранять те ненормальные условия, в которых сейчас приходится жить России... С верой в Россию, в ее будущее, с верой в правильность своего пути приступаем мы к выполнению своих задач. Новую Россию нельзя мыслить враждебной остальным народам. Дело русского прогресса есть дело прогресса мирового»⁶⁰.

Активно защищала интересы Советской России газета «Накануне». Ее редактор Ю.В. Ключников был даже приглашен в состав советской делегации в качестве эксперта для участия на

⁶⁰ Смена вех. 1921. № 1. 29 октября.

конференции в Генуе. В газете наряду с произведениями авторов-эмигрантов печатались очерки и рассказы В. Катаева, Е. Петрова, И. Ильфа. Часто выступал в газете М. Булгаков: именно с этого издания началась его широкая известность.

Первая статья М. Булгакова за подписью «М.Б.» появилась 13 января 1919 г. в газете «Грозный». Затем ему пришлось немало поработать военным доктором и земским врачом, прежде чем он в 1921 г. перебрался в Москву, где приходилось браться за любую работу, которую предоставлял «господин случай». Именно в этот период «бешеной борьбы за существование», впечатляюще показанной в его автобиографических «Записках на манжетах», и начала издаваться в Берлине газета «Накануне». В первом же номере, увидевшем свет 26 марта 1922 г., в передовой статье «Накануне» внимание М. Булгакова привлекли высказывания, не раз возникавшие у него самого: «Все ценное, что мир веками накопил в непрестанном творчестве, должно быть бережно и с любовью вручено грядущим поколениям».

Вскоре Булгакову стало известно, что литературное приложение к газете возглавляет А.Н. Толстой, а в Москве в Большом Гнезниковском переулке обосновалась московская редакция газеты, которая и становится его главной журналистской трибуной. На страницах «Накануне», кроме известных автобиографических «Записок на манжетах» один за другим появляются его очерки и фельетоны «Похождения Чичикова», «Чаша жизни», «Киев-город», «Москва 20-х годов», «Москва белокаменная», «Столица в блокноте». В последнем очерке, публиковавшемся в газете 21 декабря 1922 г., 20 января и 9 февраля 1923 г. и состоявшем из зарисовок «Бог ремонт», «Гнилая интеллигенция», «Сверхъестественный мальчик», «Триллионер», «Человек во фраке», «Биомеханическая голова», «Ярон», «Во что обходится курение», «Золотой век», «Красная палочка» М. Булгаков прозорливо писал: «Фридрихштрасской уверенности, что Россия прикончилась, я не разделяю, и даже больше того: по мере того, как я наблюдаю московский калейдоскоп, во мне рождается предчувствие, что «все образуется» и мы еще сможем пожить довольно славно. Однако я далек от мысли, что Золотой Век уже наступил. Мне почему-то кажется, что наступит он не ранее, чем порядок, симптомы которого так ясно начали проступать в столь незначительных, казалось бы, явлениях... пус-

тит окончательные корни». И далее: «Москва — котел: в нем варят новую жизнь»⁶¹.

Немало сатирических произведений Булгакова публиковалось и в других изданиях: «Гудке», «Труде», в журнале «Голос работника просвещения», со страниц которых он наносил хлесткие удары по нашему бескультурию, невежеству, безграмотности. Но главной его трибуной являлась газета «Накануне». Секретарь московской редакции Э. Миндлин свидетельствует, что А.Н. Толстой то и дело напоминал: «Шлите больше Булгакова», хотя я и так его материалы посылал не реже раза в неделю»⁶².

Поступая регулярно в Москву, газета «Накануне» распространялась также во многих городах России, где единственным сменовеховским изданием был журнал «Новая Россия» («Россия»). Являясь «органом творчески ищущей интеллигентской мысли», журнал решительно заявлял о своем намерении всемерно защищать революцию, так как и редакция и его активные сотрудники, по их словам, были «пламенно убеждены в ее священной правде и великой правоте». Однако даже этот журнал, подвергавшийся критике слева — со стороны партийно-советской печати — за независимость идеологических убеждений, стремление к оппозиционности, был закрыт в 1926 г. Это еще одно из свидетельств невозможности любой попытки поставить периодические издания действительно свободного слова в условия строгой моноидеологии, в жесткие рамки партийных директив уже в первой половине 20-х годов.

Первое советское десятилетие — это время становления однопартийной системы отечественных средств массовой информации, сохранявшейся на протяжении всей истории существования СССР. Это также время развития информационной службы Советской России: в 1918 г. было создано Российское телеграфное агентство (РОСТА), выполнявшее функции не только информационного органа, но и занимавшееся одновременно изданием многочисленных органов печати, их инструктированием, подготовкой журналистских кадров. На его основе в 1925 г. возникло одно из крупнейших агентств мира — телеграфное информационное агентство Советского Союза (ТАСС), снабжавшее информацией печать, радиовещание, телевидение на протяжении всей истории существования СССР.

⁶¹ Накануне. 1923. 9 февраля.

⁶² Булгаков М.А. Похождения Чичикова. — М., 1990. С. 43.

В первое советское десятилетие как средство массовой информации начинает использоваться радио: в 1921 г. вступают в строй первые радиоустановки, в 1924 г. учреждено Общество друзей радио (ОДР), члены которого составили первую его массовую аудиторию. В 1924 г. начался выход первых радиогазет РОСТА, ставших основной формой советского общественно-политического вещания на протяжении всего периода 20-х годов.

Важным событием в отечественной журналистике стал состоявшийся в ноябре 1918 г. первый съезд журналистов России, решения которого сыграли заметную роль в дифференциации газетно-журнальной периодики в 20-е и последующие годы.

В первое послеоктябрьское десятилетие происходило бурное развитие многопартийной журналистики русского зарубежья: возникают газеты и журналы буржуазного, кадетского, эсеровского, меньшевистского, сменовеховского и других направлений, выходившие под редакторством таких известных публицистов, как Н. Бердяев, А. Керенский, Л. Мартов, П. Милюков, П. Струве, Н. Устрялов, В. Чернов.

В условиях моноидеологии в первое советское десятилетие средства массовой информации все больше и больше внедрялись в административно-командную структуру общества.

Вопросы для повторения

1. Становление и развитие однопартийной советской журналистики.
2. Издательская деятельность РОСТА периода Гражданской войны.
3. Система центральных газет и журналов в 20-е годы.
4. Сатирические издания 20-х годов.
5. Публицистика А. Серафимовича, Л. Рейснер и Д. Фурманова в годы Гражданской войны.
6. Л. Сосновский — очеркист и фельетонист.
7. Пропаганда в печати и по радио новой экономической политики.
8. Журналистика русского зарубежья.

Хрестоматия к главе II

ДЕКРЕТ О ПЕЧАТИ

В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный Революционный Комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.

Рабочее и крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов захватить в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса.

Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону.

Считаясь, однако, с тем, что стеснение печати даже в критические моменты допустимо только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановляет:

Общее положение о печати

1. Закрытию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству. 2) сеющие смуту путем явно-клеветнического извращения фактов. 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно-наказуемого характера.
2. Запрещения органов прессы, временные или постоянные, вводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.

-
3. Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни.

*Председатель Совета Народных Комиссаров
Владимир Ульянов (Ленин).
«Правда». 1917. 10 ноября*

ДЕКРЕТ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Принимая во внимание создавшуюся от разных причин острую безработицу печатников, с одной стороны, книжный голод в стране, с другой, поручается Народной комиссии по просвещению через ее литературно-издательский отдел и при содействии отделений внешкольного образования, школьных отделов, отделов наук и искусств, с привлечением представителей от союза печатников и других заинтересованных обществ по усмотрению комиссии и особо приглашенных ею экспертов, немедленно приступить к широкой издательской деятельности.

В первую очередь должно при этом быть поставлено дешевое народное издание русских классиков. Сочинения тех из них, срок авторского права которых истек, должны быть переизданы.....

Сочинения всех авторов, переходящие таким образом из области частной собственности в область общности, могут быть для каждого писателя особым постановлением Государственной комиссии по просвещению объявлены государственной монополией, сроком, однако, не дольше как на пять лет.

Комиссия обязана воспользоваться этим правом по отношению к корифеям литературы, творения которых перейдут согласно настоящему закону в собственность народа.

Издание их сочинений должно быть налажено по двум типам:

Полное научное издание, редакция которого должна быть поручена Отделу русского языка и словесности при Академии наук (после демократизации ее в соответствии с новым строем государственной и общественной жизни России).

Сокращенное издание избранных сочинений. Такие собрания сочинений должны составлять один компактный том. При выборе редакция должна руководиться, помимо других соображений, степенью близости отдельных сочинений трудовому народу, для которого эти народные издания предназначаются. Как все собрание, так и отдельные особенно значительные сочинения должны сопровождаться предисловиями авторитетных критиков, историков литера-

туры и т.д. Для редактирования этих народных изданий должна быть создана особая коллегия из представителей педагогических, литературных и ученых обществ, особо приглашенных экспертов и делегатов трудовых организаций. Этой контрольно-редакционной комиссии должны быть представляемы редакторами, ею утверждаемыми, планы издания и комментарии всех родов.

Народные издания классиков должны поступать в продажу по себестоимости, если же средства позволят, то и распространяться по льготной цене, или даже бесплатно, через библиотеки, обслуживающие трудовую демократию.

Государственное издательство должно затем озаботиться массовым изданием учебников. Проверка и исправление старых и создание новых учебников должны идти через особую комиссию по учебникам, состоящую из делегатов педагогических, ученых и демократических организаций и особо приглашенных экспертов.

Государственному издательству дается также право субсидировать издания, как периодические, так и книжные, предпринимаемые обществами или отдельными лицами и признаваемые общепользовными, с тем, чтобы субсидии эти, в случае доходности издания, возвращались государству в первую очередь...

*11 января 1918 г. «Декреты Октябрьской революции»,
т. 1, стр. 396—398*

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ТРИБУНАЛЕ ПЕЧАТИ

Декрет Совета Народных Комиссаров

- 1) При Революционном Трибунале учреждается Революционный Трибунал Печати. Ведению Революционного Трибунала Печати подлежат преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати.
- 2) К преступлениям и проступкам путем использования печати относятся всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа, а также нарушения узаконений о печати, изданных Советской властью.
- 3) Революционный Трибунал Печати состоит из 3 лиц, избираемых на срок не более 3-х месяцев Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

-
- 4) а) Для производства предварительного расследования при Революционном Трибунале Печати учреждается Следственная Комиссия в составе трех лиц, избираемых Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.
- б) По поступлении сообщения или жалобы, Следственная Комиссия в течение 48 часов рассматривает их и направляет дело по подсудности или назначает к слушанию в заседании Революционного Трибунала.
- в) Постановления Следственной Комиссии об арестах, обысках, выемках и освобождении арестованных действительны, если они приняты в составе коллегии из трех лиц. В случаях, не терпящих отлагательств, меры пресечения могут быть приняты единолично каждым членом Следственной комиссии с тем, чтобы эта мера в течение 12 часов была утверждена Следственной комиссией.
- г) Распоряжение Следственной Комиссии приводится в исполнение красной гвардией, милицией, войсками и исполнительными органами Республики.
- д) Жалобы на постановления Следственной Комиссии подаются Революционному Трибуналу и рассматриваются в распорядительном заседании Революционного Трибунала Печати.
- е) Следственная комиссия имеет право: а) требовать от всех ведомств и должностных лиц, а также от всех местных самоуправлений, судебных установлений и властей, нотариальных учреждений, общественных и профессиональных организаций, торгово-промышленных предприятий, правительственных, общественных и частных кредитных установлений представления необходимых сведений и документов, а также дел, не оконченных производством, б) обозревать через своих членов и особо уполномоченных лиц дела всех упомянутых в предыдущем пункте установлений и властей для извлечения необходимых сведений.
- 5) Судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты.
- 6) В качестве обвинителей и защитников, имеющих право участия в деле, допускаются, по выбору сторон, все пользующиеся политическими правами граждане обоего пола.
- 7) Заседание Революционного Трибунала Печати публично. В Революционном Трибунале Печати ведется полный отчет всего заседания.

- 8) Решения Революционного Трибунала Печати окончательны и обжалованию не подлежат. Комиссариат по делам печати при Совете Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов приводит в исполнение постановления и приговоры Революционного Трибунала Печати.
- 9) Революционный Трибунал Печати определяет следующие наказания: 1) денежный штраф, 2) выражение общественного порицания, о котором привлеченное произведение печати доводит до всеобщего сведения способами, указываемыми Трибуналом, 3) помещение на видном месте приговора или же специальное опровержение ложных сведений, 4) приостановка издания временная или навсегда или изъятие его из обращения, 5) конфискация в общенародную собственность типографий или имущества издания печати, если они принадлежат привлеченным к суду, 6) лишение свободы, 7) удаление из столицы, отдельных местностей или пределов Российской Республики, 8) лишение виновного всех или некоторых политических прав.
- 10) Содержание Революционного Трибунала Печати относится на счет государства.

Председатель Совета Народных Комиссаров...

В. Ульянов (Н. Ленин).

28 января 1918 года.

«Газета Рабочего и
Крестьянского правительства. 1918».
22 февраля

О РОССИЙСКОМ ТЕЛЕГРАФНОМ АГЕНТСТВЕ

[Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов]

- 1) Согласно состоявшемуся ранее постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров о слиянии Бюро печати при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов и Петроградского телеграфного агентства Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановляет, что новое учреждение должно называться Российским телеграфным агентством при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов. Сокращенное название — «РОСТА».

- 2) Российское телеграфное агентство при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов является центральным советским информационным органом для всей Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.
- 3) Все информационные учреждения бывшего Петроградского телеграфного агентства и Бюро печати в провинции и за границей, существовавшие отдельно, сливаются и образуют местные Бюро Российского телеграфного агентства.
- 4) Все Советские информационные учреждения в провинции, существовавшие до сих пор независимо от Петроградского телеграфного агентства и Бюро печати, подчиняются Российскому телеграфному агентству и становятся его местными бюро. В частности, агентство печати Северной коммуны в Петрограде прекращает самостоятельное существование и становится Петроградским бюро российского телеграфного агентства.
- 5) Телеграфный адрес Российского телеграфного агентства устанавливается: «Москва — Вестник».
- 6) Все корреспонденты бывшего Петроградского телеграфного агентства и Бюро печати переходят к Российскому телеграфному агентству.
- 7) Внутреннее строение Российского телеграфного агентства устанавливается в соответствии с протоколом заседания Коллегии и ответственных работников Петроградского телеграфного агентства и Бюро печати от 24 августа 1918 года.
- 8) Все договорные отношения Петроградского телеграфного агентства и Бюро печати с разными лицами и учреждениями переходят целиком к Российскому телеграфному агентству. Это распространяется и на договоры Петроградского телеграфного агентства с иностранными телеграфными агентствами.
- 9) Все денежные суммы и текущие счета в банках, а также сметные суммы Петроградского телеграфного агентства и Бюро печати переходят и перечисляются на счет Российского телеграфного агентства.

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета Советов Я. Свердлов.

7 сентября 1918 г.

*«Собрание узаконений и распоряжений
рабоче-крестьянского правительства», № 65,
12 сентября 1918 г.*

ПОЛОЖЕНИЕ О ТЕЛЕГРАФНОМ АГЕНТСТВЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК [ТАСС]

**[Утверждено Президиумом ЦИК СССР и СНК СССР
10 июля 1925 г.]**

1. Телеграфное Агентство Союза Советских Социалистических Республик является центральным информационным органом Союза ССР.
2. На Телеграфное Агентство Союза ССР возлагается распространение по всему Союзу ССР и за границей политических, экономических, торговых и всяких других, имеющих общий интерес, сведений, относящихся как к Союзу ССР, так и к иностранным государствам.
3. Для осуществления возложенных на него задач Телеграфное Агентство Союза ССР:
 - а) пользуется исключительным правом собирания и распространения информации вне пределов Союза ССР, а также правом распространения иностранной и общесоюзной информации в пределах всего Союза ССР, и руководит работой республиканских телеграфных агентств по распространению иностранной и общесоюзной информации в пределах соответствующих республик.

Примечание 1. Корреспонденты иностранных агентств и газет, допущенные в установленном порядке к работе на территории Союза ССР, пользуются правом собирания информации в пределах Союза ССР и передачи ее за границу.

Примечание 2. Телеграфные агентства Союзных Республик собирают и распространяют информацию исключительно на территории своих республик и передают Телеграфному Агентству Союза ССР республиканскую информацию для распространения по Союзу ССР и за границей;

- б) получает по своим заданиям от телеграфных агентств Союзных Республик всякого рода информацию: политическую, финансовую, экономическую, торговую и всякую другую, имеющую общий или специальный интерес;
 - в) организует отделения и корреспондентские пункты за границей, действующие на основании особых инструкций, издаваемых Телеграфным Агентством Союза ССР.

Примечание. Для добывания дополнительной специфической, интересующей соответствующие республики, информации, в виде исключения, телеграфные агентства Союз-

ных Республик могут посылать своих корреспондентов за границу. Список городов и кандидатуры корреспондентов устанавливаются по соглашению телеграфных агентств Союзных Республик с Телеграфным Агентством Союза ССР и утверждаются Народным Комиссариатом по Иностранным Дела́м;

г) пользуется исключительным правом вступать в договорные отношения с телеграфными агентствами других стран;

д) устанавливает и получает плату за свои информационные сообщения и издания, не исключая платы за использование информации, распространяемой по радио.

Примечание. Печатные бюллетени Агентства и другие его издания могут быть выпускаемы в публичную продажу как в пределах Союза ССР, так и за границей;

е) назначает своих уполномоченных по собиранию подписки и распространению изданий Телеграфного Агентства Союза ССР как за границей, так и в пределах Союза ССР в местах, где нет телеграфных агентств Союзных Республик, а с последними заключает соответствующие договоры;

ж) пользуется всеми правами юридического лица.

4. Телеграфное Агентство Союза ССР состоит при Совете Народных Комиссаров Союза ССР.

5. Во главе Телеграфного Агентства Союза ССР стоит Совет в составе девяти назначаемых постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР лиц: председателя Совета, ответственного руководителя Телеграфного Агентства Союза ССР и семи членов.

6. Руководители телеграфных агентств Союзных Республик назначаются Советами Народных Комиссаров соответствующих республик по представлению Совета Телеграфного Агентства Союза ССР.

7. Ведению Совета Телеграфного Агентства Союза ССР подлежит:

а) установление общего плана и порядка работы на основе настоящего положения;

б) рассмотрение и разрешение вопросов об открытии отделений Телеграфного Агентства Союза ССР за границей, утверждение заведующих этими отделениями, а также утверждение корреспондентов Телеграфного Агентства Союза ССР за границей и согласование кандидатур корреспондентов телеграфных агентств Союзных Республик в порядке примечания к п. «в» ст. 3 настоящего положения;

- в) рассмотрение ежегодных смет доходов и расходов Телеграфного Агентства Союза ССР;
 - г) внесение представлений в Совет Народных Комиссаров Союза ССР о всех спорных вопросах между агентствами Союзных Республик и Телеграфным Агентством Союза ССР.
8. Ответственному руководителю принадлежит непосредственное руководство всей деятельностью Телеграфного Агентства Союза ССР и все исполнительно-распорядительные функции.
 9. Телеграфное Агентство Союза ССР организуется на началах хозяйственного расчета.
 10. Ежегодные финансовые отчеты Телеграфное Агентство Союза ССР представляет в установленном порядке.
 11. Финансовые взаимоотношения между Телеграфным Агентством Союза ССР и республиканскими агентствами регулируются особыми соглашениями между ними.
 12. Телеграфному Агентству Союза ССР и телеграфным агентствам Союзных Республик предоставляется право пользования по всей территории Союза ССР всеми средствами связи по льготным тарифам.

Примечание. Льготные тарифы устанавливаются по особому соглашению заинтересованных ведомств с Телеграфным Агентством Союза ССР и утверждаются Советом Народных Комиссаров Союза ССР.
 13. Телеграммы Телеграфного Агентства Союза ССР и телеграфных агентств Союзных Республик передаются после правительственных, но ранее соответственных частных. Однако же, дословно передающие все декреты и правительственные распоряжения телеграммы Телеграфного Агентства Союза ССР и телеграфных агентств Союзных Республик, а равно биржевые, передаются в порядке правительственных.
 14. Телеграфное Агентство Союза ССР пользуется всеми правами авторства на информацию, распространяемую им какими бы то ни было средствами связи, согласно действующих узаконений об авторском праве в Союзе ССР и Союзных Республиках.
 15. Центральное Управление Телеграфного Агентства Союза ССР находится в г. Москве.

*«Собрание законов и распоряжений
Рабоче-Крестьянского Правительства
Союза Советских Социалистических Республик»,
1925 г., стр. 646—648*

И.А. БУНИН [1870—1953]

Миссия русской эмиграции

(Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года)

Соотечественники.

Наш вечер посвящен беседе о миссии русской эмиграции.

Мы эмигранты, — слово «*émigrer*» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину.

Миссия — это звучит возвышенно. Но мы взяли и это слово вполне сознательно, памятуя его точный смысл. Во французских толковых словарях сказано: «миссия есть власть (*pouvoir*), данная делегату идти делать что-нибудь». А делегат означает лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени. Можно ли употреблять такие почти торжественные слова в применении к нам? Можно ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то? Цель нашего вечера — напомнить, что не только можно, но и должно. Некоторые из нас глубоко устали и, быть может, готовы, под разными злостными влияниями, разочароваться в том деле, которому они так или иначе служили, готовы назвать свое пребывание на чужбине никчемным и даже зазорным. Наша цель — твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас.

Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов. Исключите из этого громадного числа десятки и даже сотни тысяч попавших в эмигрантский поток уже совсем несознательно, совсем случайно; исключите тех, которые, будучи противниками (вернее, соперниками) нынешних владык России, суть однако их кровные братья; исключите их пособников, в нашей среде пребывающих с целью позорить нас перед лицом чужеземцев и разлагать нас: останется все-таки нечто такое, что даже одной своей численностью говорит о страшной важности событий, русскую эмиграцию создавших, и дает

полное право пользоваться высоким языком. Но численность наша еще далеко не все. Ибо это нечто заключается в том, что поистине мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся.

Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было бы сказать, что легла на нас миссия некоего указания: «Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков; перед тобой миллион душ, облеченных в глубочайший траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств и знать, что это царство есть плоть и кровь их, дано было оставить дома и гробы отчие, часто поруганные, оплакать горчайшими слезами тысячи и тысячи безвинно убиенных и замученных, лишиться всякого человеческого благополучия, испытать врага столь подлого и свирепого, что нет имени его подлости и свирепству, мучиться всеми казнями египетскими в своем отступлении перед ним, воспринять все мыслимые унижения и заушения на путях чужеземного скитальчества: взгляни, мир, и знай, что пишется в твоих летописях одна из самых черных и, быть может, роковых для тебя страниц!»

Так было бы, говорю я, если бы мы были просто огромной массой беженцев, только одним своим наличием вопиющих против содеянного в России, — были, по прекрасному выражению одного русского писателя, ивиковыми журавлями, разлетевшимися по всему поднебесью, чтобы свидетельствовать против московских убийц. Однако это не все: русская эмиграция имеет право сказать о себе гораздо больше. Сотни тысяч из нашей среды восстали вполне сознательно и действительно против врага, ныне столицу свою имеющего в России, но притязающего на мировое владычество, сотни тысяч противоборствовали ему всячески, в полную меру своих сил, многими смертями запечатлели свое противоборство — и еще неизвестно, что было бы в Европе, если бы не было этого противоборства. В чем наша миссия, чьи мы делегаты? От чьего имени дано нам действовать и представлять? Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще — от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребреников за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний

и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей, но все же до конца не покоренной. Мир отвернулся от этой страждущей России, он только порою уподоблялся тому римскому солдату, который поднес к устам Распятого губку с укусом. Европа мгновенно задавила большевизм в Венгрии, не пускает Габсбургов в Австрию, Вильгельма в Германию. Но когда дело идет о России, она тотчас вспоминает правило о невмешательстве во внутренние дела соседа и спокойно смотрит на русские «внутренние дела», то есть на шестилетний погром, длящийся в России, и вот дошла даже до того, что узаконят этот погром. И вновь, и вновь исполнилось таким образом слово Писания: «Вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь коров тучных, сами же от того не станут тучнее... Вот темнота покроет землю и мрак — народы... И лицо поколения будет собачье...» Но тем важнее миссия русской эмиграции.

Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Падение России ничем не оправдывается. Неизбежна была русская революция или нет? Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все эти недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях. Революция, говорят, была неизбежна, ибо народ жаждал земли и таил ненависть к своему бывшему господину и вообще к господам. Но почему же эта будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши, Литвы? Или там не было барина, нет недостатка в земле и вообще всяческого неравенства? И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным обилием крепостных уз? Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано, и как и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе и знамя их было и есть интернациональное, то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру, взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское. Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, веки непоправимы. И кошмар этот, повторяю, тем ужаснее, что он даже всячески прослав-

ляется, возводится в перл создания и годами длится при полном попустительстве всего мира. Который уж давно должен был бы крестовым походом идти на Москву.

Что произошло? Как не безумна была революция во время великой войны, огромное число будущих белых ратников и эмигрантов приняло ее. Новый домоправитель оказался ужасным по своей всяческой негодности, однако, чуть не все мы грудью защищали его. Но Россия, поджигаемая «планетарным» злодеем, возводящим разнужданную власть черни и все самые низкие свойства ее истинно в религию, Россия уже сошла с ума, — сам министр-президент на московском совещании в августе 17 года заявил, что уже зарегистрировано, — только зарегистрировано! — десять тысяч зверских и бессмысленных народных «самосудов». А что было затем? Было величайшее в мире попрание и бесчестие всех основ человеческого существования, начавшегося с убийства Духонина и «похабного мира» в Бресте и докатившееся до людоедства. Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шее русского дикаря, и весь мир призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах дробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иуде и Каину, учить «Семь заповедей Ленина». И дикарь все дробил, все топтал и даже дерзнул на то, чего ужаснулся бы сам дьявол: он вторгся в самые Святыя святых своей родины, в место страшного и благословенного таинства, где пока почивал величайший Зиждитель и Заступник ее, коснулся раки Преподобного Сергия, гроба, перед коим веками повергались целые сонмы русских душ в самые высокие мгновения их земного существования. Боже, и это вот к этому самому дикарю должен я идти на поклон и служение? Это он будет державным хозяином всея новой Руси, осуществившим свои «заветные чаяния» за счет соседа, зарезанного им из-за полдесятины лишней «земельки»? В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, я приводил слова великого русского историка Ключевского: «Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата Его Лавры». Великие слова, ныне ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты и лампы погашены. Но без этих лампад не бывать русской земле — и нельзя, преступно служить ее тьме.

Да. Колеблются устои всего мира, и уже представляется возможным, что мир не двинулся бы с места, если бы развернулось красное знамя даже и над Иерусалимом и был бы выкинут самый Гроб Господень: ведь московский Антихрист уже мечтает о своем узаконении даже самим римским наместником Христа. Мир одер-

жим еще небывалой жадой корысти и равнением на толпу, снова уподобляется Тиру и Сидону, Содому и Гоморре. Тир и Сидон ради торгашества ничем не побрезгуют, Содом и Гоморра ради похоти ни в чем не постесняются. Все растущая в числе и все выше поднимающая голову толпа сгорает от страсти к наслаждению, от зависти ко всякому наслаждающемуся. И одни (жаждущие покупателя) ослепляют ее блеском мирового базара, другие (жаждущие власти) разжиганием ее зависти. Как приобрести власть над толпой, как прославиться на весь Тир, на всю Гоморру, как войти в бывший царский дворец или хотя бы увенчаться венцом борца якобы за благо народа? Надо дурачить толпу, а иногда даже и самого себя, свою совесть, надо покупать расположение толпы угодничеством ей. И вот образовалось в мире уже целое полчище провозвестников «новой» жизни, взявших мировую привилегию, концессию на предмет устроения человеческого блага, будто бы всеобщего и будто бы равного. Образовалась целая армия профессионалов по этому делу — тысячи членов всяческих социальных партий, тысячи трибунов, из коих и выходят все те, что в конце концов так или иначе прославляются и возвышаются. Но, чтобы достигнуть всего этого, надобно, повторяю, великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колено ходить в крови. Главное же надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот «планетарный» скот — другое дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходоносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!» Московские поэты, эти содержанцы московской красной блудницы, будто бы родящие новую русскую поэзию, уже давно пели:

Иисуса на крест, а Варраву —
Под руки и по Тверскому...
Кометой по миру вытяну язык.

До Египта раскорячу ноги...
Богу выщиплю бороду.
Молюсь ему матерщиной...

И если все это соединить в одно — и эту матерщину, и шестилетнюю державу бешеного, и хитрого маньяка, и его высывающийся язык, и его красный гроб, и то, что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демидурга, и о том, что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград, то охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу: ведь ноги-то раскорячиваются действительно очень далеко и очень смело. В свое время непременно падет на все это Божий гнев, — так всегда бывало. «Се Аз восстану на тя, Тир и Сидон, и низведу тя в пучину моря...» И на Содом и Гоморру, на все эти Ленинграды падет огонь, и сера, а Сион, Селим, Божий Град Мира, пребудет вовеки. Но что же делать сейчас, что делать человеку вот этого дня и часа, русскому эмигранту?

Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия. «Они хотят, чтобы реки текли вспять, не хотят признать совершившегося!» Нет, не так, мы хотим не обратного, а только иного течения. Мы не отрицаем факта, а расцениваем с точки зрения не партийной, не политической, а человеческой, религиозной. «Они не хотят ради России претерпеть большевика!» Да, не хотим — можно было претерпеть ставку Батыева, но Ленинград нельзя претерпеть. «Они не прислушиваются к голосу России!» Опять не так: мы очень прислушиваемся и — ясно слышим все еще тот же и все еще преобладающий голос хама, хищника и комсомольца да глухие вздохи. Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдадутся и падут еще тысячи и тысячи. Но все равно: останутся и такие, что не сдадутся никогда. И пребудут в верности заповедям Синайским и Галилейским, а не планетарной матерщине, хотя бы и одобренной самим Макдональдом. Пребудут в любви к России Сергия Преподобного, а не той, что распевала: «Ах, ах, тра-та-та, без креста!» и будто бы мистически пылала во имя какого-то будущего, вящего воссияния. Пылала! Не пора ли оставить эту бессердечную и жульническую игру словами, эту политическую риторику, эти литературные пошлости? Не велика радость пылать в сыпном тифу или под пощечинами чекиста! Целые города рыдали и целовали землю, когда их освобождали от этого пылания. «Народ не принял белых...» Что же, если это так, то это только лишнее доказательство глубоко-

кого падения народа. Но, слава Богу, это не совсем так: не принимали хулиган, да жадная гадина, боявшаяся, что у нее отнимут назад ворованное и грабленное.

Россия! Кто смеет учить меня любви к ней? Один из недавних русских беженцев рассказывает, между прочим, в своих записках о тех забавах, которым предавались в одном местечке красноармейцы, как они убили однажды какого-то нищего старика (по их подозрениям, богатого), жившего в своей хибарке совсем одиноко, с одной худой собачонкой. Ах, говорится в записках, как ужасно металась и ныла эта собачонка вокруг трупа и какую лютую ненависть приобрела она после этого ко всем красноармейцам: лишь только завидит вдали красноармейскую шинель, тотчас же вихрем несется, захлебывается от яростного лая! Я прочел это с ужасом и восторгом, и вот молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую ненависть к русскому Каину. А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о поддержании ее. Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника, — да святится во веки его память! Под триумфальными воротами галльской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом безвестного солдата. В дикой и ныне мертвой русской степи, где почивает белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где те ворота, где то пламя, что были бы достойны этой могилы. Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я, в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее.

Будем же ждать этого дня. А до того, да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для несправедливого времени сего, и для будущих праведных путей самой же России.

А кроме того, есть еще нечто, что гораздо больше даже и России и особенно ее материальных интересов. Это — мой Бог и моя душа. «Ради самого Иерусалима не отрекись от Господа!» Верный еврей ни для каких благ не отступится от веры отцов. Святой Князь Михаил Черниговский шел в орду для России; но и для нее не согласился он поклониться идолам в ханской ставке, а избрал мученическую смерть.

Говорили — скорбно и трогательно — говорили на древней Руси: «Подождем, православные, когда Бог переменит орду»!

Давайте подождем и мы. Подождем соглашаться на новый «паханный мир» с нынешней ордой.

Р.С. 16 февраля в Париже был вечер, посвященный беседе «о миссии русской эмиграции», — публично выступали с речами на эту

тему Карташев, Мережковский, Шмелев, проф. Кульман, студент Савич и пишущий эти строки. «Миссия русской эмиграции» есть вступительное слово, прочитанное мною в начале беседы. Я обратился к редакции «Руля» с просьбой напечатать его с той целью, чтобы хотя несколько опровергнуть кривотолки, которым подвергся в печати, а, благодаря ей, отчасти и в обществе, весь этот вечер. Теперь по крайней мере хоть некоторые будут точно знать, что именно сказал я, наметивши, по выражению органа П.Н. Милюкова, зачинщика этих кривотолков, «все главные мысли и страшные слова, которые повторяли потом другие ораторы». И пусть теперь всякий здравомыслящий человек с изумлением вспомнит все то, что читал он и слышал о наших «страшных словах».

Началось с передовой статьи и отчета о вечере в «Последних Новостях» от 20 февраля. Отчет (под заглавием «Вечер страшных слов») больше всего отвел места мне, вполне исказил меня, приписал мне нелепый призыв «к божественному существованию» и претензию на пророческий сан, сообщил, как мало я похож на пророка «со своим холодным блеском нападок на народ» и весьма глумился и над всеми прочими участниками вечера, тоже будто бы желавшими пророчествовать, но оказавшимися совершенно не способными «подняться на метафизические высоты». А передовая статья была еще удивительнее и походила просто на бред. Она называлась «Голоса из гроба» и говорила следующее:

«Писатели, принадлежащие к самым большим в современной литературе, те, кем Россия по справедливости гордится... выступили с проповедью почти пророческой, в роли учителей жизни, в роли, отжившей свое время... Они самоопределились политически... соединились с Карташевым и не ему передали свою политическую невинность, а себя впервые окрасили определенным цветом... Они говорили против политики — за внутренний категорический императив и за Христа... очевидно, твердо верили, что, подобно пророкам, высоко вознеслись над мелкими злобами дня, на деле же принесли с собой только лютую ненависть к своему народу, к целому народу, и даже хуже — презрение, то есть чувство аристократизма и замкнутости... Что значит их непримиримость? Непримиримость к чему? К кому?»

Мы, будто бы притязавшие быть пророками, — которым будто бы ненависть не подобает, — мы очень просто и твердо говорили, к чему именно проповедуем мы непримиримость. Но П.Н. Милюков все-таки почему-то счел нужным спрашивать — и ответил за нас сам, поставив во главу угла опять-таки меня, ни с того ни с сего смешав мою речь с моими последними стихами и рассказами. Про-

читите, сказал он, стихи Бунина в «Русской Мысли» и его рассказ «Несрочная весна» в «Современных Записках»: «это все непримиримость с новой жизнью, тоска о прошлом — и гордость: я, мол, генеральская дочь, а там только титулярные советники...» (Да, пусть не протирают глаза читатели «Руля»: я цитирую буквально). А затем также смело было поступлено и со всеми прочими участниками вечера («таков Бунин и таковы и все другие — все они дышат страхом и злобой ко всему, что продолжает жить вопреки им») — и дело было сделано: до неправдоподобности странная передовая статья положила прочное основание легенд о кровожадных и вместе с тем пророчески призывающих «к божественному существованию» мертвецов, которыми будто бы оказались мы. За ней, за этой статьей, последовало еще не малое количество подобных же строк (даже статей — «Пастыри и молодежь», «Апостольство или недоразумение», «Религия и аполитизм» и т.д.), нашедших отклик в Праге и даже в Москве. И легенда все растет, и вот какой-то г. Быстров доходит уже до того, что утешает «Последние Новости» на счет общественного влияния того самого вздора, который ими же самими и выдуман: не бойтесь, говорит он в номере от 25 марта, — молодежь не пойдет за этими писателями, «ставшими за границей публицистами и на сто лет от жизни отставшими!»...

Думаю, что читатель «Руля» не посетует на то, что появляется, наконец, в печати один из подлинных документов страшной и зловредной отсталости от века, проявленной в Париже 16 февраля (а 5 апреля имеющей быть продолженной) и не сочтет за личную поlemiку мою приписку к этому документу: дело имеет все-таки некоторый общий интерес. И тем более имеет, что в московской «Правде» от 16 марта уже появилась статья, почти слово в слово совпадающая со всем тем, что писалось о нас в «Последних Новостях». Московская «Правда» тоже страстно жаждет нашей смерти, моей особенно, для видимости беспристрастия тоже не скупясь в некрологах на похвалы. Она сперва сообщила, что я на смертном одре в Ницце, потом похоронила меня (а вместе со мною Мережковского и Шмелева) по способу «Последних Новостей» — морально. В «Правде» статья озаглавлена «Маскарад мертвецов» и в статье этой есть такие строки:

«Просматривая печать белой эмиграции, кажется» — какой прекрасный русский язык! — «кажется, что попадаешь на маскарад мертвых...».

«Бунин, тот самый Бунин, новый рассказ которого был когда-то для читающей России подарком, позирует теперь под библейского Иоанна... выступает в его черном плаще... как представитель

и защитник своего разбитого революцией класса... Это особенно ярко сказывается в его последних произведениях: в рассказе «Несрочная Весна» и в стихах в «Русской Мысли»... Здесь он не только помещик, но помещик-мракобес, эпигон крепостничества... Он мечтает, как и другой старый белогвардеец, Мережковский, о крестовом походе на Москву... А Шмелев, приобщившийся к белому подвижничеству только в прошлом году, идет еще дальше: один из значительных предреволюционных писателей, он не крепостник, а народник... Для него «народ» кроток и безвинен, сахарная бонбоньерка, крылатый серафим... и он во всем обвиняет интеллигенцию и Московский университет, недостаточно усмирленный в свое время романовскими жандармами...»...

«Вообще выступление этих трех писателей, по сравнению с которыми даже вежи 1907 г. кажутся безвинной елочной хлопушкой, вызвало в эмиграции широкий отклик. Даже седенький профессор... назвал это выступление в своей парижской газете голосами из гроба...».

Руль. 1924. 3 апреля

Е.Д. КУСКОВА [1869—1958]

А что внутри?

I

Глубоко взволновали русскую эмиграцию доклады Пит. Сорокина. Корреспондент газеты «За Свободу» пишет, что в Праге эти речи произвели ошеломляющее, паническое впечатление.

Да, есть от чего власть в панику... Там, внутри, не раз охватывало нас за это время паническое состояние. И вовсе не личные ужасы придавливали больше всего. А вот это сознание, что в огне разложения горит что-то основное, сгорает душа народа, искажается уродливой гримасой лик человеческий, — это сознание было мучительно; оно придавливало, принижало дух.

Первые годы некогда было всматриваться в глубину процесса. Во-первых, была по нервам гражданская война и ее эпизоды, во-вторых, тогда было очень немного прозорливых людей, которые считали бы поход большевиков на Россию длительным. Большинство думало иначе: тяжело, страшно, но непрочно, переходяще. Разве может такая уродливость истории быть длительной?

Оказалась очень длительной... Большинству, миллионам русских людей, не могущих исчезнуть, бежать, скрыться, пришлось приспособиться, пришлось ради сохранения жизни и возможности существования сломить себя, откинуть в сторону свои симпатии, привычки, потребности и подчиниться неумолимому, неизбежному.

Лишь немногие люди, единицы, какими-то судьбами сумели огрადить свою независимость. Остальные — подвергнулись не только внешней, но и внутренней трансформации.

Многие люди стали неузнаваемы.

Если прибавить к этому, что этот процесс трансформации задевал не отдельные кусочки психологического и бытового уклада — что он был всесторонним, всеобъемлющим, то произведенные им глубокие перемены станут очевидными.

Совсем, однако, другой вопрос, можно ли уже теперь, сейчас суммировать, делать выводы о «нравственном и умственном состоянии современной России», как это делает Пит. Сорокин. Думаю, что в такой категорической форме, в какой решается это делать он, — такие обобщения преждевременны. Покойный П.А. Кропоткин писал: «Занимаюсь этикой, уверен, что усилия отдельного человека сейчас ничего не значат. Встряска масс — огромна, индивидуальное масс — еще не выявилось». Совершенно верно. Встряска масс — колоссальна.

Но еще нет ничего кристаллизовавшегося, того индивидуально-го, что дает определенность личности, группе, партии, классу.

А без этого индивидуально, всего того особенного, что отложится в переживаниях масс, как результат революции, и что можно уже будет принимать, как данное, как слагаемое, — трудно делать широкие обобщения. Видя только оболочку, нельзя говорить о том, что там, внутри. А сейчас именно «оболочка» играет в Советской Социалистической Республике совершенно особенную роль: с одной стороны она служит щитом, прикрытием, и в этом своем качестве принимает цвет защитный, а не тот, который соответствовал бы внутреннему содержанию; с другой — эту оболочку трудно сорвать, раскусить — нет орудий и средств для ее раскрытия, — ни свободной печати, ни обучения, ни какого бы то ни было выявления свободных стремлений и чувств. О многом приходится догадываться, — а во всякой догадке есть так много субъективного. Поэтому сейчас для эмиграции, — не говорю уже для России, — особенно большое значение имеет точное установление фактов, описание, добросовестное и беспристрастное, не тенденциозное, того, что есть, и затем — крайне осторожное отношение к выводам, обобщениям; необходима постоянная проверка и фактов, и обобщений, собирание самых

разнообразных свидетельских показаний и новая проверка их. Может быть, при таком осторожном обращении с больной Россией меньше будет паники, придавленности, больше вдумчивости и больше веры в то, что за страшной оболочкой не все сгнило, что под ней еще сохранилось здоровое ядро, могущее на иной почве пустить здоровые ростки.

А ведь эта вера нам так необходима! Можно ли без нее жить, работать, к чему-то стремиться?

Мне думается, что именно с этой точки зрения «оставления надежды» доклады Пит. Сорокина и то, что напечатано в IV и V книжках «Воли России», несколько неосторожны и уже во всяком случае допускают поправки и возражения. Есть также в его докладах и та специфическая тенденциозность, которая так свойственна многим по отношению к Советской России.

Как свидетельница, могу сказать, что эта тенденциозность живущих в России оскорбляет, возмущает. «У нас и так моря горести, зачем же еще прикрашивать, преувеличивать?

Такие речи после чтения заграничной информации можно услышать нередко.

Помню, как-то приехал из-за границы П.И. Бирюков. Его выслали тогда из Швейцарии. За что? Спрашиваем. «За то, говорит он, что я резко протестовал на митинге против одного докладчика. Понимаете, он рассказывал, что большевики, борясь с религиозными заблуждениями, в одном из монастырей зарезали архимандрита-настоятеля, изрубили его, сделали котлеты и заставили монахов их съесть.

Я и кричал: Неправда, неправда, этого не было! Не было! А когда я вышел с митинга, многие из русских не подавали мне руки, как защитнику большевиков».

Я не знаю, за что выслали из Швейцарии Бирюкова. Но совершенно уверена, что из архимандрита большевики котлет не делали и монахов ими не кормили.

В другой раз член английской делегации д-р Гест, посетивший общественную организацию, Лигу спасения детей, спросил меня: «А правда ли, что в большевистских детских приютах... рождается очень много детей? У кого? Переспрашиваем. «В Англии, отвечает д-р Гест, одна русская читала доклад о России. В нем она говорила, что все дети в приютах сплошь заражены сифилисом и что у них (у детей!) благодаря тому, что в приютах содержатся мальчики и девочки вместе, рождается преждевременно много детей». Мы спросили д-ра Геста, г-жу Сноуден и г-жу Банфильд, — как фамилия этой докладчицы, но никто из них ее не помнил. Мы постарались им объяс-

нить, как обстоит дело на самом деле. Вот мне кажется, что прикус этих легенд о большевизме есть и в докладах Пит. Сорокина.

Перейдем, однако, к фактам.

II

Начнем с непоправимого. «Одним из результатов половой вольности, — пишет Пит. Сорокин, — является громадное распространение венерических болезней и сифилиса в населении России (5% новорожденных — наследственные сифилитики, 30% населения заражены этой болезнью)».

Если 20—30% населения вымрут от голода и гражданской войны, а из оставшихся 30—35% будет заражено сифилисом, то... возможно ли возрождение этой сгнившей страны?

Обращаюсь к одному в высшей степени компетентному врачу, только что приехавшему из России, с вопросом: точны ли цифры Пит. Сорокина?

Неточны, безусловно. Во-первых, — откуда он их взял? Ссылки нет. А вот что говорит врач. «По долгу моей службы я должен был собрать цифры заболеваний сифилисом и потому обращался к сифилидологам с просьбой дать сведения о распространенности этой болезни. Они решительно отказались признать какую бы то ни было цифру точной, никто такой статистики не ведет и вести не может. Но на глаз, по записям в амбулаториях, по собственным приемам они устанавливают цифру распространения этой болезни в 8—10%, не более. До войны заболеваемость равнялась 2%. Локализация в отдельных местах может быть очень велика.

Всем памятно описание В.Г. Короленко отдельных уездов Нижегородской губернии, в которых целые деревни поголовно были заражены сифилисом. Но общая распространенность равнялась 2%. И на Западе, и у нас война, солдатчина, нарушение семейной жизни должны были сильно повысить процент, так всегда бывало после крупных войн. Но то, что можно сейчас установить, не превышает 8—10%.

Таково сообщение компетентного врача.

Итак, есть цифра в 30% и цифра в 8—10%.

Разница настолько велика, что, несомненно, требуется серьезная проверка цифры Пит. Сорокина и показаний врача.

Странная вещь! Приходится остро относиться к «проценту». Кто раньше обращал внимание — 2 или 3 или $1\frac{1}{2}$? Теперь всякий понимает, что как раз в этих-то процентах и лежит наша погибель или спасение. Судите сами — 30% зараженной сифилисом нации! Как же не бросаться за проверкой?

Теперь о разврате молодежи. Пит. Сорокин приводит, напр., такие ужасающие примеры, как две обследованные в Царском Селе детских колонии, питомцы которых были все сплошь заражены гонореей. Девочки в 86% — дефлорированы, живут с комиссарами и т.д. и т.д. Затем уже просто недопустимое сообщение: «Отдельные члены коммунистической партии вплоть до лиц, занимавших очень высокие посты в Нар. Ком. Просвещения, взялись за борьбу с половыми предрассудками «экспериментально», путем публичного развращения институток и гимназисток».

Во-первых, я даже не понимаю, что это значит — публичное развращение... Просто не понимаю.

Во-вторых, такое сообщение требует названия имен сих лиц, занимающих высокие посты. Безымянно как будто бы — невозможно... Слишком тяжкое обвинение, и имена должны быть, безусловно, названы. Кто такие? Когда? Где?

Коммунисты слишком гнусно, без совести и чести клеветают на нас, так называемых контрреволюционеров. Никто из нас не может следовать этой тактике по отношению к ним. Наоборот: сугубая правда и сугубая осторожность должна проникать все наши сообщения.

Теперь по существу. Мне 2¹/₂ года пришлось работать в «Лиге спасения детей». У Лиги было свыше 18 колоний, 11 детских садов, санаторий, детские клубы и огороды. Детей мы брали всякого возраста и, безусловно, с улицы.

Во главе нашего учреждения стояли видные врачи, покойный Дорф, проф. Тарасович, проф. Диатроптов, Н.М. Кишкин. Дети постоянно свидетельствовали всесторонне. Были золотушные, малокровные, рахитики. Но совершенно не было сифилитиков и зараженных гонореей.

По делам Лиги нам приходилось связываться с колониями и приютами большевистскими. «Родившихся детей от детей» мы там не наблюдали.

Были вещи, для нас абсолютно неприемлемые, вроде введенного в систему шпионажа детей за воспитателями, запрещения молитв. Были и другие вещи, вроде грязи, распущенности, иногда голода, воровства и пр. Но тут же нам пришлось установить факт: нельзя говорить просто о большевистских учреждениях. Надо говорить о таком-то конкретно. Ибо все зависит от персонала, его подбора, его добросовестности. Мне лично приходилось видеть детские дома, превосходно поставленные, руководимые такими опытными московскими педагогами, как М.Х. Свенцицкая или приют для дефективных детей д-ра Кашенко и многие другие. В общем, большинство домов поставлено плохо, с подхалимским, необразо-

ванным, жадным и вороватым персоналом. Но едва ли две обследованные колонии Царского Села могут служить образцом для умозаключений обо всех остальных. Во всяком случае, следует отличать при этой характеристике вещи, сознательно привносимые большевиками в это дело, и вещи случайные, зависящие от хаоса и неустроенности жизни вообще, а, следовательно, такие, которые могут быть при всяком режиме.

Принципы, привносимые большевиками в дело воспитания, — отвратительны.

Вот уже указанный выше прием — приучение детей всех возрастов к шпионажу, к подслеживанию, к доносительству и даже лжи. На одном собрании педагогов один из коммунистов заявил: мы должны приучить детей говорить всю правду своим и лгать врагам. Я лично была на этом собрании и отлично помню, какое возмущение вызвала эта формулировка даже среди коммунистов-педагогов.

Запрещение религиозных обрядностей также приучает детей ко лжи. Мне опять-таки лично приходилось видеть, как дети большевистской колонии прятали крестики в башмаки, — чтобы не заметили воспитательницы, которые при поступлении обязаны дать подписку не допускать обрядностей и вести антирелигиозную пропаганду. Кроме того, посещающие колонии родители нередко шепчут благословения, крестят его, и маленькая душа трепещет, бьется в противоречии — а где же правда? Тут, или в семье?

Есть и еще дикие вещи. Так, напр., при распределении детей из сборных пунктов в разряд «дефективных» записывались дети, проявившие склонность к... торговле! На наш вопрос, обращенный к исследователю врачу, — что же это за «дефект», последовал классический ответ: «так ведь это — атавизм; теперь ведь здоровыми мы считаем лишь коммунистические навыки и чувства». Это было в 20-м году.

Как-то теперь, при нэпе, — эти склонности мальчишек к продаже на Арбатской площади спичек толкают их в разряд «дефективных» или нет?

Но суть-то в том, что такой маленький атавист-продавец действительно попадал в дефективный приют и часто заражался там теми пороками, которых у него не было и в помине.

Приводя эти примеры и факты, я не решилась бы сделать из них какого бы то ни было общего вывода. Во всяком случае, мои наблюдения, очень широкие благодаря моему положению в Лиге спасения детей, не дали бы мне права сделать обобщение, которое делает Пит. Сороки: «Война и революция не только ослабили молодежь, но и развратили ее морально и социально».

И вот почему.

Конечно, недоедание, часто даже голод, холод, болезнь, отсутствие здоровой школы, — все это губительно действует и на физику, и на дух. Есть много воришек, мошенников, ругательников, развратников. Какой процент — не берусь определить, да и никто его не определит. Есть и еще одно следствие — материализм, практицизм, отсутствие идеальных стремлений в жизни. Один из наблюдателей-психиатров, д-р Сегал, сделал следующее наблюдение над детскими народными судами: почти все преступления, совершенные детьми и юношами за эти годы, — грубо материального свойства: украл, ранил в драке из-за дележа «добычи», «прибыли», избил за обман в торговле, нанес рану за «обвес» и т.д. Д-р Сегал не наблюдал ни одного случая ссоры или драки из-за ревности, любви, т.е. чувств более или менее идеалистических.

А раньше, до войны по его же наблюдениям, эти юношеские преступления на почве ревности и любви были нередки. Теперь же к этим вещам относятся просто, спокойно: разлюбил? Изменил? Другую, другого найду.

Чем объясняется такой материализм?

Проф. Сорокин, вероятно, согласится со мной, что дети в России несут сейчас огромную работу по поддержанию жизни своей и семьи. С юных лет они совершают громадную работу. Я знала семью из двух дочерей 3-х и 6-ти лет и матери-служащей. Детей невозможно было устроить в детском учреждении — все переполнено. И вот картина: мать уходит с утра на службу. Шестилетняя стережет квартиру и трехлетнюю сестренку. Затем в час дня она запирает на замок крошку и идет в бесплатную детскую столовую. Там обедает сама и берет обед для сестренки; заботливо несет, кормит... Если хорошая погода — ведет в столовую ее, запирая квартиру. Вечером помогает матери растопить печь, чистит картошку и пр. Худенькие ручки и печальные, недетские глаза.

Эту картину не всегда можно было без слез видеть. Но что получается? Не только материализм.

В Лиге спасения такие же крошки или немного больше прятали сахар, кусочек хлебца, чтобы отдать на свидании... маме или другой сестренке!

Разве это не высоко нравственные моменты! Я уже не говорю о массовой работе, колоссальной работе 15—16-летних юношей и девушек, которые нередко держат на своих плечах целый дом. И какие это юноши... Сильные, выносливые, сметливые. Это те, которые выживут среди выюги и мороза... Это — плоды своеобразного естественного отбора. Отбора для труда, а не для разврата. Нам в Лигу

пришлось взять из Чрезвычайной Комиссии трех девочек В.М. Чернова; одну — 10 лет, истощенную голодом, угрозами «расстрелять мать, если не скажет, где отец», — болезненную. И двух других — 16 и 17 лет. Их мы приспособили в Лиге для труднейшей работы с малыми детьми. Что это были за работницы! Ответственные, старательные, так тонко разбирающиеся в психологии подведомственных им крошек. И таких у нас перебивало не мало. Вспоминаю их лица...

Эти глаза, старающиеся вникнуть в происходящие безумные события, понять и связать факты.....

Я уже не говорю о таких прекрасных учреждениях, как школагимназия и колония покойных Алферовых. Там дети даже жизнерадостны. Они учатся, ведут обширные физические работы, поют, играют, связаны крепкой солидарностью. Никакой распущенности, а тем более разврата. Пришпоренные семьи больше, чем раньше, вмешиваются в дело, больше следят за детьми и за школой.

Вот эта необходимость труда, отсутствие мамок и нянек, необходимость обо всем подумать самим и даже позаботиться о других, — это так компенсирует окружающие мерзкие влияния, так закаляет и укрепляет личность и так стирает эту проклятую русскую лень, никчемность и разгильдяйство, что всему этому можно только сочувствовать и ждать нового, отнюдь не в порочном смысле. А материализм при этих условиях разве не понятен?

Мне пришлось ознакомиться на деле Комитета помощи голодающим с большой детской организацией бой-скаутов. Что это были за дети! Что за слуги и помощники Комитета! Приходится только удивляться, как среди миазма и болот могут расти столь прекрасные цветки, с такой чуткой детской душой, направленной к тому, чтобы непременно, непременно сделать «шесть или восемь хороших дел в день...» И делали, и старались.

Вспоминаю. Нет, ничего этого не было при самодержавии. Нет, не было. В этом огне что-то плавится, что-то крепнет, уже осязаемое, видимое, не выдуманное.

Того обобщения, которое пытается сделать проф. Сорокин, сделать нельзя. Больное и здоровое сейчас перемешано. Результат — еще без подсчета. Слишком рано, обращено внимание пока только на порчу, не все видят процессы самооздоровления организма, без лекарств, без посторонней помощи. Быть может, самое прочное и самое совершенное.....

Есть еще немало замечаний по поводу доклада и статей Пит. Сорокина. Но о них — в следующий раз. Как все-таки хорошо, что приехали из России долго там жившие, много и тяжело работавшие, много думавшие люди!

Несут они кусочки России, хорошие и дурные, несут, стараясь показать их другим, не видевшим. Пусть только показывают больше, больше, полнее и разнообразнее. Авось из этих кусочков мы сложим ее, Россию, родину нашу, сложим все вместе и — будем знать, что делать дальше.

Воля России. 1922. № 6

В.И. ЛЕНИН [1870—1924]

О характере наших газет

Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы, — политической трескотне. Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни, — фактам и фактам на этот счет.

Почему бы, вместо 200—400 строк, не говорить в 20—10 строках о таких простых, общеизвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях, как подлое предательство меньшевиков, лакеев буржуазии, как англо-японское нашествие ради восстановления священных прав капитала, как лязганье зубами американских миллиардеров против Германии и т.д., и т.п.? Говорить об этом надо, каждый новый факт в этой области отмечать надо, но не статьи писать, не рассуждения повторять, а в нескольких строках, «в телеграфном стиле» клеймить новые проявления старой, уже известной, уже оцененной политики.

Буржуазная пресса в «доброе старое буржуазное время» не касалась «святого святых» — внутреннего положения дел на частных фабриках, в частных хозяйствах. Этот обычай отвечал интересам буржуазии. От него нам надо радикально отделаться. Мы от него не отделались. Тип газет у нас не меняется еще так, как должен бы он меняться в обществе, переходящем от капитализма к социализму.

Поменьше политики. Политика «прояснена» полностью и сведена на борьбу двух лагерей: восставшего пролетариата и кучки рабовладельцев-капиталистов (с их сворой вплоть до меньшевиков и пр.). Об этой политике можно, повторяю, и должно говорить совсем коротко.

Побольше экономики. Но экономики не в смысле «общих» рассуждений, ученых обзоров, интеллигентских планов и т.п. дребедени, — которая, к сожалению, слишком часто является именно дребеденью. Нет, экономика нужна нам в смысле собирания, тщатель-

ной проверки и изучения фактов действительного строительства новой жизни. Есть ли на деле успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний («налаживается», «составлен план», «пускаем в ход силы», «теперь ручаемся», «улучшение несомненно» и т.п. шарлатанские фразы, на которые «мы» такие мастера)? Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?

Черная доска отсталых фабрик, после национализации оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства, где она? Ее нет. А такие фабрики есть. Мы не умеем выполнять своего долга, не ведя войны против этих «хранителей традиций капитализма». Мы не коммунисты, а тряпичники, пока мы молча терпим такие фабрики. Мы не умеем вести классовой борьбы в газетах так, как ее вела буржуазия. Припомните, как великолепно травила она в прессе ее классовых врагов, как издевалась над ними, как позорила их, как сживала их со света. А мы? Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, среди сормовских и путилевских рабочих и т.д.? Скольких из них мы поймали, скольких изобличили, скольких пригвоздили к позорному столбу?

Печать об этом молчит. А если пишет, то по-казенному, по-чиновничьи, не как революционная печать, не как орган диктатуры класса, доказывающего своими делами, что сопротивление капиталистов и хранящих капиталистические привычки тунеядцев будет сломлено железной рукой.

То же с войной. Травим ли мы трусливых полководцев и разинь? Очернили ли мы перед Россией полки, никуда не годные? «Поймали» ли мы достаточное количество худых образцов, которых надо бы с наибольшим шумом удалить из армии за негодность, за халатность, за опоздание и т.п.? У нас нет деловой, беспощадной, истинно революционной войны с конкретными носителями зла. У нас мало воспитания масс на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это — главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму. У нас мало внимания к той будничной стороне внутрифабричной, внутридеревенской,

внутриполковой жизни, где всего больше строится новое, где нужно всего больше внимания, огласки, общественной критики, травли негодного, призыва учиться у хорошего.

Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе. Побольше проверки того, насколько коммунистично это новое.

Правда. 1918. 20 сентября

Л.М. РЕЙСНЕР [1895—1926]

Казань — Саранул

I

Ночные склянки, отбивающие часы на палубе миноносца, удивительно похожи на куранты Петропавловской крепости.

Но, вместо Невы, величаво отдыхающей, вместо тусклого гранита и золотых шпилей отчетливый звон осыпает необитаемые берега, чистые прихотливые воды Камы, островки затерянных деревень.

На мостике темно. Луна едва озаряет узкие, длинные, стремительные тела боевых судов. Поблескивают искры у труб, молочный дым склоняется к воде белесоватой гривой, и сами корабли, с их гордо приподнятым носом, кажутся среди диких просторов не последним словом культуры, но воинственными и неуловимыми морскими конями.

Редкое освещение: отдельные лица видны, и отчетливо видны, как днем. Бесшумны и так же отчетливы позы. Эпические, годами воспитанные и потому непринужденные, как в балете, движения комендора, снимающего тяжелый брезент с орудия одним взмахом, как срывают покрывало с заколдованной и страшной головы.

Пляшущие руки сигнальщика с его красными флажками, красноречивые и лаконические, танцующие в ночном ветре условный, обрядовый танец приказаний и ответов.

И над сдержанной тревогой судов, готовящихся к бою, над отблеском раскаленной топки, спрятавшей свой дым и жар в глубине трюма, — высоко, выше мачты и мостика, среди слабо вздрагивающих рей, восходит зеленая утренняя звезда.

Давно пройден и остался за поворотом реки наш передовой пост, лодка под самым берегом, и командир Смоленского полка, Овчинников, спокойный, всегда неторопливый и твердый, отчетливый и немногословный — один из славной стаи Азинской 28-й дивизии, прошедшей с боем всю Россию, от холодной Камы до испепеленного желтыми ветрами Баку.

Где-то справа мелькнул и исчез лукавый огонек — может быть, белые, а может быть, один из отрядов Кожевникова, шаривший в глубоком тылу у белых и иногда совершенно неожиданно вылезавший навстречу нашей «Межени» из непролазной чащи кустарника, запутавшего обрывистый камский берег.

При первых лучах рассвета необычайна красота этих берегов. Кама возле Сарапула широкая, глубокая, течет среди желтых глинистых обрывов, двоится между островов, несет на маслянисто-гладкой поверхности отражение пихт — и так она вольна и так спокойна. Бесшумные миноносцы не нарушают заколдованный покой реки.

На мелях сотни лебедей распростирают белые крылья, пронизанные поздним октябрьским солнцем. Мелкой дробной тучкой у самой воды несутся утки, и далеко над белой церковью парит и плавает орел. И хотя противоположный луговой берег занят неприятелем — ни одного выстрела не слышно из мелкорослых кустарников. Очевидно, нас не ждали в этих местах — и не успели приготовиться.

Из машинного люка до пояса выставляется закопченный и бледный моторист и, стирая с лица черноту и пот, с наслаждением вдыхает острый утренний воздух, за одну ночь ставший осенним и серым.

Лоцман на мостике, всклокоченный и крепкий, похожий в своих сединах и овчинном тулупе на лешего, пророчит ранний мороз.

«Снегом пахнет, воздух — снегом пахнет», — и опять молча отыскивает узкую дорогу кораблей среди предательской ряби отмелей, тумана и камней. За эту ночь пройдено больше ста верст, и вот вдаль показался кружевной железнодорожный мост и белые макушки Сарапула. Команда отдыхает, полощется возле крана, дразнит двух черных щенят, возвращенных с великой любовью среди пушечной пальбы и непрерывных походов.

Резкий крик наблюдателя:

— Люди на левом берегу, — и снова напряженное ожидание. Но те, на берегу, уже разглядели нас, и в воздухе радостно пляшут красные полотнища. И дальше, на берегу, и на мосту, и за песчаным прикрытием вспархивают и трепещут красные флажки. Малые

фигуры пехотинцев в серых шинелях бегут по берегу, машут, кричат и перебрасывают на железные палубы миноносцев какие-то благословляющие приветствия.

Прошли мост, повернули левее, а за последним судном, идущим в стройной кильватерной колонне, уже трещит ружейная перестрелка. Это белые обстреливают охрану моста, сбежавшуюся посмотреть на пароход нашей флотилии.

В бинокль ясно видна набережная Сарапуля, занятого дивизией Азина, Сарапуля, со всех сторон обложенного белыми и накопец, благодаря приходу флотилии, соединенного с нижележащими армиями.

Подходим ближе. На крыше поплавка, на перилах, на дороге — красноармейцы, чуйки, платочки и бороды, и все это радостно изумленное, свое, дружеское. Оркестр на пригорке гремит марсельезу, барабан, заглядевшись на корабли, образует брешь в мелодии, труба несется далеко впереди рассерженного дирижера, радостно играя громовыми переливами и не останавливаясь ни на чем, как конь, сбросивший всадника. Уже приняты концы, борт плавно примкнулся к пристани, матросы высыпали на берег, и пошли разговоры:

— Как же вы прорвались? Побили их корабли?

— И побили, отец, и в реку Белую загнали.

— Врешь.

— Да не вру.

Через толпу пробивается молодая еще женщина, вся в слезах. «Матроска», — говорят окружающие. И начинаются новые причитания. Плач матери и жены, пронзительный однообразный вопль: «Моего увели на барже, на барже стащили. Матросом был, как вы». Платочек мечется от одного моряка к другому, слепнет от слез, гладит шершавые рукава бушлатов, это последнее свое воспоминание. Да, жестокая штука война, гражданская, — ужасна. Сколько сознательного, интеллигентного, холодного зверства успели совершить отступающие враги.

Чистополь, Елабуга, Челны и Сарапуль — все эти местечки залиты кровью, скромные села вписаны в историю революции жгучими знаками. В одном месте сбрасывали в Каму жен и детей красноармейцев, и даже грудных пискунов не пощадили. В другом — на дороге до сих пор алеют запекшиеся лужи, и вокруг них великолепный румянец осенних кленов кажется следом избиения.

Жены и дети убитых не бегут за границу, не пишут потом мемуаров о сожжении старинной усадьбы с ее Рембрандтами и книгохранилищами или о неистовствах Чеки. Никто никогда не узнает, никто не раструбит на всю чувствительную Европу о тысячах

солдат, расстрелянных на высоком камском берегу, зарытых течением в илистые мели, прибитых к нежилому берегу. Разве был день, — вспомните вы, бывшие на борту «Расторопного», «Прыткого» и «Ретивого», на батарее «Сережа», на «Ване-коммунисте», на всех наших, зашитых в железо, неуклюжих черепахах, — разве был хоть один день, когда мимо вашего борта не проходила эта молчаливая спина в шинели, этот солдатский затылок с такими редкими куцыми волосами (все после тифа) и танцующей по воде рукой, то всплывающей, то опущенной ко дну. Разве было хоть одно местечко на Каме, где бы не выли от боли в час вашего прихода, где бы на берегу, среди счастливых и обезумевших, которые так неумело (рабочие ведь не моряки) принимали ваши «чалки», не было десятка осиротелых баб и грязных, слабых и голодных детей рабочих. Помните этот вой, которого не могло заглушить даже лязгание якорной цепи, даже яростный стук сердца, даже красный от натуги голос предисполкома, который еще издали за полверсты кричал вам, что Самара взята Красной.....

Между тем к первой женщине подошла вторая, совсем маленькая и старая. На ее лице те же шрамы горя. «Не плачь, расскажи толком». И мать рассказывает, но слова ее теряются в причитаниях, ничего нельзя понять.

А дело вот в чем: отступая, белые погрузили на баржу шестьсот человек наших и увезли — никто не знает куда, кажется, в Уфу, а может быть, и к Воткинскому заводу.

Через час пронзительная сирена собирает на пристань разошедшихся матросов, и командующий отдает новое приказание: флотилия идет вверх по реке на поиски баржи с заключенными. И, подгоняя команды, как-то особенно отчетливо повторяет: «Шестьсот человек, товарищи».

II

Они нас не ждали: окопы, проволочные заграждения, пикеты — все это оказалось неприкрытым со стороны реки и видно, как на блюдечке. Медленно скользя вдоль берега, миноносцы выбрали удобное место, и комендоры отыскивают цель. В кают-компании полуоткрыт люк в пороховой погреб, и оттуда быстро передают наверх снаряды. Раздается команда:

— Залп. Из дула выплескивается огненная струя, с легким металлическим звоном падает пустая гильза, и через десять — пятнадцать секунд в бегущей цепи неприятеля подымается пепельно-серый и черный дымовой фонтан. Управляющий огнем изменяет прицел:

— Два больше, один лево. Залп.

Вот и на «Ретивом» открыли огонь, и «Прочный» из кормового орудия зажег церковь.

Пользуясь всеобщим смятением, мы засветло будем в Гальянах (тридцать пять верст выше Сарапуля).

Еще один переход в десять верст, и мы у цели. Красные флаги спущены, решено всех взять врасплох, выдавая флотилию за белогвардейскую — адмирала Старка, которую с таким нетерпением до сих пор поджидали себе на помощь ижевцы. Из-за острова и поворота Камы суда полным ходом появляются перед пристанями Гальян, проходят село, расположенное на горе, и выше его делают поворот, разворачиваются — маневр очень трудный на таком узком и мелком месте.

— Без приказаний не открывать огня, — передает сигнальщик с одного миноносца на другой.

Обстановка следующая: в двадцати-тридцати саженях на берегу, возле церкви, ясно видно тяжелое шестидюймовое орудие. Дальше на пригорке много любопытных крестьян и среди них кучки вооруженных солдат. На колокольне второе орудие; быть может, пулемет. Под левым берегом баржа с десантом белогвардейцев. В кустах мелькают белые палатки лагеря, расстилается дымок походных кухонь, и, отдыхая, солдаты лежат на берегу, с любопытством следя за маневрами миноносцев. Посредине же реки, охраняемая караулом, целая плавучая могила, безмолвная и недвижимая.

Рупор с «Прыткого» вполголоса передает порядок действий на другие суда. «Ретивый» подходит к барже и, не выдавая себя, удостоверяется в присутствии драгоценного живого груза. «Прыткий» наводит орудия на шестидюймовую пушку, с тем чтобы разбить ее в упор при первом движении неприятеля, но одновременно наблюдает за пехотой.

Но как же снять с якоря баржу, как вытащить ее из узкой ловушки, образуемой мелями, островом и перекатом? К счастью, тут же у пристани дымит неприятельский буксир «Рассвет». Наш офицер в блестящей морской фуражке передает его капитану безапелляционное приказание.

— Именем командующего флотилией адмирала Старка приказываю вам подойти к барже с заключенными, взять ее на буксир и следовать за нами через реку Белую на Уфу.

Приученный белыми к беспрекословному повиновению, капитан «Рассвета» немедленно исполняет приказание: подходит к барже и берет ее на буксир. Бесконечно медленно тянутся эти минуты, пока неповоротливый пароход, шумно шлепая колесами-жабрами, под-

ходит к барже, укрепляет тросы, дымит и разводит пары. Команда наша замерла, люди страшно бледны, верят и не смеют поверить этой сказке наяву, этой обреченной барже, такой близкой и еще бесконечно далекой. Шепотом спрашивают друг у друга:

— Ну что, двигается или нет? Да она не двигается.

Но «Рассвет», напуганный строгим окриком капитана, чудесно исполняет свою роль. На барже заметно движение. Сам караульный начальник и его команда, сложив винтовки, помогают выбирать якорь. И понемногу тяжелая громада выходит из равновесия, трудно разворачивается ее нос, натянутые канаты слабеют и снова тянут свою упрямую спутницу. «Прыткий» окончательно успокаивает смущенных тюремщиков.

— Именем командующего приказываю вам сохранять полное спокойствие, мы пойдем впереди и будем вас конвоировать.

— У нас мало дров, — пробуют возражать с «Рассвета».

— Ничего, по дороге погрузите, — отвечает комфлот, и миноносцы, не торопясь, чтобы не вызвать подозрения у наблюдающих с берега белогвардейцев, начинают отходить к Сарапулю.

А там, в трюме баржи, уже началась тревога: «Зачем везут, куда и кто». По отвратительному, грязному полу пробирается на корму один из заключенных, матрос. Там в толстой доске перочинным ножом проверчена дырка, единственный просвет, в который видно кусок неба и реки. Долго и внимательно наблюдает он за таинственными судами и их молчаливой командой. Читая луч надежды на его лице или новое опасение, искаженные лица окружающих кажутся одним общим лицом, неживым и неподвижным.

— Да ведь они все одинаковые, серые, длинные. Белогвардейские или нет? Смотри внимательно, смотри скорее.

— Да нет.

— Что нет, черт тебя дери?

Наблюдатель сваливается с табуретки.

— У них нет таких железных, это наши, это балтийские, на них матросы.

Но несчастные, три недели пробывшие в гнойном подвале, спавшие и евшие на собственных экскрементах, голые и завернутые в одни рогожи, не смеют поверить.

Уже в Сарапуле, когда на пристанях кричал и плакал приветствовавший их народ, когда матросы арестовали белогвардейский караул и, не смея спуститься в отвратительный трюм, вызывали из этой могилы заключенных, еще тогда отвечали проклятиями и стонами. Никто из четырехсот тридцати не верил в возможность спасения. Ведь вчера еще караульные выменивали корку хлеба и чай-

ник на последнюю рубашку. Вчера на рассвете из общей камеры на семи штыках выволокли изорванные тела трех братьев Красноперовых и еще двадцать семь человек. Уже целые сутки в отверстие на потолке никто не бросал кусков хлеба (по $\frac{1}{4}$ на человека), единственной пищи, утолявшей голод в течение трех недель.

Перестали кормить, значит, уже не стоит тратить даже объедков на обреченное стадо, значит, ночью или в серый, бескровный утренний час придет конец для всех — конец еще неведомый, но бесконечно тяжкий. И вдруг привезли, открыли голубую и серебряную дыру в ночное небо и зовут всех наверх странными, страшно взволнованными голосами, и зовут каким именем — запрещенным, изгнанным — «товарищ». Не измена ли, не ловушка ли, новое ухищрение?

И все-таки в слезах, ползком, один за другим, они воскресли из мертвых. Что тут творилось на палубе! Несколько китайцев, у которых никого нет в этой холодной стране, припали к ногам матроса и мычанием и какими-то возгласами на чуждом нам языке воздали почести и безмерную преданность братству людей, умирающих друг за друга.

Утром город и войска встречали заключенных. Тюрьму подвезли к берегу, опустили сходни на «Разина» — огромную железную баржу, вооруженную дальнобойными орудиями, и через живую стену моряков четыреста тридцать два шатающихся, обросших, бледных сошли на берег. Вереница рогож, колпаков, шапок, скрученных из соломы, придавали какой-то фантастический вид процессии выходцев с того света. И в толпе, еще потрясенной этим зрелищем, уже просыпается чудесный юмор.

— Это кто же вас так нарядил, товарищи?

— Смотрите, смотрите, это форма Учредительного собрания, — каждому по рогоже и по веревке на шею.

— Не наступай мне на сапог, видишь — пальцы торчат. — И выставляет вперед ногу, обернутую грязным тряпьем.

Еще приближаясь к берегу, голосами, пролежанными на гнилой соломе, они начали петь марсельезу. И пение это не прекращалось до самой площади. Здесь представитель от заключенных приветствовал моряков Волжской флотилии, ее командующего и власть Советов. Раскольников на руках внесли в столовую, где были приготовлены горячая пища и чай. Неописуемые лица, слова, слезы, когда целая семья, нашедшая отца, брата или сына, сидит возле него, пока он обедает и рассказывает о плене, и потом, прощаясь, идет к товарищам-морякам благодарить за спасение.

В толпе матросов и солдат мелькают шитые золотом фуражки тех немногих офицеров, которые проделали весь трехмесячный

поход от Казани до Сарапуля. Давно, я думаю, их не встречали с таким безграничным уважением, с такой братской любовью, как в этот день. И если есть между интеллигенцией и массами чудесное единство в духе, в подвиге и жертве, оно родилось, когда матери рабочих, их жены и дети благословляли матросов и офицеров за избавление от казни и мук их детей.

Известия. 1918. 16 ноября

А.С. СЕРАФИМОВИЧ [1863—1949]

В теплушке

Надо уезжать, и — странно — не хочется. Что-то завязалось с этими людьми, такими различными по развитию, по характеру, по внутренней значительности, и такими одинаковыми перед этим холодным пустынным гребнем (а за ним — враг), перед пулей и шрапнелью, перед молчаливой могилой, которая, быть может, ждет.

Мне ласково улыбаются, жмут руку — и все потому, что я для них просто свежий человек. Свежий, еще не примелькавшийся человек взял да к ним приехал. Рассказал, что делается на белом свете, побыл с ними, и они рады.

— Ну, что передать от вас красной Москве?

— Скажите там, что дело мы свое крепко делаем, кладем головы. Скажите, что шлем мы им, всем нашим братьям, сердечное, горячее братское спасибо, что помнят об нас, не забывают нас. Если можно, скажите там кому надо, чтоб прислали нам рассказов почитать, — очень хочется душу отвести, только листовками, такими тоненькими книжечками, а то с большими книгами куда тут, на походе. Да скажите, что партийная работа ладится у нас, ничего идет дело. Работы — необъятная громада, ну, ничего... Не сидим сложа руки.

Пара добрых деревенских маштаков, заиндевеливших с той стороны, откуда упорный снежный ветер, уносит меня и старика, который правит и рассказывает свою жизнь.

У него дочь, красивая, ладная. Мужа убили на войне. Ребенок. Жила в своей избе. Корова была. Изба сгорела. Пришла с коровой и ребенком к нему жить. Ну-к что ж, пускай живет.

Красная Армия определила корову на реквизицию, на зарез себе. Вымолила — али сиротам помирать?

У него еще две девчонки, пятнадцати—шестнадцати лет. Все трое пашут. Сдюжают. Только старик налаживает; сам-то пахать

немогущий, а они не могут наладить — умом легкое сословие, а пахать — пашут не хуже мужиков, ядреные девки.

Много рассказывает старик — вся жизнь старикова встает. А я весь оброс сосульками; ежусь от нижающего меня уфимского ветра, который, сколько глаз охватит, бело дымится поземкой. Много народу от нее пропадает. Суровый край. Пустынно. И леса стоят черные, сквозные, стоят по обрывам гор с круглыми головами.

В Бугульме — на поезд. Отходит в два часа дня. А мы в нетопленном, задымленном махоркой, переполненном красноармейцами и крестьянами вокзале уныло стукаем, голодные — ничего негде купить, — заколелыми ногами и час, и два, и три.

Бьет пять, семь, девять. В десять нам отводят в длинном чернеющем холодном поезде теплушку — классных вагонов на дороге нет; угнали белогвардейцы, а доставить из-за Волги нельзя было вследствие взрыва симбирского моста.

Теплушка вся побелела от морозов, и пол неровный от смерзшегося навоза.

Приносят и ставят посредине железную печь. Мы покупаем дрова, задвигаем двери и, столпившись в темноте вокруг печки и постукивая и попрыгивая по замерзшему навозу, разжигаем дрова. Красное пятно тускло шевелится на наших ногах. Бьет одиннадцать, а мы все постукиваем да попрыгиваем вокруг печки — дрова сырые, не разгораются.

Бьет двенадцать. Поезд со скрипом, скрежетом и стоном, точно его разбирают по косточкам, потянулся и стал греметь и неимоверно трясти нас в темноте.

А мы все постукиваем да попрыгиваем, жадно приглядываясь к все холодно-тусклому, вздрагивающему отсвету печки.

И слышно, как по другим вагонам постукивают и попрыгивают, вероятно так же жадно присматриваясь в темноте к мертвому, не разгорающемуся отсвету холодных печек.

Зубы стучат от неодолимой внутренней дрожи. Мутно белеет по углам прокаленное морозом железо.

«Ведь не животные же».

Вон помощник командира бригады, молоденький, и перескакивает с ноги на ногу, в такт качая головой.

Вот начальник телефонной связи. Красноармейцы — кто в командировку по санитарному делу, кто по хозяйственной части, кто по приемке снарядов.

Заранее поставили бы печи, прогрели бы, да не сырыми дровами, вычистили бы отмякший навоз и пустили бы нас в теплый сухой вагон.

Да разве саботажников убедишь!

В прыгающей от грохота и тряски темноте с мертвеющими по углам пятнами прокаленного мороза — голос:

— Да ну их к черту! Бери, товарищи, руби!..

Засветили спичку и при неверном, мигающем свете выдернули из нар доску и шашкой стали рубить ее на куски.

Слышен был сквозь гул стук шашек и в других вагонах. В сущности, рубили вагоны и принадлежности к ним, достояние Российской социалистической республики. Но вина падала не на красноармейцев, издрогших, измученных невыносимым холодом и неуютом, а на тех подлых саботажников, которые загоняли людей в скотские вагоны, не обогрев их предварительно, не вычистив.

О чем думал начальник станции Бугульмы?

Комендант?

Начальник передвижения войск?

Меньше всего — о своей обязанности дать людям минимум удобств.

Сухие доски разом и ярко загорелись. В вагоне потеплело. На воз под ногами размяк, и стало пахнуть конюшней.

С оттаивающего потолка часто капало на голову, на лицо, на руки.

Лица, на секунду выхватываемые из темноты красным колеблющимся отблеском, потеплели и оживились.

В непрерывный гул качающегося вагона влился оживленный говор. И в этом говоре отвратительно и подло резали ухо грязные и мерзкие ругательства. Люди дышали ими, не думая о них. Просто это был способ образно выражать свои мысли.

И отвратительно и жалко.

Кто ж виноват?

Когда вспыхивающее пламя бросало красный отсвет, я всматривался: какие все милые, молодые лица! Ведь не хулиганы же. Ведь не циники же изъеденные, для которых весь свет залит невозной жижей...

Виноваты, кто не заполнил пустоту этих людей, кладущих свою жизнь.

Виноваты, кто не принес им творений искусства. Кто не дает им вовремя и в должном количестве газет.

Кто не дает им художественной литературы, когда так мучительно хочется отвести душу.

Виноваты все, кто не хочет или не умеет сделать жизнь их разумной, наполненной красотой и творчеством.

Я примостился на нарах, на которых вповалку лежали красноармейцы, сунув под голову вещевые мешки.

Спереди от раскалившейся докрасна печки нестерпимо несло жаром; сзади из сквозивших щелей вагона несло морозным холодом. Я всячески изворачивался, стараясь найти среднее положение, чтобы не так жгло и морозило.

Внизу, вокруг печки, — распаренные лица, скинутые шинели. Семнадцатилетний мальчик в папаше, с остронаглым лицом, пересыпая руганью, рассказывает:

— Надоело служить, вот и уехал. Жалко, леворверт комендант отобрал, а то бы здорово продал на толкучке... А у нас что было в Ярославле, это как белогвардейцев побили... Стали мы лазить по магазинам. Кто чего успел — в карманы. Ей-богу! На лошадях мы. Двенадцать человек нас. Хотели в банке поживиться, только с лошадей слезли, а нас, голубчиков, и накрыли. Восьмерых тут же расстреляли, а меня да троих комендант взял. Ну, отпорол нагайкой, пустил, щенком обозвал. А я думал — расстреляют...

Он рассказывал о своих приключениях весело и задорно, на каждом шагу пересыпая мерзкой руганью. Ждал одобрительного хохота от сидевшей вокруг раскрасневшейся печки компании.

Красноармейцы, тоже пересыпая руганью, к его удивлению, заговорили:

— Да ты в каком полку служил?

— В казанском.

— Служил?! Мародерничал!

— Такие Красную Армию пакостят!

— Один заведется, а всех конфузит.

— Ему на Горячее поле в Питере или на Хитров рынок в Москве.

— К стенке его! Не гады!..

— Кидайте его, ребята, из вагона на рельсы!

Мальчишка тушевался.....

Гремит вагон, качается. Печка темнеет, и тогда во мраке наливается холод, белеющий по углам.

Дежурные начинают кидать дрова.

Печка больше и больше краснеет. Рождаются тени, снуют и судорожно двигаются по стенам, по лицам.

Но иногда тени лежат неподвижно долго-долго, и не слышно гула и качающегося скрипа и грохота, — это мы стоим на станции. Стоим час, стоим два, три, четыре...

Кто-нибудь отодвинет дверь. В пролет глянет синяя морозная ночь. Искрится снег, звездное небо.

Сердитый голос:

— Затворяй, слышь... Холод!

Дверь, скрежеща, задвинется, поглотив прекрасную синюю ночь, и опять неподвижно изломанные по стенам тени, храп и густой, тяжелый махорочный дым.

— Ну, какого черта мы стоим?!

Морозно проскрипят снаружи шаги — и опять молчание. Тоска.

От Бугульмы до Симбирска триста двадцать пять верст. Поезд в пути между станциями делает верст двадцать пять. Значит, сплошного пробега — тринадцать часов. Кладя на остановки даже по полчаса, что слишком много, получим пять часов на простой. Итого — восемнадцать часов. А мы вот уже вторые сутки едем, и конца-края не видно нашей езде.

На станции стоим шесть часов.

Зачем?

А ни за чем. Так!

— Да что за дьявол! Что мы стоим?..

Молчаливому долготерпению вдруг приходит конец. С руганью поднимаются красноармейцы, со скрипом отодвигают дверь, и вываливаются в морозную ночь человек десять, пристегивая на ходу револьверы.

Гурьбой идут к машинисту и приступают:

— Ты чего же, кобелевый сын, так везешь? Этак будешь везть, все стариками сделаемся, покеда доедем. Что вы, шулки, что ли, шутить с нами? Каждый за делом, каждый в командировку едет.....

— Я — за снарядами.

— Я — в санитарный отдел.

— Я — в отдел снабжения.

— Ну, вот! И каждому срок дан — кому три дня, кому четыре, много-много неделя, а вы, ишаки, трое суток нас везть будете триста верст! Товарищи, кидайте его, азията, в топку! Становись сами, которые могут, на паровоз! Сами доведем поезд!

— Есть! Я ездил помощником.

— Да вы чего, товарищи, на меня-то наседаете? Мне дадут путевую — еду, а не дадут приказу, — хоть год будем стоять — не поеду. Не от меня зависит. Артельщик тут везет деньги, раздает по станциям, он и задерживает.

Бурным потоком кинулись красноармейцы разыскивать артельщика. В вагонах со скрипом отворялись двери, и выскакивали на мороз красноармейцы. Собралась их внушительная толпа.

Разыскали артельщика. У него в хвосте поезда был прицеплен свой вагон.

Артельщик устроил ужин и чаепитие и изволил кушать с железнодорожниками.

Он нагло заявил:

— Не ваше дело вмешиваться в железнодорожные порядки.

— Ах ты, материн сын! Ребята, выворачивай его наизнанку!

Артельщик стал сдавать и сказал:

— Товарищи, я ни при чем — разгрузка держала.

— Бреешь! Мы все время смотрели, не было разгрузки. Да ежели бы и была, двадцать минут на нее, от силы полчаса, а мы шесть стоим.

— Паровоз воду брал...

— Это на каждой станции брал воду? Обопьешься.

— Опять же дрова паровоз брал...

— Бреши — да умеючи. Это как на каждой станции по три, по шесть часов будет брать дрова, весь состав загрузишь... Да что с ним разговаривать, так и вон как! Ломается, как коза на веревке... Кидай его на рельсы! Отцепляй его вагон, без него поедem!

Толпа стиснула. Артельщик струсил.

— Товарищи, ведь я по долгу службы... По линии три месяца не получали жалованья, вот и развожу.

— А-а, собака! Забрехала... Почему срочные дела Красной Армии должны из-за вас задерживаться? Ведь вот я задержусь на два, на три лишних дня, не привезу пулеметных лент, а там тысячи наших могут погибнуть из-за этой задержки. А ты бы взял паровоз да отдельный вагон и развез, армию не подводил бы. А то ужинать сел, а мы и стоим по шесть часов.

— И какая стерва его родила?!

— Волоки его, ребята!..

Кругом озлобленные красные лица, сверкают глаза.

— Товарищи, не буду задерживать, не буду больше выдавать...

Ей-богу, сейчас поедem.

Поезд тронулся и несколько станций действительно шел без задержек. В вагонах, озаренных раскрасневшимися печками, полных всюду сновавших теней, было шумно и весело.

— Ловко!

— Выздоровел!

В Мелекесе часов в десять остановились. Осталось до Симбирска восемьдесят шесть верст. Часов за пять доедем.

— Тут пойдет хорошо, тут нормально ходит, — говорили.

Стоим час, два, три, четыре, пять... Черный неподвижный поезд снова наливается тоской. Все тянется бесконечно застывшая ночь над примолкшей станцией. В вагонах тяжело и безнадежно спят, стоят или понуро сидят вокруг печки.

К коменданту станции идет один из едущих в поезде.

— Товарищ комендант, почему нас здесь так долго держат? Ведь все сплошь едут командированные, которым дорога каждая минута.

«Товарищ» комендант грубо поворачивается спиной, он даже разговаривать не желает.

Тогда обратившийся к нему вынимает и подает мандат от Революционного военного совета армии с очень широкими полномочиями.

Комендант сразу становится бархатным.

— Видите ли, задержка из-за разгрузки.

— Таковой не было, мы видели, и, во всяком случае, не на шесть часов.

— Э-э-э... мм-м. Кроме того, паровоз воду брал.

— Шесть часов?

— Мм-м... э-э-э... мм... То есть, видите ли, водонапорная башня испортилась...

Ясно: человек изолгался. И так как лгать больше нечего, он пускает нас дальше.

Поезд, хрустя прокаленными морозом рельсами, трогается. И опять облегченно вздыхает вагон. Мреет красная от жара печь, качаются и снуют тени, поминутно меняя лица сидящих.

Ух ты! С души свалилось. Восемьдесят верст. Как-нибудь доберемся.

Четыре часа утра, а в вагоне все та же темень, наполненная махорочным дымом.

Где-то за качающимися стенками винтовочный выстрел, глухой и неблизкий.

Еще выстрел... третий, четвертый... Пачками.

Подымаются головы, и печка озаряет их.

Что это? Чехи? В тыл зашли?

В вагоне, полным мерцающих теней, поползла тревога.

Гудки торопливые, придушенные.

Да что же это, наконец?!

Гудки не нашего паровоза, а где-то впереди.

Разом, с треском наваливаясь друг на друга, остановились вагоны, и водворилось молчание.

С грохотом откатывают примерзшие двери. В пролет глянула все та же синяя безначальная ночь.

Соскакиваем на хрустящий снег.

Впереди бегает с огнями. Наш поезд стоит мрачный, черный, без паровозных фонарей.

Оказывается.

Со станции Мелекес был пущен наш поезд, а со станции Бряндино по тому же пути, нам навстречу, был пущен боевой бронированный поезд.

И среди синей морозной ночи, среди застывших белых лесов неслись навстречу два поезда. Один — черный, без огней, из бесконечного числа товарных вагонов, набитых людьми, лошадьми.

Другой — низкий, огромной тяжестью брони вдавил рельсы, и длинные хоботы тяжелых орудий уносились на платформах, прожорливо глядя в мелькающую морозную пыль застывшей ночи.

Так неслись они с грохотом.

А внутри изгибавшегося, как черная змея, на поворотах поезда сидели красноозаренные люди, грелись около раскаленных печек или тяжело спали на качающихся скрипучих нарах.

Машинист бронированного поезда вдруг заметил черно несущийся на него громадный поезд и стал давать тревожные гудки, напряженно тормозя. Но черный поезд все неся на него в грохоте. Солдаты стали стрелять в воздух пачками.

Уже совсем почти накатившись, наш поезд остановился.

Мы все высыпали на скрипучее белевшее полотно. Два черных чудовища стояли друг против друга. Еще бы несколько секунд — и тяжело придавивший рельсы броневик разбил бы наш поезд, а к нему, морозно-звездному небу поднялась бы целая гора вагонной щепы. И от раскаленных печей запылала бы эта гора с мертвыми, искалеченными и живыми.

С нами возвращали почему-то вагон снарядов. В пожаре он покрыл бы все страшным взрывом.

На волоске были.

Но — странно. Близость этой смертельной опасности действовала на красноармейцев совсем иначе, чем бесконечные стояния на станциях. Посыпались шуточки, остроты.

— Эх, Тишка, а важное бы из тебя жаркое вышло! Одного сала натекло бы с пуд.

— А я, братцы, под Ивана подкатился. Ежели бы вагон раздавило, Иван бы целый бежал — сам раздавит кого хошь.

И это понятно: такие катастрофы редки, кричащи, ответственность за них громадная.

А вот страшно, когда изо дня в день подтачивают железнодорожное движение, когда, как черная гангрена, расплазуются по железнодорожному организму саботаж, злонамеренный и ненамеренный, медлительность, халатность, постоянное изо дня в день «наплевать на все», — вот преступление, которому нет имени.

На железной дороге Симбирск — Бугульма было мало вагонов и мало паровозов. И все же железнодорожники, коменданты со злорадством ссылались на это как на причину медленности движения.

Да разве это не должно было служить, наоборот, побудительной причиной всячески усиливать движение, делать его интенсивным, не давать ни одному вагону ни одной минуты лишнего простоя? С этим же самым количеством вагонов и паровозов можно было бы,

если добросовестно и напряженно относиться к делу, вдвое больше и вдвое скорее провезти грузы.

Но когда кругом все лгут, поезда, разумеется, стоят на станциях часами без всякой надобности, вагоны используются неинтенсивно. И страдает Красная Армия, и страдает население.

Необходимо с корнем, беспощадно вырвать из тела народного эту железнодорожную гангрену.

То, что продельвается на маленьком клочке Бугульминской железной дороги, встречается во многих местах российской железнодорожной сети.

Борьба должна быть без пощады и милости. Но надо помнить: нет змеи изворотливее железнодорожного саботажника. Как только его прищемят на месте преступления, он сейчас же уползет в тысячи технических оговорок, и никакими зубами его оттуда не вытащить.

Единственное средство — время от времени пускать по участку контролера, но так, чтобы никто его не знал, начиная от комендантов и начальников станций и кончая низшим железнодорожным персоналом.

Этот контролер должен на месте устанавливать причины простоя поездов, степень добросовестности работы железнодорожников, и уж тут не только малейший саботаж — малейшая халатность должны караться без пощады, вплоть до расстрела.

Иначе железнодорожники искровенят русскую революцию.

Теперь, когда вагон уносит меня к красной Москве, армия снова двинулась в наступление, снова труды и опасности, снова жесточайшая борьба, и сулит новый день неведомую долю каждому бойцу.

И мне хочется, оглянувшись, сказать: счастливых и радостных вам успехов, товарищи, и ярких побед над темным врагом, побед, которые вольют новые силы в нашу революцию!

Правда. 1918. 1 января

Л.С. СОСНОВСКИЙ [1886—1937]

Смагин

Умер рабочий Смагин. Скромный беспартийный труженик, пламенный энтузиаст труда и порядка, воодушевленный идеалист, замечательный самородок.

Умер Смагин. Такой подвижный, жизнерадостный, энергичный, толкавший других к работе, к творчеству.

Я не знаю подробно его биографии, не знаю даже имени и отчества этого человека. Только теперь придется этим заняться, ибо после него осталась без средств к жизни семья в 5 человек где-то в деревне.

Но сам он с первой встречи очаровал меня.

Однажды в редакции «Правды» Н.И. Бухарин попросил меня познакомиться с неким рабочим Смагиным.

Скоро Смагин был у меня. Высокий малый, неуклюжий, с огромными руками, грубым лицом и замечательными глазами.

— Главная беда, — говорил Смагин, — инструкций нет. Обязательно нужны инструкции на всякое дело. Без этого не пойдет Россия.

— Какие же инструкции, Смагин?

— Всекие. Допустим, я, Смагин, служу механиком в советской прачечной. Вижу я, что слесарь или истопник не так и не то делает, что следует. Я ему указываю. А он мне отвечает: «Я не хуже тебя знаю». И портит дело. Действительно, так нельзя. Сегодня механиком в прачечной я, дело знающий и любящий. А завтра я умер, и вместо меня другой неопытный механик. Он не знает, как распорядиться. Надо, чтобы инструкция была.

— Какая инструкция?

— Вот какая. Есть в прачечной истопник. Обязанность его такая-то. С утра делает одно, после — другое, затем — третье. Кочегара обязанности такие-то, делает свое дело так-то. И на каждое дело инструкция. Тогда — лучше ли, хуже ли начальник — машина вертится, каждый свое дело знает. Всякого вновь поступающего ознакомить с инструкцией, растолковать. После он будет работать толково и продуктивно. А так у нас одна бестолковщина. Если же мы заведем на всякое дело хорошие инструкции, Россия разбогатеет.

— Вот, например, есть у нас какой-то научно-технический комитет. Ну, скажите, что они там делают и какая от них народу польза? Сидят-сидят, пишут-пишут, а что, к чему? Самой простой вещи сделать не могут. Деревня во вшах пропадает. Тиф, эпидемия, смерть... Мыла нет. А в любой деревне посмотри — падали валяется сколько! Ведь из нее можно мыло сделать. Столько мыла, что грязи и вшей не будет. А как сварить простейшим способом мыло в любой деревне, чтобы не пропадал материал? Разве мужик это умеет? Вот и нужна инструкция. Вы печатаете и расклеиваете на выборах воззвания и манифесты насчет Врангеля или Керзона. Это хорошо. Это тоже инструкция, только политическая. Теперь

напечатайте инструкцию такую: как простейшим способом из падали сделать в деревне мыло. Да напечатайте побольше, чтобы в каждой деревне получили. Тогда вшей не будет в России.

— Про мыло я сказал. То же и с кожами. Портят мужики кожу в кадушках. Никто путем не умеет использовать. Гибнет драгоценное сырье. Наши заводы все равно кожу и не соберут, и не обработают: то продовольствия нет для рабочих, то топлива, то денег. А вы научите мужика, как это сделать. Он сам обуется немного и на базар принесет, и сырье не погибнет. Опять, значит, инструкция нужна. И так во всяком деле.

— Возьми хлеб. Дрожжей теперь нет. Хлеб не пекут, а портят в деревне. Изводят муку, а едят черт знает что. Надо напечатать инструкцию, как делать в деревне простейшим способом пригодные дрожжи. Люди будут есть хорошо испеченный хлеб. Меньше болезней, смертей.

— Возьмите городскую промышленность. Вот я, Смагин, чумазый рабочий, изобрел топку для нефтяных паровозов. Моя топка экономнее многих других. Ее испытывали специалисты и признали, что она хороша, дает столько-то процентов экономии. А ходу ей нет. Только на одной дороге она пошла. А почему? Надо издать инструкцию для всех дорог. Раз топка хороша и дешева — сейчас же разослать инструкцию по дорогам.

— Это раньше, при буржуях, частный интерес мешал. Теперь Советская власть может распорядиться.

— Вот уже полтора года хожу я по большевикам, пороги обиваю. Прошу заняться инструкциями. Ребята надо мной смеются. Дурак ты, — говорят, — Смагин. Ну, что ты подметки треплешь. Ты бы часа два поработал в мастерской, починил велосипед, керосинку, швейную машину — вот тебе на пуд хлеба хватит. А ты инструкций у большевиков ищешь. Не будет никаких инструкций для слесарей и мыловаров. Брось ты свои глупости.

— А я им говорю: будут инструкции. Недавно мне т. Бухарин дал книжечку, вот она: руководство для токаря по металлу. Напечатана по советскому заказу в Берлине, с рисунками. Вот тебе первая инструкция. Теперь я до научно-технического комитета добрался. Только работа у них тихая, ленивая. Туда бы надо трех спецов, а к ним хоть бы меня, Смагина, да еще пару таких рабочих. Я бы с них работу спросил. Почему не готова инструкция? Много ли сделано? Покажи-ка? Не работаешь — долой! А то он сидит над бумагами и время ведет.

— Уговорите вы товарища Ленина, чтобы он да еще Бухарин, Троцкий, да еще кто-нибудь из вас, большевиков, устроили из себя

такую ячейку, куда я, Смагин, мог бы прийти и полезное предложение сделать. Что я буду с этими вицмундирами из спецов толковать!

— А ведь нас, Смагиных, дураков таких же, как я, — множество. Вот мы бросаем свои личные дела, семейные, заработки свои и ходим, рвем сапоги, добиваемся, чтобы сделать как можно лучше для России. Кликните клич, созовите съезд рабочих-изобретателей и практиков и выставку их предложений и изобретений, прислушайтесь к ним. Они вам помогут вытянуть Россию из нищеты. Они бескорыстные.

И Смагин загорался воодушевлением.

То он приходил грустный: не подвигается в научно-техническом комитете. То звонил веселый, бодрый: дело сдвинулось. Его, Смагина, научно-технический комитет привлек к сотрудничеству.

А то уж он решил прибегнуть к наивному плутовству.

— Знаете что, тов. Сосновский, вы напишете мне бумагу (но посерьезней), что секретарь Совнаркома, тов. Горбунов, перед отъездом, будто бы, поручил вам следить за выработкой инструкции о мыловарении, дрожжах и кожевенного дела. А вы приказываете мне узнать, в каком положении дело, и угрожаете строго взыскать: с меня, мол, требуют. А иначе они со мной не будут считаться: ходит какой-то чудака и больше ничего.

Я убедил его, что плутовать не стоит, что можно дело сдвинуть прямыми путями. И перед смертью он радовался, что дело пошло.

Смагин был выдающимся рабочим-изобретателем, которого Россия не использовала и в сотой доле его способностей.

Но интересен он был не только как изобретатель, а как самобытный, бескорыстный искатель лучших путей для хозяйства страны.

— Почему вы беспартийный, Смагин?

— Некогда мне путаться с этим делом. Мне по хозяйству надо работать, а вы с Бухариным политикой занимаетесь.

Из разговоров с ним я узнал, что революция «по ошибке» помяла ему бока. Он жил в деревне, бежав туда от столичного голода. Крестьяне ему предложили, как хорошему механику, пустить в ход стоявшую мельницу, устроить ремонтную мастерскую и т.п.

Так он и сделал. Но однажды к нему, как к мельнику, обратились за взяткой маленькие местные власти. Смагин, как беспартийный, как бессребреник, стоял около хлеба и был без хлеба. Во взятке отказал. Тогда на него ополчилась местная власть.

— А я еще им чем досаждал. Придет из Москвы газета, где напечатано, как Советская власть расправляется с примазавшимися

прохвостами. Я ее на сходке прочитаю вслух. И крестьяне понимают, к чему это клонится, и местная власть чувствует, про кого речь. Ну, конечно, навалились они на меня. Боже мой, что тут было! И арестовывали, и ребро сломали, и разорили всю мастерскую — ну, прямо начисто.

— Позвольте, как же так ребро сломали?

— Да так, по ошибке это вышло, между прочим, — незлобиво улыбается Смагин, — но только этих людей потом судили. Крепко засудили.

— Однако это выходит печально: мы с Бухариным статьи пишем, а вам за чтение их ребра ломают. Вы, пожалуй, должны были возненавидеть большевиков?

— Ну, что об этом толковать. В большой суматохе, на пожаре и не то бывает. А ненавидеть большевиков — что вы, что вы! Да кто же, кроме большевиков, Россию в порядок привел и на полный ход поставил? Нет, я в большевиков крепко верю. Только надо поскорее порядок устраивать. Чтобы каждое дело шло правильно, по инструкции.

Смагин удивился, когда я ему показал книгу Тэйлора. «От директора-распорядителя до рассыльного», доказывающую необходимость каждую функцию в хозяйстве тщательно изучить и каждую обязанность точно определить карточкой-инструкцией.

Фанатик инструкций дошел до своеобразного тэйлоризма особым, самобытным путем. Это — большой оригинальный ум, золотые руки и редкой настойчивости характер.

Теперь он умер. Заболел, подвергся операции, перенес ее, но через несколько дней умер.

И перед глазами он стоит живой, подвижный, резко жестикулирующий длинными неуклюжими руками и настойчиво убеждающий:

— Уговорите тов. Ленина, чтобы он с Бухариным, Троцким и еще с какими-нибудь большевиками устроили ячейку, куда всякий Смагин может прийти со своими предложениями или изобретениями. Знайте: нас, Смагиных, много. Только кликните клич.

И над могилой этого славного чудесного пролетария хочется крикнуть партии:

— Товарищи, берегите Смагиных. Это — лучшее, что есть в народных массах, ее мятущиеся души, ее праведники. Берегите Смагиных, пока они живы. Внимательнее к ним относитесь, окружайте их заботой и поддержкой, хотя бы и с нарушением всяких формальностей. Берегите Смагиных, не проглядите их вокруг себя.

Правда. 1921. 20 ноября

Тяжелые дни Волховстроя

Собственно говоря, легких дней у Волховстроя и не было. Но сейчас я хочу рассказать о наиболее тяжелых днях строительства. И, к сожалению, не могу поручиться, что впредь не встретятся еще более тяжелые дни.

У каждого хорошего дела врагов бывает много. У Волховстроя врагов сверх нормы. Перечислять их не буду. Но вреднее всего те враги, которые не признают себя врагами, а, наоборот, маскируются друзьями.

Лично мне Волховстрой открыл глаза на один мучительный вопрос: в какой мере властен над волей коммунистической партии бюрократический механизм нашего государства. Увы, сила бюрократического механизма чудовищно велика. И горше всего то, что во враждебной нам механике бюрократии далеко не последнюю роль играют и коммунисты, занимающие ведомственные посты. Глупо валить все на одних спецов, примазывавшихся буржуев и т.п. Наши ребята тоже хороши.

Скажу прямо, как это ни горько. Когда Волховстрой будет достроен и даст энергию Питеру, я скажу:

— Это — чудо!!!

Ибо Волховстрой будет достроен вопреки стараниям почти всего государственного аппарата сорвать строительство. Волховстрой — это многосторонний наш экзамен. Экзамен нашей интеллигенции. Экзамен коммунистической партии. Экзамен государственному аппарату. Экзамен профсоюзам.

По вопросу же, который так мучил тов. Ленина, — об улучшении государственного аппарата, — история Волховстроя дает печальный ответ.

Речь идет о том, насколько удастся нам спасти наши начинания из-под губительного действия бюрократии, а вовсе не о том, насколько мы подчиним себе бюрократию.

Люди, как будто настроенные очень благожелательно, перебрасывают, точно футбольный мяч, этот злосчастный Волховстрой. Еще комиссия, еще обследование, еще ревизия, еще согласование, еще пересмотр, еще экспертиза, еще авторитетная экспертиза. И вдруг неожиданный, оглушительный удар по голове: новый пересмотр сметы.

Сегодня 5 декабря. Любой чиновник Наркомфина знает, какого числа и сколько именно получит в декабре он жалованья. А Волховстрой 5 декабря еще не знает, сколько и когда будет отпущено ему на декабрь. И при этих условиях надо круглые сутки вести бешеным темпом работы на бешеной реке. Надо согласовать заготовки

материалов, постройки, заграничные заказы, расплату с рабочими, с трестами.

Вот вам и плановое хозяйство! А Госплан вырабатывает план промышленного строительства на 5 лет вперед. Тут громаднейшее строительство не знает за две недели, получит ли оно деньги, в какой срок и сколько. И это несмотря на горячее сочувствие всех питерских организаций, несмотря на упорную волю ВЦИК, несмотря на мощное покровительство Ильича.

Ну, разве не чудом будет завершение работы на Волхове?

Часть руководителей ВСНХ — против строительства. Наркомфин — тоже. Главное управление государственных сооружений — тоже. Электрострой — тоже. С Внешторгом скандалов было предостаточно. О менее влиятельных и говорить нечего.

Руководители строительства работают точно на минированной площади, которая может вдруг от взрыва расступиться и поглотить их вместе со всеми работами.

Когда работа будет закончена, на торжестве будут произноситься праздничные речи, появится много именинников из числа тех, кто ныне гробокопательствует. А когда гости разъедутся, иллюминация погаснет, инженер Графтио соберет вокруг себя ближайших сотрудников, все оглядят друг друга с ног до головы.

— Неужто это мы? И все живы? И с ума не сошли? И в Волхов с плотины не бросились? И в тюрьму не попали? И станцию построили? Вот чудеса, братцы!.. Прямо тысяча и одна ночь!

Тогда Гастев прикажет своим спецам изучить досконально этих диковинных строителей при помощи всех точных инструментов психофизиологической своей лаборатории.

А пока что тянутся тяжелые будни. На Волхове свыше 10.000 человек взнуздывают стихию. В Москве инженер Графтио, как щепка, носится по волнам бюрократической стихии, которую взнуздать бессильны даже Ленин, даже компартия.

В волховстройскую трагедию вмешалось новое действующее лицо — реорганизованная РКИ и ЦКК. Собственно говоря, РКИ десятки раз ревизовала волховские работы. Но нынешняя сочла, что до нее ничего не было. Ни ревизий, ни комиссий, ни Госплана, ни ЦЭС (Центральный электротехнический совет) — ничего. Так, мрак времен и хаос. И настоящая история начнется только с такого-то числа марта, когда тысяча первая комиссия РКИ выедет на ревизию. Выехали. Работали. Надо сказать правду, работали усердно, добросовестно, стараясь вникнуть в каждую отрасль. Сидели на Волхове 67 дней (прежние больше недели не засиживались). Задали в письменной форме 1555 вопросов. Составление ответов по-

требовало 1500 рабочих человеко-дней. Представленные ответы весят около 3 пудов бумаги.

Выводы ревизоров были убийственны. Не говоря уже о множестве недостатков в работах и отчетности, ревизоры поставили два тревожных вопроса.

Первое: денег отпущено уже 50 процентов общей стоимости сооружения. А работ исполнено всего 25 процентов.

Второе: едва ли имеет смысл строить такую большую станцию (80.000 лошадиных сил) на этой плохонькой речонке. Пожалуй, воды не хватит в ней для станции.

К немалому удивлению ревизоров, при обсуждении их доклада в заседании президиума ЦКК и коллегии РКИ выводы их не только не были утверждены, но даже не встретили ни в ком поддержки и сочувствия. Наоборот, резче всех оценил ошибочный подход ревизии к делу народный комиссар РКИ тов. Куйбышев.

Это — новый факт в истории РКИ. Выступление главы ведомства против подчиненных ему ревизоров в присутствии ревизуемых, открытое осуждение не только работы спецов, но и приставленного к ним коммуниста за неправильную, недостаточно объективную постановку самой ревизионной задачи — это должно подействовать освежающе на всех работников РКИ.

В самом деле, представим себе, что людей послали бы отревизовать работу губземотдела. А они попутно возбудили бы вопрос: действительно ли земля имеет форму шара. Ясно, что это не их ума дело. Кто-то другой исследовал этот вопрос. Их дело рассмотреть, хорошо ли на одном клочке земного шара ведется земработа. Так и с Волховом. После того как весь цвет российской электротехники одобрил сооружение станции, после того как пять лет на глазах всего мира идет постройка, после экспертизы крупнейших иностранных строителей, вдруг в 1923-м году двум—трем молодым людям из РКИ поставить под сомнение самый проект станции — претензия непомерная.

Довольно страшно представился и второй вопрос. Да, денег отпущено около 50 проц. общей стоимости сооружения. А что сделано за эти деньги? Сложите стоимость исполненных работ со стоимостью заготовленных материалов. Получится почти сумма отпущенных за все это время средств. У ревизоров же стоимость заготовленных материалов как-то выпала, и получилось, что деньги потрачены, а работ по этим деньгам исполнено мало.

Но самый главный вопрос заключался все же в решении будущих судебных строительства. В какой срок закончить постройку и сколько средств затратить в этом году. И здесь ЦКК разошлась с

заклЮчением ревизоров. Президиум ЦКК совместно с коллегией РКИ высказались единогласно за вариант № 1, т.е. за окончание работ и подачу тока в 1925 году. Все прочие варианты удорожали общую стоимость станции, отсрочивали окончание работ до 1926 года и даже 1927 года, обрекая Петроград на пережог иностранного угля и другие неприятности.

Между прочим, именно этот проект выдвигало само управление строительством, как наиболее экономный.

Тов. Куйбышев правильно отметил, защищая этот вариант, что Волховстрой приобрел помимо хозяйственного значения еще и гигантское политическое значение. Всякое поражение на волховском участке фронта может тяжело отозваться и в Европе, и в Советском Союзе, как среди рабочих, так и среди технических и научных работников.

Ведь лучше всяких фраз и резолюций Волховская станция скажет всему миру: вот результат действительного союза науки и труда. Вот первый внушительный камень для здания обновленной светлой (ибо электрифицированной) России.

Я был бы рад, если бы в лице ЦКК Волховстрой приобрел мощного заступника и друга, особенно на то время, пока Ильич еще не у руля. Сама ЦКК — детище Ильича, и Волховской, как всем нам известно, был его любимым предприятием.

Может быть, ЦКК уменьшит трудности и препоны на пути Волховстроя. Только уменьшит, ибо совсем уничтожить их никто не может.

В заключение я хочу привести один из примеров травли против Волховстроя. Еще в СовнаркомЕ я слышал брошенную товарищами из Наркомфина фразу, что Волховстрой, пользуясь покровительством свыше, переплачивает нам всем большие деньги.

Через несколько дней в «Трудовой Копейке» какой-то С. Григорьев написал, что Волховстрой платит за цемент ровно вдвое дороже, чем ГУГС (Главное управление государственными сооружениями), и в доказательство приводил какие-то цифры.

По моему совету, главный инженер строительства тов. Графтио запросил ГУГС: где это ему удастся столь удачно и дешево купить цемент?

ГУГС ответил, что он понятия не имеет о цифрах, приведенных С. Григорьевым, что, по-видимому, «сведения эти касаются заготовок истекшего операционного периода 1922—1923 года. Что же касается крупных заказов текущего операционного периода (1923—1924 гг.), то к ним еще не приступлено».

И даже приводятся средние сметные цены, вполне совпадающие с ценами Волховстроя.

Отсюда следует, что шустрый «копеечный» публицист сравнивает прошлогодние цены ГУГСа с нынешними ценами Волховстроя, чтобы обвинить последний в мотовстве.

Не следовало бы в советской печати поощрять нравы прежних «копеек».

Правда. 1923. 8 декабря

Н.А. ТЭФФИ [1872—1952]

Ностальгия

Пыль Москвы на ленте старой шляпы
Я как символ свято берегу...

Лоло

Вчера друг мой был какой-то тихий, все думал о чем-то, а потом усмехнулся и сказал:

— Боюсь, что к довершению всего у меня еще начнется ностальгия.

Я знаю, что значит, когда люди, смеясь, говорят о большом горе. Это значит, что они плачут.

— Не надо бояться. То, чего вы боитесь, уже прошло.

Я видела признаки этой болезни и вижу их все чаще и чаще.

Приезжают наши беженцы, изможденные, почерневшие от голода и страха, объедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут.

Тускнеют глаза, опускаются вялые руки и вянет душа, душа, обращенная на восток.

Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли. Боялись смерти большевистской и умерли — смертью здесь. Вот мы — смертью смерть поправшие!

Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда.

А ведь здесь столько дела. Спасаться нужно и спасать других. Но так мало осталось и воли и силы...

— Скажите, ведь леса-то все-таки остались? Ведь не могли же они леса вырубить: и некому и нечем.

— Остались леса. И трава зеленая, зеленая русская.

Конечно, и здесь есть трава. И очень даже хорошая. Но ведь это ихняя «L'herbe», а не наша травка-муравка.

И деревья у них может быть очень даже хороши, да чужие, по-русски не понимают.

У нас каждая баба знает, — если горе большое и надо попричитывать — иди в лес, обними березыньку крепко двумя руками, грудью прижмись и качайся вместе с нею и голоси голосом, словами, слезами, изойди вся вместе с нею, с белою, с русскою березынькой.

А попробуйте здесь:

— Allons au Bois de Boulogne embrasser le bouleau!

Переведите русскую душу на французский язык... Что? Веселее стало? Помню, в начале революции, когда стали приезжать наши эмигранты, один из будущих большевиков, давно не бывший в России, долго смотрел на маленькую пригородную реченку, как бежит она, перепрыгивая, с камушка на камушек, струйками играет простая, бедная и веселая. Смотрел он, и вдруг лицо у него стало грустное и счастливое:

— Наша речка русская!

Ффью! Вот тебе и третий интернационал!

Как тепло!

Ведь, пожалуй, скоро и там сирень зацветет...

У знакомых старая нянька. Из Москвы вывезена.

Плавна, самая настоящая — толстая, сердитая, новых порядков не любит, старые блюдет, умеет ватрушку печь и весь дом в страхе держит.

Вечером, когда дети улягутся и уснут, идет нянька на кухню. Там французская кухарка готовит поздний французский обед.

— Asseyez-vous! — подставляет она табуретку.

Нянька не садится.

— Не к чему, ноги еще, слава Богу, держат.

Стоит у двери, смотрит строго.

— А вот, скажи ты мне, отчего у вас благовесту не слышно. Церкви есть, а благовесту не слышно. Небось, молчишь!

Молчать всякий может. Молчать даже очень легко. А за свою веру, милая моя, каждый обязан вину нести и ответ держать.

Вот что!

— Я в суп кладу селлери и зеленый горошек! — Любезно отвечает кухарка.

— Вот то-то и оно... Как же ты к заутрени попадешь без благовесту? То-то я смотрю у вас и не ходят. Грех осуждать, а не осудить нельзя... А почему у вас собак нет? Эдакий город большой, а собак раз—два и обчелся. И то самые мореные, хвосты дрожат.

— Четыре франка кило, — возражает кухарка.

— Теперь, вон у вас землянику продают. Разве можно это в апреле месяце? У нас-то теперь благодать — клюкву бабы на базар вынесли, первую, подснежную. Ее и в чай хорошо. А ты что? Ты, пожалуй, и киселя-то никогда не пробовала!

Нянька долго стоит у дверей у притолки. Долго рассказывает о лесах, полях, о монашенках, о соленых груздях, о черных тараканах, о крестном ходе с водосвятием, чтобы дождик был, зерно напоил.

Наговорится, напечалится, съжится, будто меньше станет и пойдет в детскую к ночным думкам, к старушьям снам — все о том же.

Приехал с юга России аптекарь. Говорит, что ровно через два месяца большевизму конец.

Слушают аптекаря. И бледные обращенные на восток души чуть розовеют.

— Ну, конечно, через два месяца. Неужели же дольше? Ведь этого же не может быть!

Привыкла к «пределам» человеческая душа и верит, что у страдания есть предел.

Раненый умирал в страшных мучениях, все возраставших. И никогда не забуду, как повторял все одно и то же, словно изумляясь:

— Что же это? Ведь этого *не может быть!*

Может.

Последние новости. 1920. 16 мая

Д.А. ФУРМАНОВ [1891–1926]

Лбищенская драма

В открытой степи, на берегу стремительного мутного Урала, раскинулась казацкая станица Лбищенк, ныне переименованная в город.

Как все станицы уральских казаков, она разбросалась на огромном пространстве, протянулась длинными широкими улицами, обвилась густыми садами, ушла в поля бесконечными огородами. Урал здесь круто изгибается в дугу, и местами песчаный, местами скалистый берег далеко вклинивается в грязные волны реки, падая отвесными срывами. Кой-где кусты, перелесочки, а кругом, куда ни

глянь, бесконечная степь, темно-зеленые и сизые дали, где опускается и пропадает горизонт. На север, до города Уральска, считают полторы—две сотни верст, а ниже, на юг — через Горячинский, Мергеневский, Каршинский и Сахарную, — дорога идет на Гурьев, до самого Каспийского моря. Зауральские степи, где кочуют киргизы, называются Бухарской стороной; они уходят на восток. А на западе — Кушумская долина, Чижинские болота, и через станицу Сломихинскую — Александров-Гай.

Может быть, нигде не была более ожесточенной гражданская война, чем здесь, в уральских степях. По страдному пути от Уральска до Каспия не один раз наступали и отступали наши красные полки. Уральское казачество билось отчаянно за мнимую свободу, оно с величайшей жестокостью душило протесты трудовой массы, с неукротимой ненавистью встречало красных пришельцев. Сожженные станицы, разоренные хутора, высокие курганы над братскими могилами, сиротливые надгробные кресты — вот чем разукрашены просторные уральские степи. Не одна тысяча красных воинов покоится здесь на пшеничных и кукурузных полях, не одна тысяча уральских казаков на веки вечные оставила станицы.

Одною из последних и наиболее драматических страниц в истории борьбы по уральским степям, несомненно, останется лбищенская драма, совершившаяся в ночь с 4 на 5 сентября 1919 года.

Гроза уральских казаков — красная Чапаевская дивизия — шла вперед. Август был месяцем отчаянных боев, когда мы шаг за шагом, часто без снарядов, без хлеба, с разбитым обозом двигались на юг, отбивая станицу за станицей, пока не заняли важнейшего центра — Лбищенска. Здесь остановились штаб дивизии, политический отдел, все дивизионные учреждения, школа курсантов, некоторые бригадные штабы, авиационный парк, обозы. Части ушли вперед, и 74-я бригада уже занимала Сахарную, верстах в семидесяти ниже Лбищенска. Казаки отступали на юг. Нашей задачей было — дойти до Гурьева, прижать их к Каспийскому морю, лишить опоры, принудить к сдаче.

Поздним вечером 3 сентября из степи прискакали фуражиры и сообщили штабу дивизии, что на них наскочил казачий разъезд и в завязавшейся схватке перерубил часть обозников. Ну что ж, казаки рыщут по всей степи, и нет ничего удивительного, что шальной разъезд подобрался к самому Лбищенску. На эту схватку посмотрели как на случайный эпизод, однако же во все стороны разослали конные разъезды, а наутро снарядили аэропланы и поручили им осмотреть окружающую степь — нет ли где опасности, не дви-

жутся ли казаки. Воротились кавалеристы, прилетели аэропланы: тихо в степи, опасности нет ниоткуда. Весь день 4-го прошел в обыденной работе, штаб готовился двинуться дальше. Чапаев — начальник дивизии — и Батулин — военный комиссар — выезжали к частям и снова вернулись в Лбищенск.

Вечером на охрану западной окраины станицы направили школу курсантов, выставив всюду ночные дозоры.

В это время стоявшие под Сахарной казаки надумали осуществить свой дьявольский план. Они видели, что дальше к Каспию открываются голые степи, что удерживаться будет чем дальше, тем трудней — там мало хлеба, мало лугов, трудно добывать питьевую воду. Уж если действовать, так действовать только теперь. И они решились. Отобрали тысячи полторы смельчаков и с легкими орудиями и пулеметами, во главе с генералом Сладковым и полковником Бородиным, поручили им ударить в наш тыл — незаметно пробраться мимо Чижинских болот, по Кушумской долине и внезапным налетом ворваться в Лбищенск. Этот рискованный маневр был рассчитан совершенно правильно в том смысле, что центр и оставлял без всякого руководства бригады, ушедшие под Сахарную и на Бухарскую сторону. Решение было принято. Казацкий отряд выступил в поход. Двигались только ночью; днем отдыхали и прятались по оврагам. На Лбищенск шла черная туча.

До сих пор остается совершенно неизвестным и не объяснимым целый ряд случайностей, которые произошли в Лбищенске в роковую ночь с 4 на 5 сентября.

Во-первых, странным кажется, что летавшие 1-го числа летчики ничего не заметили в степи со стороны Кушумской долины. Казаки двигались в среднем верст по тридцать пять за сутки и, следовательно, днем 4-го стояли от Лбищенска за три—четыре десятка верст.

Подобное же недоумение вызывает и ответ конной разведки, которая получила задачу как можно глубже обследовать степь.

Затем дальше. Когда казаки были уже под Лбищенском, дозоры, по-видимому, держали себя пассивно и подняли тревогу с большим опозданием. Наконец — и это особенно странно и невероятно — поздним вечером 4-го по чьему-то распоряжению была снята и уведена с охраны дивизионная школа курсантов.

Словом, все обстоятельства сложились таким образом, что дали возможность казакам подобраться к станице совершенно незамеченными и врасплох накрыть лбищенский гарнизон.

Когда на улицах показались передовые казацкие разъезды, — это было в 4—5 часов утра, — среди повскакавших сонных красно-

армейцев поднялась сумятица. Удара никак не ожидали, а быстро сорганизоваться и дать отпор не могли. Все кинулись сначала к центру, оттуда на берег, к реке. Отдельные группы задерживались на выгодных местах, вступали в перестрелку, но, теснимые превосходящими силами казаков, вынуждены были отступать все дальше и дальше к другому обрыву. Чапаев, выскочивший в одном белье, собрал вокруг себя человек шестьдесят красноармейцев и сам руководил этой группой. Но что же могли поделать шестьдесят человек, когда на них то и дело бросались в атаку казачьи лавины... В это время на другой улице военный комиссар дивизии товарищ Батурин и начальник штаба товарищ Новиков собрали другую группу человек в восемьдесят — восемьдесят пять и держались настолько активно, что даже сами неоднократно бросались в атаку. Одна из атак была особенно удачна: храбрецам удалось отбить у казаков два пулемета и обернуть их против врага. Но беда заключалась в том, что связи между разрозненно действовавшими группами совершенно не было и успех одной из них парализовался неудачей другой. Вскоре Чапаева ранило. Окровавленный, сжимая в правой руке винтовку, а левою держа наготове револьвер, он медленно отступал со своими сорока бойцами к берегу. Надо сказать, что по обеим сторонам станицы, по набережной стороне, казаки наставили пулеметов и косили тех, что бросались в воду в надежде добраться до того берега. Однако ж делать было нечего. Храбрецов прижали к самой реке. Раненого Чапаева, насколько было можно, спустили вниз. Он бросился в волны и поплыл... Но силы уже оставляли его, измученного, раненая рука онемела, он стал захлебываться, и, когда был уже близко к берегу, пуля, видимо, угодила ему прямо в голову. Чапаев пошел ко дну.

Группа, бывшая с Батуриным и Новиковым, не сдавалась. Батурин, уже будучи ранен в живот, сам работал на пулеметах и сдерживал казаков до тех пор, пока они не проникли в тыл и по дворам, откуда стали отвлекать наши и без того ничтожные силы. Скоро они рванулись в новую атаку. Цепь наша дрогнула, попятилась назад и побежала... Прятались кто куда. Между прочим, начальник штадива товарищ Новиков, с переломленной ногой, заполз в одну халупу, и добродетельная старушка хозяйка назвала его «мелким писаришкой» — и тем спасла жизнь. Батурина выдали: жители рассказали, что это комиссар дивизии, и казаки с остервенелыми лицами, кровожадные и разъяренные, вытащили его из халупы на волю. Били прикладами, били кинжалами, а потом, видимо, с размаху ударили головой о землю или о косяк двери, так как потом, когда разыскали его труп, он был страшно изуродован. Вся одеж-

да была разодрана — ее рвали руками, резали кинжалами, протыкали штыками, секли шашками. Все тело было страшно обезображено, на подбородке зияла глубокая рана.

Когда погибла последняя геройская группа Батурина, организованного сопротивления уже никто нигде не оказывал. Казаки рыскали по домам, по дворам, ловили беглецов в степи, по берегу реки, в перелесках. Группами немедленно выводили их за станицу и ставили под расставленные заранее пулеметы. Расстреляно было так много, что три огромные каменные ямы у кирпичных сараев не могли вместить покойников — отовсюду из-под рыжей, окровавленной земли торчали головы, ноги, руки погибших героев.

Политический отдел, сражавшийся частью в группе Батурина, погиб едва ли не до последнего человека. Лишь только захватывали какую-нибудь группу — командовали:

— Жиды, комиссары и коммунисты, выходи вперед!

И коммунисты выходили — бессильные, но спокойные, бросали в лицо врагам обжигающие проклятья и мужественно умирали после пыток и истязаний. Остальных уводили под пулеметы. Исаев, один из боевых товарищей Чапаева, будучи прижат вместе с ним к реке, выпустил шесть пуль по неприятельской цепи, а седьмую — себе в грудь. И над его трупом тоже издевались; прокололи мертвое тело штыками, так изуродовали, что лишь с трудом его ближайшие друзья по случайным признакам могли узнать в грязном комке земли, мяса и крови славного красного воина Петра Исаева.

Через два часа вся станица была усеяна трупами. Всюду валялись выпущенные кишки, заборы обрызганы были мозгами и кровью, то здесь, то там темнели отсеченные головы, руки, ноги. Казаки справляли кровавое похмелье.

В тот же день, 5 сентября, в Сахарной стало известно о том, что произошло в Лбищенске. Надо было немедленно принимать какое-то решение. Идти вперед, без штаба дивизии, без руководства и снабжения — невозможно. Отступить — трудно: сзади путь отрезан, а из-за Сахарной уже появились новые белые части. Сизов, командир 73-й бригады, принял на себя командование дивизией и, невзирая ни на что, приказал отступать на Лбищенск и дальше — на Уральск.

С места решено было сняться ночью, сняться так тихо, чтобы казаки не заметили, не услышали. Каждому красноармейцу объяснена была предстоящая операция, все знали, что и как надо делать. Лишь стемнело, начали строиться полки. В середину, в кольцо, они замкнули обозы и артиллерию, в арьергарде оставили кавалерий-

ские части, которые должны были сдерживать натиск, если только неприятель заметит и поймет наш маневр. В станице разложили костры, чтобы этим еще более успокоить врага, уверить его в том, что никакого движения не происходит.

Приготовления совершались с поразительной быстротой, в глубокой тьме, среди гробового молчания. Приказания отдавались шепотом и шепотом передавались по цепи.

Лишь кое-где шипели из мрака то укоры, то легкая перебранка: — Куда ты, черт, наехал! Ой, ногу отдал! Держи левее... Ишь, колесо-то скрипит — смажь... Усилить шаг... Ускорить шаг... — передается по цепи тихая команда.

Все быстрее и быстрее уходят в степь наши отступающие части.

На той стороне спокойно, — казаки уверены, что красноармейцы греются у костров.

Вот миновали Коршенской. А когда подходили к Мергеневскому, издалека — от Сахарной — донесся глухой и тяжкий взрыв. Это последний отходивший кавдивизион вынужден был взорвать церковь, где хранились наши снаряды. Вывозить было не на чем, оставлять врагу было бы бессмысленно — пришлось взрывать огромное здание.

Двое суток шли почти не отдыхая. В ночь с седьмого на восьмое достигли Лбищенска. Сюда еще раньше из Мергеневского пришла 73-я Сизовская бригада; накануне она выступила и направилась вверх, к Уральску, вслед за ушедшими туда казачьими частями.

В Лбищенске нашли смерть и запустение. Трупы были все еще не убраны, жители прятались по домам, улицы были глухи и страшны. Отправились в поле, где были расстреляны товарищи, отдали честь, последний долг, похоронили их в братских могилах. На поле нашли массу записочек; их набросали наши мученики, когда их вели на расстрел.

«Сейчас меня расстреляют, — говорится в одной, — казаки ведут к ямам... Прощайте, товарищи... Вспоминайте нас...»...

«Меня ведут расстреливать, — говорится в другой. — Прощай, Дуня, прощайте, дети...»...

«Иду умирать... Да здравствует Советская власть!..» — говорится в третьей.

И так во всех — то проклинают врагов, то говорят, за какое великое дело идут на расстрел, то прощаются с друзьями, со стариками родителями, с женой, ребяташками...

Подходили бойцы один за другим, опускались молча на колени перед могилами дорогих покойников и так подолгу стояли без слов, полные скорбных чувств, полные тяжелых и суровых дум...

Из погребов, подвалов, из-за бань, из огородных гряд, из-под сараев выползали отдельные, случайно спасшиеся счастливцы. Они рассказывали ужасы, от которых седеют головы.

В предбаннике, за выступом каменной стены, в бесчувственном состоянии нашли красного командира дивизиона. Он сражался вместе с Батуриным, а когда был ранен в грудь, дополз сюда, заткнул шинелью кровавую рану и слышал, как в баню трижды вбегали казаки, наскоро осматривали полки и печь, звенели оружием и, как очумелые, мчались дальше. Больше тридцати часов продержался он здесь — без капли воды, без куска хлеба, заткнув свою рану грязной шинелью. Все верил, ждал, что придут свои. И дождался — они пришли. Взяли его бережно, унесли в лазарет. Выжил, поправился, теперь полушутя вспоминает, как спрятался в предбаннике, как мучился и ждал прихода освободителей.

Отдыхали в Лбищенске недолго, тронулись дальше на Уральск. Вскоре, под хутором Янайским, казаки настигли измученные красные части. Здесь был такой отчаянный бой, какого не запомнят даже испытанные командиры Чапаевской дивизии. Ночью, во тьме, казаки подползли на восемь шагов к нашим частям, спавшим мертвым сном после бессонных и трудных ночей. Когда от ураганного неприятельского огня наши части уже готовы были отступить, командир артиллерийского дивизиона товарищ Хлебников с исключительным мужеством и находчивостью так сумел повести артиллерийский обстрел, что быстро изменил картину боя. Наши ободрились, казаки дрогнули и стали отступать. Много наших бойцов полегло в этом бою, но еще больше полегло казаков; у них были скошены целые цепи, так рядами и лежали по степи.

Больше не было уже ни одного боя, подобного янайскому. Скоро подошла подмога. Казаки были повернуты вспять. И снова шли через Лбищенск наши красные полки, теперь уже до самого Гурьева, к Каспийскому морю.

Застывали над братскими могилами, покрывали степь похоронным пеньем, вспоминали тех, что с беззаветным мужеством погибли в расстреле, в жестокой сече или в холодных и бурных волнах Урала.

Рабочий край. 1922. 23 февраля

Глава III

ЖУРНАЛИСТИКА КОНЦА 20-х—30-х годов [1928—1941]

Конец 20-х — 30-е годы характеризуются значительным усилением партийного контроля над средствами массовой информации. Только в 1928 г. в принятых многочисленных постановлениях ЦК ВКП(б), в том числе «Об отделе партийной жизни «Правды», «О мероприятиях по улучшению юношеской печати», «О реорганизации радиовещания», «Об обслуживании книгой массового читателя» неизменно подчеркивалось, что главной задачей средств массовой информации является коммунистическое воспитание трудящихся, внедрение в среду читателей «боевых традиций большевистской партии», что СМИ — это «острейшее большевистское орудие на идеологическом фронте».

Установка на превращение журналистики в орудие партийной пропаганды особенно энергично внедряется в связи с выходом в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)». В сентябре 1938 г. «Краткий курс» целиком публикуется на страницах «Правды» в сопровождении передовых статей «За овладение революционной теорией», «Большевистская идейность и организованность», «Обеспечить глубокое изучение истории ВКП(б)», «Непобедимая сила марксизма-ленинизма» и др.

В связи с выходом «Краткого курса» политико-идеологический контроль над средствами массовой информации достигает своего апогея. В 1938 г. партийному контролю органов цензуры по всему Советскому Союзу подвергалось: 8850 газет, 1762 журнала, 74 вещательных радиостанций, 1200 радиоузлов, 1176 типографий, 70 тыс. библиотек¹.

В ноябре 1938 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», в соответствии с которым в централь-

¹ Исключить всякие упоминания. Очерки советской цензуры. — М., 1995 г. С. 307.

ных, республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газетах были созданы отделы пропаганды, а журнал «Большевик» стал теоретическим органом партии, «всесоюзной консультацией по вопросам марксизма-ленинизма».

ЦК ВКП(б) объединил отдел пропаганды и агитации и отдел издательств ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, создав единый отдел пропаганды и агитации. Заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был назначен секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов. Важным событием в идеологической жизни партии явилось также начало выпуска четвертого издания сочинений В.И. Ленина (1941 г.).

СИСТЕМА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В конце 20-х — 30-е годы происходит значительный количественный рост и увеличение тиражей газет и журналов. Если в 1928 г. в стране выходило около 2 тыс. газет, разовый тираж которых составлял 9,5 млн экз., то в 1940 г. их стало около 9 тыс., а тираж превысил 38 млн экз. Год от года возрастали тиражи национальной печати. Газеты выходили на 50 национальных языках; 25 народностей СССР получили свою азбуку и свою прессу при Советской власти. На украинском языке до Октябрьской революции насчитывалось 15 периодических изданий, на белорусском — одно. В 1929 г. на украинском языке выходило 63 газеты, на белорусском — 9. Руководящими газетами на украинском языке были «Коммуніст», «Висти», «Робитнича газета пролетар». В Белоруссии — «Звезда», «Савецкая Беларусь», «Беларуская веска»; в Азербайджане — «Ени иол» («Новый путь»), в Узбекистане — «Кизил Узбекистон» (Красный Узбекистан), в Молдавии — «Плугарул рош» (Красный пахарь).

Наибольшие тиражи в предвоенные годы имели: «Правда» — 2 млн экз., «Известия» — 1,6 млн, «Крестьянская газета» — 1,2 млн, «Комсомольская правда» — 600 тыс., «Гудок» — 275 тыс., «Учительская газета» — 250 тыс., «Индустрия» — 225 тыс., «Труд» — 150 тыс. экз. Увеличивались тиражи и журнальных, особенно партийных изданий. В 1940 г. разовый тираж журнала «Большевик» составлял 550 тыс. экз., «Партийного строительства» —

570 тыс., «Спутника агитатора» — 675 тыс. экз. Всего в 1940 г. выходило свыше 1800 журналов, альманахов, бюллетеней и других изданий журнального типа².

Система газетно-журнальной периодики пополнилась новыми газетами и журналами. Из новых всесоюзных изданий следует выделить «Литературную газету», первый номер которой увидел свет 22 апреля 1929 г. В передовой статье первого номера редакция обещала стремиться к выработке «типа писателя-общественника», органически связанного с рабочим классом и «участвующего в его борьбе». В газете публикуются очерки П. Павленко, А. Караваевой, В. Катаева, В. Шишкова. Редакция информировала, что не только у нас, но и за границей наибольшим успехом пользуются книги «Бруски» Ф. Панферова, «Конармия» И. Бабеля, «Цусима» А. Новикова-Прибоя. С 14 сентября 1934 г. газета стала органом Правления Союза советских писателей. В предвоенные годы редакционный коллектив возглавляли А. Фадеев, В. Петров, В. Лебедев-Кумач, Н. Погодин, В. Ставский. Активно выступал в газете А.М. Горький. Публикуя его статьи «Беседа с молодыми», «О языке», редакция отмечала, что «борьба за культуру языка — есть борьба за культуру социализма в целом».

В 1929 г. увидела свет и другая всесоюзная газета «Культура», выходившая сначала под названием «Рабочий и искусство», с января 1931 г. — «Советское искусство». Постоянными в газете стали рубрики «На музыкальном фронте», «Кино», «Обсуждаем новые фильмы», «Гиганты культстройки», «Производственная жизнь театров». Высокую оценку получают фильмы «Тихий Дон», «Путевка в жизнь». С появлением фильма «Путевка в жизнь», пишет газета, нельзя говорить о нашем отставании от техники заграничной звуковой кинематографии, что этот фильм даже заграничная пресса оценила как «в высшей степени художественный».

Интенсивно в 30-х годах развиваются центральные отраслевые газеты и журналы. Возникают газеты «За индустриализацию», «Техника», «Тяжелое машиностроение», «Нефть», «Угольная промышленность», «Медицинский работник», «Архитектурная газета» и др.

² Пельт В.Д. Послевоенная Советская печать (1937 — июнь 1941). — М., 1974. С. 5—6.

Все более многочисленной становится районная печать. Если в 1929 г. в СССР выходило 309 районных газет, то в 1940 г. их число превысило 3500 изданий.

В начале 1933 г. появились газеты политотделов МТС, которым отводилась особая роль в коммунистическом воспитании крестьянских масс, в большевизации колхозов. К концу года их насчитывалось свыше 2150, а тираж превысил миллион экземпляров. Около 700 газет стало выходить в совхозах. К 1935 г. большая часть политотдельских колхозных и совхозных многотиражек слилась с районными газетами.

Перед Великой Отечественной войной издавалось также свыше 2000 производственных многотиражек. Лучшей среди фабрично-заводских была «Мартеновка», газета сталеваров московского завода «Серп и молот», удостоенная на конкурсе низовой печати в 1930 г. первой премии.

Среди журнальных изданий особое место занимают горьковские журналы «Наши достижения», «СССР на стройке», «Колхозник», «За рубежом». Очерковый журнал «Наши достижения» выходил с 1929 до середины 1937 г. Кроме цикла очерков «По Союзу Советов», А.М. Горький поместил в журнале еще около 30 публицистических произведений, в том числе «Рассказы о героях», «На краю земли», «О детях» и др. Издававшийся на четырех языках, с 1930 по 1941 г. журнал «СССР на стройке» предназначался не только для советского, но и для зарубежного читателя. Большой популярности этого издания значительно способствовала талантливая фотопублицистика, публикация поистине огромного количества фотодокументов. Широкую известность получил и журнал «За рубежом», единственное издание-обозрение иностранной печати. Журнал просуществовал с 1932 по 1938 г. и был возобновлен в 1960 г., но уже в качестве газеты.

В довоенные годы получила дальнейшее развитие лагерная пресса, родоначальницей которой можно назвать центральную газету Беломоро-Балтийского канала «Перековка», издававшуюся тиражом 30 и более тысяч экземпляров. Само название газеты отражает главное направление лагерной печати: перековка, перевоспитание тысяч нарушителей в граждан, «годных к социалистическому строительству». Бессменный редактор «Перековки» известный поэт Сергей Алымов, возвеличивая «лагер-

ника — человека труда», славя «радостный труд в социалистическом лагере», писал:

Как в руках часового винтовка,
Неизменно тверда и чиста,
Так же твердо и ты «Перековка»,
Никогда не сходила с поста.
По отлыщикам, по разгильдяям
Ты всегда открывала стрельбу.....

Алымов в угоду Сталину раболепно воспевал даже «свободу творчества» лагерной журналистики:

Бездушного творчества нету,
Мы творчески строим канал!³

Число лагерных газет, издававшихся для заключенных под грифом «Не подлежит распространению за пределы лагерей», не было стабильным, но не превышало одновременно пятидесяти изданий в год⁴.

Наряду с газетными, выходили и журнальные лагерные издания, среди которых наибольшую известность получил созданный в 1924 г. и распространявшийся по подписке для всех желающих журнал Соловецкого лагеря особого назначения «Соловецкие острова».

Все более мощным средством массовой информации становилось радиовещание. 10 апреля 1929 г. ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление «О праве передачи по радио и проводам публичного исполнения музыкальных, драматических и других произведений, а равно лекций и докладов». Радиовещательные организации получали право без особой оплаты устанавливать микрофоны в театральных, концертных и лекционных залах. Это способствовало гораздо большему размаху общественно-политического и художественного радиовещания, а также более широкому использованию радио в целях самообразования слушателей.

В сентябре 1931 г. при Наркомпочтеле создается Всесоюзный Комитет по радиовещанию (ВРК), первым председателем которого стал Ф.Я. Кон. Главным для ВРК было координирование

³ Горчева А.Ю. Пресса ГУЛАГА (1918—1955). — М., 1996. С. 43—45.

⁴ Там же. С. 65.

Центрального и местного вещания, изучение запросов различных групп слушателей. Ставилась задача, чтобы радио могли слушать 50 процентов рабочих квартир и не менее одной трети крестьянских дворов.

Заметные успехи наблюдались и в национальном радиовещании. К 1936 г. вещание сформировалось на Украине, в Закавказье, Туркмении, в октябре 1930 г. возникло в Молдавии, в 1931 г. — в Ташкенте.

В октябре 1929 г. был создан сектор передач на иностранных языках и началось регулярное вещание на немецком языке, в ноябре — на французском, в конце года — на английском языке. В 1933 г. передачи велись на восьми иностранных языках.

Успешно развивалось городское и районное вещание. В 1934 г. в Ленинграде состоялось первое Всесоюзное совещание работников фабрично-заводских радиоузлов. Радио — мощный рычаг пропаганды коммунизма, подчеркивалось в приветствии С.М. Кирова в адрес участников совещания.

Новый этап в истории советского радиовещания начался с появления звукозаписи, когда стало возможным слушать не только прямые, но и записанные на пленку передачи. С появлением звукозаписи можно было не только получать оперативную информацию, но и слышать все, что происходило на стройках: перекрытие рек, живые голоса героев труда. С появлением звукозаписи начал создаваться Центральный фоноархив. Важность появления звукозаписи, особо отмечалось в журнале «Говорит СССР», состоит в том, что «звучания наших дней могут храниться в государственных радиофильмотеках годами, а затем вновь воскрешать исторические речи, звучания дней, отошедших в прошлое»⁵.

Значительно в 30-е годы расширяется охват радиовещанием территории страны. С введением в октябре 1933 г. Второй программы Центрального вещания радиопередачи стали доступны жителям Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока. Для более четкой координации вещания Радиокomiteт в 1936 г., учитывая разницу поясного времени, ввел в действие пять сеток вещания: центрально-европейскую, среднеазиатскую, западно-сибирскую, восточносибирскую и дальневосточную. В феврале 1937 г. была принята единая всесоюзная сетка вещания.

⁵ Говорит СССР. 1932. № 17. С. 9.

В резолюции XVIII съезда ВКП(б) о третьем пятилетнем плане (1938—1942) намечалось дальнейшее развитие радиовещания. Было указано на необходимость в 2,3 раза увеличить количество радиотрансляционных точек. К 1940 году радио имело огромную аудиторию: число радиоточек в стране достигло пяти миллионов.

Во второй половине 30-х годов начинается история советского телевидения: 1 сентября 1938 г. вступил в строй Ленинградский телевизионный центр. В этом же году состоялись опытные телепередачи московского телецентра на Шаболовке. В марте 1938 г. он осуществил передачу кинофильма «Великий гражданин». Однако в предвоенные годы телепередачи носили еще только экспериментальный характер, хотя их регулярные передачи начались 10 марта 1939 г., в дни работы XVIII съезда ВКП(б).

Существенные изменения происходят в издательской деятельности. В 1928—1929 гг. с Госиздатом сливаются издательства Московского Совета и Московского Комитета партии «Новая Москва» и «Московский рабочий», ленинградское издательство «Прибой», а также издательства «Военный вестник», «Долой неграмотность» и др. В 1930 г. с Госиздатом объединяются еще 27 издательств и на его базе создается объединение государственных издательств РСФСР (ОГИЗ), ставшее самым крупным издательским учреждением. Крупнейшими после него являлись Профиздат, издательство Академии наук, издательство «Советская литература». В 1933 г. создается Детгиз.

Самое большое распространение имела общественно-политическая литература. Только в 1938—1939 гг. «Краткий курс истории ВКП(б)» был издан тиражом 16,2 млн экз. на 42 языках, в том числе на русском языке 12 млн экз. «Надо прямо сказать, — заявил на XVIII съезде партии А. Жданов, — что за время существования марксизма это первая марксистская книга, получившая столь широкое распространение»⁶. Миллионными тиражами публиковались произведения В. Ленина и И. Сталина. В 1939 г. двухмиллионным тиражом было осуществлено одиннадцатое издание книги И. Сталина «Вопросы ленинизма», а его отчетный доклад на XVIII партийном съезде был выпущен на 58 языках тиражом 22 млн 300 тыс. экз.⁷.

⁶ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. — М., 1939. С. 531.

⁷ Назаров А.И. Очерки истории советского книгоиздательства. — М., 1952. С. 221.

Значительные изменения произошли в структуре ТАСС: вдвое возросла его корреспондентская сеть, постоянным становится отдел фотохроники, укрепляется международный отдел. Агентство становится участником международного информационного обмена, его соборы представлены в Англии, Франции, США, в некоторых странах Азии и Латинской Америки.

В постановления ЦК ВКП(б) о деятельности информационных средств массовой информации неизменно указывалось на необходимость повышения марксистско-ленинского и профессионального образования журналистов. В 1938 г. при республиканских, краевых и областных школах пропагандистов (в Москве, Ленинграде, Киеве, Баку, Тбилиси, Хабаровске и других городах) появились газетные отделения для переподготовки редакторов районных и многотиражных газет. Была организована двухмесячная практика работников областной и районной печати при редакции «Правды». Высшими учебными заведениями стали Коммунистический институт журналистов им. «Правды» в Москве, Ленинградский государственный институт им. Воровского, который в 1940 г. был переведен с трехлетнего на четырехлетний срок обучения. В Москве по решению ЦК ВКП(б) в 1940 г. для руководящих редакционных работников начал функционировать Центральный кабинет редакторов. Для журналистов издавались журналы «Большевистская печать», «Селькор», «Рабоче-крестьянский корреспондент».

ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕМИТЕЛЬНЫЙ ПРОРЫВ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ. НАСИЛЬСТВЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РЕПРЕССИИ

Годы первых пятилеток — это годы превращения СССР в мощную мировую державу, вышедшую на второе место после США по общему объему промышленного производства. С 1928 по 1941 г. в Советском Союзе в строй вступило около 9000 крупных промышленных предприятий (примерно 600—700 ежегодно)⁸. За короткий срок в нашей стране был налажен массо-

⁸ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. — М., 1991. С. 277.

вый выпуск самолетов, грузовых и легковых автомобилей, тракторов, комбайнов, впервые возникли многие отрасли промышленности. К 1928 г. завершилось строительство Волховской, Штеровской (Донбасс), Земо-Авачальской (Закавказье) электро-

**В. Чкалов с Г. Байдуковым и А. Беляковым.
Их полет длился 63 часа 25 минут без посадки**

станций. Началось возведение Днепрогэса и Сталинградского тракторного завода, были заложены десятки угольных шахт в Донбассе, Подмосковном угольном бассейне, в Сибири. Основным для всей советской журналистики стал лозунг: «Через индустриализацию СССР — к социализму!» Заглавия газетных полос призывают: «Пятилетку в массы!», «Стране нужна сталь!», «Создадим сотни новых социалистических городов!», «Выведем угольный Донбасс на большую дорогу побед!», «От сохи и деревянной бороны — к трактору и первоклассным сельскохозяйственным машинам!». Газеты и радио сообщают о создании первого советского блюминга, о строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги, о пуске Краматорского завода тяжелого машиностроения, знакомят с проектами соединения Волги с Доном. Журналисты пишут об арктическом походе ледокола «Красин», экипаж которого проявил величайший героизм при спасении аэропланов с дирижабля «Италия», потерпевшего аварию при возвращении из полета к Северному полюсу. Самый мощный в мире ледокол, сообщала «Правда» 5 октября 1928 г., достиг таких северных широт, до которых не добирался еще ни один корабль в мире. И в печати, и по радио рассказывалось также о выдающихся успехах летчиков В.П. Чкалова, М.М. Громова, В.В. Коккинаки, С.А. Шестакова. В 1927 г. С.А. Шестаков на самолете «АНТ-3» совершил перелет по маршруту Москва—Токио—Москва, преодолев расстояние в 22 тыс. километров, а спустя два года успешно совершил полет из Москвы в Нью-Йорк через всю Сибирь, Охотское и Берингово моря. Беспрецедентные в мировой истории перелеты С.А. Шестакова, писала японская газета «Токио Асахи», свидетельство не только высокого уровня советской авиации, но и крупнейших успехов работников советской авиационной промышленности.

В июле 1936 г. все газеты сообщали о беспосадочном перелете летчиков В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова, преодолевших 9370 км по маршруту Москва — Земля Франца-Иосифа — мыс Челюскина — Петропавловск-Камчатский — Николаевск-на-Амуре — остров Удд, а через год и печать, и радио сообщали о новом подвиге этого же экипажа, проложившего впервые в мире воздушную трассу через Северный полюс в Америку. Вслед за ними беспосадочный полет из Москвы через Северный полюс в Америку осуществили летчики М.М. Громов,

А.Б. Юмашев и С.А. Данилин. В 1938 г. женский мировой рекорд дальности беспосадочного полета установили летчицы Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова, совершившие перелет из Москвы на Дальний Восток.

Незадолго до войны одна из передовых статей «Правды» имела необычное название «2955». «Эту цифру, — говорилось в ней, — должен запомнить каждый: в СССР в нынешнем году планом предусмотрено строительство 2955 новых и расширение существующих промышленных предприятий. Советская земля покроется новыми заводами и фабриками, домами и мартенами, шахтами и нефтяными промыслами, электрическими станциями и золотыми приисками»⁹. В статье отмечалось, что за первую пятилетку в стране было пущено 1500 промышленных предприятий, а за три года третьей пятилетки в строй вступило уже 2900 фабрик, заводов, шахт, электростанций и других предприятий. И вот в нынешнем году, особо акцентирует внимание читателей «Правда», лишь в течение одного года надлежит построить и расширить 2955 предприятий, ввести в действие новых шахт общей мощностью в 27 млн тонн угля, 1938 нефтяных скважин, 1750 новых мощностей на электростанциях, новые домны общей мощностью 2300 тыс. тонн чугуна и стали в год. «Скоростное строительство должно, наконец, стать основным методом сооружения новых предприятий», — подчеркивалось в заключение статьи.

Нельзя не отметить других достижений, например в народном образовании: к 1937 г. в СССР была ликвидирована неграмотность. В 1931 г. «Правда» впервые стала печататься не только в Москве, но одновременно в других крупных городах страны: Харькове, Тбилиси, Баку, Свердловске, Казани, Новосибирске, Самаре, Владивостоке. В мае 1934 г. в районе Ямских улиц вошел в строй новый полиграфический комбинат «Правды». Небольшая улочка, ответвляющаяся от Ленинградского проспекта, к новому зданию, в которое переехала редакция, получила название «Улица Правды».

Стремительный прорыв в области экономики одновременно сопровождался массовой (насильственной) коллективизацией, раскулачиванием: из сел и деревень было выселено около

⁹ Правда. 1941. 5 марта.

4 млн человек, не менее 3 млн унес разразившийся в 1932—1933 гг. голод. Значительно подорвало сельское хозяйство и то, что на рубеже 30 — 40-х годов прокатилась волна уничтожения хуторов и «кулацких банд», в результате чего число ликвидированных увеличилось еще на 816 тыс.¹⁰

После убийства С.М. Кирова нормой стали массовые репрессии и политические процессы. Начала складываться система лагерей особого назначения, в которых число заключенных уже в 1933 г. составило 300 тыс., а в 1940 — превысило 1,5 млн человек¹¹. Необоснованным репрессиям подверглись Г. Зиновьев, Л. Каменев, Н. Бухарин, А. Рыков, другие партийные и государственные деятели, а также многие выдающиеся ученые, представители культуры, талантливые командиры Красной Армии, в том числе М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, Н.П. Уборевич. Не избежали репрессий и журналисты, в том числе самые известные из них: М. Кольцов, К. Радек, Л. Сосновский. Карла Радека не спасла даже изданная его книга «Зодчий социалистического общества», сплошь заполненная дифирамбами в адрес Сталина, и то, что в последние перед арестом годы ничего не выходило без прославления «великого зодчего социализма» из-под пера этого публициста. В 1936 г. он был арестован и вскоре погиб в тюрьме.

Трагическую судьбу К. Радека разделил и М. Кольцов. Вернувшись в мае 1937 г. из Испании, он вынужден был присоединиться к многоголосому хору клеймивших очередную «банду убийц», на сей раз во главе с Н. Бухариным и А. Рыковым. «Убийца с претензиями» — так был озаглавлен фельетон М. Кольцова, появившийся в «Правде» 7 марта 1938 г., а в декабре этого же года талантливый фельетонист, автор мужественного «Испанского дневника» был арестован и расстрелян.

В скорбном списке погибших в сталинских застенках одним из первых оказался Л.С. Сосновский, публицистика которого уже в середине 1920-х годов составляла многие тома, однако более 50-ти лет находилась под запретом и не была доступна читателям.

И все-таки, именно в 20—30-х годах окончательно сформировалась система советской журналистики, утвердились почти

¹⁰ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. — М., 1991. С. 276.

¹¹ Там же. С. 297.

все формы массовой работы, проявили себя наиболее яркие советские публицисты.

Одной из лучших в годы первых пятилеток была газета «Комсомольская правда», награжденная в 1930 г. орденом Ленина под первым номером. Сообщение об этом событии в газете за 24 мая 1930 г. гласило: «Рабочие и комсомольские организации крупнейших предприятий СССР в своих многочисленных постановлениях просили правительство Советского Союза за неустанную борьбу и работу на всех фронтах социалистического строительства награждать «Комсомольскую правду» первым орденом Ленина».

ФОРМЫ МАССОВОЙ РАБОТЫ

В годы первых пятилеток получили развитие почти все формы массовой работы, использовавшиеся на протяжении всей истории отечественной журналистики советского периода. Многие из них родились при проведении борьбы за режим экономии, снижение розничных цен, за рационализацию производства. Наибольшее распространение получили общественно-производственные смотры, производственные переклички, выездные редакции.

Общественно-производственные смотры. Их особенно успешно проводила «Тверская правда». Редакция взяла под свой контроль многие предприятия города. Самым значительным явился смотр крупнейшего в стране хлопчатобумажного комбината «Пролетарская мануфактура». Во время этого смотра в «Тверской правде» регулярно публиковался «Дневник смотра», 200 экземпляров газеты бесплатно поступали на фабрику, которые расклеивались в наиболее людных местах. Повышению активности масс способствовало и то, что в газете пристальное внимание уделялось не только производству, но и быту рабочих. Под рубрикой «Бытовое» публиковались очерки Б. Полевого «У ткача в гостях», «В рабочих квартирах по приглашению» и др.

Широкий размах общественным смотрам придавала «Правда», начав в декабре 1928 г. всесоюзный смотр производственных совещаний в промышленности и на транспорте. Многие много-

тиражные, окружные, областные, губернские, республиканские и даже центральные газеты активно включились в проведение смотра. Из московских газет раньше всех во всесоюзный смотр «Правды» включился «Гудок», направивший в декабре 1928 г. бригаду журналистов в Воронеж. Представители «Правды» и «Гудка» провели собрание заводского актива, выбрали в цехах смотровые тройки, организовали издание печатной газеты. Во всех цехах завода производственные совещания прошли при значительной активности рабочих: на них присутствовало свыше 1000 человек.

4 мая 1929 г. в статье «Печать организатор масс» «Правда» отмечала: «Смотровая волна прокатилась по всей стране — от Архангельска до Ганджи, от Мурманска до Ашхабада, от Гомеля до Владивостока. Не осталось почти ни одного района, где не был бы организован смотр». В октябре 1929 г. были подведены итоги всесоюзного смотра производственных совещаний, сыгравших известную роль в повышении трудовой активности масс. Премией за организацию лучшего смотра была отмечена многотиражная газета Кольчугинского завода (г. Владимир) «Голос Кольчугинца».

Общественно-производственные переключки. Наряду с общественно-производственными смотрами широко распространились общественно-производственные переключки. И эту форму массовой работы в числе первых применила «Тверская правда». 28 мая 1927 г. в газете появилась рубрика «Митинг миллионной аудитории. Новая форма газетной работы». Будни социалистической стройки, писала редакция, требуют вовлечения многомиллионных масс в обсуждение важнейших проблем реконструкции народного хозяйства. Именно этому и будет служить новый метод газетной работы — «Митинг миллионной аудитории». Два года спустя «Тверская правда» возглавила переключку текстильщиков Твери и Иваново-Вознесенска.

Самый широкий размах производственные переключки получили в «Уральском рабочем», по инициативе которого была проведена урало-сибирская переключка о качестве и стоимости сибирского угля и уральского металла. Она охватила до 40 тысяч рабочих. В переключке кроме «Уральского рабочего» и «Советской Сибири» участвовали пермская «Звезда», «Пролетар-

ская мысль» (Златоуст) и другие уральские и сибирские газеты. «Уральский рабочий» в ходе переклички взял шефство над гигантами советской индустрии Магнитостроем, Березниковским химическим комбинатом, создав на этих стройках отделения редакции.

Выездные редакции. Эта форма массовой работы, возникшая в конце 20-х годов, успешно применялась на протяжении всей последующей истории советской журналистики. В период первых пятилеток выездные редакции направлялись на крупнейшие стройки (Сталинградский тракторный завод, Днепрострой, Горьковский автозавод и т.д.), а также в сельскохозяйственные районы. Выездные редакции выпускали специальные газеты, боевые листовки, плакаты. Первая выездная редакция «Правды», созданная в январе 1929 г. работала на Харьковщине, печатая свои листовки на небольшой плоскопечатной машине «американке», приводившейся в движение ногами. В 1930 г. появился первый специально оборудованный вагон, а вместе с ним возникли первые выездные редакции на колесах, что позволило им бывать буквально на всех крупнейших стройках. Так, возникшие в 1930 г. вагоны редакции «Комсомольской правды», к 1935 г. совершали уже свыше ста рейсов. По всей стране от Дальнего Востока до западных границ пролегли дороги выездных редакций и других газет. Редакция «Крестьянской газеты» в течение 130 дней побывала в селах и деревнях 9 губерний, совершив путь в 5500 километров, получив немало важных сведений для улучшения газеты. В ряде сел побывала в 1929 г. выездная редакция «Труда». «Газета с бостонки расходилась среди крестьян не только как новость, единственная в своем роде в деревне, но и как нечто родное, свое, работающее тут же на глазах у всех»¹², — делились впечатлениями участники выездной редакции в «Журналисте».

Другие формы массовой работы. Не без успеха использовались и такие формы массовой работы, как заочные совещания и конференции, читательские суды над газетами, производственные буксиры, рабселькоровские посты. Заочные совещания и кон-

¹² Журналист. 1929. № 5. С. 149.

Выездная редакция «Московского комсомольца». 1928 г.

ференции наиболее результативно проводили «Рабочая Москва», «Ленинградская правда», «Рабочий край» (Иваново). Редакция газеты «Рабочий край» провела специальную конференцию по огородничеству, в которой приняли участие не только колхозники и агрономы, но и представители губернских учреждений. Конкретные меры по улучшению сельского хозяйства были намечены в ходе заочной конференции читателей саранской уездной газеты «Завод и пашня» (Пензенская губерния) и по лучшей организации городского транспорта на заочной конференции трамвайщиков Москвы, проведенной газетой «Рабочая Москва».

Известную помощь в улучшении работы редакций оказывали «суды» над газетами. В течение двух дней проходил «суд» над газетой «Рабочий путь» (Омск). «Приговор» содержал полезные советы и по тематике газетных выступлений и по их качеству. С пользой для газеты прошел также «суд» над «Бурят-Монгольской правдой».

«Тверская правда» публиковала на своих страницах «Газету для начинающих читать». Целиком одобряя эту инициативу, «Журналист» писал: «Приобщение через такую газету к общественно-политической жизни новых тысяч людей следует горя-

чо приветствовать. Газета для начинающих читать является тем звеном, которого не доставало в нашей печати»¹³.

Формы массовой работы на радио. Наибольшее распространение на радио получили радиопереклички, радиомитинги, радиорейды, выездные редакции. Одной из первых была радиоперекличка текстильщиков московской фабрики им. Калинина и ленинградской фабрики «Веретено», состоявшаяся в апреле 1929 г. В мае того же года Московский радиоцентр транслировал перекличку паровозостроительных заводов Москвы, Харькова, Сормова и Коломны. Активной была деятельность выездных редакций радио. В начале 1932 г. на Макеевском металлургическом заводе действовала выездная редакция Московского радиовещания, взявшего шефство над этим предприятием. Успешно использовались радиосмотры. В марте 1931 г. проводился Всесоюзный смотр весеннего сева и коллективизации, транслировавшийся всеми радиостанциями страны. В ходе смотра на местах проводились рейды ударных бригад, общественные буксирьы, переклички передовиков колхозных полей. Материалы смотра публиковались в газетах «Правда» и «Социалистическое земледелие».

Все более развивалось взаимодействие печати и радио. Газетчики и радиожурналисты провели немало совместных митингов, собраний, перекличек. В конце июля — начале августа 1931 г. печать и радиовещание подготовили всесоюзную перекличку заводов-гигантов, которую транслировали по всему Союзу 57 радиостанций и 3500 радиоузлов. Перекличка активизировала выполнение заказов по поставке оборудования для гигантов пятилетки — Магнитостроя, Кузнецкстроя, Автостроя, Березников, Харьковского тракторного и Уральского машиностроительного заводов. Своеобразным дирижером переклички являлась газета «За индустриализацию» (орган ВСНХ СССР). В ходе переклички редакции газет и радиовещания брали шефство над предприятиями, выпускавшими оборудование для новостроек. «Рабочая Москва» взяла под свой контроль столичные заводы «Динамо» и «Красный пролетарий».

¹³ Журналист. 1930. № 3. С. 73.

БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ. «ЛИСТКИ РКИ»

Неотъемлемой частью кампании по рационализации народного хозяйства являлась борьба за экономный государственный аппарат, за упрощение его структуры. В этой связи печать и радио начали массовый поход против бюрократизма. Особенно широко критика стала развиваться, начиная с 1928 г. По примеру «Правды», в центральных и местных газетах появились «Листки РКИ» под заголовками: «Под контроль масс», «Перо рабкора бьет в цель», «Бюрократов на мушку». К июню 1928 г. они стали неотъемлемой частью уже 50 областных и губернских газет. В большинстве случаев «Листки» выпускались не реже одного раза в неделю.

Еще до появления «Листков» критике бюрократов многие свои фельетоны посвящал М. Кольцов. Примечателен в этом отношении его фельетон «В дороге». «Бюрократизм двадцать шестого года, — писал он, — в нашей стране уже не маленький. Он видал виды, знает, где раки зимуют, умеет прятаться в нору и выходить на добычу в подходящее время. Опасный зверь, хищный и ласковый»¹⁴. Против этого «опасного зверя», умеющего «любезно проталкивать человека в пустоту», в «Правде» был создан сатирический отдел «Каленым пером». Впервые он появился в номере от 3 апреля 1927 г. В газете были помещены материалы «Ау», «Покажите автора», «Семейные рекорды». Редакция клеймила бюрократов на местах, по чьей вине задерживаются ответы на срочные запросы из центра («Ау»), боролась с проявлениями семейственности в советских учреждениях («Семейные рекорды»), с канцелярщиной, с любителями всевозможных анкет и отчетов («Покажите автора»). Бюрократическая отчетность буквально захлестывала наши предприятия. Так, Курский райспирт составил годовой отчет весом в 5 пудов и отправил его в Москву с восемью курьерами, а отчет ленинградского завода «Треугольник» весил 35 пудов, и составлял 22 тыс. листов. Против этого невиданного бумаготворчества, дорого обходившегося государству, печать боролась особенно беспощадно.

С 15 марта 1928 г. в «Правде» вместо отдела «Каленым пером» стал регулярно публиковаться «Листок рабоче-крестьянской

¹⁴ Правда. 1926. 7 ноября.

инспекции — «Под контроль масс». «Листки РКИ» были направлены против равнодушия, сутяжничества, разбазаривания народных средств, всевозможных злоупотреблений. Нередко полоса «Под контроль масс» посвящалась одной теме: проверке приема посетителей в советских учреждениях, борьбе с бесхозяйственностью на строительстве гигантов советской индустрии и т.д.

Нередко в «Листках РКИ» выступали поэты и писатели. С большим материалом «Выставляется первая рама» в «Листке РКИ» 24 марта 1928 г. выступил Н. Погодин. Критикуя дорогое и некрасивое строительство в сибирских городах, он писал: «Весна! Выставляется первая рама! Горько и скучно это звучит в сибирских городах, когда некто сердитый и разочарованный ощупывает серые, перекосившиеся рамы в домах, прошлым годом возделанных»¹⁵. В июле 1928 г. на страницах «Под контроль масс», вышедших под шапкой: «На борьбу за дешевое, хорошее и удобное жилье! Строим без проектов, из плохого материала, неэкономно, неразумно», было опубликовано стихотворение В. Маяковского «Дождемся ли мы жилья хорошего? Товарищи, стройте хорошо и дешево!»...

Листок «Под контроль масс» содействовал чистке госаппарата, проходившей в 1928—1929 гг. Действенно была проведена проверка приема посетителей в московских учреждениях. По материалам этого массового рейда некоторые за грубое отношение к посетителям были сняты с работы.

«Листок рабоче-крестьянской инспекции» регулярно появлялся в «Правде» до середины октября 1930 г. За это время газета опубликовала 140 «Листков». В 1931—1933 гг. их издание возобновилось под названием «Листок ЦКК—РКИ».

По-боевому велась критика бюрократов в газетах «Гудок», «Рабочая Москва», «Крестьянская газета», «Ленинградская правда», «Харьковский пролетарий», «Советская Сибирь». Начиная с января 1928 г., в «Крестьянской газете» постоянным стал отдел «На войну с волокитой и бюрократизмом». «Одними постановлениями и приказами сверху бюрократизм не изжить, — писала редакция. — В борьбе с бюрократизмом должны принимать участие все крестьяне и крестьянки. Успех борьбы с бюрократизмом зависит от того, насколько активно участвуют в

¹⁵ Правда. 1928. 24 марта.

этой борьбе все слои населения»¹⁶. Полоса газеты за 3 января 1928 г. начиналась врезкой: «Неуклонно преследовать всеми мерами, вплоть до привлечения к суду всех служащих государственного аппарата (как коммунистов, так и беспартийных), виновных в пренебрежительном, барском, высокомерном отношении к посетителям». На полосе помещены, главным образом, материалы о волоките. «Прочно засели волокитчики в Ижевском областном лесном отделе, — писал в газету селькор-крестьянин. — Сотней бумажек их не проймешь, ходакам лаптей не наберешься»¹⁷. Газета помещала немало и карикатур, бичевавших проявления бюрократизма.

В мае 1928 г. «Листки РКИ» появились в «Гудке». Редакция подавала материалы под рубриками «Горячая промывка», «Холодный душ», «На свежую воду», «Пожалуйста бритесь».

Действенно против бесхозяйственности, перерасхода в капитальном строительстве выступала «Рабочая Москва». 12 мая 1929 г. «Листок РКИ» озаглавлен: «Не повторим ошибок, стоивших миллионы!». «Под чертой итогов капитального строительства прошлого года, — отмечала газета, — значится солидная цифра перерасхода в 6,5 млн рублей. Бесплановость, волокита, бесконтрольность — вот из таких слагаемых составлена эта цифра. Начало нового строительства года опять не предвещает ничего хорошего. Опять нет точных проектов, не заключены договоры со строительными организациями». Редакция бьет тревогу: пока не поздно не допустить миллионных перерасходов народных средств.

Не оставляла в покое бюрократов и волокитчиков «Тверская правда». Разнообразные рубрики: «В бюрократических лаптях», «Бумагомараки», «Худую траву из поля вон!», заголовки материалов: «Анкетное наваждение», «В бумажном потоке», «По дорожке длинной» (150 верст за получением похоронных) — дают представление о характере борьбы с бюрократизмом в местной печати. Нередко критические заметки сопровождались стихотворными материалами. 19 января 1929 г. «Тверская правда» в корреспонденции «Как они примазываются» обращала внимание на то, что нередко снятые за кумовство и бюрокра-

¹⁶ Крестьянская газета. 1928. 3 января.

¹⁷ Там же.

тизм благополучно устраиваются на работу в других местах. Тут же помещено сатирическое стихотворение «Упрямая репка»:

Сняли Зава. Почистили штат...
Только вскоре, как это ни странно,
Этот весь сокращенный губстат
Очутился под сенью... губплана.
Так же дружной семейкой живут,
Друг за дружку все держатся крепко.
От рабкрина рабочие ждут,
Чтоб он с корнем выдернул репку.

Заслуживают внимания в «Листках РКИ» такие рубрики, как: «В упор» («Уральский рабочий»), «Мы спрашиваем» («Ленинградская правда») — короткие критические заметки которых требовали принятия срочных мер.

Наступательно борьба с бюрократизмом велась и журналистами радиовещания. В 1929 г. «Радиолисток РКИ» с сообщениями о деятельности рабоче-крестьянской инспекции передавался два раза в неделю.

Добиваясь действенности критических выступлений редакции газет создавали специальные бюро расследований. Интенсивную деятельность развернуло созданное в 1927 г. бюро расследований «Ленинградской правды».

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОРГАНИЗАТОР СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Широкое распространение форм массовой работы способствовало разворачиванию массового социалистического соревнования. В 1929 г. «Правда» опубликовала ленинские статьи «Как организовать соревнование?» (20 января) и «Очередные задачи Советской власти» (14 апреля). Обе статьи широко комментировались и в печати, и в радиопередачах. Журналисты незамедлительно включились в осуществление идей по организации массового соревнования. 26 января редакция «Комсомольской правды» весь номер выпустила под заголовками: «Организуем всесоюзное социалистическое соревнование», «Добудем миллионы на индустриализацию». «7 процен-

тов = 700 миллионам», «Снизим себестоимость! Повысим качество!», «Почва подготовлена революционным почином рабочих ячеек».

Инициатива «Комсомольской правды» нашла отклик не только среди молодежи. 31 января со страниц «Рабочей газеты» прозвучал призыв горловских шахтеров о развертывании социалистического соревнования за повышение производительности труда, снижение себестоимости, развитие культурно-массовой работы. Публикуя письмо горловцев, «Рабочая газета» обращалась ко всем угольщикам с призывом включиться в соревнование. Соревнованием шахтеров «Рабочая газета» руководила при непосредственном участии местных газет. В Донбасс, Сибирь (Кузбасс), Подмосковный район, на Урал были командированы представители от редакции. В организации соревнования к «Рабочей газете» присоединились «Луганская правда», выходившие в Донбассе «Кочегарка» и «Диктатура труда». В Сибири для организации соревнования горняков была создана специальная газета «Борьба за уголь».

Мощный толчок развитию социалистического соревнования дала «Правда». 5 марта 1929 г. газета опубликовала письмо рабочих ленинградского завода «Красный выборжец», вызвавших на соревнование по снижению себестоимости все заводы и фабрики Советского Союза. Спустя два месяца в соревнование стали вступать не только отдельные ударные бригады, но цехи и целые заводы. К 24 марта на вызов «Красного выборжца» отозвалось 30 заводов и фабрик, а к 29 марта в соревнование включилось 70 предприятий. На страницах газет центральное место заняли производственные показатели, диаграммы, сводки. По инициативе печати и радио на фабриках и заводах стали создаваться рабочие делегации для обмена опытом работы с соревнующимися предприятиями (шахты Донбасса и Сибири, Лысьвенский завод (Урал) и «Серп и молот» (Москва).

Интенсивную деятельность развивают печать и радио по заключению и выполнению рабочими коллективами социалистических договоров. В кампании по принятию Вседонецкого договора шахтеров участвовали все газеты Донбасса. Подписание договора проходило на 15-тысячном митинге в Горловке. Арбитрами соревнования митинг избрал «Правду», «Рабочую газету» и газету «Коммунист» (Харьков). Число ударников возрастало

с каждым днем: на Урале за 8 месяцев количество ударников с 2 тыс. выросло до 40.

Массовый энтузиазм рабочих и сельских тружеников породил многие формы социалистического соревнования: ударные бригады, ударные смены и цехи, рационализаторские группы, цеховые целевые комиссии и т.д. Развитие соревнования сопровождалось и такими формами, как отработка праздничных дней, увеличение норм выработки. Рабочие Урала, шахтеры Донбасса направляли целые эшелоны для Москвы с продукцией, добытой сверх нормы. Журналисты оперативно распространяют идеи красных эшелонов и красных обозов. По инициативе «Луганской правды» ударные бригады и предприятия отрабатывали в фонд индустриализации воскресники. «Рабочий путь» (Смоленск) проводил кампанию по соревнованию сел и деревень на засевах «десятины индустриализации». За первый месяц соревнования в 1929 г. в фонд индустриализации было засеяно 800 десятин.

Все газеты и передачи радио 6 августа 1929 г. были посвящены Дню индустриализации. «Правда» 6 августа вышла под лозунгами: «Каждый новый процент сниженной себестоимости — это сто миллионов рублей, это новый вклад в строительство гигантов индустрии», «Больше металла, чугуна, стали, машин! Больше тракторов в деревню!», «Через совхозы и колхозы, тракторные станции и колонны укрепим производственную смычку пролетариата с крестьянством». 7 августа «Правда» сообщила, что в День индустриализации на развитие народного хозяйства в Белоруссии поступило пятьсот тысяч рублей, по Северному Кавказу — полтора миллиона, в Саратове — пятьдесят тысяч и т.д.

Повсеместное развертывание соревнования породило идею выполнения первого пятилетнего плана за четыре года.

В конце 1929 г. состоялся первый Всесоюзный съезд ударных бригад. После съезда журналисты нацеливают читателей на дальнейшее повышение производительности труда, призывают переходить от ударных бригад к ударно-образцовым предприятиям.

К февралю 1930 г. число ударников достигло двух миллионов. Провозглашенный первым Всесоюзным съездом ударных бригад лозунг: «От ударных бригад к ударным образцовым предпри-

ятиям» все настоятельнее пропагандируется и в печати, и в радиопередачах. Тематические полосы и развороты газет открывают лозунги-аншлаги: «Нет члена партии вне социалистического соревнования, вне ударных бригад», «Ударное движение — движущая сила социалистического соревнования», «Социалистическое соревнование — основной метод выполнения пятилетки в четыре года» и др. Все настойчивее звучит лозунг, ставший девизом всех производственных коллективов: «Пятилетку — в четыре года»!

В апреле 1931 г. тульские металлисты выступили с предложением развернуть соревнование за досрочное выполнение плана третьего года пятилетки и пуск в 1931 г. 518 предприятий и 1040 МТС. Этот призыв становится постоянным на страницах газет. Под рубрикой «518» стали постоянными передачи Всесоюзного радио с Магнитостроя, с новостроек Ленинграда, со строительства Уралмаша, с других заводов, которые должны были вступить в строй в третьем году пятилетки. В передачах принимали участие многие писатели и поэты, в том числе В.В. Маяковский, А.П. Гайдар, Н.Ф. Погодин.

На завершающей стадии второй пятилетки наиболее важной стала проблема овладения новой техникой. Особое внимание в этой связи журналисты уделяют изотовскому и стахановскому движениям. С первых же месяцев 1932 г. Изотов давал ежедневно по четыре—пять норм. Кое-кто на шахте не прочь был отнести его успехи за счет физической силы. На это он отвечал: «Нет, одной силой уголь не возьмешь! ...Скажу без хвастовства: я даю большую выработку потому, что овладел техникой дела»¹⁸.

В газетах и по радио сообщалось не только о все новых рекордах шахтеров Донбасса, но и о достижениях ивановских ткачих (вичугской фабрики) Евдокии и Марии Виноградовых, машинисте Петре Кривоносе, горьковском кузнеце Александре Бусыгине, об организаторе первой женской тракторной бригады в СССР Прасковье Ангелиной, о мастере высоких урожаев сахарной свеклы Марии Демченко и многих-многих других. И это значительно способствовало дальнейшему развертыванию массового социалистического соревнования.

¹⁸ Правда. 1938. 11 мая.

ОРУЖИЕМ ОЧЕРКА И ФЕЛЬЕТОНА

Советская журналистика конца 20—30-х годов представлена такими именами, как В.В. Маяковский, Л.С. Сосновский, М.Е. Кольцов, Н. Погодин, И. Ильф, Е. Петров. Широкую популярность завоевали в те годы очеркисты А. Колосов, М. Шагинян, Б. Горбатов, фельетонисты К. Радек, Д. Заславский, А. Зорич, Г. Рыклин.

Поистине велико публицистическое наследие А.М. Горького советского периода. Только в «Правде» в 1928—1932 гг. помещено более ста его выступлений, многие из которых перепечатывались в центральных и местных газетах. Главная тема горьковских очерков и статей — советский человек, его героический созидательный труд. Горький искренне восхищался успехами советских людей. В статьях «Мой привет» («Правда», 6—7 ноября 1927 г.), «О новом и старом» («Известия», 30 октября 1927 г.), «Пальцы могучей руки рабочего класса» («Известия», 6 августа 1929 г.), «О пионерах» («Известия», 18 августа 1929 г.) писатель выражает чувство гордости за простых советских рабочих, героев труда, создателей индустрии.

В этот период примечательна не только публицистическая, но и редакторская деятельность выдающегося советского писателя. А.М. Горький являлся организатором и редактором многих журналов, в том числе очеркового журнала «Наши достижения», главная задача которого сводилась к тому, чтобы показать наше строительство «наглядно, убедительно». Журнал выходил с 1929 по 1937 г. В течение всего первого года издания на его страницах публиковались очерки А.М. Горького «По Союзу Советов», в которых запечатлен трудовой героизм советских людей.

Оценивая публицистическое наследие А.М. Горького, необходимо заметить, что всей правды о советской действительности он все-таки не сказал, да и сказать не мог. Когда в 1929 г. один из сопровождавших писателя в поездке по стране спросил его, как же объяснить появление очерка о Соловках, где никакой критики не содержится, Горький ответил: «Там карандаш редактора не коснулся только моей подписи — все остальное совершенно противоположно тому, что я написал и не узнаваемо»¹⁹.

¹⁹ Баранов В.И. Горький без грима. Тайна смерти. — М., 1996. С. 20.

Активная деятельность в печати А.М. Горького способствовала приобщению к газете многих писателей. В годы первой пятилетки появляются очерковые книги «Путешествие в Туркменистан» П. Павленко, «Письма о Днепрострое» Ф. Гладкова, «Советское Закавказье» М. Шагинян, «Туркменские записки» Н. Тихонова, «Кара-Бугаз» К. Паустовского. Большое распространение получил портретный очерк, героями которого становятся передовики труда. В 1931—1932 гг. на страницах «Правды» печатаются художественно-документальные очерки Б. Галина «Петр Долотов и его бригада», «Начальник цеха», В. Ставского «Секретарь партколлектива», Ю. Либединского «Петя Гордюшенко», Б. Горбатова «Мастера» и др.

Из очеркистов-правдивистов следует особо выделить Николая Погодина и Алексея Колосова. В начале 1920 г. молодой рабочий Николай Стукалов опубликовал в ростовской газете «Донская беднота» свою первую заметку за подписью «Николай Погодин». Вскоре он стал работать в «Правде». В течение десяти лет на страницах газеты печатались очерки Н. Погодина. В них рассказывалось о героическом труде нефтяников Баку, златоустовских сталеварах, о строителях медеплавильного завода в Казахстане, о новых людях колхозной деревни. «Меня много гоняла редакция, — вспоминает Н. Погодин. — Долго скитался я по Южному Уралу, и по воспоминаниям о заводских встречах в Златоусте потом была написана пьеса «Поэма о топоре». Долго жил в Иванове, писал о том, как возникла на Одессчине первая в стране тракторная станция. Помню чистое поле на берегу Волги под городом, который тогда назывался Царицыном, где теперь стоит легендарный тракторный. Поле это на моих глазах измерялось и в невиданных в России темпах преображалось в площадь промышленного строительства. В «Правде» тогда был напечатан небольшой очерк «Темп». А через год в театре Вахтангова пошла моя первая пьеса «Темп»²⁰.

Очерки Н. Погодина — очевидца рождения многих гигантов советской индустрии, свидетеля преобразования советской страны, проникнутые светлыми лирическими нотами, жизнеутверждающим юмором, с живыми диалогами были значительным этапом в становлении писателя-драматурга.

²⁰ Погодин Н.Ф. Школа «Правды». Ленинской «Правде» 50 лет. — М., 1962. С. 104.

В первой половине 20-х годов Н. Погодин был единственным спецкором «Правды». Потом пришли Т. Холодный (Т.М. Беляев) и А.И. Колосов. «С Холодным я мог свободно соревноваться, но Алексей Колосов писал лучше меня по глубине и по литературе, — признавался Н. Погодин. — Писал он главным образом о деревне, был признанно честным писателем в широком смысле русской традиционной народности»²¹.

На протяжении почти трех десятилетий, начиная с 1928 г., и до конца своих дней А.И. Колосов, — разъездной корреспондент «Правды». В его очерках множество рядовых колхозников, агрономов, парторгов, комбайнеров, трактористов. Очерки А. Колосова всегда согреты дыханием деревенской жизни, в каждом из них и тонкие пейзажные зарисовки, и запоминающийся диалог, и все это, как писал Б. Галин, не было «той обязательной дозой беллетристики, которую так любят наши газетчики. Нет, у Колосова художественное выражало его потребность и способность видеть зарю, деревенские сумерки, лес, речушку, избу крестьянскую»²².

Сознательно «переводил себя на газетчика» в конце 20-х годов В.В. Маяковский. Его произведения, публиковавшиеся в центральных и местных газетах, поистине являлись стихотворной летописью истории индустриализации нашей страны. Маяковский выступал в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Труде», «Пионерской правде», «Рабочей Москве», «Ленинградской правде», «Уральском рабочем», «Заре Востока», «Бакинском рабочем» и др. Наиболее интенсивно он работал в «Комсомольской правде» — многое писал по заданию редакции, многое предлагал сам. Редакция постоянно привлекала поэта к участию в проводимых ею кампаниях, стихотворения Маяковского нередко публиковались в подборках по определенному вопросу. В отдельных номерах эти подборки, объединенные общим заголовком — шапкой, занимали целую полосу. Темы для выступлений давала сама газета. Поэт находился постоянно в гуще событий, читал свои произведения в Москве, Харькове, Ростове, Тифлисе, Казани, Свердловске, Ленинграде и других городах.

²¹ Там же.

²² Галин Б. Время далекое — товарищи близкие. — М. 1970. С. 236.

С лекционными поездками В.В. Маяковского по стране связано появление цикла стихотворений: «Три тысячи и три сестры», «Екатеринбург — Свердловск», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», «Казань», являющихся живой хроникой жизни городов и людей. Все эти произведения, а также очерк «Рожденные столицы» — проникнуты единой мыслью: привычное, имевшее пренебрежительный оттенок слово «провинция», неприменимо к советским городам. С гордостью патриота писал В. Маяковский о том, как труд и энергия советского человека преобразуют всю страну.

Много было у В.В. Маяковского стихов сатирических. Свою сатиру он направлял против бюрократов, мещан, подхалимов, халтурщиков, сплетников, против всех, «кто зря сидят на труде, на коммунизме». Только в 1928 г. появились его фельетоны «Помпадур», «Халтурщик», «Столп», «Подлиза», «Сплетник», «Ханжа», «Трус» и др. Непримиимо боролся поэт против тех, «творческим методом» которых был принцип побыстрее напечататься. Сам Маяковский стремился как можно ярче и убедительнее, образнее выражать свои мысли.

Кроме В. Маяковского, в печати активно сотрудничали поэты А. Безыменский, А. Жаров, Н. Асеев, С. Кирсанов и др. Оперативно писал в газету Демьян Бедный. Он одним из первых среди литераторов-газетчиков откликнулся на темы индустриализации.

Характеризуя публицистику 30-х годов, Николай Погодин в своих воспоминаниях отмечает: «Что до самой школы «Правды», то школа эта в большей степени определялась ее фельетоном»²³.

Правофланговым советских фельетонистов был Михаил Кольцов (Фридлянд Михаил Ефимович). За 18 лет работы (с 1920—1938 гг.) им опубликовано в «Правде» около 1800 фельетонов. Каждодневная писательская хлопотливая работа доставляла Кольцову, по его признанию, огромное удовольствие. «Вот этак, между делом, — отмечает он в книге «Писатель в газете», — написано уже более пятидесяти печатных листов, обслужено целое десятилетие нашей революции»²⁴. Одним из основ-

²³ Погодин Н.Ф. Школа «Правды». Ленинской «Правде» — 50 лет. — М., 1962. С. 104.

²⁴ Кольцов М. Писатель в газете. — М., 1961. С. 13.

ных принципов в своей работе М. Кольцов считал выбор темы. Отбирайте до бесконечности, — советовал он начинающим журналистам. Выбирайте такой объект для фельетонного удара, который заслуживает его, которым ты действительно попадешь в цель. Фельетонист брал темы, которые интересовали миллионы читателей, мобилизовали на строительство социализма. Мишенью кольцовских фельетонов были бюрократы («Воронежские пинкертоны»), подхалимы («Медвежьи углы»), сутяги («В самоварном чаду»), головотяпы («Свежие воспоминания»), морально опустившиеся типы («Иван в раю», «Устарелая жена»), жулики («Люди с размахом»), — пытавшиеся приспособиться к новому строю.

Выбрав тему, бей наповал — этому правилу всегда следовал фельетонист. «Иначе и быть не может, — утверждал он, — ибо какими-то полуюдарами, полушлепками по каким-то полупроходящим людям настоящий фельетонист не приобретет никакого авторитета и не принесет никакой пользы»²⁵.

Основным методом литературного «делания» фельетонов М. Кольцов считал метод столкновения фактов: столкнуть факты так, чтобы они при соприкосновении дали «некую фельетонную искру». Типичны в смысле использования этого приема фельетоны «Иван в раю», «Воронежские пинкертоны», «Лида, Лиза и Губсуд», «Рельсы красного цвета», «Яблони цветут». Тема фельетона «Воронежские пинкертоны» — бюрократизм в судебных органах, здесь фельетонная искра высекается путем иронического сопоставления советского бюрократа-следователя с буржуазными сыщиками.

Большую заботу проявлял М. Кольцов о том, чтобы в фельетоне было не только ценное содержание, но чтобы и написан он был увлекательно. Ратуя за точность каждой фразы, фельетонист старался полностью освободиться от стремления «жирнее готовить для читателя». «И я, грешный, одно время этим страдал, — признается М. Кольцов. — А теперь стараюсь бороться с этим. Начинаешь писать и ищешь: снег был... мраморный, снег был... фиолетовый, снег был... голубой, снег был... сахарный. А потом вдруг находишь: снег был белый. И когда поймашь «белый снег», то с каким удовольствием хватаешь это слово, и

²⁵ Там же. С. 97—98.

когда вписываешь его — радуешься, а главное — знаешь, что и читатель обрадуется»²⁶.

Сатирический смех и гнев против обывателей, бюрократов, подхалимов вызывали у читателей «Правды» фельетоны А. Зорича (Василия Тимофеевича Локтя). Он пришел в «Правду» в 1922 г. и работал здесь до 1928 г. в бюро расследований. За это время он завоевал всесоюзную известность как автор многочисленных фельетонов и рассказов, печатавшихся в «Правде» и в ряде журналов. Затем работал разъездным корреспондентом газеты «За индустриализацию», а с 1932 по 1937 г. — фельетонистом «Известий». А. Зорич стремился образно представить обстановку, переживания людей, передавал их жесты, диалоги, прибегал к художественному домыслу. Основную цель своих разоблачительных выступлений видел в том, чтобы фельетон взял за живое, чтобы у читателя материал вызывал «боль за те уродства, которые сохранились еще в нашей жизни, и стремление эти уродства пресечь и уничтожить»²⁷.

Фельетоны А. Зорича, направленные против подхалимов («С натуры»), мещан («Общий знакомый»), равнодушных («О человеке»), расточителей государственных средств («О чем рассказывал бухгалтер»), бюрократов («Медаль»), позеров («Елки-палки»), действительно брали читателя за живое.

Типичным для А. Зорича (его метода свободного беллетристического изложения факта) является фельетон «С натуры». Давая зарисовку отдыхающих на Черном море бухгалтера Воронежского финотдела Пестрякова и его жены Манюси, занятых разрешением проблемы, кто же будет назначен в Воронеж заведующим финотделом и как бы суметь угодить будущему начальству, Зорич мастерски высмеял угодничество. Сатириком советского пошехонья метко назвал А. Зорича Д. Заславский.

День за днем разоблачал бюрократов, мещан, обывателей Д. Заславский. По-современному злободневно звучат его фельетоны «Портные особого рода» (против клеветников), «Слон, похожий на веревку» (против обывателей, распространяющих всевозможные нелепые слухи). Важное место в творчестве Д. Заславского занимали статьи и фельетоны на международные темы: «Пять миллионов амазонок», «Язык виконтов и маркиз» и др.

²⁶ Там же. С. 34.

²⁷ Зорич А. Я за «краски». Журналист. 1926. № 11. С. 8.

Немало фельетонистов-сатириков вырастила газета «Гудок». Здесь выступили Ю. Олеша (псевдоним «Зубило»), В. Катаев (псевдоним «Старик Саббакин» и «Оливер Твист»), Илья Ильф, Евгений Петров.

Литературная деятельность И. Ильфа (Ильи Арнольдовича Файзильберга) началась в «Гудке» в 1923 г. Он сотрудничает в отделе «Рабочая жизнь» (более известном под названием «четвертой полосы»), правит рабселькоровские письма. Первые фельетоны, написанные зачастую на материале рабочих писем, публиковались, кроме «Гудка», в журналах «Красный перец», «Смехач», «30 дней». Против организаторов «всякого рода нелепостей» были направлены лучшие фельетоны И. Ильфа — «Диспуты украшают жизнь», «Случай в конторе», «Банкир-бузотер», «Источник веселья», «Новый дворец». Для творческой манеры И. Ильфа характерны точные и неожиданные эпитеты, стремление воплотить сатирическую мысль в острой комической детали: «в конторе по заготовке рогов и копыт», «это было нелогично, но красиво», «человек по фамилии Мармеладов», «профорганизация парикмахеров «Синяя борода», «агроном агро-Удобрягин» и т.д.

Не менее успешно выступал в «Гудке» Евгений Петров (Евгений Петрович Катаев), который пришел в эту газету в 1926 г. (до этого работал в журнале «Красный перец»). До сотрудничества с И. Ильфом опубликовал свыше 50 юмористических рассказов в журналах «Красный перец», «Смехач», «Огонек» и в газете «Гудок». Главное внимание он уделял комическому сюжету. Таковы его рассказы «Беспокойная ночь», «Гусь и украденные доски», «Проклятая проблема», «Рассказ об одном солнце», «Дядя Силантий Арнольдич». Острые сатиры Е. Петров направлял против мещан («День мадам Белополянкиной»), летунов («Энтузиаст», «Знаменитый путешественник»), склочников («Его авторитет»).

Вершиной художественно-публицистического творчества И. Ильфа и Е. Петрова явились их совместные выступления в «Правде», начиная с 1932 г. Фельетоны «Как создавался Робинзон», «Веселящаяся единица», «Равнодушие» и многие другие, близкие к сатирическому рассказу, были «на уровне большой литературы». Нередко И. Ильф и Е. Петров прибегают к гротеску. Сатирическое преувеличение порой доводится до абсурда. В

фельетоне «Клооп» сотрудники учреждения под этим странным названием не знают, зачем оно существует и как расшифровать его сокращенное название. «Такой гротеск — сложное художественное средство. Его может позволить себе только тонкий художник, знающий и понимающий жизнь так глубоко, что фантастика картин не исказит правду, а заострит, подчеркнет ее»²⁸, — замечает исследователь творчества сатириков Л.М. Яновская.

Михаил Кольцов, Илья Ильф, Евгений Петров, А. Зорич, Давид Заславский, произведения которых вошли в золотой фонд советской публицистики, с наибольшей силой выразили лучшие традиции дореволюционного русского демократического фельетона.

ДОВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

К началу 1940 г. писатели и журналисты русской эмиграции находились в тяжелейшем положении. В воспоминаниях Н. Берберовой, относящихся к 1940 г, читаем: «В прошлом году на продавленном диване, на рваных простынях, худой, обросший без денег на доктора и лекарства умирал Ходасевич. В этом году — прихожу к Набокову: лежит точно такой же»²⁹. И все-таки творческий процесс журналистики русского зарубежья продолжался. В конце 20—30-х годов выходили уже получившие читательское признание газеты «Последние новости» П.Н. Миллюкова (Париж), «Руль» И.В. Гессена (Берлин), «Возрождение» П.Б. Струве (Париж), журналы «Социалистический вестник» (Берлин, Париж), основанный Ю.О. Мартовым, «Революционная Россия» В.М. Чернова (Берлин, Прага), «Современные записки» Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова-Фондаминского, М.В. Вишняка, В.В. Руднева (Париж), «Рубеж» М. Рокотова (Харбин, Шанхай). Появилось немало и новых изданий, среди которых газеты «Новая заря» П.П. Васильева, Г.Т. Сухова (Сан-

²⁸ Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове. Их жизни и их юморе. — М., 1969. С. 162.

²⁹ Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. — М., 1996. С. 446.

Франциско), «Наша газета» И.Л. Солоневича (Берлин), «Шанхайская заря» А.Б. Суворина, журналы «Часовой» В.В. Орехова (Париж, Брюссель), «Русские записки» П.Н. Милюкова, «Царский вестник» (Белград), «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) Л.Б. Троцкого (Париж, Берлин) и др.

Весомый вклад в развитие отечественной литературы и публицистики внес журнал «Современные записки», издававшийся с 1920 по 1940 г. В связи с выходом в 1932 г. пятидесятого номера редакция получила многочисленные восторженные приветствия, свидетельствующие об исключительной популярности журнала. «Современные записки», сообщалось во многих поздравлениях, это «подлинный духовный центр эмиграции», «прочный и яркий очаг русской культуры», и его юбилей — неопровержимое свидетельство, что в Зарубежной России «работа в области духа не прекратилась», что «она ведется с большим энтузиазмом и полным сознанием ее ценности не только миллионного населения эмиграции, но и для России»³⁰. Пятьдесят книг «Современных записок», писали в редакцию В.И. Немирович-Данченко и И.С. Шмелев, — «почетно входят в историю русской литературы»³¹.

Именно со страниц «Современных записок» вошли в отечественную литературу такие ее шедевры, как «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Сивцев Вражек» М. Осоргина, «Солдаты» И. Шмелева, многочисленные произведения М. Алданова, Б. Зайцева, А. Куприна, А. Ремизова, В. Сирина (Набокова), а также стихотворные произведения К. Бальмонта, З. Гиппиус, Г. Иванова, Ф. Сологуба, В. Ходасевича, М. Цветаевой. Примечательна и публицистика журнала: авторами статей и очерков были Е. Кускова («Беспризорная Русь», 1929, № 40), П. Милюков («Сталин», 1935, № 59), В. Руднев («Вопросы коллективизации», 1931, № 47), М. Зощенко («Рассказ про одного спекулянта», 1934, № 55).

Журнал был единственным русским ежемесячником, продолжившим традиции отечественной журналистики — публикацию внутренних обозрений. «Без внутреннего обозрения, — отмечалось в первом номере «Современных записок», — журнал

³⁰ Современные записки. 1933. № 51. С. 450.

³¹ Там же.

перестает быть журналом — становится альманахом или сборником статей»³².

Бессменным автором внутренних обозрений, публиковавшихся под заглавием «На Родине», являлся М. Вишняк. В 1920—1924 гг. внутренние обозрения появлялись в каждом номере, затем их становится все меньше, хотя статьи о состоянии литературы в Советской России продолжают публиковаться регулярно. Особый интерес представляют выступления М. Алданова «О положении эмигрантской литературы» (1936, № 61) и М. Цетлина «О современной эмигрантской поэзии» (1935, № 35). Обе статьи воссоздают безрадостную картину жизни русских писателей за рубежом: на свой литературный заработок писатели, за редким исключением, не могут существовать «даже самым скромным образом». Особенно трудно приходилось молодым писателям, о прозе которых журнал пишет, как о «чахлой, растущей без воздуха». И все-таки, хоть оторванность от родной почвы большой минус, заявляет М. Алданов, но, находясь за границей, русские писатели имеют «еще более огромный плюс» по сравнению с теми, кто остался в Советской России. «Самые восторженные поклонники советской литературы не станут утверждать, — акцентирует внимание читателей писатель, — что она свободна. Мы же пишем, что хотим, как хотим и о чем хотим». И заключает: «Эмиграция — большое зло, но рабство — зло еще гораздо худшее»³³.

После вторжения немцев во Францию издание «Современных записок» прекратилось. М. Алданов, М. Цетлин и другие активные сотрудники журнала перебрались в Нью-Йорк, где в 1942 г. основали «Новый журнал». Ставший преемником «Современных записок» журнал продолжает издаваться и в настоящее время: в сентябре 1995 г. вышел его юбилейный, двухсотый номер.

Активную издательскую деятельность в конце 20—30-х годов развернул высланный из СССР Л. Троцкий, выпускавший «Бюллетень оппозиции большевиков-ленинцев». С июля 1929 по август 1941 г. вышло 87 номеров. Журнал издавался тиражом 1000 экз., нередко его единственным автором был Л. Троцкий.

³² Там же. 1920. № 1. С. 206.

³³ Там же. 1936. № 1. С. 402.

Журнал выходил сначала в Париже, затем — в Берлине, с приходом к власти Гитлера снова в Париже, а в связи с началом второй мировой войны издание «Бюллетеня» было перенесено в Нью-Йорк. Последние четыре номера вышли уже после убийства Л. Троцкого.

Непримиримая борьба «за марксизм, за Октябрь, за международную революцию» — так была определена главная задача «Бюллетеня» в первом номере в статье «От редакции». Главными в журнале на протяжении всей его истории были статьи, разоблачавшие «бюрократический абсолютизм» Сталина. «Сталинская бюрократия и убийство Кирова», «Сталинские репрессии в СССР», «Революционные пленники Сталина и мировой рабочий класс», «Испания, Сталин и Ежов» — в этих и многих других статьях утверждалось, что Сталин — «непревзойденный организатор репрессий», разрушил партию, объявил всех сторонников Ленина агентами Гитлера. Вскрывая «все социальные уродства, которые бюрократия взрастила на территории Октября», Л. Троцкий утверждал, что защита Советского Союза немыслима без борьбы за Четвертый Интернационал. Усилия Л. Троцкого по созданию «альтернативного московскому» Интернационала привели к образованию многочисленных троцкистских зарубежных групп. К началу Второй мировой войны они действовали более чем в 40 странах. Понятно, что Сталин, постоянно интересовавшийся эмигрантскими изданиями, особое внимание уделял антисоветской троцкистской пропаганде. В марте 1937 г. по заказу Ежова Сталину был представлен список, включавший более пятидесяти названий троцкистских газет, журналов и бюллетеней, среди которых значились «Красный флаг» и «Борьба» (Англия), «Революция», «IV Интернационал», «Искра», «Красное знамя» (Франция), «Коммунист» (Испания), «Спартакус» (Бельгия). Наибольшее внимание уделялось «Бюллетеню» Л. Троцкого.

С приближением войны на страницах «Бюллетеня» все чаще появляются статьи об огромной опасности для всех народов сближения Сталина и Гитлера. В статьях «Гитлер и Сталин», «Капитуляция Сталина», «Двойная звезда: Гитлер — Сталин» Троцкий заявляет: задача не в том, чтобы «уберечь Сталина от объятий Гитлера, а в том, чтобы низвергнуть обоих».

Достойное место в журналистике русского зарубежья в 30-е годы занимает журнал Н.А. Бердяева «Путь», которому в 1935 г.

исполнилось десять лет. Среди постоянных авторов «Пути» следует назвать С.Н. Булгакова, В.Н. Ильина, Н.О. Лосского, Г.П. Федотова, С.Л. Франка. Такой состав авторов без преувеличения можно назвать «звездной плеядой», благодаря которой, несмотря на широкую известность и высокий авторитет редактора, «Путь» не был журналом «одного лица», а являлся печатным органом сообщества известных российских деятелей культуры: философов, теологов, политологов, социологов, филологов. Н.А. Бердяев как редактор был вполне толерантен и нередко печатал статьи, с которыми не был полностью согласен. В то же время, предоставляя возможность высказываться в журнале своим оппонентам, он последовательно отстаивал свои мировоззренческие позиции.

Кроме «Пути», в числе религиозно-философских изданий можно выделить журналы «Новый град» (ред. Г.П. Федотов, И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун), «Православная мысль» (издание Богословского института св. Сергия в Париже), «Вестник Русского студенческого христианского движения» (Париж).

Самым популярным изданием по-прежнему оставалась газета «Последние новости» П.Н. Милюкова. В марте 1929 г. в связи с его 70-летним юбилеем редакция выпустила два специальных номера со статьями: «Павел Николаевич Милюков», «П.Н. Милюков как журналист», «П.Н. Милюков как политик», «Милюков-публицист», «П.Н. Милюков о газете», «П.Н. Милюков как историк». В этих и других статьях подчеркивалось, что Милюков в числе русских политических деятелей занимает «совершенно особое и исключительное место», а в передовой статье номера за 3 марта говорилось: «Не только приветствовать хотим мы дорогого редактора, а горячо поблагодарить его за то, что за 8 лет своего редакторства нашел он в себе силы, чтобы создать из «Последних новостей» крупное русское национальное дело и объединить вокруг него всех на работе во имя России. Здесь в Париже он создал клочок родной земли, и мы чувствуем, что стоим на нем и из него черпаем силы на нашу совместную дальнейшую работу»³⁴.

Страницы газеты украшали рассказы и очерки И.А. Бунина, А.Н. Толстого, фельетоны Н.А. Тэффи. «Я просто не знаю, как

³⁴ Последние новости. 1929. 3 марта.

мы будем существовать, не читая вас по воскресеньям»³⁵, — писал ей в 1937 г. Амфитеатров.

Ни одно из изданий русского зарубежья не обошло своим вниманием насильственной коллективизации и массовых сталинских репрессий. «В нищих и голых деревнях, — читаем в передовой статье «Социалистического вестника» «Окулачивание и раскулачивание», — объявляют кулаками 10, 15, 20 процентов населения. Лишенные всего, вплоть до одежды, эти тысячи, десятки тысяч средних русских крестьян погружаются в вагоны и целыми поездами транспортируются на крайний север и восток, в особенности в районы лесозаготовок»³⁶. О необоснованных репрессиях и лагерях особого назначения особенно много писал «Руль». В сентябре—октябре 1931 г. в течение месяца печатались подвалами записки бывшего чекиста И. Киселева. Под общим заглавием «Лагеря смерти» были помещены очерки: «Общие сведения», «Путь и первый день в СЛОНе», «Общие условия жизни», «В Соловках», «Соловки в чекистском изображении». 13 октября 1931 г. в газете появился очерк о поездке на Соловки А.М. Горького. Был приказ, пишет «Руль», подготовиться к его приезду: создаются красные уголки, из Москвы присылается всевозможная литература, организуются шахматно-шашечные игры, создаются и выпускаются стенные газеты, писателя «обильно угощали приветственными речами». Последний из очерков заканчивался словами: «Как только Горький уехал, все приняло прежний вид, о котором Максим Горький или не имеет понятия, или имеет, но молчит»³⁷.

Нельзя не отметить, что порой в изданиях русской эмиграции печатались сообщения и о некоторых достижениях в Советском Союзе. 20 апреля 1934 г. «Последние новости» не только сообщили о подвиге челюскинцев, но и поместили фотографии спасших их летчиков Ляпидевского, Леваневского, Водопьянова, Доронина, которыми, заключала редакция, «страна несомненно вправе гордиться». В передовой статье этого номера было сказано: «Нельзя верить в советские достижения в том виде, в каком их изображают большевики при помощи «умытых» цифр. Неправильно также думать, что диктатура убила в стране всякую способность к реальному и полезному делу, всякий порыв

³⁵ Публицистика русского зарубежья / Сост. Кузнецов И.В., Зеленина Е.В. — М., 1999. С. 220.

³⁶ Социалистический вестник. 1930. 15 марта.

³⁷ Руль. 1931. 13 октября.

к творчеству и к подвигу и что поэтому в России вообще никаких достижений быть не может»³⁸.

Советская журналистика конца 20—30-х годов — это, прежде всего, летопись новостроек: Днепрогэса, Уралмаша, Турксиба, Комсомольска-на-Амуре, оперативный рассказ о стахановцах и изотовцах, покорителях Северного полюса, Героях Советского Союза, летчиках, проложивших маршрут СССР — Америка. Постоянно сообщалось также о преодолении технико-экономической отсталости СССР, о других, имевших место успехах: страна, по существу, прекратила ввоз сельскохозяйственных машин и тракторов, торговый баланс СССР к исходу второй пятилетки стал активным и принес прибыль³⁹. Вместе с тем, это был период последовательного подчинения экономики приоритету идеологии, формирования системы тоталитаризма. За период с 1938 по 1953 гг. «Краткий курс» был издан 301 раз общим тиражом 42 млн 816 тысяч экземпляров на 67 языках⁴⁰.

В области журналистики нельзя не отметить того, что именно в конце 20—30-х годов были найдены почти все формы массовой работы, использовавшиеся на протяжении всей истории советской журналистики. Активными авторами центральных и местных газет, радиопередач были выдающиеся советские писатели и публицисты, произведения которых учат журналистов высокому профессиональному мастерству.

Вопросы для повторения

1. Советская печать и радио в условиях административно-командной системы.
2. Центральные отраслевые газеты и журналы 30-х годов.
3. Новые формы массовой работы в печати и на радио.
4. Очерк и репортаж 30-х годов.
5. Ведущие фельетонисты центральной прессы.
6. Публицисты русского зарубежья.

³⁸ Последние новости. 1934. 20 апреля.

³⁹ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. — М., 1991. С. 274.

⁴⁰ Там же. С. 356.

Хрестоматия к главе III

О ПОСТАНОВКЕ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СВЯЗИ С ВЫПУСКОМ «КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)»

Из постановления ЦК ВКП(б)

II

1) Основным недостатком постановки партийной пропаганды является отсутствие необходимой централизации руководства партийной пропагандой и вытекающие отсюда кустарщина, неорганизованность в деле пропаганды.

Кустарничество и неорганизованность в области партийной пропаганды выразились, прежде всего в том, что партийные организации основной формой пропаганды избрали устную пропаганду через кружки, забывая, что кружковый метод пропаганды был свойственен преимущественно нелегальному периоду партии, в силу условий работы партии в то время, и что в условиях Советской власти и при наличии в руках большевистской партии такого мощного орудия пропаганды, как печать, созданы совершенно новые условия и возможности для неограниченного размаха пропаганды и для централизованного руководства ею...

...Необходимо разбить вредный предрассудок, будто учиться марксизму-ленинизму можно только в кружке, тогда как в действительности главным и основным способом изучения марксизма-ленинизма является самостоятельное чтение.

2) Одной из основных причин непомерного раздувания кружковой работы и устной пропаганды вообще, в ущерб пропаганде через печать, явился вредный разрыв в организации печатной и устной пропаганды, нашедший свое выражение в раздельном существовании отделов пропаганды и отделов печати как в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий, так и в аппарате ЦК ВКП(б).

В пропаганде марксизма-ленинизма главным, решающим оружием должна являться печать — журналы, газеты, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место. Печать дает возможность ту или иную истину сразу сделать достоянием всех, она поэтому сильнее устной пропаганды. Расщепление же руководства пропагандой между двумя отделами привело к принижению роли печати в пропаганде марксизма-ленинизма

и, тем самым, к сужению размаха большевистской пропаганды, к кустарничеству и неорганизованности.

Отделы партийной пропаганды и агитации, ограничив свою деятельность устной пропагандой, погнавшись за количеством кружков, не использовали для дела пропаганды партийную печать, и в результате лишили себя возможности руководить пропагандой по существу.

В свою очередь отделы печати, будучи лишены необходимых квалифицированных кадров пропагандистов, которые почти целиком ушли в устную пропаганду, оказались неспособными вести пропаганду марксизма-ленинизма через печать.

3) Важнейшим недостатком в деле партийной пропаганды является пренебрежение со стороны партийных организаций к делу политической подготовки, к делу марксистско-ленинской закалки наших кадров, нашей советской интеллигенции, — кадров партийных, комсомольских, советских, хозяйственных, кооперативных, торговых, профсоюзных, сельскохозяйственных, просветительских, военных, то есть кадров партийного, государственного и колхозного аппарата, при помощи которых управляют рабочий класс и крестьянство Советской страной. Практика нашей партийной пропаганды, сосредоточившись на охвате, главным образом, рабочих от станка, упустила из виду командные кадры — нашу советскую, партийную и непартийную интеллигенцию, состоящую из вчерашних рабочих и крестьян.

«Краткий курс истории ВКП(б)» ставит одной из своих задач положить конец этому дикому, антиленинскому, пренебрежительному отношению к нашей, советской интеллигенции и к нуждам ее политического, ленинского воспитания...

III

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Считать неправильной практику погони за количественным охватом коммунистов кружками сети партпросвещения в ущерб качеству пропаганды, приводящую к дроблению сил и принижению уровня пропагандистской работы.
2. Обязать партийные организации ликвидировать организационное кустарничество в деле партийной пропаганды, установить необходимую централизацию в руководстве ею и перестроить организацию партийной пропаганды таким образом, чтобы обеспечить подъем ее качества, ее идейного уровня.

3. В основу пропаганды марксизма-ленинизма положить «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».
- ...16. В дополнение к системе политической переподготовки руководящих партийных кадров, установленной февральско-мартовским пленумом ЦК ВКП(б), провести следующие мероприятия по переподготовке и подготовке квалифицированных пропагандистских кадров партии:
- а) Организовать годовые курсы переподготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годовые курсы переподготовки пропагандистов, организованные в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годовых курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.
- Общий контингент слушателей всех годовых курсов переподготовки пропагандистов установить в количестве 1500—2000 человек, с тем чтобы в этом составе примерно половину составляли газетные работники.
- б) Организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодичным курсом для подготовки высококвалифицированных теоретических кадров партии.
17. Построить преподавание марксистско-ленинской теории в высших учебных заведениях на основе глубокого изучения «Краткого курса истории ВКП(б)». В связи с этим:
- а) Взамен самостоятельных курсов ленинизма, диалектического и исторического материализма, ввести в вузах единый курс «Основы марксизма-ленинизма», сохранив в учебном плане общее количество часов, отводившееся ранее на социально-экономические дисциплины. Преподавание основ марксистско-ленинской теории в вузах должно начинаться с изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», с одновременным изучением первоисточников марксизма-ленинизма. Преподавание политической экономии должно проводиться после изучения «Истории ВКП(б)».

- б) Вместо ныне существующих отдельных кафедр диалектического и исторического материализма, ленинизма и истории ВКП(б) создать в вузах единую кафедру марксизма-ленинизма.
- в) В университетах и институтах, где имеются факультеты философские, исторические, литературные, сохранить на этих факультетах преподавание курса диалектического и исторического материализма.
- г) Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Всесоюзному комитету по делам высшей школы отобрать к началу учебного 1939—40 года руководителей кафедр марксизма-ленинизма и представить их на утверждение ЦК ВКП(б). Предложить ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам и горкомам ВКП(б) отобрать теоретически подготовленных и политически проверенных преподавателей основ марксизма-ленинизма.
- д) Организовать при Высшей школе марксизма-ленинизма шестимесячные курсы переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма для вузов.

В целях коренного улучшения партийного руководства пропагандой марксизма-ленинизма, ЦК ВКП(б) постановляет:

18. Объединить отделы партийной пропаганды и агитации и отделы печати и издательств ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов ВКП(б) создав единые отделы пропаганды и агитации.
19. Сосредоточить в отделах пропаганды и агитации всю работу по печатной и устной пропаганде марксизма-ленинизма и массовой политической агитации (партийная пресса; издание пропагандистской и агитационной литературы; организация печатной и устной пропаганды марксизма-ленинизма; контроль за идейным содержанием пропагандистской работы; подбор и распределение пропагандистских кадров, политическая переподготовка и подготовка партийных кадров; организация массовой политической агитации).

В основу работы отделов пропаганды и агитации положить практическое проведение в жизнь настоящего решения ЦК ВКП(б).

14 ноября 1938 года
«КПСС в резолюциях и решениях»,
ч. II, стр. 859—875

Общий знакомый

...Значок с красной розеткой на груди — это только жетон общества по охране карася во внутренних водоемах, но выглядит, как орден, и можно лезть с передней площадки; кустики подстриженных усов на губе — как будто капнуло из носу и это так и оставили вместо того, чтобы вытереть платком; длинный ноготь на мизинце, которым попеременно ковыряются в зависимости от потребностей момента, то в зубах, то в ухе, то в носу; язык, засоренный всеми вульгаризмами псевдосоветского жаргона, всеми этими «пока», «от той мамы», «на ять», «на це», «с покрывкой», «с присыпкой», «с накладкой». Где только ни встретишь, где только ни увидишь и ни услышишь этого человека, этот сложный, модернизированный гибрид невежества, пошлости, лицемерия, мещанства, житейской ловкости и чудовищного себялюбия?

Вот он сидит в театре или на концерте — на концерте обязательно с закрытыми глазами, чтобы каждый видел, что он благоговееет. Как же — Лист, Чайковский, Бетховен! Он растроган, он парит в высотах, он потрясен. Но не верьте! Ничего он не потрясен, а просто, томясь от скуки, подсчитывает мысленно и на пальцах, сколько дано на базар и почему мало сдачи, а выйдя, обязательно скажет жене за вашей спиной, когда в ушах у вас и в сердце будет звучать еще трепетная мелодия:

— Да, прекрасно! Какая мощь, какая экспрессия, какая глубина! Но я хочу спросить, милая, вчера на обеде подавали потроха, и было пять пупков. Два мы съели, а где же остальные три? Надо, милая, смотреть за Дашкой: она объедается, как на беконной фабрике...

Нигде он не парит, и если идет «Вишневый сад», и вы почувствуете, как защекочет у вас в горле, когда Фирс бросит свою потрясающую фразу: «Человека забыли!», он зевнет рядом, прикрыв рот программкой:

— Да, это — пьеса! Современным драматургам и не понять, пожалуй, как это можно: четыре акта и ни одного выстрела, и ни одного бранного слова. Ах, Чехов, Чехов, Антон Павлович! Какой талант! Хотя, с другой стороны, смотришь и думаешь: чего, собственно, люди тоскуют? Отчего страдают? Яички у них есть, говядина есть, в молоке хоть купайся... Чего же им еще надо?..

Ничего он не благоговееет и, придя домой, прямо после Бетховена поставит сейчас же «Гоп со смыком» и долго будет, наслаж-

даясь, причмокивать и подпевать: «Гоп со смыком, это буду я!» А потом оглядит стол, потрет руки и скажет: — Огурчики малосольные? О, це дило треба разжувати! Ударим, ударим по огурчикам!

Это тоже его любимое словечко: «ударим по бульончику», «ударим по фрикаделькам»... А ударивши, погладит живот, зевнет и скажет:

— Ну-с, а теперь и храповицкого задать можно.

И ляжет, и захрапит, но как захрапит! С присвистами, с руладами, с вариациями, как будто у него целый джаз в носоглотке размесился. И, если жене станет невыносимо и она растолкает его, удивится: «Милочка, но что же тут такого? Храпел даже Игорь Сервянин».

А вот он ходит по выставке, завернув туда, потому что это делают все и не побывать неудобно, ходит и громко изливает свои чувства, и блещет вслух эрудицией знатока перед каждой картиной. Послушать его, так кажется, будто это, по крайней мере, Игорь Грабарь со значком карасинового ударника на груди. Но не верьте! О, да о чем бы ни зашла речь, у него всегда есть в запасе десяток готовых заученных общих фраз, которыми он прикрывает свое невежество, как фокусник прикрывает салфетками сосуд, чтобы скрыть его пустоту. Искусство? Как же, как же! Репин, например, — помните убийство царевича Ивана? Как гениально раскрыта драма личности! А Серов? Вот кто нашел настоящие краски в тоскливой русской природе! А Куинджи? Вот кто заставляет содрогаться перед лирическим пейзажем! Литература? Как же, как же, Фет, например: «Шопот, робкое дыханье, трели соловья...» Вот она, настоящая романтика бытия! Разве нынешние так пишут? Философия? Ах, как гениально сказал Розанов: «Я не ищу истины, я ищу покоя». О, это навсегда останется близко каждому во все эпохи...

Но на самом деле — какие там чувства, какая эрудиция! И перед картинами он стоит холодным, как поросячий студень, все это вычитано из справочника по Третьяковской галерее; и в действительности больше всего он любит цветную картинку из старой «Нивы» с надписью «Купающаяся нимфа» — берете в руки, имеете вещь. И в области философии он искренне убежден, что Розанов, который написал трактат о цели человеческой жизни, и Владимир Николаевич Розанов, который режет аппендициты, исправляет грыжи в Боткинской больнице, — одно и то же лицо, и если что ему близко тут, так это единственно гоголевский философ Хома Брут, который никогда науками себя не изнуял, но преимущественно курил тютюн и ходил в гости к булочнице. И из всех писателей нынешних он не читал кроме Зощенки — как в бане у кого-то номе-

рок с ноги сперли, а в кухне подрались из-за ежика и нервного инвалида стукнули по кумполу. По кумполу! Над этим он хохотал до упада, и это — единственный образ, который пленил его во всей современной литературе. Да, впрочем, и у Фета-то, кроме этих двух строк, он ничего не знает, старых не читал точно так же, как и новых, и его настоящий вкус — это книжечки, которые продавались раньше из-под полы на Петровке: «Что делает жена, когда мужа дома нема»...

Его невежество прямо поразительно для человека наших дней. Ведь это именно о нем рассказывают, что, когда в его присутствии прочли однажды из Пушкина: «Судите сами, какие розы нам заготовит Гименей» — речь зашла о том, кто же такой этот Гименей, он высказался, что, поскольку тот заготавливает розы, очевидно, это садовник из Лариных. И если имя нерусское как будто — так, очевидно, немца выписали. И это именно он ответил, когда у него спросили, почему пустыня Сахара называется Сахарой: — Наверно, там сахар делают.

— Да нет, там песок!

— Ну, а я разве сказал, что рафинад?

Он вездесущ, он настигает вас всюду, он неумолимо вторгается в поле вашего зрения, ваших мыслей, ваших чувств на каждом шагу, где бы вы ни были, чем бы вы ни занимались.

Вот вы пришли утром на работу, вы развернули свежий газетный лист. Он уже ждет вас и говорит, жуя бутерброд с кетовой икрой: — Привет, привет. Ну, как жизнь молодая? Читали последнюю сводку о вспашке под зябь? Миллион гектаров! О, это увлекательно, как роман, это упоительно, как сказка! Новая деревня может волновать, как мечта!

Ведь он — сочувствующий, и это все должны знать, и он не упустит ни одного случая, когда это можношний раз подчеркнуть. Но, конечно, в своем сочувствии он напоминает того исторического исправника из Елабуги, который в дни Февральской революции послал телеграмму Родзянке: «Двадцать два года состоял скрытым республиканцем, честь имею в нынешние светлые дни поздравить ваше превосходительство». Он сочувствует, но попробуйте-ка отправить его в эту новую деревню, которая упоительна, как мечта! С каким бешенством встретит он это известие, посягающее на его покой, на его квартиру, на его плюшевый зеленый гарнитур «от той мамы», на его двуспальную довоенную никелевую кровать, на которой можно «задавать храповицкого». Как будет возмущаться и негодовать, как неистово будет шипеть:

— Но с какой стати! Но почему именно я? Но по какому праву?

Он поднимет на ноги всех и вся, целую неделю он без устали будет носиться по всем инстанциям, всем надоест, всех измучит, и конечно, в конце-концов его куда-то не пошлют. О, он не из тех, которые поступаются собственным комфортом во имя торжества идей...

Или в какой-нибудь одуряющий весенний день вы выбрались посмотреть восход солнца на Воробьевы горы. Конечно, и он уже там — ведь солнце всходит здесь на большой с присыпкой. И в самую чудесную минуту, когда скользнут первые розовые лучи по застывшей воде и сверкнет первая росистая паутинка на ветвях деревьев, в самую замечательную минуту, когда у вас дрогнет от восторга и радости все существо, он громко скажет сбоку своей спутнице:

— Кр-расота, кто понимает! А вот нарисуй художник, никто и не поверит. Вы любите природу?

Потом заложит уши ватой, чтобы не продуло ветром, и предложит пойти к сторожике в лес, заказать молоко с коржами и яичницу-глазунью. Ударим по глазунье! И, уходя, непременно оставит на ближайшем дереве или скамейке имена для потомства. Не просто какая-нибудь Ольга Павловна или Павел Иванович, нет! Ему нравится, чтобы любимая называла его козлик или пусик, а сам он именует любимую — Люлю, птичка или киска. И напишет: «Люлю и козлик. Июнь 1934». Пусть весь свет знает, что он — романтик и весной наслаждается здесь лицезрением зари!

Или вы вышли погулять в парк — и вот он стоит с компанией где-нибудь в самом людном месте, у фонтана, и, щурясь, оттопырив губу и подрыгивая ногой, раздевает глазами каждую проходящую девушку. О, в своем мужском кругу и внутри себя он никогда не подумает и не скажет о женщине — умна она или глупа, добра или черства, развита или пустовата. Это для него и неважно, и неинтересно. Зато какие у нее ноги, грудь, спина, бедра, это разбирается, это смакуется, это обсуждается со всех сторон, как статья лошади, на которую делается ставка. Он твердо убежден, что нет женщины, от которой в течение недели нельзя было бы добиться взаимности и которая устояла бы перед парой шелковых чулок. И если ему сказать, что женщина, на которую он сощурился, — идеалистка, например, или ей противны пятиминутные адюльтеры, или она верна человеку, которого любит, он только пожмет плечами:

— Что же, если верна, тогда нужно две пары.

Его вкус — это, собственно, парикмахерские гризетки, у которых низкие лбы, шиньоны на висках, которые любят, чтобы мужчины смотрели на них бараньими, осоловелыми глазами, жали им ноги, одевая ботинки, и в патетические минуты говорят, закрывая глаза:

— Как ты красив, проклятый!..

Но это необязательно, и по злой иронии жизни и судьбы большей частью в орбиту его попадают женщины, которые в душевном смысле стоят на десять голов выше его.

Вот они встретились, познакомились, и уже через день он начинает говорить, что стосковался по жизненной красоте, по любви, которая полна духовной близости, и жаждет окунуться в нирвану и видеть небо в алмазах, а жена у него мещанка и, несмотря на все его усилия, не подымеется выше интересов кухни и старого тряпья. Конечно, он врёт! Какие там усилия, какая там нирвана! Достаточно послушать сцены, которыми сопровождает он каждую пережаренную котлету, каждый незаштопанный носок. Глаза у него делаются в эти минуты круглые и злые, голос визгливый, и от волнения он свистит и шипит передним зубом:

— Кажется, я просил! Кажется, я заслуживаю! Или, вы думаете, я женился для того, чтобы наживать изжогу и ходить в носках без пяток?..

Потом, наскоро покончив с духовной нирваной, он переходит к делу и уже говорит волнующим, вкрадчивым шепотом, что в глазах ее есть что-то вакхическое и, когда он смотрит в них, у него начинает кружиться голова, уже философствует, что жизнь коротка и надо ловить мгновенья и уже цитирует с манерой скверного провинциала-любовника стихи: «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым, хочу одежды с тебя сорвать!» Но какая там дерзость! Да он, когда купается, сначала полчаса мочит подмышками, а, увидев в комнате мышь, вспрыгивает на диван или на стол. И голова у него не кружится, потому что слова эти он говорил уже десятки раз, и в эту минуту, наверно, обдумывает, где бы половчей достать боны, или соображает, что сказать жене, если откроется это очередное похождение. Впрочем, тут у него раз и навсегда установлен удобный стандарт, в котором он не трудится даже варьировать ни одной детали. — Но, милая, разве это важно? — говорит он каждый раз, уличенный в обмане. — Биологическое отправление и больше ничего. А сердце бьется в унисон только с твоим, а святая святых всегда будет только в тебе!

И если сказать ему, что так нельзя, что в это надо вкладывать душу, потому что иначе получается свинство, он только усмехается:

— Душа? Дорогой мой, а что есть душа? Пар, коллоидное вещество, и не больше. Об этом даже у Малашкина сказано...

Если стихи не помогают, срочно изменив тактику, он объявляет вдруг, что безумно хочет иметь ребенка. Дети — цветы бытия, дети — это наше будущее, и, боже мой, всю жизнь он мечтал иметь

ребенка! О, он хорошо знает эту струну в душе женщины, на которой можно играть! Но вот это случается, его случайная подруга расскажет ему и вдруг увидит с отчаянием, рухнув сразу с алмазного неба в грязь, как растерянно и блудливо забегают у него глаза, ей станет сразу холодно, и все опустится внутри...

— Да, — скажет он, — конечно... но, знаете ли, нынешние условия... Теснота, шесть долгих и двадцать два коротких, пеленки по талонам дают... Пожалуй, мы и не подумали в те чарующие минуты... Я рад, я растроган, это — мечта всей моей жизни, но имеем ли мы право быть эгоистами? Но будет ли счастливо это дитя, которое я уже люблю?

И опять он врет, потому что у него не шесть долгих и двадцать два коротких, а прекрасная квартира в Арбатском переулке, и не пеленки по талонам, но отличный распределитель с грушами и сигаретками на витрине. Почему, за что, как это удастся устраивать? Он ничем не заслужил этого, он не несет никакой большой работы, он не нуждается в этом по здоровью и не имеет на это никаких прав, но у него всегда есть все, что обеспечивает покой, удобства, комфорт. О, это поразительное искусство брать от жизни все, ничего не отдавая взамен! О, это удивительное умение нырять мгновенно в каждую щель, которая хоть на миг откроется глазам!

Этот человек не упустит нигде и ничего, за что можно ухватиться и что может обеспечить лишнюю крупицу благополучия в жизни. Даже пяти минут времени в очереди, сквозь которую он всегда лезет вперед, жонглируя своим карасиным значком, даже место в трамвае, которое предназначено для инвалидов и в которое он врывается мгновенно, точно припаянный оловом.

— Уступите, гражданин, больному. Ведь человек на костылях.

— Ну, знаете, у меня у самого мозоли.

И не уступит, и еще попросит не толкать костылями, и будет сидеть так, с видом человека, для которого единственно и создан мир, пока не доедет до службы, до кино, до магазина, до стадиона, до одного из тысячи мест, где каждый видит изо дня в день эту мелькающую фигуру...

Ибо он — везде, втираясь ужом, он проникает частицами своей поганой философии и своего морального уродства во все поры нашей жизни, оскверняя дыханием старого все, к чему бы он ни прикоснулся. И, сталкиваясь с ним, хочется сдернуть мишуру его внешних покровов и на глазах у всех посветить ему, по выражению Гейне, в лицо: «Смотрите, он каков, пошляк и шельма наших дней!»...

Известия. 1934. 24 мая

Как создавался Робинзон

В редакции иллюстрированного двухдекадника «Приключенческое дело» ощущалась нехватка художественных произведений, способных привлечь внимание молодежного читателя.

Были кое-какие произведения, но все не то. Слишком много было в них слюнявой серьезности. Сказать правду, они омрачали душу молодежного читателя, не привлекали. А редактору хотелось именно привлечь.

В конце концов решили заказать роман с продолжением.

Редакционный скороход помчался с повесткой к писателю Молдаванцеву, и уже на другой день Молдаванцев сидел на купеческом диване в кабинете редактора.

— Вы понимаете, — втолковывал редактор, — это должно быть интересно, свежо, полно интересных приключений. В общем, это должен быть советский Робинзон Крузо. Так, чтобы читатель не мог оторваться.

— Робинзон — это можно, — кратко сказал писатель.

— Только не просто Робинзон, а советский Робинзон.

— Какой же еще! Не румынский!

Писатель был неразговорчив. Сразу было видно, что это человек дела.

И действительно, роман поспел к условленному сроку. Молдаванцев не слишком отклонился от великого подлинника. Робинзон так Робинзон.

Советский юноша терпит кораблекрушение. Волна выносит его на необитаемый остров. Он один, беззащитный, перед лицом могучей природы. Его окружают опасности: звери, лианы, предстоящий дождливый период. Но советский Робинзон, полный энергии, преодолевает все препятствия, казавшиеся непреодолимыми. И через три года советская экспедиция находит его, находит в расцвете сил. Он победил природу, выстроил домик, окружил его зеленым кольцом огородов, развел кроликов, сшил себе толстовку из обезьяньих хвостов и научил попугая будить себя по утрам словами: «Внимание! Сбросьте одеяло, сбросьте одеяло! Начинаем утреннюю гимнастику!»...

— Очень хорошо, — сказал редактор, — а про кроликов просто великолепно. Вполне своевременно. Но, вы знаете, мне не совсем ясна основная мысль произведения.

— Борьба человека с природой, — с обычной краткостью сообщил Молдаванцев.

— Да, но нет ничего советского.

— А попугай? Ведь он у меня заменяет радио. Опытный передатчик.

— Попугай — это хорошо. И кольцо огородов хорошо. Но не чувствуется советской общественности. Где, например, местком? Руководящая роль профсоюза?

Молдаванцев вдруг заволновался. Как только он почувствовал, что роман могут не взять, неразговорчивость его мигом исчезла. Он стал красноречив.

— Откуда же местком? Ведь остров необитаемый?

— Да, совершенно верно, необитаемый. Но местком должен быть. Я не художник слова, но на вашем месте я бы ввел. Как советский элемент.

— Но ведь весь сюжет построен на том, что остров необита...

Тут Молдаванцев случайно посмотрел в глаза редактора и запнулся. Глаза были такие весенние, такая там чувствовалась мартовская пустота и синева, что он решил пойти на компромисс.

— А ведь вы правы, — сказал он, подымая палец. — Конечно. Как это я сразу не сообразил? Спасаются от кораблекрушения двое: наш Робинзон и председатель месткома.

— И еще два освобожденных члена, — холодно сказал редактор.

— Ой! — пискнул Молдаванцев.

— Ничего не ой. Два освобожденных, ну и одна активистка, сборщица членских взносов.

— Зачем же еще сборщица? У кого она будет собирать членские взносы?

— А у Робинзона.

— У Робинзона может собирать взносы председатель. Ничего ему не сделается.

— Вот тут вы ошибаетесь, товарищ Молдаванцев. Это абсолютно недопустимо. Председатель месткома не должен размениваться на мелочи и бегать собирать взносы. Мы боремся с этим. Он должен заниматься серьезной руководящей работой.

— Тогда можно и сборщицу, — покорился Молдаванцев. — Это даже хорошо. Она выйдет замуж за председателя или за того же Робинзона. Все-таки веселей будет читать.

— Не стоит. Не скатывайтесь в бульварщину, в нездоровую эротику. Пусть она себе собирает свои членские взносы и хранит их в нескраемом шкафу.

Молдаванцев заерзал на диване.

— Позвольте, несгораемый шкаф не может быть на необитаемом острове!

Редактор призадумался.

— Стойте, стойте, — сказал он, — у вас там в первой главе есть чудесное место. Вместе с Робинзоном и членами месткома волна выбрасывает на берег разные вещи.....

— Топор, карабин, бусоль, бочку рома и бутылку с противоязвотным средством, — торжественно перечислил писатель.

— Ром вычеркните, — быстро сказал редактор, — и потом, что это за бутылка с противоязвотным средством? Кому это нужно? Лучше бутылку чернил! И обязательно несгораемый шкаф.

— Дался вам этот шкаф! Членские взносы можно отлично хранить в дупле баобаба. Кто их там украдет?

— Как кто? А Робинзон? А председатель месткома? А освобожденные члены? А лавочная комиссия?

— Разве она тоже спаслась? — трусливо спросил Молдаванцев.

— Спаслась.

Наступило молчание.

— Не-пре-мен-но! Надо же создать людям условия для работы. Ну, там графин с водой, колокольчик, скатерть. Скатерть пусть волна выбросит какую угодно. Можно красную, можно зеленую. Я не стесняю художественного творчества. Но вот, голубчик, что нужно сделать в первую очередь — это показать массу. Широкие слои трудящихся.

— Волна не может выбросить массу, — заупрямился Молдаванцев. — Это идет вразрез с сюжетом. Подумайте! Волна вдруг выбрасывает на берег несколько десятков тысяч человек! Ведь это курам на смех.

— Кстати, небольшое количество здорового, бодрого, жизнерадостного смеха, — вставил редактор, — никогда не помешает.

— Нет! Волна этого не может сделать.

— Почему волна? — Удивился вдруг редактор.

— А как же иначе масса попадет на остров? Ведь остров необитаемый?!

— Кто вам сказал, что он необитаемый? Вы меня что-то путаете. Все ясно. Существует остров, лучше даже полуостров. Так оно спокойнее. И там происходит ряд занимательных, свежих, интересных приключений. Ведется профработа, иногда недостаточно ведется. Активистка вскрывает ряд неполадок, ну хоть бы в области собирания членских взносов. Ей помогают широкие слои. И раскаявшийся председатель. Под конец можно дать общее собрание. Это получится очень эффективно именно в художественном отношении. Ну, и все.

— А Робинзон? — пролепетал Молдаванце.

— Да. Хорошо, что вы мне напомнили. Робинзон меня смущает. Выбросьте его совсем. Нелепая, ничем не оправданная фигура нытика.

— Теперь все понятно, сказал Молдаванцев гробовым голосом, — завтра будет готово.

— Ну, всего. Творите. Кстати, у вас в начале романа происходит кораблекрушение. Знаете, не надо кораблекрушения. Пусть будет без кораблекрушения. Так будет интересней. Правильно? Ну и хорошо. Будьте здоровы!

Оставшись один, редактор радостно засмеялся.

— Наконец-то, — сказал он, — у меня будет настоящее приключенческое и притом вполне художественное произведение.

Правда. 1932. 27 октября

Равнодушие

В том, что здесь будет рассказано, главное — это случай, происшедший на рассвете.

Дело вот в чем.

Молодые люди полюбили друг друга, поженились, говоря высокопарно — сочетались браком. Надо заметить, что свадьбы — вообще нередкое явление в нашей старане. Сплошь и рядом наблюдается, что люди вступают в брак, и дружеский обмен мнениями, а равно звон стопочек на свадьбах затягиваются далеко за полночь.

В изящной литературе эти факты почему-то замалчиваются. Будущий исследователь, может быть, никогда и не узнает, как объяснялись в любви в 1932 году. Было ли это как при царском режиме («шепот, робкое дыханье, трели соловья») или как-нибудь иначе, без соловья и вообще без участия пернатых. Нет о любви сведений ни в суперпроблемных романах, написанных, как видно, специально для потомства, ибо современники читать их не могут, ни в эстрадных номерах, сочиненных по бригадно-лабораторному методу ГОМЭЦа.

Разговор о любви возвращает нас к случаю на рассвете.

В семье художника ожидали ребенка. Роды начались немного раньше, чем предсказывали акушеры. Это бывает почти всегда. Начались они в самое неудобное время — в конце ночи. Это тоже бывает всегда. Все шло стремительно. Родовые схватки возникали через каждые десять минут. Жену надо было немедленно везти в родильный дом. Первая мысль была о такси.

А телефона в квартире не было. Свою биографию художник мог бы начать фразой, полной глубокого содержания: «Я родился в 1901 году. Телефона у меня до сих пор нет». Эта спартанская краткость дает возможность пропустить длительные описания того, как художник подавал заявления в абонементное бюро, подговаривал знакомых, интриговал и ничего не добился.

Итак, на рассвете он ворвался в чужую квартиру и припал к телефонной трубке. Он много читал о ночных такси, которые являются по первому зову желающего, а номер гаража — 42—21 — художник знал на память уже три месяца. Он был предусмотрителен. Он учел все.

Но из гаража мягко ответили, что машин нет. Ночные такси свою работу уже закончили, а дневные еще не начинали.

— Но у меня жена, роды.....

— С десяти часов, гражданин.

А было семь.

«Скорая помощь» на такие случаи не выезжает. Художник это знал. Он все знал. И тем не менее ему было очень плохо. Он побежал на улицу.

Натурально, никаких приборов для передвижения в этот час утра столица предоставить не могла. Трамваи еще только вытягивались из депо (к тому же трамвай никак сейчас не годился), а извозчиков просто не было. Где-то они, вероятно, толпились у вокзалов, размахивая ручищами и пугая приезжих сообщениями о цене на овес.

Художник оторопел.

И вдруг — радость сверх меры, счастье без конца — машина, и в ней два добрых шофера. Они благожелательно выслушали лепет художника и согласились отвезти его жену в родильный дом.

С великими предосторожностями роженицу свели с четвертого этажа вниз и усадили в машину. Художник очень радовался. В памяти помимо воли всплывали какие-то прошлые прописи: «Свет не без добрых людей», «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» и, совсем уже не известно почему: «Терпенье и труд все перетрут». Машина тронулась. Теперь все должно было пойти хорошо. Но все пошло плохо.

Автомобиль пробежал десять метров и остановился. Заглох мотор.

И такое дьявольское невезение! До родильного дома всего только пять минут езды. Но было видно по шоферам, которые начинали злиться, что они потеряли власть над машиной, что она пойдет не скоро. А у жены схватки возникали уже через каждые две минуты. Ждать было бессмысленно. Художник выскочил из автомобиля и снова побежал. От Кропоткинских ворот он бежал до самого Ар-

бата. Извозчиков он не встретил, но по Арбату машины проходили довольно часто.

Что же вам сказать, товарищи, друзья и братья? Он остановил больше пятидесяти автомобилей, но никто не согласился ему помочь. Событие это настолько мрачное и прискорбное, что не нуждается ни в подчеркивании, ни в выделении курсивом. Ни один из ехавших в тот час по Арбату не согласился уклониться в сторону на несколько минут, чтобы помочь женщине, рожаящей на улице.

Сначала художник стеснялся. Он бежал рядом с машиной, объяснял на ходу свое горе, но его даже не слушали, не останавливались, хотя видели, что человек чем-то чрезвычайно взволнован.

Тогда он стал действовать решительней. Ведь уходило время. Он сошел на мостовую и загородил дорогу зеленому форду. Сидел в нем человек, довольно обыкновенный и даже не со злым лицом. Он выслушал художника и сказал:

— Не имею права. Как это я вдруг повезу частное лицо? Тратить казенный бензин на частное лицо!

Художник стал что-то бормотать о деньгах. Человек с незлым лицом рассердился и уехал.

Бежало по улице полуразвалившееся такси. Шофер попытался обогнуть бросившегося навстречу художника, но художник вскочил на подножку, и весь последовавший затем разговор велся на ходу.

В такси ехала веселая компания. Людей там было много — четверо с девушкой в купе (один — на чужих коленях), а шестой рядом с шофером (он-то и оказался потом главная сволочь). На молодых долдонах были толстые, как валенки, мягкие шляпы. Девушка, болтушка-лепетушка, часто, не затягиваясь, дымила папироской. Им было очень весело, но как только они слышали просьбу художника, все сразу поскучнели и отвечали противными трамвайными голосами. Но от просителя было нелегко отделаться.

— Ну что вам стоит, — говорил он, — ведь вы не очень торопитесь! Ведь такой случай.

— То есть как — что нам стоит? — возражали из машины. — Почему ж это мы не торопимся?

— Но ведь вам не на вокзал. Пожалуйста!

— Вам пожалуйста, другому пожалуйста, а мы два часа такси искали.

— На десять минут! Через десять минут я вам доставлю машину назад.

Долдоны упорно говорили, что они никак не могут и что лучше их даже не просить.

— Подумайте, она каждую минуту может родить!

— Ей-богу, он нас считает за пижонов! Что это такое, в самом деле? Уже в такси толкаться начинают!

— В конце концов я могу требовать! — настаивал художник.

— Ну, это уже нахальство, — заметила болтушка-лепетушка.

Тогда обернулся молчавший до сих пор шестой, тот, который сидел рядом с шофером. Он задрожал от гнева.

— Хулиган! — завизжал он на всю улицу. — Сойдите с подножки, я вам говорю. Он еще будет требовать, мерзавец!

И он высунулся из машины, чтобы сбросить художника на ходу.

Машина завернула на Смоленский рынок, грозя завести художника черт знает куда, и он соскочил.

Ах, как хотелось драться, поносить долдонов различными благородными словами! Но было некогда.

Он увидел машину, остановившуюся у обочины. Счастливый отец высаживал на тротуар жену и двоих детей. Художник бросился к нему.

Надо сказать, что по природе своей он был человек не застенчивый, скорее даже натура драматическая. Он умел убеждать и волновать. И сейчас он без стеснения заговорил так называемыми жалкими словами, которые вызывают слезы в театре и которыми так стыдно пользоваться в быту.

— Вы — отец, — говорил он, — вы меня поймете. У вас у самого маленькие дети. Вы счастливы, помогите мне!

В театре счастливый отец заплакал бы. Но здесь поблизости не было занавеса с белой чайкой, не было седых капельдинеров. И он ответил:

— Товарищ, мне некогда. Я опоздаю на службу.

— Я заклинаю вас, — молил художник, — понимаете, заклинаю! Во имя...

— Товарищ, я все понимаю, но у меня нет ни одной минуты свободного времени. Позвольте мне войти в машину.

— Ну, хорошо, — сказал несчастный, перейдя почему-то на шепот: — Ну, если река и тонет человек, что вы сделаете?

— Товарищ, я так занят, что два года не был в кино, даже «Путевки в жизнь» не видел, а вы... буквально нет ни одной минуты.

Художник опять остался один. Снова он бежал за кем-то, прижимая руки к груди и бормоча:

— Русским языком заклинаю вас!

Снова он вскакивал на подножки автомобилей, упрашивал, предлагал деньги, произносил речи, грозил или плакал, и — вы знаете — это не действовало. Оказалось, что все очень заняты делами, не терпящими отлагательства. И машины катились одна за другой, и не было в эту минуту силы, которая могла бы их свернуть с предначертанного пути.

Ленин, погруженный в работу, громадную, неизмеримую, находил время, чтобы узнать, как живут не только его ближайшие товарищи, но и люди, которых он видел мельком, несколько лет назад, — не нужно ли им чего-нибудь, здоровы ли они, не мешает ли им кто-нибудь работать и жить.

А у этих пятидесяти человек, которые, конечно, считают себя исправными жителями социалистической страны, не нашлось ни времени, ни желания, чтобы выполнить первейшую обязанность члена коллектива и гражданина Советского Союза — броситься на помощь.

Это не изящный вымысел писателя, а история, происшедшая этим летом в Москве.

Как жалко, что номера машин остались неизвестными, что нельзя уже собрать всех этих безумно занятых людей, собрать в Колонном зале Дома союзов, чтобы судить их всей страной с прожекторами, микрофонами-усилителями, с громовой речью прокурора, судить как отчаянных врагов социалистического общества за великое преступление — равнодушие¹.

О равнодушие! С ним всегда встречаешься неожиданно. Созидательный порыв, которым охвачена Советская страна, заслоняет его. Равнодушие тонет в большой океанской волне социалистического творчества. Равнодушие — явление маленькое, но подлое. И оно кусается.

Был дом, счастливый дом, семьдесят две квартиры, семьдесят две входных двери, семьдесят два американских замка. Утром жильцы уходили на работу, вечером возвращались. Летом уезжали на дачи, а осенью приезжали назад.

Ничто не предвещало грозы. О кражах даже не думали. В газетах отдел происшествий упразднен, очевидно за непригодностью уголовной тематики. Возможно, что какое-нибудь статистическое

¹ Вот конец этой истории. Он нашел машину. Не важно, какая она была — пятьдесят вторая или пятьдесят третья. Важно лишь то, что ее пассажир не заставлял себя просить, а тотчас же согласился помочь, хотя ехал по делу весьма значительному. Финиш был совсем неожиданный. На месте происшествия художник не нашел ни замороженной машины, ни жены. Он не нашел ее также в родильном доме. Только тогда он догадался вернуться домой. Оказалось, что жена ждать не могла, потащилась на свой четвертый этаж и немедленно родила у себя в комнате. Ребенка принимали перепуганные соседки. Пуповину перерезали обыкновенными ножницами, которые впопыхах забыли хотя бы вытереть спиртом. Ожидали заражения крови, гибели матери, гибели ребенка. Но тут наконец повезло — все окончилось благополучно. Одна беда: ожидали мальчика, а родилась девочка. Но это уже общественного значения не имеет. (Прим. авторов).

ведомство и выводит раз в год кривую краж, указывающую на рост или падение шнифа и домушничества, но граждане об этом ничего не знают. Не знали об этом и жильцы счастливого дома в семьдесят две квартиры, запертые семьюдесятью двумя массивными американскими замками — производство какой-то провинциальной трудовой артели. Отправляясь в свои предприятия и учреждения, жильцы беззаботно покидали квартиры.

Сперва обокрали квартиру номер восемь. Унесли все, кроме мебели и газового счетчика. Потом обокрали квартиру номер шестьдесят три. Тут захватили и счетчик. Кроме того, варварски поломали любимый фикус. Дом задрожал от страха. Кинулись проверять псевдоамериканские замки, изготовленные трудолюбивой артелью. И выяснилось. Замки открываются не только ключом, но и головной шпилькой, перочинным ножиком, пером «рондо», обыкновенным пером, зубочисткой, ногтем, спичкой, примусной иголкой, углом членского билета, запонкой от воротничка, пилкой для ногтей, ключом от будильника, яичной скорлупой и многими другими товарами ширпотреба. К вечеру установили, что если дверь просто толкнуть, то она тоже открывается.

Пришлось завести семьдесят третий замок. Это был человек-замок, гражданин пятидесяти восьми лет, сторож по имени Евдоким Колонныч. Парадные подъезды заколотили наглухо. И сидит теперь старик Колонныч при воротах, грозя очами каждому, кто выходит из дома с вещами в руках. И платится Колоннычу жалованье. И уже закупается Колоннычу на особые фонды громаднейший тулуп для зимней спячки. И все же дом в страхе. И непрерывно в доме клянут ту буйную артель, которая бросила на рынок свое странное изделие.

А ведь артель знает, что ее продукция отмыкается и пером «рондо», и простым пером, и вообще любой пластиночкой. И работники прилавка знают. И начальники торгсектора в курсе. И все-таки идет бойкая торговля никому не нужным миражным замком — продуктом полного равнодушия.

Чья равнодушная рука забросила в ялтинские книжные магазины одни лишь медицинские труды, так что на благовонных крымских берегах духовная пища состоит исключительно из сумрачного изложения основ гистологии, детального описания суставного ревматизма, золотухи, язвы желудка и стригущего лишая?

Иногда в трамвае, пересекающем Свердловскую площадь, остолбенелому взору потомственного почетного горожанина предстает отечески увещевающий картонный плакат:

Коль свинью ты вдруг забил,
Шкурку сдать ты не забыл?

За нее, уверен будь,
Ты получишь что-нибудь!

В проникновенном куплете, изготовленном по бригадно-лабораторному методу ГОМЭЦа, вам, московские трамвайные пассажиры, предлагают сдавать свиные шкуры.

Хорошо, посмотри. В вагоне двадцать восемь мест для сиденья, шесть мест на задней площадке, разговаривать с вагоновожатым воспрещается, пройдите вперед, там совсем свободно, итого, следовательно, двести сорок пять человек в различных прихотливых позах. Кто ж из них мог бы вдруг забить свинью?

Вот этот, в парадной толстовке, читающий журнал «Рабис»? Или маляр с кистью, закутанной в газетную бумагу? Или две девочки, напуганные отчаянно пихающимися взрослыми дядями и тетями? Или сами дяди и тети, уже начавшие извечную склоку насчет того, кто ходит в шляпе, кто «дурак» и кто «сама дура»?

Товарищи, друзья и братья! Разве похож московский трамвайный пассажир на свинодержателя или поросятовладельца? Не отнесится ли плакат скорее к деревне? Чья же равнодушная лапа наводнила им шумную столицу?

Это все тот же человек из ведомости, безразличный ко всему на свете, пугающийся даже мысли о том, что можно потратить пол-литра казенного бензина, чтобы спасти женщину, рожаящую на улице. Его кислая одышка слышится рядом с молодым дыханием людей, строящих мир заново.

Так открывается вдруг цепочка унылых людей, работающих только для видимости, комариная прослойка граждан, связанных с коллективом исключительно ведомостью на жалованье.

Человек из ведомости хитер. Если спросить его, почему он так равнодушен ко всему на свете, он сейчас же подведет под свое равнодушие каменную идеологическую базу. Он скажет преданным голосом:

— Это все мелочи — замочки, детки, всякая ерунда. Надо смотреть шире, глубже, дальше, принципиальнее. Я люблю класс, весь класс в целом, а не каждого его представителя в отдельности. Интересы отдельных единиц не поколеблют весов истории.

Вот маска человека из комариной прослойки. На деле он любит только самого себя (и ближайших родственников — не дальше второго колена).

По своей толстовочной внешности и подозрительно новеньким документам он — строитель социализма (хоть сейчас к фотографу!), а по внутренней сущности — мещанин, себялюбец и собственник.

Правда. 1932. 1 декабря

К вопросу о тупоумии

В небольших комнатах правления Еланского потребительского общества бурлила деловая суета. Входная дверь оглушительно хлопала, впуская и выпуская посетителей с брезентовыми портфелями. В прихожей четвертый раз разогревали чайник для руководящего персонала.

Ответственный кооператор товарищ Воробьев высунулся из кабинета в канцелярию.

— Как же с телеграфной директивой? Уже который день собираемся спустить ее в низовую сеть. Дайте текст на подпись.

Ему принесли листочек с текстом. В конце директивы бодро синели мужественные слова:

«...усильте заготовку».

— А номер? Директиву без номера спускать не приходится.

Листок порхнул в регистратуру и вернулся с мощным солидным номером.

«...усильте заготовку 13 530».

Воробьев обмакнул перышко, строго посмотрел на лишнюю каплю чернил и, презрительно стряхнув ее, поставил подпись вслед за номером.

Директиву спустили. Она скользнула по телеграфным проводам, потом ее повезли со станции нарочные по селам.

Нарочные мерзли, они кутали сизые носы в пахучие овчины, директиве было тепло, она лежала глубоко за пазухой у нарочных.

Уполномоченный районного потребительского общества в Ионове-Ежовке расправил телеграфный бланк и звонко до конца прочел уполномоченному райисполкома приказание высшего кооперативного центра:

— «...усильте заготовку 13 530 воробьев». Понял?

— Понял. Только в конце не расслышал. Чего там усилить заготовку?

— Сказано — тринадцать тысяч пятьсот тридцать штук. Понял?

— Так-так-так-так-так... Ясно. И много их, воробьев, надо заготовить?

— Сказано — тринадцать тысяч пятьсот тридцать штук. Понял?

— Так-так-так-так! Ясно, ясно. А подпись чья?

— Подписи нет. Да и к чему подпись? Дело простое: усилить заготовку тринадцати с половиной тысяч воробьев. Придется, дорогой товарищ, это дельце спешно провернуть. Вызывай председателя.

Ионово-ежовский председатель, осведомившись о полученной директиве, нахмурился, но не сплеховал. Он сказал прямо и открыто, что заготовка воробьев для ионово-ежевцев дело новое. Всякое заготавливали, но чего не заготавливали, того не заготавливали. Воробьев не заготавливали. Однако заготовить можно, ионово-ежовцы не подкачают. Дело повернуть можно, надо только поднять дух, воодушевить массу.

Председатель совета, совместно с двумя районными уполномоченными — исполкомским и кооперативным, устроил заседание актива. Перед активом были сделаны доклады о последних директивах по заготовке воробьев.

Далее последовало общегражданское собрание всей Ионово-Ежовки. Часть единоличников, вначале сильно встревоженная, узнав, что дело идет только о воробьях, пришла в приподнятое и даже веселое настроение. Один из граждан выразил это даже в виде краткой речи, под легкий смех в зале:

— Чего-чего, а воробьев заготовим. Воробьев нам не жалко.

Смех показался президиуму подозрительным. Председатель собрания наставительно и сурово сказал:

— То-то же!

Дальше работа шла как по маслу. Население подошло к заготовке воробьев поистине как к важнейшей ударной и срочной кампании. Распоряжением местных властей были привлечены к работе не только взрослые, но и дети.

В целях успешного выполнения контрольного задания заготовки проходила не только днем, но и ночью. При фонарях.

В самый разгар воробьиных заготовок в Ионово-Ежовку приехали по другим делам районный прокурор Карлов, народный судья Семеркин, представитель районной милиции Дзюбин, бригада райисполкома по обследованию местной работы. Ежовцев они нашли в больших заботах.

— Немножко невпопад вы приехали. У нас сейчас воробзаготовки.

— Чего?

— Заготовки воробьев. Ну и цифру вы там в районе нам вкатили. Тринадцать с половиной тысяч! Не знаем, как и вылезем. Хорошо еще, население проявляет активность.

Районные вожди ничего не слышали насчет воробьев. Но каждый из них в отдельности не счел нужным показывать свою оторванность от текущих политико-хозяйственных задач. Каждый смолчал. А кое-кто даже проявил отзывчивость:

— Вы себе заготавливайте, а мы пока будем тут сидеть, тоже можем, чем сможем.

Присутствие гостей из района внесло особый подъем в заготовительную работу. Кто-то приехал из соседнего села, из Александровки. Там тоже получили директиву из Елани, тоже приступили к заготовкам, но обратились в центр с ходатайством снизить контрольную цифру. Ежовцы торжествовали:

— Забили мы Александровку! В бутылку загнали! Отстали александровцы к чертям собачьим. А мы, еще того гляди, перевыполним задание!

Потом произошло бедствие. В амбар, где содержались две тысячи живых заготовленных воробьев, проникли кошки и съели двести штук.

По этому поводу был созван особый митинг протеста. На митинге уполномоченный райисполкома, зловеще поблескивая очками, сказал:

— Тот факт, что кошки съели двести воробьев, мы рассматриваем как вредительство, как срыв боевого задания государства. За это мы будем кого следует судить. Но при этом мы должны на действия кошек ответить усиленной заготовкой воробьев.

Возник еще ряд острых проблем. Для выяснения их инструктор потребительского общества товарищ Енакиева срочно выехала в Елань.

Она, Енакиева, явившись в район, в правление, заявила:

— По линии заготовки воробьев я приняла на себя личное руководство. Заготовка проходит в общем и целом удовлетворительно. Но имеются неразрешенные вопросы, по каковым я сюда специально и приехала. Во-первых, крестьяне интересуются, какие заготовительные цены, а нам, кооператорам, цены неизвестны. Во-вторых, узким местом является отсутствие тары. Кстати, важно выяснить и такой вопрос: в каком виде заготавливать воробьев. Живых или битых? Надо бы поделиться опытом других организаций. Мы, например, производим в настоящее время заготовку живьем. Для чего разбрасываем просо, как приманку, а также в качестве приманки разбрасываем кучками хворост на гумнах... По получении нами заготовительных цен, равно тары, заготовка, безусловно, пойдет более интенсивным порядком. Необходимо также выяснить...

Докладом товарища Енакиевой и последовавшим затем скандалом заканчивается история о воробьиных заготовках. Ей, этой районной истории об идиотски понятой и головотяпски выполненной телеграфной директиве, не следовало бы придавать серьезного значения. Ведь в ней ничего нет, кроме безобидного тупоумия.

Но пора же наконец вступить всерьез в борьбу и с этим милым качеством! Можно ли вообще говорить о тупоумии как о безобидном, природном, «объективном» качестве?

Партия очень ценит, очень дорожит дисциплиной при выполнении ее заданий. И именно поэтому надо рубить на части тех, кто, спекулируя, злоупотребляя этой дисциплиной, переводит выполнение в издевательство, беспрекословность — в солдафонство.

При воробыиных заготовках на селе присутствовали работники из района — прокурор, судья, начальник милиции. Кто поверит, что эти уважаемые лица, нет, не лица, а рожи, сочли заготовку воробьев нормальным делом?.. Нет! Каждый из них мысленно изумлялся балагану с воробьями. Но каждый молчал.

Мы сейчас перебираем сверху донизу советскую и кооперативную систему. Выбрасываем гнилое, чужое, вредное. Не надо делать исключений для людей, изображающих из себя дурачков. Таких «наивных», как те, что заготавливали воробьев, можно воспитывать только в одном месте. В тюрьме...

*Правда. 1931.
18 января*

Похвала скромности

Будто бы в городе Казани, на Проломной улице, жили по соседству четверо портных.

Заказчиков мало было, конкуренция злая. И, чтобы возвыситься над соперниками, портной Махоткин написал на вывеске: «Исполнитель мужских и дамских фасонов, первый в городе Казани».

А тогда другой взял да изобразил: «Мастер Эдуард Вайнштейн, всероссийский закройщик по самым дешевым ценам».

Пришлось третьему взять еще тоном выше. Заказал огромное художественное полотно из жести с роскошными фигурами кавалеров и дам: «Всемирно известный профессор Ибрагимов по последнему крику Европы и Африки».

Что же четвертому осталось? Четвертый перехитрил всех. На его вывеске было обозначено кратко: «Аркадий Корнейчук, лучший портной на этой улице».

И публика, как утверждает эта старая-престарая история, публика повалила к четвертому портному.

И, исходя из дравого смысла, была права...

Бывает, идет по улице крепкий, храбрый боевой полк. Впереди полка — командир. Впереди командира — оркестр. Впереди оркестра — барабанщик. А впереди барабанщика, со страстным визгом, — босоногий мальчишка; и из штанишек сзади торчит у него белый клоч рубашки.

Мальчишка — впереди всех. Попробуйте оспорить.

С огромным разбегом и напором, собрав крепкие мускулы, сжав зубы, сосредоточив физические и моральные силы, наша страна, такая отсталая раньше, рванулась вперед и держит курс на первое место в мире, на первое место во всех отраслях — в производстве, потреблении, в благосостоянии и здоровье людей, в культуре, в науке, в искусстве, в спорте.

Курс взят наверняка. Дано направление без неизвестных. Социалистический строй, отсутствие эксплуатации, огромный народный доход через плановое хозяйство и прежде всего сам обладатель этого дохода, полный мощи и энергии советский народ, его партия, его молодежь, его передовики-стахановцы, его армия, его вера в себя и в свое будущее — что может устоять перед всем этим?

Но хотя исход соревнования предрешен, само оно, соревнование, не шуточное. Борьба трудна, усилий нужно много, снисхождения, поблажек нам не окажут никаких — да и к чертям поблажки. Пусть спор решат факты, как они решали до сих пор.

Оттого досадно, оттого зло берет, когда к боевому маршу примешивается мальчишечий визг, когда в огневую атаку путается трескотня пугачей.

Куда ни глянь, куда ни повернись, кого ни послушай, кто бы что бы ни делал, — все делают только лучшее в мире.

Лучшие в мире архитекторы строят лучшие в мире дома. Лучшие в мире сапожники шьют лучшие в мире сапоги. Лучшие в мире поэты пишут лучшие в мире стихи. Лучшие актеры играют в лучших пьесах, а лучшие часовщики выпускают первые в мире часы.

Уже самое выражение «лучшие в мире» стало неотъемлемым в словесном ассортименте каждого болтуна на любую тему, о любой отрасли работы, каждого партийного аллилуйщика, каждого профсоюзного Балалайкина. Без «лучшего в мире» они слова не скажут, хотя бы речь шла о сборе пустых бутылок или налоге на собак.

Недавно мы посетили библиотеку в одном из районов Москвы. Там было сравнительно чисто прибрано, хорошо проветрено. Мы похвалили также вежливое обращение с посетителями. Отзыв не произвел особого впечатления на заведующую. Она с достоинством ответила:

— Да, конечно... Это ведь лучшая в мире по постановке работы. У нас тут иностранки были, сами заявляли.

Этой струе самохвальства и зазнайства мало кто противодействует. А многие даже поощряют. Особенно печать. Описывают вещи и явления или черной, или золотой краской. Или магазин плох — значит, он совсем никуда не годится, заведующий пьяница, продавцы воры, товар дрянь, или магазин хорош — тогда он лучший в мире, и нигде, ни в Европе, ни в Америке, нет и не будет подобного ему.

Еще предприятие не пущено в ход, еще гостиница не открыта, и дом не построен, и фильм не показан, а бойкие воробьи уже чирикают на газетных ветках:

— Новые бани будут оборудованы по новому усовершенствованному принципу инженера Ватрушкина, а именно: будут обладать как холодной, так и горячей водой. Впервые вводится обслуживание каждого посетителя индивидуальной простыней. Впервые в мире будут радиофицированы и телефонизированы парильные отделения, благодаря чему моющийся сможет тут же на полке прослушать курс гигиены, навести по телефону любую справку или подписаться на любой журнал.

— В смысле постановки дела гостиница равняется на лучшие образцы американских отелей, хотя во многом будет их превосходить. Каждая комната в гостинице снабжается индивидуальным ключом. Каждый жилец сможет вызвать по телефону такси. Пользуясь почтовым ящиком, специально установленным на здании гостиницы, проживающие смогут отправлять письма в любой пункт как СССР, так и за границу.

— По производству ходиков советские часовые фабрики прочно удерживают первое место в мире.

— После окраски фасадов и установки дуговых фонарей Петровка может стать в первом ряду красивейших улиц мира, оставив за собой Унтер ден Линден, Бродвей, Елисейские поля и Нанкин-род.

И принимая у себя репортера, киномастер в шикарных бриджах цвета птичьего гуано рокошет уверенным басом:

— Наша первая в мире кинематография в лице своих лучших ведущих представителей готовится дать новые великие фильмы. В частности, лично я напряженно думаю над сценарием для своей ближайшей эпопеи. Сюжет еще не найден. Но ясно одно: по своей новизне этот сюжет не будет иметь прецедентов. Не определились также место съемок и состав актеров; но уже имеется договоренность: район съемок будет самым живописным в мире, а актерская игра оставит за собой все, что мы имели до сих пор в данном столетии...

Если какой-нибудь директор небольшого гиганта по утюжке штанов отстал от жизни и недогадлив, тот же репортер, как дрессировщик в цирке, умело равняет его на искомую терминологию.

— Реконструкция брючных складок производится у вас по методу «экспресс»?

— Безусловно. А то как же. Как есть чистый экспресс.

— Любопытно... Чикаго на Плющихе... Растем, нагоняем... А это что? Там, на табуретке?

— Это? Да как будто газета, «Вечерочка».

— Н-да, маленькая читальня для удобства ожидающих... Ловко! И цветочек рядом в горшке. Небольшая, уютно озелененная читальня дает назидательный урок американским магнатам утюга, как надо обслуживать выросшие потребности трудящегося и его конечностей... Ведь так?

— Безусловно. А то как же.

Эта глупая трескотня из пугачей особенно обидна потому, что тут же рядом идет подлинная борьба за мировое первенство, и оно подлинно достигается на подлинных цифрах и фактах.

Ведь это факт, что наша страна стала первой в мире по производству тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. По синтетическому каучуку, по сахару, по торфу, по многим другим материалам и машинам. Не смешно ли рядом с этим хвалиться первым местом по выпуску ходиков?

Мы вышли на второе место в мире по чугуну, по золоту, по рыбе.

Сосредоточив все мысли своей молодой головы, Ботвинник добился первого места на международном шахматном турнире. Но место пришлось поделить с чехословаком. А все-таки Ботвинник собирает силы, готовит новые битвы за международное, за мировое первенство.

Наши рабочие парни-футболисты пошли в бой с лучшей буржуазной командой Франции. Пока проиграли — факт. Но проиграли более чем прилично. Мы верим, что скоро отыграются. Но и это будет признано только на основе неумолимого факта же: цифры на доске футбольного поля должны будут показать это, и никто другой.

Парашютисты Советского Союза держат мировое первенство своей ни с чем не сравнимой храбростью. Три молодых героя побили рекорд подъема на стратостате, но заплатили за это своими жизнями, — разве не оскорблением их памяти звучат зазнайство и похвальба людей, зря, без проверки присваивающих своей работе наименование «лучшей в мире»!

А проверку мирового качества надо начинать со своей же собственной улицы.

Московское метро, по признанию всех авторитетов, несравнимо лучше всех метро на земном шаре. Но оно и само по себе хорошо, здесь, в Москве, для жителей своих же московских улиц. Москвич усомнился бы в мировых качествах своего метрополитена, если ему, москвичу, езда в метро доставляла бы мучение.

Вот представим себе такую картину.

Часовой магазин. Входит покупатель, по виду иностранец, солидный, важный, строгий. Требуется карманные часы. Только получше.

— Вам марки «Омега» прикажете? Прекрасные часы, старая швейцарская фирма.

— Знаю. Нет. Что-нибудь получше.
— Тогда «Лонжин»?
— Лучше.
— Что же тогда? Может быть, Мозера, последние модели?
— Нет. Лучше. У вас ваших московских, «Точмех», нет?
— Есть, конечно. Но ведь очень дороги.
— Пусть дороги, зато уж на всю жизнь. Все эти швейцарские луковичи я и у себя могу достать. А вот из Москвы хочу вывезти настоящий «Точмех»...

Мы ждем, что эта волшебная картина скоро станет четким фактом. А пока не стала — будем, среди прочего, крепко держать первое место по скромности.

Правда. 1936. 10 февраля

Ф.Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

Открытое письмо Сталину

*Я правду о тебе...
Порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи.*

Сталин, Вы объявили меня «вне закона». Этим актом Вы уравнили меня в правах — точнее в бесправии со всеми советскими гражданами, которые под Вашим владычеством живут вне закона.

Со своей стороны отвечаю Вам полной взаимностью: возвращаю Вам входной билет в построенное Вами «царство социализма» и порываю с Вашим режимом.

Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол Вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата.

Вам не поможет, если награжденный орденом уважаемый революционер-народоволец Н.А. Морозов подтвердит, что именно за такой «социализм» он провел 20 лет своей жизни под сводами Шлиссельбургской крепости.

Стихийный рост недовольства рабочих, крестьян, интеллигенции властно требовал крутого политического маневра, наподобие ленинского перехода к нэпу в 1921 году. Под напором советского народа Вы «даровали» демократическую конституцию. Она принята была всей страной с неподдельным энтузиазмом.

Честное проведение в жизнь демократических принципов конституции 1936 года, воплотившей надежды и чаяния всего народа, ознаменовало бы новый этап расширения советской демократии.

Но в Вашем понимании всякий политический маневр — синоним надувательства и обмана. Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку.

Что вы сделали с конституцией, Сталин?

Испугавшись свободы выборов, как «прыжка в неизвестность», угрожавшего Вашей личной власти, Вы растоптали конституцию, как клочок бумаги, а выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну-единственную кандидатуру, а сессии Верховного Совета наполнили акафистами и овациями в честь самого себя. В промежутках между сессиями Вы бесшумно уничтожаете «зафинтивших» депутатов, насмехаясь над их неприкосновенностью и напоминая, что хозяин земли советской не Верховный Совет, а Вы. Вы сделали все, чтобы дискредитировать советскую демократию, как дискредитировали социализм. Вместо того, чтобы пойти по линии намеченного конституцией поворота, вы подавляете растущее недовольство насилием и террором. Постепенно заменив диктатуру пролетариата режимом Вашей личной диктатуры, Вы открыли новый этап, который в историю нашей революции войдет под именем «эпохи террора».

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста. Никому нет пощады. Правый и виновный, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза — все в равной мере подвержены ударам Вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели.

Как во время извержения вулкана огромные глыбы с треском и грохотом рушатся в жерло кратера, так целые пласты советского общества срываются и падают в пропасть.

Вы начали кровавые расправы с бывших троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, потом перешли к истреблению старых большевиков, затем уничтожили партийные и беспартийные кадры, выросшие в гражданской войне и вынесшие на своих плечах строительство первых пятилеток, и организовали избиение комсомола.

Вы прикрываетесь лозунгом борьбы с «Троцкистско-бухаринскими шпионами», но власть в Ваших руках не со вчерашнего дня. Никто не мог «пробраться» на ответственный пост без Вашего разрешения.

Кто насаждал так называемых «врагов народа» на самые ответственные посты государства?

— Иосиф Сталин.

Кто внедрял так называемых «вредителей» во все поры советского и партийного аппарата?

— Иосиф Сталин.

Прочитайте старые протоколы Политбюро: они пестрят назначениями и перемещениями только одних «троцкистско-бухаринских шпионов», «вредителей» и «диверсантов», а под ними красуется подпись: И. Сталин.

Вы притворяетесь доверчивым простофилей, которого годами водили за нос какие-то карнавальные чудовища в масках.

— Ищите и обрящете козлов отпущения, — шепчете Вы своим приближенным и нагружаете пойманные, обреченные на заклятие жертвы своими собственными грехами.

Вы сковали страну жутким страхом террора, даже смельчак не может бросить Вам в лицо правду.

Волны самокритики «не взирая на лица» почтительно замирают у подножия Вашего пьедестала.

Вы непогрешимы, как папа! Вы никогда не ошибаетесь!

Но советский народ отлично знает, что за все отвечаете Вы, «кузнец всеобщего счастья».

С помощью грязных подлогов Вы инсценировали судебные процессы, превосходящие вздорностью обвинения знакомые Вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм.

Вы сами знаете, что Пятаков не летал в Осло, что М. Горький умер естественной смертью и Троцкий не сбрасывал поезда под откос.

Зная, что все это ложь, Вы поощряете своих клеветников:

— Клеветайте, клеветайте, от клеветы всегда что-нибудь останется.

Как Вам известно, я никогда не был троцкистом. Напротив, я идейно боролся со всеми оппозициями в печати и на широких собраниях. И сейчас я не согласен с политической позицией Троцкого, с его программой и тактикой. Принципиально расходясь с Троцким, я считаю его честным революционером. Я не верю и никогда не поверю в его сговор с Гитлером и Гессом.

Вы — повар, готовящий острые блюда: для нормального человеческого желудка они несъедобны.

Над гробом Ленина Вы произнесли торжественную клятву выполнить его завещание и хранить, как зеницу ока, единство партии. Клятвопреступник, Вы нарушили и это завещание Ленина.

Вы оболгали, обесчестили и расстреляли многолетних соратников Ленина: Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и др., невиновность которых Вам была хорошо известна. Перед смертью Вы заставили их каяться в преступлениях, которых они никогда не совершали, и мазать себя грязью с ног до головы.

А где герои Октябрьской революции? Где Бубнов? Где Крыленко? Где Антонов-Овсеенко? Где Дыбенко?

Вы расстреляли их, Сталин.

Где старая гвардия? Ее нет в живых.

Вы расстреляли ее, Сталин.

Вы растлили и загадили души Ваших соратников. Вы заставили идущих за Вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей.

В лживой истории партии, написанной под Вашим руководством, Вы обокрали мертвых, убитых и опозоренных Вами людей и присвоили себе их подвиги и заслуги.

Вы уничтожили партию Ленина и на ее костях построили новую «партию Ленина—Сталина», которая служит удачным прикрытием Вашего единовластия. Вы создали ее не на базе общей программы и тактики, как строится всякая партия, а на безыдейной основе личной любви и преданности Вам. Знание программы новой партии объявлено необязательным для ее членов, но зато обязательна любовь к Сталину, ежедневно подогреваемая печатью. Признание партийной программы заменяется объяснением в любви к Сталину.

Вы — ренегат, порвавший со своим вчерашним днем, предавший дело Ленина. Вы торжественно провозгласили лозунг выдвижения новых кадров. Но сколько этих молодых выдвиженцев уже гниет в Ваших казематах? Сколько из них Вы расстреляли, Сталин?

С жестокостью садиста Вы избиваете кадры, полезные и нужные стране. Они кажутся Вам опасными с точки зрения Вашей личной диктатуры.

Накануне войны Вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войны, во главе с блестящим маршалом Тухачевским.

Вы истребили героев гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову военной техники и сделали ее непобедимой.

В момент величайшей военной опасности Вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров.

Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров?

Вы арестовали их, Сталин.

Для успокоения взволнованных умов Вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала еще сильнее.

Зная, что закон военной науки требует единоначалия в армии от главнокомандующего до взводного командира, Вы воскресили

институт политических комиссаров, который возник на заре Красной Армии и Красного Флота, когда у нас еще не было своих командиров, а над военными специалистами старой армии нужен был политический контроль.

Не доверяя красным командирам, Вы вносите в армию двоевластие и разрушаете воинскую дисциплину.

Под нажимом советского народа Вы лицемерно воскрешаете культ исторических русских героев: Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут Вам больше, чем казенные маршалы и генералы.

Пользуясь тем, что Вы никому не доверяете, настоящие агенты гестапо и японская разведка с успехом ловят рыбу в мутной, взбаламученной Вами воде, в изобилии подбрасывают Вам подложные документы, порочащие самых лучших, талантливых и честных людей.

В созданной Вами гнилой атмосфере подозрительности, взаимного недоверия, всеобщего сыска и всемогущества Народного комиссариата внутренних дел, которому Вы отдали на растерзание Красную Армию и всю страну, любому перехваченному документу верят — или притворяются, что верят, — как неоспоримому доказательству.

Подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометирующие честных работников миссии, «внутренняя линия РОВСа»* в лице капитана Фосса добилась разгрома нашего полпредства в Болгарии от шофера М.И. Казакова до военного атташе В.Т. Сухорукова.

Вы уничтожаете одно за другим важнейшие завоевания Октября. Под видом борьбы с текучестью рабочей силы Вы отменили свободу труда, закабалили советских рабочих и прикрепили их к фабрикам и заводам. Вы разрушили хозяйственный организм страны, дезорганизовали промышленность и транспорт, подорвали авторитет директора, инженера и мастера, сопровождая бесконечную чехарду смещений и назначений арестами и травлей инженеров, директоров и рабочих как «скрытых, еще не разоблаченных вредителей».

Сделав невозможной нормальную работу, Вы под видом борьбы с «прогулами» и «опозданиями» трудящихся заставляете их работать бичами и скорпионами жестких антипролетарских декретов.

Ваши бесчеловечные репрессии делают нетерпимой жизнь советских трудящихся, которых за малейшую провинность с волчьим паспортом увольняют с работы и выгоняют с квартиры.

Рабочий класс с самоотверженным героизмом нес тягость напряженного труда и недоедания, голода, скудной заработной пла-

* Российский общевойсковой союз — эмигрантская белогвардейская организация.

ты, жилищной тесноты и отсутствия необходимых товаров. Он верил, что Вы ведете к социализму, но Вы обманули его доверие. Он надеялся, что с победой социализма в нашей стране, когда осуществится мечта светлых умов человечества о великом братстве людей, всем будет житья радостно и легко.

Вы отняли даже эту надежду. Вы объявили социализм построенным до конца. И рабочие с недоумением, шепотом спрашивали друг друга: «Если это социализм, то за что боролись, товарищи?»...

Извращая теорию Ленина об отмирании государства, как извратили всю теорию марксизма-ленинизма, Вы устами ваших безграмотных доморощенных «теоретиков», занявших вакантные места Бухарина, Каменева и Луначарского, обещаете даже при коммунизме сохранить власть ГПУ.

Вы отняли у колхозных крестьян всякий стимул к работе. Под видом борьбы с «разбазариванием колхозной земли» Вы разоряете приусадебные участки, чтобы заставить крестьян работать на колхозных полях. Организатор голода, грубостью и жестокостью неразборчивых методов, отличающих Вашу тактику, Вы сделали все, чтобы дискредитировать в глазах крестьян ленинскую идею коллективизации.

Лицемерно провозглашая интеллигенцию «солью земли», Вы лишили минимума внутренней свободы труд писателя, ученого, живописца. Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается, чахнет и вымирает. Неистовство запуганной Вами цензуры и понятная робость редакторов, за все отвечающих своей головой, привели к окостенению и параличу советской литературы. Писатель не может печататься, драматург не может ставить пьесы на сцене театра, критик не может высказать свое личное мнение, не отмеченное казенным штампом.

Вы душите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь Вам «осанну». Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливym однообразием воспекает Вашу пресловутую, набившую оскомину «гениальность».

Бездарные графоманы славословят Вас, как полубога, рожденного от Луны и Солнца, Вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести.

Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично Вам неугодных писателей. Где Борис Пильняк? Где Сергей Третьяков? Где Александр Аросев? Где Михаил Кольцов? Где Тарасов-Родионов? Где Галина Серебрякова, виновная в том, что была женой Сокольниковой?

Вы арестовали их, Сталин.

Вслед за Гитлером Вы воскресили средневековое сжигание книг.

Я видел своими глазами рассылаемые советским библиотекам огромные списки книг, подлежащих немедленному и безусловному уничтожению. Когда я был полпредом в Болгарии, то в 1937 году в полученном мною списке обреченной огню запретной литературы я нашел мою книгу исторических воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году». Против фамилии многих авторов значилось: «Уничтожить все книги, брошюры и портреты».

Вы лишили советских ученых, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа становится невозможной.

Самоуверенные невежды интригами, склоками и травлей не дают работать ученым в университетах, лабораториях и институтах.

Выдающихся русских ученых с мировым именем академиков Ипатьева и Чичибабина Вы на весь мир провозгласили «невозвращенцами», наивно думая их обесславить, но опозорили только себя, доведя до сведения всей страны и мирового общественного мнения постыдный для Вашего режима факт, что лучшие ученые бегут от Вашего рая, оставляя Вам Ваши благодеяния: квартиру, автомобиль, карточку на обеды в Совнаркомовской столовой.

Вы истребляете талантливых русских ученых...

Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев? Вы не пощадили даже его. Вы арестовали Туполева, Сталин.

Нет области, нет уголка, где можно спокойно заниматься любимым делом. Директор театра, замечательный режиссер, выдающийся деятель искусства Всеволод Мейерхольд не занимался политикой. Но Вы арестовали Мейерхольда, Сталин.

Зная, что при нашей бедности с кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат, Вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народного комиссариата иностранных дел.

Уничтожая везде и повсюду золотой фонд страны, ее молодые кадры, Вы истребили во цвете лет талантливых и многообещающих дипломатов.

В грозный час военной опасности, когда острие фашизма направлено против Советского Союза, когда война за Данциг и война в Китае — лишь подготовка плацдарма для будущей интервенции против СССР, когда главный объект германо-японской агрессии — наша Родина, когда единственная возможность предотвращения войны — открытое вступление Союза Советов в Международный блок демократических государств, скорейшее заключение во-

енного и политического союза с Англией и Францией, Вы колеблетесь, выжидаете и качаетесь, как маятник между «осями».

Во всех расчетах Вашей внешней и внутренней политики Вы исходите не из любви к Родине, которая Вам чужда, а из животного страха потерять личную власть. Ваша беспринципная диктатура, как гнилая колода, лежит поперек дороги нашей страны. «Отец народов», Вы предали побежденных испанских революционеров, бросили их на произвол судьбы и предоставили заботу о них другим государствам. Великодушное спасение жизни не в Ваших принципах. Горе побежденным! Они Вам больше не нужны.

Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, Вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов.

Как все советские патриоты, я работал, на многое закрывая глаза. Я слишком долго молчал. Мне было трудно рвать последние связи не с Вами, не с Вашим обреченным режимом, а с остатками старой ленинской партии, в которой я пробыл без малого 30 лет, а Вы разгромили ее в три года. Мне было мучительно больно лишаться моей Родины.

Чем дальше, тем больше интересы Вашей личной диктатуры вступают в непрерывный конфликт и с интересами рабочих, крестьян, интеллигенции, с интересами всей страны, над которой Вы измываетесь как тиран, добравшийся до единоличной власти.

Ваша социальная база суживается с каждым днем. В судорожных поисках опоры Вы лицемерно расточаете комплименты «беспартийным большевикам», создаете одну за другой привилегированные группы, осыпаете их милостями, кормите подачками, но не в состоянии гарантировать новым «калифам на час» не только их привилегии, но даже право на жизнь.

Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго.

Бесконечен список Ваших преступлений. Бесконечен список имен Ваших жертв! Нет возможности все перечислить.

Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых, как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных процессов.

17 августа 1939 года

Неделя. 1988. № 26

Глава IV

**ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
[1941–1945 гг.]**

Летописцы
ПОБЕДЫ

Великая Отечественная война явилась самым трудным испытанием для Советского государства. С первых дней она стала всенародной борьбой за свободу и независимость нашего народа, который и внес решающий вклад в разгром фашистских агрессоров. Длившаяся почти четыре года война увенчалась величайшей в истории человечества победой, в достижении которой невозможно приуменьшить роль советской журналистики.

ПЕРЕСТРОЙКА ПЕЧАТИ И РАДИОВЕЩАНИЯ

Война сразу же изменила весь облик советской печати: более чем в два раза сократилось число даже центральных газет — до войны их было 39, а осталось всего 18. Перестали выходить многие центральные отраслевые газеты, такие, как «Лесная промышленность», «Текстильная промышленность» и др. Некоторые специализированные центральные газеты были объединены. Так, вместо «Литературной газеты» и «Советского искусства» стала выходить газета «Литература и искусство». После закрытия «Совхозной газеты» и газеты «Животноводство» интересующие их читателей проблемы стали освещаться в газете «Социалистическое земледелие».

Значительно сократилось число местных изданий. В Грузинской ССР, например, было прекращено издание 20 республиканских журналов, многих районных, а также газет предприятий, учреждений и учебных заведений. В Московской области перестали выходить 57 многотиражных газет с общим тиражом около 60 тыс. экземпляров. В Ленинграде и Ленинградской об-

ласти закрыли 8 журналов и более 180 многотиражных газет¹. В результате подобных мер к 1942 г. в стране осталось 4560 газет, в то время, как в предвоенном 1940 г. их насчитывалось около 9000, а общий тираж прессы с 38 млн уменьшился до 18 млн экземпляров.

Кроме «Комсомольской правды» и ленинградской «Смены» были закрыты все комсомольские газеты, а республиканские, краевые и областные партийные газеты стали выходить пять раз в неделю на двух полосах. Двухполосными стали и районные газеты, переведенные на еженедельный выпуск. Сокращению объема подверглась даже «Правда», выходявшая в годы войны вместо шести на четырех полосах.

Принятые меры по перестройке печати были, конечно, вынужденными: они позволили в значительной степени преодолеть трудности в организации печатной пропаганды на фронте. К концу 1942 г. задача создания массовой прессы в Вооруженных Силах в соответствии с требованиями военной поры была решена: к этому времени выходило 4 центральных, 13 фронтовых, 60 армейских, 33 корпусных, 600 дивизионных и бригадных газет. На фронтах и в армии было немало газет на языках народов СССР: на восьми языках издавалась газета 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец», на семи языках — газета 3-го Украинского фронта «Советский воин»².

Огромное количество газет и листовок издавалось в тылу врага. В 1943—1944 гг. число республиканских, областных, городских, межрайонных газет и газет отдельных партизанских отрядов достигало трехсот названий. Только на оккупированной территории Белоруссии, справедливо считавшейся в годы войны Партизанской республикой, издавалось 162 газеты, в том числе республиканских — 3, областных — 14, межрайонных и районных — 145³.

Из подпольных изданий, выходявших на оккупированной территории, наибольшей известностью пользовались газеты «За Советскую Украину», 15 млн экземпляров которой было распространено уже за первый год войны, «Большевицкая правда» —

¹ Кузнецов И., Попов Н. Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2. С. 4.

² Там же.

³ Там же. С. 5.

издание партийных организаций Минской области, «Витебский рабочий», «В бой за Родину!» — Рудненского района Смоленской области. Из партизанских — «Красный партизан», «Партизан Украины», выходивших в отрядах С.А. Ковпака и А.Н. Сабурова.

Кроме «Красной звезды» и «Красного флота», возникли еще две центральные военные газеты: с августа 1941 г. стал издаваться «Сталинский сокол», с октября 1942 г. — «Красный сокол». Кроме того, Главное политическое Управление Советской Армии полуторамиллионным тиражом выпускало листок «Вести с Советской Родины», который постоянно информировал советских людей на захваченной временно врагом территории о положении на фронте и в тылу.

Значительные изменения произошли и в журнальной периодике. Были созданы журналы «Славяне», «Война и рабочий класс», литературно-художественный журнал «Фронтальная иллюстрация». Особое значение имели журналы для отдельных родов войск: «Артиллерийский журнал», «Журнал автобронетанковых войск», «Связь Красной Армии», «Военно-инженерный журнал». Только в Москве выходило 18 военных журналов, в том числе самый популярный военной поры журнал, имевший тираж 250 тыс. экземпляров, «Красноармеец». Неизменным успехом пользовались сатирические журнальные издания «Фронтальный юмор» (Западный фронт), «Сквозняк» (Карельский фронт) и др.

В связи с необходимостью более оперативной передачи событий на фронте и в тылу, 24 июня 1941 г. было создано Советское информационное бюро. В задачу Совинформбюро вменялась оперативная и правдивая информация не только для советских людей, но и для зарубежных стран. 25 июня в советской печати появилась первая сводка Совинформбюро, а всего за годы войны их было передано свыше 2,5 тысяч.

В годы войны особенно незаменимым стало самое оперативное средство информации — радиовещание, первые военные передачи которого появились одновременно с правительственным сообщением о вероломном нападении на Советский Союз фашистской Германии. Неизменно, начиная с самых первых радиопередач о событиях на фронте, они завершались призывами: «Враг будет разбит, победа будет за нами!». О возросшей роли радиовещания в условиях войны свидетельствует оператив-

Москва. 22 июня 1941 г.

ное создание филиалов Всесоюзного Радиовещания в Куйбышеве, Свердловске, Комсомольске-на-Амуре. В ноябре 1942 г. из Москвы началось вещание на украинском и белорусском язы-

ках. Одновременно из Саратова на украинском языке вела передачи радиостанция им. Т. Шевченко, в составе которой активно сотрудничал писатель и публицист Ярослав Галан. Неизменными стали по радио передачи «Письма на фронт» и «Письма с фронтов Отечественной войны». В них было использовано свыше двух миллионов писем, благодаря которым более 20 тысяч фронтовиков нашли своих близких, эвакуированных в восточные районы страны⁴.

На заключительном этапе войны советская журналистика пополнилась еще одним видом печати: были созданы газеты для населения освобожденных от фашистских захватчиков государств, о чем свидетельствуют уже названия этих изданий — «Свободная Польша», «Венгерская газета». Выходили также «Новый голос» на румынском, «Ежедневное обозрение» на немецком, «Новая жизнь» на польском языках.

Печать и радиовещание гитлеровцев на оккупированной территории. Вступая в войну против СССР, Гитлер заявлял, что это будет беспощадная борьба идеологий и расовых различий, что она будет вестись с беспрецедентной жестокостью. Следуя этой установке, борьбу за порабощение советского народа гитлеровцы вели не только силой военного оружия, но и оружием слова. На временно оккупированной территории фашисты издавали десятки газет, со страниц которых утверждалось, что в развязывании небывалой в истории человечества войны повинна не гитлеровская Германия, а Советское государство. Эта ложь распространялась и в газетах, и в радиопередачах гитлеровцев.

Уже в августе 1941 г. на оккупированных фашистами территориях гитлеровцы издавали газеты «Орловские известия» (позднее «Речь»), «Смоленский вестник», «Новый путь» (Клинцы), «Новая жизнь» (Рославль), «Новое время» (Вязьма), «Белорусская газета» на белорусском языке (Минск). В 1942 г. в Смоленске появилась газета «Колокол», предназначенная для крестьян оккупированных территорий. В 1943 г. начали создаваться властовские газеты: «За свободу» (Смоленск), «Заря» (Берлин), «Доброволец» на русском и украинском языках (Берлин).

⁴ Иванова Р., Кузнецов И. Советская журналистика в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1985. № 1. С. 14.

Насколько многочисленными были издания гитлеровцев в отдельных регионах, можно судить по Донбассу, где в августе 1942 г. выходило около 10 газет, в том числе «Мариупольская газета», «Донецкая газета» (обе на украинском языке), «Бахмутский вестник», «Новая жизнь» (Чистяково) и др.

Уже в 1941 г. немцы начали налаживать и свое радиовещание. В Смоленске оно началось в ноябре 1941 г., а к июлю 1942 г. действовало свыше 1360 радиоточек. В мае 1942 г. начал радиопередачи Орловский радиоузел. Сначала передавались две политинформации в день, в мае 1943 г. стало 6—8 передач. За год работы радиоузел передал 850 политических информационных, 50 международных обзоров, 120 политических докладов и лекций⁵.

Каждодневно гитлеровские газеты и радио уверяли читателей и радиослушателей, что «Советы обречены на гибель», что «гигантская советская армия распалась на четвертый месяц войны», что «Англия и США слабее Германии», а «большевизму настала пора умереть». Даже после разгрома немцев под Сталинградом, Курском и Белгородом гитлеровские газеты продолжали писать, что Германия «выйдет из этой войны «славным победителем». Особенно усердствовала выходившая в Орле газета «Речь». Ее редактор М. Октан, неустанно воспевавший «гений Гитлера», за что и удостоен был одной из самых высоких фашистских наград — серебряного ордена «За храбрость и заслуги», даже после пленения Паулюса и полного разгрома его армии, уверял, что в Сталинграде немцы совершили «небывалый исторический подвиг, с которым вряд ли может сравниться даже героический подвиг защитников Фермопил», что этот подвиг воинов Паулюса еще более «укрепит веру в победу Германии»⁶.

Чем невероятнее сенсация, тем скорее в нее поверят, заявлял Геббельс. К таким невероятным сенсациям следует отнести многочисленные сообщения в изданиях гитлеровцев о «бегстве Советского правительства из Москвы», «о преступном плане большевиков взорвать Москву прежде, чем она будет отдана в руки немцев», о восстаниях в Горьком, Саратове, на Кавказе, для подавления которых вызывались войска и в результате «имеются тысячи убитых».

⁵ Газета «Речь» (Орел). 1943, 18 мая.

⁶ Там же. 1943. 5 февраля.

Деятельность военных корреспондентов. Антисоветская гитлеровская пропаганда на временно оккупированной территории еще настоятельнее требовала перестройки всей советской журналистики, укрепления ее кадров самыми квалифицированными работниками. В этой связи впервые в истории отечественных средств массовой информации, в редакции газет, радиовещания, информационных агентств были направлены сотни и сотни советских писателей. Уже 24 июня 1941 г. на фронт отправились первые добровольцы-писатели, в том числе Б. Горбатов — на Южный фронт, А. Твардовский — на Юго-Западный, Е. Долматовский — в газету 6-й армии «Звезда Советов», К. Симонов — в газету 3-й армии «Боевое знамя». В соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б) «О работе на фронте специальных корреспондентов» (август 1941) и «О работе военных корреспондентов на фронте» (сентябрь 1942) писатели честно выполняли служебный воинский долг, нередко рискуя собственной жизнью. Корреспонденту газеты 18-й армии «Знамя Родины» С. Борзенко за мужество и отвагу, проявленные при захвате плацдарма на Керченском полуострове, было присвоено звание Героя Советского Союза. Столь же высокой награды удостоены старший политрук Муса Джалиль, майор Ц. Кунников, капитан Д. Калинин, майор Я. Чапичев и еще пять журналистов. Высокую оценку военным журналистам давало командование всех фронтов. Политуправление 3-го Белорусского фронта, например, в своем донесении в ГлавПУРККА сообщало: «В целом корреспонденты центральных газет ведут себя на фронте, в соединениях и частях смело и в трудных условиях боевых действий честно выполняют свой долг»⁷.

В кадрах Красной Армии и Военно-Московского Флота в годы Великой Отечественной войны находилось 943 писателя. Из них — 225 погибли на фронте, 300 — награждены орденами и медалями Союза ССР⁸.

Насколько дорожили в редакциях писателями, наглядно свидетельствует письмо редактора газеты Западного фронта «Красноармейская правда» полковника Т.М. Миронова. В ГлавПУРККА от

⁷ Кузнецов И., Попов Н. Советская журналистика в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2. С. 5.

⁸ Там же.

16 декабря 1942 года: «Я узнал, что хотят взять из «Красноармейской правды» Алексея Суркова. Прошу Вас убедительно этого не делать. Сурков с первых дней Отечественной войны работает в нашей газете, он сроднился с коллективом редакции и бойцами Западного фронта. Сурков ведет отдел «Гриша Танкин», пишет статьи, стихи и песни о бойцах нашего фронта. Нам очень трудно будет без Суркова»⁹. Начальник Главного политического управления удовлетворил просьбу редактора: А. Сурков остался в газете.

Полная опасностей работа писателей в качестве военных корреспондентов позволяла им находиться в самой гуще боевых действий, давала богатейший материал для ярких художественных и публицистических произведений. В период деятельности в газете Южного фронта «Во славу Родины» написал свои знаменитые «Письма к товарищу» Борис Горбатов, в редакциях военных газет родились ставшие известными всем советским людям песни «Заветный камень» А. Жарова, «Давай закурим» Я. Френкеля, «Прощайте, скалистые горы» Н. Букина.

Имеется немало свидетельств о том, насколько благодатной для писателей была их работа в редакциях газет. «Мне повезло, — с признательностью пишет С. Михалков, — в первые месяцы войны я работал в крепком, дружном коллективе газеты Южного фронта «Во славу Родины»... Нам, писателям и поэтам, стала привычной дисциплина, стал необходим чудесный ритм работы военных журналистов. Спасибо им»¹⁰.

«ДУШЕВНЫЕ БОЕПРИПАСЫ ФРОНТУ»

В суровые годы войны, утверждал Н.С. Тихонов, нужно было не просто писать, а воевать словом, поставлять «душевные боеприпасы фронту».

Эти «душевные боеприпасы» поставляли героям фронта и тыла, прежде всего, центральные газеты «Правда», «Известия»,

⁹ Архив М.О., ф. 32, оп. 11314, д. 6. Л. 116.

¹⁰ Журналисты на войне. Книга вторая. — М., 1974. С. 99.

«Комсомольская правда», «Красная звезда», поднимая советский народ на героическую борьбу за свободу и независимость своей Родины. Веру в нашу победу в сердца советских людей вселял каждый из тысячи трехсот номеров **«Правды»**, изданных в годы Великой Отечественной. «Не раз Страна Советов выходила победителем из тяжелых испытаний, — говорилось в ее передовой статье 1 июля 1941 г. — Сегодня на нее наступает вооруженный до зубов, озверелый, готовый на все враг. Противопоставим ему всю нашу силу, всю нашу волю, образцовую организацию, выдержку и самоотверженность, образцовый революционный порядок, революционную бдительность, и враг будет разбит».

Газета нередко являлась трибуной деятелей партии и международного коммунистического движения: М.И. Калинина, В.А. Карпинского, Е.Д. Стасовой, Георгия Димитрова, Пальмиро Тольятти, Мориса Тореза, Клемент Готвальда, Долорес Ибарури. Активно сотрудничали в ней лучшие представители советской литературы: Михаил Шолохов — «Наука ненависти», «Они сражались за Родину», Борис Горбатов — «Непокоренные», Александр Корнейчук — «Фронт», Константин Симонов — «Русские люди». 27 января 1942 г. в «Правде» появился очерк П. Лидова «Таня», а 18 февраля второй его очерк «Кто была Таня». Эти очерки о Зое Космодемьянской, о ее безмерном героизме и мужестве в течение всей войны не переставали вдохновлять советских воинов, отважных партизан на новые и новые подвиги, как и материалы «Правды» о Николае Гастелло, Александре Матросове, Александре Покрышкине, о молодогвардейцах.

Яркую страницу в историю советской печати периода Отечественной войны вписали **«Известия»**. Двести сорок известинцев ушли на фронт. Сорок четыре из них погибли. В редакции свято чтут память Александра Кузнецова, Михаила Сувинского, Сергея Галышева, Павла Трошкина.

С первых же дней войны редакционному коллективу пришлось пережить немало трудностей. 24 июля в здание редакции попала фашистская бомба. Немецкое радио немедленно сообщило, что «отважные ассы» сравняли с землей здание редакции ненавистной им газеты. Но на следующий день читатели снова получили «Известия». Нередко известинцам приходилось тушить

Заменим ушедших на фронт, будем работать за двоих, за троих

Шахтеры Донбасса дают уголь сверх плана

СТАЛИНО, 24 июня. (Корр. «Правды»). Из бригады навалотбойщиков тов. Ле-Самойленко работают шахтеры Донбасса. Являясь той же силой труда в войсках.

МУЖЬЯМ, БРАТЬЯМ, ОТЦАМ, СЫНОВЬЯМ, УШЕДШИМ НА ФРОНТ

Дорогие мужья, братья, отцы, сыновья, тесь, — мы полны сознанием своего долга перед отечеством, понимаем всю сложность

Мы готовы сменить плуг на винтовку

На митингах колхозников в павильонах Всесоюзной сельскохозяйственной выставки

Речи ораторов были коротки, гневны, Во всех павильонах выставки проходили митинги. На русском, украин-кохуэзной ларации. В их словах гнев, стра-ском, белорусском, узбекском, казахском.

зажигательные бомбы на Пушкинской площади. Когда линия фронта проходила по Подмоскovie, редакция «Известий» стала общежитием военных корреспондентов, которые на рассвете выезжали на передовую, а вечером возвращались, чтобы сдать материал в номер.

В октябре 1941 г. издательство «Известий» было эвакуировано в Куйбышев. Здесь печатали газету с матриц, присылавшихся из Москвы. В самый критический момент сражения за столицу известинцы проявили исключительную выдержку, порой не прекращая своей работы даже во время воздушных тревог. Какие бы временные успехи не были у врага, все равно Москва останется «свободным сердцем страны», писала газета в эти дни.

Впечатляюще о подвигах защитников советской столицы, а также о героях обороны Ленинграда, Киева, Одессы, Севастополя, Сталинграда рассказывала «Комсомольская правда». Регулярно публиковала газета полосы писем с фронта и на фронт. За время войны таких полос вышло свыше ста. Специальные номера газеты были посвящены Зое Космодемьянской, Лизе Чайкиной, Александру Матросову. Одной из первых **«Комсомольская правда»** поведала о бессмертном подвиге Юрия Смирнова. Уже после окончания войны под названием «Друзьям» в газете было напечатано письмо матери героя М.Ф. Смирновой, в котором говорилось: «Друзья мои, самые близкие, родные! В тяжелые дни горя вы разделили мою печаль, помогли мне перенести ее»¹¹.

Незабываемые события войны ярко запечатлены на страницах прифронтовых газет «Ленинградской правды», «Московского большевика», «Сталинградской правды». В самые тяжелые дни сражений за столицу публикации, выступления **«Московского большевика»** помогли ее защитникам не только выстоять, но и обратить вспять вражеские полчища. Газета ежедневно писала о необходимости превратить каждый завод, фабрику и дом в неприступную крепость. В поднятии боевого духа оборонявших столицу особенно велика роль материалов, печатавшихся под рубрикой «Мы с тобой, родная Москва». Под ней помещались письма воинов других фронтов, внимание которых, как и все-

¹¹ Комсомольская правда. 1945. 26 мая.

го советского народа, было приковано к Москве. Авторы писем восхищались мужеством тех, кому выпала честь защищать столицу, и призывали их сильнее бить врага.

В декабре 1941 г. Советская Армия перешла в победоносное контрнаступление под Москвой. 23 декабря «Московский большевик» сообщил радостную весть: десятки городов и сел Московской области очищены от врага. В передовой статье «1941—1942», посвященной итогам декабрьского контрнаступления, «Московский большевик» писал: «Москвичи оправдали надежды и чаяния народа: Москва была, есть и будет советской. Быть и впредь примером во всем — в бою и в труде — святой долг москвичей»¹².

Когда полыхало пламя войны над Невой, сильным ударом по врагу был каждый номер «Ленинградской правды»: «Стоять до конца», «Организованность и революционная бдительность — прежде всего», «Всю мощь нашего города на защиту Отечества!» — эти и подобные призывы не переставали звучать со страниц газеты, в которой активно сотрудничали Всеволод Вишневский, Николай Тихонов, Ольга Берггольц, Виссарион Саянов. 6 сентября 1941 г. со страниц «Ленинградской правды» на всю страну прозвучало обращение казахского акына Джамбула «Ленинградцы, дети мои», символизировавшее любовь всего советского народа к этому городу, его героическим жителям и доблестным защитникам.

Небывалое мужество проявили в годы войны ленинградские журналисты, отдавая все силы любимой газете. Мастер-стереотипер Бартеньев оставил однажды записку сменщику: «Пошел умирать». Добрался до дома, надел заранее приготовленную чистую рубаху и лег. К нему пришли товарищи из типографии: «Твой сменщик не пришел и не придет». Мастер встал. Ему помогли надеть ватник, дойти. Он сделал последнюю отливку и умер, когда раздался шум ротационных машин¹³.

И газета жила, продолжала выходить, случалось, что из-за недостатка бумаги она издавалась на двух полосах, но не было дня, чтобы не вышел очередной номер газеты, за исключением единственного — 25 января 1942 г. Но и этот номер был

¹² Московская правда. 1941. 31 декабря.

¹³ Время, отлитое в строки. — Л., 1968. С. 238.

подготовлен редакцией: набран, сверстан и вычитан. Однако в ночь на 25 января осажденный город остался без электричества, замерли типографские машины, газета не могла быть напечатана. Это — единственный случай за все 900 дней блокады, когда читатели не прочли очередного номера.

В пору самых суровых военных испытаний незаменимым средством воздействия на героических защитников Родины были газеты Вооруженных Сил, возглавляемые **«Красной звездой»**, которая с 11 декабря 1971 г. в течение всей войны выходила под девизом «Смерть немецким оккупантам!» В этом девизе лучше всего выражено основное направление выступлений газеты военного периода. «Грозен гнев народа», «Смерть зарвавшемуся врагу», «Приказ правительства будет выполнен» — это передовые статьи самых первых военных номеров. В них звучала непоколебимая уверенность, что гитлеровская орда ляжет костями на советской земле, будет истреблена, потому что в мире нет такой силы, которая могла бы противостоять народу, поднимающемуся на Отечественную войну.

О массовом героизме советских воинов — пехотинцев, моряков, летчиков, танкистов, артиллеристов рассказывали в «Красной звезде» писатели и поэты, считавшие за высокую честь носить имя ее военного корреспондента. «Родной полк», так называл газету работавший в ней с первых дней войны писатель П. Павленко. Кроме него, «Родной полк» представляли К. Симонов, Ф. Панферов, В. Ильенков, Б. Лапин, Б. Галин и многие другие. 26 июня 1941 г. в газете появилась первая статья И. Эренбурга «Гитлеровская орда», которая положила начало его четырехлетнему сотрудничеству в «Красной звезде». 24 июня, во втором военном номере газеты, была напечатана «Священная война» В. Лебедева-Кумача, ставшая гимном военного времени. Только в апреле 1944 г. в центральном органе Вооруженных Сил с рассказами и очерками о героях фронта выступили П. Павленко (очерк «Мать»), А. Сурков (очерк «Молодой коммунист Петр Ватутин»), А. Платонов (рассказ «Через реку»), А. Авдеенко (очерк «На земле Украинской»), Н. Тихонов (статья «Победа» — о разгроме немцев под Ленинградом), Ю. Нагибин (очерк «Трое суток»), Б. Галин и И. Денисюк (очерк «Десантники»). Была напечатана песня А. Жарова «Заветный Камень».

Формируя высокие патриотические чувства советских воинов, «Красная звезда» и красноармейская фронтовая печать рассказывали о благородных, освободительных целях Отечественной войны, показывали человеконенавистнический характер идеологии гитлеровского фашизма, его расовую теорию, под флагом которой оккупанты творили свои кровавые дела. Много писали военные газеты о невиданном вандализме гитлеровцев, устроивших массовые лагеря смерти на временно захваченной ими территории: в Майданеке, Бежице, Треблинке и других местах. «Треблинка! — говорилось в газете 1-го Белорусского фронта **«Красная Армия»**. — При этом слове люди вздрагивали и озирались по сторонам. Простое название населенного пункта страшило всех — и старых, и малых. Люди, жившие рядом с Треблинкой, не спали ночей. Темноту будоражили крики убиваемых мужчин, женщин, детей. Над Треблинкой никогда не рассеивались черные облака и дым»¹⁴.

Когда боевые действия переместились на территорию противника, перед военной, да и всей советской прессой, встала неотложная задача — с еще большей активностью вести работу по интернациональному воспитанию, по пропаганде освободительной миссии Красной Армии. Удачно действовала в этом отношении газета 3-го Белорусского фронта **«Красноармейская правда»**. Ей удалось установить тесные контакты с газетами «Московский большевик», «Рабочий путь» (Смоленск), «Советская Белоруссия», «Советская Литва» и с их помощью выпускать целевые полосы о трудовых успехах населения тех районов и областей, по территории которых прошли с боями бойцы и командиры фронта от Москвы до Восточной Пруссии.

Систематически публиковала «Красноармейская правда» подборки патриотических высказываний бойцов и командиров о родной стране. В одном из таких материалов красноармеец С. Евсеев с удовлетворением отмечал: «Когда мы пробиwali немецкую оборону под Витебском, я диву давался: откуда у нас столько самолетов, танков, орудий, такая неисчислимая сила? Потом меня ранило, и я попал в госпиталь. Вернулся на фронт, когда наши войска стояли на границе с Восточной Пруссией. В октябре мы пошли в наступление, и все, что я видел под

¹⁴ Красная Армия. 1944. 9 сентября.

Витебском, меня уже не удивило бы. Теперь самолеты сосчитать не было возможности. Артиллерия дала такого огоньку — душа радовалась. Я лежал в цепи и говорил себе: гляди, Сергей Петрович, какая мы держава. Воюем, воюем, а сила у нас все больше и больше.

А когда мы штурмовали Кенингсберг и Пиллау, мне кажется, что самолетов и орудий было больше, чем пехотинцев. Родина дала нам все, что требовалось для победы»¹⁵.

В ходе войны, несмотря на потерю больших производственных мощностей в ее начале, Советский Союз выиграл экономическое противоборство с Германией и ее сателлитами и произвел больше своего противника автоматов в 4,7 раза, пулеметов — в 1,4, орудий всех калибров — в 1,5, минометов — в 5, самоходно-артиллерийских установок — в 2,2, боевых самолетов — в 1,1 раза¹⁶. И это благодаря поистине трудовому подвигу тружеников тыла. «В военное время — работать с удесятенной энергией!», «Пусть идут на фронт нескончаемым потоком эшелоны с вооружением и боеприпасами!», «Больше металла, больше танков — ближе к победе» — эти призывы стали постоянными на страницах газет и в радиопередачах. По примеру Ферапонта Головатого по всей стране развернулось патриотическое движение по сбору средств на боевую технику Красной Армии. Средства массовой информации оперативно освещали поступление народных средств в фонд обороны. На полях сражений фашистов громили танковые колонны «Тамбовский колхозник», «Московский колхозник», «Архангельский колхозник», «Рязанский колхозник», «Ивановский колхозник», «Колхозник Грузии», «Колхозник Узбекистана», а также авиаэскадрильи, подводные лодки и катера. За счет средств населения были построены и переданы защитникам Отечества более 2,5 тысяч боевых самолетов, несколько тысяч танков, более 20 подводных лодок, много другой военной техники¹⁷.

«Все для фронта! Все для победы!» — под таким призывом печатались материалы о трудовых достижениях в тылу. Печать немедленно поддерживала все патриотические почину по увели-

¹⁵ Красноармейская правда. 1945. 30 апреля.

¹⁶ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. — М. 1991. С. 415.

¹⁷ Там же. С. 417.

чению выпуска военной продукции, по созданию трудовых бригад, боровшихся за досрочное выполнение производственных заданий. Со страниц центральных, местных и военных газет о патриотизме советских людей, о повседневной помощи, которую они оказывают фронту, рассказывали нарком вооружения Герой Социалистического Труда Д. Устинов, академик А. Богомолец, Алексей Стаханов, Герой Социалистического Труда Ф. Токарев и др.

Правдиво отражая трудовые достижения в тылу, советские журналисты успешно использовали многие формы массовой работы, появившиеся еще в годы первых пятилеток. Особенно эффективной была деятельность **выездных редакций**. Около 30 выездных редакций «Правды» и около 40 «Комсомольской правды» действовали на строительстве домен в Магнитогорске и Нижнем Тагиле, на шахтах Караганды, Кузбасса, на восстановлении Сталинградского тракторного завода. Журналист К. Девятьяров, оказавшийся в выездной редакции «Комсомолки», вспоминает: «Ни одного целого здания вокруг. Одни в пробоинах с пустыми окнами, обгорелые, еще стоят, у других только остовы с провисшими лестницами, третьи лежат на мостовой глыбами обломков... Привлекает внимание на остатках стены крупная надпись: «Отстоим родной Сталинград!». Сделана, видно, в разгар боев. Теперь в середине первого слова кто-то вписал еще одну букву, и лозунг уже звучит по-новому: «Отстроим родной Сталинград!». В возрождение города-героя внесла свой вклад и выездная редакция «Комсомолки», возглавлявшаяся известным фельетонистом С. Нариньяни, в состав которой входил также известный поэт Семен Гудзенко. Потрясают приведенные К. Девятьяровым стихи поэта, напечатанные в Сталинградской «Комсомолке», навеянные одним из многочисленных эпизодов захоронения останков бойцов:

Ни крестов, ни цветов,
Не полощутся флаги.
Серебрится кусок
Алюминевой фляги.
И подсумок пустой,
И осколок гранаты —
Неразлучны они
Даже с мертвым солдатом¹⁸.

¹⁸ Все было так — М. 1991. С. 4—5.

Достоинo в годы Великой Отечественной войны была продолжена традиция издания красочных сатирических «Окон РОСТА», по примеру которых советские художники и поэты незамедлительно приступили к выпуску «Окон ТАСС». Когда враг лез к самым московским заставам, стены Москвы провожали идущих на фронт призывами: «Ребята, не Москва ль за нами?», «Ни шагу назад!», «Огнем истреби врага!». Это были первые «Окна ТАСС», появившиеся в столице уже 26 июня 1941 г., а всего за годы войны их издано около 1,5 тысяч. Вслед за московскими «Окна ТАСС» появились в Ленинграде и других городах. Неизменными авторами «Окон ТАСС» были художники Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов), П. Соколов-Скаля, В. Дени, М. Черемных, М. Савицкий, Г. Нисский, поэты Д. Бедный, С. Маршак, В. Лебедев-Кумач, А. Жаров, С. Михалков, С. Кирсанов. Всего в издании «Окон ТАСС» принимало участие примерно 80 поэтов и 130 художников. Выходившие тиражом до нескольких тысяч экземпляров «Окна ТАСС» распространялись в основном по подписке, а также рассылались в действующие армии, вывешивались в витринах на улице. Уже в годы войны осуществлялись выставки лучших «Окон ТАСС» в Англии, Швеции, Китае, странах Южной Америки¹⁹.

Не ослабевала в годы войны и связь редакций с читателями: около 400 тысяч писем получила в военную пору «Правда», многие сотни откликов приходили в редакции на взволновавшие читателей письма. Так произошло, например, с письмом командира Тихоокеанского флота Безноскова и телеграммой фронтовика Корниенко о помощи детям, у которых погибли родители. На письмо и телеграмму, опубликованные 4 и 6 февраля 1942 г. в «Комсомольской правде», откликнулись 1380 читателей, поддержавших патриотический призыв воинов²⁰.

¹⁹ Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. — М., 1995. С. 598—603.

²⁰ *Иванова Р., Кузнецов И.* Советская журналистика в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1985. № 1. С. 18.

И ОЧЕРКИ, И ПАМФЛЕТЫ

«В дни войны газета — воздух, — писал в самый разгар Великой Отечественной Илья Эренбург. — Люди раскрывают газету, прежде чем раскрыть письмо от близкого друга. Газета теперь письмо, адресованное лично тебе. От того, что стоит в газете, зависит и твоя судьба»²¹. Эти слова емко характеризуют, какой силы заряд оптимизма, уверенности в нашей победе несли со страниц газет и журналов журналисты и писатели, какую роль играли их выступления в воспитании патриотизма, священной ненависти к фашистским поработителям. Статьи и очерки А. Толстого, М. Шолохова, И. Эренбурга, стихи Симонова и Суркова, пишет в своей книге «Россия в войне 1941—1945» А. Верт, «читал буквально каждый. Особенно большую роль в битве за поднятие морального духа советских людей сыграл Эренбург... Известно, что партизаны в тылу врага охотно обменивали пистолет-пулемет на пачку вырезок его статей. Он проявил гениальную способность перелагать жгучую ненависть всей России к немцам на язык едкой, вдохновляющей прозы, интуитивно уловил чувства, какие испытывали простые советские люди»²².

Памфлеты и статьи И. Эренбурга поистине высекали огонь ярости в сердцах советских воинов. Перо Эренбурга, отмечал маршал И.Х. Баграмян, «было действеннее автомата»²³.

За годы войны опубликовано около 1,5 тыс. статей и памфлетов писателя, составивших четыре объемистых тома под общим названием «Война». Первый том, увидевший свет в 1942 г., открывался циклом памфлетов «Бешеные волки», в которых с беспощадным сарказмом представлены главари фашистских преступников: Гитлер, Геббельс, Геринг, Гиммлер. В каждом из памфлетов, на основе достоверных биографических сведений, даны убийственные характеристики палачей «с тупыми лицами» и «мутными глазами». В памфлете «Адольф Гитлер» чита-

²¹ Симонов К., Эренбург И. В одной газете. Репортажи и статьи. 1941—1945. М., 1979. С. 7.

²² Верт Александр. Россия в войне 1941—1945. — М. 1967. С. 295.

²³ Симонов К., Эренбург И. В одной газете. Репортажи и статьи. 1941—1945. М., 1979. С. 17.

ем: «В далекие времена увлекался живописью. Таланта не оказалось, как художника забраковали. Возмущенный воскликнул: «Увидите, я стану знаменитым». Оправдал свои слова. Вряд ли найдешь в истории нового времени более знаменитого преступника»²⁴. В следующем памфлете «Доктор Геббельс» сказано: «Гитлер начинал с картинок, Геббельс с романов... И ему не повезло. Романов не покупали... Сжег 20 млн книг. Мстит читателям, которые предпочли ему какого-то Гейне»²⁵. Подстать первым двум и «герой» памфлета «Маршал Герман Геринг». Этот, обожающий титулы и звания, избравший своим жизненным девизом: «Живи, но не давай жить другим», также предстал в подлинном виде убийцы: «До прихода Гитлера к власти суд отобрал у Геринга ребенка — признан невменяемым. Гитлер доверил ему 100 млн покоренных людей»²⁶.

Примеров, подтверждающих, что у Эренбурга был свой, ни на чей не похожий «почерк» можно привести предостаточно из любой статьи писателя, а не только памфлета. В октябре—ноябре 1941 г. в «Красной звезде» одна за другой появились статьи писателя: «Выстоять», «Дни испытаний», «Мы выстоим», «Им холодно», в которых он прозорливо писал о неизбежном разгроме фашистов под советской столицей: «Москва у них под носом. Но до чего далеко до Москвы. Между ими и Москвой — Красная Армия. Их поход за квартирами мы превратим в поход за могилами! Не дадим им дров — русские сосны пойдут на немецкие кресты»²⁷.

По короткой энергичной фразе, которая по словам редактора «Красной звезды» Д. Ортенберга, «по накалу чувств, тонкой иронии и беспощадному сарказму звучала, как «строфы стихов», безошибочно угадывалось авторство его статей. В одном из писем в «Красную звезду» фронтовик Сепан Фесенко сообщал: «Однажды замполит Метелица прочитал статью. Мы ее с вниманием выслушали. Кончив читать, он спросил: «Кто писал статью?» Мы ответили в один голос: «Илья Эренбург»²⁸.

Ведущие писатели-публицисты, такие как А. Толстой, М. Шолохов, К. Симонов, Н. Тихонов также обладали своим неповто-

²⁴ Бешеные волки. — М., 1941. С. 3.

²⁵ Там же. С. 9.

²⁶ Там же. С. 8.

²⁷ Красная звезда. 1941. 4 ноября.

²⁸ Ортенберг Д. Время не властно. — М., 1975. С. 87.

римым почерком. **Патриотическая публицистика А.Н. Толстого**, в которой широта охвата сочеталась с глубиной мысли, взволнованность и эмоциональность — с высоким художественным мастерством, оказывала огромное воздействие на читателей. Вряд ли кто другой нашел такие оттенки в словах о самом драгоценном на свете — о русском человеке и о Родине. В смертельной борьбе с фашизмом чувство Родины возобладало в его статьях над всеми другими, стало «пронзительно дорого нам». Уже в первой своей статье «Что мы защищаем», появившейся в «Правде» 27 июня 1941 г., писатель последовательно проводил мысль о том, что героизм и мужество русского народа складывались исторически и эту «дивную силу исторического сопротивления» еще никому не удалось одолеть. Патриотическое звучание статей А. Толстого еще более усиливается оттого, что свои мысли он подтверждает конкретными историческими фактами, высказываниями о доблести русских воинов известных историков, полководцев, государственных деятелей.

Каждая страница военной публицистики А.Н. Толстого проникнута мыслью о небывалой мощи Советской России. В полную силу мотив величия нашей страны прозвучал в его статье «Родина», опубликованной 7 ноября 1941 г. одновременно в «Правде» и в «Красной звезде». Пророческие слова писателя «Мы сдюжим!» стали символом борьбы советских воинов.

Особенно активно выступал А.Н. Толстой в центральной печати в дни сражений за Москву. Его статьи появлялись также в республиканских и областных газетах: «Ленинградской правде», «Горьковской коммуне», многократно издавались отдельными сборниками. Очерк «Смелчаки», напечатанный 24 июля 1941 г. в «Красной звезде», за время войны был издан 35 раз на 17 языках народов СССР общим тиражом 2720 тыс. экземпляров.

О воздействии на читателей статей А. Толстого «Москве угрожает враг», «Нас не одолеешь», «Кровь народа» свидетельствуют многочисленные солдатские письма в адрес писателя. «Ваши статьи, — говорится в одном из них, — читаем по нескольку раз и всегда после читки статей нашу Родину-мать хочется крепче и крепче любить»²⁹.

²⁹ Толстой А. Военная публицистика. — М. 1984. С. 6.

Неоднократно встречался писатель с участниками боев. Именно на основе его бесед с воинами, среди которых был и Константин Семенович Сударев, погибший 2 марта 1942 г. в боях под Орлом и посмертно награжденный орденом Отечественной войны 1-й степени, созданы «Рассказы Ивана Сударева» — самые значительные произведения А. Толстого в годы Великой Отечественной. К написанию рассказов, с наибольшей полнотой отразивших героизм советского воина, его нестигаемый характер, писатель приступил в августе 1942 г. и тогда же пять из них — «Ночью в сених на сене», «Как это началось», «Семеро чумаzych», «Нина», «Странная история» — были опубликованы в «**Красной звезде**». Последний рассказ из этого цикла «Русский характер», получивший наибольший читательский отклик, появился в этой же газете 7 мая 1944 г. Он явился своего рода ответом на многочисленные выступления за рубежом в годы войны, посвященные разгадке «таинственной русской души». Нередко стойкость и мужество советских людей пытались «объяснить» их пассивностью и равнодушием к жизни. Развенчивая эти измышления, А.Н. Толстой каждым очерком и статьей показывает, как истинные патриоты отстаивают свободу своего Отечества. Апофеозом героям Великой Отечественной и стал его рассказ «Русский характер», написанный, как известно, на документальной основе. Переданная в рассказе услышанная писателем история о танкисте, обгоревшем до неузнаваемости в своем танке и нашедшем силы вернуться в строй, послужила основой для воссоздания образа героя, о духовном величии которого можно было сказать: «Да, вот они, русские характеры! Кажется прост человек, а придет суровая беда, в большом или в малом, и поднимется в нем великая сила — человеческая красота»³⁰. Эта «человеческая красота» присуща бесчисленным героям военных очерков, всем, кого война «со всей яростью укусила за сердце». Раскрывая духовную красоту советского человека, писатель делает вывод, что именно идейно-нравственные категории имели решающее значение в победе над гитлеровцами.

Гневным обличителем в годы войны фашистских главарей и подобных им личностей «с уголовным прошлым и уголовным будущим» выступал А.Н. Толстой. Опубликованные в «Красной

³⁰ Толстой А. Военная публицистика. — М. 1984. С. 221.

звезде» статьи «Кто такой Гитлер и чего он добивается», «Я призываю к ненависти», «Лицо гитлеровской армии» несли такой обличительный заряд, что Геббельс вынужден был оправдываться, нагло заявляя, что писатель «бессовестно лжет», пишет «окровавленным пером». А.Н. Толстой немедленно ответил Геббельсу, швырнувшему в эфир оскорбление писателю. «Заявляю на весь мир всем, — писал А.Н. Толстой в статье «Лицо гитлеровской армии», напечатанной 31 августа 1941 г. в «Правде», «Известиях» и в «Красной звезде», — всем гражданам и воинам свободных стран, борющимся с фашизмом, а также германскому народу. Я заявляю: немецкие солдаты и охранные отряды фашистов совершают столь непостижимые уму зверства, что — прав Геббельс — чернила наливаются кровью, и, будь у меня угрюмая фантазия самого дьявола, мне не придумать подобных пиршеств пыток, смертных воплей, мук жадных истя-

М. Шолохов, Е. Петров и А. Фадеев среди фронтовиков

заний и убийств, какие стали повседневными явлениями в областях Украины, Белоруссии и Великокороссии, куда вторглись фашистско-германские орды»³¹. Статья была столь важной, что ее незамедлительно, в тот же день, передали на иностранных языках по всему миру.

Среди статей и очерков, призывавших к мести гитлеровцам, особое значение имел очерк **М.А. Шолохова** «Наука ненависти», появившийся в «Правде» 22 июня 1942 г. Рассказав историю военнопленного, которого фашисты подвергли жесточайшим пыткам, писатель подводит читателей к мысли, вложенной в уста главного героя: «Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть мы носим на кончиках штыков».

Человеческая красота защищавших свою Родину, и испепеляющая ненависть к ее поработителям — главное и в военной публицистике **Н. Тихонова**, регулярно присылавшего в центральные газеты статьи, очерки, стихотворные произведения из блокадного Ленинграда. «Можно без преувеличения сказать, свидетельствует редактор «Красной звезды» Д. Ортенберг, — что, если бы «Красная звезда» из художественных произведений не печатала о Ленинграде больше ничего, кроме очерков Тихонова, — этого было бы достаточно, чтобы читатель знал о жизни, страданиях, борьбе, славе и подвигах героического города»³². В статьях, очерках, рассказах Н. Тихонова воссоздан немеркнущий подвиг героев-тружеников города-фронта, чье беспримерное мужество вошло в историю, как «чудо Ленинграда».

За девятьсот дней блокады Н.С. Тихонов, бывший начальником группы писателей при Политуправлении Ленинградского фронта, кроме поэмы «Киров с нами», книги стихов «Огненный год» и «Ленинградских рассказов» написал свыше тысячи очерков, статей, обращений, заметок, которые опублико-

³¹ Толстой А. Военная публицистика. — М. 1984. С. 253.

³² Ортенберг Д. Время не властно. — М., 1975. С. 119.

вались не только в центральных газетах, но и часто печатались в «Ленинградской правде», в ленинградской фронтовой газете «На страже Родины». Пусть знают враги, гневно заявлял в тяжелейшие дни блокады писатель, что мы будем сражаться всюду: и в поле, и в небе, на воде и под водой, мы будем сражаться до тех пор, пока на нашей земле не останется ни одного вражеского танка, ни одного вражеского солдата.

Имеются убедительные свидетельства того, как помогало его вдохновляющее слово громить фашистов. В ноябре 1942 г. в «Известиях» появилась его статья «Будущее», в которой говорилось о скорой нашей победе. «Газета с этой статьей, — читаем в воспоминаниях писателя, — попала в партизанский край, в Белоруссию. Партизаны выпустили статью отдельной брошюрой. Молодой, беззаветно храбрый партизан Саша Савицкий погиб в неравном бою, не сдавшись врагам. Было это 25 июня 1943 г. Фашисты нашли у погибшего только эту брошюру»³³.

Публицистика военной поры отличалась глубокой лиричностью, беззаветной любовью к родной земле, и это не могло не затронуть читателей. Называя Смоленщину самым милым сердцу краем, **К. Симонов** так передает свои сокровенные думы: «С особенной болью, которая живет во мне, не оставляя ни на минуту, я вспоминаю деревенские кладбища... Когда смотришь на такой деревенский погост, чувствуешь, сколько поколений легло здесь в могилы, в свою землю, рядом со своими дедовскими, прадедовскими избами, чувствуешь, какая это наша деревня, какая это наша земля, как невозможно отдать ее, — невозможно, так же как невозможно вырвать у себя сердце и суметь после этого все-таки жить»³⁴. Что можно чувствовать к тем, кто осквернил эти святые места, усеял их трупами невинных стариков, женщин и детей? Каждый, прочитавший очерк К. Симонова «На старой Смоленской дороге», запомнит такую сцену: «Немолодой рыжеусый сапер долго, внимательно смотрит в овраг на мертвую женщину с ребенком. Потом ни к кому не обращаясь, поправив на плече винтовку, говорит глуховатым, простуженным голосом:

³³ Тихонов Н. Сила России. Военная публицистика. — М., 1977. С. 6.

³⁴ Симонов К., Эренбург И. В одной редакции. Репортажи и статьи 1941—1945. — М., 1967. С. 152.

— Робеночка не пожалели...

Он больше ничего не прибавляет к этим словам — ни ругательств, ни крика негодования, ничего... Но за словами его чувствуется тяжелое, навсегда созревшее у него решение: не пожалеть их — тех, которые не пожалели»³⁵.

Очерк «На старой Смоленской дороге» появился в «Красной звезде» 17 марта 1943 г., а месяцем раньше в этой же газете под названием «Письмо другу» напечатано одно из лучших стихотворений К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» Тематическая связь этих двух замечательных произведений очевидна.

Той же лиричностью, беспредельной любовью к жизни, к Родине и той же ненавистью к фашистам проникнуты знаменитые «Письма к товарищу» **Б. Горбатова**: «Товарищ! Если ты любишь Родину, — бей, без пощады бей, без страха, бей врага!»³⁶.

Одна из основных тем военной публицистики — освободительная миссия Красной Армии. Без нас, писал А.Н. Толстой, немцам не справиться с Гитлером, а помочь им можно только в одном — бить гитлеровскую армию, не давая ни дня, ни часа передышки.

Военная советская публицистика вдохновляла на борьбу за освобождение все народы Европы, над которыми опустилась черная ночь фашизма. В пламенных словах, обращенных к партизанам Польши и Сербии, Черногории и Чехии, не смирившимся народам Бельгии и Голландии, растерзанной Франции, суровой и гордой Норвегии, звучал призыв как можно скорее очистить родные земли от фашистских насильников и засеять их «никем уже более, отныне и до века, непопираемой национальной культурой».

Особенность публицистики Великой Отечественной войны и в том, что традиционным газетным жанрам — статье, корреспонденции, очерку — перо мастера слова придавало качества художественной прозы. Многими удивительно тонкими наблюдениями запоминаются фронтовые корреспонденции М.А. Шолохова «По пути к фронту»: «На мрачном фоне пожа-

³⁵ Симонов К., Эренбург И. В одной редакции. Репортажи и статьи 1941—1945. — М., 1967. С. 156.

³⁶ Правда. 1941. 29 сентября.

рища неправдоподобно, кощунственно красиво выглядит единственный, чудом уцелевший подсолнечник, безмятежно сияющий золотыми лепестками. Он стоит неподалеку от фундамента сгоревшего дома. Среди вытоптанной картофельной ботвы. Листья его слегка опалены пламенем пожара, ствол засыпан обломками кирпичей, но он живет! Он упорно живет среди всеобщего разрушения и смерти, и кажется, что подсолнечник, слегка покачивающийся от ветра, — единственное живое создание природы на этом кладбище»³⁷.

Нельзя не отметить, что в годы войны все чаще проявляется солидарность с Советской Россией в публицистике русского зарубежья. Поистине гимном «боевой мощи Красной армии» стала статья П.Н. Милюкова «Правда о большевизме», посвященная победе советских войск под Сталинградом и опубликованная в газете «Русский патриот», издававшейся в Париже с 1943 по 1945 год.

Острое чувство времени трансформировалось в годы войны не только в газетных жанрах, но и в стихах, регулярно публиковавшихся в газетах, журналах, звучавших по радио. Даже в самых жарких сражениях бойцы не расставались с полюбившимся томиком стихов К. Симонова «С тобой и без тебя», с «Василием Теркиным» А. Твардовского, со стихами М. Исаковского «В лесу прифронтовом», «Огонек», А. Суркова «В землянке», многими другими, ставшими популярными песнями.

Правдивой летописью войны стала фотопублицистика. Зрительное восприятие всего, что происходило на фронте и в тылу, оказывало самое сильное воздействие. Снимки Д. Бальтерманца, М. Калашникова, Б. Кудоярова, В. Темина, П. Трошкина, А. Устинова, Я. Халипа, И. Шагина навсегда сохраняют, через какие испытания, лишения, утраты шел к победе советский народ. Корреспондент фотохроники ТАСС Я. Халин увековечил подвиг советского солдата Алексея Еременко всего за несколько мгновений до его гибели. «Комбат», так он назвал свой снимок, который побывал на всех крупнейших фотовыставках мира, стал символом Великой Отечественной и отлитый в бронзе поднялся у того украинского села, где погиб ставший всемирно известным герой.

³⁷ Шолохов М. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. — М. 1975. С. 95.

С первого до последнего дня войны в авангарде проявившего небывалый героизм советского народа находилась партия коммунистов. «ВКП(б) была поистине сражающейся партией. 80% ее членов состояли в рядах вооруженных сил... Три миллиона из них, фактически каждый второй, пали в боях или погибли в результате лишений военных лет»³⁸. В труде и в бою рядом с коммунистами были комсомольцы. Как и коммунистическая партия, комсомол превратился в воюющую организацию. На фронте и в тылу в комсомол вступило около 12 млн юношей и девушек. Более 3,5 млн комсомольцев были награждены боевыми орденами и медалями³⁹. Можно утверждать, что тысячи советских журналистов, среди которых были сотни и сотни писателей, тоже превратились в воюющую организацию. В одном из писем фронтовики писали А.Н. Толстому: «В дни Великой Отечественной войны Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом, и мы чувствуем, как будто Вы находитесь с нами совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю. У Вас иное оружие. Но оно так же остро, как наши штыки, как клинки наших красных конников: его огонь такой убедительный, как огонь наших автоматов и пушек. Мы вместе громим обнаглевших фашистов»⁴⁰.

Поистине неопенима роль советской журналистики в достижении победы над фашизмом. Ее силу вынуждены были признавать даже гитлеровские главари, неоднократно заявлявшие, что советская пресса «действует очень умело»⁴¹.

Вопросы для повторения

1. Перестройка системы печати в годы Великой Отечественной войны.
2. Фронтовые и армейские газеты в системе отечественных СМИ.

³⁸ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. — М., 1991. С. 416.

³⁹ Там же. С. 417.

⁴⁰ Писатели в Отечественной войне 1941—1945 гг. Письма читателей. — М., 1946. С. 19.

⁴¹ Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. — М., 1973. С. 444.

3. Возрастание роли оперативной информации: создание Советского Информационного Бюро. Его цели и задачи.
4. Перестройка радиовещания: особая роль радиопередач «Письма на фронт» и «Письма с фронтов Отечественной войны».
5. Деятельность на фронте в качестве военных корреспондентов советских писателей и ведущих журналистов.
6. Особенности писательской публицистики: очерки Б. Горбатова, К. Симонова, Н. Тихонова, А. Толстого, А. Фадеева, М. Шолохова.
7. Памфлет в системе военной публицистики. (И. Эренбург, Я. Галан и др.).
8. Гитлеровские газеты и радиовещание на временно оккупированной территории.
9. Фотопублицистика — правдивая летопись Великой Отечественной войны.

Хрестоматия к главе IV

О СОЗДАНИИ И ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО БЮРО

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР 24 июня 1941 г.

1. В целях сосредоточения руководства всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, а также освещения военных событий образовать Советское Информационное Бюро.
2. Утвердить Советское Информационное Бюро в составе товарищей:
 1. Щербаков (начальник)
 2. Лозовский
 3. Хавинсон
 4. Поликарпов
 5. Саксин

6. Голиков

3. Возложить на Советское Информационное Бюро:

- а) руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и на радио;
- б) организацию контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды;
- в) освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного Командования.

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. — М., 1987

О РАБОТЕ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ НА ФРОНТЕ

**[Из положения, утвержденного в 1942 г.
Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и
Главным политическим управлением Красной Армии]**

Право иметь постоянных корреспондентов на фронте, указывается в положении, предоставляется: Совинформбюро, ТАСС, Все-союзному радиокомитету, редакциям газет: «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол», «Комсомольская правда».

Республиканским и областным газетам разрешается иметь своих корреспондентов на фронте только в том случае, если военные действия происходят на территории данной республики или области.

В положении отмечается, что военными корреспондентами могут быть члены и кандидаты ВКП(б), члены ВЛКСМ и беспартийные, имеющие опыт журналистской работы и обладающие необходимым для работы на фронте минимумом военных знаний.

Все постоянные военные корреспонденты зачисляются в кадры Красной Армии (Военно-морского флота).

На военных корреспондентов возлагается обеспечение печати и радио военной информацией и материалами, освещающими:

- а) боевой опыт частей, бойцов и командиров Красной Армии (Военно-морского флота) в Отечественной войне Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков, опыт партийно-политической работы в частях Красной Армии;

б) содействие населения прифронтовой полосы боевым действиям частей Красной Армии;

в) чинимые немецко-фашистскими захватчиками зверства, грабежи и насилия над мирным населением оккупированных ими районов, истребление немцами советских военнопленных.

Главной задачей военных корреспондентов является показ людей фронта — бойцов и командиров Красной Армии (Военно-морского флота), хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициативы, военной сметки и хитрости в борьбе с врагом, их ненависти к немецко-фашистским захватчикам, стойкости, самоотверженности и дисциплины в выполнении приказов командования.

На корреспондентов Совинформбюро, кроме того, возлагается ежедневная информация о положении на фронте и действиях частей на решающих направлениях и участках фронта.

Военный корреспондент обязан:

а) проявлять максимум личной инициативы в выполнении возложенных на него задач, постоянно находиться непосредственно в частях и соединениях Красной Армии (Военно-морского флота), неустанно работать над повышением своей военной подготовки;

б) широко привлекать к участию в печати или радио бойцов, командиров и политработников Красной Армии (военно-морского флота);

в) строжайше хранить военную тайну;

г) всем своим поведением на фронте показывать образец дисциплины, смелости и неутомимости в работе, стойко и мужественно переносить все трудности и лишения фронтовой жизни, быть готовым в любую минуту к участию в бою, если этого потребует сложившаяся обстановка.

Военные корреспонденты ответственны за свою работу перед редакцией газеты, Совинформбюро, ТАСС, Радиокомитетом и им подотчетны.

Повседневное руководство военными корреспондентами осуществляется редактором газеты (Совинформбюро, ТАСС, Радиокомитетом) непосредственно или через отделы фронтовой жизни.

Редакции газет, Совинформбюро, ТАСС, Радиокомитет периодически вызывают своих корреспондентов с фронта для отчета в своей работе и инструктажа.

Постоянные военные корреспонденты, члены и кандидаты ВКП(б), члены ВКСМ, состоят на учете в партийной или комсомольской организации Политуправления фронта.

Политорганы, комиссары частей и соединений, командиры Красной Армии (Военно-морского флота) оказывают военным корреспондентам всемерное содействие в их работе:

- а) систематически знакомят корреспондентов с положением на фронте, ходом боевых действий частей и соединений в размерах, не разглашающих дислокацию частей и дальнейших замыслов командования, помогают им в выборе частей и соединений для выездов, а также в подборе людей, которых можно привлечь к участию в газете;
- б) знакомят корреспондентов с документами, представляющими интерес для печати и радио, не разглашающими военную тайну;
- в) помогают корреспондентам в передвижении по фронту и в деле связи со своими организациями.

*О партийной и советской печати/
Сб. документов. — М., 1954*

Б.Л. ГОРБАТОВ [1908—1954]

Письма к товарищу О жизни и смерти

1

Товарищ! Сейчас нам прочитали приказ: с рассветом — бой. Семь часов осталось до рассвета.

Теперь ночь, дальнее мерцание звезд и тишина; смолк артиллерийский гром, забылся коротким сном сосед, где-то в углу чуть слышно поет зуммер, что-то шепчет связист...

Есть такие минуты особенной тишины, их никогда не забыть!

Помнишь ночь на 17 сентября 1939 года? В пять ноль-ноль мы перешли границу и вошли в фольварк Кобылья Голова. Тишина удивила и даже обидела нас. Только цокот копыт наших коней да стук наших сердец. Мы не такой ждали встречи!

Но изо всех окон на нас молча глядели сияющие радостью глаза, из всех дверей к нам тянулись дрожащие от волнения руки... И

я нет, этого не рассказать! Этого не забыть — тишины переполненных счастьем душ.

А полдень 13 марта 1940 года? В двенадцать часов дня разом смолкли все пушки, гаубицы и на всем карельском перешейке вдруг воцарилась тишина — незабываемая, прочная тишина победы. И мы услышали тогда, как звенит лед на Вуокси-Вирта, как шумит ветвями красавец лес, как стучит о сосну дятел, — раньше мы ничего не слышали из-за канонады.

Когда-нибудь буду вспоминать я и сегодняшнюю ночь, ночь на 30 октября 1941 года. Как дрожали, точно озябшие, звезды. Как ворочался во сне сосед. А над холмами, окопами, огненными позициями стояла тишина, грозная, пороховая тишина. Тишина перед боем.

А я лежал в окопе, прикрывая фонарик полою мокрой шинели, писал себе письмо и думал... И так же, как я, миллионы бойцов, от Северного Ледовитого океана до Черного моря, лежали в эту ночь на осенней, жухлым листом покрытой земле, ждали рассвета и боя и думали о жизни и смерти, о своей судьбе.

2

Товарищ!

Очень хочется жить.

Жить, дышать, ходить по земле, видеть небо над головой.

Но не всякой жизнью хочу я жить, не на всякую жизнь согласен.

Вчера приполз к нам в окоп человек «с того берега» — ушел от немцев. Приполз на распухших ногах, на изодранных в кровь локтях. Увидев нас, своих, заплакал. Все жал руки, все обнять хотел. И лицо его прыгало, и губы прыгали тоже.....

Мы отдали ему свой хлеб, свое сало и свой табак. И, когда человек насытился и успокоился, он рассказал нам о фашистах: о насилиях, пытках, грабежах. И кровь закипала у бойцов, слушавших его, и жарко стучало сердце.

А я глядел на спину этого человека. Только на спину. Глядел не отрываясь. Страшнее всяких рассказов была эта спина.

Всего полтора месяца прожил этот человек под властью врага, а спина его согнулась.словно хребет ему переломали.словно все полтора месяца ходил он кланяясь, извиваясь, вздрагивая всей спиной в ожидании удара. Это была спина подневольного человека. Это была спина раба.

— Выпрямься! — хотелось закричать ему. — Эй, разверни плечи, товарищ! Ты среди своих.

Вот когда увидел я, с последней ясностью увидел, что несет мне фашизм: жизнь с переломленной, покоренной спиной.

Товарищ! Пять часов осталось до рассвета. Через пять часов я пойду в бой. Не за этот серенький холм, что впереди, буду я драться с врагом. Из-за большего идет драка. Решается: кто будет хозяином моей судьбы — я или он.

До сих пор я, ты, каждый был сам хозяином своей судьбы. Мы избрали себе труд по призванию, профессию по душе, подругу по сердцу. Свободные люди на свободной земле, мы смело глядели в завтра. Вся страна была нашей Родиной, в каждом доме товарищи. Любая профессия была почетна, труд был делом доблести и славы. Ты знал: каждая новая тонна угля, добытая тобой в шахте, принесет тебе славу, почет, награду. Каждый центнер хлеба, добытый тобой на колхозном поле, умножит твоё богатство, богатство твоей семьи.

Но вот придет враг. Он станет хозяином твоей судьбы. Он растопчет твоё сегодня и украдет твоё завтра. Он будет властвовать над твоей жизнью, над твоим домом, над твоей семьей. Он может лишить тебя дома — и ты уйдешь, сгорбив спину, в дождь, в непогоду, из родного дома. Он может лишить тебя жизни, — и ты, пристреленный где-нибудь у забора, так и застынешь в грязи, никем не похороненный. Он может и сохранить тебе жизнь, ему рабочий скот нужен, — и он сделает тебя рабом с переломанным, покорным хребтом. Ты добудешь центнер хлеба, — он заберет его, тебя оставит голодным. Ты вырубешь тонну угля — он заберет ее да еще обругает: «Русская свинья, ты работаешь плохо!» Ты всегда останешься для него русским Иваном, низшим существом, быдлом. Он заставит тебя забыть язык твоих отцов, язык, которым ты мыслил, мечтал, на котором призывался в любви невесте. Он заставит тебя выучиться немецкой речи и будет смеяться, слушая, как ты коверкаешь чужой язык.

Все мечты твои он растопчет, все надежды оплюет. Ты мечтал, что сынишка твой, выросши, станет ученым, инженером, славным человеком на земле, — но фашисту не нужны русские ученые, он своих сгноил в собачьих лагерях. Ему нужен тупой рабочий скот, — и он погонит твоего сына в ярмо, разом лишив его и детства, и юности, и будущего.

Ты берег, лелеял свою красавицу дочку. Сколько раз, бывало, склонялся ты вместе с женой над беленькой кроваткой Маринки и мечтал о ее счастье. Но фашисту не нужны чистые русские девушки. В публичный дом, на потеху разнузданной солдатне, швырнет он твою гордость — Маринку, отличницу, красавицу...

Ты гордился своей женой. Первой девушкой была у нас на руднике Оксана! Тебе завидовали все. Но в рабстве люди не хорошеют, не молодеют. Быстро станет старухой твоя Оксана. Старухой с согбенной спиной.

Ты чтил своих дорогих стариков — отца и мать, — они тебя кормили. Страна помогла тебе устроить им почетную старость. Но фашисту не нужны старые русские люди. Они не имеют цены рабочего скота, — и он не даст тебе для твоих стариков ни грамма из центнеров хлеба, добытых твоей же рукой...

Может быть, ты все это вынесешь, может, не сдохнешь, отупев, смиришься, будешь влачить слепую, голодную безотрадную жизнь? Нет, лучше штык в глотку, чем ярмо на шею! Нет, лучше умереть героем, чем жить рабом!

Товарищ! Три часа осталось до рассвета. Судьба моя в моих руках. На острие штыка моя судьба, а с нею и судьба моей семьи, моей страны, моего народа.

3

Товарищ!

Сегодня днем мы расстреляли Антона Чувырина, бойца третьей роты.

Полк стоял большим квадратом; небо было по-осеннему сурово, и желтый лист, дрожа, падал в грязь, и строй наш был недвижим, никто не шелохнулся.

Он стоял перед нами с руками за спиной, в шинели без ремня, жалкий трус, предатель, дезертир, Антон Чувирин, его глаза подло бегали по сторонам, нам в глаза не глядели. Он нас боялся, товарищ. Ведь это он нас предал.

Хотел ли он победы фашистов? Нет, нет, конечно, как всякий русский человек. Но у него была душа зайца, а сердце хорька. Он тоже, вероятно, размышлял о жизни и смерти, о своей судьбе. И свою судьбу рассудил так: «Моя судьба — в моей шкуре».

Ему казалось, что он рассуждает хитро: «Наша возьмет — прекрасно. А я как раз и шкуру сберег. Враг одолеет — ну что же, пойду в рабы к немцу. Опять моя шкура при мне».

Он хотел отсидеться, убежать от войны, будто можно от войны спрятаться. Он хотел, чтобы за него, за его судьбу дрались и умирали товарищи.

Эх, просчитался ты, Антон Чувирин! Никто за тебя драться не станет. Здесь каждый дерется за себя и за Родину! За свою семью и за Родину! За свою судьбу и за судьбу Родины! Не отдерешь, слышишь, не отдерешь нас от Родины: кровью, сердцем, мясом приросли мы к ней. Ее судьба — наша судьба, ее гибель — наша гибель. Ее победа — наша победа.

И, когда мы победим, мы каждого спросим: что ты для победы сделал?

Мы ничего не забудем! Мы никого не простим!

Вот он лежит в бурьяне, Антон Проклятый, — человек, сам отравивший себя от Родины в грозный для нее час. Он берег свою шкуру для рабской жизни — и нашел собачью смерть.

А мы проходим мимо поротно, железным шагом. Проходим мимо, не глядя, не жалея. С рассветом пойдем в бой. В штыки. Будем драться, жизни своей не щадя, может, умрем. Но никто не скажет о нас, что мы трусили, что шкура наша была нам дороже Отчизны.

4

Товарищ!

Два часа осталось до рассвета. Давай помечтаем.

Я гляжу сквозь ночь глазами человека, которому близостью боя и смерти дано далеко видеть. Через многие ночи, дни, месяцы гляжу я вперед, и там, за горами горя, вижу нашу победу. Мы добудем ее! Через потоки крови, через муки и страдания, через грязь и ужас войны мы придем к ней. К полной и окончательной победе над врагом! Мы ее выстрадали, мы ее завоюем.

Вспомни предвоенные годы. Над всем нашим поколением вечно висел меч войны. Мы жили, трудились, ласкали жен, растили детей, но ни на минуту не забывали: там, за нашей границей, сопит, ворочается злобный зверь. Война была нашим соседом. Дыхание гада отравляло нам и труд, и жизнь, и любовь. И мы спали тревожно. На дно сундуков не прятали старой шинели. Ждали.

Враг напал на нас. Вот он на нашей земле. Идет страшный бой. Не на жизнь — на смерть. Теперь нет компромиссов. Нет выбора. Задушить, уничтожить, раз навсегда покончить с гитлеровским зверем! И когда свалится в могилу последний фашист и когда смолкнет последний залп гаубиц, — как дурной сон развеется коричневый кошмар, и наступит тишина, величественная, прочная тишина победы. И мы услышим, товарищ, как облегченно, радостно вздохнет весь мир, все человечество.

Мы войдем в города и села, освобожденные от врага, и нас встретит торжественная тишина, тишина переполненных счастьем душ. А потом задымят восстановленные заводы, забурлит жизнь... Замечательная жизнь, товарищ! Жизнь на свободной земле, в братстве со всеми народами.

За такую жизнь и умереть не много. Это не смерть, а бессмертие.

Светает...

По земле побежали робкие серые тени. Никогда еще не казалась мне жизнь такой прекрасной, как в этот предрассветный час. Гляди, как похорошела донецкая степь, как заиграли под лучами солнца меловые горы, стали серебряными.

Да, очень хочется жить. Увидеть победу. Прижать к шершавой шинели кудрявую головку дочери.

Я очень люблю жизнь — и потому иду сейчас в бой. Я иду в бой за жизнь. За настоящую, а не рабскую жизнь, товарищ! За счастье моих детей. За счастье моей Родины. За мое счастье. Я люблю жизнь, но щадить ее не буду. Я люблю жизнь, но смерти не испугаюсь. Жить, как воин, и умереть, как воин, — вот как я понимаю жизнь.

Рассвет...

Загрохотали гаубицы. Артподготовка.

Сейчас и мы пойдем.

Товарищ!

Над Родной донецкой степью встает солнце. Солнце боя. Под его лучами я торжественно клянусь тебе, товарищ! Я не дрогну в бою! Раненый — не уйду из строя. Окруженный врагами — не сдамся. Нет в моем сердце сейчас ни страха, ни смятения, ни жалости к врагу — только ненависть. Лютая ненависть. Сердце жжет...

Это — наш смертный бой.

Иду.

Правда. 1942. 17 ноября

П.Н. МИЛЮКОВ [1959—1943]

Правда о большевизме

От редакции (газеты Русский патриот) — Сост.): В одной из своих предсмертных статей, предназначенной для американского журнала, П.Н. Милюков отвечает Вишняку и Тимашеву на оценку большевизма в связи с текущей войной. Во время немецкой оккупации статья эта была доступна лишь крайне ограниченному кругу читателей. Считая полезным расширить этот круг, мы не комментируя, приводим из нее ряд выдержек.

«По существу, мы все — антибольшевики. В этом заключается причина того, что мы должны были покинуть родину. Но в нашей среде появилась, по мнению Вишняка, особая группа «джингоис-

тов» пробольшевизма. Прочтя его характеристику этого течения — и произведя испытание моей собственной политической совести — я должен был бы причислить себя самого к этой категории. «Гром победы раздавайся»: этой отличительной цитатой Вишняк хочет сразу дискредитировать своих противников. Что же? Мне тоже приходится цинически повторять: «Да! Гром победы раздавайся!» К негодованию Вишняка, «джингоисты», по своей упрощенной логике, требуют от него выбора: «Вы не за Сталина? — Значит вы за Гитлера». Грешен я и в этом. Бывают моменты — это еще Солон заметил и в закон ввел, — когда выбор становится обязательен. Правда, я знаю политиков, которые, по своей «осложненной психологии», предпочитают в этих случаях отступить на нейтральную позицию. «Мы ни за того, ни за другого». К ним я не принадлежу.

Сопоставляя старую «правду» со своей новой, «джингоисты» по наблюдению Вишняка, изыскивают смягчающие обстоятельства прошлой деятельности (советской) власти. Это сказано слишком обще. Какой «деятельности» и в каком «прошлом»? Но я готов признаться и в этом. Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней. Знаю, что признание это близко к учению Лойолы. Но что поделаешь? Ведь, иначе пришлось бы беспощадно осудить и поведение нашего Петра Великого».

«Признаем ли октябрьскую революцию 1917 года настоящей революцией, в полном смысле этого слова? Французская и английская революции имели такой же характер, и были, несмотря (или даже вследствие) на свою разрушительную функцию, признаны не «эпизодами», а органической частью национальной истории. Русская революция пошла дальше в направлении разрушения. Она в корне изменила старый социальный строй, уничтожив «классы», «перестроила» политическую структуру, заменив старый государственный строй управлением партийных советов... Вишняк называет все эти перемены «провалами». Но это значит — за разрушительной стороной русской революции не видеть ее творческих достижений. Мало того: это значит — игнорировать связь русского революционного творчества с русским прошлым, которая, собственно, и подтверждает право рассматривать русскую революцию как «органическую» часть русской истории. На связь русской революции с историческим прошлым мне лично приходилось указывать не раз. Четвертьвековой режим большевиков не может быть простым эпизодом...».

На упреки Вишняка по адресу России в ее влиянии на разоружение демократий Милюков отвечает:

«Неужели М.В. Вишняк серьезно думает, что разоружение демократической Европы произошло под влиянием пропаганды из

Москвы? И что произошло оно как раз тогда, когда сама Россия секретно вооружалась? Нельзя же до такой степени упрощать и извращать сложное явление европейской жизни! Помимо разнообразных внутренних пацифистских течений, тут, прежде всего, влияло направление внешней политики Англии и Франции, — особенно Англии, — не только не предвидевших вооруженного столкновения с Германией, но и содействовавших своим бездействием ее перевооружению. Все это азбучные истины, вероятно, известные и автору. Но его искусственное построение слишком выдает его политическую тенденцию, хотя как-нибудь умалить сталинские (русские) успехи, хоть бы и «объективные», то есть независимые от его воли. Ту же цель Вишняк преследует, крайне преувеличивая значение соглашения Сталина с Гитлером о нейтралитете России».

На заявление Вишняка:

«Не будь обеспечен у Гитлера тыл на востоке, вероятно, вся картина мира была бы не той, какой она стала после соглашения 23 августа 1939 года, в значительной мере вследствие этого соглашения. Правящая советская клика своим дипломатическим искусством способствовала восхождению к власти наци и победоносному продвижению их по всему миру».

Милуков возражает:

«Читаешь, и не веришь глазам. «Восхождение к власти наци» произошло раньше 1939 года. Западные демократии также разоружились раньше и далеко не закончили к 1939 году своего перевооружения. Их решение вступить в войну с Германией было принято добровольно уже после заключения советско-германского договора 23 августа. Это все — общеизвестные факты. Неужели же Вишняк хотел бы, чтобы вся тяжесть союзной войны против могущественной армии Гитлера легла тогда, как отчасти происходит и теперь, на одну недовооруженную еще Россию? В чем же провинился тут Сталин? В том ли, что он предпочел нейтралитет и тем выиграл еще полтора года для подготовки к войне, которую считал неизбежной?.. Что пакт не был направлен против демократий, доказывается спорным отказом советской дипломатии на неоднократные попытки германцев расширить значение пакта в направлении активного сотрудничества. Если «карта мира», в отсутствии России, оказалась иной, нежели ожидали демократические государства, то причины этого надо искать в их собственной политике, а не в политике СССР, их будущего союзника. Если СССР обнаружил тут больше «дипломатического искусства», то это не его вина, а заслуга, и хорошо, что Вишняк не был при этом дипломатическим советником».

И далее, по другому поводу:

«Утверждать, что «правящая клика» ни при чем в теперешнем положительном настроении к ней армии и населения, и что отношение к власти сплошь «остается враждебным», значит, присоединиться к ожиданиям неприятеля, тоже «не сомневающегося», что народ восстанет против правительства и режима при первом появлении германских штыков. В действительности, этот народ в худом и хорошем связан со своим режимом его уже четвертьвековой давностью. Огромное большинство народа другого режима не знает. Представители и свидетели старого порядка доживают свои дни на чужбине, а идеологи неоправдавшихся иллюзий, увлекшись народом в начале, тщетно ждали крестьянского восстания как раз в голодные годы коллективизации.

Но надо идти дальше. Народ не только принял советский режим, как факт. Он примирился с его недостатками и оценил его преимущества. Н.С. Тимашев прав в своем утверждении, что поворот Сталина к национализму, его пропаганда «зажиточной» жизни, его уступки в хозяйственной сфере, — прибавлю еще — и его ухаживание за «беспартийными», — свое действие произвели. Нельзя отрицать наличия устрашающих мер, применяемых не одними большевиками, для поддержания дисциплины в страшной обстановке военной борьбы. Но сам Вишняк отказывается объяснить ими «чудеса храбрости», обманувшие ожидания наших врагов. Когда некоторые русские люди под впечатлением таких же ожиданий, пошли вместе с германцами «освобождать» Россию от ее режима, они получили, по их невольным признаниям «оттуда», целый ряд бесспорных данных, подтверждающих их недоверие к утверждениям Вишняка и германцев о ненависти народа к режиму. Приведу некоторые из самоновейших показаний этих очевидцев. Беру их из такого компетентного источника, как «Парижский Вестник», издающийся русскими германофилами.

Вот выражения недоумения при первой встрече русских эмигрантских «освободителей» с «подлинной Россией». «Конечно, в них (русских солдатах) есть много поначалу для нас непонятного, и нужно сказать, что условий русской жизни мы не знали совсем и на внутрирусские политические темы спорить с ними трудно. Приходится, развесив уши, их слушать, делая вид, что все равно знаешь — и быстро находить выход из положения. Никакой теорией их не забьешь. Нужно знание жизни. Наши прежние, старые солдаты бродят среди них (молодых советских солдат), как потерянные и чувствуют над собою их превосходство» («Парижский Вестник», № 9).

После первого момента растерянности следует постепенное признание и сдача перед развернувшейся действительностью. Да, —

соглашаются эмигрантские наблюдатели, — «народ изменился, стал гораздо развитее, сообразительнее». «Советчина для них все. Она их вывела в люди, и они ничего другого не хотят». («Парижский Вестник», № 8). В смысле умственного развития русские люди значительно и выгодно отличаются от дореволюционных. Гораздо больше развиты (№ 10). В частности, красные офицеры как военные спецы подготовлены хорошо. В итоге у «освободителей» является сомнение. «В Париже многие из нас (пошедших с германцами) считались изменниками родине и людьми, идущими против своего народа» (№ 4). А вдруг это правда?

Не знаю, повторит ли Вишняк свое неосторожное восклицание «при чем тут правящая советская клика? Пусть, прежде всего, справится у своего соседа Н.С. Тимашева. В числе «факторов силы» тут указано: «В первую мировую войну Россия вышла, имея только 40 проц. грамотных в населении старше 10 лет. В эту войну Россия по данным переписи 1939 года, вошла с 81 проц. грамотных, неграмотные сохранились только среди старших возрастных групп, а бойцы Красной армии сплошь грамотны». Мы видели, что они не только грамотны, но и развиты. Здесь я иду дальше Н.С. Тимашева в оценке среднего уровня образования, особенно профессионального и военного. Русский экономист Юрьевский (в издававшемся нами сообща с М.В. Вишняком журнале), вычислил, что новый персонал управления, подобранный Сталиным, составляет 14,3 проц. населения, что он сильно возрос сравнительно с 1924 г. соответственно усложнившимся функциям, взятым на себя государством, и что подбор этот заменил старые необученные кадры и состоит из прошедших профессиональные школы работников по разным отделам управления промышленности, торговли, образования, гигиены и т.д. Это уже не похоже на управление дореволюционных земских начальников.

В частности, «при чем советская клика» в успехах армии? На феноменальное неведение Вишняка в этой области я хочу ответить свидетельством немецкого специалиста, добросовестно переведенным в русской газете, издаваемой в Берлине («Новое Слово»). Автор статьи в руководящей идеологической газете ударников, говорит следующее: ««Европейцу кажется невероятным, что советские солдаты дают гнать себя на верную смерть. Столь же невероятно, что они, несмотря на свою рабскую психику, являют примеры полного презрения к смерти. В чем коренится их упорство? Непостижимо, чтобы люди, которые в повседневной жизни прозябают на низшей ступени и потребности которых устрашающе примитивны, что эти самые люди в состоянии справиться с очень сложными ма-

шинами, станками и инструментами, что они умеют обращаться с современным вооружением, которое они сами же в состоянии производить. Примечательно, что они вообще сумели наладить производство этого вооружения. Удивительно, что они как-то поставили на рельсы нужный для этого производства гигантский аппарат управления. Вот это — приводящее в изумление достижение. Объяснить его, равно, как поведение советского солдата в бою, только массовым рабством, — нельзя, ибо руками рабов можно прорыть каналы, но нельзя создать военной индустрии. Приходится признать в советском человеке нечто, похожее на силу веры» и т.д.

Итак, «упорство» советского солдата коренится не только в том, что он идет на смерть с голой грудью, но и в том, что он равен своему противнику в техническом знании и вооружении, и не менее развит профессионально. Откуда же получил он эту подготовку? Откуда, как не от «советской клики»? С другой стороны, немецкий наблюдатель принужден признать в советском человеке и какую-то силу веры, его вдохновляющую. Может быть, и тут кое-чему его научила «советская клика». Недаром же от всех советских граждан, попадающих в атмосферу менее «примитивной» культуры, мы постоянно слышим упорное утверждение, что Россия — лучшая страна в мире».

И Милюков заканчивает свою статью: «Мы подошли к концу в пределах намеченного мною разбора. Я боюсь подводить итог: он слишком невыгоден для моего бывшего сотрудника. М.В. Вишняк парит слишком высоко над действительностью, чтобы намечать ее индивидуальные черты. Так легко нельзя решать сложные вопросы жизни. Этой смелости суждений соответствует или незнание фактов, самых очевидных, или забвение о них в угоду заранее намеченным выводам...

Нужно лучше знать правду о большевизме и объективнее к ней относиться».

Русский патриот. 1944. 11 ноября

К.М. СИМОНОВ [1915—1979]

Дни и ночи

Тот, кто был здесь, никогда этого не забудет. Когда через много лет мы начнем вспоминать и наши уста произнесут слово «война», то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожаров, в ушах снова возникнет тяжелый бесконечный грохот

бомбежки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим сухое громыхание перегоревшего кровельного железа.

Немцы осаждают Сталинград. Но когда здесь говорят «Сталинград», то под этим словом понимают не центр города, не Ленинскую улицу и даже не его окраины, — под этим понимают всю огромную, шестидесятипятикилометровую полосу вдоль Волги, весь город с его предместьями, с заводскими площадками, с рабочими городками. Это — много городков, создавших один город, который опоясал собой целую излучину Волги. Но этот город уже не тот, каким мы видели его с волжских пароходов. В нем нет поднимающихся веселой толпой в гору белых домов, нет легких волжских пристаней, нет набережных с бегущими вдоль Волги рядами купален, киосков, домиков. Теперь это город дымный и серый, над которым день и ночь пляшет огонь и вьется пепел. Это город-солдат, опаленный в бою, с твердынями самодельных бастioned, с камнями героических развалин.

И Волга под Сталинградом — это не та Волга, которую мы видели когда-то, с глубокой и тихой водой, с широкими солнечными плесами, с вереницей бегущих пароходов, с целыми улицами со-сновых плотов, с караванами барж. Ее набережные изрыты воронками, в ее воду падают бомбы, поднимая тяжелые водяные столбы. Взад и вперед через нее идут к осажденному городу грузные паромы и легкие лодки. Над ней бряцает оружие, и окровавленные бинты раненых видны над темной водой.

Днем в городе то здесь, то там полыхают дома, ночью дымное зарево охватывает горизонт. Гул бомбежки и артиллерийской канонады день и ночь стоит над содрогающейся землей. В городе давно уже нет безопасных мест, но за эти дни осады здесь привыкли к отсутствию безопасности. В городе пожары. Многих улиц уже не существует. Еще оставшиеся в городе женщины и дети ютятся в подвалах, роют пещеры в спускающихся к Волге оврагах. Уже месяц штурмуют немцы город, уже месяц хотят овладеть им во что бы то ни стало. На улицах валяются обломки сбитых бомбардировщиков, в воздухе рвутся снаряды зениток, но бомбежка не прекращается ни на час. Осаждающие стараются сделать из этого города ад.

Да, здесь трудно жить, здесь небо горит над головой и земля содрогается под ногами. Опаленные трупы женщин и детей, сожженных фашистами на одном из пароходов, взывая к мести, лежат на прибрежном волжском песке.

Да, здесь трудно жить, больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить, сражаясь, — так жить здесь можно, так жить

здесь нужно, и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови. И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача осиротевших детей.

Вечер. Мы стоим на окраине. Впереди расстилается поле боя. Дымящиеся холмы, горящие улицы. Как всегда на юге, начинает быстро темнеть. Все заволакивается иссиня-черной дымкой, которую разрывают огненные стрелы гвардейских минометных батарей. Обозначая передний край, по огромному кольцу взлетают в небо белые сигнальные немецкие ракеты. Ночь не прерывает боя. Тяжелый грохот: немецкие бомбардировщики опять обрушили бомбы на город за нашей спиной. Гул самолетов минуту назад прошел над нашими головами с запада на восток, теперь он слышен с востока на запад. На запад прошли наши. Вот они развесили над немецкими позициями цепь желтых светящихся «фонарей», и разрывы бомб ложатся на освещенную ими землю.

Четверть часа относительной тишины — относительной потому, что все время продолжает слышаться глухая канонада на севере и юге, сухое потрескивание автоматов впереди. Но здесь это называют тишиной, потому что другой тишины здесь уже давно нет, а что-нибудь надо же называть тишиной!

В такие минуты разом вспоминаются все картины, прошедшие перед тобой за эти дни и ночи, лица людей, то усталые, то разгоряченные, их бессонные, яростные глаза.

Мы переправлялись через Волгу вечером. Пятна пожаров становились уже совсем красными на черном вечернем небе. Самоходный паром, на котором мы переезжали, был перегружен: на нем было пять машин с боеприпасами, рота красноармейцев, несколько девушек из медсанбата. Паром шел под прикрытием дымовых завес, но переправа казалась все-таки долгой. Рядом со мной на краю парома сидела двадцатилетняя военфельдшер девушка-украинка по фамилии Щепеня, с причудливым именем Виктория. Она переезжала туда, в Сталинград, уже четвертый или пятый раз.

Здесь, в осаде, обычные правила эвакуации раненых изменились: санитарные учреждения уже негде было размещать в этом горящем городе; фельдшеры и санитарки, собрав раненых, прямо с передовых сами везли их через город, погружали на лодки, на паромы, а перевезя на ту сторону, возвращались обратно за новыми ранеными, ждавшими их помощи. Виктория и мой спутник, редактор «Красной звезды» Вадимов, оказались земляками. Половину пути они оба наперебой вспоминали Днепропетровск, свой родной город, и чувствовалось, что в сердцах своих они не отдали его

немцам и никогда не отдадут, что этот город, что бы ни случилось, есть и всегда будет их городом.

Паром уже приближался к сталинградскому берегу.

— А все-таки каждый раз немножко страшно выходить, — вдруг сказала Виктория. — Вот меня уже два раза ранили, один раз тяжело, а я все не верила, что умру, потому что я же еще не жила совсем, совсем жизни не видела. Как же я вдруг умру?

У нее в эту минуту были большие грустные глаза. Я понял, что это правда: очень страшно в двадцать лет быть уже два раза раненой, уже пятнадцать месяцев воевать и в пятый раз ехать сюда в Сталинград. Еще так много впереди — вся жизнь, любовь, может быть, даже первый поцелуй, кто знает! И вот ночь, сплошной грохот, горящий город впереди, и двадцатилетняя девушка едет туда в пятый раз. А ехать надо, хотя и страшно. И через пятнадцать минут она пройдет среди горящих домов и где-то, на одной из окраинных улиц, среди развалин, под жужжание осколков, будет подбирать раненых и повезет их обратно, и если перевезет, то вновь вернется сюда, в шестой раз.

Вот уже пристань, крутой подъем в гору и этот страшный запах спаленного жилья. Небо черное, но остовы домов еще черней. Их изуродованные карнизы, наполовину обломленные стены врезаются в небо, и, когда далекая вспышка бомбы делает небо на минуту красным, развалины домов кажутся зубцами крепости.

Да это и есть крепость. В одном подземелье работает штаб. Здесь, под землей, обычная штабная сутолока. Выстукивают свои точки и тире бледные от бессонницы телеграфистки и, запыленные, запорошенные, как снегом, обвалившейся штукатуркой, проходят торопливым шагом офицеры связи. Только в их донесениях фигурируют уже не нумерованные высоты, не холмы и рубежи обороны, а названия улиц, предместий, поселков, иногда даже домов.

Штаб и узел связи спрятаны глубоко под землю. Это мозг обороны, и он не должен быть подвергнут случайностям. Люди устали, у всех тяжелые, бессонные глаза и свинцовые лица. Я пробую закурить, но спички одна за другой мгновенно потухают — здесь, в подземелье, мало кислорода.

Ночь. Мы почти на ощупь едем на разбитом «газике» из штаба к одному из командных пунктов. Среди вереницы разбитых и сожженных домов один целый. Из ворот, громыхая, выезжают скрипучие подводы, груженные хлебом: в этом уцелевшем доме пекарня. Город живет, живет — что бы ни было. Подводы едут по улицам, скрипят и вдруг останавливаясь, когда впереди, где-то на следующем углу, вспыхивает ослепительный разрыв мины.

Утро. Над головой ровный голубой квадрат неба. В одном из недостроенных заводских зданий расположился штаб бригады. Улица, уходящая на север, в сторону немцев, простреливается вдоль минометным огнем. И там, где когда-то, может быть, стоял милиционер, указывая, где можно и где не должно переходить улицу, теперь под прикрытием обломков стены стоит автоматчик, показывая место, где улица спускается под уклон и где можно переходить невидимо для немцев, не обнаруживая расположения штаба. Час назад здесь убило автоматчика. Теперь здесь стоит новый и по-прежнему на своем опасном посту «регулирует движение».

Уже совсем светло. Сегодня солнечный день. Время близится к полудню. Мы сидим на наблюдательном пункте в мягких плюшевых креслах, потому что наблюдательный пункт расположен на пятом этаже в хорошо обставленной инженерской квартире. На полу стоят снятые с подоконников горшки с цветами, на подоконнике укреплен стереотруба. Впрочем, стереотруба здесь для более дальнего наблюдения, так называемые передовые позиции отсюда видны простым глазом. Вот вдоль крайних домов поселка идут немецкие машины, вот проскочил мотоциклист, вот идут пешие немцы. Несколько разрывов наших мин. Одна машина останавливается посреди улицы, другая, заматавшись, прижимается к домам поселка. Сейчас же с ответным завыванием через наши головы в соседний дом ударяют немецкие мины.

Я отхожу от окна к стоящему посреди комнаты столу. На нем в вазочке засохшие цветы, книжки, разбросанные ученические тетради. На одной аккуратно, по линейкам, детской рукой выведено слово «сочинение». Да, как и во многих других, в этом доме, в этой квартире жизнь оборвалась на полуслове. Но она должна продолжаться, и она будет продолжаться, потому что именно для этого ведь дерутся и умирают здесь, среди развалин и пожарищ, наши бойцы.

Еще один день, еще одна ночь. Улицы города стали еще пустыннее, но сердце его бьется. Мы подъезжаем к воротам завода. Рабочие-дружинники, в пальто и кожанках, перепоясанных ремнями, похожие на красногвардейцев восемнадцатого года, строго проверяют документы. И вот мы сидим в одном из подземных помещений. Все, кто остался охранять территорию завода и его цехи — директор, дежурные, пожарники и рабочие самообороны, — все на своих местах.

В городе нет теперь просто жителей — в нем остались только защитники. И, что бы ни было, сколько бы заводы ни вывезли станков, цех всегда остается цехом, и старые рабочие, отдавшие заводу лучшую часть своей жизни, оберегают до конца, до последней

человеческой возможности эти цехи, в которых выбиты стекла и еще пахнет дымом от только что потушенных пожаров.

— Мы здесь еще не все отметили, — кивает директор на доску с планом заводской территории, где угольниками и кружочками аккуратно отмечены бесчисленные попадания бомб и снарядов.

Он начинает рассказывать о том, как несколько дней назад немецкие танки прорвали оборону и устремились к заводу. Надо было чем-то срочно, до ночи, помочь бойцам и заткнуть прорыв. Директор вызвал к себе начальника ремонтного цеха. Он приказал в течение часа выпустить из ремонта те несколько танков, которые были уже почти готовы. Люди, сумевшие своими руками починить танки, сумели в эту рискованную минуту сесть в них и стать танкистами.

Тут же, на заводской площадке, из числа ополченцев — рабочих и приемщиков — было сформировано несколько танковых экипажей; они сели в танки и, прогрохотав по пустому двору, прямо через заводские ворота поехали в бой. Они были первыми, кто оказался на пути прорвавшихся немцев у каменного моста через узкую речку. Их и немцев разделял огромный овраг, через который танки могли пройти только по мосту, и как раз на этом мосту немецкую танковую колонну встретили заводские танки.

Завязалась артиллерийская дуэль. Тем временем немецкие автоматчики стали переправляться через овраг. В эти часы завод против немецкой пехоты выставил свою заводскую, — вслед за танками у оврага появились два отряда ополченцев. Одним из этих отрядов командовали начальник милиции Костюченко и заведующий кафедрой механического института Панченко, другим управляли мастер инструментального цеха Попов и старый сталевар Кривулин. На обрывистых скатах оврага завязался бой, часто переходивший в рукопашную. В этих схватках погибли старые рабочие завода: Кондратьев, Иванов, Володин, Симонов, Момотов, Фомин и другие, имена которых сейчас повторяют на заводе.

Окраины заводского поселка преобразились. На улицах, выходящих к оврагу, появились баррикады. В дело пошло все: котельное железо, броневые плиты, корпуса разобранных танков. Как в гражданскую войну, жены подносили мужьям патроны и девушки прямо из цехов шли на передовые и, перевязав раненых, оттаскивали их в тыл... Многие погибли в тот день, но этой ценой рабочие-ополченцы и бойцы задержали немцев до ночи, когда к месту прорыва подошли новые части.

Пустынны заводские дворы. Ветер свистит в разбитых окнах. И когда близко разрывается мина, на асфальт со всех сторон сыплются остатки стекол. Но завод дерется так же, как дерется весь

город. И если к бомбам, к минам, к пулям, к опасности вообще можно привыкнуть, то значит, здесь к ней привыкли. Привыкли так, как нигде.

Мы едем по мосту через один из городских оврагов. Я никогда не забуду этой картины. Овраг далеко тянется влево и вправо, и весь он кишит, как муравейник, весь он изрыт пещерами. В нем вырыты целые улицы. Пещеры накрыты обгорелыми досками, тряпьем — женщины стащили сюда все, чем можно закрыть от дождя и ветра своих птенцов. Трудно сказать словами, как горько видеть вместо улиц и перекрестков, вместо шумного города ряды этих печальных человеческих гнезд.

Опять окраина — так называемые передовые. Обломки сметенных с лица земли домов, невысокие холмы, взрытые минами. Мы неожиданно встречаем здесь человека — одного из четверых, которым с месяц назад газеты посвящали целые передовицы. Тогда они сожгли пятнадцать немецких танков, эти четверо бронебойщиков — Александр Беликов, Петр Самойлов, Иван Олейников и вот этот, Петр Болото, который сейчас неожиданно оказался здесь, перед нами. Хотя, в сущности, почему неожиданно? Такой человек, как он, и должен был оказаться здесь, в Сталинграде. Именно такие, как он, защищают сегодня город. И именно потому, что у него такие защитники, город держится вот уже целый месяц вопреки всему, среди развалин, огня и крови.

У Петра Болото крепкая, коренастая фигура, открытое лицо с прищуренными, с хитринкой глазами. Вспоминая о бое, в котором они подбили пятнадцать танков, он вдруг улыбается и говорит:

— Когда на меня первый танк шел, я уже думал — конец света наступил, ей-богу. А потом ближе танк подошел и загорелся, и уже вышло не мне, ему конец. И между прочим, знаете, я за тот бой сигарок пять скрутил и скурил до конца. Ну, может быть, не до конца — врать не буду, — но все-таки скрутил пять сигарок. В бою так: ружье отодвинешь и закуришь, когда время позволяет. Курить в бою можно, только промахиваться нельзя. А то промахнешься и уже не закуришь — вот такое дело...

Петр Болото улыбается спокойной улыбкой человека, уверенного в правоте своих взглядов на солдатскую жизнь, в которой иногда можно отдохнуть и перекурить, но в которой нельзя промахнуться.

Разные люди защищают Сталинград. Но у многих, у очень многих, есть эта широкая, уверенная улыбка, как у Петра Болото, есть спокойные, твердые, не промахивающиеся солдатские руки. И поэтому город дерется, дерется даже тогда, когда то в одном, то в другом месте это кажется почти невозможным.

Набережная, — вернее, то, что осталось от нее — остовы сгоревших машин, обломки выброшенных на берег барж, уцелевшие покосившиеся домишки. Жаркий полдень. Солнце заволокло сплошным дымом. Сегодня с утра немцы опять бомбят город. Один за другим на глазах пикируют самолеты. Все небо в зенитных разрывах: оно похоже на пятнистую серо-голубую шкуру какого-то зверя. С визгом кружатся истребители. Над головой, не прекращаясь ни на минуту, идут бои. Город решил защищаться любой ценой, и если эта цена дорога и подвиги людей жестоки, а страдания их неслышанны, то с этим ничего не поделаешь: борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Тихо плескаясь, волжская вода выносит на песок к нашим ногам обгоревшее бревно. На нем лежит утопленница, обхватив его опаленными скрюченными пальцами. Я не знаю, откуда принесли ее волны. Может быть, это одна из тех, кто погиб на пароходе, может быть, одна из погибших во время пожара на пристанях. Лицо ее искажено: муки перед смертью были, должно быть, невероятными. Это сделал враг, сделал на наших глазах. И пусть потом он не просит пощады ни у одного из тех, кто это видел. После Сталинграда мы его не пощадим.

Красная звезда. 1942. 24 сентября

На старой Смоленской дороге

Когда я думаю о Родине, я всегда вспоминаю Смоленщину, ее дороги, ее белые березы, ее деревеньки на низких пригорках, и хотя я родился далеко отсюда, но именно эти места кажутся самыми родными, самыми милыми моему сердцу. Должно быть, это потому, что начинать войну мне приходилось именно здесь, на этих дорогах, и самая большая горечь, какая бывает в жизни, — горечь утраты родной земли — застигла меня здесь, в Смоленщине. Здесь я проезжал через деревни и знал, что через час по их пыльным улицам пройдут немцы. Здесь, оборачиваясь назад, я видел колосившиеся нивы, о которых я знал, что уже не мы их сожжем. Здесь, остановив машину для того, чтобы напиться у колодца воды, я не мог найти в себе силы посмотреть прямо в глаза крестьянам, потому что в глазах их был немой скорбный вопрос: «Неужели уходите?» И я ничего не мог им ответить, кроме горького и скорбного «да». Я знал, что чужеземная власть войдет сюда завтра и завтра уже ни я, ни кто другой ничем не сможет помочь этим женщинам, толпящимся сейчас вокруг нашей машины на улице.

С особенной болью, которая с тех пор живет во мне, не оставляя ни на минуту, я вспоминаю деревенские кладбища. В Смоленщине они обычно где-то совсем рядом с деревенькой, на холмике, под старыми раскидистыми деревьями. Деревенька маленькая — двадцать—тридцать избенок, а кладбище большое. Много, много старых, потемневших от ветра крестов... И когда смотришь на такой деревенский погост, чувствуешь, сколько поколений легло здесь в могилы, в свою землю, рядом со своими дедовскими, прадедовскими избями, чувствуешь, какая это деревня, какая это наша земля, как невозможно отдать ее, — невозможно, так же как невозможно вырвать у себя сердце и суметь после этого все-таки жить. Я говорю о себе, но знаю, что то же самое чувство испытывали все, кто отступал почти два года назад по смоленским дорогам. И я знаю больше; у нас в глубине души таилась вера в свое возвращение. Мы не верили, что можем умереть, не вернувшись сюда, не пройдя еще раз по этим местам.

Где бы я ни был с тех пор, в полевой сумке, среди нужных мне карт то того, то другого участка фронта, я всегда вожу с собой одну карту, казалось бы, бесполезную. Это не карта Генерального штаба — это старая школьная карта Смоленской области, которую, не имея никакой другой, я купил на второй неделе войны в одном из маленьких, тогда прифронтовых, городков. В октябре 1941 года она стала ненужной, мы ушли из Смоленщины, — но я положил эту карту в сумку, и вот она, потрепанная, потертая и порванная на сгибах, лежит сейчас передо мной. Сколько раз за полтора года я вынимал ее и клал вот так же перед собой и смотрел на ее зеленую поверхность, на черные волоски дорог и голубые ниточки рек и видел уже не карту, а эти дороги, и реки, и зелень лесов, и желтизну полей. Я пробовал закрыть глаза и представить себе, как я опять проезжаю по деревням, из которых мы уходили, как навстречу нам улыбаются женщины, когда-то в слезах провожавшие нас, как выходит из ворот старик и, прикрыв от солнца глаза козырьком, щурясь, смотрит на наши идущие с востока машины.

И вот эта карта понадобилась, наконец понадобилась. Я вытащил ее из дальнего отделения сумки, подклеил сгибы и, сев в машину, с торжеством разложил ее у себя на коленях. Но как передать словами ту печаль, что охватывает сердце, когда возвращаешься в места, которые любишь до слез и которые изменились так, что трудно поверить: может ли так измениться земля, лес, поле, дорога — все, что открывается перед твоими глазами.

Топография — точная и холодная наука, а бумага, на которой напечатана карта, — всего-навсего бездушная бумага, и линии,

однажды нанесенные на нее, не изменятся. Но если бы карта переменялась так, как переменялась земля, то ее трудно было бы сейчас читать. Оттепель глубоко проела снега, на дорогах оказалась вода, и небо стало снова почти по-летнему синим. Весна остается весной, а солнечный свет — солнечным светом, и самые печальные пейзажи все-таки веселее, когда они согреты солнцем и напоены мартовской влагой. Мы едем по изуродованному, взорванному и сожженному миру, среди труб, словно черные, вопиющие о возмездии мертвые руки, поднявшихся там, где были деревни. Мы едем по земле, изуродованной взрывами мин, по бесконечным полям, словно оспой, обезображенным воронками, по дорогам, которые почти перестали быть дорогами, потому что немцы, отступая, разрубили их, как живое человеческое тело, на куски, взорвав все мосты. Мы едем среди изрубленных березовых лесов, и, хотя телеграфный столб всего-навсего столб, меня охватывает чувство гнева и боли, когда я вижу, что немцы все эти временные столбы сделали из свежесрубленных тонких березок и, мало того, что они рубили одну березку, они подпирали ее с трех сторон еще тремя и делали из этих березок изгороди вокруг стоянок машин, минных полей, солдатских сортиров. Кажется, если бы они могли изрубить здесь все леса, они изрубили бы их так же, как они сожгли все дома, так же, как они изуродовали все дороги.

Земли Смоленщины стали пустыней. Редко-редко на дороге попадает согнувшаяся старуха, везущая за собой санки, на которых сложены два узла и торчит медная крышка самовара, — все, что осталось от дома, от скарба, от жизни, такой, какой она когда-то была.

Мы проезжаем одну деревню за другой, и те, кто остался жив, те, кого не увели в далекое рабство, стоят посреди опустевших дворов, над развалинами изб. И даже позы у людей какие-то одинаковые: безмолвное недоумение, сложены на груди руки, опущена голова, взгляд, ищущий хотя бы следов того, что здесь когда-то было. В ямах, накрытых обгорелыми досками, плачут и смеются дети, которым еще непонятна печаль всего происшедшего, а пятилетняя девочка, стоящая рядом со старухой, недетским, скорбным понимающим взглядом смотрит на лежащие у стены сарая трупы трех мужчин и двух женщин. Они не здешние, эти люди, — их пригнали сюда из соседней деревни, а потом не успели угнать дальше и, чтобы не возиться, застрелили вот здесь, у стены сарая. Девочка смотрит на них, и мне кажется, что пройдет много лет, она станет большой, и война эта будет жить только в воспоминаниях, но в глазах ее останется то же выражение недетского, скорбного удивления.

У въезда в то, что когда-то было городом Вязьмой, во дворе, среди пепелища, похожего на тысячи других пепелищ, стоят двое — старик и старуха. В яме, накрытой соломой, плачет ребенок ушедшего на войну сына. Старуха на маленькой железной печке, стоящей прямо на земле, печет просяные лепешки. Старик рассказывает о том, как он поставил у дороги фанерный лист с надписью «Здесь мины», потому что он видел, как, уходя, их раскладывали немцы. Семидесятилетний человек, старый железнодорожник, пятьдесят лет своей жизни проработавший здесь, в Вязьме, он говорит медленно, не торопясь, и в такт словам обтесывает горелое бревно, которое намерен укрепить над входом в яму, где кричит ребенок, чтобы потом сделать хоть какое-нибудь подобие крыши. Он не спеша обтесывает бревно и вдруг, не выдержав, с размаху, яростно, раз за разом вгоняет в него топор:

— Вот закрою яму, чтобы дите в тепле было, и в армию уйду. Уйду. Не могу я здесь жить. Пусть старуха с дитем сидит. Против немцев уйду, чтоб их...

И он грубо, матерно ругается, с бесконечной, нестерпимой ненавистью. А старуха стоит против него и мелко-мелко, по-старчески, кивает головой. Внучонок заливается в своей снежной яме. А кругом высятся трубы, трубы, трубы, бесконечные обгорелые трубы... И среди этих труб видны впереди колокольни вяземских церквей с голубыми сквозными проломами прямо в небо и причудливые обломки взорванных домов. Воздух кругом напоен гарью, а снег почернел так, словно те, кто остался в живых, в знак скорби посыпали свою землю пеплом.

В прошлую зиму наши войска подходили близко к Вязьме. Уже поднимали голову партизанские отряды, и жители по ночам переходили через фронт, и на улицах убивали немецких солдат, и казалось, что освобождение недалеко, — но тогда не вышло, не удалось... И вот теперь, две недели назад, чувствуя, что на сей раз город не останется в их руках, фашисты вспомнили прошлую зиму и уничтожили этот тихий старинный город, расправились с ним так, как, пожалуй, до сих пор они — даже они — не расправлялись еще ни с одним городом. Они мстительно взрывали улицу за улицей, дом за домом, пока не взорвали все — от первого и до последнего. И вот мы стоим на одной окраине города, и нам насквозь видны снежные поля, идущие за той стороной города, — весь город виден насквозь, потому что его больше нет, он перестал быть городом.

Мы проезжаем по тому, что раньше называлось улицами Вязьмы. Я глазами ищу дом, где летом 1941 года мы два или три раза ночевали между фронтовыми поездками, но я не могу найти ни его,

ни даже его развалин, потому что среди этого сплошного пепелища ничего невозможно понять.

Мокрая весенняя дорога выходит из Вязьмы на запад, к фронту. На холме, сразу же за городом, тянется огромное немецкое кладбище. Тысячи черных крестов, аккуратно, по ранжиру расставленных и разделенных на сектора, тянутся на многие сотни метров. Немцы похоронены по числам: аккуратность могильщиков позволяет нам узнать, какого числа и скольких мы убили. Вот идет целая аллея, на которой похоронены кавалеры железного креста, и на каждом из крестов стоит одна и та же дата: «Погиб 27/I—42 года» Пауль Шилинг — 27/I, Герман Шумахер — 27/I, Иоганн Шутц — 27/I, Антон Радик — 27/I, Ганс Эллер — 27/I, Макс Герман — 27/I, Генрих Лаутениот — 27/I, Иост Шульц — 27/I. А следующий ряд датирован 12/II. Затем — 1943 год. А дальше идут мартовские, совсем недавние, и земля свежая, и кресты только что вбиты в нее. Этих убили уже тогда, когда оставшиеся в живых начали жечь дома и улицы Вязьмы.

Дорога уходит дальше на запад. Она размокла, по ней тяжело ползут тракторы, волоча за собой орудия, и пехота идет неспешным шагом бывалых солдат. Не знаю когда, но когда-нибудь эта пехота дойдет до границы и перейдет ее. Есть в походе солдат, в их лицах, в их взглядах, которые они бросают вокруг себя, на свою сожженную землю, что-то такое, что говорит: дойдут, непременно дойдут.

Весеннее солнце пригревает спину. Вытирая пот с усталых лиц, идут пехотинцы — идут угрюмо, молчаливее, чем обычно.

Вот следующая за Вязьмой деревня, овраг, в котором лежат еще не закопанные, вчера только убитые старики и женщины. Одна из них лежит, закинув голову, судорожно прижав к груди убитого ребенка. Над оврагом останавливается саперный взвод: сначала подходят первые двое, потом все ближе начинают тесниться остальные. Молодой рыжеусый сапер долго, внимательно смотрит в овраг на мертвую женщину с ребенком. Потом, ни к кому не обращаясь, поправив на плече винтовку, говорит глуховатым, простуженным голосом:

— Робеночка не пожалели...

И после долгой паузы повторяет:

— Робеночка не пожалели.

Он ничего не прибавляет к этим словам — ни ругательств, ни крика негодования, ничего. Но за словами его чувствуется тяжелое,

навсегда созревшее сейчас у него решение: не пожалеть их — тех, которые не пожалели.

Из полусожженной, разваленной хатенки выходит навстречу саперам глубокий старик на костылях. Он с минуту глядит на то, как саперы с миноискателями начинают расходиться в стороны от дороги, и потом говорит надтреснутым, старческим голосом:

— Вы тут не ищите, сынки. Они не тут мины клали. Вон они где клали.

Он, тяжело опираясь на костыли, делает два десятка шагов и, опершись на один костыль, подняв другой, тычет им в сторону:

— Вон где они клали. И здесь тоже клали... И вот там...

...Еще одна деревня. Отсюда немцы только что ушли. В двух хатах, уцелевших среди общего пожарища, собрались все оставшиеся в живых. На деревянном сундуке сидит еще не старая женщина с седыми волосами и, подперев руками голову, молча, не всхлипывая, плачет. Она не в силах ничего сказать, но дочка соседки — курносая шестнадцатилетняя девчонка, час назад прибежавшая домой из лесу, где прятался народ со всех окрестных сел, — отведя нас в сторону, начинает по-детски торопливо, захлебываясь, рассказывать, что произошло:

— Она потому плачет, что у ней сын убитый. Саша Иванов, ее сын. Два дня назад убитый. Они на немцев напали, и немцы его убили, и еще троих ребят. С нашей деревни — его, и из Филина — Ананьку и Ваську. И еще одного, городского, из Вязьмы.

Она, все так же продолжая торопиться, просто и бесхитростно рассказывает о том, как четверо пареньков (старшему из них было семнадцать) узнали, что немцы через лес погонят взятых из деревень женщин и детей. У пареньков был один полуавтомат, винтовка и два нагана. Они решили сделать засаду в лесу и или отбить детей у немцев, или умереть. Они сделали засаду, напали на немцев, одного убили, другого ранили, но в этом неравном бою трое из них тоже погибли, а четвертый с перебитыми ногами попал к немцам. Они долго тащили его по дороге, дотащили до деревни и там расстреляли. Вот и все.

Курносая девочка не выдерживает, всхлипывает и дрогнувшим голосом добавляет:

— Конечно, у них наганы. А наганы, они далеко не стреляют. А у немцев пулеметы были. Вот их и убили. А это мать Сашкина. Она все плачет.

За окном слышится скрип подъехавших саней. Женщина встает с сундука, выпрямляется и спокойным, твердым шагом, не опуская головы, не вытирая с лица слез, выходит на улицу. Она берет

вожжи из рук приехавшего мальчика, так же прямо, не сгибаясь, садится в сани, и при общем молчании сани трогаются.

— Там, на дороге, лежит Сашка ее, — говорит девочка. — Вот она поехала теперь. Она его захоронить хочет.

Медленно по проселочной дороге, среди минированных полей, воронок, поваленных столбов, едут сани. Лошадью правит прямо сидящая в санях женщина со строгим, словно окаменевшим лицом. Крестьянка из-под Вязьмы, едущая за телом своего сына, она похожа на самое Россию, в безвестных снегах, с непокрытой головой хоронящую своих погибших сыновей.

...Дороги уходят на запад. По ним движутся войска, и голые весенние леса избегают на холмы и спускаются с них. И тает снег, освобождая от своего синеватого покрова несчастную, наконец освобожденную землю. И такая печаль охватывает сердце, такая скорбь о людях, погибших на этой грустной земле, что кажется, печаль эта — глубокая, неистребимая, неутолимая, — как карающая десница, когда-нибудь поднимется над убийцами, которые сейчас, теснимые нами, все дальше отступают по снежным дорогам, уходящим на запад. А в ушах у меня все еще стоят слова сапера: «Робеночка не пожалели», — и я вижу каменное лицо его в ту минуту, когда он произносит эти слова.

Красная звезда. 1943. 17 марта

Н.С. ТИХОНОВ [1896—1979]

Города-бойцы

Клаузевиц когда-то писал об укрепленных городах, что «среди всех городов всегда найдется несколько таких, которые, будучи укреплены сильнее, чем остальные, должны рассматриваться как подлинные опорные пункты вооруженных сил».

В жестокой, кровопролитной и беспощадной войне нашего народа против немецких захватчиков наши города стали городами-бойцами, покрыли себя неувядаемой славой, под их стенами легли тысячи немцев и их вассалов, окрестности их завалены истребленными вражескими танками и самолетами, пушками и машинами.

Мы знаем упорное сопротивление Одессы и неповторимую оборону героического Севастополя, где защитники города выдерживали чудовищную по силе бомбардировку, отражали непрерывные атаки немцев и румын. Своей стойкостью доблестный гарнизон сорвал

планы немецкого командования и нанес огромный ущерб вражеским силам. Верные традиции своего города, черноморские моряки, летчики и бойцы Красной Армии оставили врагу руины, залитые кровью атакующих.

Мы знаем пример старого русского города оружейников-искусников Тулы, где ворвавшийся на его окраины враг был выбит стремительными атаками, штыками и снарядами, пулями и гранатами из города, разгромлен и далеко отброшен на запад. Тульские мастера сражались, как мастера рукопашного и ружейного боя, и не отдали врагу нашей военной кузницы.

Мы знаем, как население великой Москвы вышло на постройку укреплений, в короткий срок создало рубежи с противотанковыми рвами, с минными полями, дзотами и дотами на пути врага, собрало полки ополчения, построило баррикады на улицах города, приготовилось к самому яростному сопротивлению.

Москва отбилась от врага. Удары наших армий заставили немцев, бросая оружие, бежать по пути, устланному трупами и брошенной техникой.

Бои за Воронеж остановили врага на этом рубеже, и дальше продвинуться он не смог.

Особую эпопею борьбы, невиданную по длительности и упорству, явил миру Ленинград. Враг поставил себе целью во что бы то ни стало овладеть городом. Ряд бешеных штурмов, попыток обхода, блокада — все было направлено на то, чтобы сломить сопротивление, ворваться в город. Может быть, нигде с такой ясностью не было продемонстрировано единство всех граждан города, составивших неразделимый гарнизон гигантской крепости. Все, что нужно было фронту, давали заводы, работавшие день и ночь. Под бомбами и снарядами врага трудящиеся занимались всеми работами, какие нужны были для целей обороны. Каждый дом был приспособлен для сопротивления, каждый житель, как матрос на корабле, знал свое боевое место.

Борьба велась на воде, на земле и в воздухе. Она ведется и сейчас, не ослабевая. Она велась летом, под осенними дождями, в долгие зимние вьюги и морозы. Город перенес чудовищные испытания и закалился в борьбе. Город-фронт неприступен, благодаря упорному и высокому духу сопротивления, железной дисциплине и непрерывной, умелой работе.

Жители города Ленина с замиранием сердца следили, как и вся страна, за исполинской борьбой Сталинграда. Там, на берегу великой русской реки, идут страшные бои с прорвавшимся к городу неприятелем. Среди развалин домов за каждую стенку борются

наши бойцы, за каждую улицу и переулок. Город стал рубежом, на котором остановился наступательный путь немцев. Казалось бы, что степь, дающая возможность широкого маневра, остановит врага, но его остановил город, не имеющий ни фортов, ни других долговременных укреплений. Его остановили здания, приспособленные для самой мирной жизни: больницы, поселковые дома, ясли, жилища горожан. Узкие улицы стали своего рода Фермопилами, а руины городских окраин — бастиями. В чем загадка Сталинграда, в чем ответ на вопрос, почему другие города не могут сравниться с бесмертной отныне славой старого волжского города?

Могли ли сопротивляться города, которые отданы врагу в ходе войны, иные из них отданы без боя или после небольшого, краткого сопротивления? История войны потом подробно разберет вопрос об обороне каждого большого населенного пункта в отдельности. Сейчас же ясно одно: если в данном пункте сосредоточены войска, горящие силой сопротивления, жадной отпора, войска, умело руководимые героическими военачальниками, само население встало в ряды защитников с патриотическим самопожертвованием, в сердце каждого горит ненависть к врагу, которая удваивает, утраивает боевую силу, полки врага будут нести страшные потери, он будет истекать кровью, вопя, что натолкнулся на невиданной силы укрепления. Нет этих укреплений. В Сталинграде есть борьба за каждый дом, за каждый шаг, есть воспоминание о том, как дрался Красный Царицын, есть традиции рабочих с заводов, таких, как «Красный Октябрь», «Баррикады», СТЗ, есть воодушевляющий дух прежней Волжской флотилии восемнадцатого года, дух революции, крепость большевистского закала. Есть сознание, что вся страна следит за борьбой и помогает защитникам города, требуя одного — стойкости!

На вопрос, могут ли обороняться маленькие города, ответят героические рабочие хотя бы двух рабочих городов под Ленинградом: рабочие Колпина и рабочие Сестрорецка. Осенью 1941 года на окраинах Сестрорецка появились первые немецко-финские отряды. Рабочие, образовавшие оборону, бросились в атаку, ошеломили врага, разбили его и отбросили, держались до подхода сил Красной Армии, большевистской решимостью преградили путь врагу, не отдали родного города. Они могли погибнуть все до единого, но не отступить. Ненависть klokотала в их сердцах, и законная гордость возмущалась: они, видевшие Ленина, поднявшие одними из первых знамя Октября, помнившие пятый год и оборону Петрограда, — они откроют дорогу к городу Ленина? Никогда не будет этого! И они выстояли.

Рабочие славного Колпина, доблестные ижорцы, встали на встречу врагу: коммунисты, комсомольцы, беспартийные большевики, женщины, старики, подростки. Их рабочие батальоны приняли бой с танками, с артиллерией, с отборными гитлеровскими войсками. День и ночь дрались они и разбили немцев. Бои шли так близко от города, что вся территория завода была под артиллерийским и даже пулеметным обстрелом, мины рвались в цехах, бомбили город непрерывно, но дух защитников был так высок, стойкость так поразительна, что девушки, подобно героической Жене Стасюк, водили бойцов в атаку. Целый год после того враг не оставляет в покое города. Там живут под ежедневным обстрелом, под частой бомбежкой и продолжают сражаться и работать. Ижорцы в тот страшный час вспомнили всю историю своего славного завода, всю длинную историю борьбы за свободу, рабочая честь не позволила им отступить, оставить врагу рабочую старую цитадель, новый завод, построенный своими руками, землю, на которой трудились передовые люди рабочего класса — их деды и отцы.

Ленинградцу незачем долго объяснять, откуда он черпает силу и твердость духа. Он — ленинградец, защитник великого города Октября, этим все сказано. На нем лежит тягчайшая историческая ответственность, в нем живет и величайшая гордость.

В Севастополе моряки торгового флота, портовые служащие и все, начиная с босоногого мальчика до старого ветерана пятого года, в крови носят частицу славы своего гордого города, и они, как их далекие предки во времена Корнилова и Нахимова, повторили бессмертную повесть обороны, не посрамили Красного знамени.

Значит, могут сражаться, да еще как сражаться, и большие, и маленькие города! Нет между ними различия, есть боевое братство. Значит, каждый город, которому угрожает враг, может и должен драться как герой. Если в первую мировую войну крепости, специально приготовленные к отпору врага, такие, как Льеж, Намюр, Живе, Валансьен, Мобеж, Антверпен, пали под ударами немцев, то маленький Верден со своими земляными укреплениями получил мировую славу. Не его формы сыграли решающую роль в одиннадцатимесячной борьбе за город. Люди Вердена остановили врага. Тогда французы еще помнили доблесть нации, потом они были обмануты или сделали все, чтобы их обманули предатели. И теперь в эту войну самая укрепленная линия — линия Мажино не спасла их от ужаса разгрома.

Сталинград выносит удары посильней верденских, и в нем нет и подобия линии Мажино. Средства современной войны намного превосходят средства первой мировой войны. Люди Сталинграда,

наши люди, русские люди, преградили путь врагу железной стеной своего сопротивления.

Великий урок Сталинграда учит нас тому, что медлить нельзя. Надо готовить к обороне любой город, которому может угрожать неожиданно прорвавшийся враг. Пусть этот город лежит сейчас не на линии фронта, а даже находится в некотором отдалении от него, все равно он должен, не откладывая, готовиться к обороне, укрепляться и проверять силы своего постоянного гарнизона, мобилизовать на военную учебу всех жителей, мобилизовать их сознание, приготовить их к отражению всяких неожиданностей, возможных на войне.

Такие города, как Грозный, которому есть что вспомнить в своей героической истории рабочих грозненских промыслов, как Орджоникидзе, самое название которого обязывает к героизму, воскрешает в памяти бурные и славные времена борьбы за советскую власть, за свободу народов Северного Кавказа, Махачкала, носящий имя бесстрашного народного героя Дагестана, Астрахань, где навсегда остались слова незабвенного Сергея Мироновича Кирова о том, «что пока в Астраханском крае будет хоть один коммунист, устье Волги будет советским», — такие города должны, если враг приблизится к ним, показать всю силу отпора, быть достойными своего исторического прошлого, своего боевого места в ряду городов-бойцов.

Мы знаем, как трудно отбирать у немцев обратно занятые ими города, какую систему укреплений, какую хитрую систему огня организует враг в занятых городах. И мы знаем, как разбиваются силы врага, если город готов к обороне, если его жители встали на защиту вместе с Красной Армией, если они не застигнуты врасплох.

Мы часто говорим, что в этой войне нет тыла. Мы теперь знаем, что враг много выигрывает там, где у нас самоуспокоенность и беззаботность. Город, считавший себя вчера тыловым, сегодня внезапно для себя попадает в самое пекло боя. Не должно быть этой тыловой тишины. Надо бодрствовать и быть настороже. Надо помнить, что речь сейчас идет не об отдаче того или иного населенного пункта врагу, а о невозможности больше отдавать врагу наши города, о невозможности пускать его еще дальше в глубину нашей земли. Речь идет о смертельном сопротивлении врагу, который хочет завладеть самими источниками нашего существования, лишить нас возможности продолжать самую широкую борьбу с ним. Он хочет сэкономить на пространстве фронта, отбирая у нас наше пространство, он хочет облегчить себе бремя войны, отяжелив его нам безмерно. Он хочет так ограбить нас, чтобы выиграть на этом возможность своего дальнейшего наступления за счет нашего отступления.

Да и куда же нам отступать дальше? Немцы хотят отбросить нас за Волгу — в одном случае, на другой берег Каспия — в другом. Это

сумасшедший план немцев, и мы должны оставить его в области сумасшедших замыслов, никогда не могущих быть проведенными в жизнь. Для этого каждый город должен стать крепостью. Военная наука на то и наука, чтобы напомнить нам об этом, как о деле серьезном. Тот же Краузевиц писал в дополнение к первой приведенной мной цитате: «Если бы существовала такая страна, где не только все крупные богатые города, но и все населенные места были бы укреплены и защищались своими жителями и окрестными крестьянами, то в этой стране быстрота хода войны была бы столь ослаблена, а подвергшийся нападению народ оказал бы давление на чашу весов такой крупной частью всех усилий, на которые он способен, что талант и сила воли неприятельского полководца оказались бы окончательно подавленными...»

«Если бы существовала такая страна...» Такая страна существует — это наша страна, и если мы в каждом населенном пункте, в большом или малом городе приготавим оборону согласно его природным условиям, то сила врага будет расшибаться, как волна, налетающая на утес. Кровавыми брызгами разлетятся тогда вражьи силы. Мы видим, что танки в городе уничтожаются с еще большей эффективностью, чем на открытом месте, что иную улицу труднее одолеть, чем линию укреплений, что доблесть рабочего, советского служащего, крестьянина, вооруженного для защиты родного города, не уступает доблести бойца, а знание места позволяет ему помогать войскам нашим против всех уловок противника.

Города-бойцы, уже прославленные своими подвигами, не будут одиночками. Братская семья советских городов составит грозную и храбрую дружину, нанося врагу тяжелые, неотразимые удары, сокрушая его силы, помогая Красной Армии в деле достижения нашей победы!

Известия. 1942. 4 октября

А.Н. ТОЛСТОЙ (1882–1945)

Родина

За эти месяцы тяжелой борьбы, решающей нашу судьбу, мы все глубже познаем кровную связь с тобой и все мучительнее любим тебя, Родина.

В мирные годы человек, в довольстве и счастье, как птица, купающаяся в небе, может далеко отлететь от гнезда и даже пока-

жется ему, будто весь мир его родина. Иной человек, озлобленный горькой нуждой, скажет: «Что вы твердите мне: родина! Что видел я хорошего от нее, что она мне дала?»

Надвинулась общая беда. Враг разоряет нашу землю и все наше вековечное хочет назвать своим.

Тогда и счастливый и несчастный собираются у своего гнезда. Даже и тот, кто хотел бы укрыться, как сверчок, в темную щель и посвистывать там до лучших времен, и тот понимает, что теперь нельзя спастись в одиночку.

Гнездо наше, родина возобладала над всеми нашими чувствами. И все, что мы видим вокруг, что раньше, быть может, мы и не замечали, не оценили, как пахнувший ржаным хлебом дымок из занесенной снегом избы, — пронзительно дорого нам. Человеческие лица, ставшие такими серьезными, и глаза всех — такими похожими на глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка — все это наше, родное, и мы, живущие в это лихолетье, — хранители и сторожа родины нашей.

Все наши мысли о ней, весь наш гнев и ярость — за ее поругание, и вся наша готовность — умереть за нее. Так юноша говорит своей возлюбленной: «Дай мне умереть за тебя».

Родина — это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это — вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле.

Когда-нибудь, наверно, национальные потоки сольются в одно безбурное море, — в единое человечество. Но для нашего века это — за пределами мечты. Наш век — это суровая, железная борьба за свою независимость, за свою свободу и за право строить по своим законам свое общество и свое счастье.

Фашизм враждебен всякой национальной культуре, в том числе и немецкой. Всякую национальную культуру он стремится разгромить, уничтожить, стереть самую память о ней. По существу фашизм — интернационален в худшем смысле этого понятия. Его пангерманская идея: «Весь мир — для немцев» — лишь ловкий прием большой финансовой игры, где страны, города и люди — лишь особый вид безликих биржевых ценностей, брошенных в тотальную войну. Немецкие солдаты так же обезличены, потрепаны и грязны, как бумажные деньги в руках аферистов и прочей международной сволочи.

Они жестоки и распухлены, потому что в них вытравлено все человеческое; они чудовищно прожорливы, потому что всегда го-

лодны и потому еще, что жрать — это единственная цель жизни: так им сказал Гитлер. Фашистское командование валит и валит, как из мешка, эту отупевшую человеческую массу на красноармейские пушки и штыки. Они идут, ни во что уже больше не веря, — ни в то, что жили когда-то у себя на родине, ни в то, что когда-нибудь туда вернуться. Германия — это только фабрика военных машин и место формирования пушечного мяса; впереди — смерть, позади — террор и чудовищный обман.

Эти люди намерены нас победить, бросить себе под ноги, наступить нам сапогом на шею, нашу родину назвать Германией, изгнать нас навсегда из нашей земли «оттич и дедич», как говорили предки наши.

Земля оттич и дедич — это те берега полноводных рек и лесные поляны, куда пришел наш пращур жить навечно. Он был силен и бородат, в посконной длинной рубахе, соленой на лопатках, смышлен и нетороплив, как вся дремучая природа вокруг него. На бугре над рекою он огородил тыном свое жилище и поглядел по пути солнца в даль веков.

И ему померещилось многое — тяжелые и трудные времена: красные щиты Игоря в половецких степях, и стоны русских на Калке, и установленные под хоругвями Дмитрия мужицкие копы на Куликовом поле, и кровью залитый лед Чудского озера, и Грозный царь, раздвинувший единые, отныне нерушимые, пределы земли от Сибири до Варяжского моря; и снова — дым и пепелища великого разорения... Но нет такого лица, которое уселось бы прочно на плечи русского человека. Из разорения Смуты государство вышло и устроилось и окрепло сильнее прежнего. Народный бунт, прокатившийся вслед за тем по всему государству, утвердил народ в том, что сил у него хватит, чтобы стать хозяином земли своей. Народ сообразил свои выгоды и пошел за Медным всадником, поднявшим коня на берегу Невы, указывая путь в великое будущее...

Многое мог увидеть пращур, из-под ладони глядя по солнцу... «Ничего, мы сдюжим», — сказал он и начал жить. Росли и множились позади него могилы отцов и дедов, рос и множился его народ. Дивной вязью он плел невидимую сеть русского языка: яркого, как радуга, — вслед весеннему ливню, меткого, как стрелы, задушевного, как песня над колыбелью, певучего и богатого. Он назвал все вещи именами и воспел все, что видел и о чем думал, и воспел свой труд. И дремучий мир, на который он накинуд волшебную сеть слова, покори́лся ему, как обузданный конь, и стал его достоянием и для потомков его стал родиной — землей оттич и дедич.

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, веселые и печальные обрядовые пес-

ни, торжественные былины, — говорившиеся нараспев, под звон струн, — о славных подвигах богатырей, защитников земли народа, — героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки.

Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становилась и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов. Народы Западной Европы получили в наследство римскую цивилизацию. России достался в удел пустынный лес да дикая степь. Вплоть до XVIII века Россия жила по курным избам и все будущее богатство свое и счастье создавала и носила в мечтах, как скатерть-самобранку за пазухой.

Народ верил в свой талант, знал, что настанет его черед и другие народы потеснятся, давая ему почетное место в красном углу. Но путь к этому был долг и извилист. Византийская культура древнего Киева погибла под копытами татарских коней, Владимиро-Суздальской Руси пришлось почти четыре столетия бороться с Золотой Ордой, и с Тверью, и с Рязанью, с Новгородом, собирая и укрепляя землю. Во главе этой борьбы стала Москва.

Началась Москва с небольшого городища в том месте, где речонка Яуза впадает в Москву-реку. В том месте заворачивал на клязьминский волок зимний торговый путь по льду, по рекам — из Новгорода и с Балтийского моря — в Болгары на Волге и далее — в Персию.

Младший Мономахович — удельный князь Юрий — поставил при устье Яузы мытный двор, чтобы брать дань с купеческих обозов, и поставил деревянный город — кремль — на бугре над Москвой-рекой. Место было бойкое, торговое, с удобными во все стороны зимними и летними путями. И в Москву стал тянуться народ из Переяславля-Залесского, из Суздаля и Владимира и других мест. Москва обрастала слободами. По всей Руси прогремела слава ее, когда московский князь Дмитрий, собрав ополчение, пошатнул татарское иго на Куликовом поле. Москва становилась сосредоточием, сердцем всей русской земли, которую иноземцы уже стали называть Московией.

Иван Грозный завершил дело, начатое его дедом и отцом, — со страстной настойчивостью и жестокостью он разломал обветшавший застой удельной Руси, разгромил вотчинников-князей и самовластное боярство и основал единое русское государство и единую государственность с новыми порядками и новыми задачами огромного

размаха. Таково было постоянное стремление всей Руси — взлет в непомерность. Москва мыслилась как хранительница и поборница незапятнанной правды: был Рим, была Византия, теперь — Москва.

Москва при Грозном обстраивается и украшается. Огромные богатства стекаются в нее из Европы, Персии, Средней Азии, Индии. Она оживляет торговлю и промыслы во всей стране и бьется за морские торговые пути.

Число жителей в Москве переваливает за миллион. С Поклонной горы она казалась сказочным городом, — среди садов и рощ. Центр всей народной жизни был на Красной площади — здесь шел торг, сюда стекался народ во время смут и волнений, здесь вершились казни, отсюда цари и митрополиты говорили с народом, здесь произошла знаменитая, шекспировской силы, гениальная по замыслу сцена между Иваном Грозным и народом — опричный переворот. Здесь, через четверть века, на Лобном месте лежал убитый Лжедмитрий в овечьей маске и с дудкой, сунутой ему в руки; отсюда нижегородское ополчение пошло штурмом на засевших в Кремле поляков. С этих стен на пылающую Москву хмуро глядел обреченный Наполеон.

Не раз сгорая дотла и восставая из пепла, Москва — даже оставшись после Петра Великого «порфиноносной вдовой», — не утратила своего значения, она продолжала быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободомыслия даже в самые мрачные времена.

Настало время, когда европейским державам пришлось потесниться и дать место России в красном углу. Сделать это их заставил русский народ, разгромивший, не щадя жизней своих, непобедимую армию Наполеона. Русскому низко кланялись короли и принцы всей Европы, хвалили его доблесть, и парижские девицы гуляли под ручку с усатыми гренадерами и чубатыми донскими казаками.

Но не такой славы, не такого себе места хотел русский народ, — время сидеть ему в красном углу было еще впереди. Все же огромный национальный подъем всколыхнул все наше государство. Творческие силы рванулись на поверхность с мутного дна крепостнического болота, и наступил блистательный век русской литературы и искусства, открытый звездой Пушкина.

Недаром пращур плел волшебную сеть русского языка, недаром его поколения слагали песни и плясали под солнцем на весенних буграх, недаром московские люди сиживали по вечерам при восковой свече над книгами, а иные, как неистовый протопоп Аввакум, — в яме, в Пустозерске, и размышляли о правде человеческой и запи-

сывали уставом и полууставом мысли свои. Недаром буйная казачья вольница разметывала переизбыток своих сил в набегах и битвах, недаром старушки-задворенки и бродящие меж дворов старички за ночлег и ломоть хлеба рассказывали волшебные сказки, — все, все, вся широкая, творческая, страстная, взыскующая душа народа русского нашла отражение в нашем искусстве XIX века. Оно стало мировым и во многом повело за собой искусство Европы и Америки.

Русская наука дала миру великих химиков, физиков и математиков. Первая паровая машина была изобретена в России, так же как вольтова дуга, беспроволочный телеграф и многое другое. Людям науки, и в особенности изобретателям, приходилось с невероятными трудами пробивать себе дорогу, и много гениальных людей так и погибло для науки, не пробившись. Свободная мысль и научная дерзость ломали свои крылья о невежество и косность царского политического строя. Россия медленно тащила колеса по трясине. А век был такой, что отставание «смерти подобно». Назревал решительный и окончательный удар по всей преступной системе, кренившей Россию в пропасть и гибель. И удар произошел, отозвавшись раскатами по всему миру. Народ стал хозяином своей родины.

Пращур наш, глядя посолонь, наверно, различил в дали веков эти дела народа своего и сказал тогда на это: «Ничего, мы сдюжим...»

И вот смертельный враг загораживает нашей родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчисленных боях за честь и славу родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устроение ее, обступили Москву и ждут от нас величия души и велят нам: «Свершайте».

На нас всей тяжестью легла ответственность перед историей нашей родины. Позади нас — великая русская культура, впереди — наши необъятные богатства и возможности, которыми хочет завладеть навсегда фашистская Германия. Но эти богатства и возможности, — бескрайние земли и леса, неистощимые земные недра, широкие реки, моря и океаны, гигантские заводы и фабрики, все тучные нивы, которые заколосятся, все бесчисленные стада, которые лягут под красным солнцем на склонах гор, все изобилие жизни, которого мы добьемся, вся наша воля к счастью, которое будет, — все это — неотъемлемое наше навек, все это наследство нашего народа, сильного, свободолюбивого, правдолюбивого, умного и не обиженного талантом.

Так неужели можно даже помыслить, что мы не победим! Мы сильнее немцев. Черт с ними! Их миллионы, нас миллионы вдвое. Все опытнее, увереннее и хладнокровнее наша армия делает

свое дело — истребления фашистских армий. Они сломали себе шею под Москвой, потому что Москва — это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва — это идея, охватывающая нашу культуру в ее национальном движении. Через Москву — наш путь в будущее.

Как Иван в сказке, схватился весь русский народ с чудом-юдом двенадцатиглавым на Калиновом мосту. «Разъехались они на три прыска лошадиных и ударились так, что земля застонала, и сбил Иван чуду-юду все двенадцать голов и покидал их под мост».

Наша земля немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников. На западе возникали империи и гибли. Из великих становились малыми, из богатых — нищими. Наша родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет.

Ничего, мы сдюжим!..

Правда. 1941. 7 ноября

А.А. ФАДЕЕВ [1901—1956]

Бессмертные

«Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной, многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь:

беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем;

хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии»!

Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!»...

Эту клятву на верность Родине и борьбу до последнего вздоха за ее освобождение от гитлеровских захватчиков дали члены подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в городе Краснодоне, Ворошиловградской области. Они давали ее осенью

1942 года, стоя друг против друга в маленькой горенке, когда пронзительный осенний ветер завывал над поработанной и опустошенной землей Донбасса. Маленький городок лежал, затаившись во тьме, в горняцких домах стояли фашисты, одни продажные шкуры-полицейские да заплочных дел мастера из гестапо в эту темную ночь обшаривали квартиры граждан и зверствовали в своих застенках.

Старшему из тех, кто давал клятву, было девятнадцать лет, а главному организатору и вдохновителю Олегу Кошевому — шестнадцать.

Сухова и неприютна открытая донецкая степь, особенно поздней осенью или зимой, под леденящим ветром, когда смерзается комьями черная земля. Но это наша кровная Советская земля, заселенная могучим и славным угольным племенем, дающая энергию, свет и тепло нашей великой Родине. За свободу этой земли в гражданскую войну сражались лучшие ее сыны во главе с Климом Ворошиловым и Александром Пархоменко. Она породила прекрасное стахановское движение. Советский человек глубоко проник в недра донецкой земли, и по неприютному лицу ее выросли мощные заводы — гордость нашей технической мысли, залитые светом социалистические города, наши школы, клубы, театры, где расцветал и раскрывался во всю свою духовную силу великий советский человек. И вот эту землю топтал враг. Он шел по ней, как смерч, как чума, ввергая во тьму города, превращая школы, больницы, клубы, детские ясли в казармы для постоя солдат, в конюшни, в застенки гестапо.

Огонь, веревка, пуля и топор — эти страшные орудия смерти стали постоянными спутниками жизни советских людей. Советские люди были обречены на мучения, невыносимые с точки зрения человеческого разума и совести. Достаточно сказать, что в городском парке города Краснодона фашисты живьем зарыли в землю тридцать шахтеров за отказ явиться на регистрацию на «биржу труда». Когда город был освобожден Красной армией и начал отрывать погибших, они так и стояли в земле: сначала обнажились головы, потом плечи, туловища, руки.

Ни в чем не повинные люди вынуждены были уходить из родных мест, скрываться. Рушились семьи. «Я распрощалась с папой, слезы ручьями потекли из глаз, — рассказывает Валя Борц — член организации «Молодая гвардия». — Какой-то неведомый голос, казалось шептал: «Ты его видишь в последний раз». Он пошел, а я стояла до тех пор, пока он не скрылся из виду. Сегодня еще этот человек имел семью, угол, приют, детей, а теперь он, как бездомная собака, должен скитаться. А сколько замучено, расстреляно!»...

Молодежь, всякими способами уклонявшуюся от регистрации, хватали насильно и угоняли на рабский труд в Германию. Поистине душераздирающие сцены можно было видеть в эти дни на улицах городка. Грубые окрики и брань полицейских сливались с рыданием отцов и матерей, от которых насильно отрывали дочерей и сыновей.

И страшным ядом лжи, распространяемой гнусными фашистскими газетенками и листовками о падении Москвы и Ленинграда, о гибели советского строя, стремился враг разложить душу советских людей.

Это была наша молодежь — та самая, которая растет, воспитывается в советской школе, пионерскими отрядами, комсомольскими организациями. Враг стремился истребить в ней дух свободы, радость творчества и труда, привитые советским строем. И в ответ на это юный советский человек гордо поднял свою голову.

Вольная советская песня! Она сроднилась с советской молодежью, она всегда звенит в душе ее.

«Один раз идем мы с Володей в Свердловку к дедушке. Было совсем тепло. Летают над головами самолеты. Идем степью. Никого кругом. Мы запели: «Спят курганы темные... Вышел в степь донецкую парень молодой». Потом Володя говорит:

— Я знаю, где наши войска находятся.

Он мне начал рассказывать сводку. Я бросилась к Володе и начала его обнимать».

Эти простые строки воспоминаний сестры Володи Осьмухина нельзя читать без волнения. Непосредственными руководителями «Молодой гвардии» были Кошевой Олег Васильевич, 1926 года рождения, член ВЛКСМ с 1940 года, Земнухов Иван Александрович, 1923 года рождения, член ВЛКСМ с 1941 года. Вскоре патриоты привлекают в свои ряды новых членов организации — Ивана Туркенича, Степана Сафонова, Любу Шевцову, Ульяну Громову, Анатолия Попова, Николая Сумского, Володю Осьмухина, Валю Борц и других. Олег Кошевой был избран комиссаром. Командиром штаба утвердил Туркенича Ивана Васильевича, члена ВЛКСМ с 1940 года.

И эта молодежь, не ведавшая старого строя и, естественно, не проходившая опыта подполья, в течение нескольких месяцев срывает все мероприятия фашистских поработителей и вдохновляет на сопротивление врагу население города Краснодона и окружающих поселков — Изварина, Первомайки, Семейкина, где создаются ответвления организации. Организация разрастается до семидесяти человек, потом насчитывает уже свыше ста — детей шахтеров, крестьян и служащих.

«Молодая гвардия» сотнями и тысячами распространяет листовки — на базарах, в кино, в клубе. Листовки обнаруживаются на здании полиции, даже в карманах полицейских. «Молодая гвардия» устанавливает четыре радиоприемника и ежедневно информирует население о сводках Информбюро.

В условиях подполья происходит прием в ряды комсомола новых членов, на руки выдаются временные удостоверения, принимаются членские взносы. По мере приближения советских войск готовится вооруженное восстание и самыми различными путями добывается оружие.

В это время ударные группы проводят диверсионные и террористические акты.

В ночь с 7 на 8 ноября группа Ивана Туркенича повесила двух полицейских. На груди повешенных оставили плакаты: «Такая участь ждет каждого продажного пса».

9 ноября группа Анатолия Попова на дороге Гундоровка—Герасимовка уничтожает легковую машину с тремя высшими гитлеровскими офицерами.

15 ноября группа Виктора Петрова освобождает из концентрационного лагеря в хуторе Волчанске 75 бойцов и командиров Красной Армии.

В начале декабря группа Мошкова на дороге Краснодон—Свердловск сжигает три автомашины с бензином.

Через несколько дней после этой операции группа Тюленина совершает на дороге Краснодон—Ровеньки вооруженное нападение на охрану, которая гнала 500 голов скота, отобранного у жителей. Уничтожает охрану, скот разгоняет по степи.

Члены «Молодой гвардии», устроившиеся по заданию штаба в оккупационные учреждения и на предприятия, умелыми маневрами тормозят их работу. Сергей Левашов, работая шофером в гараже, выводит из строя одну за другой три машины. Юрий Виценовский устраивает на шахте несколько аварий.

В ночь с 5 на 6 декабря отважная тройка молодогвардейцев — Люба Шевцова, Сергей Тюленин и Виктор Лукьянченко проводят блестящую операцию по поджогу «биржи труда». Уничтожением «биржи труда» со всеми документами молодогвардейцы спасли несколько тысяч советских людей от угона в фашистскую Германию.

В ночь с 6 на 7 ноября члены организации вывешивают на зданиях школы, бывшего райпотребсоюза, больницы и на самом высоком дереве городского парка красные флаги. «Когда я увидела на школе флаг, — рассказывает жительница города Краснодона

М.А. Литвинова, — невольная радость, гордость охватили меня. Разбудила детей и быстренько побежала через дорогу к Мухиной. Ее я застала стоящей в нижнем белье на подоконнике, слезы ручьями расползались по ее худым щекам. Она сказала: «Марья Алексеевна, ведь это сделано для нас, советских людей. О нас помнят, мы нашими не забыты».

Организация была раскрыта полицией потому, что она вовлекла в свои ряды слишком широкий круг молодежи, среди которой оказались и менее стойкие люди. Но во время страшных пыток, которым подвергли членов «Молодой гвардии» озверевшие враги, с невиданной силой раскрылся нравственный облик юных патриотов, облик такой духовной красоты, что он будет вдохновлять еще многие и многие поколения.

Олег Кошевой. Несмотря на свою молодость, это великолепный организатор. Мечтательность соединялась в нем с исключительной практичностью и деловитостью. Он был вдохновителем и инициатором ряда героических мероприятий. Высокий, широкоплечий, он весь дышал силой и здоровьем и не раз сам был участником смелых вылазок против врага. Будучи арестован, он бесил гестаповцев непоколебимым презрением к ним. Его жгли раскаленным железом, запускали в тело иголки, но стойкость и воля не покидали его. После каждого допроса в его волосах появлялись седые пряди. На казнь он шел совершенно седой.

Иван Земнухов — один из наиболее образованных, начитанных членов «Молодой гвардии», автор ряда замечательных листовок. Внешне нескладный, но сильный духом, он пользовался всеобщей любовью и авторитетом. Он славился как оратор, любил стихи и сам писал их (как, впрочем, писали их и Олег Кошевой, и многие другие члены «Молодой гвардии»). Иван Земнухов подвергался в застенках самым зверским пыткам и истязаниям. Его подвешивали в петле через специальный блок к потолку, отливали водой, когда он лишался чувств, и снова подвешивали. По три раза в день били плетью из электрических проводов. Полиция упорно добивалась от него показаний, но не добилась ничего. 15 января он был вместе с другими товарищами сброшен в шурф шахты № 5.

Сергей Тюленин. Это маленький, подвижный, стремительный юноша-подросток, вспыльчивый, с задорным характером, смелый до отчаянности. Он участвовал во многих самых отчаянных предприятиях и лично уничтожил немало врагов. «Это был человек дела, — характеризуют его оставшиеся в живых товарищи. — Не любил хвастунов, болтунов и бездельников. Он говорил: «Ты лучше сделай, и о твоих делах пускай расскажут люди».

Сергей Тюленин был не только сам подвергнут жестоким пыткам, при нем пытали его старую мать. Но как и его товарищи, Сергей Тюленин был стоек до конца.

Вот как характеризует четвертого члена штаба «Молодой гвардии» — Ульяну Громову Мария Андреевна Борц, учительница из Краснодона: «Это была девушка высокого роста, стройная брюнетка, с вьющимися волосами и красивыми чертами лица. Ее черные, пронизывающие глаза поражали своей серьезностью и умом... Это была серьезная, толковая, умная и развитая девушка. Она не горячилась, как другие, и не сыпала проклятий по адресу истязателей... «Они думают удержать свою власть посредством террора, — говорила она. — Глупые люди! Разве можно колесо истории повернуть назад...»

Девочки попросили ее прочесть «Демона». Она сказала: «С удовольствием! Я «Демона» люблю. Какое это замечательное произведение! Подумайте только, он восстал против самого бога!» В камере стало совсем темно. Она приятным, мелодичным голосом начала читать... Вдруг тишину вечерних сумерек пронизал дикий вопль. Громова перестала читать и сказала: «Начинается!» Стоны и крики все усиливались. В камере была гробовая тишина. Так продолжалось несколько минут. Громова, обращаясь к нам, твердым голосом прочла:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали.

Ульяну Громову подвергли нечеловеческим пыткам. Ее подвешивали за волосы, вырезали ей на спине пятиконечную звезду, прижигали тело каленым железом и раны присыпали солью, сажали на раскаленную плиту. Но и перед самой смертью она не пала духом и при помощи шифра «Молодой гвардии» выстукивала через стены ободряющие слова друзьям: «Ребята! Не падайте духом! Наши идут. Крепитесь. Час освобождения близок. Наши идут. Наши идут...»

Ее подруга Любовь Шевцова по заданию штаба работала в качестве разведчицы. Она установила связь с подпольщиками Ворошиловграда и ежемесячно по несколько раз посещала этот город, проявляя исключительную находчивость и смелость. Одевшись в лучшее платье, изображая «ненавистницу» Советской власти, дочь крупного промышленника, она проникала в среду вражеских офицеров и похищала важные документы. Шевцову пытали дольше всех.

Ничего не добившись городская полиция отправила ее в уездное отделение жандармерии Ровенек. Там ей загоняли под ногти иголки, на спине вырезали звезду. Человек исключительной жизнерадостности и силы духа, она, возвращаясь в камеру после мучений, назло палачам пела песни. Однажды во время пыток, заслышав шум советского самолета, она вдруг засмеялась и сказала: «Наши голоса подадут».

7 февраля 1943 года Люба Шевцова была расстреляна.

Так, до конца сдержав свою клятву, погибло большинство членов организации «Молодая гвардия», в живых осталось всего несколько человек. С любимой песней Владимира Ильича «Замучен тяжелой неволей» шли они на казнь.

«Молодая гвардия» — это не одиночное исключительное явление на территории, захваченной фашистскими оккупантами. Везде и повсюду борется гордый советский человек. И хотя члены боевой организации «Молодая гвардия» погибли в борьбе, они бессмертны, потому что их духовные черты есть черты нового советского человека, черты народа страны социализма.

Вечная память и слава юным молодогвардейцам — героическим сынам бессмертного советского народа!

Правда. 1943. 15 сентября

М.А. ШОЛОХОВ [1905—1984]

Наука ненависти

На войне, деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем нашей артиллерии. В этом лесу недавно укреплялись немцы, выбитые из села С., здесь они думали задержаться, но смерть скосила их вместе с деревьями. Под поверженными стволами сосен лежали мертвые немецкие солдаты, в зеленом папоротнике гнили их изорванные в клочья тела, и смолистый аромат расщепленных снарядами сосен не мог заглушить удушливо-приторной, острой вони разлагающихся трупов. Казалось, что даже земля с бурыми, опаленными и жесткими краями воронок источает могильный запах.

Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной и взрытой нашими снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом сохранившаяся березка, и ветер рас-

качивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых, глянцево-клейких листьях.

Мы проходили через поляну. Шедший впереди меня связной красноармеец слегка коснулся рукой ствола березы, спросил с искренним и ласковым удивлением:

— Как же ты тут уцелела, милая?..

Но если сосна гибнет от снаряда, падая, как скошенная, и на месте среза остается лишь иглистая, истекающая смолой макушка, то по-иному встречается со смертью дуб.

На провесне немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безымянной речушки. Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весной дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...

Высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами, лейтенант Герасимов сидел у входа в блиндаж и обстоятельно рассказывал о сегодняшнем бое, о танковой атаке противника, успешно отбитой батальоном.

Худое лицо лейтенанта было спокойно, почти бесстрастно, воспаленные глаза устало прищурены. Он говорил надтреснутым басом, изредка скрещая крупные узловатые пальцы рук, и странно не вязался с его сильной фигурой, с энергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье.

Но вдруг он умолк, и лицо его мгновенно преобразилось: смуглые щеки побледнели, под скулами, перекатываясь, заходили желваки, а пристально устремленные вперед глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел шедших по лесу от переднего края нашей обороны трех пленных немцев и сзади — конвоировавшего их красноармейца в выгоревшей, почти белой от солнца, летней гимнастерке и сдвинутой на затылок пилотке.

Красноармеец шел медленно. Мерно раскачивалась в его руках винтовка, посверкивая на солнце жалом штыка. И так же медленно брели пленные немцы, нехотя переставляя ноги, обутые в короткие, измазанные желтой глиной сапоги.

Шагавший впереди немец — пожилой, со впалыми щеками, густо заросшими каштановой щетиной, — поравнялся с блиндажом, кинул в нашу сторону исподлобный, волчий взгляд, отвернулся, на

ходу поправляя привешенную к поясу каску. И тогда лейтенант Герасимов порывисто вскочил, крикнул красноармейцу резким, лающим голосом:

— Ты что, на прогулке с ними? Прибавить шагу! Веди быстрее, говорят тебе!..

Он, видимо, хотел еще что-то крикнуть, но задохнулся от волнения и, круто повернувшись, быстро сбежал по ступенькам в блиндаж. Присутствовавший при разговоре политрук, отвечая на мой удивленный взгляд, вполголоса сказал:

— Ничего не поделаешь, — нервы. Он в плену у немцев был, разве вы не знаете? Вы поговорите с ним как-нибудь. Он очень много пережил там, и после этого живых гитлеровцев не может видеть, именно живых! На мертвых смотрит ничего, я бы сказал — даже с удовольствием, а вот пленных увидит и либо закроет глаза и сидит бледный и потный, либо повернется и уйдет. — Политрук придвинулся ко мне, перешел на шепот: — Мне с ним пришлось два раза ходить в атаку; силища у него лошадиная, и вы бы посмотрели, что он делает... Всякие виды мне приходилось выдвигать, но как он орудует штыком и прикладом, знаете ли, — это страшно!

Ночью немецкая тяжелая артиллерия вела тревожащий огонь. Методически, через ровные промежутки времени, издали доносился орудийный выстрел, спустя несколько секунд над нашими головами, высоко в звездном небе, слышался железный клетот снаряда, воющий звук нарастал и удалялся, а затем где-то позади нас, в направлении дороги, по которой днем густо шли машины, подвизавшие к линии фронта боеприпасы, желтой зарницей вспыхивало пламя и громово звучал разрыв.

В промежутках между выстрелами, когда в лесу устанавливалась тишина, слышно было, как тонко пели комары и несмело перекликались в соседнем болотце потревоженные стрельбой лягушки.

Мы лежали под кустом орешника, и лейтенант Герасимов, отмахиваясь от комаров сломленной веткой, неторопливо рассказывал о себе. Я передаю этот рассказ так, как мне удалось его запомнить.

— До войны работал я механиком на одном из заводов Западной Сибири. В армию призван девятого июля прошлого года. Семья у меня — жена, двое ребят, отец-инвалид. Ну, на проводах, как полагается, жена и поплакала, и напутствие сказала: «Защищай родину и нас крепко. Если понадобится — жизнь отдай, а чтобы победа была нашей». Помню, засмеялся я тогда и говорю ей: «Кто ты мне есть, жена или семейный агитатор? Я сам большой, а что

касается победы, так мы ее у фашистов вместе с горлом вынем, не беспокойся!»...

Отец, тот, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось: «Смотри, — говорит, — Виктор, фамилия Герасимовых — это не простая фамилия. Ты — потомственный рабочий; прадед твой еще у Строганова работал; наша фамилия сотни лет железо для родины делала, и чтобы ты на этой войне был железным. Власть-то — твоя, она тебя командиром запаса до войны держала, и должен ты врага бить крепко».

«Будет сделано, отец».

По пути на вокзал забежал в райком партии. Секретарь у нас был какой-то очень сухой, рассудочный человек... Ну, думаю, уж если жена с отцом меня на дорогу агитировали, то этот вовсе спуска не даст, двинет какую-нибудь речугу на полчаса, обязательно двинет! А получилось все наоборот. «Садись, Герасимов, — говорит мой секретарь, — перед дорогой посидим минутку по старому обычаю».

Посидели мы с ним немного, помолчали, потом он встал, и вижу — очки у него будто бы отпотели... Вот, думаю, чудеса какие нынче происходят! А секретарь и говорит: «Все ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя еще вот таким, лопоухим, когда ты пионерский галстук носил, помню затем комсомольцем, знаю и как коммуниста на протяжении десяти лет. Иди, бей гадов беспощадно! Парторганизация на тебя надеется». Первый раз в жизни расцеловался я со своим секретарем, и, черт его знает, показался он тогда мне вовсе не таким уж сухарем, как раньше...

И до того мне тепло стало от этой его душевности, что вышел я из райкома радостный и взволнованный.

А тут еще жена развеселила. Сами понимаете, что провожать мужа на фронт никакой жене невесело; ну, и моя жена, конечно, тоже растерялась немного от горя, все хотела что-то важное сказать, а в голове у нее сквозняк получился, все мысли вылетели. И вот уже поезд тронулся, а она идет рядом с моим вагоном, руку мою из своей не выпускает и быстро так говорит:

«Смотри, Витя, береги себя, не простудись там, на фронте». — «Что ты, — говорю ей, — Надя, что ты! Ни за что не простужусь. Там климат отличный и очень даже умеренный». И горько мне было расставаться, и веселее стало от милых и глупеньких слов жены, и такое зло взяло на немцев. Ну, думаю тронули нас, вероломные соседи, — теперь держитесь! Вколем мы вам по первое число!

Герасимов помолчал несколько минут, прислушиваясь к вспыхнувшей на переднем крае пулеметной перестрелке, потом, когда

стрельба прекратилась, так же внезапно, как и началась, продолжал:

— До войны на завод к нам поступали машины из Германии. При сборке, бывало, раз по пять ощупаю каждую деталь, осмотрю ее со всех сторон. Ничего не скажешь — умные руки эти машины делали. Книги немецких писателей читал и любил и как-то привык с уважением относиться к немецкому народу. Правда, иной раз обидно становилось за то, что такой трудолюбивый и талантливый народ терпит у себя самый паскудный гитлеровский режим, но это было в конце концов их дело. Потом началась война в Западной Европе...

И вот еду я на фронт и думаю: техника у немцев сильная, армия — тоже ничего себе. Черт возьми, с таким противником даже интересно подраться и наломать ему бока. Мы-то тоже к сорок первому году были не лыком шиты. Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придется воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась армия Гитлера. Ну, да об этом после...

В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили двадцать седьмого рано утром. Сначала, в новинку-то, было страшновато малость. Минометами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захватили мы группу, человек в пятнадцать, пленных. Помню, как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к этому времени остыли от боя, и вот каждый из них тащит пленным все, что может: кто — котелок щей, кто — табак или папирос, кто — чаем угощает. По спинам их похлопывают, «камрадами» называют: за что, мол, воюете, камрады?..

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «Слюни вы распустили с этими «друзьями». Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются». Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел.

Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные и зверски убитые женщины, девушки и девочки-подростки...

Особенно одна осталась у меня в памяти: ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на

огород, изнасиловали и убили. Она лежала в помятой картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники... Лицо ее было страшно изрублено тесаком, в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и, помню, как иступленный, шептал: «Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы». Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе.

Это было неподалеку от Ружина. А около Сквыры в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках? Ну, вот так примерно выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по оврагу, висели окровавленные туловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей... Отдельной кучей было свалено на дне оврага восемь человек убитых. Там нельзя было понять, кому из замученных что принадлежит, лежала просто куча крупно нарубленного мяса, а сверху — стопкой, как надвинутые одна на другую тарелки, — восемь красноармейских пилотов...

Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких слов. Это надо видеть самому. И вообще хватит об этом! — Лейтенант Герасимов надолго умолк.

— Можно здесь закурить? — спросил я его.

— Можно. Курите в руку, — охрипшим голосом ответил он.

И, закурив, продолжал:

— Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на все, что творили фашисты, да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками. Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей. Потом мы снова отступали, но дрались как черти!

В моей роте почти все бойцы были сибиряки. Однако украинскую землю мы защищали прямо-таки отчаянно. Много моих земляков погибло на Украине, а фашистов мы положили там еще больше. Что ж, мы отходили, но духу им давали неплохо.

С жадностью затягиваясь папиросой, лейтенант Герасимов сказал уже несколько иным, смягченным тоном:

— Хорошая земля на Украине, и природа там чудесная! Каждое село и деревушка казались нам родными, может быть, потому, что, не скупясь, проливали мы там свою кровь, а кровь ведь, как гово-

рят, роднит... И вот оставляешь какое-нибудь село, а сердце щемит, и щемит, как проклятое. Жалко было, просто до боли жалко! Уходим и в глаза друг другу не глядим.

...Не думал я тогда, что придется побывать у фашистов в плену, однако пришлось. В сентябре я был первый раз ранен, но остался в строю. А двадцать первого, в бою под Денисовкой, Полтавской области, я был ранен вторично и взят в плен.

Немецкие танки прорвались на нашем левом фланге, следом за ними потекла пехота. Мы с боем выходили из окружения. В этот день моя рота понесла очень большие потери. Два раза мы отбили танковые атаки противника, сожгли и подбили шесть танков и одну бронемашину, уложили на кукурузном поле человек сто двадцать гитлеровцев, а потом они подтянули минометные батареи, и мы вынуждены были оставить высотку, которую держали с полудня до четырех часов. С утра было жарко. В небе ни облачка, а солнце палило так, что буквально нечем было дышать. Мины ложились страшно густо, и, помню, пить хотелось до того, что у бойцов губы чернели от жажды, а я подавал команду каким-то чужим, окончательно осипшим голосом. Мы перебежали по ложине, когда впереди меня разорвалась мина. Кажется, я успел увидеть столб черной земли и пыли, и это — все. Осколок мины пробил мою каску, второй попал в правое плечо.

Не помню, сколько я пролежал без сознания, но очнулся от топота чьих-то ног. Приподнял голову и увидел, что лежу не на том месте, где упал. Гимнастерки на мне нет, а плечо наспех кем-то перевязано. Нет и каски на голове. Голова тоже кем-то перевязана, но бинт не закреплен, кончик его висит у меня на груди. Мгновенно я подумал, что мои бойца тащили меня и на ходу перевязали, и я надеялся увидеть своих, когда с трудом поднял голову. Но ко мне бежали не свои, а немцы. Это топот их ног вернул мне сознание. Я увидел их очень отчетливо, как в хорошем кино. Я пошарил вокруг руками. Около меня не было оружия: ни нагана, ни винтовки, даже гранаты не было. Планшетку и оружие кто-то из наших снял с меня.

«Вот и смерть», — подумал я. О чем я еще думал в этот момент? Если вам это для будущего романа, так напишите что-нибудь от себя, а я тогда ничего не успел подумать. Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа, понятно? Я собрал все силы и встал на колени, касаясь русской земли. Когда они подбежали ко мне, я уже стоял на ногах. Стоял и качался, и ужасно боялся, что вот сейчас опять упаду и они меня заколют лежачего. Ни одного лица я не помню.

Они стояли вокруг меня, что-то говорили и смеялись. Я сказал: «Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду». Один из них ударил меня прикладом по шее, я упал, но тотчас снова встал. Они засмеялись, и один из них махнул рукой — иди, мол, вперед. Я пошел. Все лицо у меня было в засохшей крови, из раны на голове все еще бежала кровь, очень теплая и липкая, плечо болело, и я не мог поднять правую руку. Помню, что мне очень хотелось лечь и никуда не идти, но я все же шел...

Нет, я вовсе не хотел умирать и тем более — оставаться в плену. С великим трудом преодолевая головокружение и тошноту, я шел, — значит, я был жив и мог еще действовать. Ох как меня томила жажда! Во рту у меня спеклось, и все время, пока мои ноги шли, перед глазами колыбалась какая-то черная штора. Я был почти без сознания, но шел и думал: «Как только напьюсь и чуточку отдохну — убегу!»...

На опушке рощи нас всех, попавших в плен, собрали и построили. Все это были бойцы соседней части. Из нашего полка я угадал только двух красноармейцев третьей роты. Большинство пленных было ранено. Немецкий лейтенант на плохом русском языке спросил, есть ли среди нас комиссары и командиры. Все молчали. Тогда он еще раз спросил: «Комиссары и офицеры идут два шага вперед». Никто из строя не вышел.

Лейтенант медленно прошел перед строем и отобрал человек шестнадцать, по виду похожих на евреев. У каждого он спрашивал: «Юде?» — и, не дожидаясь ответа, приказывал выходить из строя. Среди отобранных им были и евреи, и армяне, и просто русские, но смуглые лицом и черноволосые. Всех их отвели немного в сторону и расстреляли на наших глазах из автоматов. Потом нас наспех обыскали и отобрали бумажники и все, что было из личных вещей. Я никогда не носил партбилета в бумажнике, боялся потерять; он был у меня во внутреннем кармане брюк, и его при обыске не нашли. Все же человек — удивительное создание: я твердо знал, что жизнь моя — на волоске, что если меня не убьют при попытке к бегству, то все равно убьют по дороге, так как от сильной потери крови я едва ли мог бы идти наравне с остальными, но когда обыск кончился и партбилет остался при мне, — я так обрадовался, что даже про жажду забыл!

Нас построили в походную колонну и погнали на запад. По сторонам дороги шел довольно сильный конвой и ехало человек десять немецких мотоциклистов. Гнали нас быстрым шагом, и силы мои приходили к концу. Два раза я падал, вставал и шел потому, что знал, что, если пролежу лишнюю минуту и колонна пройдет, —

меня пристрелят там же, на дороге. Так произошло с шедшим впереди меня сержантом. Он был ранен в ногу и с трудом шел, стоная, иногда даже вскрикивал от боли. Прошли с километр, и тут он громко сказал:

— Нет, не могу. Прощайте, товарищи! — и сел среди дороги.

Его пытались на ходу поднять, поставить на ноги, но он снова опускался на землю. Как во сне, помню его очень бледное молодое лицо, нахмуренные брови и мокрые от слез глаза... Колонна прошла. Он остался позади. Я оглянулся и увидел, как мотоциклист подъехал к нему вплотную, не слезая с седла, вынул из кобуры пистолет, приставил к уху сержанта и выстрелил. Пока дошли до речки, фашисты пристрелили еще нескольких отстававших красноармейцев.

И вот уже вижу речку, разрушенный мост и грузовую машину, застрявшую сбоку переезда, и тут падаю вниз лицом. Потерял ли я сознание? Нет, не потерял. Я лежал, протянувшись во весь рост, во рту у меня было полно пыли, я скрипел от ярости зубами, и песок хрустел у меня на зубах, но подняться я не мог. Мимо меня шагали мои товарищи. Один из них тихо сказал: «Вставай же, а то убьют!» Я стал пальцами раздирать себе рот, давить глаза, чтобы боль помогла мне подняться...

А колонна уже прошла, и я слышал, как шуршат колеса подъезжающего ко мне мотоцикла. И все-таки я встал! Не оглядываясь на мотоциклиста, качаясь как пьяный, я заставил себя догнать колонну и пристроился к задним рядам. Проходившие через речку немецкие танки и автомашины взмутили воду, но мы пили ее, эту коричневую теплую жижу, и она казалась нам слаще самой хорошей ключевой воды. Я намочил голову и плечо. Это меня очень освежило, и ко мне вернулись силы. Теперь-то я мог идти в надежде, что не упаду и не останусь лежать на дороге...

Только отошли от речки, как по пути нам встретилась колонна средних немецких танков. Они двигались нам навстречу. Водитель головного танка, рассмотрев, что мы — пленные, дал полный газ и на всем ходу врезался в нашу колонну. Передние ряды были смяты и раздавлены гусеницами. Пешие конвойные и мотоциклисты с хохотом наблюдали эту картину, что-то орали высунувшимся из люков танкистам и размахивали руками. Потом снова выстроили нас и погнали сбоку дороги. Веселые люди, ничего не скажешь...

В этот вечер и ночью я не пытался бежать, так как понял, что уйти не смогу, потому что очень ослабел от потери крови, да и ох-раняли нас строго, и всякая попытка к бегству наверняка закончилась бы неудачей. Но как проклинал я себя впоследствии за то, что

не предпринял этой попытки! Утром нас гнали через одну деревню, в которой стояла немецкая часть. Немецкие пехотинцы высыпали на улицу посмотреть на нас. Конвой заставил нас бежать через всю деревню рысью. Надо же было унижить нас в глазах подходившей к фронту немецкой части. И мы бежали. Кто падал или отставал, в того немедленно стреляли. К вечеру мы были уже в лагере для военнопленных.

Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Нас сдали охране лагеря, и те прикладами винтовок загнали нас за огорожу. Сказать, что этот лагерь был адом, — значит, ничего не сказать. Уборной не было. Люди испражнялись здесь же и стояли и лежали в грязи и в зловонной жиже. Наиболее ослабевшие вообще уже не вставали. Воду и пищу давали раз в сутки. Кружку воды и горсть сырого проса или прелого подсолнуха, вот и все. Иной день совсем забывали что-либо дать...

Дня через два пошли сильные дожди. Грязь в лагере растолкли так, что бродили в ней по колено. Утром от намокших людей шел пар, словно от лошадей, а дождь лил не переставая... Каждую ночь умирало по несколько десятков человек. Все мы слабели от недоедания с каждым днем. Меня вдобавок мучили раны.

На шестые сутки я почувствовал, что у меня еще сильнее заболело плечо и рана на голове. Началось нагноение. Потом появился дурной запах. Рядом с лагерем были колхозные конюшни, в которых лежали тяжелораненые красноармейцы. Утром я обратился к унтеру из охраны и попросил разрешения обратиться к врачу, который, как сказали мне, был при раненых. Унтер хорошо говорил по-русски. Он ответил: «Иди, русский, к своему врачу. Он немедленно окажет тебе помощь».

Тогда я не понял насмешки и, обрадованный, побрел к конюшне.

Военврач третьего ранга встретил меня у входа. Это был уже конченый человек. Худой до изнеможения, измученный, он был уже полусумасшедшим от всего, что ему пришлось пережить. Раненые лежали на навозных подстилках и задыхались от дикого зловония, наполнявшего конюшню. У большинства в ранах кишели черви, и те из раненых, которые могли, выковыривали их из ран пальцами и палочками... Тут же лежала груда умерших пленных, их не успевали убирать.

«Видели? — спросил у меня врач. — Чем же я могу вам помочь? У меня нет ни одного бинта, ничего нет! идите отсюда, ради бога, идите! А бинты ваши сорвите и присыпьте раны золой. Вот здесь у двери — свежая зола».

Я так и сделал. Унтер встретил меня у входа, широко улыбаясь. «Ну, как? О, у ваших солдат превосходный врач! Оказал он вам помощь? Я хотел молча пройти мимо него, но он ударил меня кулаком в лицо, крикнул: «Ты не хочешь отвечать, скотина?!» Я упал, и он долго бил меня ногами в грудь и в голову. Бил до тех пор, пока не устал. Этого фашиста я не забуду до самой смерти, нет, не забуду! Он и после бил меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, приказывает выйти и начинает бить, молча, сосредоточенно...

Вы спрашиваете, как я выжил?

До войны, когда я еще не был механиком, я работал грузчиком на Каме, на разгрузке носил по два куля соли, в каждом — по центнеру. Силенка была, не жаловался, к тому же вообще организм у меня здоровый, но главное — это то, что не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцом за родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!

Из этого лагеря, который являлся как бы распределительным, меня перевели в другой лагерь, находившийся километрах в ста от первого. Там все было так же устроено, как и в распределительном: высокие столбы, обнесенные колючей проволокой, ни навеса над головой, ничего. Кормили так же, но изредка вместо сырого проса давали по кружке вареного гнилого зерна или же втаскивали в лагерь трупы издохших лошадей, предоставляя пленным самим делить эту падаль. Чтобы не умереть с голоду, мы ели — и умирали сотнями... Вдобавок ко всему в октябре наступили холода, беспрестанно шли дожди, по утрам были заморозки. Мы жестоко страдали от холода. С умершего красноармейца мне удалось снять гимнастерку и шинель. Но и это не спасло от холода, а к голоду мы уже привыкли...

Стерегли нас разжиревшие от грабежей солдаты. Все они по характеру были сделаны на одну колодку. Наша охрана на подбор состояла из отъявленных мерзавцев. Как они, к примеру, развлекались: утром к проволоке подходит какой-нибудь ефрейтор и говорит через переводчика:

«Сейчас раздача пищи. Раздача будет происходить с левой стороны».

Ефрейтор уходит. У левой стороны огорожи толпятся все, кто в состоянии стоять на ногах. Ждем час, два, три. Сотни дрожащих, живых скелетов стоят на пронизывающем ветру... Стоят и ждут.

И вдруг на противоположной стороне быстро появляются охранники. Они бросают через проволоку куски нарубленной конины. Вся толпа, понукаемая голодом, шарахается туда, около кусков измазанной в грязи конины идет свалка...

Охранники хохочут во все горло, а затем резко звучит длинная пулеметная очередь. Крики и стоны. Пленные отбегают к левой стороне огорожи, а на земле остаются убитые и раненые... Высокий обер-лейтенант — начальник лагеря — подходит с переводчиком к проволоке. Обер-лейтенант, еле сдерживаясь от смеха, говорит:

«При раздаче пищи произошли возмутительные беспорядки. Если это повторится, я прикажу вас, русских свиней, расстреливать беспощадно! Убрать убитых и раненых!» Гитлеровские солдаты, толпящиеся позади начальника лагеря, просто помирают со смеху. Им по душе «остроумная» выходка их начальника.

Мы молча вытаскиваем из лагеря убитых, хороним их неподалеку, в овраге... Били и в этом лагере кулаками, палками, прикладами. Били так просто, от скуки или для развлечения. Раны мои открывались и болели нестерпимо. Но я все еще жил и не терял надежды на избавление... Спали мы прямо в грязи, не было ни соломенных подстилок, ничего. Собьемся в тесную кучу, лежим. Всю ночь идет тихая возня: зябнут те, которые лежат на самом низу, в грязи, зябнут и те, которые находятся сверху. Это был не сон, а горькая мука.

Так шли дни, словно в тяжком сне. С каждым днем я слабел все более. Теперь меня мог бы свалить на землю и ребенок. Иногда я с ужасом смотрел на свои обтянутые одной кожей, высохшие руки, думал: «Как же я уйду отсюда?» Вот когда я проклинал себя за то, что не попытался бежать в первые же дни. Что ж, если бы убили тогда, не мучился бы так страшно теперь.

Пришла зима. Мы разгребали снег, спали на мерзлой земле. Все меньше становилось нас в лагере... Наконец было объявлено, что через несколько дней нас отправят на работу. Все ожили. У каждого проснулась надежда, хоть слабенькая, но надежда, что, может быть, удастся бежать.

В эту ночь было тихо, но морозно. Перед рассветом мы услышали орудийный гул. Все вокруг меня зашевелилось. А когда гул повторился, вдруг кто-то громко сказал:

— Товарищи, наши наступают!

И тут произошло что-то невообразимое: весь лагерь поднялся на ноги, как по команде! Встали даже те, которые не поднимались по нескольку дней. Вокруг слышался горячий шепот и подавленные рыдания... Кто-то плакал рядом со мной по-женски, навзрыд... Я тоже... я тоже... — прерывающимся голосом быстро проговорил лейтенант Герасимов и умолк на минуту, но затем, овладев собой, продолжал уже спокойнее: «У меня тоже катились по щекам слезы и замерзали на ветру... Кто-то слабым голосом запел «Интернацио-

нал», мы подхватили тонкими, скрипучими голосами. Часовые открыли стрельбу по нас из пулеметов и автоматов, раздалась команда: «Лежать!» Я лежал, вдавив тело в снег, и плакал, как ребенок. Но это были слезы не только радости, но и гордости за наш народ. Фашисты могли убить нас, безоружных и обессиливших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу.

Мне не удалось в ту ночь дослушать рассказ лейтенанта Герасимова. Его срочно вызвали в штаб части. Но через несколько дней мы снова встретились. В землянке пахло плесенью и сосновой смолой. Лейтенант сидел на скамье, согнувшись, положив на колени огромные кисти рук со скрещенными пальцами. Глядя на него, невольно я подумал, что это там, в лагере для военнопленных, он привык сидеть вот так, скрестив пальцы, часами молчать и тягостно, бесплодно думать.

— Вы спрашиваете, как мне удалось бежать? Сейчас расскажу. Вскоре после того, как услышали мы ночью орудийный гул, нас отправили на работу по строительству укреплений. Морозы сменились оттепелью. Шли дожди. Нас гнали на север от лагеря. Снова было то же, что и вначале: истощенные люди падали, их пристреливали и бросали на дороге...

Впрочем, одного унтер застрелил за то, что он на ходу взял с земли мерзлую картофелину. Мы шли через картофельное поле. Старшина, по фамилии Гончар, украинец по национальности, поднял эту проклятую картофелину и хотел спрятать ее. Унтер заметил. Ни слова не говоря, он подошел к Гончару и выстрелил ему в затылок. Колонну остановили, построили. «Все это — собственность германского государства, — сказал унтер, широко поводя вокруг рукой, — всякий из вас, кто самовольно что-либо возьмет, будет убит».

В деревне, через которую мы проходили, женщины, увидев нас, стали бросать нам куски хлеба, печеный картофель. Кое-кто из наших успел поднять, остальным не удалось: конвой открыл стрельбу по окнам, а нам приказано было идти быстрее. Но ребяташки — бесстрашный народ, они выбегали за несколько кварталов вперед, прямо на дорогу клали хлеб, и мы подбирали его. Мне досталась большая вареная картофелина. Разделили ее пополам с соседом, съели с кожурой. В жизни я не ел более вкусного картофеля!

Укрепления строились в лесу. Немцы значительно усилили охрану, выдали нам лопаты. Нет, не строить им укрепления, а разрушать я хотел!

В этот же день перед вечером я решился: вылез из ямы, которую мы рыли, взял лопату в левую руку, подошел к охраннику... До этого я заметил, что остальные немцы находятся у рва и, кроме этого, какой наблюдал за нашей группой, поблизости никого из охраны не было.

— У меня сломалась лопата... вот посмотрите, — бормотал я, приближаясь к солдату. На какой-то миг мелькнула у меня мысль, что если не хватит сил и я не свалю его с первого удара, — я погиб. Часовой, видимо, что-то заметил в выражении моего лица. Он сделал движение плечом, снимая ремень автомата, и тогда я нанес удар лопатой ему по лицу. Я не мог ударить его по голове, на нем была каска. Силы у меня все же хватило, немец без крика запрокинулся навзничь.

В руках у меня автомат и три обоймы. Бегу! И тут-то оказалось, что бегать я не могу. Нет сил, и баста! Остановился, перевел дух и снова еле-еле потрусил рысцой. За оврагом лес был гуще, и я стремился туда. Уже не помню, сколько раз падал, вставал, снова падал... Но с каждой минутой уходил все дальше. Всхлипывая и задыхаясь от усталости, пробирался я по чаще на той стороне холма, когда далеко сзади застучали очереди автоматов и слышался крик. Теперь поймать меня было нелегко.

Приближались сумерки. Но если бы немцы сумели напасть на мой след и приблизиться, — только последний патрон я прибег бы для себя. Эта мысль меня ободрила, я пошел тише и осторожнее.

Ночевал я в лесу. Какая-то деревня была от меня в полукилометре, но я побоялся идти туда, опасаясь нарваться на немцев.

На другой день меня подобрала партизаны. Недели две я отлеживался у них в землянке, окреп и набрался сил. Вначале они относились ко мне с некоторым подозрением, несмотря на то, я достал из-под подкладки шинели кое-как зашитый мною в лагере партбилет и показал им. Потом, когда я стал принимать участие в их операциях, отношение ко мне сразу изменилось. Еще там открыл я счет убитым мною фашистам, тщательно веду его до сих пор, и цифра помаленьку подвигается к сотне.

В январе партизаны провели меня через линию фронта. Около месяца пролежал в госпитале. Удалили из плеча осколок мины, а добытый в лагерях ревматизм и все остальные недуги буду заживать после войны. Из госпиталя отпустили меня домой на поправку. Пожил дома неделю, а больше не мог. Затосковал, и все тут! Как там ни говори, а мое место здесь до конца.

Прощались мы у входа в землянку. Задумчиво глядя на залитую ярким солнечным светом просеку, лейтенант Герасимов говорил:

— ...И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», — а вот у нас они впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков. Извините, если это замысловато сказано, но я так думаю, — закончил лейтенант Герасимов и впервые за время нашего знакомства улыбнулся простой и милой, ребяческой улыбкой.

А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина, что белая нитка паутины, прилипшая к пилотке лейтенанта, исчезала, коснувшись виска, и рассмотреть ее было невозможно, как я ни старался.

Правда. 1942. 22 июня

И.Г. ЭРЕНБУРГ [1891—1967]

О ненависти

Неутолимая темная злоба испепеляет сердце фашизма. Это злоба магнатов Рура, которые в двадцатые годы нашего века испугались утренней зари, зрелости народов, идеи справедливости. Это злоба Круппа, Феглера, владельцев «Фиат», Шнейдера, призывавших на выручку шайку авантюристов и бессовестных убийц. Это злоба прусских баронов, андалузских герцогов, румынских бояр, венгерских графов, бездарных и слабоумных эпигонов некогда пышного мира, которые рассматривают страны как землю для охоты с гончими, а крестьян, подбирающих желуди на барской земле, как

дичь. Это злоба мелких невежественных мещан, возмущенных сложностью культуры, смелостью мысли, прогрессом. Это злоба неудачников, провинциальных цезарей, захолустных наполеонов, жаждущих войти в историю хотя бы с черного хода. Это злоба ренегатов, стремящихся осквернить все то, что они некогда любили. Это злоба старости, бездушья, смерти.

Итальянские фашисты, выйдя на сцену, вырядились в черные рубашки, установили культ волчицы, переняли у волчьей стаи крик «алала». Испанские фалангисты ввели обряд «обручения со смертью», носили свои знамена на кладбища, устраивали шествия с гольми горбунами, с юродивыми, с могильщиками, — шествия, похожие на кошмарные видения великого Гойи. Французские кагуляры надевали на себя глухие капюшоны, взятые из средневековья и рожденные чумными эпидемиями. Немецкие эсэсовцы носят на руках череп и скрещенные кости. Геринг возродил палача во фраке с топором. Гиммлер перенес в свои застенки орудия пыток, хранившиеся в Нюрнбергском музее. Даже бутафория фашизма свидетельствует о черной безвыходной злобе.

Фашизм является самой крупной попыткой остановить ход истории. Он воскресил некоторые обряды и заблуждения средневековья. Но люди средних веков жили не только этими обрядами или заблуждениями, в них горела подлинная вера; они создали изумительные соборы, замечательные эпические поэмы; своим трудом, своим иступлением, даже своим неведением они подготовили век Возрождения. Фашистов не следует сравнивать с людьми средневековья. Они живут в другую эпоху. Они попытались выйти из понятия времени; этим объясняется их бесплодность. Конечно, лозы Италии продолжали давать вино и при Муссолини. Конечно, заводы Германии продолжали работать и при Гитлере. Но фашисты ничего не создали. Они только мобилизовали современную технику на борьбу против духа нашего времени. Все завоевания цивилизации они обратили на уничтожение.

Италия справедливо почиталась страной искусств. Фашизм не родил художников. Фашизм убил художников. Может ли гордиться итальянский народ завоеванием потерянной потом Абиссинии, применением иприта к безоружным пастухам, разгромом Малаги, расстрелами в Греции, виселицами на Украине? Сказался ли в этих преступлениях дух Леонардо да Винчи, Данте, Петрарки, Леопарди, Гарибальди? Читая безграмотные и тупые книги Розенберга, статьи Геббельса или Штрейхера, находим ли мы в них тень немецкого гения, ясность Гете, сложность Гегеля, свободолюбие романтиков? Разрушение сотен городов, Европа, превращенная в пусты-

ню, — такова созидательная деятельность фашизма. Страны, очищенные от людей, а голова человека, очищенная от мыслей, — вот идеал Гитлера.

Неудивительно, что фашизм притягивает к себе отбросы человечества, людей с неопрятной биографией, садистов, духовных уродов, предателей. Бездарный живописец Гитлер, бездарный романист Геббельс, бездарный драматург Муссолини — разве не поразительно, что во главе фашистских государств стоят люди, мечтавшие о лаврах художника и освищенные как плохие фигляры? Фашизм притягивает к себе всех ренегатов. Иуда в тоске повесился. Фашистские иуды предпочитают вешать других. Муссолини утолял свою злобу убийствами бывших товарищей — социалистов. Во Франции Гитлер нашел двух приверженцев, двух отступников — Лавала и Дорно. Половые извращения и в первую очередь садизм стали оплотом фашизма. Морфинист Геринг, блудодей Геббельс, садист Гиммлер, специалист по растлению малолетних «доктор» Лей, выродки, о местонахождении которых должны были бы спорить начальники тюрем и директора госпиталей, оказались на постах министров.

Злоба — мелкое и низкое чувство. В жизни мы справедливо стыдимся проявлений злобы. Бездарный поэт скрывает свою обиду. Жадный человек не решится сделать из своего страха за зарытые деньги идеологию. Старик, возмущенный чужой молодостью, побрюзжит и все же умолкнет. Фашисты из злобы сделали религию. В фашизме нет места человеческому братству: немецкий фашист презирает итальянского фашиста, а румынский фашист мечтает, как бы удушить венгерского. В фашизме нет места справедливости: война для немецкого крестьянина — это могила, в лучшем случае — костыли, война для рейхсмаршала Геринга — это огромные барыши, которые он, не смущаясь, переправляет за границу. В фашизме нет места праву: прихоть припадочного Гитлера подменила в Германии все законы. Века и века человечество пыталось усовершенствовать защиту человека от произвола; но вот в 1942 году палач Гиммлер пытается французских ученых и норвежских художников, рабочих Чехии и польских земледельцев. Международное право, уголовное право, гражданское право, все это заменено болезненной дурью любого эсэсовца. В фашизме нет места творческой мысли: книги заменены программными брошюрами, университеты закрыты или превращены в специальные курсы для вещателей, Европа, еще недавно пытливая, плодоносная, сложная, как извилины человеческого мозга, под пятой фашистов стала единообразной пустыней.

Злоба движет каждым солдатом фашизма. Проигрывая битву, они после этого вешают женщин или пытаются детей. Зайдя в чужой дом и не найдя в нем добычи, фашистский солдат убивает хозяйку. Один немецкий ефрейтор написал в своем дневнике, что пытки его «веселят и даже горячат». В речах Гитлера нет любви к немецкому народу, его речи дышат одним: злобой. Даже голос Гитлера похож на хриплый лай гиены. Гитлер пытается согреть злобой сердца немецких солдат: жгите, грабьте, убивайте! Он рассылает свои дивизии, как стрелы, отравленные ядом анчара, в далекие страны. Да и что может вести вперед уроженца Баварии или Вестфалии, посланного убивать украинских и русских детей, кроме бессмысленной, слепой злобы?

Русский народ пережил большую и трудную жизнь; не розами была устлана его дорога к счастью и к совершенству. Но и в самые тяжелые годы своей истории русский человек ограждал себя от темной злобы. Не на презрении к другим народам, но на любви к своему был вскормлен русский патриотизм. Русский солдат жалел пленного и никогда не обижал безоружных. Русская литература в девятнадцатом веке овладела совестью всего передового человечества: нет европейского писателя, который не учился бы на русском романе гуманности. Наша национальная, политическая и социальная борьба — от декабристов до Зои Космодемьянской — потрясла мир бескорыстьем, самоотверженностью, душевным благородством.

Чувство злобы не соблазняет нас и теперь. Идея мести не может удовлетворить нашего возмущенного разума. Мы говорим не о злобе — о ненависти, не о мести — о справедливости. Это не оттенки слов, это — другие чувства. Ненависть, как и любовь, присуща только чистым и горячим сердцам. Мы ненавидим фашизм, потому что любим людей, детей, землю, деревья, лошадей, смех, книги, тепло дружеской руки, потому что любим жизнь. Чем сильнее в нас любовь к жизни, тем крепче наша ненависть.

В газетных статьях можно встретить выражение «пехота противника». Для нас гитлеровцы не просто противники: для нас гитлеровцы не люди, гитлеровцы для нас — убийцы, палачи, нравственные уроды, жестокие изуверы, и поэтому мы их ненавидим. Многие из нас в начале этой необычной войны не понимали, кто топчет нашу землю. Люди чересчур доверчивые или чересчур недоверчивые думали, что армия Гитлера — это армия государства враждебного, но культурного, что она состоит из воспитанных офицеров и дисциплинированных солдат. Наивные полагали, что против

нас идут люди. Но против нас шли изверги, избравшие своей эмблемой череп, молодые и беззастенчивые грабители, вандалы, жаждавшие уничтожить все на своем пути. В ту осень сводки несколько раз отмечали атаки пьяных немецких солдат. Но гитлеровцы пришли к нам пьяные не только шнапсом, они пришли к нам пьяные кровью поляков, французов, сербов, кровью стариков, девушек, грудных младенцев. И с ними на нашу землю пришла смерть. Я не говорю о смерти бойцов: нет войны без жертв. Я говорю о виселицах, на которых качаются русские девушки, о страшном рве под Керчью, где зарыты дети русских, татар, евреев. Я говорю о том, как гитлеровцы добивали наших раненых и жгли наши хаты. Теперь об этом знают все: от защитников Севастополя до колхозниц Сибири. Каждое преступление немцев раздувало нашу ненависть. Все советские люди поняли, что это не обычная война, что против нас не обычная армия, что спор идет не о территории, не о деньгах, но о праве жить, дышать, говорить на своем языке, нянчить своих детей, быть человеком.

Мы не мечтаем о мести: может ли месть утишить наше негодование? Ведь никогда советские люди не уподобятся фашистам, не станут пытать детей или мучить раненых. Мы ищем другого: только справедливость способна смягчить нашу боль. Никто не воскресит детей Керчи. Никто не сотрет из нашей памяти пережитого. Мы решили уничтожить фашистов: этого требует справедливость. Этого требует наше понимание человеческого братства, доброты, гуманности. Мы знаем, что на земле могут ужиться люди разных языков, разных нравов, разных верований. Если мы решили уничтожить фашистов, то только потому, что на земле нет места для фашистов и для людей, — или фашисты истребят человечество или люди уничтожат фашистов. Мы знаем, что смерть не может победить жизнь, и поэтому мы убеждены в том, что мы уничтожим фашистов.

Немецкий солдат с винтовкой в руке для нас не человек, но фашист. Мы его ненавидим. Мы ненавидим каждого из них за все, что сделали они вкупе. Мы ненавидим белокурого или чернявого фрица, потому что он для нас — мелкий гитлеряга, виновник горя детей, осквернитель земли, потому что он для нас — фашист. Если немецкий солдат опустит оружие и сдается в плен, мы его не тронем пальцем — он будет жить. Может быть, грядущая Германия его перевоспитает: сделает из тупого убийцы труженика и человека. Пускай об этом думают немецкие педагоги. Мы думаем о другом: о нашей земле, о нашем труде, о наших семьях. Мы научились ненавидеть, потому что мы умеем любить.

Недавно на Северо-Западном фронте семь бойцов под командой лейтенанта Дементьева защищали небольшую высоту. Немцы контратаковали крупными силами. Сорок бомбардировщиков, огонь орудий и минометов — все было брошено против восьми отважных людей. Герои погибли, но склоны холма покрылись немецкими трупами. Свыше трехсот фашистов умерли, штурмывая холмик с восемью героями. Лейтенант Дементьев и семеро бойцов — я не знаю их имен — отдали свою жизнь за друзей, за близких, за свой дом и за наш общий дом; за бессмертную Россию. Они истребили сотни фашистов; этим они спасли жизнь многих честных людей. За лейтенанта Дементьева и за семерых бойцов может помолиться старая сербская крестьянка, а далеко за океаном люди скажут: «Вечная им память!» В последние минуты, как золото зари, великая неистребимая любовь воодушевляла восьмерых героев, и, как кровь заката, священная ненависть ложилась на их одухотворенные боем лица. Кто сильно любит, тот сильно ненавидит. Красное знамя полков и дивизий, иди на поле боя — в тебе кровь жертвенной любви, в тебе наш гнев и наша ненависть, в тебе наша клятва. Россия будет жить, фашисты жить не будут!

Красная звезда. 1942. 5 мая

БЕШЕНЫЕ ВОЛКИ

Адольф Гитлер

В далекие идиллические времена Адольф Гитлер увлекался невинным делом — живописью. Таланта у Гитлера не оказалось, и его забраковали как художника. Гитлер, возмущенный, воскликнул: «Вы увидите, что я стану знаменитым!» Он оправдал свои слова. Вряд ли можно найти в истории нового времени более знаменитого преступника. В крохотной рыбацкой деревушке норвежка, оплакивая сына, расстрелянного немецкими фашистами, повторяет: «Гитлер», и на другом краю Европы, серб, деревню которого сожгли немцы, с ненавистью говорит: «Пес Гитлер». На совести этого неудачливого живописца миллионы человеческих жизней.

Немецкие фашисты, чтобы оправдать захват чужого добра, придумали «расовую теорию». Согласно этой теории германская раса отличается особой формой черепа и благородными чертами лица, — поэтому немцы должны править миром.

Казалось бы, Гитлер должен являться образцом «благородной германской расы». Предоставим слово виднейшему антропологу Германии профессору Макс фон Груберу. Этот профессор до воцарения Гитлера выступил в качестве эксперта на заседании мюнхенского суда. Вот что он сказал о внешности Гитлера: «Низкий, покатый лоб, некрасивый нос, широкие скулы, маленькие глаза. Выражение лица выдает человека, плохо владеющего собой, одержимого».

Вот один из рассказов о великосветских дебютах Гитлера: «Он вошел в элегантном костюме, с огромным букетом роз, поцеловав руку хозяйки. Ему представили гостей. Он походил на прокурора, присутствующего при исполнении смертного приговора. Когда он заговорил, в одной из соседних комнат заплакал ребенок, разбуженный голосом Гитлера, исключительно громким и пронзительным».

Голос Гитлера невыносим — это хриплый лай, переходящий в визг. Говорит он, кривляясь, подпрыгивая, постепенно входит в транс, выкрикивает несвязные слова, как шаман.

Он начал с демагогических речей в накуренных пивнушках Мюнхена. Озлобленные разгромом и инфляцией, бюргеры упивались криками юродивого.

Теперь Гитлер разыгрывает иступленного, он пытается подогреть толпу. Однако та душевная неуравновешенность, которая была ему присуща с ранних лет, вдруг путает все его расчеты — рейхс-канцлер начинает вопить, как кликуша.

Прошное Гитлера темно. Сын австрийского чиновника, он продавал подозрительные открытки, ютился в ночлежках, наконец стал шпиком — ходил на рабочие собрания и докладывал начальству о «смутьянах». Прошлым летом этот бывший шпик торжественно въехал в пустой Париж и снялся на фоне Эйфелевой башни...

Гитлер начал свое политическое восхождение как ставленник тяжелой индустрии Германии. На собрании промышленников в Эссене Феглер, Кирдорф, Тиссен признали его «спасителем». Гитлеру нужны были деньги и немалые. Он заявил промышленникам: «Спасайте вашего спасителя!»...

Рабочим Гитлер говорил: «Я уничтожу плутократию». Другим языком он разговаривал с крупными капиталистами: «Мы поделим ампула, — вам остается экономика, я беру на себя политику». Его опорой стал заправила «Стаального объединения» миллиардер Феглер. Гитлер сулил Феглеру хорошие барыши — будет настоящая серьезная война! И Гитлер объявил немецкому народу: «от мира человек погибает, он расцветает только от войны».

Прекрасную технику Германии, трудолюбие и организованность ее народа Гитлер обратил на одно — на разбой. Он убеждает молодых немцев, отрезанных от мира, лишенных всечеловеческой культуры, в том, что Германия должна завладеть Землей. Манию величия он сделал общеобязательным заболеванием. Угрозами, шантажом, хитростью он сломил сопротивление соседних государств. Гитлер остался невежественным человеком, который изучает гороскопы. Но под его пяту попали восемьдесят миллионов немцев и сто миллионов поработанных немецкими фашистами людей других стран.

Это дурной комедиант. Он построил себе дворец среди скал. Закоренелый убийца, он вегетарианец: его оскорбляют страдания ягнят и волов. При нем нельзя курить, и этот человек, который провёл десять лет в накуренных пивнушках, не смущаясь, говорит: — «Никто никогда не курил в моем присутствии». Он любит сниматься с детьми и собаками — хочет показать, что у него «нежная» душа. И он же написал: «Нет выше наслаждения, чем подвести поверженного соперника под нож». Гиммлер ежедневно представляет ему доклады о пытках, о казнях.

Он мстителен и злобен. Он приказал пытать журналистов, которые когда-то непочтительно о нем отзывались.

Он заявил: «Нужно повесить на каждом фонаре человека, чтобы навести порядок».

Это самодур, изувер. В 1937 году в Мюнхене посетители «Выставки немецкой живописи» могли полюбоваться редкостным зрелищем — рейхсканцлер Германии собственноручно рвал и резал картины, которые не пришлись ему по вкусу.

Он мечтал прежде стать архитектором. По его указанию фашистские летчики разрушили сотни замечательных памятников мирового зодчества. Гитлер сказал: «Я разрушу весь мир. Потом я, может быть, его построю».

Он ненавидит все народы мира: ему необходимо мучить и уничтожать людей. Он сказал своему приятелю Раушнигу: «Если бы евреев не было, их нужно было бы выдумать, — только жестокость приближает человека к движению». Он написал о французах: «Это негры, их следует обуздать». Гитлер мстит чехам: его мачеха была чешкой. Он сказал: «Это славянские свиньи». Особенно ненавидит он русских. Этот самодовольный кретин назвал Льва Толстого «ублюдком».

Гитлер презирает немецкий народ. Он сказал Штрассеру: «Нашим рабочим ничего не нужно, кроме хлеба и зрелищ, — у них нет

идеалов». Он дал немцам немало зрелищ. Они увидели костры, на которых пылали книги. Они увидели обнищавшую и одичавшую Германию. Они увидели сотни тысяч солдатских вдов. Они увидели развалины на центральной улице Берлина Унтер-ден-Линден — расплату за варварские бомбардировки Лондона. На зрелища Гитлер был щедр. Хлеба народу он не дал. Он приказал солдатам добывать хлеб огнем. Он вытоптал Западную Европу и Балканы. Там хлеб был сожран. Тогда он погнал голодную орду на восток.

Шведский журналист, который недавно беседовал с Гитлером, говорит, что людоед осунулся, возбужден, страдает бессонницей. Он мечется по своему дворцу. Он чувствует близкую гибель. Не помогут больше никакие снотворные: в ночной тишине он слышит голоса убитых, он слышит голос мести.

Прежде, когда он проезжал по улицам немецких городов, в него кидали цветы — он обожает незабудки и анютины глазки. Однажды среди незабудок оказался увесистый камень — какой-то почитатель решил, что цветами своих чувств не передашь... Теперь цветочные подношения запрещены: «Букеты преждевременны». Берлинцы тихонько острят: «Он мечтает о лавровом венке на могилу»... Вряд ли на его могилу положат хотя бы камень. Осиновый кол — вот ему памятник!

Маршал Герман Геринг

Адольф Гитлер нашел себе подходящих подручных. Все они, разумеется, говорят о «борьбе против плутократии». У всех припасено несколько миллионов на черный день. Европу они уничтожают деловито, с немецкой аккуратностью. В Германии акционерное общество называется «Общество с ограниченной ответственностью». Людоеды образовали свой трест: «Третий Рейх — Общество с неограниченной безответственностью».

Ближайший сподвижник Гитлера Герман Геринг спесив, как индейский петух. Он носит ордена на животе — на груди не помещаются. Он обожает титулы и звания. Вот что значит на его визитной карточке:

ГЕРМАН ГЕРИНГ

Фельдмаршал
Министр воздухоплавания
Начальник воздушного флота
Почетный комиссар по проведению
четырёхлетнего плана

Повелитель германских лесов
Оберегермейстер
Председатель рейхстага

Об одном звании Геринг скромно умалчивает: он состоит директором крупного металлургического треста «Герман Геринг». Он наживается на каждом орудии, на каждом снаряде. Он прикарманил предприятия захваченных стран — Чехословакии, Франции, Бельгии.

Он любит жить на широкую ногу. В Берлине у него шесть квартир. В одной, скромной — тридцать две комнаты. Его правило: «Живи, но не давай жить другим!»...

Он исключительно тучен и не страдает отсутствием аппетита. Однако другим он рекомендует «умеренность в еде». Он провозгласил: «Пушки лучше масла», и посадил немцев на голодный паек. Выступив перед отощавшими берлинцами, он патетично воскликнул: «Я тоже похудел, — я отдал дорогому отечеству несколько кило», — и хлопнул себя по невероятному животу.

Раз в год он стоит на улице с копилкой: собирает в пользу немущих. Он перевел через маклера Шлюттера в бразильский банк в Сан-Паоло миллион двести пятьдесят тысяч долларов — кто знает, не придется ли удирать из Германии?..

Он обожает бутафорию. Он вылезает из кабины самолета в парадном облачении, повязанный золотым шарфом. Его засняли дома — он сидит в халате, к которому подвешен кинжал. Он носит булавку в галстуке — это золотая свастика. Он тщательно обдумал ритуал казней: голову отрубают топором; палач — в черном сюртуке и цилиндре.

Геринг публично заявил: «Мое дело — не наводить справедливость, а уничтожать людей». При этом он сентиментален, как Грехен. Он заявил, что ученые, которые осмелятся мучить морскую свинку, будут посажены в концлагерь.

Он любит «мокрые» дела. Он поджег рейхстаг и обвинил в поджоге коммунистов. Он вывез из Парижа античные статуи — себе в ванную комнату. Он как-то сказал: «Мне все равно, куда стрелять, лишь бы выстрелить»... До прихода к власти Гитлера берлинский суд отобрал у Геринга ребенка, ввиду того что отец был признан морфинистом и невменяемым. Честные немецкие судьи не хотели доверить этому спесивому убийце одного ребенка. Гитлер доверил ему сто миллионов покоренных людей.

Доктор Геббельс

Доктор Геббельс с виду похож на отвратительную обезьяну: крохотного роста, гримасничает, кривляется. Он никак не подходит под описание «арийской расы», которое подносят немцам «ученые» фашизма. Пришлось специально для доктора Геббельса придумать «научный» термин. По последним изысканиям немецких «ученых» Геббельс относится к особой ветви арийской расы, а именно «германской суженной, впоследствии потемневшей».

Гитлер начал с картинок, Геббельс с романов. Увы, и ему не повезло. Его романы никто не покупал. Геббельс потом разъяснил: «Это были козни марксистов»...

В своем главном романе Геббельс поносил русских. Породис-тый немец Михель говорит русскому с несколько вычурной фамилией — Венуревский: «Вас надо покорить, истребить!...» Вряд ли доктор Геббельс теперь отправился «истреблять» русских: это отъявленный трус, который, даже когда нет тревоги, забирается в бомбоубежище.

Гитлер поручил доктору Геббельсу высококультурное дело — народное просвещение. Выбор был сделан не случайно — ведь Геббельс заявил: «Когда при мне заговаривают об интеллекте, мне хочется выхватить револьвер». Приступив к работе, Геббельс сжег на кострах двадцать миллионов книг — он мстил читателям, которые предпочитали какого-то Гейне Геббельсу. Он говорил: «Меня тошнит от печатного слова». Это не вполне точно — свои печатные и непечатные слова он обожает. Он выгнал из Германии всех писателей. Зато когда гитлеровцы вошли в Париж, в газете на французском языке, которую они начали издавать, было напечатано: «Величайшим благом для французской культуры будет ознакомление с трудами Геббельса».

Теперь он говорит: «Мы боремся против русских большевиков. Мы отстаиваем культуру»... В марте 1939 года он написал: «Забудьте слова: гуманизм, культура, международное право — для нас это пустые понятия».

Он позирует перед фотографами с пятью детьми: хочет показать, что он — отменный семьянин. Однако все знают, что это похотливая обезьяна. За одно из любовных походов Геббельс заплатил — муж выбил ему зубы.

Геббельс интересуется кино. Он придумывает сценарии — это смесь порнографии и людоедства. Кроме того, он придумал «право первой ночи» — каждая дебютантка должна провести ночь с сителльным павианом.

Говорят, что обезьяны легкомысленны. Но доктор Геббельс серьезный человек — он думает о будущем. В Буэнос-Айресе у него имеются кой-какие сбережения, а именно, миллион восемьсот пятьдесят тысяч долларов.

Альфред Розенберг

У шайки есть свой философ — балтийский немец Альфред Розенберг. Он закончил образование в Москве в 1918 году. Да, в годный год этот остзейский проходимец ел русский хлеб. Потом он набил себе руку на поношении русского народа. Он писал: «Обуздаем народ, отравленный Толстым!» Он торговал Советской Украиной, как будто она лежит у него в кармане. Он написал большой философский опус «Миф двадцатого века» — компиляцию из брошюр русских черносотенцев. Он приютил банды белогвардейцев — он мечтает стать Бироном или Минихом.

Приехав в захваченный гитлеровцами Париж, Розенберг потребовал, чтобы ему устроили доклад в здании, где прежде помещался французский парламент: он хотел унижить французский народ. В своей речи он сказал, что идеи французских просветителей «нужно выбросить в мусорный ящик». Он «выкидывал» идеи, а сам объезжал парижские магазины и «закупал» различные сувениры.

До войны он состоял во главе особого ведомства, которое занималось шпионажем и диверсиями. Он требовал «освобождения немцев, которые томятся под игом чехов и французов». Однако особенно его привлекала Украина: он хотел обязательно освободить Украину от украинцев. Теперь он главный советчик Гитлера: ведь герр Розенберг говорит по-русски, и он выпил на брудершафт со всеми царями, претендующими на русский престол.

Господин фон-Риббентроп

Господин Иоахим фон-Риббентроп превзошел и Геринга и Геббельса — у него в Америке три миллиона сто пятьдесят пять тысяч долларов. Фон-Риббентроп прежде не был «фоном»: дворянство он приобрел, как дом. Он женился на дочери торговца шампанским и стал сам торговать шипучкой. Продавал он скверное немецкое вино, выдавая его за французское шампанское. Гитлер понял, что такой

человек незаменим. Фон-Риббентроп стал расхваливать миролюбие и гуманность людоедов.

Во время оккупации французскими войсками Прирейнской области Риббентроп расцвел. Этот «патриот» зарабатывал на французском шампанском, которое ввозил без пошлины. Потом он заявил: «эти годы были величайшим позором», и вернулся к немецкой шипучке.

Фон-Риббентроп представителен, обучен манерам: людоеды считают, что он хорош для разговоров с порядочными людьми. Однако Риббентроп, как и все гитлеровцы, дикарь. Когда его отправили послом в Лондон, он решил научить англичан здороваться на фашистский лад — подымая вверх руку. Англичане его едва терпели. Как спортсмены, они держали пари — кто дольше высидит в комнате, где находится фон-Риббентроп. Это не помешало Гитлеру заявить: «Никогда в Германии не было столь блистательного дипломата. Фон-Риббентроп оставил позади даже Бисмарка».

Риббентроп всегда уверял, что он любит Париж. Парижане не отвечали ему взаимностью. Когда он приехал в столицу Франции за полгода до войны, полиция очистила улицы — боялась, что немецкого министра освижут. Фон-Риббентроп увидел пустой город. Не смутясь, он сказал: «На этот раз Париж мне особенно понравился». Полтора года спустя он снова приехал в Париж. Захваченный гитлеровцами город был пуст. Фон-Риббентроп набирал духи и безделушки, пил шампанское с мелким шпионом Абетцом и считал, сколько долларов можно перевести в Америку...

Доктор Лей

Как не упомянуть о специалисте по рабочему вопросу, докторе Лее? Пятнадцать лет назад Лей показал себя героем: в Кельнском «Ратскеллере» он устроил погром, порвал картины, разбил зеркала, изувечил двух посетителей. В течение суток врачи напрасно пытались его протрезвить.

Познакомившись с гитлеровской бандой, он сразу расцвел. Он стал крупным сановником. Он совершил столько растрат, что их перестали считать: брал деньги, собранные на вдов, партийные взносы, отчисления в пользу детей.

Этот мелкий жулик, получив награды от предпринимателей, закабалил рабочих. Каторжные работы он прозвал «Рабочим фрон-

том». Он любит говорить: «Мы работаем не ради денег, но ради процветания... Германии». Однако американские журналисты установили, что доктор Лей успел перебросить в Америку шестьсот тысяч долларов.

Гиммлер

Генрих Гиммлер не дипломат и не культуртрегер. Это попросту палач. Гитлеровцы называют его «наследником» Гитлера. Он туп и гнусен: очки на мутных глазах, круглое, бессмысленное лицо. Он стоит во главе тайной полиции «гестапо». Его специальность — пытки. Когда людоеды воцарились в Германии, Гиммлер арестовал свыше миллиона немцев. Потом он развернул свою работу: стал пытать в европейском масштабе. Вслед за танками показываются палачи из гестапо. Так было в Польше и в Норвегии, в Голландии и во Франции.

Гиммлер не занимается праздными теориями. Он сказал: «Пусть меня ненавидят, лишь бы боялись!»...

Он заставляет арестованных подбирать руками испражнения. Он снабдил начальников лагерей особыми усовершенствованными плетками. Он считает полезным присутствие жены при допросах арестованного — «допрашивают» щипцами, бритвой, свечками. Правосудие для Гиммлера — запах паленой человеческой кожи. Этот садист как-то пробурчал: «Чистота расы — вот вам таинство брака!». Его можно было бы назвать безумным, если бы не смекалка, с которой он перетаскивает свое добро за границу. Он, видимо, предчувствует час, когда его перестанут бояться. Некто Герстслет переправил в Америку трудовые копейки Гиммлера — два миллиона долларов.

Дарре

Душитель крестьян — Дарре был некогда чиновником. Его уволили за хищения. Он стал сподвижником Гитлера и получил высокий пост.

Дарре — закадычный друг Розенберга. Вместе они двадцать лет мечтали об Украине...

У Дарре имеется своя земельная программа. В мае 1940 года он изложил ее достаточно откровенно: «Земля завоеванных нами стран будет поделена между солдатами особо отличившимися и

между образцовыми членами национал-социалистической партии. Таким образом возникнет новая земельная аристократия. У этой аристократии будут свои крепостные: местное население. Немцы привыкли повелевать. Они привыкли, когда нужно наказывать. Они повысят уровень сельского хозяйства и создадут новый порядок».

Это мечты герра Дарре. На всякий случай он перевел в японский банк четыреста тысяч долларов — кто знает, чем кончится «завоевание мира»?..

★ ★ ★

Вот главные представители той шайки, которая правит Германией и которая теперь, с помощью шантажа, хитрости и наглости, захватила десяток чужих государств. Говоря о Гитлере и о гитлеровцах, будущий историк должен будет заглянуть в учебник зоологии, — это звери. В их руках покоренный или обманутый ими немецкий народ. В их руках немецкая техника — самолеты и танки. С ними незачем спорить, их надо уничтожать, как свору бешеных волков. Они вышли из своего леса, кинулись на наши города Волков надо истреблять. Их не спасут ни танки, ни сейфы в Рио-де-Жанейро...

И. Эренбург. Бешеные волки. — М. 1941 г.

Глава V

**ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРВОГО
ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ
(1946—1956 гг.)**

Суровые испытания выпали на долю советского народа в годы Великой Отечественной войны. Полностью или частично было разрушено более 70 тысяч сел и деревень, лишено крова более 25 млн человек, разорено и разграблено 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций. Из городов наибольшим разрушениям подверглись Сталинград, Севастополь, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Орел, Харьков. Прямой ущерб, нанесенный народному хозяйству СССР и отдельным его гражданам, составил 679 млрд рублей. Общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне составили 26,6 млн человек, в том числе военнослужащих 8,7 млн¹.

Урон, причиненный Советскому Союзу, превышал потери в период Второй мировой войны всех остальных европейских государств вместе взятых. Многие политики полагали, что потребуются десятилетия для восполнения нанесенного войной ущерба. Но советский народ, проявив подлинный трудовой героизм, уже в 1946 г. в основном завершил перестройку хозяйства на мирный лад.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ЖУРНАЛИСТИКИ

После войны произошла существенная перестройка средств массовой информации: был увеличен до четырех полос объем республиканских, краевых и областных газет, ставших в годы войны двухполосными, возобновилось издание молодежных газет, увеличился объем и стал более частым выход

¹ Памяти павших. Великая Отечественная война. 1941—1945. — М., 1995. С. 87.

Полдень победы

Воины возвращаются в отчий дом.

Студина, когда-то молча проводившая своих детей на тяжкий фронтный ладан, теперь с неслыханной встречей их в своих предельных. Из всех концов Бароны они пришли на Красную площадь, разорвать войну. Это их главный подарок с предельных ба-

♦ ♦ ♦
Леснид ЛЕОНОВ

♦ ♦ ♦

ваши пущай пол-Германии ладан бы за

лордского Ледяна, который есть зачинатель победы и всего, что подобно океану разлетается после нас на тысячелетия. Песни, песни скорбю, что нет его больше с нами. Ветераны, которые амитами гласно, со своим плечущим отчаян у нежелательных инаверских котроль, теперь в руках при-

районных изданий. Уже 20 июня 1945 г. ЦК ВКП(б) принимает решение «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет». Это первое послевоенное постановление явилось программным для деятельности советской прессы в условиях мирного строительства. Установленный с 15 июля 1945 г. четырехполосный объем республиканских, краевых и областных газет, потребовал от редакций расширить информацию о жизни Советского Союза, союзных республик, краев и областей, больше публиковать материалов по проблемам промышленности, сельского хозяйства и культуры, уделять более пристальное внимание работе среди населения. В постановлении определялась не только основная проблематика газет, но обращалось внимание и на их оформление, на использование различных газетных жанров. Главное же внимание в Постановлении было обращено на то, чтобы все газеты стали «боевыми органами политического воспитания масс», важнейшим средством «партийного руководства массами»².

В постановлении была отмечена также необходимость изменения структуры аппарата редакций: в краевых и областных газетах, кроме секретариата, устанавливались отделы партийной жизни, пропаганды, промышленности и транспорта, сельского хозяйства, культуры и быта, писем трудящихся, внутренней информации. В газетах союзных республик, кроме этих семи отделов, утверждались еще три: советского строительства, иностранный и местной корреспондентской сети. В связи с увеличением объема газет и созданием новых отделов возрос штат аппарата редакций, стало больше собственных корреспондентов. Их количество устанавливалось из расчета два корреспондента на область и один корреспондент на два-три района.

Считая улучшение качества республиканских, областных и краевых газет одной из важнейших задач в развитии послевоенной советской печати, Центральный Комитет партии проводит несколько проверок по выполнению редакциями данного постановления. Первая такая проверка проходила 29 июля 1945 г. Затем в течение августа ЦК партии еженедельно рассматривает воскресные номера местных газет, в результате чего было приня-

² КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. — М., 1987. С. 288.

то Постановление «О номерах республиканских, краевых и областных газет, издающихся на четырех полосах, за 5, 12 и 19 августа 1945 г.». При каждой проверке выделялись лучшие газеты, подвергались критике редакции, не добившиеся коренного улучшения качества своих изданий. Спустя год, в июле 1946 г. после тщательной проверки работы газет Ростовской, Куйбышевской и Курской областей было принято развернутое постановление «О мерах по улучшению областных газет «Молот» (Ростов-на-Дону), «Волжская коммуна» (г. Куйбышев), «Курская правда», в котором указывалось, что редакции до сего времени не использовали полностью увеличение объема областных изданий для улучшения их качества, ведутся нередко на низком идейном уровне, не являются еще подлинными центрами политической работы.

В числе серьезных недостатков указывалось также на оторванность редакций от местных партийных и советских организаций, на то, что они бессистемно и поверхностно освещают вопросы партийной жизни, не ведут систематической работы по пропаганде Закона о новом пятилетнем плане.

Из целого ряда мер по улучшению качества газет «Молот», «Волжская коммуна» и «Курская правда», рекомендованных Центральным Комитетом партии, наиболее действенным оказалось предложение о создании в этих печатных органах редакционных коллегий в количестве 5—7 человек из числа руководящих работников редакций. Впоследствии, считая, что опыт работы редакционных коллегий в газетах «Молот», «Волжская коммуна» и «Курская правда» себя оправдал, ЦК ВКП(б) в октябре 1948 г. постановил создать их во всех республиканских, краевых и 25 крупнейших областных газетах РСФСР и Украины.

В первое послевоенное десятилетие партийные решения были приняты почти по всем типам изданий газет: центральным, республиканским, краевым, областным, городским и районным. В июне 1948 г. вышло постановление «О мероприятиях по улучшению газеты «Социалистическое земледелие», еще раньше, в декабре 1946 г. — «За боевую и содержательную газету профсоюзов» (о газете «Труд»), в августе 1951 г. — «О мерах по улучшению ведения газеты «Гудок».

Кроме того, появились критические постановления «О недостатках в работе редакции газеты «Советская Сибирь» с письма-

ми трудящихся» (21 июня 1949 г.), «О недостатках в работе с письмами трудящихся в редакции газеты «Известия» (9 февраля 1951 г.), «О работе газеты «Советская Чувашия» (март 1954 г.).

Как и в довоенный период, продолжался количественный рост газетных изданий. В 1946 г. выходило 7309 газет, разовый тираж которых составлял 29,6 млн экз. В 1959 г. издавалось 10547 газет, тираж которых достиг 68 млн экз. Газеты выходили на 67 языках народов СССР и 7 иностранных языках. Появились новые всесоюзные, республиканские, областные, городские, комсомольские, вечерние и многотиражные издания.

Из новых центральных газет наибольшего внимания заслуживают «Советская Россия» (основана 1 июня 1956 г. как орган Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР, затем — орган ЦК КПСС), «Рабочая газета» (массовая республиканская газета, издававшаяся на украинском и русском языках в Киеве с 1957 г.), «Литература и жизнь» (орган Союза писателей Российской Федерации, создана в начале 1958 года, далее выходит как еженедельник под названием «Литературная Россия»).

Особое место среди центральных изданий занимала газета «Культура и жизнь», являвшаяся органом Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Газета выходила с 28 июня 1946 г. по 28 февраля 1951 г. Уже в передовой первого номера «Выше уровень идеологической работы», в статьях «Газеты должны стать подлинными центрами идеологической работы в массах», «Поставщики духовной отравы» (о современном американском кино), «Разложение буржуазного киноискусства», «Буржуазный театр в тупике», «Капитализм и его культура», «Нравы буржуазной прессы», «О некоторых американских газетах», «Рабы доллара» (об американской буржуазной литературе), достаточно убедительно проявилось главное направление газеты, как самого идеологизированного издания послевоенной советской журналистики.

Появились новые республиканские и областные газеты. С 1946 г. выходят «Львовская правда», «Калининградская правда», с 1950 г. — «Минская правда» — орган Минского обкома и ГК КП Белоруссии. Деятельность «Львовской правды» отмечена выступлениями публициста Ярослава Галана.

С первых же мирных дней началось восстановление молодежных изданий. В годы Отечественной войны областные комсомольские газеты, за исключением ленинградской «Смены», переста-

ли выходить. Сейчас они были возобновлены, а во многих областях созданы вновь. В 1945 г. была создана газета «Советская молодежь» — орган ЦК ЛКСМ Латвии на русском языке, в 1947 г. — «Молодая гвардия» — орган Сахалинского обкома ВЛКСМ, в 1948 г. — «Калининградский комсомолец», в 1950 г. — «Комсомолец Кузбасса» и «Молодежь Эстонии». Немало появилось пионерских газет: «Зорька» — орган ЦК ЛКСМ Белоруссии, «Пионерис» — газета ЦК ЛКСМ Латвии, «Сяде» («Искра») — орган ЦК ЛКСМ Эстонии.

Самое большое пополнение в первое послевоенное десятилетие получили городские газеты, вновь было создано около шестидесяти, причем половина из них — в Российской Федерации. Среди них «Заполярная правда» (Норильск), «Заполярье» (Воркута), «Коммунист» (Черняховск Калининградской области), «Невская заря» (Всеволожск Ленинградской области).

Значительное развитие получила пресса на национальных языках. В 1945 — 1951 гг. были основаны: «Вяца сатулуй» («Жизнь села») — орган ЦК КП Молдавии, «Нарьяна нгэрм» («Красный Север») — орган Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС (Салехард), «Ленин пант хуват» («По ленинскому пути») — орган Чукотского окружного комитета КПСС (Анадырь), «Червоны штандар» («Красное знамя») — орган ЦК Компартии Литвы на польском языке.

В послевоенные годы многочисленные партийные постановления были приняты и по журнальной периодике. В условиях культа личности Сталина в ряде постановлений («О журналах «Звезда» и «Ленинград», в 1946 г., «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели, в 1948 г.) несправедливой, неоправданно резкой критике подверглись известные писатели, поэты, композиторы, в связи с чем в мае 1958 г. ЦК КПСС принял специальное Постановление «Об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий», «От всего сердца», а постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» в октябре 1988 г. решением Политбюро ЦК КПСС было отменено.

Существенные изменения произошли в радиовещании и телевидении. В течение второй послевоенной пятилетки мощность радиостанций возросла вдвое. К 1955 г. в стране насчитывалось 26 млн радиоприемных устройств — примерно одно на восемь человек. С октября 1956 г. стало ежедневным телевизионное вещание в Ле-

нинграде, еще раньше — в январе 1955 г. перешло на вещание без выходных московское телевидение. Телевидение становится поистине массовым: к концу 1955 г. насчитывалось свыше миллиона телезрителей. Год от года совершенствуются телевизионные передачи, все большее место занимает оперативный событийный репортаж, все больше появляется различных телевизионных журналов, в том числе «Молодость», «Мир и труд», «Знание», «Для вас, женщины», «Юный пионер», «Физкультура и спорт» и др. В 1956 г. была создана редакция «Последних известий». И хотя до 60-х годов телевидение в своих передачах использовало готовые выпуски «Последних известий» радио, создание такой редакции свидетельствовало о возрастающей роли телевидения как средства массовой информации.

Более действенным становилось радиовещание. Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) от 27 января 1947 г. «О мерах по улучшению центрального радиовещания» его работники немало сделали для повышения качества передач, их роли в политическом и культурном воспитании трудящихся. В марте 1947 г. начинает издаваться предназначенный для сельской молодежи радиожурнал «За высокий урожай», с апреля 1948 г. — беседы на международные темы «У карты мира», с мая 1950 г. — передачи из цикла «Дневник социалистического соревнования», с ноября 1951 г. — радиожурнал «Наука и техника».

Уже в первые послевоенные годы в стране насчитывалось около 200 центральных, республиканских, краевых и областных издательств, выпускавших сотни миллионов книг и брошюр на 78 языках народов СССР. В 1946 г. издательства превзошли довоенный уровень по выпуску литературы, выпустив 23145 названий книг и брошюр общим тиражом 463,7 млн экз. Это в четыре раза больше, чем в России в 1913 г. Крупнейшими из издательств были Госполитиздат, «Советский писатель», Гослитиздат, Воениздат, «Московский рабочий», Профиздат, «Молодая гвардия», Издательство иностранной литературы, Госпланиздат, Юридическое издательство, Энергоиздат, Географиздат.

Конечно и в послевоенные годы интенсивно издаются труды классиков марксизма-ленинизма. В 1946—1950 гг. завершено начатое в 1928 г. первое собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1955 г. начался выпуск 40-томного второго издания их сочинений, вобравшего много новых работ, особенно раннего периода. Было закончено также прерванное войной издание четвертого

собрания сочинений В.И. Ленина. Массовым тиражом выпускаются многочисленные сборники ленинских трудов: «О работе советского государственного аппарата» (1955), «О пропаганде и агитации» (1956), «О партийном строительстве» (1956), произведения деятелей партии и Советского государства М.И. Калинина, В.В. Куйбышева, Г.К. Орджоникидзе, М.В. Фрунзе и др.

Все больший размах получает издание художественной литературы. В издательстве художественной литературы выходят собрания сочинений А.М. Горького, И.С. Тургенева, Т.Г. Шевченко, В. Гюго, Джека Лондона и многих других. Заметным явлением в издательской деятельности явились основанные в 1946—1948 гг. серии изданий «Классики науки» и «Литературные памятники», включавшие произведения не только русских, но и выдающихся зарубежных деятелей науки и литературы.

Качественному улучшению советской журналистики в годы первых послевоенных пятилеток признан был способствовать созданный в 1955 г. журнал «Советская печать» (с 1967 г. — «Журналист»). Для теле- и радиожурналистов с апреля 1946 г. начал выходить ежемесячный журнал «Радио» (бывший «Радиофронт», издание которого было приостановлено в начале Великой Отечественной войны). С февраля 1952 г. издается печатный бюллетень «В помощь местному радиовещанию», преобразованный в 1957 г. в бюллетень «Советское радио и телевидение», ставший позднее ежемесячником Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению.

Важным событием в послевоенный период явилось воссоздание в 1957 г. Союза журналистов СССР. В ноябре 1959 г. состоялся первый Всесоюзный съезд журналистов, на котором был принят Устав Союза, избраны руководящие органы — Правление и Центральная ревизионная комиссия.

ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Еще не была закончена Великая Отечественная война, а советская пресса и радио уже освещали ход восстановительных работ в районах и городах, освобожденных от фашистских захватчиков, рассказывали о героическом труде по воз-

рождению разрушенного хозяйства. Начиная с весны 1942 г. значительное внимание восстановительным работам уделяет «Московский большевик». Газета многое сделала для налаживания производства во временно опустевших корпусах эвакуированных заводов, для формирования новых заводских коллективов. Появляются материалы о строжайшем режиме экономии, о постоянной помощи восточных районов западным, пострадавшим от нашествия фашистских полчищ. Интенсивно восстанавливают свой город ленинградцы. «Ленинградская правда» пишет о развитии ленинградской промышленности, о возрождении освобожденных сел. «Троллейбус на трассе», «Свет возвращается людям», «Колхоз встал из пепла», — это заглавия на газетных полосах еще военного, 1944 года.

С окончанием войны и центральные, и местные газеты рассказывают о необычайном трудовом подъеме, о возвращении в строй новых и новых промышленных предприятий. Как и в довоенные годы, печать оперативно подхватывает любую ценную инициативу, делает опыт передовиков достоянием всех. Советские журналисты пишут о тех, кто поднимает из руин шахты и заводы Донбасса, нефтепромыслы Майкопа, рудники Кривого Рога, восстанавливает крупную энергетическую базу страны — Днепрогэс. «Быстро залечим раны, нанесенные стране войной!» — этот призыв прозвучал со страниц газет уже в мае 1945 г.

19 августа 1945 г. печать сообщила, что Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР поручили Госплану СССР совместно с Наркоматами и союзными республиками составить и представить в ЦК ВКП(б) и СНК СССР пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. По новому пятилетнему плану намечалось построить 45 доменных печей, удвоить показатели советского машиностроения, восстановить и ввести в действие 5900 предприятий. Советская печать и радио незамедлительно включились в пропаганду нового пятилетнего плана. С увлекательными материалами о новой пятилетке выступила «Комсомольская правда». Целые развороты посвящала газета рассказу о том, что будет в 1950 г. «Всем хочется представить нашу страну через пятилетие, — говорится в номере за 28 марта 1946 г. — Помечтаем же, товарищи, заглянем в будущее». И редакция рассказывает, как преобразится, какой будет к концу пятилетки

наша Родина от Балтики до далеких Курильских островов, от острова Рудольфа в Ледовитом океане до знойного туркменского города Кушка. Перед глазами читателя вырисовываются и вновь отстроенный в Киеве Крещатик, и Ленинградское метро, и восстановленный Беломорско-Балтийский канал, и Днепроргэс, и центр восточной металлургии — Кузнецк, и город нашей славы Сталинград, и столица Москва.

В передовой статье этого же номера «Труд для народа, для Отчизны» говорилось: «Это будет в 1950 году. А пока в Запорожье возводятся строительные леса и полуразрушенные цехи погружены в безмолвие. Пока на стройке Узбекского металлургического завода закладываются лишь первые камни. И многое из того, что должно быть достигнуто в первой пятилетке, существует еще только лишь в планах проектных бюро, чертежах конструкторов, в лабораториях ученых.

Где же та сила, которая вдохнет жизнь в потушенные войной домны, возродит безжалостно разрушенные врагом города, создаст новые чудесные машины, сделает нашу жизнь еще более богатой и обильной, чем она была до войны? Какая сила претворит цифры пятилетнего плана в реальную действительность? Эта сила — твой труд, дорогой читатель», — так призывала «Комсомольская правда» юношей и девушек к самоотверженному труду на благо Родины.

В газетах постоянными становятся рубрики: «На стройках пятилетки», «Стройки новой пятилетки», «Пятилетки союзных республик». Целые полосы посвящались возрождению Донбасса, Днепроргэса, Россельмаша.

Возрождение всесоюзной кочегарки — Донбасса — одна из ведущих тем «Радяньської України», «Правды Украины», «Социалистического Донбасса» и других газет. В статьях «Быстрее осваивать производственные мощности шахт», «Технический прогресс — залог быстрого возрождения Донбасса» газета «Социалистический Донбасс» проводила мысль о том, что для быстрого подъема уровня производства и производительности труда необходимо внедрение новых машин и механизмов. О техническом перевооружении Донбасса, о необходимости дать шахтерам современные машины и механизмы постоянно писала «Радяньська Україна». Этот же вопрос волновал и журналистов «Правды Украины». По просьбе редакции этой газеты

«Ленинградская правда», «Коммунар» (Тула), «Ленинська правда» (Сумы) взяли под контроль выпуск машин для Донбасса.

О героическом труде шахтеров систематически информировали радиопередачи. В 1951 г. Центральное радиовещание вело беседы об организации цикличной работы на шахтах комбината «Ростовуголь», вызывавшие живой отклик десятков тысяч шахтеров. Большой резонанс получило выступление по Всесоюзному радио в конце 1951 г. машиниста угольного комбайна Тихона Михайлова, составившего личный план повышения производительности труда. По его примеру по личным планам стали работать тысячи горняков. Регулярные передачи о передовых методах труда Тихона Михайлова множили число его последователей.

Важной темой было восстановление пятнадцати старейших русских городов, разрушенных гитлеровцами: Брянска, Воронежа, Вязьмы, Великих Лук, Калинина, Новгорода, Курска, Мурманска, Новороссийска, Краснодара, Орла, Севастополя, Пскова, Ростова, Смоленска. Мобилизуя на их восстановление молодежь, «Комсомольская правда» писала: «Почетный долг молодых восстановителей — сделать все, чтобы славные русские города, разрушенные немцами, быстрее поднялись из руин и стали еще краше и благоустроеннее, чем они были прежде»³. Эта тема регулярно освещалась в «Новгородской правде», «Рабочем пути» (Смоленск), «Псковской правде» и других газетах. «Псковская правда» подробно рассказывала о почине строителей псковщины, обязавшихся годовой план работ по восстановлению Пскова за 1947 г. выполнить к 30-й годовщине Октября и победить в соревновании строителей пятнадцати городов. Газета стремилась всячески способствовать успехам строителей. К маю 1947 г. в Пскове была восстановлена половина довоенной жилой площади.

Четвертый пятилетний план предусматривал огромные работы по восстановлению железных дорог и по новому железнодорожному строительству. Наибольшее внимание комплексному изучению механики движения поездов уделяет «Гудок». Под рубриками «По магистралям страны», «В лабораториях ученых и изобретателей», «Ускорение оборота вагона — резерв подъема перевозок» газета постоянно освещала производственную и общественно-политическую жизнь железнодорожников.

³ Комсомольская правда. 1946. 26 апреля.

Нашествие немецко-фашистских захватчиков на нашу Родину нанесло огромный урон сельскому хозяйству. В «зону пустынь» стремились превратить агрессоры ряд западных областей Советского Союза. Требовались огромные усилия всего народа, чтобы не только восстановить, но и превзойти довоенный уровень развития сельского хозяйства. Газеты и радио в этот период изо дня в день писали и вели передачи о всемерном повышении урожайности сельскохозяйственных культур на основе улучшения качества полевых работ, о применении на полях колхозов и совхозов передовой агротехники, о полном использовании трудовых и материально-технических ресурсов колхозной деревни, о трудовых успехах комбайнеров, трактористов, машинистов молотильных агрегатов. В очерке «Труженики великой нивы» В. Величко, рассказывая о том, как работают на колхозных полях тракторы, выпускаемые Челябинским тракторным заводом, замечает: «Ветеран колхоза и ветеран Великой Отечественной войны колхозник Низенко, указывая на них, говорит:

— Этим машинам цены нет. Я сравниваю их с «катюшами» на фронте»⁴.

Оперативно в работе среди колхозников использовалось радио, регулярно передававшее с марта 1947 г. радиожурнал для сельской молодежи «За высокий урожай», а позднее — ежедневные часовые передачи для села.

Второй год первой послевоенной пятилетки ознаменован таким замечательным событием, как 800-летие Москвы, которое было широко освещено советской печатью. С яркими материалами о Москве и москвичах выступала «Вечерняя Москва». Под рубриками: «Москва сегодня», «Построено в социалистической Москве», «С чем мы встречаем славный юбилей», «На встречу 800-летию Москвы» публикуются очерки, рассказы, статьи, фотоиллюстрации. Статьи о Москве — центре отечественной науки, культуры, искусства публикуют крупные ученые, писатели, художники. Номер за 6 сентября 1947 г. весь посвящен юбилею. В передовой статье «Восемьсот» говорилось: «Москва бесконечно дорога нашему сердцу. Произнося слово «Москва», мы думаем и о бережно хранимых традициях героического прошлого русского народа, и о замечательном нашем сегодня, и о лучезарном завтрашнем дне. С Москвой связаны

⁴ Правда. 1947. 17 мая.

важнейшие достижения страны во всех областях политики, культуры, науки».

Подготовка и празднование этой замечательной даты вызвало новый прилив творческой энергии трудящихся всей страны, еще более широкий размах получает социалистическое соревнование. Послевоенная пора мирного строительства отмечена такими трудовыми достижениями, как успех донецкого шахтера комсомольца Николая Лукичева, который вместе с крепыльщиком-скоростником Александром Денисенко на проходке откаточного штрека выполнил 23 нормы. Рекордных показателей в труде добились забойщик Леонид Борискин, бурильщик Иван Митрофанов, сталевар Михаил Кучерин, кузнец Елизар Куратов, каменщик Андрей Куликов. Печать оперативно рассказывала про успехи передовиков сельского хозяйства Марии Грицаюк, Анны Картавой, Архипа Оськина и многих других.

Как в довоенное время, на страницах печати широко освещается борьба за досрочное выполнение пятилетки. В газетах появляется постоянная рубрика «Пятилетку — в четыре года!». Этот призыв не сходит со страниц газет: коллектив рижского электротехнического завода «ВЭФ» решил выполнить пятилетку в 3 года 9 месяцев — к 7 ноября 1949 г., металлурги «Запорожстали», нефтяники Эмбы, шахтеры Караганды, рабочие Горьковского автозавода, Омского автошинного завода, металлурги завода «Серп и молот» заявляли, что выполнение послевоенной пятилетки в четыре года — задача вполне реальная.

В августе 1948 г. 35 московских предприятий обязались дать стране 172 млн рублей сверхплановых накоплений. В поход за мобилизацию внутренних ресурсов, за рентабельную работу фабрик и заводов, за экономию не перестают призывать в эти дни и печать, и радио. В прессе и радиопередачах сообщается о новых и новых коллективах, включившихся в борьбу за экономию. Журналисты рассказывают о рабочих Коломенского и Сормовского заводов, которые обязались в 1949 г. сэкономить 3800 тонн металла, 5 тыс. тонн топлива, 4,5 млн киловатт-часов электроэнергии, о том, что сормовчане дали слово за счет сэкономленных материалов построить сверх годового плана 5 паровозов и 3 теплохода, а коломенцы — 12 паровозов.

В это же время 103 предприятия Москвы и Московской области развернули соревнование за ускорение оборачиваемости оборотных средств. Руководители предприятий взяли обязательство путем ускорения оборачиваемости оборотных средств высвободить дополнительно около 400 млн рублей. «Московский большевик», опубликовав письмо руководителей 103 предприятий, печатает подборки материалов: «Мобилизуем новые внутрипромышленные резервы», «Сокращение длительности производственного цикла — главный рычаг ускорения оборачиваемости оборотных средств» и другие, раскрывающие экономическую выгоду нового движения.

Печать и радио стали трибуной распространения и многих других починов. Со страниц газет и в радиопередачах рассказывается о технологe Кировского завода на Урале Александре Иванове, инициаторе новых методов производства гусениц тяжелых тракторов; о старшем мастере московского инструментального завода «Калибр» Николае Российском, выступившем за усовершенствование технологических процессов производства, за внедрение коллективных передовых методов работы; о бригадире московской обувной фабрики «Парижская коммуна» Лидии Корабельниковой, призвавшей к выпуску дополнительной продукции за счет сэкономленного сырья и материалов; о ленинградском токаре завода им. Свердлова Генрихе Борткевиче, разработавшем новый метод сверхскоростной обточки металла.

Немало было патриотических начинаний среди молодежи. Комсомольцы Москвы и Московской области приняли обязательство выполнить послевоенную пятилетку за 3,5 года, юные колхозники Сталинградской и Чкаловской областей взяли шефство над посадкой полезащитных лесных полос и строительством водоемов, молодые металлисты Ленинграда, Челябинска, Горького, Тбилиси активно включились в соревнование за высокое качество продукции.

В числе местных и многотиражных газет, последовательно пропагандировавших опыт передовиков, можно назвать «Уральский рабочий», «Социалистический Донбасс», «Курскую правду», «За трудовую доблесть» (Челябинский завод г. Кирова) и др. Девизом «Курской правды» было: мастера высоких урожаев имеются в каждом районе, все, что у них есть в работе нового,

ценного должно стать достоянием отстающих. «Красный сормович» (Горьковский завод «Красное Сормово»), освещая ход соревнования между заводскими цехами, отдельными бригадами и рабочими, информировал об опыте стахановцев в материалах под рубрикой «За экономию, против расточительства». В многотиражке «За трудовую доблесть» велась постоянная рубрика «Стахановцы делятся своим опытом». Особенно часто газета выступала по вопросам передовой технологии производства.

В последний год первой послевоенной пятилетки Совет Министров СССР принял ряд решений о сооружении новых электростанций, оросительных и паровых каналов: в августе Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций, а в конце декабря этого же года — о сооружении Волго-Донского судоходного канала. Приступив к их строительству, советские люди фактически начали выполнение новой, пятой пятилетки, хотя Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 гг. были приняты позднее, в октябре 1952 г. на XIX съезде партии.

Газеты пишут о небывалых масштабах строительства, разъясняют, что успешное завершение таких величественных сооружений, как Волго-Донской судоходный канал, Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы, Главный Туркменский канал, Куйбышевская, Сталинградская и Каховская гидроэлектростанции, сыграет немалую роль в дальнейшем развитии социалистической экономики. В статье «Величие мирного труда» Ф. Панферов, рассказывая о том, какой объем работ надлежит выполнить строителям Волго-Донского судоходного канала, замечает, что необходимо будет вынуть 150 млн кубометров земли — это шестнадцать миллионов вагонов. Такой товарный состав мог бы трижды опоясать земной шар. Конечно, подобный объем работ, отмечается в статье, нечего было и мечтать выполнить без наличия современной техники. Не случайно поэтому все мечты соединить две великие русские реки оставались мечтами в течение столетий. «Подобная мысль, — пишет Ф. Панферов, — возникла еще во времена Петра I, и Петр приказал соединить Волгу с Доном через Камышинку и Иловлю. Был согнан народ, назначен управитель, приступили к работе. Следы которой остались и по сей день»⁵.

⁵ Правда. 1950. 30 декабря.

Но мысль о соединении Волги с Доном продолжала жить. Еще в довоенное время были начаты работы по строительству канала. В Постановлении Совета министров «О строительстве Волго-Донского судоходного канала и орошении земель в Ростовской и Сталинградской областях» отмечалось: «Соединением Волги с Доном должны были завершиться огромные работы, проведенные за годы Советской власти по реконструкции и строительству судоходных путей, соединяющих Белое, Балтийское и Каспийское моря с Азовским и Черным морями, и созданию транзитного водного пути для перевозки массовых грузов»⁶. Однако война прервала начатое строительство.

К показу всенародных строек подключилось телевидение, передав в 1954 г. в числе многих материалов очерк известного репортера Е. Рябчикова о строительстве каскада электростанций на Ангаре.

За годы первой послевоенной пятилетки было немало сделано по преодолению последствий войны в сельском хозяйстве. В 1950 г. производство валовой продукции сельского хозяйства достигло довоенного уровня. Следует, однако, отметить, что в дальнейшем темпы развития сельскохозяйственного производства замедлились. Состоявшийся в сентябре 1953 г. Пленум ЦК КПСС отметил, что это было вызвано рядом причин, одной из которых являлось нарушение принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в результатах своего труда.

В целях увеличения производства зерна февральско-мартовский (1954 г.) Пленум ЦК КПСС принимает решение об освоении целинных и залежных земель. Требовалось поднять и засеять зерновыми культурами миллионы гектаров пустовавшей земли в Сибири, Казахстане, на Урале и в Поволжье.

Печать становится трибуной приехавших на целину. «За широкое освоение целинных и залежных земель», «Мы живем в районах освоения целины!», «Почетный долг механизаторов» — эти и многие другие полосы газет — своеобразная летопись освоения целинных земель. Активно мобилизовывала комсомольцев, всю молодежь страны на решение ответственных задач «Комсомольская правда». В газете печатаются статьи «Большое патриотическое дело», «Освоение целинных земель — наше род-

⁶ Правда. 1950. 28 декабря.

ное дело», «Программа мощного подъема производства зерна», подборки материалов под заглавиями: «На целинных землях Казахстана», «Так трудятся посланцы комсомола». Участвовать в освоении целинных и залежных земель — большое патриотическое дело, — вот лейтмотив выступлений всех газет.

Немало репортажей с целинных земель прозвучало в передачах Всесоюзного радиовещания под рубрикой «Письма родным и друзьям с целинных земель». Только в 1954 г. в эфир вышло более 60 передач, в которых приняли участие около 500 целинников. Передачи по письмам целинников регулярно вели и некоторые местные радиокомитеты.

В Москве 1 августа 1954 г. открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (с 1959 г. — ВДНХ). Обстоятельные материалы о Выставке под рубриками «Школа передового опыта», «В павильонах ВСХВ» печатает «Московская правда». В распространение передового опыта включилось телевидение, передававшее летом 1955 г. ряд репортажей с ВСХВ.

Нельзя не отметить, что в печати, теле- и радиопередачах постоянно сообщалось о выдающихся русских ученых, поэтах, писателях, деятелях культуры. В 1949 г., в связи со столетием со дня рождения, в газетах и журналах публикуются выступления о великом русском ученом академике И.П. Павлове, в 1950 г. было широко отмечено 150-летие со дня смерти великого русского полководца А.В. Суворова, целые номера газет в 1949 г. посвящались 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. В центральной прессе печатаются статьи «Гений русского народа», «Пушкин с нами», «Любимый поэт народов СССР».

Большое значение в патриотическом воспитании имело широкое освещение в печати таких знаменательных событий, как 50-летие Московского Художественного театра, 125-летие Малого театра, 200-летие Московского университета. «Московский Художественный театр, — писал в газете «Культура и жизнь» Народный артист СССР, художественный руководитель МХАТ СССР М. Кедров, — наиболее ярко и последовательно воплощавший национальную сущность русского общества, его глубочайшие реалистические и демократические устремления, стал гордостью советской культуры, неотъемлемой частью духовной жизни нашего народа»⁷.

⁷ Культура и жизнь. 1947. 20 августа.

Номер «Правды» за 7 мая 1955 г. был посвящен 200-летию Московского университета. В передовой статье «Праздник отечественной науки и культуры» отмечалось, что Московский университет близок и дорог советским людям как подлинный светоч культуры и прогресса. Подчеркивая роль университета в развитии не только отечественной, но и мировой культуры, газета писала: «Имена Сеченова и Лебедева, Столетова и Жуковского, Грибоедова и Лермонтова, Белинского и Герцена и многих других выдающихся представителей русского народа, неразрывно связанные с университетом, золотыми буквами вписаны в историю развития мировой цивилизации».

Наряду с пропагандой достижений советских ученых нельзя не отметить в послевоенные годы и неоправданных нападков в прессе на труды по генетике, по популяционной и эволюционной биологии, а также безмерного восхваления работ по агробиологии Т.Д. Лысенко, не все выводы которых получили экспериментальное подтверждение и производственное применение.

СТАХАНОВСКИЕ ВТОРНИКИ «ТРУДА» И ДРУГИЕ ФОРМЫ МАССОВОЙ РАБОТЫ

Деятельность советской печати, радио и телевидения в годы первых послевоенных пятилеток характеризуется использованием многих форм массовой работы. Применялись такие уже проверенные формы массовой работы, как выездные редакции, общественные рейды, рабкоровские посты. В самое горячее время на стройплощадках «Запорожстали» работали выездные редакции газет «Правда», «Радянська Україна», «Большевик Запорожья». Выездные редакции «Правды» побывали также в Алтайском крае, Оренбургской области, где выпускали повсеместно боевые листки, плакаты, окна «Правды», мобилизовавшие на быстрейшее завершение восстановительных работ. На важнейших предприятиях и стройках Удмуртии — на реконструкции Воткинской плотины, на предприятиях торфяной промышленности работали выездные редакции «Удмуртской прав-

ды». Активно действовали выездные редакции «Уральского рабочего» на предприятиях Нижнего Тагила, на Белоярской атомной электростанции, на Красноуральской фабрике двойного суперфосфата. По примеру прежних лет редакция «Ленинского знамени» (Петрозаводск) организовала боевые рабкоровские рейды на предприятиях деревообрабатывающей промышленности. На промышленных предприятиях города постоянно проводила рейды «Ленинградская правда», ставя перед собой цель на примере отдельных заводов и фабрик выявить наиболее типичные недостатки производства, предложить конкретные меры по их устранению.

Немало новых форм по пропаганде передового опыта использовала «Волжская коммуна». Редакция организовала на страницах газеты переписку стахановцев промышленных предприятий Куйбышевской области со знатными стахановцами страны. С помощью газеты завязалась переписка куйбышевского токаря-скоростника Т. Васина с прославленным ленинградским токарем Г. Борткевичем, мастера-стахановца завода «Катэк» Н. Смирнова со старшим мастером московского завода «Калибр» Н. Российским, куйбышевских нефтяников с бакинскими, куйбышевских стахановцев со знатным московским текстильщиком А. Чутких.

Настойчиво вела газета заочное совещание по качеству продукции. Оно было начато выступлением Александра Чутких. Затем были помещены письма Николая Российского, Генриха Борткевича. Эти письма, а также личные встречи с их авторами способствовали росту творческой инициативы передовиков производства Куйбышевской области.

Заочные совещания и конференции использовали и другие газеты. Так «Советская Сибирь» провела заочную агрономическую конференцию, в ходе которой были обсуждены вопросы обработки земли и ухода за посевами в своеобразных климатических условиях новосибирской области.

Необычную форму распространения опыта лучших стахановцев нашла редакция газеты «Труд». 23 декабря 1947 г. в Москве состоялся первый «стахановский вторник» газеты. Он был организован редакцией совместно с Министерством легкой промышленности СССР и ЦК профсоюза рабочих кожевенной и обувной промышленности. На первом «стахановском вторнике»

лучшая закройщица фабрики «Буревестник» Мария Левченко выступила с лекцией о своих стахановских методах работы. Она не только поделилась опытом, но и наглядно продемонстрировала новые рациональные приемы раскроя кожи. Закройщицы, мастера, техники, инженеры, руководители обувных фабрик Москвы дали положительную оценку работе стахановки и решили позаимствовать ее опыт. Так было положено начало совершенно новой форме межзаводского обмена стахановским опытом.

«Стахановские вторники» проводились не только в Москве, но и во многих других городах страны, где в присутствии представителей «Труда», партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций стахановцы, мастера, технологи, механики, начальники цехов, инженеры, люди самых разнообразных профессий делились своим опытом и полученными результатами. На этих «вторниках» в Москве выступали с лекциями токарь Павел Быков, ткачиха Наталия Дубяга, каменщик Федос Шевлюгин, механик Петр Литвинов и др. В Ленинграде, в Донбассе, Днепропетровске, Тбилиси и других городах на «вторниках» присутствовали тысячи рабочих, технических и научных работников. «Стахановские вторники» затем получали освещение не только в «Труде», но и во многих областных газетах: «Рабочий край» (Иваново), «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), «Большевистское знамя» (Одесса) и других.

Материалы «Труда» и местных газет способствовали внедрению передового опыта, росту рядов новаторов производства.

К концу 1948 г. таких «вторников» редакцией «Труда» было проведено около ста. Это была своеобразная школа, где изучались и распространялись передовые методы труда, они сыграли немалую роль в развитии обувной, текстильной, пищевой, строительной и других отраслей промышленности. По почину ватерщицы мануфактуры Людмилы Немытшевой только на текстильных фабриках Московской области на повышенные скорости к концу 1948 г. перешли 2500 работниц, что позволило значительно увеличить производство пряжи.

По примеру «Труда» газета «Железнодорожник Донбасса» проводила «стахановские четверги», выпуская специальные приложения, в которых новаторы производства рассказывали о своем опыте работы. Газета «Винницька правда» вела «мичурин-

ские воскресники» по агротехническому обучению колхозников. Редакции газет нередко созывали совещания стахановцев, а затем публиковали их выступления. Такие совещания проводили «Казахстанская правда», «Правда Востока», «Орловская правда» и др.

Немало изобретательности проявляли журналисты в способах подачи актуальных тем. «Алтайская правда» организовала на своих страницах «Школу мастеров высоких урожаев», саратовский «Коммунист» вел «Трибуну передовиков колхозного опыта», «Пролетарская правда» (Калинин) постоянно публиковала материалы «В помощь агротехническим кружкам», выпуская полосы «Опыт передовых льноводов всем колхозникам», «Широко внедрять передовой опыт выращивания высоких урожаев картофеля». «Ставропольская правда» под рубрикой «Зимняя агроучеба колхозников» помещала беседы мичуринцев-практиков. «Заочную колхозную школу» вела воронежская «Коммуна», публикуя лекции передовиков сельского хозяйства, научных работников, предварительно прочитанные на собраниях колхозников. Были прочитаны и напечатаны в газете лекции «Как вырастить высокий урожай сахарной свеклы», «Увеличим производство яровой пшеницы» и др. «Уральский рабочий» выпускал полосы под заглавием: «Борись, товарищ, за выполнение личного обязательства, за выполнение пятилетки в четыре года!». «Красный Север» (Вологда) публиковал письма шахтеров Подмосковского угольного бассейна вологодским лесорубам, что способствовало активизации соревнования среди работников лесной промышленности.

Чтобы полнее освещать трудовые успехи и рабочих, и труженников села, «Ленинградская правда» с апреля 1946 г. раз в неделю выпускала сменные полосы. Выпуски, предназначенные для сельской местности, заполнялись выступлениями агрономов, зоотехников, дававших ценные рекомендации колхозникам по быстрейшему развитию земледелия, животноводства, садоводства. Регулярно выходили страницы-плакаты, посвященные определенной теме, например, «Питательные корма — на все фермы», «Оргтехплан — каждой бригаде», «Трактор всегда в строю» и другие.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Укрепить мир, избавить народы от страха перед угрозой новой войны — этому во многом была посвящена деятельность советской прессы в послевоенные годы. Суровым предостережением всем, стремившимся к военным авантюрам, был процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге, широкому освещению которого отводились целые полосы в центральных и местных газетах. Десять месяцев Международный Военный Трибунал тщательно исследовал документы, заслушивал свидетельские показания, изобличая организаторов и руководителей чудовищных преступлений против человечества.

В течение всего судебного процесса в печати изо дня в день публикуются репортажи из зала суда. Кроме официальных сообщений, газеты печатают гневные обличительные статьи, памфлеты, карикатуры. В «Красной звезде» появляются зарисовки из зала суда художника-сатирика Б. Ефимова, специальные корреспонденты газеты Юр. Корольков и П. Трояновский выступают со статьями и памфлетами «Чума в Европе», «Книга смерти», «Дипломатия гитлеровских гангстеров». В «Правде» постоянной стала рубрика «На Нюрнбергском процессе. Их портреты». Здесь в творческом содружестве выступали Вс. Вишневский и Кукрыниксы. Запомнились читателям и такие выступления на страницах газет, как «Тень Барбароссы», «Гномы науки» Л. Леонова, «Каннибалы» Д. Заславского, «Суд матерей» Е. Кононенко, в которых неизменно проводилась мысль о том, что суровое возмездие постигнет любого, кто осмелится развязать против народов новые кровопролитные войны.

Вскоре после окончания войны весь мир с удовлетворением встретил сообщение о принятии Устава Организации Объединенных Наций. Это произошло 25 июня 1945 г. на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Печать широко прокомментировала Устав, оценив его как важнейший шаг по пути все более тесного сотрудничества между миролюбивыми народами, по созданию основ прочного мира. В течение всего последующего времени заседания сессий Генеральной Ассамблеи ООН, деятельность Совета Безопасности находились в центре внимания советской прессы. В 1946 г. газеты оперативно и

всесторонне освещали работу первой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которая приняла решение о всеобщем сокращении и регулировании вооруженных сил. В 1947 г. Генеральная Ассамблея единогласно приняла постановление о пресечении пропаганды новой войны. Важную роль в борьбе за мир сыграли всемирные конференции сторонников мира. Первый Всемирный конгресс сторонников мира состоялся в апреле 1949 г. в Париже. Как мощную демонстрацию сил мира оценили этот конгресс журналисты, освещавшие не только его ход, но и подготовку к этому событию.

Всесоюзная конференция сторонников мира

В Москве, в Большом зале Дома союзов, открылась Всесоюзная конференция сторонников мира.

На конференции приняты свыше 1.300 резолюций, касающихся мира, разоружения, ликвидации войны, а также вопросы культуры, науки, образования, здравоохранения, спорта, молодежи, женщин, детей, инвалидов, рабочих, крестьян, колхозников.

Вчера в Колонном зале Дома союзов

открылась Всесоюзная конференция сторонников мира. В Колонном зале Дома союзов, в Большом зале, открылась Всесоюзная конференция сторонников мира. В Колонном зале Дома союзов, в Большом зале, открылась Всесоюзная конференция сторонников мира.

Народы мира сорвут преступные планы поджигателей войны

СЛУШАЯ 16 июля (17) в Колонном зале Дома союзов, в Большом зале, открылась Всесоюзная конференция сторонников мира.

На конференции приняты свыше 1.300 резолюций, касающихся мира, разоружения, ликвидации войны, а также вопросы культуры, науки, образования, здравоохранения, спорта, молодежи, женщин, детей, инвалидов, рабочих, крестьян, колхозников.

Вчера в Колонном зале Дома союзов

открылась Всесоюзная конференция сторонников мира. В Колонном зале Дома союзов, в Большом зале, открылась Всесоюзная конференция сторонников мира. В Колонном зале Дома союзов, в Большом зале, открылась Всесоюзная конференция сторонников мира.

Всемирный конгресс сторонников мира

ПАРИЖ

ПАРИЖ, 20 апреля (Сб. мор. «Правда»). Сегодня, в 11 часов утра, в зале Пале-Националь открылся Всемирный конгресс сторонников мира. На конгрессе присутствуют 1.784 делегата, более 250 делегатов, которые не могли прибыть в Париж из-за отсутствия французских разлетов представились на входе в зал.

Парижский зал Пале-Националь вмещает около трех тысяч человек. Большим потоком зал...

Делегаты из всех стран мира, включая все страны Европы, Азии, Африки, Америки, Австралии, Океании, собрались в Париже. Делегаты из всех стран мира, включая все страны Европы, Азии, Африки, Америки, Австралии, Океании, собрались в Париже.

ПРАГА

ПРАГА, 20 апреля (ТАСС). Сегодня в здании Национального собрания открылся парижский международный конгресс сторонников мира. В Париже Всемирный конгресс сторонников мира, который не смог прибыть в Париж в связи с отсутствием французских разлетов, представил на входе в зал.

В Париже Всемирный конгресс сторонников мира, который не смог прибыть в Париж в связи с отсутствием французских разлетов, представил на входе в зал. В Париже Всемирный конгресс сторонников мира, который не смог прибыть в Париж в связи с отсутствием французских разлетов, представил на входе в зал.

Второй Всемирный конгресс сторонников мира

ЕДИНСТВО

Вчера в Варшаве открылся Второй Всемирный конгресс сторонников мира. В Варшаве Второй Всемирный конгресс сторонников мира, который не смог прибыть в Париж в связи с отсутствием французских разлетов, представил на входе в зал.

Вчера в Варшаве открылся Второй Всемирный конгресс сторонников мира. В Варшаве Второй Всемирный конгресс сторонников мира, который не смог прибыть в Париж в связи с отсутствием французских разлетов, представил на входе в зал.

Вчера в Варшаве

Вчера в Варшаве открылся Второй Всемирный конгресс сторонников мира. В Варшаве Второй Всемирный конгресс сторонников мира, который не смог прибыть в Париж в связи с отсутствием французских разлетов, представил на входе в зал.

ПРИВЕТ КОНГРЕССУ

Вчера в Варшаве открылся Второй Всемирный конгресс сторонников мира. В Варшаве Второй Всемирный конгресс сторонников мира, который не смог прибыть в Париж в связи с отсутствием французских разлетов, представил на входе в зал.

В ноябре 1950 г. в Варшаве состоялся Второй Всемирный конгресс сторонников мира. В печати публикуется доклад председателя Всемирного Совета Мира Фредерика Жолио Кюри, выступления на конгрессе А. Фадеева, И. Эренбурга, Д. Шостаковича. Участники конгресса приняли «Манифест к народам всего мира» и «Обращение к Организации Объединенных Наций». Мира не ждут — мир завоевывают — вот основная мысль «Манифеста».

В феврале—марте 1951 г. центральное место в печати занимали сообщения о первой сессии Всемирного Совета Мира, обравившегося с призывом о заключении Пакта Мира между пятью великими державами: Советским Союзом, США, Англией, Францией и Китайской Народной Республикой. Печать повела настойчивую кампанию за заключение Пакта мира. В газетах постоянными стали рубрики: «За мир против войны», «За Пакт мира», «Решения Всемирного Совета Мира — в массы!».

Одна из ведущих тем советской печати, радио, телевидения — оперативная информация о жизни стран социалистического лагеря. Этой теме стало уделяться еще больше внимания после Совещания коммунистических и рабочих партий, проходившего в Москве в ноябре 1957 г. Постоянными стали материалы под рубриками «У наших друзей», «В странах народной демократии». В программах Всесоюзного радио появились ежедневные передачи «В братских странах социализма», регулярно велись переключки столиц социалистических стран. В дополнение к существовавшим ранее передачам «Говорит Будапешт» и «Говорит Прага» с мая 1958 г. стали постоянными передачи «Говорит Улан-Батор», «Говорит Ханой», «Говорит Пхеньян».

Всестороннее освещение проблем международной жизни потребовало расширения сети собственных корреспондентов центральных газет за рубежом. В «Правду» статьи, корреспонденции, очерки присылали: из Парижа — Ю. Жуков, из Лондона — В. Маевский, из Нью-Йорка — Г. Рассадин, И. Филиппов, Д. Краминов, из Рима — О. Чечеткина. В «Известиях» выступали журналисты-международники В. Кудрявцев, В. Матвеев, Н. Поляков.

ВЕДУЩИЕ ПУБЛИЦИСТЫ: ПРОБЛЕМАТИКА, МАСТЕРСТВО

Со страниц газет звучали голоса А.И. Колосова, И.А. Рябова, Б.Н. Полевого, В.В. Овечкина, Б.А. Галина, В.В. Полторацкого, А.В. Калинина, В.Ф. Тендрякова, Г.Н. Троепольского, Т.Н. Тэсс, М.С. Шагинян и многих других публицистов. Заметным явлением в послевоенной печати явились публиковавшиеся в «Правде», «Известиях», «Литературной газете», «Комсомольской правде», а также в местных газетах статьи, очерки, памфлеты М.А. Шолохова. Только в «Правде» были напечатаны очерки «Слово о Родине», «Любимая мать-отчизна», «Первенец великих строек», памфлеты «Свет и мрак», «Не уйти палачам от суда народов!», статьи «Победа, какой не знала история» и другие материалы.

Поистине с шолоховским талантом написан очерк «Слово о Родине», в котором воссоздаются картины мирных довоенных лет, зримо предстают места, где только что отгремели смертельные бои, вырисовываются контуры новой жизни. «Побудь немного в тишине и одиночестве, мой дорогой соотечественник и друг, закрой глаза, вспомни недавнее прошлое, и мысленным взором ты увидишь

...Холодный, белесый туман призрачно клубится над лесами и болотами Белоруссии, над пустыми, давно покинутыми блиндажами, заросшими траншеями и налитыми ржавой водой стрелковыми ячейками. Тускло мерцают на дне их позеленевшие от времени гильзы винтовочных патронов...»

Такое лирическое начало очерка необходимо писателю, чтобы подчеркнуть, какие кровопролитные бои пришлось вести, какой великой ценой нам досталась победа, сколько дорогих сердцу матери-Родины могил от Сталинграда и до Берлина, от Кавказа до Баренцова моря, как много осиротевших людей стало у нас после войны. Но необходимо это, напоминает Михаил Шолохов, не только для того, чтобы у нас «не стыла ненависть к врагу, даже поверженному», а чтобы еще раз продемонстрировать все величие, всю мощь советского народа, не знавшего поражения ни в войне, ни в преодолении любых трудностей, что не убавили наших сил и принесенные жертвы во имя спасения Родины в годы Великой Отечественной войны. Настоя-

щим гимном трудовому героизму советских людей звучат в очерке слова: «С дивной, сказочной быстротой врачует народ-созидатель нанесенные войной раны: поднимаются из руин разрушенные города и сожженные села, вернулись к жизни шахты родного Донбасса, уже золотится хлебная стерня на тех полях, где два года назад чертополохом, злою непролазью дико щетинился бурьян, дымят трубы восстановленных заводов и фабрик, новые промышленные предприятия зарождаются там, где недавно были глушь и запустение»⁸. Одной из ведущих тем в послевоенной публицистике писателя становится борьба за мир. Против идеологии империализма, против поджигателей новой войны направлены его памфлеты «Свет и мрак», «Не уйти палачам от суда народов», а также многие статьи, выступления на съездах, предвыборных собраниях и конференциях. Пережив жесточайшую из войн и обретя «булатную крепость», самоотверженно трудятся советские люди на лесах новостроек, на заводах и шахтах, на бескрайних колхозных полях. И если кто-то попытается помешать нам «доделать наше великое дело», то он получит достойный отпор — вот лейтмотив шолоховских выступлений.

В памфлетах и статьях М. Шолохова неизменно звучит мысль о том, что все честные, трудовые люди обоих полушарий решительно голосуют за мир. «Руки, умеющие ласкать ребенка, руки, которые рубят уголь, водят поезда, строят дома и заводы, пахут землю и бережно ухаживают за своими станками, голосуют за мир! Умные руки, умеющие создавать величайшие ценности человеческого труда, голосуют против войны за доброе будущее тех, кто честно зарабатывает свой хлеб»⁹, такими словами заканчивает М.А. Шолохов памфлет «Не уйти палачам от суда народов», и они передают основной пафос его выступлений в защиту мира.

Трудовым подвигам первых мирных дней посвятил свои очерки Борис Галин. Еще в довоенные годы в «Правде» публиковались его материалы о героике первых пятилеток. Очеркист остался верен своей теме и после окончания войны. В очерках «Начало битвы», «Точка опоры», «Песня о Макаре Мазе», «В одном населенном пункте» повествуется о трудовом энтузиаз-

⁸ Правда. 1948. 23 января.

⁹ Правда. 1950. 24 сентября.

ме советских людей, возрождающих Донбасс. Хотя вчерашние солдаты еще не сняли защитного цвета одежды, — пишет очеркист, — главные их думы — о мирной жизни, о том, чтобы скорее залечить раны, нанесенные войной. В очерках воссоздается впечатляющая картина перехода всей страны с военного на мирный лад.

К числу лучших следует отнести очерк Б. Галина «Песня о Макаре Мазае» — о прославленном мариупольском сталеваре, замученном фашистами в первую военную осень, о том, что такие герои, как Макар Мазай, навсегда остаются в истории родного края, приумножая его славу.

«С гордостью говорят здесь о том, — пишет Б. Галин, — что Пушкин, проезжая азовскими берегами близ Мариуполя, вдохновился шумом волн, что Куинджи, родившийся в этом городе, с детства впитал в себя запахи моря и степи, что сын мариупольского рыбака Георгий Седов отсюда начал свой тяжелый путь полярного исследователя.

И вместе с великим прошлым — с пушкинским стихом, с «Украинской ночью» и «Степью в цветах» Куинджи, с мечтами Георгия Седова — в историю города входит Макар Мазай, его жизнь, его борьба, входит и первый грубый слиток стали, выплавленный после немцев на возрожденном заводе, и первая сваренная труба и первый прокатный лист стали...¹⁰

Описывая нелегкий процесс восстановления доменных печей, мартенов, прокатных станов, Б. Галин главное внимание уделяет героям-сталеварам, живым наследникам Макара Мазая. «Я смотрел на этот сверкающий поток стали, излучающий сияние, — говорится в заключении очерка, — и в моем воображении вновь ожила песня о Макаре Мазае. Ее творят, эту песню о стали, друзья и наследники Макара Мазая. Она живет в будущем пламени плавок, в самоотверженном труде простых людей, ведущих мартеновские печи с тем истинным вдохновением, которое одинаково присуще созданию песни и созданию стали»¹¹.

Очерки Б. Галина стали популярными благодаря своей актуальности и высокому журналистскому мастерству автора.

¹⁰ Правда. 1946. 9 июня.

¹¹ Там же.

На протяжении почти тридцати лет (с 1928 г. до конца своей жизни, до 1956 г.) сотрудничал в «Правде» Алексей Иванович Колосов. Большой знаток и талантливый бытописатель советской деревни, он откликался на самые острые вопросы современности. Особая наблюдательность, умение найти яркие краски для характеристики героев — все это делало его очерки весьма популярными среди читателей. Материалы А. Колосова отличались точным, строго индивидуальным диалогом, живостью и яркостью авторской речи.

«Редко кто в нашей литературе, — замечает Б. Агапов, — может соперничать с А. Колосовым в описании деревни. Это — талантливый и зрелый мастер. Острая наблюдательность, глубокое знание сельской жизни, понимание ее красок, ее поэзии соединяются в А. Колосове с нежной и глубокой любовью к людям деревни, к колхозному строю... Короткие рассказы его и очерки сохраняются памятью как картины, написанные талантливым живописцем, освещают нашу деревню ласковым светом поэзии»¹².

К числу очерков, которые «сохраняются памятью как картины», следует отнести выступления о преобразовании засушливых в недалеком прошлом степей. По методу контрастата сначала рассказывается, какие беды приносили лютые степные суховеи земледельцу раньше, когда хлеба сгорали на корню и голод заставлял крестьян покидать насиженные места и идти «куда глаза глядят», «куда ноги дотащат», а затем следует рассказ о труде советских людей на обновленных землях. Ярko запечатлена картина старины в очерке «Чудесное беспокойство», написанном совместно с У. Жуковиныm. Приманычская степь. Поникишие, опаленные зноем травы, тощие хуторские стада. Чуть в стороне, в полынные, стоит убогий шалаш, сделанный из двух порыжевших чапанов. В шалаше изнемогающие от жажды пастухи. Вокруг на десятки верст во все стороны ни колодца, ни станицы, ни хутора: степь и степь, выжженная солнцем, порыжевшая, безводная степь. А дальше — картина, что здесь теперь, когда воды Дона повернули к Волге.

«На былом этом лугу, — говорится в очерке, — пшеничные, овсяные нивы овеваются мягкими струями, свежими потоками, благодатным дуновением живоносного влажного воздуха. А если

¹² Агапов Б. Советский очерк сегодня. Новый мир. 1949, № 8. С. 222.

подняться на «жареный бугор», подле которого стоял некогда пастуший шалаш, то увидишь синее море, уловишь шумы волн»¹³.

Глубокому раскрытию образов служит в очерке речевая характеристика героев. Воссоздавая картину прошлого, выжженную солнцем степь, где вокруг — ни станиц, ни хуторов, А. Колосов пишет: «На десятки верст — степь и степь. Куда идет баба, зачем?

Подошла, тусклым голосом попросила:

— Нет ли, мужики, попить?

Напившись из жбана, сказала:

— Я, мужики, за овечкой пришла.

И — вздохнув:

— К себе собралась.

«К себе» — значит на родину, в Жиздринский уезд. А от Позднеевского хутора до Жиздры не меньше полутора тысяч верст. У бабы же всего богатства — глиняная хибарка, две курицы да вот овца.

Измученно воззрившись на нее, подумав, поморгав, сказал чабан:

— Смертно тебе, Аниска, будет, ох смертно. Подумать «к себе»! Это ж — кабы с деньгой была, а без денег на полдороге душу отдашь... и еще об том рассуди: ладно, чудом Божиим, скажем, дошла, доехала. А там что: ни кола, ни двора, ни милости.....

— А-а, хуже не будет, — порывисто произносит Анисья. — И тут помирать, и там помирать, но по крайности не на этой окаянной степи»¹⁴.

Строго индивидуализированная речь героев помогает очеркисту ярче изобразить прошлое Приманычской степи, прозванной народом «окаянной».

Несколько сборников составили выступления в «Правде» И.А. Рябова: «Годы и люди» (1949 г.), «За тридцать земель» (1950 г.), «Иерусалимские камешки» (1951 г.), «Новый горизонт» (1953 г.), «Фельетоны» (1955 г.). Во многих очерках И.А. Рябов показывает, что величие и красота России строящейся — в ее людях, в тех, кто, сменив винтовку на плуг, засеивает землю, сплавляет по внешней воде лес к местам строек, кто рубит новый дом,

¹³ Правда. 1952. 3 марта.

¹⁴ Там же.

кто честью и доблестью своей считает быть полезным своему народу, Родине.

Рассказывая о героях трудовых будней, публицисты не могли не обратиться к жанру портретного очерка. Авторы портретных очерков послевоенного времени как бы продолжили горьковскую традицию изображения людей труда. Несомненного успеха в этом жанре добились Б. Полевой, В. Фоменко и другие. В 1952 г. увидела свет книга Б. Полевого «Современники», в которой были собраны очерки о строителях Волго-Донского судоходного канала, печатавшиеся ранее в «Правде». Несмотря на некоторый схематизм и «суховатый лаконизм», очерки Б. Полевого передают масштабность строительства, воссоздают групповой портрет строителей Волго-Донского канала. Читатели находили в героях Б. Полевого привлекательные, типичные черты советского человека послевоенного времени. Очерки имели большое значение для воспитания советской молодежи, их герои являли собой достойный пример для подражания.

Немало портретных очерков о рядовых советских людях напечатал В. Фоменко. «Тетка Федосья», «Табунщица Решетникова», «Дед Гузий», «Серафима», «Пасечник», «Шевелева» — вот далеко неполный их перечень.

Живо нарисован образ «шустрого колхозного деда», агротехника Носова, в очерке В. Фоменко «Зародышек»¹⁵. Автор показывает его беспокойным, постоянно занятым: вот он идет по весенней грязи, еле переставляя ноги, несет мешок сортового зерна из лаборатории; вот гневно распекает тракториста Шацкого, который пашет слишком мелко, заставляя его все перепахать заново. Через дела Носова, через его отношение к людям выявляет Фоменко своеобразие личности, характера. Таких, как дедушка Носов, немало в любом колхозе. Сам автор подчеркивает: это «Чем он замечательный? Да ничем не замечательный. Дедок, как дедок, обыкновенный колхозный дедок», наделенный душевным богатством, для которого превыше всего общественные интересы.

Из очерковой литературы первого послевоенного десятилетия особую признательность широкого читателя получили очерки В. Овечкина «Районные будни», опубликованные в «Правде» и в «Новом мире». Говоря о причинах необычной популяр-

¹⁵ Фоменко В. Хозяин. — М., 1949. С. 27.

ности выступлений В. Овечкина, А. Твардовский писал: «Его очерки и рассказы из колхозной деревни, обратившие на себя внимание еще в довоенные годы, отличались основательным — не из вторых рук — знанием материала и правдивостью изложения, чуждой беллетристическим подобиам действительности»¹⁶.

При оценке очерков В. Овечкина правдивость изложения А. Твардовский отмечает не случайно. В жизни послевоенной колхозной деревни было немало наболевших вопросов, требовавших своего решения. Между тем большинство писателей и публицистов сбивались на путь приукрашивания действительности, показывали лишь положительные явления, избегали постановки острых жизненных проблем. Уже в то время подвергались критике те, кто не жалел красок для восхваления нашей действительности. В марте 1954 года подвергся справедливому осуждению очерк Галины Николаевой «Председатель колхоза», напечатанный во втором номере журнала «Знамя». Аналогичный упрек можно отнести и ко многим другим очеркистам. К числу же запомнившихся очерков можно отнести прежде всего «Районные будни» В. Овечкина.

Эти очерки, появившиеся в печати за год до сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, послужили образцом для многих талантливых мастеров этого жанра. «Здесь впервые, — пишет А. Твардовский, — прозвучало встревоженное слово вдумчивого литератора о положении в сельском хозяйстве тех лет, о необходимости решительных перемен в методах руководства колхозами»¹⁷.

Колхозная деревня всегда глубоко интересовала В. Овечкина. Еще в его довоенных очерках проблемы села получили глубокое освещение. После войны эта тема снова является главной для писателя. В 1947 г. в «Правде» был напечатан очерк В. Овечкина «Дума об урожае», в котором резко критиковались незадачливые руководители колхозов, стремящиеся славой одного передовика прикрыть недостатки всего хозяйства. Уже в этом выступлении угадывается будущий автор «Районных буден», в которых назревшие проблемы сельского хозяйства рассмотрены разносторонне, с большой остротой и определенностью. Очерки построены на острых жизненных конфликтах, в них беспоп-

¹⁶ Твардовский А. Статьи и заметки о литературе. — М., 1972. С. 292.

¹⁷ Там же.

шадно развенчиваются те руководители, для которых важны не подлинные интересы дела, а формальное благополучие. Таковы в очерках первый секретарь райкома Борзов, секретарь обкома Маслеников. Им противостоят второй секретарь райкома Мартынов, директор МТС Долгушин, председатель передового колхоза Опенкин. В. Овечкин так рельефно, так правдиво очерчивает характеры героев очерка, что каждый из них словно уже знаком читателю, словно он встречался с ним в районах, МТС, колхозах. Сила очерков В. Овечкина именно в том, что он пишет «почти с натуры, ничего не сочиняя».

В заключительных строках одного из очерков «Районные будни» не случайно подчеркивается: «Очерку нет пока продолжения, так как он пишется почти с натуры. Он, может быть, вырастет и в повесть, но для этого необходимо развитие событий в жизни. Я встречаю таких людей, слышу такие споры, как у Мартынова с Борзовым, в одном районе. Какие решения примет обком об этом районе, как повернутся личные судьбы людей, представленных читателю в этих первых главах очерка — это нужно еще понаблюдать в жизни»¹⁸.

Понаблюдать в жизни, изучить, глубоко разобраться в происходящих событиях, правдиво и ярко об этом рассказать — это главное в творческом методе В. Овечкина.

Глубокое знание жизни колхозного села позволяет очеркисту оперативно освещать самые животрепещущие проблемы. Вскоре после сентябрьского Пленума ЦК КПСС в «Правде» появляются заметки писателя «Два костра»¹⁹. Никто до их появления не поставил так остро вопроса о том, как выполняется решение Пленума об укреплении руководящих колхозных кадров, кого направляют в тех или иных районных центрах председателями колхозов. А в некоторых районах, как показывает В. Овечкин, направляли «активистов» и «добровольцев» весьма сомнительной репутации. И очеркист заключает: в таких районах решение данной проблемы надо начинать с укрепления районного руководства. Заметки писателя «Два костра», как и все послевоенное очерковое творчество В. Овечкина, свидетельствуют, что он всегда активно содействовал подъему деревни.

¹⁸ Овечкин В. Повести и рассказы. — М., 1953. С. 104.

¹⁹ Правда. 1954. 9 ноября.

Его очерки неизменно будили ответную мысль читателей, встречали горячий прием. «Когда читаешь очерки Овечкина, — отмечал агроном одного из колхозов Ростовской области С. Пасько, — то кажется, что он пишет о нашем районе или даже нашем колхозе. У нас в районе также проводится очень много всяких собраний, совещаний и заседаний с выступлениями постоянных ораторов, которые не прочь поговорить обо всем и ни о чем конкретно. Ведь ни один из этих ораторов не хочет расстаться с райцентром и пойти на передний край: У Федора Степановича поясница болит, Трофим Николаевич и Георгий Васильевич говорят: «Мы стары.» Кого послали на укрепление в отстающие колхозы из райцентра? Никого. Почему? Да потому, что не нашлось в нашем районе Мартынова»²⁰.

С острыми проблемными очерками на темы сельской жизни выступали также А. Калинин, Г. Троепольский, В. Тендряков, А. Злобин и др. В 1953 г. в «Правде» был опубликован сразу обративший на себя внимание читателей очерк А. Калинина «На среднем уровне». В нем очеркист решительно осуждает руководителей районов, которым не по душе творческая смелость, но вполне устраивает достигнутый средний уровень. Таковы в очерке секретарь райкома Неверов и председатель райисполкома Молчанов. А. Калинин вскрывает всю опасность настроений неверовых и молчановых, которые должны уступить место по-настоящему болеющим душой за дело руководителям.

Очерки А. Калинина пронизывает глубокая вера в неиссякаемые силы народных масс. Герой одного из очерков, колхозник Степан Кузьмич, так выразил эту мысль: «Есть у нас дерево караич, его еще называют железным деревом. У этого дерева глубокие корни, неумирающие. Они так далеко ушли в землю, что когда фашисты жгли сады Задонья, корни этого дерева уцелели. Огонь не мог до них достигнуть»²¹. После войны корни выбросили молодые чубуки, будут опять цвести сады. Неумирающим корням железного дерева и уподобляет А. Калинин народ, в трудовые успехи которого страстно верит.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне не могла не стимулировать усиления пропаганды величия ста-

²⁰ Литературная газета. 1955. 14 июня.

²¹ Калинин А. Неумирающие корни. — М., 1956. С. 6.

линизма. Писатель-фронтовик Ф. Абрамов справедливо заметил: «Опьяненные победой, зазнавшиеся, мы решили, что наша система идеальная... и не только не стали улучшать ее, а, наоборот, стали ее еще больше догматизировать»²².

В послевоенные годы у нас было немало успехов и на фронте трудовом, таких как пуск первой в мире атомной электростанции в Обнинске, открытие Волго-Донского судоходного канала, что тоже способствовало возвеличению Сталина. В то же время год от года продолжалась и все более усиливалась борьба с инакомыслием, что проявилось уже в постановлении «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и в последующих постановлениях, ставивших цель «причесать» мысли интеллигенции²³. А вскоре возникло и «дело врачей», и «Ленинградское дело», прекращенные лишь после кончины Сталина. Все это не могло не отразиться на деятельности средств массовой информации послевоенного периода. И все-таки в послевоенной советской журналистике немало поучительного. Оценивая творчество В. Овечкина, А. Твардовский отмечал: «Мы вправе считать «Районные будни» его главной книгой, которую, бесспорно никогда не обойдет стороной историк литературы»²⁴. Не обойдет стороной ни один журналист и лучших послевоенных публицистических произведений, учась глубоко, содержательно отображать действительность, решая важные жизненные проблемы.

Вопросы для повторения

1. Послевоенная перестройка средств массовой информации: восстановление довоенного объема республиканских, краевых и областных газет, возобновление молодежных, создание новых центральных и местных изданий.
2. Телевидение как одно из средств массовой информации. Особенности его развития и роль в восстановлении народного хозяйства.
3. Стахановские вторники «Труда» и другие формы массовой работы.

²² Наше Отечество. Опыт политической истории. — М., 1991. Т. 2. С. 430—431.

²³ Там же. С. 434.

²⁴ Твардовский А. Статьи и заметки о литературе. — М., 1972. С. 293.

4. Ведущие послевоенные очеркисты и фельетонисты. Очерковый цикл В. Овечкина «Районные будни».
5. Негативные проявления в деятельности средств массовой информации в свете постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и новых сталинских репрессий.
6. Тема мира в послевоенной отечественной журналистике.

Хрестоматия к главе V

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ ВКП(б)

Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет

ЦК ВКП(б) принял решение «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет». ЦК ВКП(б) установил с 15 июля 1945 года 4-полосный объем ряда республиканских, краевых и областных газет и обязал ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы ВКП(б) и редакторов газет использовать увеличение объема газет для значительного расширения информации о жизни Советского Союза, союзных республик, краев и областей.

ЦК ВКП(б) отметил в своем решении, что в нынешнем состоянии газеты союзных республик, областные и краевые газеты, издающиеся на 2 полосах, слабо освещают работу промышленности, сельского хозяйства и культурную жизнь республик, краев и областей. В газетах не находит надлежащего отражения деятельность партийных организаций и местных Советов. Многие газеты не уделяют должного внимания вопросам политической работы среди населения, крайне мало публикуют пропагандистских статей, не отвечают на вопросы, интересующие население. Редакции газет ослабили работу с авторским активом и свои связи с читателями. На страницах газет редко появляются статьи руководящих партийных и советских работников, хозяйственников, инженеров, агрономов, передовых работников промышленности и сельского хозяйства, деятелей науки, культуры и искусства. Некоторые газеты заполня-

ются поверхностными, бессодержательными статьями и корреспонденциями, написанными в стиле сухих, канцелярских инструкций. В газетах почти не публикуются яркие очерки, рассказы, фельетоны и стихотворения. Серьезными недостатками ряда газет являются их низкий культурный уровень и неудовлетворительное оформление. В некоторых газетах допускаются грубые ошибки, опечатки, искажается литературный язык. Во многих газетах публикуются небрежно выполненные рисунки и фотоснимки.

ЦК ВКП(б) обязал ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы ВКП(б) принять меры к серьезному улучшению республиканских, краевых и областных газет, на деле превратить газеты в боевые органы политического воспитания масс и мобилизации трудящихся на борьбу за дальнейшее укрепление могущества нашей социалистической Родины, всемерно использовать газеты как важнейшее средство партийного руководства массами.

ЦК ВКП(б) установил следующую структуру аппарата редакций газет союзных республик и краевых и областных газет: в газетах союзных республик — секретариат редакции, отделы: партийной жизни, пропаганды, советского строительства, промышленности и транспорта, сельского хозяйства, иностранный, культуры и быта, внутренней информации, писем трудящихся, местной корреспондентской сети; в краевых и областных газетах — секретариат редакции, отделы: партийной жизни, пропаганды, промышленности и транспорта, сельского хозяйства, культуры и быта, писем трудящихся, внутренней информации.

ЦК ВКП(б) признал необходимым увеличить штат аппарата редакций союзных, краевых и областных газет в связи с увеличением объема их и созданием в газетах новых отделов. ЦК ВКП(б) установил также штат собственных корреспондентов в редакциях газет союзных республик, имеющих областное деление, из расчета 2 корреспондента на область, а в газетах союзных республик, не имеющих областного деления, а также в краевых и областных газетах — из расчета 1 корреспондент на 2—3 района.

ЦК ВКП(б) предложил ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам ВКП(б) оказывать повседневную помощь газетам, рассматривать планы работы газет, давать направление в освещении важнейших вопросов жизни республики, края, области, обеспечить газеты квалифицированными работниками, принять меры к улучшению полиграфической базы газет.

*«Партийное строительство», 1945 г.
№ 13—14, стр. 24—25*

О МЕРАХ ПО УЛУЧШЕНИЮ ОБЛАСТНЫХ ГАЗЕТ

**«Молот» [Ростов-на-Дону], «Волжская коммуна»
[а. Куйбышев] и «Курская правда»***

ЦК ВКП(б) обсудил вопрос и принял постановление о мерах по улучшению областных газет «Молот» (г. Ростов-на-Дону), «Волжская коммуна» (г. Куйбышев) и «Курская правда».

ЦК ВКП(б) отметил, что областные газеты «Молот», «Волжская коммуна» и «Курская правда» ведутся на низком идейном и культурном уровне и на деле не являются центрами политической работы в массах. Редакции указанных газет не использовали увеличение объема газет до 4 полос, установленного решением ЦК ВКП(б) от 20 июня 1945 г., для коренного улучшения содержания и качества газет. Редакции газет оторваны от местных партийных и советских организаций, не изучают фактического положения дел на местах, не освещают в должной мере жизни своих областей и не проявляют инициативы в постановке основных вопросов партийно-политической работы, хозяйственного и культурного строительства. Газеты не разворачивают смелой критики деятельности местных организаций, слабо борются за укрепление государственной и трудовой дисциплины во всех звеньях советского и хозяйственного аппарата. Редакции несамокритично относятся к собственной работе, в результате чего в газетах имеется много серьезных ошибок и недостатков...

...Ростовскому, Куйбышевскому и Курскому обкомам ВКП(б) предложено устранить отмеченные крупные недостатки в работе областных газет и обеспечить в кратчайший срок серьезное улучшение качества газет, повышение их роли как сильнейшего средства улучшения партийного руководства всеми отраслями работы в области.

Важнейшей обязанностью газет ЦК ВКП(б) считает повседневное разъяснение задач нового пятилетнего плана, мобилизацию трудящихся на выполнение и перевыполнение пятилетки. Газеты должны на ярких и убедительных примерах показывать перспективы хозяйственного и культурного развития области, пути и средства повышения производительности труда в основных отраслях народного хозяйства, бороться за быстрое развитие ведущих отраслей хозяйства, пропагандировать опыт новаторов производства, передовых предприятий и колхозов, организовать большевистскую критику недостатков в работе партийных, советских, профсоюзных

* Печатается в сокращении.

и хозяйственных организаций, указывать пути преодоления трудностей в решении хозяйственно-политических задач.

ЦК ВКП(б) обязал Ростовский, Куйбышевский, Курский обкомы ВКП(б) и редакции газет коренным образом улучшить работу отделов партийной жизни в областных газетах и обеспечить систематическое освещение в газетах всех важнейших вопросов партийно-организационной и партийно-политической работы. Особое внимание обращено на необходимость повышения роли газеты в деле политического воспитания молодых коммунистов и улучшения работы первичных партийных организаций, особенно в сельских районах. В газетах необходимо публиковать материалы, разъясняющие требования партии к каждому коммунисту, права и обязанности членов партии, значение повышения идейного уровня коммунистов для успешного решения задач социалистического строительства. Освещая работу партийных организаций, газеты должны воспитывать коммунистов в духе выполнения каждым членом и кандидатом партии Устава ВКП(б).

К активному участию в газете необходимо привлечь руководящий областной, городской, районный партийный актив, секретарей и членов бюро первичных партийных организаций. Опираясь на партийный актив и укрепляя свои связи с партийными организациями, газеты должны показывать, как партийные органы осуществляют функции политического руководства и контроля, как они руководят деятельностью хозяйственных органов, Советов, комсомола, профсоюзов и других массовых организаций трудящихся.

Считая недопустимым, что из поля зрения областных газет совершенно выпали вопросы партийного руководства комсомолом, жизни комсомольских организаций, ЦК ВКП(б) обязал редакции областных газет регулярно помещать материалы на комсомольские темы.

Отмечая, что вопросы советского строительства освещаются на страницах газет крайне слабо, ЦК ВКП(б) предложил редакциям систематически публиковать в газетах материалы на темы о работе и передовом опыте местных Советов, всемерно содействуя дальнейшему улучшению деятельности советского аппарата, укреплению государственной дисциплины во всех его звеньях.

Редакция газет «Молот», «Волжская коммуна» и «Курская правда» предложено систематически печатать статьи по вопросам теории и истории большевистской партии, а также по вопросам экономики своей области, ответы на вопросы читателей, консультации, лучшие лекции, привлекать к участию в газете квалифицированных пропагандистов, освещать практику пропагандистской работы. Газеты должны уделять особое внимание вопросам коммунистического воспитания трудящихся и борьбы с пережитками и влиянием враждебной идеологии.

Необходимо шире развернуть пропаганду научно-естественных знаний, используя для этой цели местные кадры научных работников.

В интересах широкого ознакомления трудящихся с злободневными вопросами международной жизни редакциям областных газет рекомендовано помещать лучшие статьи на наиболее важные международные и внешнеполитические темы, опубликованные в центральных газетах.

Редакторам газет «Молот», «Волжская коммуна» и «Курская правда» предложено систематически публиковать обзоры городских и районных газет, оказывая им помощь деловыми советами и конкретными указаниями.

Обкомам ВКП(б) разрешено организовать при редакциях областных газет производственную практику редакторов и секретарей редакций районных газет.

Редакциям газет предложено печатать в каждом номере письма трудящихся, чутко прислушиваться к сигналам читателей, не оставлять без внимания ни одного письма, поступающего в редакцию, сообщать авторам о принятых мерах по их письмам.

Учитывая, что широкое привлечение к участию в газете корреспондентов из рабочих, крестьян и интеллигенции является важнейшим условием улучшения газет и укрепления их связи с массами, ЦК ВКП(б) предложил редакциям газет организовать повседневную работу с авторским активом и практиковать созыв собраний вне-редакционного авторского актива для обсуждения планов работы редакций, а также собраний читателей с докладами редакторов о работе газет.

Редакциям газет «Молот», «Волжская коммуна» и «Курская правда» предложено улучшить руководство собственными корреспондентами, не реже одного раза в два месяца созывать их для инструктирования и обмена опытом. Ежемесячно утверждать планы работы собственных корреспондентов и систематически посылать корреспондентам критические обзоры их материалов.

ЦК ВКП(б) обязал Ростовский, Куйбышевский, Курский обкомы ВКП(б) провести следующие мероприятия по укреплению редакций областных газет и улучшению руководства газетами:

- а) направить на работу в редакции газет группу квалифицированных работников для укрепления отделов редакций;
- б) в месячный срок полностью укомплектовать сеть постоянных корреспондентов газет в районах;
- в) ежемесячно рассматривать на бюро обкома ВКП(б) план работы газеты;
- г) заслушивать отчеты редакторов областных газет на бюро обкомов ВКП(б) не реже двух раз в год, а также практиковать заслушивание отчетов заведующих отделами редакции;

д) в целях организационного укрепления редакций и повышения качества газет рекомендовать Ростовскому, Куйбышевскому и Курскому обкомам ВКП(б) создать в газетах «Молот», «Волжская коммуна» и «Курская правда» редакционные коллегии в количестве 5—7 чел. Из числа руководящих работников редакций, укрепив редколлегии квалифицированными и подготовленными товарищами.

Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поручено: совместно с соответствующими обкомами и крайкомами ВКП(б) разработать практические предложения по изменению структуры областных и краевых газет и их штатов применительно к экономике и особенностям каждой области; периодически создавать при управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) семинары редакторов областных, краевых и республиканских газет; разработать и осуществить план издания литературы в помощь газетным кадрам; рассмотреть просьбу редакций газет «Молот», «Волжская коммуна» и «Курская правда» об укреплении их полиграфической базы и в месячный срок выделить необходимое оборудование.

ТАСС обязан улучшить качество передаваемых областным газетам еженедельных международных обзоров и союзной информации и организовать рассылку областным газетам статей по наиболее актуальным вопросам международной жизни, а также очерков о жизни союзных республик, краев и областей.

Пресс-бюро «Правды» предложено улучшить обслуживание областных газет пропагандистскими статьями и обеспечить выполнение заказов редакций отдельных газет на статьи по интересующим их вопросам.

*«Культура и жизнь»,
30 июля 1946 г.*

О СОЗДАНИИ РЕДАКЦИОННЫХ КОЛЛЕГИЙ В РЕСПУБЛИКАНСКИХ, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ ГАЗЕТАХ

Постановление ЦК ВКП(б) от 7 октября 1946 г.

Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление «О создании редакционных коллегий в республиканских, краевых и областных газетах».

Учитывая, что опыт работы редакционных коллегий областных газет «Молот» (Ростов-на-Дону), «Волжская коммуна» (г. Куйбышев)

и «Курская правда», созданных согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 30 июля 1946 года, оправдал себя и что редакционные коллегии явились важным фактором организационного укрепления редакций, ЦК ВКП(б) постановил:

Обязать ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы ВКП(б) создать в республиканских, краевых и областных газетах редакционные коллегии в количестве 5—7 человек из числа наиболее квалифицированных журналистов — руководящих работников редакций. Областные, краевые и республиканские газеты будут по-прежнему выпускаться за подписью редакторов газет.

ЦК ВКП(б) установил, что члены редколлегии республиканских, краевых и областных газет утверждаются соответствующими ЦК партий союзных республик, крайкомами и обкомами партии.

Редакционные коллегии создаются во всех республиканских и краевых газетах и в 25 крупнейших областных газетах РСФСР и Украины.

«Культура и жизнь». 1948, 21 октября.

В.В. ОВЕЧКИН [1905—1968]

Рекорды и урожай

— А в нашем районе золотой звездочки за урожайность никто не получил, хотя кандидаты были. Ну — и к лучшему. Мы очень опасались, что Степаниду Грачеву наградят. Район ее выдвигал. Нет, разобрались — таки там, повыше... Заслуженного человека не отметить — это плохо, конечно, но еще хуже — не по заслугам прославить. Думаете — ему только вред, тому человеку? Возгордится, зазнается? Нет, и нам, другим прочим, — не в пользу. А почему — сейчас поясню.

Я в этом районе родился и вырос. До войны семь лет работал председателем колхоза и, как вернулся по ранению в сорок четвертом, опять заступил в тот же колхоз. Сколько секретарей райкома при мне сменилось — всех помню и могу про каждого рассказать, кто как руководил. И Федора Марковича, нынешнего секретаря, давно знаю. Так себе, не очень дельный работник. Шуму, крику много, а толку мало. Но пыль в глаза пустить умеет. Так вот я и говорю: пока у нас в райкоме Федор Маркович — пусть лучше звездочку никому не дают. И про себя бы так сказал, если б заслужил: не надо, воздержитесь, а то тут из меня святые мощи сделают.

Эта Степанида Грачева — из колхоза «Первое мая». Недалеко, пять километров от нас, соседний хутор. Мы с первوماйцами со-

ревнуемся, часто приходится мне бывать у них, так что знаю я там весь народ и все порядки ихние. Когда-то она была скромная женщина, Степанида, и по работе ничего неправильного за нею не замечалось, не жаловались на нее люди, а как получила на Всесоюзной выставке медаль за свеклу да потом еще дважды наградили ее — испортилась характером. Сама, видно, некрепко на ногах стояла, а тут ее еще и подтолкнули.

Эти награды, я скажу, на разных людей по-разному действуют. Был и у нас в колхозе бригадир-орденоносец, Иван Кузьмич Черноусов. За пшеницу получил орден «Знак Почета». Так наш Кузьмич, когда приехал из Москвы с кремлевского совещания, — сам не свой ходил по селу. Захворал от думок. Зима стояла морозная, а снегу выпало мало, за озимые тревожились, и весна была сухая, ветреная. «Что, говорит, как не возьму по двадцать пять центнеров? Я же обещание дал». Сны ему страшные снились. Будто вызывают его опять в Москву, в Кремль, и на таком же собрании, при всем честном народе, отбирают орден. Аж в уборочную повеселел, когда пошло зерно на весы: по двадцать семь центнеров взял... Погиб под Кенингсбергом.

И Степанида брала новые обязательства после своих орденов. В тридцать девятом году по семьсот центнеров свеклы накопала. Это все правильно, так и полагается — не стоять на месте, а двигаться вперед. Только надо не забывать, для кого и для чего твои рекорды нужны. Если район сеет сахарной свеклы, скажем, тысячу гектаров, а у тебя в звене три гектара, — это же капля в море. Ты одна своим сахаром государство не накормишь. Надо работать так, чтобы и другие прочие могли твой опыт перенять.

Оно, знаете, не только в сельском хозяйстве бывает неверное понятие о рекордах. Лежал со мною в госпитале в Саратове один танкист, шахтер из Донбасса. Много мы с ним говорили о жизни. Я ему про колхозы рассказывал, он мне про Донбасс. И хорошее вспоминали и плохое. Вот он говорит: «Бывало у нас еще и так. Вся шахта выполняет план процентов на восемьдесят, положение незавидное, прорыв, а начальство готовит к открытию партийной конференции или к какому-нибудь празднику тысячный рекорд. Создают одному стахановцу такие условия, каких другие и во сне не видят, приставят к нему целый взвод помощников, он и отвалит тысяч пять процентов нормы. Шуму потом вокруг этого рекорда — больше чем нужно. А пользы, если разобраться, — ни на грош. Во-первых, стахановца, хорошего человека развращают. Во-вторых, вызывают недовольство у рабочих — рабочие-то знают, как было дело. А, в-третьих, сами руководители не тем, чем нужно, занимаются, не туда свою энергию направляют, куда следовало бы напра-

вить». Слушал я этого шахтера и думал: точь-в-точь как у нас в районе со Степанидой Грачевой.

Район наш и до войны был средненький. Областную сводку в газете посмотришь: если не на середке болтаемся, так в хвосте плетемся. Сеяли не в срок, с сорняками плохо боролись, уборку затягивали. Бывало, едет Федор Маркович в область с отчетом, а мы все переживаем за него: вернется ли назад секретарем или, может, не только без портфеля, а и без партбилета приедет домой? От хлебозаготовок до хлебозаготовок жил человек, под страхом божьим, как говорится. Да и сейчас так живет. Оно ж это все, и поздний сев и плохая уборка, все потом боком выходит на хлебопоставках. Надо правду сказать — район-то наш тяжелый. Большой район, земли много, и земли разные: там болота, там пески, в одном месте осушать надо, в другом поливать, что в одном колхозе родит хорошо, то в другом не родит. Но все ж таки, если внимательно к каждому колхозу подойти и правильно народом руководить — можно хорошей урожайности добиться. Только надо подальше вперед посмотреть, за несколько лет вперед. Мелиорацию сделать, землю в порядок привести, севообороты наладить — это не одного дня работа. А Федора Марковича как вызовут в обком с отчетом, так — выговор ему. В другой раз — строгий с предупреждением, в третий — с последним предупреждением. Куда ж ему вперед смотреть? Еще раз едет, думаем: ну, все, отслужил! Нет, опять с выговора начинают.

Вот он, наш Федор Маркович, должно быть, и решил от такой беспокойной жизни хоть отдельными рекордами прикрыть грехи. Понял, в чем тут ему выгода. Хоть упомянут в газете, откуда она родом, та прославленная звеньевая, из какого района, и то ему — отдушина. Как приедет в колхоз «Первое мая», одно твердит председателю — о звене Степаниды Грачевой, чтоб помогали им всячески. В «Завет Ильича» приедет, идет к звеньевой Марине Кузнецовой, — тоже орденом ее наградили, — только с ней и разговаривает — будто больше в колхозах и людей нет, и дела нет другого, и никаких других культур, кроме сахарной свеклы, не сеем мы.

Помогать таким людям, конечно, нужно. И я нашему Черноусову помогал больше, чем другим бригадирам. Чтоб уверовали колхозники, какую урожайность можно взять от нашей земли, если сделать все, что наука советует. Но можно так «помочь», что тот человек, ежели здравого рассуждения не потерял, и сам после не скажет тебе спасибо за твою помощь. Если несколько лет изо дня в день хвалить да хвалить человека и ни слова не сказать ему об ошибках, недоделках, о том, что жизнь наша не стоит на месте, что все у нас растет и расширяется, а стало быть, и обязанности наши расширяются, — и стахановец может заостенеть душой.

Что такое есть соревнование в колхозах? Это значит — каждый человек хочет лучше других свою работу выполнить, хочет свое лицо показать. Стало быть, надо всем давать простор. Если ты передовик — подтягивай отстающих, это самое главное. Если изобрел что-нибудь новое — всем Расскажи и помоги твой опыт перенять. А так жить, как раньше жили единоличники — лишь бы мне было хорошо, а у соседа хоть пожаром гори, — так нельзя, это не по-колхозному... Был у нас когда-то на хуторе «культурный хозяин» Игнат Бугров. Опытное поле держал, чистосортные семена выводил, новые культуры сеял, а ни бубочкой ни с кем не поделаялся. Завел тонкошерстных овец «рамбулье», — тогда они у нас еще в редкости были, — ни одной ярочки мужикам на племя не продал, только валашков продавал, на убой. Зайдешь, бывало, к нему в сад — ветки ломаются от фруктов, сливы, абрикосы — в кулак величиной; сорвет одну—две, угостит, а косточки — отдай. Арбуз гостям разрежет — все семечки соберет и в мешочек спрячет — чтоб не унесли. Ну нам сейчас такой обычай ни к чему.

Я считаю, если б правильно была поставлена у нас работа со стахановскими звеньями, то их в районе бы уже сотни были. А то ведь как получается, хотя бы с той же сахарной свеклой: у Грачевой урожайность из года в год шестьсот—семьсот центнеров, а в колхозе — сто двадцать, сто. А по району в среднем посчитать — и того меньше. Будто ножом отрезано — это рекордных звеньев участки, а это — других прочих. Отчего такая разница? Оттого, что не всерьез взялись за дело, а лишь для вывески, для показа. Чтоб и у нас было на вид, как у людей: есть, мол, в районе электростанция, есть кино, футбольная команда, еще есть то-то и то-то, и знатных стахановцев имеем полдесятка, или сколько там положено их иметь. Оно-то никем ничего не положено, никто тут нормы нам не устанавливал, но знаете же, как бывает, если формально к делу подойти...

Но Грачеву сейчас просто жалко смотреть, как вспомнишь, какой она была. И жалко и досадно, что человека испортили. Не так на нее досадно, как на руководителей районных. Была простая тетка, колхозница, боевая баба, беспокойная, вожак настоящий, а стала — чиновница. Она-то и сейчас боевая на язык, никому спуска не даст, затронь только, председатель колхоза как огня ее боится, но уже не туда она гнет. Свою выгоду лишь защищает.

Как прославили ее знатной стахановкой, мастером высоких урожаяев, как зачастили к ней писатели, киносъемщики, академики — у нее и закружилась голова. Стала поглядывать на людей свысока. Вот тут бы ее и поправить с самого начала, невзирая на ее заслуги. Так куда там нашим догадаться! Сверху раз похвалят, а они де-

сять раз повторяют. Назвали клуб в селе именем Грачевой, школу, в которой она когда-то училась, назвали ее именем, портретов с нее всюду повешали, с такими надписями, будто на памятнике: «Вечная слава ударнице полей!», «Гордость нашего района» и так далее. Додумались даже — прикрепили к ней секретаря, одну ученицу из десятилетки, чтоб писала за нее статьи в газеты, на письма отвечала и приезжих принимала, когда ей некогда. Звеньевая с личным секретарем — как председатель облисполкома! И она быстро этак вошла во вкус. Поставила в прихожей диван, графин с водой — вроде как приемная, а горница — то ее кабинет. Придут к ней люди — по двое—трое в горницу не пускает, пока с одним разговаривает, те сидят в приемной, очереди ожидают. Откуда она этого набралась? Побывала в области на слетах, походила там по учреждениям — оттуда, что ли, переняла? Телефон к ней на квартиру провели. Если нужно чего из района передать в колхоз, звонят ей, только с нею и советуются, ее спрашивают о положении в колхозе, через нее и все распоряжения делают, а она уже председателю их передает. Короче сказать — возомнила она себя первым человеком в колхозе и так стала командовать председателем, будто весь колхоз только для того и существует, чтобы на ее рекорды работать. Не она, с ее рекордами, для колхоза, а колхоз для нее.

Нужно ей, скажем, лишний раз прополоть свеклу — председатель, по ее приказанию, снимает людей с других работ и посылает к ней на помощь. Напали вредители на плантацию, надо быстро борьбу с ними провести — опять из других бригад и звеньев у нее люди работают, хотя в тех бригадах тоже свои посевы есть и такие же вредители их портят. Так то считается — рядовой посев, а у нее — показательный! Если подсчитать трудодни, хотя бы за прошлый год, во сколько обошлась обработка ее плантации, так там только половина трудодней ее звена, а половина — приходящих колхозников. Это уже нехорошо, нечестно. Так же и минеральные удобрения, и тягло, и все прочее — все ей идет в первую очередь. Но другие звенья тоже ведь не отказались бы лишний раз подкормить, прокультивировать?.. И Федор Маркович смотрит на все это сквозь пальцы. И ее самое совесть не мучает. Потому что — успокоилась.

А этого сейчас уже недостаточно — показывать колхозникам рекорды с малой площади. Этому они уже верят — что земля наша способна вдвое, втрое больше родить. И про тысячу центнеров свеклы с гектара слышали и про семьсот пудов кукурузы слышали, читали. Разве только лишь какой-нибудь столетний дед станет возражать против науки. Теперь надо такую агротехнику показывать, чтобы всякому звену была доступна. Расширять надо дело, не успокаиваться.

Вот она едет, Степанида Грачева, на слет стахановцев в район или в область и знает наперед, что выберут ее там в президиум, посадят на самое почетное место, все пойдет чинно, гладко, все ораторы будут о ней говорить, хвалить ее. И больше ничего не ожидает. А если бы ее там спросили вдруг: «Как же так, Степанида Ивановна, получается, такой большой опыт накопила ты по сахарной свекле и терпишь, что рядом с тобой у других прочих по сто, по восемьдесят центнеров выходит? Не болит оно разве тебе?» Нет, об этом ее не спрашивают. А надо бы спросить. Надо прямо ей сказать: «Не идут к тебе люди за опытом — призадумайся, почему так получается? Может, сама виновата, оторвалась от массы? Зазнайством своим отпугнула от себя людей? К тебе не идут — ты походи к ним, поправь ошибку, покажи, научи, поругай кого нужно за неповоротливость, но добейся, чтобы все по-твоему стали работать. Что ж ты думаешь — из года в год брать свои рекорды на трех гектарах и на этом покончить? Этим хочешь и славу свою оправдать? Да у нас сейчас, после этой войны, пол-России людей с чинами, орденами. Если б каждый подумал: ну, все, достиг своего — так и жизнь бы остановилась».

...Вот так мы здесь урожайность повышали. Каждый год одни и те же люди у нас славятся, одни и те же колхозы впереди идут, а кто до войны отставал, тот и сегодня отстает. Потому я и говорю, что если б присвоили Грачевой звание Героя — толку мало было бы. Пошумели бы лишний раз, и все.

А вот как дали мы нынче обязательство, какой урожай должны собрать в сорок седьмом году — за весь район дали, за всю посевную площадь, и цифры назвали по всем культурам и во всех газетах наше обязательство напечатали, то теперь будем думать, как его выполнить. И людей будем искать. Не на одного человека будем опираться, сотни таких передовиков найдем, что поведут за собой массу. А это вернее будет, когда вся масса поднимется. Это урожаем пахнет, а не рекордами.

Да вот еще — если бы обком больше внимания обращал на наш район. С Федором Марковичем, я считаю, надо так поступить: либо заменить его другим человеком, — первый секретарь райкома — это же первая голова в районе, самая умная голова! — либо как-то подбодрить его, дух поднять. Сказать ему прямо: работай уверенно, не бойся, что снимут тебя, не поглядывай за ворота. Будешь проводить тут посевные и уборочные до старости, пока и внуков поженить. Ремонтируй дом, который тебе дали, садик сажай, по-хозяйски; в общем — устраивайся. И в колхозах наводи порядок по-хозяйски. Не на день и не на два, а на годы. Не заглаживай по верхам, лишь бы лоск показать, а глубже вникай в колхозную жизнь,

коренные вопросы решай, мозгами, в общем — пошевеливай. Тогда, может, и он лучше станет работать. Может, тот же самый Федор Маркович совсем иначе дело поведет.

*Правда. 1947. 27 апреля
(под заглавием «Дума об урожае»)*

РАЙОННЫЕ БУДНИ

На переднем крае

1

Был один из последних дней осени, может быть, последний день. Вчера и позавчера еще показывалось солнце. В затишке, в балках, на крутых склонах, где косые лучи падали отвесно к земле, даже пригревало. Зеленая озимь, слегка присушенная утренниками, еще тянулась к солнцу. В голых рощах щебетали птицы — запоздалые перелетные стайки щеглов, зябликов. Хрупкий стрелчатый ледок у берегов речек к полудню бесследно растаивал. Еще носилась в воздухе паутина, кружились над бурьянами мошки. К ветровому стеклу машины прибило бабочку.

А сегодня с утра подул резкий северный ветер. Все замерло в полях и рощах — ни птичьего голоса, ни пастушьего окрика. Лишь мыши-полевки сновали в сухой траве, торопясь натащить в норы побольше корму. Тяжелые тучи низко стлались над землею. Вот-вот повалит снег, закружит его метелью по полям, ударят морозы...

На краю недопаханного загона стоял гусеничный трактор, «натик», как его называют ласкательно трактористы, возле него — два человека.

— Подверни к ним, — сказал Мартынов шоферу.

«Победа» съехала с дороги на жнивье, остановилась.

— Здорово, седовцы! — сказал Мартынов, выйдя из машины.

Два молодых парня, тракторист и прицепщик, грелись с подветренного бока трактора, возле не остывшего еще мотора.

— Здравствуйте.....

— Почему мы седовцы, товарищ Мартынов? — спросил тракторист, круглолицый, маленького роста парень, с плутоватыми черными глазами, Костя Ершов.

— Ваш трактор похож сейчас на ледокол в Арктике. Затрет его льдами, и останется здесь на зимовку.

— Пятнадцать гектаров нужно допахать, — сказал Ершов. — Все машины ушли в МТС, одни мы вот с Кузьмой страдаем тут.

— А почему стоите?

— Горючее кончилось. Развозку ждем. Мы уж давали сигнал. — Тракторист поднял с земли длинную жердь-веху с насаженным на конец снопом сухого бурьяна. — Вон выезжает из села.

— А я думал, скажешь: ждем, пока мотор остынет, карбюратор будем перетягивать, — произнес Мартынов. — Помнишь, на уборке проса я к вам приезжал?

— Помню, — вильнул глазами в сторону Ершов. — То я тогда пошутковал.

— Испытывал секретаря райкома: понимает ли он чего-нибудь в технике?..

Мартынов прошел по пахоте, нагнулся, порылся в борозде, и теплое чувство, с которым он подъехал к этим «зимовщикам», допахивавшим последние гектары в последние часы перед снегопадом, вдруг исчезло.

— Подо что пашете? — спросил он.

— Не знаем, товарищ секретарь, — ответил, пожав плечами, улыбаясь, тракторист. — Наше дело маленькое. Скажут паши — пашем, боронуй — боронуем. А что тут будет колхоз сеять — то уж ихнее дело.

— Ты разве не колхозник?

— Колхозник.

— Как же ты не интересуешься своим хозяйством? Не знаешь, что будете здесь сеять?.. И ты не знаешь? — обернулся Мартынов к прицепщику.

— Знаю, — ответил прицепщик, Кузьма Ладыгин. — И он знает. Чего зря болтаешь, Костя? Было сказано председателем: под свеклу пойдет эта земля.

— Под свеклу?.. Что же вы делаете? Нужно на тридцать сантиметров, а тут, — Мартынов еще раз нагнулся над бороздой, смерил пальцами глубину, — пятнадцати сантиметров нет.

— Я уже ему говорил, — сердито поглядел на улыбавшегося тракториста Ладыгин. — У него батька кузнец, а мать доярка, в поле не ходят. А у меня мать и сестренка на свекле работают. Может, как раз им тут и участок отведут. Заработаю сахару — на два раза семейством чаю попить. Полны руки мозолей тут заработают, больше ничего!..

Тракторист молчал. Улыбка сходила с его круглого, толстощекого, загорелого лица.

— Как же ты, Ершов, так рискуешь? Ведь будут принимать участок, забракуют, заставят перепахать — горючее за твой счет... —

Мартынов оглядел загон. — То вчера пахал? Там, видно, глубже. А это сегодня, с утра? Поелозил плугом.

— Он вот на что рассчитывал, Петр Илларионыч, — сказал шофер, подходя к Мартынову и указывал рукой на тучи. — На снежок.

— Не успеют принять пахоту — пойдет снег, закроет все грехи?..

— Машина не тянет, товарищ секретарь, — стал оправдываться тракторист. — Компрессии нет. Сколько уж работаю без ремонта!

— Вчера еще тянула, сегодня не тянет?..

Ершов сдвинул шапку на лоб, поскреб затылок.

— А зачем глубоко пахать, товарищ секретарь? Мы вот читали давеча в газете: один лауреат в Сибири совсем без пахоты сеет и хорошие урожаи собирает.

— Мальцев?.. — Мартынов пристально поглядел на тракториста: дурака валяет или в самом деле так превратно понял агротехнику уральского колхозника-ученого Терентия Мальцева? — Во-первых, Мальцев не совсем без пахоты сеет. Не ежегодно, но пашет. И когда пашет, то глубоко, сантиметров на пятьдесят. Во-вторых, что он сеет на непаханом поле? Пшеницу, ячмень. А здесь будет свекла. Корнеплоды. Им нужна рыхлая почва. И у нас, Ершов, кой-какие поля можно не пахать. Хорошее свекловище, например. Чистое поле, сорняков нет, обрабатывали его культиваторами — тот же черный пар. Зачем его весной перепаживать? Заборони и сей пшеницу. Понятно? Где не нужно, не паши совсем. А где нужно, паши как следует.

— Это мне-то говорите «не паши совсем»? Ого! Да какие же я на это права имею?..

— Ты хозяин этих полей. Ты же колхозник.

— Хозяин?.. — Ершов порылся в кармане, достал щепоть табаку и обрывок газеты, свернул толстую, в палец, сигарку, закурил. — Вон в колхозе «Новая пятилетка» бригадир один посеял в прошлом году наволоком по свекловищу тридцать гектаров — и судили человека. А урожай вышел — двадцать пять центнеров. А где перепажали свекловище — по десять. Стали убирать, колхозники ему говорят: «По-давай на пересуждение». Подал, да что-то не слышать до сих пор — оправдался ли? Вот так-то всыпают нашему брату хозяевам!..

Мартынов внимательно выслушал тракториста.

— Пойдем-ка вон туда, под скирду, посидим. Там теплее.

Тракторист, прицепщик, шофер и Мартынов сели в затишке на соломе.

— Послушай, Ершов. Неужели ты не заинтересован в том, чтобы ваш колхоз собирал высокие урожаи?

— Почему не заинтересован? Заинтересован...

— Зачем же безобразничаешь?..

Тракторист молчал.

— Да от свеклы-то ему интересу мало, ее по трудодням не дают, — сказал шофер. — А вот вы спросите, Петр Илларионыч, про хлеб. Есть ему расчет стараться, чтоб колхоз получил хороший урожай зерновых? Вот, к примеру, возьмем уборку. Какую пшеницу ему выгоднее убирать — где десять, скажем, центнеров, или где тридцать?

Ершов ухмыльнулся:

— Конечно, где десять центнеров — выгоднее.....

— Ну-ка объясни, почему?

— А тут и объяснять нечего. Неграмотная бабка поймет... Комбайнер от умолота получает, а я — тракторист, таскаю комбайн, мое дело — гектары вырабатывать. На редком хлебе комбайн лучше работает, пошел и пошел без задержки! Перевыполняю норму, прогрессивку мне начисляют. А как заехали на такой участок, где тридцать центнеров, пшеница стеною стоит, комбайн на полный хедер не берет — вот тут и завязли! Полноремы не выработаешь. Да пережог горючего. Да если еще дождики, поляжет хлеб. Труба!..

— Да-а, — протянул Мартынов. — Десять выгоднее убирать, чем тридцать? Интересно... А пять еще выгоднее?

— Как сказать... Оно-то нам разный минимум установлен. И по два и по три килограмма на трудодень дают. Хороший хлеб — по три, похуже — по два. Так на плохом хлебе я больше трудодней заработаю. Опять же так на так и выйдет.

— Рассчитал?

— Рассчитал! — усмехнулся шофер. — Юрист!..

— Оно, если разобратся как следует, — сказал прицепщик, — так и комбайнеру невыгодно очень хороший урожай убирать. На среднем хлебе он за то же время больше зерна намолотит.

— Факт! — подтвердил шофер. — На среднем хлебе у него все нормально идет, никаких задержек, а где тридцать центнеров, молотилка не перерабатывает — поломки да простои.

Мартынов долго молчал и вдруг крепко, с непечатым загибом, выругался.

— Дошло, Петр Илларионыч? — спросил шофер.

— Дошло, — ответил Мартынов. — И раньше об этом знал, но как-то не доходило до сердца. Куда же мы идем? Что за организация труда, при которой трактористу невыгодно выращивать высокие урожаи? В Министерстве сельского хозяйства думают об этом? Тысячи специалистов изучают колхозную жизнь. Сколько диссертаций написали, брошюр выпустили об организации труда в МТС и колхозах!.. Погоди, Ершов, давай уж проверим все до тонкости. Неужели так-таки нет у вас никакой заинтересованности в урожае? Два—три килограмма зерна на трудодень — это ваш гарантирован-

ный минимум, это вы получаете при любых обстоятельствах. Но если в колхозе вышло больше, по четыре—пять килограммов, — и вам дадут по столько же.

Ершов и Ладыгин засмеялись.

— Чего смеетесь?

— А было ли, товарищ Мартынов, в нашем районе за все время после войны, — сказал Ершов, — чтоб дали в каком-то колхозе по пять килограммов?

— При Борзове у нас все колхозы под одну гребенку причесывали, — сказал Ладыгин — Где и двадцать центнеров урожай, так заставят за отстающих выполнять хлебопоставки. Что же вы, не работали с Борзовым, не знаете? Вот мы, прицепщики и трактористы, и не верим теперь, что можно больше минимума получить.

— А вот на Кубани, Петр Илларионыч, — повернулся к Мартынову шофер, — иначе дело поставлено. Брат мой там учительствует. Часто мне пишет. Ни колхозы на МТС не обижаются за их работу, ни трактористы на колхозы — за обслуживание. Как-то согласованно у них идет. Вот там верят трактористы, что можно больше минимума получить! И по пяти и по шести килограммов на трудодень дают в колхозах. Кадры, что ли, там лучше?

— А может, Василий Иванович, ответил Мартынов, — и на Кубани еще больше бы урожаи собирали, если б иначе оплату труда трактористов организовать?.. Что — Кубань? А у нас, в средней полосе, мало разве хороших МТС и колхозов? Но надо, чтоб они все стали хорошими!

...Подъехала горючевозка. Ершов с прицепщиком заправили баки, запустили мотор, установили плуг на нужную глубину. Машина нетяжело тянула плуг, мотор работал даже не на полный газ. Мартынов зло поглядел на тракториста.

— Нет, Ершов, не прощу тебе этого! — крикнул он, идя по жнивью рядом с трактором. — Совесть, брат, все же нужно иметь! Пришлю сюда председателя колхоза. Пусть составит акт. Не успеешь перепахать — трудодни спишут.

Ершов сделал вид, будто запорошило глаз, отвернулся, стал вытирать вспотевшее лицо черным, как его замасленная стеганка, платком.

С беспокойной душой ехал Мартынов дальше по опустевшим, притихшим, ожидавшим с часу на час зимы полям.

«Что ж это, стоять над каждым трактористом? — думал он. — Ковыряться в бороздах, проверять «компрессию», заглублять плуги? Нет, так дело не пойдет. Таких Ершовых ничем, видимо, кроме

рубля и килограмма, не прошибешь... А ведь это передний край — машинно-тракторные станции! Здесь урожай делается! От одного тракториста зависят судьбы сотен людей. Он может и завалить зерном амбары, может и без хлеба оставить колхозников. Как ни удобряй, ни подкармливай, а вот такой «юрист» вспашет тебе — не вспашет, поцарапает почву, — ну и жди урожая с этого поля! От козла молока!..

Конечно, нельзя рассчитывать лишь на совесть. Надо систему оплаты труда перестраивать. Как перестраивать? Подумать надо. Неужели нельзя найти такие формы — чем выше урожай, тем больше все получают по трудодням?.. Надо написать в обком. Не любят у нас в обкоме тревожных писем. Скажут: растерялся молодой секретарь, другие работали при тех же порядках, а ему вишь, подавай какие-то реорганизации.

А вот это я ему, Ершову, глупость сказал: «Где лучше бы не пахать — не паши совсем». Кому сказал? Рядовому трактористу. Не всякий и председатель колхоза решится на такую «самостоятельность»... У нас — свекловище, а на юге вот площади из-под кукурузы, подсолнухов. Так называемый «зеленый пар». Умный хлебороб никогда не перепахивал «зеленый пар», хорошо обработанный, конечно. Уничтожены сорняки. Задержана влага, не нужно эту почву больше тревожить. Уберет бодылки, очистит поле, пустит боронку и сеет пшеницу. В любой год будет выше урожай, а в засушливый — вдвое выше, чем по зяби. Но попробуй-ка сейчас председатель колхоза посеять по зеленому парам «наволоком»! Не успеет еще взойти пшеница, еще неизвестно, кто прав, этот ли председатель, опытный хлебороб, или те канцеляристы, что посевные инструкции сочиняли, а у прокурора уже «дело» на него — за нарушение агротехники. Точно так, как с этим бригадиром, что Ершов говорил! Если мы, районные работники, простим «нарушителя» — нас взгреют. Посмотрят по сводке — сев на сто процентов, а план весновспашки не выполнен. «Каким же вы чудом посеяли? Что-то у вас, друзья, концы с концами не сходятся... А ну, подать сюда ляпкиных-ляпкиных!»

Иногда мы так уж подробно расписываем в своих инструкциях и резолюциях: когда сеять, как сеять, как убирать, точно боимся, что колхозники без наших указаний не смогут и лошадь правильно в телегу запрячь. Будто не с хлеборобами имеем дело. Себя трагично трагично на мелочи и разумную инициативу людей сковываем. Если не верим в способности председателя колхоза или директора МТС — не нужно держать таких. Сельское хозяйство требует гибкости, смелости, находчивости. Здесь, как в бою, приходится прямо на поле

принимать решения. Год на год не похож. Заранее, из кабинетов, всего не предусмотреть. То ранняя весна, то поздняя, то засуха, то дожди заливают. Вот, скажем, затяжные дожди срывают уборку. А попробуй пустить жатки на участки, закрепленные за комбайнами! «Антимеханизаторские настроения!» Хотя всем ясно, что в такую погоду нужно бросать все, не только жатки — и косы, и серпы — на спасение урожая!

У нас не так, как в промышленности: закончен рабочий день, и можно итоги подвести, продукция налицо. Хлебоборб целый год работает, пока сможет свою продукцию показать. В деревне цыплят по осени считают. И надо бы не торопиться объявлять нам выговоры за «нарушения». Терпеливее надо относиться к таким «нарушениям», когда люди хотят сделать лучше, чем предписано. Надо ругать или благодарить за урожай, а не за одну какую-то выхваченную из целого сельскохозяйственного года «кампанию»...

Самый страшный враг у нас сегодня — формализм, — думал Мартынов, откинув голову на спинку сиденья, закрыв глаза. — Эх, брат, Петр Илларионыч! Если хочешь по-настоящему поработать в этом районе, а не поденщину отбыть — трудно тебе придется! Много у этого самого формализма разветвлений. Формально руководить — отстающие колхозы не вытянешь. Напиши хоть сотню резолюций: «указать», «обязать», «предложить». Мелочным опекунством не заменишь настоящей заинтересованности колхозников в хорошей работе... А судьбы колхозного урожая в руках механизаторов. Но им, оказывается, выгоднее вырастить десять центнеров, чем тридцать. Вот где узел! Отсюда надо начинать распутывать. Собрать бы коммунистов-механизаторов в райком, поговорить с ними...»...

— Дремлете, Петр Илларионыч? — спросил шофер.

— Нет, — открыл глаза Мартынов. — Так, задумался...

— Снег идет.

Мартынов приоткрыл окно, чтобы выбросить погасший окурочек. В щель со свистком ворвался ветер. В полях потемнело. Снег валил крупными хлопьями.

— Рассчитал Костя, химик! — сказал шофер. У него было два слова, которыми он определял высшую степень хитрости: «юрист» и «химик». — В точку! К утру всю землю забелит, никто уж не будет в его бороздах копаться.

— Нет, Василий Иванович, — ответил, помолчав, Мартынов. — То, чего мы не доделаем, никакой снег не забелит. Ни снег, ни бумажки-сводки. Придет лето — урожай покажет, как мы поработали.

Правда. 1953. 20 июля

Глава VI

ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 50-х — СЕРЕДИНЫ 80-х годов

25 февраля 1956 г. вошло не только в отечественную, но и в мировую историю. В этот день на закрытом заседании XX съезда, первого после смерти И.В. Сталина, с докладом «О культе личности и его последствиях» выступил Н.С. Хрущев. «Съезд выслушал меня молча, — вспоминал он впоследствии, — как говорится, слышен был полет мухи. Все оказалось настолько неожиданным. Нужно было, конечно, понимать, как делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи. Сколько погибло честных людей, которые были выдвинуты на разные участки работы! Это была трагедия для партии и для делегатов съезда»¹. Во время чтения доклада, свидетельствуют делегаты, некоторые упали в обморок. «Я был потрясен, — признается Илья Эренбург. — 25 февраля стало для меня, как и для всех моих соотечественников, «крупной датой»².

Действие доклада оказалось таким ошеломляющим, что изданный в 1959 г. миллионным тиражом, он не был известен не только рядовым советским гражданам, но и в широких партийных кругах. Мы не можем допустить, чтобы доклад, который мы обсуждаем на закрытом заседании, предостерегал Н.С. Хрущев, попал в печать и дал «оружие в руки наших врагов». Акцентируя внимание на необходимости решительно, «раз и навсегда» искоренить культ личности, говоря о необходимости тщательного пересмотра широко распространенных ложных мнений, связанных с культом личности в области истории, философии, экономики, литературы и искусства, докладчик заключал: «Зло, причиненное действиями, нарушившими революционную социалистическую законность, которые совершались в течение многих лет в результате отрицательного влияния культа личности, должно быть полностью исправлено»³.

¹ Хрущев Н. Воспоминания. — М., 1997. С. 295.

² Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. — М., 1991. С. 452.

³ Хрущев Н. О культуре личности и его последствиях. — М., 1959. С. 61.

XX съезд стал «крупной датой» и отправным пунктом критического переосмысления мировой социалистической практики. «Свергнув Сталина с пьедестала, Хрущев снял вместе с тем «ореол неприкосновенности» вокруг первой личности и ее окружения. Система страха была разрушена»⁴. И это самым существенным образом сказалось на развитии всей советской журналистики от хрущевской «оттепели» до горбачевской перестройки, начавшейся в 1985 г.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ЕДИНЫЙ ПРОПАГАНДИСТСКИЙ КОМПЛЕКС

Э тот, почти тридцатилетний период характеризуется, прежде всего, дальнейшим количественным ростом изданий и их тиражей. Если в 1956 г. выходило 7246 газет разовым тиражом 48,7 млн экз., то к 1985 г. их стало около 8,5 тыс., а тираж превысил 180 млн экз. Впечатляют показатели роста тиража центральных газет: к 1985 г. он достиг у «Правды» — 10 млн экз., у «Известий» — 8 млн., у «Комсомольской правды» — 17 млн, у «Труда» — 18 млн экз. Рост тиража газеты «Труд» оказался самым значительным: в 1962 году он составлял всего 540 тыс. и увеличился, следовательно, в 33 раза!⁵.

Газетно-журнальный информационно-пропагандистский комплекс Советского Союза к 1985 г. представляли 13,5 тыс. периодических изданий. Эта были в том числе 40 всесоюзных, 160 республиканских, 329 краевых, областных, окружных, 711 городских, 3020 районных, 3317 низовых, 97 газет автономных республик и областей. Газеты издавались на 55 языках народов СССР и 9 языках зарубежных стран.

Из вновь созданных газет особого внимания заслуживают «Советская Россия» (1956), «Социалистическая индустрия» (1969), «Литература и жизнь» (1957, с 1963 — «Литературная

⁴ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. — М., 1991. С. 455.

⁵ Все цифровые данные приводятся по сообщениям центральных газет и справочной книге «Газетный мир» (М., 1971).

Россия»), еженедельник «За рубежом» (1960; до войны выходил под редакцией А.М. Горького — с 1932 по 1938 г.), массовая республиканская «Рабочая газета» (1957 г., издававшаяся в Киеве на украинском и русском языках), «Книжное обозрение» (1966) — еженедельник Комитета по делам печати при Совете Министров СССР.

«Советская Россия» начала издаваться как орган Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Газета освещала прежде всего жизнь областей, краев и автономных республик Российской Федерации. Показ развития экономики и культуры РСФСР, трудовых успехов труженников республики — ее основная задача. Газета стала выходить в окружении давно сложившихся центральных газет и редакции пришлось приложить немало усилий, чтобы обрести свое творческое лицо, отличное от других изданий. Редакционному коллективу удалось привлечь внимание читателей такими, ставшими с первых номеров традиционными рубриками, как «Любовь моя, Россия», «С блокнотом по России», «По автономным республикам и областям РСФСР», «Таланты России». Фотоэтюды и зарисовки о русской природе, рассказы о скульпторе Вучетиче, о создателе Останкинской телебашни Никитине, о певице Людмиле Зыкиной, а также печатавшиеся под рубрикой «В субботний вечер» страницы для семейного чтения — все это определило успех газеты, тираж которой уже в первый год составлял 1 млн, а к 1972 г. превысил 3 млн экз.

Сумела найти путь к читателям и самая молодая центральная газета «Социалистическая индустрия», рассчитанная на рабочих, инженерно-технических и научных работников промышленного производства и строительства. Сообщения о новинках науки и техники в СССР и за рубежом, необычные передовые статьи под неизменным заглавием «Слово к читателю», еженедельный «Воскресный спутник читателя», посвященный внепроизводственной жизни заводских и фабричных коллективов, постоянные советы юристов «В цехе справок», поиск лучших форм подачи и оформления материалов обеспечили газете достойное место в союзной газетной периодике.

В рассматриваемый период появлялись не только новые газеты, но появился и новый тип печати — колхозные многотиражки. К 1966 г. их было создано свыше 1400, но к 1985 г. осталось не более 500 изданий.

Развитие газетной периодики характеризуется значительной реорганизацией отдельных центральных изданий. Нельзя не отметить преобразования некоторых из них в органы ЦК КПСС. С марта 1960 г. органом ЦК КПСС стала «Экономическая газета», с апреля этого же года «Сельская жизнь», с августа 1972 — «Советская культура». В постановлениях о преобразовании этих газет в органы ЦК КПСС подчеркивалось, что они «призваны вести активную борьбу» за осуществление политики партии в развитии народного хозяйства, исходить в пропаганде вопросов культуры «из ленинских принципов партийности художественного творчества».

Заметным событием в газетной периодике стал перевод в 1960 г. на вечерний выпуск газеты «Известия». Одновременно при газете возникло еженедельное иллюстрированное приложение «Неделя», быстро завоевавшее признание читателей. Об этом свидетельствует двухмиллионный тираж и распространение «Недели» в 93 странах мира. Весьма популярными стали и возникшие в это время приложения к «Советскому спорту» — «Футбол» (1960, с 1967 — «Футбол-Хоккей»), шахматно-шашечное приложение «64» (1968).

Существенные изменения претерпевала районная печать. В 1962 г. в связи с созданием территориально-производственных колхозно-совхозных управлений прекратилось издание около 3000 районных газет, взамен которых стали выходить газеты территориально-производственных управлений. В 1963 г. число районных газет продолжало сокращаться, осталось всего 20 изданий. В 1965 г. с упразднением производственных колхозно-совхозных управлений районные газеты были восстановлены.

Значительно развилась журнальная периодика: ежегодное пополнение журналов и изданий журнального типа составляло 30—40 новых названий. Среди вновь созданных следует выделить журналы: «Аврора» — общественно-политический и литературно-художественный орган ЦК ВЛКСМ, Союза писателей РСФСР и Ленинградской писательской организации (1969), «Человек и закон» — орган Министерства юстиции СССР (1971), достигший к 1985 г. десятиmillionного тиража, «Вопросы литературы» (1957), «Вопросы истории КПСС» (1957), «Советская печать» (1955, с 1967 — «Журналист»; до Великой Отечественной войны выходил под названием «Большевистская

печать» — (1933—1941 гг.). С февраля 1984 г. стал выходить приложением к «Комсомольской правде» журнал «Собеседник» — первое в нашей стране журнальное иллюстрированное издание в цвете.

Среди журналов появились издания, включающие документально-хроникальные и художественные звукозаписи на гибких грампластинках. Первым таким необычным изданием стал «Кругозор» — общественно-политический и литературно-музыкальный ежемесячник Государственного комитета СССР по радиовещанию и телевидению (1964). В «Кругозоре» о том или ином герое можно было не только прочитать, увидеть на фото, но и услышать его голос на пластинке. Страницы журнала сделали достоянием читателей записи известных общественных деятелей, ученых, артистов, писателей, поэтов. С 1968 г. в качестве приложения к «Кругозору» стал выходить детский журнал «Колобок».

Впечатляют общие данные развития журнальной периодики. В 1956 г. насчитывалось 2500 журналов и изданий журнального типа, годовой тираж которых составлял 420 млн экз., в 1984 г. их стало в два раза больше — 5070, а тираж возрос более, чем в восемь раз, достигнув 3,5 млрд экз. Самые крупные тиражи из журналов к 1985 г. имели «Здоровье» — 16,6 млн, «Работница» — 16,1 млн, «Крестьянка» — 14,6 млн экз. Возрос тираж партийных журналов: «Коммунист», «Партийная жизнь», «Агитатор» и «Политическое самообразование» имели общий тираж свыше 6 млн экз.

Все больший размах приобретала деятельность радиовещания и телевидения. Радиовещанием к 1985 г. практически была охвачена вся территория СССР, телевидением — 93% населения страны.

Центральное (Всесоюзное) радиовещание вело передачи по десяти программам и их дублям. Первая — основная общесоюзная информационная, общественно-политическая, культурно-образовательная, художественная программа с 1980 г. стала вести передачи с учетом часовых поясов. Впервые дубли программы для слушателей различных регионов страны совпали с дублями первой программы Центрального телевидения. «Радио» — Орбита-1», «Радио — Орбита-2», «Радио — Орбита-3», «Радио — Орбита-4» обслуживали радиослушателей Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Крайнего Севера.

Вторая программа «Маяк», начавшая свою деятельность 1 августа 1964 г., вела свои круглосуточные передачи одновременно для всех регионов страны. В основе ее деятельности — часовой отрезок времени: в начале и середине каждого часа — два коротких выпуска новостей, за которыми следует музыка или другой развлекательного характера материал. С 1978 г. передачи «Маяка» звучат на английском, с 1983 — на французском языке.

Третья программа — литературно-музыкальная. Предназначенная для Москвы и Московской области, с 1 апреля 1982 г. она стала передавать дубль для слушателей Сибири и Дальнего Востока.

Четвертая программа — музыкальная. Она появилась в январе 1972 г., передается на средних и ультракоротких волнах. Половину ее вещания занимают стереофонические записи.

Пятая — круглосуточная информационно-политическая и художественная программа адресуется советским гражданам, находящимся за рубежом.

Все большей популярностью пользовались передачи радиостанции «Юность», позывные которой впервые прозвучали в октябре 1962 г. Привычной для «Юности» стала практика прямого выхода в эфир, оперативная обратная связь со слушателями по телефонным каналам и радиомосты, соединяющие советскую молодежь с зарубежными сверстниками.

Неизмеримо в системе СМИ возросла роль телевизионного вещания, среднесуточный объем которого к 1985 г. возрос до 500 часов. К этому времени вещание осуществляли 115 программных телецентров, из них, включая дубли, более ста в цветном изображении.

В деятельности телевизионного вещания нельзя не отметить таких знаменательных событий, как первые передачи в цветном изображении Останкинского телецентра в октябре 1967 г., переход Центрального телевидения на круглосуточную работу с 1 октября 1976 г., первые прямые передачи из Москвы с помощью спутника-ретранслятора «Экран» для жителей Якутии, Красноярского края и Тувинской АССР в ноябре 1976 г., передачи программы «Время» с сурдопереводом для лишенных слуха телезрителей (1987 г.). В мае 1984 г. «Правда» сообщила, что телевизионные программы из Москвы стали доступны жителям за-

полярной тундры, что на побережье Белого моря действует уже 12 телевизионных станций «Москва».

В 1981 г. исполнилось 50 лет со дня начала телевизионного вещания в СССР. К этой знаменательной дате в стране ежедневно загоралось свыше 75 млн телеэкранов, собиравших 230 млн зрителей, или 88 процентов советских граждан, передачи велись на 40 языках народов СССР, свыше 80 городов транслировали программы в цветном изображении.

В 1984 г. количество телецентров увеличилось до 126, сто из которых готовили передачи в цветном изображении. У советских людей стало 85 млн телевизоров, в том числе 15 млн приемников цветного изображения. Самой популярной для телезрителей стала информационно-публицистическая программа «Время», впервые появившаяся на телевизионном экране в январе 1962 г.

Из года в год возрастало количество изданных книг и брошюр: в 1961 г. их было около 74 тыс., в 1985 на тысячу больше. Зато тираж с 1200 тыс. вырос до 2151 тыс. экз. Поистине грандиозны данные по изданной литературе за 70 лет Советской власти: вышло 3,7 млн книг, тиражом 65,6 млрд экз. на 92 языках народов и народностей СССР и на 73 языках народов зарубежных стран. С 1967 г. по 1977 г. была издана «Библиотека всемирной литературы» — первое всеобъемлющее литературное собрание, не имеющее аналога в мировой издательской практике. В «БВЛ» опубликовано 25800 произведений 3235 авторов, из них 2600 зарубежных писателей — представители литературы 80 стран. Общий объем только вступительных статей к томам составил 270 печатных листов, а объем комментариев и примечаний — более 450 печатных листов. «По существу, — дает оценку «БВЛ» Чингиз Айтматов, — написан коллективный научный труд — многотомная история всемирной литературы»⁶.

Вслед за «Библиотекой всемирной литературы» была издана превысившая 50 томов «Библиотека мировой литературы для детей», в которой помещено более 150 шедевров отечественной и зарубежной классики. Незаурядным событием в издательской деятельности стал выпуск книги «День мира».

⁶ Айтматов Ч. Собор всемирной литературы. Правда. 1978. 21 января.

Впервые под таким названием книга появилась в 1935 г. под редакцией А.М. Горького. В ней рассказывалось о том, что произошло в мире 27 сентября 1935 г. Четверть века спустя редакция «Известий» и журналисты других газет решили в то же самое число, 27 сентября, но уже 1960 г. снова «закинуть сеть в океан жизни», «прощупать пульс земного шара», показать, чем живет мир, что в нем изменилось за минувшие годы. Новый облик планеты предстал в ней не только в информационных материалах, но и зрительно: в книге помещено более полутора тысяч фотографий и иллюстраций.

К 1985 г. в Советском Союзе действовало более 230 издательств, из них около 60 — центральных. Крупнейшими были Политиздат, «Мысль», «Художественная литература», «Молодая гвардия», «Детская литература», «Прогресс», «Искусство», «Колос», «Наука».

В 1961 г. в системе средств массовой информации СССР, кроме ТАСС, начало функционировать Агентство печати «Новости» (АПН), учредителями которого явились Союз журналистов СССР, Союз советских писателей, Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. АПН имел представительства более чем в ста странах мира, издавал за рубежом журналы, газеты, пресс-бюллетени на 45 языках тиражом около 2 млн экз. В 130 странах тиражом около 1 млн экз. выходила на английском, французском, немецком, испанском и арабском языках газета «Московские новости» и на семи языках полумиллионным тиражом ежемесячный иллюстрированный дайджест «Спутник». Ежегодно на русском и на иностранных языках выпускались миллионы экземпляров книг и брошюр, а также вестники АПН «По Советскому Союзу», «Советская панорама», «Новости науки и техники», «Международная информация» для зарубежной и советской печати.

К середине 80-х годов еще больший размах получила деятельность ТАСС, которое располагало 14-ю республиканскими агентствами, имело 6 отделений и 72 корреспондентских пункта в РСФСР. Его зарубежные отделения и корреспонденты передавали сообщения из 110 стран мира.

В мощную творческую организацию превратился созданный в 1959 г. Союз журналистов СССР. В 1984 г. в стране трудилось

100 тыс. журналистов и 6 млн внештатных корреспондентов. Союз журналистов поддерживал связи с журналистскими организациями 66 стран.

ОТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ДО ДЛИТЕЛЬНОГО ЗАСТОЯ

После XX съезда КПСС в условиях начавшегося демократического обновления общества была принята установка на строительство коммунизма в нашей стране. На XXII съезде Н.С. Хрущев заявил, что коммунизм у нас будет построен при жизни одного поколения. Началось интенсивное форсирование развития промышленности: за 1959—1964 гг. было построено более 5000 крупных промышленных предприятий. СССР вышел на первое место в мире по добыче железной руды, угля, производству цемента. Развернулось широкомасштабное жилищное строительство, было введено всеобщее 8-летнее образование. В сельском хозяйстве главной целью стало: догнать и перегнать в ближайшие годы США по производству мяса, молока и масла на душу населения.

Средства массовой информации каждодневно сообщали о трудовых успехах советских людей. В июле 1956 г. на строительстве Иркутской ГЭС было завершено перекрытие Ангары, в декабре этого же года начала функционировать первая очередь газопровода Ставрополь—Москва, протяженностью в 1300 км, в октябре 1957 г. Советский Союз осуществил запуск первого в мире искусственного спутника Земли. На страницах газет рассказывалось о втором и третьем искусственных спутниках, о запуске космических ракет, одна из которых в сентябре 1959 г. доставила на Луну вымпел с Государственным гербом СССР, а в октябре публикуются снимки обратной стороны Луны, переданные с борта автоматической межпланетной станции. 1961 г. был ознаменован самым выдающимся событием XX века — первым полетом человека в космос. Его осуществил на космическом корабле «Восток» гражданин СССР Юрий Алексеевич Гагарин. С 30 апреля 1961 г. в течение двух месяцев в «Правде» пуб-

ликуются его заметки «Дорога в космос», которые незамедлительно перепечатываются во многих других изданиях. Со статьями об освоении космоса в течение нескольких лет под псевдонимом «профессор К.Сергеев» выступает в «Правде» академик Сергей Павлович Королев. Его последнее выступление «Шаги в будущее», появившееся в «Правде» 1 января 1966 г., стало своеобразным завещанием выдающегося советского ученого, основоположника практической космонавтики, академика. «Каждый космический год, — отмечалось в статье, — это новый шаг вперед по пути познания сокровенных тайн природы. Наш великий соотечественник К.Э. Циолковский говорил: «Невозможное сегодня становится возможным завтра». Вся история развития космонавтики подтверждает правоту этих слов. Нет преград человеческой мысли!».

Юрий Алексеевич Гагарин

Из других сообщений средств массовой информации следует выделить газетно-журнальные публикации, теле- и радиопередачи о 250-летию Ленинграда (июль 1957), об открытии Выставки достижений народного хозяйства (июль 1959), о вступлении в строй первого атомного ледокола «Ленин», о запуске домны-великана на Новолипецком заводе (февраль 1962).

Конечно, наряду с этим несравненно большее внимание уделяется партийным съездам, конференциям, пленумам, решениям. Особенно широко, изо дня в день пропагандировались решения XXII съезда, принятая на съезде новая программа партии. Редакция «Правды» выпустила шесть целевых номеров, посвященных прозвучавшему в Программе утверждению: «Коммунизм утверждает на Земле мир, труд, свободу, равенство, братство, счастье», материалы которых вскоре вышли отдельной книгой «Великие идеалы коммунизма».

Буровая бригада нефтегазодобытчиков

Развернувшаяся после XX съезда борьба за власть привела к тому, что Н.С. Хрущев становится единоличным лидером, и с ликвидацией коллективного руководства начинается приглушение критики, утрата позиций, завоеванных на XX съезде партии. В итоге в условиях однопартийности, идеологического монизма и единомыслия процессы демократизации не могли не зайти в тупик. Отставание производства продуктов питания и товаров народного потребления от спроса населения, «кукурузная эпопея», хлебный кризис 1963 г., постоянная ломка органов управления, волюнтаризм в управлении народным хозяйством, создали в середине 60-х годов беспрецедентный в нашей истории прецедент «тихого переворота», в результате которого у власти оказалась группа Л.И. Брежнева.

Смена руководства партии и страны произошла на октябрьском (1964) Пленуме ЦК КПСС. Сразу же на мартовском и сентябрьском (1965) пленумах ЦК партии, а затем на XXIII съезде КПСС было заявлено о необходимости преодоления волюнтаристских тенденций и перекосов во внутренней и внешней политике. Были разработаны и стали проводиться в жизнь хозяйственная реформа, крупные программы по освоению новых районов, развитию производительных сил. Это к лучшему изменило в первые годы ситуацию. Рос экономический и научный потенциал страны. Только в 1966 г. было введено в строй 400 крупных промышленных предприятий. В том числе: крупные прокатные станы на Западно-Сибирском и Криворожском металлургических заводах, доменная печь на Магнитогорском металлургическом комбинате, Каширский и Кременчугский нефтеперерабатывающие заводы. «Исполин в строю» — под таким заглавием 26 марта 1970 г. «Правда» сообщала о включении в объединенную электросистему Сибири десятого агрегата Красноярской ГЭС. Самая крупная в мире электростанция достигла запланированной мощности — 5 млн киловатт. Средства массовой информации оперативно сообщают об освоении топливно-энергетических богатств Западной Сибири, о начале промышленной эксплуатации Уренгойского газо-конденсатного месторождения в Тюменской области. Под рубрикой «Адреса свершений» «Правда» публикует очерки о КамАЗе — автомобильном гиганте на Каме.

Были осуществлены и некоторые внешнеполитические акции, упрочившие авторитет нашего государства. Газеты, журналы, радиовещание и телепередачи главное внимание уделяют борьбе за мир, подробно сообщают о созванном в 1975 г. по инициативе Советского Союза Хельсинкском совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе и о многих других мероприятиях по укреплению мира между странами.

В первые годы послехрушевского периода ощутимы стали успехи в экономике: в 1967—1970 гг. все отрасли промышленности стали рентабельными. Возникший в августе 1967 г. известный щекинский эксперимент в октябре 1969 г. был одобрен ЦК КПСС. Его суть заключалась в том, что предприятиям определялся стабильный фонд заработной платы на 1967—1970 гг., а вся экономия этого фонда за счет повышения производительности труда, и соответственно высвобождения части работающих, поступала в распоряжение коллектива. Средства массовой информации развернули широкую пропаганду опыта Щекинского комбината и немало способствовали тому, что с 1967 по 1969 г. число перешедших на работу по методу щекинцев возросло с 30 до 200 предприятий. Движение это однако к началу 70-х годов заглохло, так как темпы роста производительности труда, хотя и сблизились, но зарплата росла гораздо быстрее, чем производительность труда. И в экономике снова последовали провалы, низкое качество продукции, штурмовщина, инфляция, но средства массовой информации все это замалчивали и в полном противоречии с реальной действительностью продолжали восхвалять успехи «развитого социализма».

Страна тем временем все больше погружалась в застой. Небывалый размах получила теневая экономика. Нарастали апатия и равнодушие к общественной жизни, появляется инакомыслие, возникает самиздатовская бесцензурная печать, а некоторые неугодные властям тексты стали уходить на Запад (там издат).

Наибольший размах диссидентское движение получило в 1967—1976 гг. В 1968 г. на Западе вышел роман А.И. Солженицына «В круге первом» и российским писателям пришлось исключить его из Союза писателей. Еще более суровую критику развернули средства массовой информации в связи с выходом

в 1973 г. первого тома «Архипелаг ГУЛАГ» и присуждением его автору Нобелевской премии. В 1974 г. А.И. Солженицын был выдворен из СССР в ФРГ, откуда он впоследствии перебрался в США. В 1975 г. Нобелевская премия была присуждена академику А.Д. Сахарову, которого, лишив трех звезд Героя Социалистического Труда и всех других наград, отправляли в семилетнюю ссылку в закрытый город Горький.

Все это, как и другие суды над известными писателями-диссидентами, сопровождалось безмерными восхвалениями в печати, на телевидении и в радиопередачах Л.И. Брежнева, которому многократно присваивается звание Героя Социалистического Труда, присуждается Ленинская премия, издаются многотомные сборники его статей, выступлений и речей, а его фотографии буквально заплотонили газетно-журнальные страницы. «Удручающее положение, в котором оказалась страна, — читаем в двухтомнике «Наше Отечество» (Опыт политической истории) — вполне ассоциировалось с обликом дряхлевшего руководителя Коммунистической партии и Советского государства. Л.И. Брежнев был утомлен, раздражен болезнями и напуган неожиданно надвинувшейся старостью и немощью. Все это находилось в кричащем противоречии с неимоверным словословием в адрес генсека»⁷.

И все же отечественная история даже периода брежневского правления имеет немало положительного: активное строительство промышленных комплексов (ВАЗ, КамАЗ, «Атоммаш» и др.), проведение экономических реформ, переход преимущественно на экономические методы управления, расширение прав предприятий, новые успехи в освоении космоса (луноход, сотрудничество с США по программе «Союз»—«Аполлон»), принятие новой Конституции СССР, увеличение расходов на науку. Всему этому немало способствовали средства массовой информации, которые обогатились новыми формами и методами массовой работы. В этой сфере работали многие талантливые очеркисты, фельетонисты, репортеры, радио- и телепублицисты.

⁷ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. — М., 1991. С. 528.

НЕШТАТНЫЕ ОТДЕЛЫ, «РАБОЧАЯ ЭСТАФЕТА» И ДРУГИЕ ФОРМЫ МАССОВОЙ РАБОТЫ

Журналисты активно использовали такие, найденные еще в 30-е годы и получившие дальнейшее развитие формы массовой работы как рейды, выездные редакции, анкетирование и др. 24 февраля 1961 г. «Правда» опубликовала материалы первого совместного рейда рабселькоров «Правды» и «Известий». В дальнейшем совместные рейды этих и других газет («Водный транспорт» и «Гудок») стали традиционными.

Особый размах получила анкетная форма работы. В январе 1961 г. «Комсомольская правда» обратилась к читателям с анкетой: «Что вы думаете о своем поколении», на которую было получено 17446 ответов, и не только от рядовых читателей, но и всемирно известных ученых, писателей, общественных деятелей. В 1962 г. авторы анкеты Б.А. Грушин и В.В. Чикин издали эти ответы в виде книги «Исповедь поколения». Немало откликов получал Институт общественного мнения «Комсомольской правды» и на другие анкеты, например, о дружбе и любви.

Анкетная форма стала активно использоваться и другими газетами. «Три вопроса к молодым», так была озаглавлена анкета в «Правде» 23 сентября 1985 г. В ней редакция запрашивала читателей: удовлетворены ли они избранной работой, повезло ли им на хороших людей, были ли у них столкновения с косностью и несправедливостью и как они завершились. «Человеку нужен идеал» — с такой анкетой 5 февраля 1984 г. обратилась к читателям «Советская Эстония». Кто ваш любимый герой, встречался ли он на вашем жизненном пути и чем он вас привлекал, какую роль сыграл в становлении вашего характера — на все эти вопросы редакция получила многочисленные отклики.

Появлялись анкеты, содержавшие вопросы по улучшению содержания и качества изданий. С подобными вопросами многократно обращалась к читателям «Вечерняя Москва», заинтересованно спрашивая, чем их газета привлекает, что в ней не нравится, какие рубрики читатели считают наиболее актуальными, какие новые темы они в газете хотели бы увидеть.

По примеру «Листков ЦКК РКИ» 30-х годов стали издаваться «Листки партийно-государственного контроля». В феврале 1963 г. они впервые появились в «Советской России», затем в «Прав-

де» и других центральных и местных газетах. С декабря 1965 г. они стали выходить как «Листки народного контроля».

Значительный размах получает издание целевых и объединенных номеров газет. Целевые номера посвящались обычно юбилейным датам: 50-летие и 60-летие Советского государства, 50-летие образования СССР, 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Объединенные номера готовились редакциями определенного региона. «Край преображенный» — под таким заглавием 10 октября 1967 г. выпустили объединенный номер редакции газет «Красное знамя» (Владивосток), «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), «Амурская правда» (Благовещенск), «Магаданская правда», «Советский Сахалин», «Правда Бурятии» (Улан-Удэ). Неоднократно объединенные номера выпускали редакции областных и республиканских газет Волжско-Камского региона.

Со второй половины 1950-х годов стали возникать нештатные консультанты и нештатные отделы редакций. Первые такие консультанты появились в ростовской газете «Молот» в 1956 г., а первый нештатный отдел в 1958 г. в газете «Коммунист» (Минеральные Воды). Нештатные консультанты и отделы столь стремительно появлялись и в центральных, и в местных газетах, что ЦК КПСС в своих решениях рекомендовал журналам «Советская печать» и «Рабоче-крестьянский корреспондент» полнее освещать их деятельность, а на местах организовывать для нештатников специальные семинары с привлечением в них рабочих и сельских корреспондентов.

Нельзя не отметить получившую быструю и широкую популярность «Рабочую эстафету», родившуюся на строительстве Нурекской ГЭС (Таджикская ССР) в 1979 г. Название это было предложено бывшим паровозным машинистом, участником кривоносовского движения первых пятилеток, Л.К. Комковым. «Эстафета рабочих, — разъяснял он, — вот смысл соревнования коллективов-смежников. Плоды нашего общего труда будем передавать как бы из рук в руки, так, как мы некогда передавали своим партнерам железнодорожные составы»⁸. Инициаторы почина — нурекчане вначале ставили перед собой довольно

⁸ Черныш Д. Рабочая эстафета шагает по стране//Всесоюзная рабочая эстафета. — М., 1991. С. 346—347.

скромную задачу: установить рабочие связи с ближайшими смежниками, чтобы ускорить строительство электростанции. Однако в скором времени «Рабочая эстафета» объединила всех участников Всесоюзной стройки — ГЭС на реке Вахш, крупнейшей в Средней Азии электростанции, в числе строителей которой были представители 46 национальностей страны, а материалы и оборудование поставлялись из 250 городов Советского Союза. «Рабочая эстафета» единой цепочкой связала всех участников стройки, помогла значительно раньше намеченного срока и с большой экономией средств ввести в строй Нурекскую ГЭС. А в результате «Рабочая эстафета» незамедлительно была взята на вооружение строителями всего Союза. Инициативу нурекчан, благодаря ее постоянной пропаганде в печати, на радио и в телепередачах, раньше других подхватили строители Москвы, Усть-Илимской ГЭС, Ионавского завода азотных удобрений (Литва), турбостроители Харькова, электромашиностроители Свердловска, Ленинграда, Запорожья и многих других городов.

ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНАЯ, ТЕЛЕ- И РАДИОПУБЛИЦИСТИКА

Советская публицистика второй половины 50-х — начала 80-х многое унаследовала от ведущих очеркистов, фельетонистов, репортеров тридцатых годов и послевоенных лет, не говоря уже о писательской публицистике периода Великой Отечественной войны. Постановка острых проблем, глубокое знание материала, высокое художественное мастерство — все это было присуще газетно-журнальной, теле- и радиопублицистике К. Симонова, И. Васильева, Г. Радова, Ю. Смуула, А. Стреляного, Ю. Черниченко и др. Примечательно, что полное равноправие приобрела журнальная публицистика, являвшаяся до сего времени лишь «петитной гостьей» на их страницах.

Заметным событием в истории публицистики стал выход в сентябре 1961 г. книги «Герои наших дней». Аналогичные издания появились и на местах, составленные из очерков, печа-

тавшихся ежедневно и повсеместно после обращения «Правды» в октябре 1960 г. создать книги о передовых людях труда. И хотя многие очерки сильно приукрашивали действительность, появление этих книг и особенно таких очерков как «Небесные братья» Н. Денисова и С. Борзенко о первых космонавтах Ю. Гагарине и Г. Титове, «Игорь Курчатов — академик атомного века» Е. Рябчикова, «Здравствуй Валентина Гаганова» Веры Ткаченко, «Мой современник» Ю. Смуула — свидетельство неустанных творческих поисков ведущих журналистов.

Важным рубежом в истории нашей публицистики стал состоявшийся в марте 1973 г. Пленум правления Союза советских писателей. По решению Пленума при правлении Союза писателей СССР и правлениях республиканских писательских организаций были созданы советы (секции) по публицистике и очерку, было также принято решение об издании ежегодных публицистических сборников «Шаги».

Издающиеся с 1975 г. эти сборники продолжили традицию горьковских альманахов-ежегодников, получавших названия по годам Советской власти: «Год — XVII»... «Год — XXXVII». Выходили они и до и после Великой Отечественной войны, в них публиковались художественные и лучшие публицистические произведения. Замысел составителей — тщательно отбирать из центральных, республиканских, местных газет и журналов наиболее яркие очерки, статьи, путевые заметки, репортажи, чтобы воссоздавалось представление о главных направлениях и о «последних работах», как мастеров, так и наиболее интересных «новичков» очеркового жанра. Издававшиеся редакцией «Известий» сборники «Шаги» представляют своего рода антологию советской публицистики. В них из обширной отечественной периодики представлены такие, запомнившиеся читателям очерки, как «Реконструкция» и «Мастер своего дела» А. Аграновского, «В селе у матери» и «Кубанский прогноз» А. Стреляного, «Безнаказанность» Г. Радова, «Люди и дело» К. Симонова, «Учитель» Ф. Абрамова, «Про картошку» Ю. Черниченко.

С первого же выпуска (1975 г.) постоянными в «Шагах» стали разделы: «Трибуна публициста», «Портреты и силуэты», «Человек и НТР», «Проблемы и размышления», «Очерк и очеркисты». С третьего выпуска появился еще один раздел «СЭВ: люди, свершения, будни», материалы для которого готовила редакция

ежегодника, посылая своих корреспондентов в творческие командировки.

Пользовались читательским спросом и аналогичные «Шагам» очерковые сборники, выпускавшиеся издательством «Современник». В первых ежегодниках «Очерк—79», «Очерк—80» и «Очерк—81» представлена публицистика из газет и журналов РСФСР Е. Богата, Ю. Грибова, А. Злобина, В. Рослякова и др.

Значительно дополняют общую картину публицистики издававшиеся издательством «Советская Россия» книги «Писатель и время», а также сборники очерков отдельных публицистов: «По городам и весям» В. Чивилихина. «Это гудит время» П. Ребрина и др.

Для публицистики второй половины 50-х — начала 80-х годов стало характерным, что очеркисты к явлениям жизни подходили не только как писатели, но, прежде всего, как ученые-экономисты. «Художник, — писал Л.Н. Толстой, — для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтобы его произведение было исканием. Если он все нашел и все знает и учит, или нарочито потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, слушатель сливается с ним в поисках»⁹.

Таким научным поиском отличалась публицистика М. Шагинян. Беспокойная страсть исследователя, мудрость мыслителя проявлялись не только в ее монографиях о Гете (над которой она работала более сорока лет и которая неоднократно издавалась за рубежом), о Тарасе Шевченко, защищенной в 1944 г. как докторская диссертация, но и в небольших по размерам журнальных и газетных очерках. В публицистических произведениях М.С. Шагинян, охватывающих проблемы Урала, Заполярья, Прибалтики, Поволжья, Средней Азии, Крыма, запечатлены и наши промахи, и наши победы. Каждым своим очерком М. Шагинян стремилась принести пользу делу, радость и вдохновение труженику, урок тунеядцу. Писатель-публицист, известнейший стаж которой исчисляется с 1920, а стаж работы в «Правде» с 1922 г., могла с полным правом сказать своим читателям, что за все творческие годы не знала «соскальзывания с простой и прямой дороги чести»¹⁰.

⁹ Толстой Л. Собр. соч. — М., 1935. Т. 54. С. 74.

¹⁰ Шагинян М. Искусство убеждать. Советская культура. 1978. 10 февраля.

Среди публицистических произведений, отмеченных постоянным поиском истины, заслуживают внимания очерки А. Аграновского. Размышляя о том, как надлежит трудиться писателю, публицисту, Л. Леонов настойчиво подчеркивал необходимость работать «на сто процентов», сколько каждому, как говорится, от Бога отпущено, независимо от размеров дарования. Можно сказать, что именно «на сто процентов» выполнял свой труд очеркист А. Аграновский, о чем свидетельствуют его многочисленные книги, в том числе вышедший в 1973 г. сборник «А лес растет», включивший написанное публицистом более чем за 15 лет напряженного труда. К числу лучших следует отнести очерки А. Аграновского «Лукояновский задор» («Известия», 1962, 20 марта), «Своего дела мастер» («Известия», 1977, 16 февраля), «Реконструкция» («Знамя», 1982, № 3).

Очерк «Своего дела мастер» начинается с русской притчи, изложенной, по словам очеркиста, у Достоевского так: «Стоял на дороге камень, огромный, и вышел государев приказ: убрать! А как? Англичане запросили пятнадцать тысяч серебром, потому рельсы нужны, да погрузить, да вывезти паром. Тут мужичонка стоит ухмыляется. Ты, мол, что? «Сто рубликов определите, ваша светлость, сведем камешек». И точно: утром приходят — гладко. А он вырыл яму, «понаперли» «этак на ура», свалили, засыпали и нет камня, как не было». Такой зачин не только сразу заинтересовывает, но и служит раскрытию основной идеи очерка: показать смекалку, мастерство русского человека, на долю которого выпало участвовать на монтаже реактора первой в мире атомной электростанции в Обнинске и стартовой позиции на Байконуре. Герой очерка, в котором «что-то есть», который «не похож на других», а в то же время самой обыкновенной судьбы: и квартира в новом доме обычная, и награды — обычные — «За боевые заслуги» (он воевал) и «За трудовую доблесть» (трудился всю жизнь). Задавшись целью показать обаяние простого, красивого своим трудом человека, очеркист сумел раскрыть подлинную радость творческого физического труда, радость настоящего мастера. Поднимая проблему профессионального мастерства, противопоставляя своего героя еще встречающимся «околоспецам», «подмастерам», «худшей категории работника на белом свете», А. Аграновский делится с читателями своими раздумьями о том, как писать о людях «нравственного и трудо-

вого эталона». Пафос, замечает он, в больших дозах утомителен, красноречие, превышающее средние нормы потребления, вызывает обратное воздействие. «Чем выше дела, тем проще нужны слова, — заключает очеркист. — Мне сейчас нужны самые простые слова».

Самые простые слова нужны были А. Аграновскому и при написании очерка «Реконструкция», в котором тоже ставятся проблемы государственной важности. «Реконструкция», заявляет автор в самом начале своего повествования, вот то слово, которое «в ущерб стилю» придется все время повторять, «реконструкция» — вот дело, к которому пора привлечь самое широкое общественное мнение. Убедительно показывая, какие огромные прибыли дает реконструкция старых заводов, и сокрушаясь, как мало еще выделяется на нее средств, публицист скрупулезно анализирует затронутую проблему, утверждая, что реконструкция — нормальное состояние производства, застой — ненормальное.

Важно заметить, что показывая выгоду реконструкции и то, как еще велики силы, ее тормозящие, автор очерка заявляет: «Тут начинается моя тема». Это авторское «моя тема» вызывает желание глубже вникнуть в содержание очерка, обстоятельнее выявить творческую манеру публициста, сделать определенные выводы для журналистов-практиков. И мы убеждаемся еще раз, какими обширными познаниями нужно обладать, чтобы написать столь проблемный, на научной основе очерк. Промелькнуло сообщение, что в Днепропетровской области на реконструкцию тратится чуть ли не вдвое больше, чем в среднем по Союзу. Иной на это может и не обратил бы внимания, а А. Аграновский с мыслью «стало быть там уже поняли» незамедлительно едет по указанному адресу. Ему необходимо еще и еще раз рассказать о выгоде реконструкции, что на то же количество руды, чугуна, стали повсюду уходит меньше, чем при новом строительстве. Автор берет в расчет (и это чрезвычайно важно) и экономию земли. Он приводит заставляющие задуматься факты: только Днепропетровщина, одна из наших житниц, потеряла за пятилетие с 1976 по 1980 г. около 20 тыс. гектаров. Поля и фермы пришлось потеснить ради заводских корпусов, новых рудников, открытых разработок.

Сказанное существенно дополняет и такая деталь. Летом 1980 г. проходило совещание в ЦК КПСС и в газетном отчете промелькнуло, что после реконструкции Братская ГЭС увеличила мощность на четыреста тысяч киловатт (целый старый Днепргэс). Не будь совещания, признается очеркист, мог бы и пропустить. «И мне стало стыдно, — пишет он, — потому что на строительство в Братск я ведь тоже ездил и перебивала там тьма писателей и журналистов». Приведа еще множество примеров того, как «мизерно мало пишут» о реконструкции, в том числе и известнейших заводов типа ленинградского Ижорского, очеркист подводит читателей к мысли о необходимости ввести не только в плановое русло реконструкцию, но и о необходимости реконструкции психологии журналистов, привыкших со времен первых пятилеток, чтобы им «подавали новизну». Как видим, «своя тема» получила в очерке А. Аграновского, благодаря тщательному изучению проблемы, глубокому ее осмыслению с научных позиций, всестороннее раскрытие.

На подлинно научной основе написаны и многие журнальные очерки А. Стреляного, Ю. Черниченко. В очерке «Про картошку» («Наш современник», 1978, № 6), используя многочисленные сведения из ежегодника ЦСУ «Народное хозяйство СССР», а также многочисленные данные из других источников, Ю. Черниченко показал, что всего три процента усадеб колхозников, рабочих и других групп населения от многомиллионной пашни державы производят шесть десятых сбора картофеля, а коллективные сады, на которые приходится всего одна десятая процента всей пашни, дают пятую часть реализуемых торговой сетью фруктов. Проблема «второго хлеба» — картофеля раскрывается в очерке так глубоко и доказательно, что ни у кого не остается сомнений, что можно «прочно освоить горизонт» в тысячу центнеров картошки с гектара.

Постановкой насущных научных проблем примечательны очерки С. Залыгина «Вода подвижная, вода неподвижная» («Известия», 1984, 19 октября) об искусственных водоемах, о мелиорации, о бездумном, порой наносящем огромный ущерб народному хозяйству затоплении земель, А. Никитина «Третий сектор» («Новый мир», 1984, № 7) о садовых участках, как неотъемлемой части решения продовольственной проблемы.

Рассуждая о публицистике и публицистах, Георгий Радов особо отметил, что успех способствует тому, кто выражает личное отношение к злободневным явлениям, пишет эмоционально. «Когда я читаю безликую статью, непонятно почему именуемую публицистикой, — замечает он, — в которой не чувствуется автор, его темперамент, личная позиция, опыт, когда я вижу, что это написано «со стороны», — я прекращаю чтение. Для меня такой публицист не существует. Совсем иначе относишься к публицисту, в статьях которого всем существом чувствуешь жизненность фактов, не только обнаруженных сейчас, но и таких — для сравнения и сопоставления за которыми он наблюдал много лет»¹¹. Именно всем существом чувствуешь «жизненность фактов» в таких написанных не «со стороны» очерках, как «В селе, у матери» А. Стреляного. Рассказ о родном селе, родной семье, односельчанах ведется в очерке с естественностью самой жизни. Главные герои — мать, сестра, племянник — самая близкая кровная родня. Естественным участником происходящего является и сам автор, которому больше всего хочется показать своим родственникам, что они интересны не только для него. И, действительно, весь очерк, герои которого воссозданы с сыновьей наблюдательностью и юмором, читается с захватывающим интересом. Подкупает подлинностью описание всего происходящего в родном доме. «Когда в село провели радио, — вспоминает очеркист, — и у нас в хате появился черный подсолнух репродуктора (это было году в пятидесятом), мать часто сожалела, что оттуда говорят, а туда ничего не скажешь. Зимними утрами, с кочергой в руках, красная от пылающей соломы, не раз стояла она, бывало, у печи и, надеясь быть услышанной, что-то доказывала невидимому диктору. Это запало мне в память, а через много лет подтолкнуло писать. Я старался ничего не скрывать, только заменил некоторые имена...»¹².

Очерк «В селе, у матери» отличается, прежде всего, своей необычностью. Такой очерк может написать лишь тот, кто не вторгается в жизнь, а живет ею, не от очерка к очерку, но постоянно. Очерк А. Стреляного учит также искусству «беллетри-

¹¹ Сагал Г. Двадцать пять интервью/Так работают журналисты. — М., 1974. С. 136.

¹² Стреляный А. В селе у матери // Шаги. Выпуск шестой. — М., 1980.

зации проблем», что оставалось слабым местом в практике многих очеркистов.

Наиболее острой и в период второй половины 50—80-х гг. оставалась проблема воспитания честности, порядочности, человечности. «Обучать нравственности, — читаем в очерке В. Тендрякова «Совесь за партой», — это по сути обучать умению жить». Подчеркивая, что ни материальная обеспеченность, ни благоустройство быта еще не сделают нас счастливыми, если не научимся уважать друг друга, писатель заключает: «От взаимовы уважения зависит наша сплоченность. Сила человека в общности, нравственность ее цементирует»¹³.

Немало очерков на темы нравственности, морали, героизма у талантливого очеркиста Г. Бочарова. В его произведениях «Что человек может», «Решение», «Непобежденный», «Если говорить о Шукшине», «Выше гор» читатели находят ответ на волнующий многих, особенно молодежь, вопрос: какие условия, как объективного, так и субъективного характера, формируют крупную современную личность.

Глубокое исследование нравственной сути личности проявляется в портретных очерках о тех, кто наделен жадой какой-то обостренной и глубокой духовности, большой эмоциональной восприимчивостью, душевной утонченностью. Такова героиня очерка Е. Богата «Я думаю, я хочу понять...» Ольга Господинова, готовая пожертвовать многим, чтобы попасть на выставку Нади Рушевой и получить хотя бы один фотоснимок с ее работ.

Наиболее остро проблема нравственности, личной ответственности за свое дело прозвучала в статье Г. Радова «Безнаказанность», которая по оценке К. Симонова, по важности поставленных в ней проблем «томов премногих тяжелей». Безжалостно бичует Г. Радов тех, кто ленив, беспамятен, кто непременно что-либо запутывает, обманывает начальство, партнеров, клиентов. Из-за них, гневно пишет публицист, допускаются промахи в хозяйстве и сфере услуг, транжируются деньги, опаздывают поезда, не по адресу попадают грузы, из магазинов вдруг ни с того, ни с сего исчезают либо горчица, либо галстуки, теряются письма, гниют овощи, сдаются недоделанные постройки.

¹³ Правда. 1976. 12 октября.

Первопричина всего этого, подчеркивается в статье — разболтанность, явление поистине нешуточное. Из-за нее, например, акцентирует внимание читателей автор, только в Москве торговля бракует ежегодно более чем на миллион рублей обуви отечественного производства. Добирается публицист и до корней разболтанности. Кто же по его мнению «кормит, поит, обороняет» халтурщиков, чем объяснить их удивительную живучесть? И отвечает — имя питательной среды разболтанности сограждан «Без-на-ка-зан-ность»! Мало того, что безнаказанность ведет к трате выброшенных на ветер миллионов, но что особенно опасно, обладает еще и «воспитательной» функцией, способствует превращению честного человека в «барыгу». Растление душ от безнаказанности опаснее любого материального ущерба, замечает публицист, признаваясь, что и он нередко из-за спешки платил «трешки» и «пятерки» за срочность ремонта парнишке, который делал «все как надо», а потом его «просветили», развратили, превратили в барыгу. И.Г. Радов с болью в душе заключает: «Пишем о чистоте вод, воздуха — оставить потомкам. Но ведь надо передать и чистую нравственную атмосферу. И когда вспоминаю того парнишку, что и с моим участием превратился в барыгу, больно от того, что он станет взрослым человеком, когда меня не будет на свете, а у него появится сын...

Безнаказанность — зло. И заострить разговор о нем менее опасно, чем преуменьшать, затушевывать. Воевать же с ним — обязанность. Перед нашими современниками и перед теми, кто сменит нас»¹⁴.

С таким же чувством ответственности перед теми, кто сменит нас, проблему «человек и его дело» поднимали К. Симонов, И. Васильев. «Люди и дело», называлась статья К. Симонова, напечатанная в «Комсомольской правде» 1 апреля 1973 г. Для одних главное — долг, для других — должность», так начинается статья о том, что все наши успехи зависят от того, как каждый на своем месте работает, занимает ли он свое место, т.е. именно то, на котором может принести наибольшую пользу.

Показывая, что между трудовым путем, который выводит человека на высокие и трудные общественные посты, и между

¹⁴ Литературная газета. 1973. 21 марта.

карьерой, т.е. усилиями, направленными к самовыдвижению, лежит резкий водораздел, писатель приходит к очень важному для журналистов выводу: в публицистике не хватает анализа общественных обстоятельств, способствующих самовыдвижению, иначе говоря, карьеризму. В условиях застоя это звучало особенно весомо, звучало призывом стремиться к анализу всего хода событий, включающему в себя как положительные, так и отрицательные уроки, необходимые для будущего.

Журналисты не должны допускать деления жанров «во здравие» и «за упокой», а давать справедливый анализ всего хода событий, заключает писатель, вспоминая одну из телевизионных передач о пуске самой большой в нашей стране и Европе Липецкой домны. Строители проявили подлинное мужество, разбирая под самым куполом домны металлическую площадку, с которой до этого шел монтаж домны. Писатель только уже потом узнал, что монтажники на семидесятиметровой высоте работали, рискуя жизнью: буквально некуда было стать ногой, кругом кирпичные стены, внизу шахта домны. Люди на весу, зацепившись за скобы поясами, резали металл и спускали вниз. «Неужели во время проектирования строительства был запланирован вот именно такой героизм?», — задается вопросом писатель. И заключает: «Мне захотелось, чтобы телевизионная передача показала не только людей, совершивших героизм, стала не только уроком героизма, но и одновременно уроком для тех, кто причастен к возникновению такой ситуации. Чтобы кому-то стало стыдно, кому-то, что еще важней, неповадно на будущее».

Как бы ни велика была наша победа, подчеркивается всем содержанием статьи, на нее не будет брошено тени, если мы открыто скажем не только благодаря чему, но и вопреки чему и кому она была достигнута.

Для публицистов все более важным становился целостный системный социологический подход к изображению действительности. Это было присуще глубокому исследователю жизни сел Нечерноземья очеркисту Ивану Васильеву. Осенью 1980 г. «Советская Россия» под рубрикой «Письма из деревни» опубликовала серию его очерков о проблемах сельского района: «К новому качеству», «В плену инерции», «Пора шагать в ногу», «Фигура среднего звена» и «Семейная грамота». Названные очер-

ки явились настоящим открытием в советской публицистике. Секретари парткомов, директора совхозов, председатели колхозов, сельские специалисты буквально штудировали эти очерки, рассматривая их как важное подспорье в своей повседневной деятельности. Министерство сельского хозяйства РСФСР ксерокопировало и рассылало их на места. Московский обком партии провел научно-практическую конференцию с повесткой дня: «Повышение роли областных органов управления в совершенствовании образа жизни колхозников Подмоскovie по проблемам, поднятым в очерках И.А. Васильева»¹⁵.

Иван Васильев старается дать свою точку зрения на жизнь, дать такой, как она ему видится. Особая его боль — «неперспективные» деревни Нечерноземья. Эта земля его не отпускает. Люди, которые здесь живут, их чувства, хозяйская озабоченность — главное в его очерках, вскрывающих причины, приведшие к такому упадку деревни, что даже «корневые мужики» срываются с насиженных мест. В 1986 г. за очерковые книги, в том числе «Письма из деревни», публицист был удостоен Ленинской премии.

Столь же высокой награды были удостоены эстонский писатель и публицист Юхан Смуул, автор «Ледовой книги» (Антарктический путевой дневник) и В.М. Песков за книгу «Шаги по росе». Читая «Ледовую книгу», мы словно сами путешествуем там, где «свершается что-то великое, требующее смелости, мужества, выдержки и железной дисциплины», где прикосновение к железу обжигает руку, а метель «может загубить человека». С большой наблюдательностью, тонким юмором воссоздает Юхан Смуул десятки судеб людей, преодолевающих в экстремальных условиях «свой вчерашний потолок высоты». Чувством искренней любви, восхищения покорителями ледового материка наполняют и читателей лирические страницы этой книги. «Я не знаю, в каком я долгу перед людьми, в которых счастливо уживаются русская сердечность и чувство такта, — с признательностью заявляет писатель. — Если мне придется побывать на Крайнем Севере или в далеком плавании, то хотелось бы, чтобы рядом со мной оказались они, или люди такой же породы»¹⁶. Такие люди, продолжает Ю. Смуул, могут изме-

¹⁵ См. *Николаев Ю.* Публицист и жизнь. Советская Россия. 1983. 4 мая.

¹⁶ *Смуул Ю.* Ледовая книга. — Л., 1982. С. 156.

нить внутренний мир человека, очистить его «от всякого мусора», наделить его «чистотой снегов».

«Ледовая книга» примечательна и глубокими рассуждениями о литературе, публицистике, положительном герое. Особого внимания заслуживает суждение автора книги о болевом пороге писателя. Все, что писалось о человеке с незапамятных времен, утверждает Ю. Смуул, непосредственно связано с этим понятием. Болевой порог каждого из нас, по его мнению, быть может вообще является одной из главнейших проблем в жизни и в литературе. Ведь от него зависит в значительной степени наше отношение к окружающему, активное или пассивное. «Я считаю, — резюмирует автор книги, — что у писателя может быть тысяча всевозможных недостатков и это еще не помешает ему быть писателем. Но если у него высокий болевой порог, то дела его безнадежны. У нас, писателей, болевой порог должен быть невысоким по отношению ко всему вокруг, что болит и вызывает боль. Хорошо, если людские горести мучают нас, прорываются к нам беспрепятственно, становятся частью нас самих, скребут по нашим сердцам. Тогда мы, правда, скорее изнашиваемся, но жить иначе нет смысла»¹⁷.

«Чудом открытой души» назвал «Ледовую книгу» писатель-публицист А. Кривицкий. Столь же проникновенно-лиричной является публицистика В.М. Пескова, для которого понятие фотокорреспондент и журналист равнозначны. Работавший до прихода в воронежскую молодежную газету фотографом он и свой путь журналиста начинал со снимков. Охота за снимком, стремление «схватить природу врасплох» всегда доставляли ему истинное удовольствие. Фото пленка для В. Пескова — это превосходная записная книжка, дающая массу точных деталей, помогающих восстановить живые подробности той или иной ситуации.

Лейтмотивом всей работы писателя-фотопублициста была и остается природа. Заповедные леса под Воронежем стали, как признается он сам, «плацдармом для первых публикаций в «Молодом коммунаре», о природе были и первые корреспонденции в «Комсомольской правде». Но главные герои очерков В. Пескова — люди высокой нравственности, самобытные, со свои-

¹⁷ Там же. С. 94—95.

ми взглядами на жизнь. Они не обязательно без сучка, без задоринки, но они непременно те, которые соответствуют его пониманию хорошего в жизни. Это — рыбачка с Дона, прожившая трудную, но прекрасную жизнь («Антониха»), ослепший мальчишкой и нашедший себе место равного среди жителей тундры чукча («Слепой поводырь»), мальчишки, на долю которых выпало первое жизненное испытание («Трое в одной лодке»).

Всенародное признание получили книги В. Пескова «Шаги по росе», удостоенной в 1964 г. Ленинской премии, и «Отечество». Неразрывное единство текстов и оригинальных снимков делают их поистине явлением особым в истории советской публицистики. Обе книги вызвали самые восторженные отзывы читателей, которые вырезали новые рассказы их автора для повторного прочтения.

Никто не возьмется перечислить всего, что стоит за емким словом Отечество, замечает В. Песков. И все-таки можно сказать: понятие Родины — это память обо всем, что нам дорого в прошлом, это дела и люди нынешних дней, это родная земля со всем, что растет и дышит на ней. Старое, Новое, Вечное — так распределены материалы книги «Отечество». В публицистике В. Пескова во взаимоотношении Человек—Природа остро проявляются экономические, нравственные, философские проблемы. Таковы входящие в книгу «Отечество» очерки: «Средняя полоса», «Заячьи острова», «У курбских гарей», «Речка моего детства». С нескрываемой тревогой «за каждый ключик чистой воды» автор очерка «Речка моего детства» пишет: «У каждого из нас есть своя речка. Не важно какая, большая Волга или маленькая Усманка. Все ли мы понимаем, какое это сокровище — речка?! Можно заново построить разрушенный город. Можно посадить новый лес, выкопать пруд. Но живую речку, если она умирает, как всякий живой организм, сконструировать заново невозможно»¹⁸.

Каждый очерк В. Пескова, для которого умение писать и снимать «открывается одним и тем же ключом», учит зоркому видению красоты жизни, умению образно, ярко передать увиденное. Высоко оценивая способности В. Пескова отражать в своих выступлениях наиважнейшие проблемы времени, Л. Леонов писал: «Перед человечеством стоят сегодня две первосте-

¹⁸ Песков В. Речка моего детства. Комсомольская правда. 1970. 29 ноября.

пенные задачи: защита мира и защита природы, обе — главные условия нашего дальнейшего существования. Вторая, столь же неотложная, стоит сразу после первой. Но каждая неполна одна без другой. От обеих всецело зависит обеспечение грядущего. Отсюда рождаются два родственных понятия: солдат мира и солдат природы». Солдат природы В. Песков, заключает Л. Леонов, по душе читателям и телезрителям как верный, вдумчивый и бескорыстный друг зверей и зверушек, «всякой полезной муравьиной братии, безжалостно, иногда под видом прогресса сметаемой с лица земли»¹⁹.

Немало примечательного было в теле-, радиопублицистике и документальном кино. Зрителям запомнились фильмы «Пылающий континент» Р. Кармена, «Чужого горя не бывает» К. Симонова. Большую популярность завоевали телесериалы «Летопись полувека» и «Наша биография», созданные к 50-летию и 60-летию Советского государства. По примеру «Летописи полувека» в 1968—1970 гг. были созданы также «Летописи» пятидесятилетней истории союзных республик. Эти документальные сериалы, построенные в основном на документах кино-, фотоархивов советской и зарубежной хроники, хотя и не раскрывали всей правды отечественной истории, все же относятся к несомненным достижениям советского телевидения.

Популярными стали на телевидении и устные рассказы, с которыми выступал И. Андроников. Первое его выступление с рассказом «Загадка Н.Ф.И.» состоялось в 1959 г. Затем последовала целая серия выступлений с очерками о творчестве М.Ю. Лермонтова, а также с репортажами-лекциями из музеев Пушкина, Горького, А. Толстого. Самую большую известность получили рассказы о героях Брестской крепости С. Смирнова, как и его телевизионный альманах «Подвиг», благодаря чему тысячи семей нашли своих близких, затерявшихся в годы Великой Отечественной войны. «Однажды весенним днем 1965 г., — вспоминает С.С. Смирнов, — Г.К. Жуков позвонил и сказал: — К сожалению, прежде я не был с Вами знаком, но сейчас, слушая вас по телевидению и радио, хочу сказать: сердечное спасибо от фронтовиков, в том числе и от меня»²⁰.

¹⁹ Леонов Л. Отечество // Публицистика. — М., 1987. С. 535—536.

²⁰ Мар Н. Только одна жизнь. Литературная газета. 1977. 22 октября.

Искреннюю благодарность выражали радиослушатели и за передачи по «Маяку», которые вела Агния Барто с 1965 по 1975 г. под рубрикой «Найти человека». Хотя поиск разлученных войной проводился без точных данных, а по каким-то запомнившимся эпизодам детства, за девятилетний период этих передач было воссоединено свыше девятистот семей.

Оценивая наступивший после XX съезда период, Н.С. Хрущев заявлял, что, хотя свободнее стали высказываться люди и последовали известные послабления, но было немало таких партийных руководителей, которые совсем не хотели оттепели. «Решаясь на приход оттепели, — пишет он в своих «Воспоминаниях», — и идя на нее сознательно, руководство СССР в том числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым будет трудно справиться»²¹. Именно этим объясняется, что все больше и больше сдерживался рост «неугодных с точки зрения руководства» настроений. «Не то пошел бы такой вал, — продолжает Н.С. Хрущев, — который бы все снес на своем пути». Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским»²². И руководство справилось со всеми, кто хотел добиться в стране дальнейшей демократизации, прибегая даже к таким мерам, как снятие в 1970 г. с поста главного редактора журнала «Новый мир» А. Твардовского, высылка за пределы СССР А. Солженицына и отправка в ссылку академика А. Сахарова. Но вопреки всему этому советская журналистика продолжала развиваться и немало сделала для того, чтобы период наступившего застоя сменился курсом на перестройку.

Вопросы для повторения

1. Советская журналистика как единый пропагандистский комплекс: усиление партийного воздействия на СМИ, превращение ряда центральных газет в органы ЦК КПСС.

²¹ Хрущев Н. Воспоминания. — М., 1997. С. 507.

²² Там же.

2. Перевод на вечерний выпуск газеты «Известия», роль первой центральной вечерней газеты в системе СМИ.
3. Дальнейшее развитие радиовещания: создание в его системе редакций «Юность», «Маяк» и программы «Эстафета новостей».
4. Появление телепередач в цветном изображении и программы «Время» с сурдопереводом для зрителей, лишенных слуха.
5. Создание общественно-информационного агентства «Новости» (АПН), его структура, задачи, место в системе СМИ.
6. Неформальная пресса 70—80-х годов.
7. Газетно-журнальная, теле- и радиопублицистика: публицистические сборники «Шаги», телесериалы «Летопись полувека», «Наша биография».
8. Нештатные отделы, «Рабочая эстафета» и другие формы массовой работы.

Хрестоматия к главе VI

О ЗАДАЧАХ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Из постановления ЦК КПСС 9 января 1960 г.

- <...>12. Повысить роль печати в коммунистическом воспитании народа. В современных условиях, когда задача создания разветвленной сети газет и журналов и массового выпуска книг в основном решена, главным является неуклонное повышение их идейного уровня, умелое использование для решения насущных задач коммунистического строительства. В этих целях необходимо:
- а) смелее ставить, разрабатывать и пропагандировать в печати актуальные политические, хозяйственные, идеологические и морально-этические проблемы, новые, наиболее действенные формы и методы организационно-партийной и партийно-политической работы. Газеты и журналы обязаны стать подлинно народной трибуной, давать ответы на все живо-

трепещущие вопросы, активнее вторгаться в жизнь и деятельно помогать партии в решении конкретных задач коммунистического строительства и воспитания трудящихся;

- б) коренным образом улучшить содержание и качество пропагандистских материалов в печати, раскрывать теоретические положения марксизма-ленинизма в неразрывной связи с историческим творчеством народных масс. В пропагандистских выступлениях печати надо избегать общих рассуждений и повторений, приводить больше точных, ярких данных и аргументированных, мобилизующих выводов, разнообразить формы подачи материала (специальные полосы, рецензии, творческие обсуждения и т.д.). Всемерно использовать жанр боевой партийной публицистики, оперативно разъяснять и комментировать мероприятия партии и правительства, важнейшие события внутренней и международной жизни страны, остро разоблачать чуждую советскому обществу идеологию. В особенности важно учить массы на положительных примерах, широко показывать в печати огромные успехи советского народа, ростки нового, коммунистического в жизни нашего общества;
- в) покончить с вредной практикой участия в печатной пропаганде лишь узкой группы авторов, привлекать к выступлениям в печати партийных и советских работников, ученых, специалистов всех отраслей, новаторов промышленности и сельского хозяйства, деятелей литературы и искусства, настойчиво растить новые журналистские и авторские кадры из людей, знающих жизнь и имеющих опыт партийной, государственной, хозяйственной работы, из рабочих и сельских корреспондентов. Вокруг каждой газеты, журнала необходимо сплотить талантливых публицистов, пропагандистов, умелых популяризаторов революционной теории, способных оперативно откликаться на животрепещущие вопросы яркими, впечатляющими выступлениями в печати;
- г) повысить роль отделов пропаганды в редакциях газет и укрепить их подготовленными, знающими свое дело работниками. Одобрить практику создания нештатных отделов пропаганды при районных и городских газетах и другие формы привлечения общественности к деятельности органов печати;
- д) глубже обобщать и шире распространять в газетах, журналах, брошюрах, книгах опыт идейно-воспитательной работы партийных организаций и лучших пропагандистов, ставить и

обсуждать вопросы практики и методики устной и печатной пропаганды;

е) больше выпускать массовой политической литературы, рассчитанной на миллионы рабочих и крестьян, которая должна в доступной, выразительной форме излагать актуальные вопросы теории и политики партии, обобщать опыт строительства коммунизма и воспитания нового человека, разъяснять важнейшие события современности. Эта литература должна быть небольшой по объему, хорошо полиграфически исполнена, недорогой по цене.

13. Обязать ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии, все партийные организации полнее использовать радиовещание и телевидение в целях пропаганды идей марксизма-ленинизма, мобилизации трудящихся на борьбу за успешное осуществление планов коммунистического строительства. Повысить идейный уровень радио и телевидения, регулярно передавать содержательные, краткие, способные заинтересовать самые широкие слои слушателей беседы и лекции, посвященные коренным проблемам марксистско-ленинской теории, важнейшим вопросам внутренней и внешней политики партии. Установить, что руководящие партийные, советские, хозяйственные работники должны систематически выступать по радио и телевидению с лекциями и докладами, с ответами на волнующие трудящихся вопросы.

*КПСС в резолюциях и решениях съездов,
конференций и пленумов ЦК. —
М., 1984. Т. 9. С. 507—509*

О МЕРАХ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ УЛУЧШЕНИЮ РАБОТЫ РАДИОВЕЩАНИЯ И ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Постановление ЦК КПСС 6 июня 1962 г.*

ЦК КПСС отмечает, что из года в год растет влияние радиовещания и телевидения на население Советского Союза и зарубежных стран. В настоящее время почти каждый советский человек

* Печатается в сокращении.

регулярно слушает радио, а каждый седьмой—восьмой — смотрит телевидение. Ежедневно из Москвы передается до 100 час. программ радиовещания на русском языке, 115 час. — на 40 иностранных языках и 12 час. — телевидения. В республиках, краях и областях радиовещание и телевидение ведутся на 50 языках народов СССР. О большом интересе миллионов людей за рубежом к передачам советского радио свидетельствует тот факт, что в Москву ежегодно поступает до 170 тыс. писем от радиослушателей свыше чем из ста стран.

В последнее время заметно улучшилось содержание радиовещания и телевидения, прежде всего передач политической информации. Широко пропагандируются по радио и телевидению решения XXII съезда КПСС и новая Программа партии.

Однако большие возможности радиовещания и телевидения в идеологической работе и культурном воспитании населения используются еще крайне слабо. Многие передачи не носят активного, боевого характера, составляются однообразно, по установившемуся стандарту, от них веет скукой, равнодушием. Вместо интересного, душевного разговора со слушателями о новых замечательных явлениях в нашей действительности, убедительного рассказа о ярких фактах и лучших примерах жизни и труда зачастую передаются поверхностные материалы, малосодержательные беседы и репортажи. Сплошь и рядом передачи ведутся казенным, невыразительным языком. Поэтому многие программы не привлекают широкого внимания слушателей, не вызывают живого интереса и отклика...

...В радиовещании для населения Советского Союза главными задачами считать: мобилизацию масс на успешное выполнение и перевыполнение планов развития экономики, культуры, науки; широкую пропаганду передового опыта, лучших образцов труда и коммунистических начал в жизни советского общества; содействие воспитанию всесторонне развитого человека — идейно закаленного, активного и сознательного строителя коммунизма. Обратить особое внимание на организацию радиопередач для детей и молодежи, на расширение естественнонаучной пропаганды и повышение роли радио в нравственно-эстетическом воспитании масс.

...Широко используя в радиовещании материалы печати, сосредоточить внимание на создании и развитии специфических, присущих радио форм и жанров пропаганды, в основе которых должны лежать интересные, поучительные факты, яркие примеры, рассказ о новых явлениях в жизни, письма, интервью, вопросы-ответы, непосредственный, душевный, доходчивый разговор со слушателями.

В телевидении ярко показывать жизнь трудящихся в СССР и за рубежом, создавать разнообразные программы о развитии нашей страны и духовном росте советского человека, о великих преимуществах социалистического строя перед капиталистическим. Используя в телевидении все лучшее, что имеется в театре, кино и других областях искусства, всемерно развивать новые виды художественных программ, наиболее полно учитывать особенности телевидения. Значительно расширить подготовку программ для зарубежных стран, а также для обмена между телевизионными центрами Советского Союза.

3. В целях более полного удовлетворения разнообразных запросов населения иметь следующие программы внутрисоюзного радиовещания из Москвы:

I программа (основная) — с 5 час. утра до 2 час. ночи (для всей страны);

II программа (дополнительная) — с 6 час. утра до 1 час. ночи (для европейской части СССР и Урала);

III программа (литературно-музыкальная) — с 17 час. до 24 час. (для центральных районов европейской части СССР);

IV программа (для восточных районов СССР с учетом поясной разницы времени) — не менее 12 час. в сутки.

Обязать Государственный комитет Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению ввести с 1 сентября 1962 года за счет перераспределения коротковолновых радиостанций пятую круглосуточную программу радиовещания на русском языке, которую можно было бы слушать как в Советском Союзе, так и особенно в зарубежных странах. Основным содержанием пятой программы должно быть широкое освещение политической, экономической, культурной жизни Советского Союза, всестороннего развития отдельных республик и районов страны, показ коренных изменений в жизни советских народов, происшедших благодаря сознательному, самоотверженному труду масс.

Особое внимание уделять подготовке разнообразных программ радиовещания и телевидения в субботние, воскресные и праздничные дни.

Поручить редакциям центральных и местных газет и журналов регулярно публиковать рецензии на новые постановки и программы радиовещания и телевидения, обзоры писем радиослушателей и телезрителей, информации о важных передачах.

Организовать политические передачи из Москвы для восточных районов страны с учетом поясной разницы времени таким образом, чтобы обеспечить в утренние и вечерние часы информацию населения восточных районов о всех важных новостях.

Ввести регулярную трансляцию по центральному радиовещанию и телевидению лучших программ из союзных и автономных республик, которые должны содействовать обмену опытом коммунистического строительства и взаимному обогащению культур.

Практиковать широкий обмен программами радиовещания и телевидения между республиками и областями.

КПСС в резолюциях...

Т. 10, с. 263—269

ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА «ЖУРНАЛИСТ»

Постановление ЦК КПСС 22 ноября 1966 г.

В постановлении ЦК КПСС отмечается, что журнал «Советская печать» ведется неудовлетворительно, он не справляется с возложенной на него задачей активно содействовать улучшению содержания газет, журналов, радио- и телевизионных передач, деятельности издательств, помогать работникам печати в повышении их идейно-политического уровня и профессионального мастерства. Публикуемые в журнале материалы не отвечают возросшим требованиям читателей, на его страницах не ставятся наиболее важные вопросы советской журналистики, слабо раскрывается положительный опыт лучших газет, журналов, издательств, студий радио и телевидения. Действенность публикуемых в журнале материалов низка, его рекомендации носят общий характер и в большинстве случаев не являются авторитетными для партийных комитетов, в руках которых сосредоточено руководство районной, областной, республиканской и центральной печатью.

ЦК КПСС принял предложение правления Союза журналистов СССР об издании с января 1967 года журнала «Журналист» объемом 8 печатных листов, с цветными вкладками. Журнал выпускается как издание газеты «Правда» и правления Союза журналистов СССР.

Главными задачами журнала являются активная помощь партийным организациям в повседневном руководстве печатью, радио и телевидением, освещение практики этого руководства, марксистско-ленинское воспитание журналистов и авторского актива, повышение их профессионального мастерства и культуры, формирование общественного мнения в духе уважения и доверия к нашей печати. Для успешного решения этих задач редколлегия журнала

предложено широко использовать жанр политической публицистики, привлекать журналистов к творческому освещению важнейших проблем экономической, политической, идейной и культурной жизни советского общества, организовывать обсуждение вопросов подготовки журналистских кадров, их профессионального мастерства.

Задача журнала — настойчиво бороться за повышение действенности выступлений печати, радио и телевидения, остро и принципиально выступать против отрицательных явлений в их работе.

В целях более тесного контакта в работе редколлегии журнала «Журналист» с редакцией газеты «Правда» главный редактор этого журнала вводится в состав редколлегии газеты «Правда». Главным редактором журнала «Журналист» утвержден т. Яковлев Е.В.

Издание журнала «Советская печать» в связи с выходом нового журнала прекращается с 1 января 1967 года.

*Справочник партийного работника.
М. 1967, вып. 7, с. 287—288*

А.А. АГРАНОВСКИЙ [1922—1984]

Реконструкция

Главврач одного родительного дома — хорошего, куда заранее просились женщины со всего города, — писал на заявлениях (сам видел) такую резолюцию: «Роды разрешаю».

А вдруг бы не разрешил! Страшно подумать... Дело, о котором пойдет разговор, запрету не подлежит. Оно сегодня, хочется верить, неизбежно. И это вселяет известный оптимизм.

Мы не можем бесконечно строить новое. Как ни велика держава, а граница есть, и других земель не предвидится. Как ни велик народ, а сосчитан, и все ощутимее нехватка рабочих рук. Ученые говорят: выбыли факторы экстенсивного роста. Роста вширь — за счет числа заводов и работников. Задача не в беспредельном наращивании капитальных вложений, а в наиболее эффективном их использовании.

Реконструкция — вот слово, которое в ущерб стилю придется мне все время повторять. Реконструкция — вот дело, к которому пора привлечь самое широкое общественное мнение. Реконструкции мы отдаем приоритет в наших планах. Мало того, начиная с одиннадцатой пятилетки новостройки допускаются лишь в том случае, когда потребности страны не может покрыть все та же реконструкция.

Это все известно, не ново, объявлено, но пока что тратим мы на нее всего двадцать процентов средств, выделенных на строительство. Силы инерции слишком велики — тут начинается моя тема. И сразу другая цифра, определившая адрес: тридцать семь процентов тратит на эти цели Днепропетровская область. Больше, чем ей было назначено. Чуть ли не вдвое больше, чем в среднем по Союзу.

Стало быть, там уже поняли.

— Без развития завод — труп, — сказал Шведченко. — И директор — труп. Живой труп.

Беседа наша была отчасти странна. Я все допытывался, зачем он сам взвалил на свои плечи тяжелейшую перестройку. Вопрос, никогда не занимавший меня на новых объектах (запланированы — вот и строят), тут почему-то возник.

— Шел, конечно, на риск, — сказал он. — Когда первый раз вылез с идеей, многие шаррахнулись: что этот дед, с ума сошел?

История такая. Новомосковский трубный, по всему судя, проваливал десятую пятилетку. Намечался ввод нового цеха, а строить его не стали. Почему — для нас не важно. То ли денег не хватило, то ли мощностей, то ли фондов. Другое важно: объективная причина была у директора первый сорт. Не дали цеха — снимайте план. Отписаться мог легче легкого. А он решил выйти на контрольную цифру.

— Привык выполнять, — таково было его объяснение. — Я уже двадцать лет в директорах. Буду прямо говорить: ни разу не сорвал.

— Но вины-то вашей тут бы не было.

— Точно, — улыбнулся он. — Когда срыв, виноватых не найдешь. А когда успех, спроси, кто участвовал, и со всех сторон: «Я!»...

Что же было придумано? Взамен строительства нового цеха перевооружить старый. Увеличить в нем скорость прокатки и сварки. Одно это обещало годовой прирост полутора-два тысяч тонн труб. Такова была мысль, ее разрабатывали потом ученые, проектировщики, но родилась она на заводе. В институте «Укргипромет» мне с некоторым даже удивлением сказали: «Шведченко все время шел впереди нас». То же подтвердили в стройтресте, он не отпирался.

— Строителей удалось взять за горло. Как? А все им давали. Обычно ведь они садятся на шею заказчику: того нет, этого нет. А мы давали. Леса не хватает? Найдем. Фронт работ? Обеспечим. Крана нет? Будет. Второй нужен? На! Куда им деться?

Посмеивается, очень довольный собой. Но это сказать легко, что все он даст. А где взять? Надо было менять энергетику, менять машины, усилить фундаменты, разрыть полцеха. И все — не оста-

навливая производства. Вот сложность любой реконструкции: план с завода не снимают. Веди стройку рядом с грохочущим станом. Ютись на кухне, пока ремонтируют твою квартиру.

— Никто не верил, что сделаем в срок. Даже друзья не верили. Поставки за год? Да ни в жизнь! А мы получили досрочно. Везло мне, конечно, и удалась одна хитрость: наше предложение включили в соцобязательства республики. А уж с этой-то газетой!..

Глаза моего собеседника сощурены, но «хитрость» его никого не обманула. Поддержал идею обком, дали добро в министерстве, и было это совершенно необходимо. Потому что есть вторая сложность: если для новостроек все заложено в плане, то здесь едва ли не все пришлось выбивать. Шведченко сам ездил на заводы-поставщики, и, надо думать, помогли его давние связи, опыт, знания, да и звания тоже — лауреата, Героя Социалистического Труда. Хотя, по его словам, все сделалось просто: «Директор директора всегда поймет».

— Я им прямо говорил: слушай, мне в мои годы ошибиться нельзя. Молодому простят, подучится, то, се. Мне нужно стопроцентное попадание. Я срывать не могу.

Пожалуй, вы уже поняли, что это за характер. Он еще прежде всех удивил. Долгие годы руководил Южнотрубным, одним из крупнейших заводов области, и вдруг сам попросился на завод незначительный, средний — почему? Слухи ходили разные, сошлись на одном: возраст. Умный мужик, учел свои возможности, ну и взял работу потише. Годы Антона Антоновича и впрямь подошли к пенсионным, карьере строить нужды не имел, перебрался вдобавок ближе к областному центру, а там у него дети, внуки. Все казалось ясно, но, приняв дела, он и начал реконструкцию. Житейские мотивы рухнули: ждать после этого тишины и покоя «умный мужик» не мог.

— Я мог сравнивать. После большого видел, как плохо на малом. Привык к развитию, а тут болото. Когда у тебя в руках настоящее дело, совсем другое самочувствие. Ты говоришь — тебя же слышат!

То был, наверное, самый трудный год его жизни. Мотался по стране, оставив любимых внуков, груз тянул, какой трем молодым не под силу, инструкции нарушал, за все готов был держать ответ, а что в итоге? В итоге, если удача, достигнутое впишут заводу в план, опять придется перевыполнять его, а зарплата директора, само собой, останется прежней.

— Сколько можно об этом? — сказал Шведченко. — Суть в другом: мне ведь самому было интересно. А вообще-то трубы нужны народному хозяйству. Заново нам бы за год ничего не построить —

факт. А мы в январе семьдесят восьмого начали — в декабре кончили. И трубы бегут, как водичка. На все про все потратили шесть миллионов рублей, а новый цех встал бы втрое! Это, считай, мы взяли двенадцать миллионов и положили в карман государству. Так или не так?

Видимая выгода реконструкции — первое, что бросается в глаза. Денег (на то же количество руды, чугуна, стали, труб) повсюду уходит меньше, чем при новом строительстве. Прибыль от реализации возросла в Новомосковске с 18,8 до 29 миллионов. Другими словами, в первый же год они покрыли все затраты. Но это даже не главное.

Главное — сами «лишние» трубы, которые удалось как бы вырвать из будущего. Мы худо считаем упущенную выгоду. Нет ее и нет, и будто быть не должно. Прикинем, однако, к чему привела бы нехватка продукции, кому-то твердо уже предназначенной. Труб этих ждали по всей стране. Не получи их строители, и подвели бы газовщиков, а те энергетиков, химиков — провалы такого рода накапливаются лавиной. Сбережено время, эта экономия дороже всего.

Не берем мы в расчет и экономию земли. Между тем Днепропетровщина, одна из наших житниц, потеряла за пятилетие район — около двадцати тысяч гектаров. Пришлось потеснить поля и фермы ради заводских корпусов, новых рудников, открытых разработок. Нужны они, спору нет, но кто взвесил ущерб? Когда в споре с одним радетелем марганца я сказал, что надо бы поаккуратней с землей, он руками замахал: «Да вы что! То, что мы добываем, — это ж валюта первой категории». Одно я нашелся ответить: «А хлеб, мясо — не первой?»...

Оценим, что свой промышленный урожай трубники сняли на прежней площади, в стенах того же цеха. И, по существу, теми же рабочими руками: годовая выработка на одного человека повышена у них со ста семидесяти восьми тысяч рублей до двухсот тридцати тысяч. Притом не пришлось людей переселять, укоренять в иных местах, строить для них жилые кварталы, а то и целые города с детсадами, школами, больницами, стадионами, клубами и всем прочим, что умиляет нашего брата журналиста.

Вывод: учтенные миллионы — малость по сравнению со всею суммой экономии, вполне достоверной, хотя измерять ее толком мы не научились. Но тут пора отметить другое свойство реконструкции, которое тоже бросается в глаза, — видимую ее необязательность, внеплановость, некую даже случайность.

Судите сами. Потребовалось для начала, чтоб «заморозили» объект, как раз и стоявший в плане. А будь он возведен, лишняя

трата денег, материалов, времени, сил всем казалась бы нормой. Затем должен был прийти такой Шведченко. Сильный директор, который не только захотел, но смог добиться перестройки. Своего министра Казанца встретил в кулуарах XXV съезда (он и сам был делегат), и все они обговорили, и Иван Павлович сказал: «Я ваш помощник». Затем проектировщикам предстояло изучить старый цех, и выяснилось, что строил его, будучи еще молодым инженером, нынешний глава «Укргипромеца» Александр Селиверстович Зинченко. А осваивал, вводил в строй все тот же Шведченко, командированный из Никополя. («Помните, Аденауэр не дал нам труб для газопроводов? Вот тогда и ввели».) Он опытный прокатчик, кандидат наук, что тоже следует нам отнести к разряду «везений».

Нужна была, как видите, цепь счастливых случайностей, чтобы вышло хорошее, нужное, полезное дело. Оно вдобавок и экономически подкреплено пока слабо, или, говоря проще, невыгодно и проектировщикам, и строителям, и поставщикам, и заказчикам. Выгодно оно только (всего лишь!) обществу, стране. Проблема эта требует особого разбора, пока же замечу: успех все еще удивляет. Удача выглядит скорее исключением, нежели правилом.

Не быть реконструкции — проще, чем быть.

Когда хочешь поразить движущуюся цель, стрелять надо с упреждением. Техника в наш век движется слишком быстро, и если долгая стройка плоха, то затянутая перестройка (а у нас и такое случается) — нелепость в квадрате. Это твердо усвоили те, чей опыт мы с вами взялись изучать.

В Днепродзержинске перевооружали домну № 8, которой все равно положен был капитальный ремонт. Полезный ее объем увеличили вдвое, сэкономили против нового строительства три с половиной миллиона рублей, но мне сейчас другое важно: простой они сократили до минимума. Старая печь работала — новую монтировали в стороне. Собрали почти целиком, потом разбили торжественно бутылку шампанского, и машина поплыла, встала на свое законное место.

В Новомосковске стройку тоже чуть ли не до конца вели при действующем стане. А когда отключили, весь завод знал: часы тикают. По проекту «останов» намечался на шестьдесят дней. Свели до сорока. Новую мощность могли вводить полгода. Управились за три месяца. Рутинная отошла, пришлось использовать резервы людской изобретательности, азарта, смелости — таков был нравственный эффект. Не одному директору стало интересно работать.

Реконструкция всегда экзамен. «Тут только увидел, — сказал он мне, — кто инженер, а у кого диплом». Пришел, скажем, на техсо-

вет мастер Евгений Михайлович Лесов с собственным проектом модернизации гидропрессов. И сам же, с бригадой слесарей, осуществил. Заразились общим настроением производители «ширпотреба», которые вроде бы вовсе стояли от этих дел в стороне. Провели свою малую перестройку, и выпуск эмалированной посуды (замечу, отменной, ярких цветов, с итальянским изящным рисунком — «деколем») увеличили за пятилетку больше чем на треть.

Примеров такого рода у меня полон блокнот.

— Люди работают, как заново народились, — бросил в разговоре главный инженер завода Баранцов. Мы шли с Иваном Гавриловичем вдоль линии главного стана. Цех был огромен, девять гектаров, даль полета тонула в тумане. Цех был пустынен, за пультами я насчитал всего тринадцать человек. На погрузке магнитные краны освободили от тяжелой работы сорок такелажников. Труд людей облегчен, ритмичность полная, они теперь конкурентоспособны, они лучше служат, дольше служат, сберегая металл, — и тут экономия, нами недоучтенная.

Ловлю себя на том, что все меня тянет доказывать пользу реконструкции, чего в общем-то не требуется. Но еще один резон приведу: народ здесь и зажил по-другому. Завод не прозябает, а растет и получает «под рост» деньги на социальное развитие. Несравнимые с ценою новых городов, да ведь и быт они не строят заново, а опять же *реконструируют*, улучшают. Важно, что новая рабочая столовая, и свежие овощи в ней, и отличные душевые, и зелень, украсившая всю территорию, — это все не с неба свалилось, а честно людьми заработано.

В Кривом Роге, на Южном горно-обогатительном комбинате, мне показали свою радоновую водолечебницу, новый профилакторий, туристскую базу, рассказали о собственных санаториях в горах, на Балтике, на южных берегах. Есть даже такой «индустриальный объект», как родильный дом. Иван Иванович Савицкий, директор комбината, Герой Социалистического Труда, объяснил: коллектив у него многотысячный, молодой, свадеб хватало, а рожениц приходилось возить за десятки километров. И были нарекания, жалобы рабочих, вот он и взял грех на душу: строил роддом под видом цеха.

(Конечно, лучше бы добился официального разрешения, законы надо соблюдать, но, к слову, восхитившая меня передвижка домны № 8 делалась по «льготному финансированию», без узаконенного проекта. Приехали потом в Госстрой за визами, а эксперт: «Я вам бытовки не пропущу». Фотоснимки показали ему, печь уже на месте, все, мол, закончили, выстроили, а он: «Против правил, не могу утвердить».)...

Нарушение у Савицкого тоже раскрылось и тоже было прощено. Почему? Человек он честнейший, директор знатный, а всего важнее, что экономии добился колоссальной. Реконструкцию комбината вели, вовсе не останавливая производства, дали сверх плана сотни тысяч тонн концентрата, и общий прирост обошелся по сравнению с новым строительством на сорок миллионов рублей дешевле. На этом фоне незаконный роддом трудно было и разглядеть. Однако, само собой, пришли хмурые ревизоры с сердитым вопросом: «Что за объект?» — «Цех». — «Какой такой цех?» — «Родильный», — ответил Савицкий. Между прочим, так его и называют с той поры горняки: «родильный цех». И довольны: Иван Иванович облегчил жизнь им и их семьям.

Разрешил роды.

Бьюсь об заклад, читатель: вам это не было известно. Или мало что было известно. Если не занимались проблемой, не выезжали на место, не видели все своими глазами. Сужу по себе: я до поездки не знал.

Летом 1980 года проходило совещание энергостроителей в ЦК КПСС. И в газетном отчете мелькнуло: после реконструкции Братская ГЭС увеличила мощность на четыреста тысяч киловатт. Между делом при сравнительно малых затратах, как говорится, в рабочем порядке ввели в строй, считай, первый Днепрогэс — и тихо. Не будь совещания, мог бы и пропустить. И стало мне стыдно. На строительство в Братск я ведь ездил, тьма там перебивала писателей и журналистов.

Нам подавай новизну, к этому мы привыкли. Приучены со времен первых пятилеток и никак не можем отстать. Выездные редакции газет, литпосты журналов — где они? Километры кинохроники — о чем? БАМ, КамАЗ, Тюмень, Нурекская ГЭС... Эффектно, заметно. Не было ни гроша, да вдруг алтын. А если было, но больше стало вдвое, втрое, на том же месте? Нам это неинтересно, скучно.

Знаменит «Атоммаш» — завод XXI века. Заслуженно знаменит: он дает начало целой отрасли. Но, между прочим, есть на берегах Невы старый Ижорский завод, который делает пока что, да и всю одиннадцатую пятилетку будет делать, для оснащения АЭС неизмеримо больше. Я не знаток атомных дел, но в журналистике могу в какой-то мере считать себя специалистом: о ленинградских машиностроителях мизерно пишем. Вряд ли кто и разглядел петитные строки о том, что реконструкция Ижоры увеличила выпуск продукции на две трети.

Был у меня лет десять назад очерк под названием «Узел». Двое молодых проектировщиков затеяли перевооружение пяти заводов, вели спор со многими ведомствами, добились своего и получили в награду, как говорили они, «кучу неприятностей». Потом посланы были на год в суровый край (в Италию), чтобы участвовать в создании автозавода в Тольятти. Не хочу сказать, что эта работа не требовала упорства, таланта, ума. Я от души поздравил Якова Жукова и Дениса Четыркина, когда они стали лауреатами Государственной премии СССР. Характерно другое: ни мне, ни им самим даже в голову не пришло, что столь же высоко могла быть оценена реконструкция.

И вот люди, занятые кропотливым, как бы даже мелочным делом, остаются у нас в тени. А можно ли сказать, что им легко? Да нет же: в чистом поле и проектировать проще, и строить легче, чем в тесноте старых цехов. Но, ковыряясь на пятках, куда экскаватор не заведешь, разбивая кувалдами бетон, а то и взрывая его, опускаясь в преисподнюю подвалов, работая под раскаленными плитками (с соблюдением, понятно, техники безопасности, что тоже непросто), теряя при этом нередко в зарплате, они, эти незаметные герои, приходят домой и читают, слышат, видят не про себя, про других — героев переднего края. А они, выходит, на «заднем», они тыловики.

Но это же кругом неправда! И по сложности боев и по значению их для победы. Реконструкция скромна, она не лезет на глаза, не старается показать, как ей трудно, не требует сверхзатрат, но в том и смысл ее. Еще раз придется повторить: это отныне не просто одно из направлений капитального строительства, но направление генеральное. Значит, пора нам наши взгляды, наши привычки, нашу психологию менять. Слова «эффектно» и «эффективно» лишь по звучанию сходны. По сути они антиподы.

Это поняли горняки, металлурги, машиностроители Приднепровья, потому и важен их опыт, потому и заслуживает обобщения. Партийный комитет области, исполком областного Совета смотрят на месте, что именно строят министерства и что, начав, не кончают. Был случай года три назад: все средства планировалось бросить на один крупный объект. А здесь увидели: не смогут достроить. И доказали, добились, получили деньги на реальные вводы — сто семьдесят миллионов сняли с «незавершенки». А нынче сдают этот самый объект. Так вот и используют права, данные местным Советам.

— У нас нет такой цели, — сказал мне Евгений Викторович Качаловский, первый секретарь обкома, — что непременно построить

еще один стан, еще одну доменную печь. А довести до ума те, что есть, повысить мощность действующих. Десяток передовых заводов не повод для шума. Повсюду бы крутануть это дело! Вот удалось в области направить на реконструкцию свыше полутора миллиардов, а видим: можно больше и нужно больше. Нам, оперируя такими средствами, непозволительно делать глупости.

На одиннадцатую пятилетку Днепропетровщина решила отдать модернизации, техническому перевооружению своих предприятий уже пятьдесят три процента всех капиталовложений. Это, уточню, еще не план. Это собранные в области предложения городов, районов, низовых коллективов. Но то и важно, что наметилась такая тенденция, то и цену, что идет она снизу.

Не разрешить реконструкцию — это сегодня затея безнадежная. Роды все равно состоятся. Но помочь им надо.

Известия. 1980. 27 декабря

В.М. ПЕСКОВ [Рожд. 1930]

Речка моего детства*

Я исполнил наконец старое обещание, данное самому себе: прошел от истоков до устья по речке, на которой я выросал.

В наш век все поддается учету. Подсчитали и реки. Их в стране, кажется, двести пятьдесят тысяч. Усманка обязательно попала в это число, хотя речка она и маленькая.

Для меня эта речка была первой и едва ли не главной жизненной школой. Если б спросили: что всего более в детстве помогало тебе узнавать мир? Я бы ответил: речка.

Мать говорит, что в год, когда я родился, заросли тальников, ольхи и черемухи подходили с реки к нашему дому, хотя дом стоял от воды почти в километре. В зарослях находили приют соловьи. Соловьиная трель по ночам была такой громкой, что приходилось закрывать окна, иначе спавший в подвешенной к потолку люльке младенец вздрагивал и ревел... Я соловьев возле дома уже не помню. Но дорожки к реке в поредевших зарослях лозняка, переви того хмелем, в памяти сохранились. Лет в пять, замирая от страха,

* Печатается с небольшим сокращением.

я осилил такую дорожку. И с того лета речка для меня стала самым желанным местом.

Плавать мы, жившие у реки ребяташки, учились так же естественно, как учатся в детстве ходить. Так же само собой приходило умение владеть веслом, переплывать плес, держась за лошадиную гриву. В какой-то момент мальчишка одолевал страх и прыгал, как все, вниз головой с высоких перил моста, пробегал на коньках по первому льду, который прогибается и трещит. Каждый человек должен иметь в своем детстве эти уроки. И у каждого из нас они были.

Однажды в солнечный день я опустил с лодки голову к самой воде и увидел гладких шустрых жуков, каких-то козявок, скопище мелких живых красных и черных точек.

Полдня мы пролежали с приятелем на носу лодки, наблюдая свое открытие.

А сколько радостей и открытий давала в детстве рыбалка. Рыболовами у реки становятся рано. Помню: ловля вначале велась подолом рубахи, потом старым мешком, потом удочкой на крючок, добытый у «лохмотника» за охапку костей и тряпок. Лет в десять на чердаке я обнаружил свою плетенную из хвороста колыбельку, и мы с приятелем стали владельцами снасти под названием «топтуха». На мелких местах двое мальчишек тихонько подводят к берегу снасть и начинают топтать, шелухать ногами в кустах и осоке. Вынешь «топтуху», в ней щуренок или налим, язи, окуньки, пучеглазые раки. Окоченев от лазанья по воде, мы грели животы на песке и опять лезли «топтать».

С «топтухой» мы уходили далеко вверх и вниз по течению Усманки, и только теперь по-настоящему я могу оценить, сколь много дарил нам каждый день этих речных хождений.

Мы находили в пойме утиные гнезда, видели, как кидается в воду, вытянув когти, большая птица скопа, замечали, как невидимкой бегают по траве коростель, как, притаившись на одной ноге, терпеливо поджидает лягушек цапля. Мы находили бобровые норы, знали, на каких плесах в осоке дремали большие щуки, научились руками в норах ловить налимов и раков.

Сама речка, таинственно текущая издалека и уходившая по осокам и лознякам неизвестно куда, будоражила любопытство. Откуда, зачем и куда плывет задумчивая вода? Перебрав по пальцам знакомые села, я обнаружил: они все стоят на реке. В десять лет я думал, что это река, делая бесконечные петли и повороты, считала нужным пройти как раз у села. Лет в тринадцать я понял: не вода к людям, а люди тянулись к воде, вся жизнь ютилась возле воды.

Возле воды по лугам бродили коровы, к реке на ночь выгоняли пастухи лошадей, в июне косари валили над Усманкой травы, к реке шли с ведрами за водой, к реке несли полоскать белье, у реки по вечерам деревенские девки собирались петь песни, по берегам в чаплыгах ходили два сельских охотника Усанок и Самоха, с реки зимою на маслобойню возили в санях прозрачно-синие глыбы льда. Купание летом, костры на берегах осенью, плавание в лодке по весеннему половодью... Только теперь понимаешь, сколько радости дает человеку великое чудо — река, пусть даже маленькая.

Кажется, в книжке для третьего класса я прочитал рассказ «Откуда течет Серебрянка» — рассказ о том, как мальчишки решили узнать, откуда течет их речка. Я тогда еще думал: хорошо бы и нам по Усманке... Но прошло тридцать лет. И нынешней осенью вдруг я почувствовал: со старым другом надо увидеться.

Перед поездкой два вечера я просидел в Исторической библиотеке, задавшись простым вопросом: а что известно людям о маленькой речке? Оказалось, известно, и даже немало.

Первым в бумагах речку упомянул русский посол Михаил Алексеев, ехавший из Турции на санях (1514 год): «Бог донес до Усманцы по здраву». Другими словами, ничего с послом на опасном пути не случилось, а доехав до Усманки, посол почувствовал себя уже дома, хотя до Москвы было еще пятьсот с лишним верст. В то время по Усманке проходил юго-восточный край Русского государства. Степь, лежавшая за рекой, называлась Нагайской степью. Из нее на русские села (названия их сохранились поныне — Чертовичкое, Нелжа, Животинное, Ступино, Карачун) нагайцы совершали набеги: уносили имущество, брали скот, на веревках повязав к седлу, уводили невольников. При царе Алексее Михайловиче решено было оградить государство от татарских набегов. Двадцать лет строилась знаменитая Белгородская черта — высокий земляной вал, деревянные надолбы и деревянные крепости-городки. На этой черте, тянувшейся лесостепью из-под Тамбова на юг, Усманка была естественным рубежом, через который татарам не просто было прорваться. Сама река, леса по ней, болота и топи были преодолимы только на «перелазях». Вот тут, в уязвимых местах на пустынной «богатой рыбными и бортными угодьями «речке», русский царь велел построить крепости-городки.

1646 год. На Усманке против «татарского перелаз» строится городок с названием Орлов. «За год двести тридцать драгун — Кириушка Бучнев и Савка Коноплин со товарищи построили город». Читая эти строчки в пожелтевших бумагах, я волновался. Я вспомнил, что в пятом классе сидел за одной партией с Ваней Бучневым

и был в нашем классе отчаянный двоечник Коноплин Петька. Наверняка это были потомки тех самых «драгун», рубивших крепость на берегу Усманки в 1646 году. Наверняка те самые двести тридцать служилых людей дали начало распространенным в нынешнем Орлове фамилиям Солодовниковых, Песковых, Прибытковых...

Жизнь моих сельских пращуров была беспокойной. Леса, земли и воды было тут много, но каждый час ждали набегов. Сторожевым постам, выступавшим за Усманку в «дикую степь», воевода предписывал: «Два раза кашу на одном месте не варить. Там, где обедал, — не ужинать. Там, где ужинал, — не ночевать». Одним словом, глаз да глаз нужен был на границе, проходившей по Усманке. Орлову городку надлежало охранять по реке линию в двадцать восемь верст. Это как раз те места, где я мальчишкой ловил налимов и раков.

Петр I, начав строительство кораблей, из селений по Усманке требовал провиант, лошадей для вывозки леса, плотников на строительство, в селе Парусном шили для кораблей паруса, в селе Углянец (от Орлова в семи километрах) жгли уголь для кузниц. В низовьях Усманки, на затоне Маклок была основана «малая верфь», где строились легкие челноки и лодки довольно больших размеров.

Еще я узнал, что Усманка — это значит Красивая. Она оказалась почти единственной речкой в нашей стране, где к двадцатым годам этого века сохранились бобры и где расположен сегодня Воронежский заповедник.

Усманка течет с севера к югу, а потом делает петлю и течет назад с юга на север. Длина реки — сто пятьдесят километров. Эти сто пятьдесят километров мне с посошком и предстояло пройти.

Начало реки... Для меня всегда это было притягательной тайной.

Началом Усманки я ожидал увидеть родник (думал: напьюсь незамутненной воды и пойду), но я ошибся. Истока речки долго не мог найти. Наконец общим усилием пастуха, двух стариков и молодого шофера место рождения Усманки было предположительно найдено. Между деревнями Московской и Безымянкой лежит понижение, когда-то непроходимое из-за топей, зарослей тальников, камышей, ветел, березняков. Из этого «потного места», «кишевшего куликами и утками», тихо и незаметно утекал ручеек, названия которому тут не знали. Теперь «потное место» было сухим. Несколько одиноких ветел росло между полями подсолнухов и пшеницы. Хорошо приглядевшись, можно было заметить что-то вроде ложбинки. Простившись со стариками, я и пошел почти незаметным руслом. И

только к вечеру в гриве осоки и почерневшей таволги увидел зеркальце чистой воды. Размером с городское окно колдобина, но вода светлая, в ней отражалось вечернее небо и куст лозняка с лимонными листьями. Я умылся у бочага, до смерти перепугав жившего в нем лягушонка.

С этого места русло я уже не мог потерять — оно обозначено было по полю полоской высокой травы. Русло без мостков и каких-нибудь насыпей пересекали полевые дороги.

— Это Усманка? — спросил я шофера, гнавшего по дороге машину-цистерну.

— Усманка, — сказал парень.

— А что везете?

— Воду везу на ферму со скважины. Речка у нас вон какая теперь...

Речка была без воды. В любом месте полосу трав можно было пройти, не замочив ноги. На несколько километров — сухая степь, и в ней травяной призрак реки...

Первую ночь я провел в стогу пшеничной соломы. «Гостиница» эта кишела мышами. Мыши возились и шуршали около уха. Но было тепло и уютно. Светила большая луна. Синевато блестела роса по озими. В «нагайской степи» за речкой двигался огонек трактора. Сова, привлеченная писком мышей, несколько раз неслышно пролетала у лаза в мою ночлежку...

А потом было девять дней путешествия. Я увидел, как в травах все чаще и чаще сверкала вода. По руслу тянулась цепочка мелких болотцев и озерков. Появлялись кусты лозняка, камыши, одинокие ольхи, кусты калины и ветлы. Протиснувшись в одном месте сквозь заросли, я в первый раз увидел в светлой воде маленьких рыбок. Река понемногу, постепенно и тайно набухла в зарослях родниковой водой. Но вода все еще не текла. Спичечный коробок, кинутый в светлую лужицу, так и остался на месте. На буграх по-над поймой белели в лозинках старые села: Стрельцы, Пушкари, Сторожевое. Под селом Красным я присел закусить, наблюдая за мальчиком с удочкой. И тут в первый раз услышал журчание. Я подошел к мостику для полоскания белья и увидел: поплавок на удочке у мальчишки медленно тянет течение. А в узком рукаве между камышами вода журчала и маленькой силой своей качала одиноко стоявшую камышинку.

Так зарождалась речка. Текла она, как все равнинные воды, извилисто, то разливаясь неширокими плесами, то ручейком, по которому проплыл бы только бумажный кораблик. Встречаясь с людьми, я заводил разговор о реке. И все до единого разговоры

кончались невесело: речка меняется. «Вот с этой ветлы перед самой войной мы прыгали вниз головой, лет пять назад можно было еще купаться. «А сейчас — тапочки не замочишь...»

За городком Усманию речка делает поворот и прячется от людей в лес. Попытавшись двигаться поймой, я понял, что в этом месте Усманка превращается в Амазонку: непролазные чащи крапивы, ольшаника, топи, заросшие лозняками, болиголовом, крест-накрест лежат осины, срезанные бобрами, — не то что пришлый татарин когда-то, но и здешние люди сегодня не рискнут перейти Усманку в этих местах. Лесными дорогами, оставляя речку по правой руке, я прошел до знакомых кордонов, и тут, взяв лодку, мы с приятелем двигались уже водным путем.

Для лодки и тут, в заповеднике, река во многих местах непролазна, она заросла, заболотилась, обмелела. Но сердце у меня притихло от радости, когда уже в сумерках лодка выбралась на широкие плесы. Нигде в другом месте я не видел более тихой воды. Черные ольхи и зеленые ивы отражались в красноватом вечернем зеркале. Речка разрезала тут знаменитый Усманский бор. И вся жизнь заповедного леса тянулась сюда, к берегам. Пронесся, едва не чиркая крыльями воду, и сел на упругую ветку голубой зимородок. Козодой летал, почти касаясь крыльями лодки. В кустах за вывороченным половодьем ольховым коблом кто-то топтался и чавкал. Неслышно опуская весло, мы подплыли вплотную и замерли. В двух метрах от лодки кормилась семья кабанов. Протянув весло, я мог бы достать темневшую из травы спину беспечного годовалого поросенка...

Три часа не спеша мы плыли по вечерней реке. Две стены черного леса, а между ними — полоса неба вверху и те же звезды, повторенные сонной водой, внизу. На повороте у камышей бобр ударил хвостом так близко, что окатил сидевшего на носу лодки брызгами. В глубине леса ревел олень. Ему отзывался второй от реки. На берегу, как залетные пули, прошивали кроны дубов и тяжело падали в темноту желуди. Иногда желудь срывался в воду, и тогда казалось: не с дерева, а с самого неба падало что-то в реку.

При свете фонарика я записал в дневнике: «Заповедные плесы. Счастливый день. Все было почти как в детстве...» Я не знал, что завтра и послезавтра будут у меня грустные дни.

А началось все сразу, за воротами заповедника. Вода кончалась насыпной плотинкой, и стало ясно: не будь плотины, плесов бы не было. Всего, что собирает Усманка в верхнем течении и в заповед-

ных лесах, едва-едва хватало для сохранения старых бобровых плесов. А ниже плотины лежал сухой и черный каньон. Берега с обнаженными корневищами пней, с налимьими норами и всем, что составляло когда-то тайну реки, теперь были сухими и пыльными. Ключик посредине песчаного дна был таким мелким, что красногрудая птичка, прилетевшая искупаться, едва замочила лапки. Но плотина была нужна заповеднику. Я вспомнил: и раньше хорошую воду на малых равнинных реках держали мельничными запрудами (на Усманке их было кажется, девять). Но через слив у плотины всегда бежал избыток воды, и, главное, на всем течении речку питали подземные родники, прибрежные бочаги и болотца, ручьи, бежавшие из лесков и с мокрых лугов. Теперь тощая Усманка, выбегавшая из леса в открытую солнцу и ветру степь, ничем не питалась...

Около сорока километров прошел я почти умиравшей рекой. Это были знакомые с детства места, знакомые села: Приваловка, Желдеевка, Енино, Лукичевка, Углянец. В тех местах, где были когда-то лески и нависавшие над водой лозняки, не было теперь ни единого кустика, ни единого деревца. Лугов тоже почти не осталось. Пашня подходила местами до самой воды. Местами побуревшая пашня была брошена, на ней качались чертополохи и малиновым цветом маячил колючий татарник. Ни одной мочажины, ни единого ключика не текло в реку. Местами можно было только угадывать руслица пересохших ручьев. Река, прежде кудрявая от растений и таинственная оттого, что в воде все повторялось, как в зеркале, теперь лежала раздетой и беззащитной. Берега, обозначавшие прежде русло, теперь заполнены были смытым песком. И только посредине песчаной реки текла вода, местами такая мелкая, что были видны спины у пескарей, убежавших от моей тени...

У деревни Углянец, единственный раз в среднем течении, встретил я рыбаков. Четыре продрогших парня поочередно бродили в воде с маленьким, частым, как решето, бредешком. В пластмассовом прозрачном мешочке был жалкий дневной улов — десятка два пескарей и в ладошку — щуренок. И это были места, где «топтухой» я ловил ведро рыбы, где взрослые бреднем и неводами ловили пудовых щук и в одну тоню доставали полвоза лещей, где «местная рыба» была таким же обычным продуктом питания, как и картошка...

Наиболее грустным был час, когда я дошел наконец к местам, особенно мне дорогим. Вот бережок, на котором я любил сидеть с удочкой. Теперь от него до воды по песку шагов сорок. Вот «Селявкина яма». Двое мальчишек, закатав штаны, возились у берега. С этого берега я прыгал вниз головой, а на середине плеса «не было

дна». Я попросил мальчонку дойти к середине реки. Мальчик прошел через плес — и везде воды ему было ниже колен. В помине не было заводей с кругами зеленых кувшинок, с осокой и тальниками, с бело-розовым цветом куриной слепоты. Вон там, где проходит теперь дорога, был мостик, с которого полоскали белье, за ним было «девичье куплище», где утонул не умевший плавать юродивый нищий.

Не было у реки теперь луга, опушенного лозняком и раkitами, луга, где на моей памяти мальчишки пасли лошадей, где вызревали богатые сенокосы, где в топких местах водились утки и чибисы, где в самом начале лета «на троицу» собирались повеселиться несколько тысяч людей из села Красина, из Орлова, из Горок. Теперь луга были вспаханы. И остаток зеленого лоскутка исчезал у меня на глазах. По-над берегом взад-вперед ходил голубой трактор с плугом. Пыль бурым холстом повисала в том месте, где обычно по осени лежали туманы...

Я подошел поздороваться с трактористом и спросил: что собираются тут посеять?

— А хрен ее знает что! Расти ничего тут не будет.

— Зачем же пашете?

— А наше дело какое, наше дело пахать...

Не стану перечислять всех людей, с которыми пришлось говорить в эти дни. Единодушно все сокрушались: «Да, река...» Но отчего? Кое-кто помоложе пожимал плечами: «Не поймем. Сохнет, и все...»

В деревне Енино я полдня посидел с Павлом Федоровичем Ениным. Старика я встретил на берегу. Он сидел, опершись на палку, и вел разговор с бабами, доившими коров по другую сторону реки.

— Что, дедушка, вышел погреться? — приветствовал я его голосом, каким обычно говорят с малышами и стариками.

Но старик ответил трезво и рассудительно:

— Мне, сынок, тут, у реки, и курорт, и телевизор, и все, что хочешь...

Старику было девяносто два года. Но только ноги отказались ему служить. (Внук Мишка приводит деда к реке.) Голова у этого, наверно, самого древнего человека на Усманке в полной исправности. Мысли ясные, а редкой памяти я позавидовал. Старик во многих подробностях, с именами друзей, погибших и выживших, рассказал о войне в Порт-Артуре, где он отличился. Я услышал, как тут, возле реки, в июне 1903 года за самовольный покос монастырского луга пороли енинских мужиков. «Сам губернатор с войс-

ками приезжал из Воронежа руководить поркой». Старик помнил не только имена мужиков, но также и количество плеток, «определенных для каждого доктором». Старик вспомнил, как держался каждый из тех, кому задирали рубаху и клали книзу лицом. «Митроха Акиншин показал кулак губернатору: я, ваше превосходительство, так могу стукнуть — кости не соберете... Ему, Митрохе, больше всех и досталось. А Иван Бородин сам лег. Братцы, говорит, не робейте. Земли наберите в рот, чтобы крику бабы не услышали...»

За «хужалость и опытность» в двадцатых годах Павла Федоровича выбирали первым председателем в Орловский сельский Совет. Но главным и любимым делом, о котором старик вспоминал с удовольствием, была мельница. «Она помещалась как раз вот тут, где сидим... А там, где бабы с ведрами переходят, была плотина. Каждое лето плотину всем миром строили. Я мельником был...»

Усманку Павел Федорович знал хорошо. И когда зашел разговор о переменах на речке, сказал:

«Без причины, сынок, и прыщик не вскочит. Всему есть причина. Вон, видишь, синеет пустошь? Там был лесок. Его срубили. Далее под Углянцем лес подходил к самой речке. Тоже частично срубили. Под Орловом хороший осинник и березняк рос. Срубили. Около Горок ольшаники были. От них остался маленький лоскуток. Вот уж совсем недавно тут у нас около Забугорья ольховый лесок свели.

Рубить начали, помню, в 14-м году. Рубили воровски, считая, что рубим «не наше», а чье-то чужое. Орловский лесок свели в 23-м хавские мужики. Считали: «Теперь это наше, можно распоряжаться». В войну беда заставляла рубить. Солдаты рубили, чтобы мосты навести, вдовы рубили — детей обогреть. Позже, считаю, рубили просто по глупости — все, что росло над рекой, было как бы ничейное. Срубили лески, срубили до хворостинки и потравили коврами лозняки. Вот и раздели речку до основания. Ключи, которые текли из лесков и болотин, высохли. А потом пошла пахота. Пашут до самой воды. Смытая в речку земля забила, затянула все родники. Откуда же браться воде?...»

...Трактор, пахавший луг у Орлова, я встретил на другой день после встречи с енинским стариком и сразу пошел в село той самой улицей, по которой в детстве бегал к реке. Хотелось узнать: велика ли корысть от пахоты возле речки?

Директором Орловского совхоза оказался однофамилец мой Песков Илья Николаевич. Я приготовился к драке. Но неожиданно ни директор, ни сидевший в конторе агроном Михаил Семенович Котов драться не захотели.

— Да, речку губим, — сказал агроном.

— Губим. И, главное, без толку губим, — сказал директор.

В разговоре прояснилась такая картина. Орловский совхоз решено было сделать овощеводческим: «Вы близко к городу, у вас речка, ведите поливное хозяйство...» — «Мы возражали против распашки лугов (возражали, как видно, робко!). Но нас не послушали». В результате привезли в совхоз из Воронежа карту «овощного севооборота», где обозначено было, что осушить у реки, что распашать, где убрать остатки кустов.

Распахали по этому плану шестьдесят шесть гектаров приречных лугов.

— Наверно, большой урожай собираете?

Вот точная запись директорского ответа:

— В 67-м году взяли с гектара по сто тридцать центнеров огурцов. В 68-м взяли столько же. А в 69-м — ноль. Ничего не взяли... Теперь эту землю даже и залужить вряд ли придется.

Вот он, печальный итог пахоты возле речки: лугов, на которых, плохо ли, хорошо ли, кормилась скотина, теперь нет; обезвожена речка (поливать пашню в пойме, как теперь выясняется, нечем — «мальчишки, дурачась, запрудят вверх ручеек, и все, воды у нас нет»); и нет злополучных огурцов, ради которых составлялась в областном центре земельная карта, ради которых и теперь еще трактор продолжает распашивать пойму.

Мне захотелось узнать, чьей же мудростью все это освящено. Директор достал из сейфа затейливо разрисованный ватман, и я прочитал: «Воронежская землеустроительная экспедиция. Начальник — Боженков, инженер — Ягодкин, начальник партии — Симонов».

— Скажите, Михаил Семенович, — спросил я совхозного агронома, — что это — неграмотность? Или дело в чем-то другом? «Устроителям земли» и вам лично разве не ясно было, чем кончается пахота берегов тут, на степной речке?

Ответом было молчание. Этим разговор и окончился. Бывают минуты, когда людям стыдно глядеть друг другу в глаза.

Остаток пути по Усманке показал: там, где сохранился в пойме кустарник, где сберегли хотя бы малый лесок и земли не тронуты плугом, речка сразу же оживает. Получая сверху лишь малость воды, Усманка в этих местах живет «автономно». Появляются родниковые плесы, тростниковые заводи. Уже нельзя беспрепятственно проходить берегом — путь преграждают топкие луговины и ручейки. В таких местах вода наполняется жизнью. У села Горки первый раз за дорогу я спугнул стайку чибисов и встретил мужчину-удильщи-

ка. А выйдя на лесной берег под Новой Усманью, не поверил глазам — большой ширины водная гладь сверкала под солнцем.

— Это что, озеро?

— Нет, это Усманка, — отозвался парень, чинивший лодку.

Такими же плесами река разливалась и у села Репного. Полоса леса и мокрый, заросший лозняком луг питали водой и хранили Усманку в этом месте. Я присел возле Репного на бережок. Десятка два лодок стояло тут на приколе. По воде расходились круги от рыб. Плесы казались бездонными. Чуть пожелтевший лес спускался к самой воде. От реки в чащу уходили поросшие ежевикой тропинки. Вот такой я помнил речку моего детства. Такой хотелось видеть ее во всем течении. Просто не верилось, что широкие плесы небрежением человека превращаются в жиденький, бегущий по лескам ключик.

И последняя дневниковая запись: «От Виневитинского кордона плыл до устья на лодке...».

Выбегая из бора, речка делает в травах у лозняка прощальный изгиб. И вот уже, приподнявшись в лодке, я вижу воды другой реки. Сейчас Усманка с ними сольется. Рядом с лодкой плывут кленовые желтые листья, плывет оброненное птицей перо. Вода светлая, торпливая. Куст ивняка... И вот уже нет Усманки — лодка плывет по тихой реке с названием Воронеж.

У каждого из нас есть «своя речка». Неважно какая, большая Волга или малютка Усманка. Все ли мы понимаем, какое это сокровище — речка? И как оно уязвимо, это сокровище?! Можно заново построить разрушенный город. Можно посадить новый лес, выкопать пруд. Но живую речку, если она умирает, как всякий живой организм, сконструировать заново невозможно.

Последние годы во всем мире идет озабоченный разговор о воде. Вода становится одной из главных ценностей на земле. Но когда говорят: «Миссисипи мелеет» или «Мелеет Дон», не все понимают, что корень проблемы лежит на берегах маленьких Усманок и даже безымянных речек и ручейков. Жизнь зародилась, осела и развивается около рек. Только-только пробившийся из земли ключик без пользы уже не течет. Но, кроме благ и радостей, отдаваемых всему живущему на ее берегах, речонка упорно несет свою воду в «общий котел», из которого пьют сегодня огромные города и крупные промышленные центры. И если какой-нибудь город начинает страдать от жажды, если мелеют большие реки, первую из причин этому надо искать там, где расположены «капилляры» водной системы, — на малых речках.

Проверим это, к примеру, все той же Усманкой. Река эта — главный приток Воронежа. Воронеж — река немалая. На ней, как известно, родился российский флот, на ней вырос большой промышленный город. Но город вот уже несколько лет страдает от жажды. И скоро мы будем иметь, так сказать еще одно «море». Плотина строится исключительно для того, чтобы задержать воду, ибо река не в силах уже напоить промышленный город. Слов нет — город велик, воды надо много. Но, с другой стороны, и река, по которой когда-то шли на Азов корабли, основательно обмелела. А это следствие того, что главный ее приток и еще какие-то речки и ручейки недодают воду.

В чем я вижу смысл разговора об Усманке? В том, чтобы каждый из нас понял: рек незначительных нет! Надо беречь каждый ключик чистой воды. Это обращение «ко всем» мне кажется важным, потому что многие беды проистекают от наших незнаний, равнодушия и беспечности. Но было бы ошибкой ограничиться только «просветительством» и призывом: беречь! Судьба воды зависит главным образом от того, как мы хозяйствуем на берегах рек. Всякий соблазн рубить лес, «который поближе», соблазн находить «местную целину» для распашки в водоохранной зоне, осушать без большой на то необходимости пойменные озера и болотца до сей поры нужным образом не пресекался. А именно это требуется, чтобы сохранить на земле воду. Реки надо считать важнейшей государственной ценностью. Только так можно уберечь Радость, которую нам дают текущие воды, и возможность в любую минуту утолить жажду. Ибо нет на земле напитка лучшего, чем стакан холодной чистой воды.

Комсомольская правда. 1970. 29 ноября

Г.Г. РАДОВ [1915—1975]

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ

Во что обходится!

Этой истории одиннадцать лет, я же познакомился с ней позапрошлой зимой: пришло письмо из города Тима.

Яблочный этот городок — в Курской области. Помню декабрь сорок первого года, когда Тим освобождали от оккупантов. С военным корреспондентом «Правды» Ульяновом Жуковым мы добрались до центра городка в то же утро: Тим был разбомблен, изуве-

чен. А потом, летом, его снова занимали фашисты, и жгли, и рушили... И когда навещал его после войны, он еще не отстроился как следует. А от железной дороги неблизко — это я к тому, что понимаю жителей: для каждого из них новый дом — праздник, а уж новая районная больница тем более — как ее ждали! Старая мала, а в областную не наездишься...

Больница строилась десять лет. Десять! — и какая прорва бумаги исписана: решения, приказы, телеграммы... Но ничто не действовало: «стойкие» попались строители! Наконец забрезжил рассвет: 30 июня 1971 года объявили, что больница вступила в строй.

Когда я увидел в письме дату: 30 июня, последний день полугодия, — тотчас заподозрил неладное. Представил себе: «горел план», и какой-то конторе нужно было во что бы то ни стало отчитаться за больницу, разумеется, готовую...

Все оказалось именно так, кроме одного: больница была недостроена. Еще нужно было несколько месяцев с ней повозиться. Но вместо этого два начальника-строителя предъявили больницу «к сдаче». Председатель комиссии не подписал акта, но начальник ОКСа Курского облисполкома (и ему тоже нужна была «птичка») занес незаконченные строения в государственный отчет ЦСУ...

Я сидел над письмом, прикидывая, как тут помочь беде, к кому обратиться. Но пришла свежая почта, а в ней газета «Сельская жизнь» с письмом, совершенно аналогичным тому, что у меня на столе. Врачи излагали дело во всех подробностях, а корреспондент газеты Алексей Трубников подтверждал и комментировал факты...

Дорогие друзья, прошло еще — сколько же? — почти четырнадцать месяцев, и на днях — абсолютно для меня неожиданная печальная весть из того же Тима! Оказывается, в больнице немало сделано, но все-таки... родильное отделение не готово. Двери по-прежнему не в порядке. Водонапорная башня не довершена. В рентгеновском кабинете раздеваться опасно: еще схватишь воспаление легких. Есть подозрение, что котел вообще поставили не такой, как нужно...

Я был поражен отвагой и бесстрашием строительных начальников. Что за железные люди! Их — с поличным! — поймали на очковтирательстве, прямом обмане государства. Их печатно! — уличили в явной халтуре и нарушении государственной дисциплины. Их и до этого обсуждали и осуждали на заседаниях в райисполкоме и районном комитете народного контроля. А после выхода газеты ими занимались Министерство сельского строительства РСФСР и облисполком. Это в их адрес официально записано: «осудить порочную практику», «обязать», «принять меры», «предупредить».казалось, уж после всего этого они, хотя бы во искупление грехов, дол-

жны приналець на работу, что называется, со всей душой и больницу отделать всем на удивление. А они халтурят по-прежнему. Как ни в чем не бывало...

Откуда столь бетонная выдержка?

Разбираюсь и вижу: э, для бесстрашия есть основания! Оказывается, все эти «испепеляющие» слова насчет «порочной практики» и ответственности не имеют никакой реальной сути. На самом деле никто из виновников (кроме одного, снятого «по совокупности») не понес никакого урона. Людей, нарушивших закон (а очковтирательство по закону — уголовное преступление!), не только не отдали под суд, но даже административно не наказали. Словесная гроза — в который раз за одиннадцать лет! — пронеслась над их головами, не коснувшись ни волоска...

Одна важная особенность: объективные экономические затруднения, что порой мешают нам в разных областях жизни, тут были решительно ни при чем. Государство, несмотря на напряженность бюджета, нашло деньги, отпустило материалы, оборудование. Дело же было загублено только одним: разболтанностью в строительной конторе и тресте...

Разболтанность... Нередко происходят из-за нее всякого рода несообразности, неувязки, допускаются промахи в хозяйстве и сфере услуг, транжируются деньги. И если опаздывают поезда, не по адресу попадают грузы, из магазинов вдруг ни с того ни с сего исчезают либо горчица, либо галстуки, теряются письма, барахлят телефоны, гниют овощи, сдаются недоделанные постройки и так далее и тому подобное, то это, как правило, из-за нее — разболтанности. Во что же, в какую то есть цену, она обходится?

ЦСУ, естественно, такого учета не ведет. Но, например, я узнал из очерка А. Аграновского, что, по данным Госстандарта СССР, семьдесят пять процентов — три четверти! — забракованных (нестандартных) изделий промышленности недоброкачественны только по этой причине: разболтанности исполнителей. Помня об этом официальном выводе, я уже по-другому отношусь к некоторым фактам, названным в текущей прессе. Ну, например, к такому: в Москве торговля ежегодно бракует более чем на миллион рублей обуви отечественных фабрик. Значит, прикидываю я, каждые три из четырех забракованных ботинок, сапог и туфель были испорчены ни за что ни про что! Не технические сложности, а именно разболтанность в разных звеньях коженно-обувного конвейера — вот что превратило эту обувь в брак — носить ее нельзя...

Итак, перед нами явление нешуточное. А кто носитель?

«Закоренелые» и «разовые»

Кажется, нет ничего легче — пользуясь и воображением, и фельетонами, и сатирическими сценками с 16-й полосы «Литгазеты», олицетворить это явление в определенном типе и наделить его «живыми чертами». Он, «разболтанный» наш согражданин, вот каков. Ленив, беспамятен и потому непременно что-либо затягивает, задерживает, запутывает, отвечать ни за что не хочет, а еще обманывает и начальство, и партнеров, и клиентов. И хамит. И прочее, и прочее, и прочее...

Есть ему и наименования в словарях. Ну, например, «халтурщик» — то есть тот, «кто делает халтуру», а последняя по тому же толковому словарю обозначена как «небрежная, недобросовестная работа, обычно без знания дела». Или еще «чиновник» — то есть, как сообщает словарь уже энциклопедический, «человек, относящийся к своей работе формально, с холодным равнодушием, без интереса, бюрократически...».

Выходит, носители зла настолько известны, что попали в энциклопедические издания. Однако объяснять их живучесть только, как бы сказать, генетически (в семье не без урода!) — верх простодушия. Халтурщик и чиновник здравствуют лишь в подходящей — и питательной, и защитной — среде. Какой?

Без-на-ка-зан-ность! — вот что их и кормит, и поит, и обороняет.

Если бы халтурщик верил, что, допустим, за недобросовестность и очковтирательство на больничной стройке его, как и положено по закону, упекут в тюрьму (беру крайний случай, где проступок подпадает под статью Уголовного кодекса), стал бы он обманным путем добывать «галочку» в отчете? Зачем ему «галочка», если вслед за ней неотвратимо последует решетка? Нет, не стал бы он этого делать, если б верил в дурные последствия!

Но он в них не верил — и имел все основания не верить! — вот в чем вся штука.

Мне скажут: так ты за жестокость? За устрашение? У нас что, нет других мер?

Но, товарищи, мы-то в данном и подобных случаях имеем дело с откровенной халтурой.

Да, мы гуманны, добры, и если вдруг где-то кого-то незаслуженно уволили, наказали, ущемили чьи-то права — мы враз встаем на его защиту. Оборонить человека от несправедливости считается первейшим долгом и у меня, как и у моих коллег, на корреспондентском счету есть в этом смысле удачи.

Но ведь и халтурщик — он же совсем не промах! — не прочь вкусить от этого доброго времени, от гуманизма советского общества, который совсем не про него.

Он напортачил, нашкодил, ввел казну в лишние траты, расстроил нервы сотням людей, но, представьте, не боится ни «грозных» приказов, ни фельетонных стрел, так как рассчитывает именно на доброту и терпимость. И прежде всего — непосредственного начальства. И ведь, как видите, не ошибается!

Ах, как это соблазнительно — слыть гуманным начальником! Об иных «милягах» я слышал, говорят просто на воровском жаргоне:

— А наш-то шеф — золото! Ни за что не продаст! Всю вину возьмет на контору, а тебя не подставит. Душа!

И появляется категория совершенно неувольнимых халтурщиков и чиновников. То есть как бы они ни портили дело — ни за что не могут вырваться из определенной должностной орбиты. «Души начальники» берегут их, как малых детей. Вот уже несколько лет в крупном городе вращается один такой неувольнимый «гуманитарий». Последовательно служил в управлении культуры, на киностудии, в редакции. На всех постах проваливался и, по общему мнению, — совершенный бездельник и невежда. Но не далее как минувшим летом я был свидетелем разговора двух умных, добрых работников насчет него. «Слушай, ну куда же его еще устроить?! В редакции-то стонут! Давай-ка подберем ему что-нибудь совсем безответственное рублей на триста, а? Ну, что-нибудь такое, чтоб не мешал». — «На триста? Трудновато на триста, разве на сто семьдесят?» — «Мало ему сто семьдесят. Он, понимаешь, привык...» Я смотрел и не мог понять: ну почему они, хорошие, дельные, умные так носятся с этим прохиндеем? Он им и не сват, и не брат, и не собутыльник. Просто жалеют?

Но это я о халтурщиках явных, заметных, что называется, с печатью на лбу. Только в жизни — когда исследуешь случаи разболтанности — чаще встречаешь халтурщиков иной, более сложной модификации. Не постоянных, а «разовых». Причем во многих иных отношениях этот тип даже симпатичен. И дело знает, и способности налицо, и может быть аккуратным и даже инициативным. И халтурит не каждый день, и не с утра до вечера, а «разово»: два поручения исполнит прилично, а то и отлично, третье — так себе, четвертое — ну прямо из рук вон, а на пятом вновь обнаружит и обаятельность, и умение...

Но он, как столб, не укрепленный в основании: ни за что не угадаешь, куда, в какую сторону упадет. Вот утром, не опаздывая, с большим портфелем бодро уходит в контору и ничем от аккуратных сослуживцев не отличается. Подтянут, свеж, весел. Садится к столу, но дьявол же его ведает, что сейчас сотворит: зло или благо?

Теперь все зависит, увы, не от того, каков он — «закоренелый» или «разовый», не от того, один ли он такой в конторе или их на беду собралось пятеро или шестеро, — а совсем от другого. Все зависит от объема ценностей, которыми ему (или им) в этот «халтурный» день по должности предстоит так или иначе распорядиться. Что у него (у них) в руках: десять наших общих казенных рублей или миллион?

«Лучно неизвестен»

Миллион упоминаю не иносказательно, а буквально. Перед глазами два факта, случая, с которыми познакомили в Комитете народного контроля СССР.

Случаи похожи и, к сожалению, не уникальны.

В селе Панфилово волгоградской области шесть лет возводили сыродельный завод. Вбухали в стройку миллион двести тысяч рублей, завезли импортное оборудование. Из местных жителей подготовили сыроделов.

В поселке Дзякино Удмуртской АССР в это же время сооружали пункт перегрузки торфа с узкой колеи на широкую. Затратили более двухсот тысяч рублей, установили дорогой торфоперегрузателем...

Затем обе стройки были... прикрыты. Почему? «За ненадобностью».

Жители Панфилова и Дзякина, не видя в этом ни логики, ни хозяйского расчета («тратили, тратили деньги, и все забросили»), пожаловались в народный контроль...

У меня на столе копии официальных — на бланках — объяснений, присланных людьми, которых по их должностям нужно считать ответственными. А объяснения?

И.о. зам. начальника Главторфа Министерства топливной промышленности РСФСР Б.И. Кушов отвечает спокойно, даже элегически. Да, строили, да, тратили, да, прикрыли «за ненадобностью его» (торфоперегрузателя), а «все материалы и оборудование будут смонтированы и использованы на предприятиях торфяной промышленности» (прикиньте: значит, будут ломать, «размонтировать», перевозить, снова где-то строить и монтировать — и вбухают еще десятки тысяч рублей!). Никакой оценки происшествию Б.И. Кушов не дает, виновников не называет, наказать их не обещает...

Ответ заместителя министра мясной и молочной промышленности РСФСР В.И. Демина в Комитете народного контроля расцени-

вают как вопиющий пример равнодушия к судьбе государственного имущества.

Добавлю: и откровенной безответственности.

Документ стоит процитировать. В.И. Демин сообщает (та же элегичность стиля, хотя тут на ветер выбросили не двести тысяч, а более миллиона!):

«Сыродельный завод начат строительством в 1965 году по проекту, разработанному Волгоградским филиалом Гипромолпрома... По состоянию на 1 января 1972 года освоено 1,2 млн рублей... Проектный институт при решении вопроса о строительстве сырзавода исходил из того, что в сырьевой зоне Калининского административного района... в 1965 году планируется закупить 24,4 тысячи тонн молока, в 1972-м — 35,3 тысячи тонн, что полностью обеспечивало загрузку мощности проектируемого завода... В дальнейшем при укрупнении административных районов Калининский район вошел в состав Ново-Анненского и Михайловского районов, а в сырьевой зоне Панфиловского завода — на 1975 год — предполагается закупить 17 тыс. тонн молока вместо намеченных ранее 35 тыс. тонн...

Проектный институт Волгогипромясомолпрома повторными расчетами подтвердил нецелесообразность продолжения строительства указанного сырзавода...»

Зная предмет, могу засвидетельствовать: В.И. Демин обнаруживает элементарную малограмотность. Как могло укрупнение районов вызвать уменьшение молока в колхозах и совхозах? Коров, что ли, порезали при реорганизации? И что это за «стратегия отрасли», когда рядом ведутся дорогие стройки на ценном оборудовании, без учета их надобности? И что это за «научный» институт, который сперва «исходил из того», а потом, когда стройка в разгаре, «подтвердил нецелесообразность» собственного проекта?

На эти вопросы В.И. Демин не отвечает. И опять — ни политической оценки вопиющей бесхозяйственности, ни фамилий виновников, ни слова о том, а кто же ответит за бесцельную трату денег...

Я беседовал и с Б.И. Кушовым, и с В.И. Деминим.

Б.И. Кушов работает в министерстве недавно. О торфоперегрузчике говорит, что эта затея родилась «еще при совнархозах» (а деньги на стройку тратились главком вплоть до 1971 года!), но торф перегружают кранами, и пункт попросту не нужен. Найти «персональных» ответчиков, считает Б.И. Кушов, «невозможно».

Трудней был разговор с В.И. Деминим. Что случай «некрасивый» — это он признал. Что ответ его «не совсем удачен» — с неохотой, но согласился. Что переправлять оборудование с Волги на

Объ и нелегко, и накладно — подтвердил. А вот по вопросу о личной ответственности наши мнения разошлись.

— Какая личная ответственность?! — удивился Валентин Иванович. — Начиналось еще при совнархозах. Инициатива областных организаций...

— Но деньги расходовали вплоть до прошлого года! Миллион двести тысяч рублей. Кто-то должен ответить?

Валентин Иванович сказал, что лично он не видит конкретных виновников. Но «если редакцию это интересует», может «вызвать в Москву проектировщиков и с ними разобраться...»...

Если редакцию интересует!

А министерство, ухнувшее зря такую уйму казенных денег, — оно, судя по письму, удовлетворено исходом дела?! И если редакцию не «интересует», никто наказан не будет?

По личному опыту и по словам народных контролеров и работников отделов писем газет я давно знаю: труднее всего, разбираясь в фактах бесхозяйственности и волокиты, «выудить» фамилии виноватых (впрочем, еще сложнее добиться настоящего, а не мнимого наказания тех, кто в ответе).

Есть еще руководители, которые, «не выдавая своих», стоят, как говорится, насмерть...

Некоторые же под эту — явную! — круговую поруку подводят базу «теоретическую»...

Однажды по просьбе читателя мне пришлось «пускать лифт» в новом четырнадцатизэтажном доме. Со дня полного заселения прошло сорок четыре дня, но лифт в доме не действовал, хотя и был... исправен (вполне!). Просто представители четырех контор (монтажники, эксплуатационники, ЖЭК и гостехнадзор) никак не могли собраться, чтобы засвидетельствовать подписями сдачу-приемку. То один не приходил, то другой. Очевидно, как я понимаю, дни «разовой» халтуры наступали у этих служащих не синхронно. А люди между тем — более трехсот человек! — ежедневно пешком взбирались на седьмой, десятый, двенадцатый и так далее этажи.....

Я побеспокоил конторы, говорил с начальниками и главными инженерами. Успеха не имел. Ни малейшего! Лифт не обещали пустить даже в ближайшие недели (а дело происходило в канун праздника). Но, что особенно поразило, собеседники даже не включились в мое эмоциональное состояние. Я им — взволнованно, гневно — про то, что триста или более трехсот человек испытывают крайние неудобства. Что это безобразие! Что случай беспрецедентный! Возмутительный! Что дело, наконец, опасное, поскольку среди жильцов есть старые, больные люди и возможны инфаркты, инсульты,

и прочее, и прочее. А они, собеседники мои, начальники контор и главные инженеры, спокойно, без раздражения, но и без сочувствия, и как бы опуская все, что касается жильцов, их настроения и угрозы инфарктов, и не входя в оценку самого случая («беспримерный, возмутительный» — эти слова были пропущены мимо ушей), они — только о том, что их контора виновата меньше других...

Опуская подробности, скажу: с помощью председателя райисполкома лифт был пущен на другой день. А месяц спустя я снова обзвонил конторы. Осведомился: как же поступили с виновниками?

Но теперь на другом конце провода уже не извинялись, а негодовали. Чего, собственно, привязался? «Лифт пущен? Пущен. Действует? Действует. Ах, полтора месяца люди пешком ходили? Но ведь уже не ходят, а ездят. Ез-дят! Чего же еще надо?»...

В тоне начальников я ощутил встревоженность кочки, прикрывшей крыльями расшалившихся цыплят. Только бы не выдать их «чужому»! Никто — как я ни бился — не назвал фамилий виновных.

— Пишите так, — диктовал один, — РСУ виновато. Не понимаете? РСУ! Даю по буквам Родион, Станислав, Ульяна... Ах, не устраивает? А меня устраивает, что наш сотрудник случайно попадет в газету? Почему случайно? Да вы же случайно нарвались на этот лифт, могли и не нарваться. Тут мне один деятель поставил некомплект, я один мучился, ни один корреспондент не наскочил, и он остался в тени, а халтурщик такой, что пробы негде ставить. А моего — под огонь! Не дам! Лифт работает? Желаю успеха!

Этот, видите ли, чтобы навести порядок у себя, ждал некоего «всеобщего усовершенствования». Другой — из ведомства, которое самым нахальным образом подвело двадцать колхозов, — не открывал имен обманщиков, ссылаясь на отсутствие... стимулов!

— Вы требуете наказания! — шумел он в трубку (а я ничего не «требовал», наказание само собой подразумевалось, так как было вполне заслуженным. — *Г.Р.*) — Но если наказывать, то надо и поощрять! А у нас нет фондов, мы не завод. И ставки одинаковые — чем же я отличу «чистых» от «нечистых»?! А потом выговоры в трудовую книжку не вписываются, им... цена, поняли? И безработицы нет. Я его накажу, обижу, а он помашет мне ручкой и уйдет — с чистенькой книжкой — в другую контору через улицу. Там тоже иногородние поставки, а он у меня мужик эмоциональный и пьющий. Знаете, что может учудить? Возьмет да и зашлет груз вместо Петропавловска в Казахстане в Петропавловск-Камчатский. Будет лучше? Ха-ха-ха...

Но тут же оборвал смех и добавил, как бы раскрывая важный секрет:

— Нет, я их все-таки держу в рамках! Чем? А если по их вине случится ЧП, сам расплачиваюсь! Восемь выговоров! Они это ценят и уж до крайности не распоясываются... Как вы верно заметили, халтурят не каждый день. Через раз...

Чувствовалось, очень он гордится своей самоотверженностью: «сам расплачиваюсь» — вот, дескать, на что иду, и не боюсь. Восемь выговоров за чужие грехи.

Стимул и санкция

Еще прошлой весной в колхозе имени Фрунзе — под Белгородом — я был удивлен суровейшим, а на непривычный взгляд прямо-таки «драконовским» распоряжком.

Вот уже шесть лет ежедневно каждому работнику (а в колхозе тысяча семьсот человек!) от рядового ездового до «главных» — агронома, зоотехника, бухгалтера, диспетчера, начальников участков — всем, всем и каждому, повторяю, ежедневно ставятся баллы за качество их работы или службы, то есть деятельности. Что ни день, то в нарядах и ведомостях против всякой фамилии появляются цифры: единица, двойка, тройка, четверка. И так же неукоснительно — в соответствии с баллом — следует поощрение или санкция. Шестой год! За единицу («сработал по первому баллу») — сто процентов дневного заработка. За двойку — сто процентов заработка, но, как и в первом случае, право на годовую премию (дополнительную оплату), за тройку — минус десять процентов заработка и лишение части месячной премии (а это деньги немалые!). За четверку — брак явный, с материальным ущербом — полное лишение заработка за этот день и месячной премии (сумма весьма приличная!)...

Поначалу меня, признаюсь, смутили именно всеобщность порядка и то, что санкции применяются не только к завзятым халтурщикам (их немного), но и к работникам хорошим, заслуженным, имеющим ордена, но допустившим ненароком какую-то промашку. Не унижает ли это достоинства хороших людей? Не оскорбляет ли их чести? Не обижает ли то, что польза, принесенная ими колхозу, намного перевешивает стоимость ущерба от случайного промаха, а за него все равно — неукоснительно! — взыскивают? При мне председатель колхоза Василий Яковлевич Горин «наказал» третьим баллом агронома, которого и ценит, и хвалит. Агроном, «замо-тавшись», не договорился как следует о сортовых семенах, а послал за ними машины, и вышел холостой пробег. И — третий балл,

и минус круглая сумма. Справедливо ли? Так в том-то и соль, что социальная справедливость тут совершенно неоспорима: ты нанес ущерб коллективному хозяйству и, будь добр, расплачивайся, независимо от твоих заслуг...

Около месяца прожил в колхозе и убедился, что при «драконовском» распорядке люди чувствуют себя свободно (не распущенно, а именно свободно), потому что порядок нелицеприятен, распространен на всех, а верность балльных оценок под постоянным и строгим общественным контролем. Кстати, весь Белгородский район второй год работает по этой системе (только считают по-школьному: за хорошую работу не единица, а четверка).

Вижу лицо проницательного читателя: ну вот, мол, опять открыто лекарство «от всех болячек»! мало их было, «панацей», — теперь «балльная система»! Распространить ее директивно на все конторы и предприятия — и все сделается само собой? Конец и халтурщику, и чиновнику? Больницы будут строиться без задержки, лифты включатся мгновенно, бесцельные траты денег прекратятся? Так?

Если бы так!

Сколько уж раз мы, резко столкнувшись с каким-то отрицательным явлением, начинаем заново изобретать велосипед, выдумывать некое «новое» организационное противоядие. А законы у нас и без того хорошие. И если порыться в справочниках, можно найти «статьи» и против безответственности и бесхозяйственности, и халтуры, и волокиты, не говоря уж о браке и воровстве. Но, конечно, совершенствовать и управление, и порядок личной ответственности полезно. И, вероятно «балльная система» неплоха, хотя и не универсальна и не обладает автоматическим «самодействием». Как и аккордно-премиальная оплата, и бригадная ответственность за качество, вводимая в земледелии и на стройках...

Речь о другом! Не о панацеях.

И в колхозе имени Фрунзе «балльная система» — всего лишь помощница в той огромной и разветвленной — ежечасной! — работе, которую коммунисты ведут в большом коллективе. Тут и экономические стимулы, и общественный контроль, и гласность, и прочее, и прочее — целый арсенал средств...

Безнаказанность атакуется по всему фронту.

Но и Василий Яковлевич Горин, и секретарь райкома Альберт Семенович Семин, умница, один из интереснейших молодых партработников, с которыми я подружился в последние годы, толкуя обо всем этом, подчеркивают прежде всего глубинность проблемы...

Идет напряженная пятилетка, и каждому трудовому успеху, рекорду, подвигу на строительных лесах мы радуемся еще и потому,

что верим в открытую Лениным *силу* доброго *примера*. Но часто ли задумываемся над тем, что и безнаказанность, увы, обладает немалой «воспитывающей» функцией?

Несколько лет я чинил и чистил пишущую машинку в одной мастерской. Всегда спешил и, каюсь, платил трешки и пятерки за срочный ремонт «без квитанции». Впрочем, мастера и не делали из этого тайны: договаривались и получали деньги при заведующем и приемщице: такой был «климат». Но вот позапрошлым летом меня встретил новичок, парнишка лет 18, внимательный и опрятный. Как он копался в преискурантах, чтобы меня не обсчитать! Как трепетно диктовал цены приемщице! И сделал все, как надо. Прошел еще год, я застал того же парнишку, только повзрослевшего, с бачками и усиками. Меня он не узнал. Машинку взял небрежно и громко, никого не стеснясь, хотя рядом сидели заведующая и приемщица, объявил: «Пятерка — и все дела!»

Боже мой, его уже просветили, выучили, превратили в барыгу! А день был солнечный, яркий и мастерская была освещена: на стенах висели лозунги о пятилетке, и праздничная стенгазета, и доска показателей, не хватало только таблички: «Вас обслуживает коллектив коммунистического...», но и она могла оказаться: мастерская-то, вероятно, выполняла планы.

И тут, может, впервые с такой ясностью возникла мысль, а всякий ли коллектив — коллектив?

И еще: если безнаказанность так скоро превратила честного парнишку в барыгу, то не способна ли она превращать и вполне взрослых аккуратных служащих сперва в «разовых», а потом «закоренелых» халтурщиков, а начинающих волокитчиков в отпетых, изощренных чинуш? И не опаснее ли для нас именно это растление душ, чем даже материальный ущерб от безнаказанности? Раз — простили, второй — оборонили, третий — «не выдали», и вот он, готовенький! Куда его девать?

Но разве мы с ней не воюем, с безнаказанностью? И тысячи и тысячи народных контролеров — честь и хвала им и всеобщая поддержка, этим прекрасным и самоотверженным людям. И общественные организации, и административные органы. И наш брат, выступающий в газетах.

Но если появляются все новые факты — значит, воюем недостаточно. Да и явление, коли иметь в виду его нравственный смысл, не такое, чтобы с ним можно было справиться «одним махом». Борьбу надо усиливать, а о зле говорить полным голосом. И если XXIV съезд партии и Пленумы ЦК резко, прямо, со всей остротой вскрывают

недостатки и в экономике, и в управлении, и во всех звеньях нашего аппарата и требуют повышения ответственности — это признак не слабости, а силы. И выражение традиций народа, партии...

...Недавно перечитывал работы Ф.Э. Дзержинского, в том числе и последнюю речь, произнесенную за считанные минуты до смерти, на Пленуме Центрального Комитета партии. Феликс Эдмундович говорил: «Я не щажу себя... Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...»

Не щажу! Со всей силой обрушиваюсь! Заповедь большевика. И завет наследникам...

...Мы немало пишем сегодня о сохранении земель, вод, чистоты воздуха и при этом непременно упоминаем потомков. Оставить им в порядке планету! Но ведь нам, строителям нового общества, надобно еще передать потомкам и чистую нравственную атмосферу. И когда вспоминаю того парнишку, что и с моим участием превратился в барыгу, больно от того, что он станет зрелым человеком, когда меня не будет на свете. А у него появится сын...

Безнаказанность — зло. И заострять разговор о нем менее опасно, чем приуменьшать, затушевывать. Воевать же с ним — обязанность. Перед страной. Перед социализмом. Перед нашими современниками. И перед теми, кто сменит нас...

Литературная газета. 1973. 21 марта

Глава VII

ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 80-х — НАЧАЛА 90-х годов

Предстоит выйти не
как просчетов, так и достижений

ЗАВИСИТ ОТ НАС

ПЕРЕСТРОЙКА В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

Не надо высокомерно спрашивать:
«А что, собственно, изменилось, где перемены, я что-то не вижу больших перемен?»
Надо работать, трудиться надо для того,
чтобы перестройка стала необратимой

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Преодоление инертности,
тормозящей наше движение вперед,
невозможно без правды о прошлом

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ

Каждый должен будет спросить себя:
что ты сделал для страны, общества, государства?
Этот вопрос — граница между теми, кто живет и работает для себя,
и теми, чья жизнь связана с интересами страны

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

...Конечной целью перестройки
все-таки будет не экономика,
а просто богатый человек.

Апрель 1985 года стал историческим рубежом в истории Советского государства. С приходом к власти М.С. Горбачева была предпринята смелая попытка обновить социализм, вдохнуть новую жизнь в умирающую систему. И хоть предпринятый рывок от авторитарно-бюрократического режима к демократии успехом не увенчался, обновить социализм, ничего не меняя по сути в фундаментальных основах системы, не удалось, все же произошел прорыв к открытости и свободе слова, резко возрос общественный интерес к публицистике, ставшей катализатором самостоятельности мысли и идеологического раскрепощения.

ПЕРЕСТРОЙКА И ЖУРНАЛИСТИКА

Важнейшие завоевания перестройки — гласность, принятые законы о правах человека, о политических партиях, о печати, которая в условиях монопольного господства КПСС, хоть и рассматривалась по-прежнему как оружие в руках партии, благодаря завоеванной гласности наносила удар за ударом по устоям тоталитаризма, подталкивая его к неизбежному распаду.

Вся система средств массовой информации периода 1985—1991 гг. значительно видоизменилась, хотя по-прежнему подавляющее количество полиграфических мощностей принадлежали КПСС. По-прежнему СМИ продолжают развиваться как единый пропагандистский комплекс, растет количество партийных изданий, увеличивается их тираж. Начиная с 1985 г., разовый тираж газетно-журнальной периодики ежегодно возрастает на 20 млн экземпляров. В 1988 г., по сравнению с 1985 г. он увеличился на 62,4 млн экз. Произошло резкое увеличение выпуска

центральных газет: тираж «Правды», которая стала издаваться еще на французском, испанском и других языках в 1987 г. превысил 11 млн экз., «Комсомольской правды» — достиг — 17 млн, «Труда» — 18 млн экз. Рост тиража продолжался и в последующие годы: в 1990 г. рекордной отметки достиг тираж «Аргументов и фактов», составив 34 млн экз.; 20,3 млн равнялся тираж «Комсомольской правды», 20 млн — «Труда». И хотя у некоторых газет («Советская Россия», «Красная звезда» и др.) количество подписчиков сократилось, объем периодики в целом с 1987 по 1990 г. возрос на 10%.

Значительно увеличились тиражи и журнальных изданий. В 1985 г. «Огонек» имел тираж 1,5 млн экз., в 1990 — 4 млн, «Новый мир» — 425 тыс. и 2,7 млн, «Знамя» — 177 тыс. и 900 тыс. экз. Самые крупные тиражи по-прежнему были у журналов «Работница» (20,5 млн), «Крестьянка» (20,3 млн), «Здоровье» (25,5 млн экз.).¹

Нельзя не отметить продолжавшегося преобразования некоторых центральных газет в органы ЦК КПСС. С 1 января 1987 г. их числополнила «Строительная газета», а с 3 января 1989 г. — «Учительская газета». Как разъяснялось читателям, эти газеты преобразовывались в связи с необходимостью «усиления политического руководства строительством», а также «делом обучения и воспитания подрастающего поколения».

В августе 1989 г. ЦК КПСС принял постановление «О некоторых вопросах перестройки центральной партийной печати». Уроки общественного развития после апреля 1985 г., отмечалось в постановлении, выдвигают необходимость перестройки партийной прессы, призванной активнее способствовать возрождению «ленинской концепции партии как политического авангарда общества». В целях «совершенствования центральных партийных газет» в соответствии с постановлением на базе «Социалистической индустрии» и «Строительной газеты» в 1990 г. была создана ежедневная газета **«Рабочая трибуна»**, а еженедельная «Экономическая газета» перепрофилирована в ежедневную массовую газету ЦК КПСС. Одновременно, прекратив выпуск партийных журналов «Агитатор» и «Политическое самообразование», ЦК КПСС начал издавать журнал **«Диалог»**. В соответ-

¹ Все статистические данные приводятся по сообщениям центральных газет и книге *Вачнадзе Г.* Секреты прессы при Горбачеве и Ельцине. — М., 1992.

ствии с этим постановлением ЦК компартий союзных республик было дано указание пересмотреть структуру своих партийных изданий, добиваясь снижения их убыточности.

Возникает немало новых газет и журналов. В числе первых начал издаваться бюллетень **«НТР: проблемы и решения»**. В открывавшей первый номер статье «Читатель и прогресс» отмечалось, что программа существенного ускорения темпов роста, интенсификации экономики, научно-технического прогресса, принятая апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС, будет главной в деятельности редакции, которая станет стремиться «вести научно-техническую мысль в обгон, а не в догонку»². В состав редколлегии «Бюллетеня» вошли видные академики и члены-корреспонденты АН СССР. Основными в «Бюллетене», предназначенном для инженеров, конструкторов, технологов, организаторов производства, стали разделы: «НТП-85», «Пульс НТР», «Новая техника», «Наука вокруг нас».

Из новых изданий следует выделить журналы **«Трезвость и культура»**, **«Родина»** (ежемесячное приложение к газете «Правда»), еженедельник **«Семья»** — издание Советского детского фонда им. В.И. Ленина. Наибольшее внимание в еженедельнике уделялось проблемам укрепления семьи, о чем свидетельствовали основные рубрики издания: «Семейный детский дом», «Мамина страница», «Папина страница», «Бабушкина страница» и «Дедушкина страница».

Заметным явлением в отечественной журналистике конца 90-х стало издание журнала **«Наше наследие»**. Представляя читателям его первый номер, редактор писал: «Нам очень хочется выпускать истинно культурный, по-настоящему интеллигентный журнал, интересный прежде всего массовому читателю, приобщающий его к истинным ценностям отечественного многонационального литературного, исторического, философского, художественного наследия, пробуждающим гражданские чувства ответственности в сохранении и приумножении народного культурного достояния»³. Уже в первом номере читатели познакомились с «Африканским дневником» Н. Гумилева, стихотворными произведениями М. Цветаевой, с захватывающими

² НТР: проблемы и решения. 1985. № 1.

³ Книжное обозрение. 1988. 2 августа.

публикациями под рубрикой «По страницам старых журналов». В последующих номерах внимание подписчиков неизменно привлекали не публиковавшиеся ранее, малоизвестные произведения А. Ахматовой, Е. Замятина, Вл. Ходасевича, Вяч. Иванова, М. Осоргина, мемуары И. Бунина, М. Пришвина и многих других.

Среди новых изданий, свидетельствующих, что пресса периода перестройки, как и в годы авторитарно-бюрократического режима должна была отвечать главной задаче — повышения роли КПСС как политического авангарда общества, стало возобновление в январе 1989 г. журнала **«Известия ЦК КПСС»** и газеты **«Правительственный вестник»**. Журнал «Известия ЦК КПСС» явился преемником «Известий ЦК РКП(б)», издававшихся в 1919—1929 гг. В первом же номере возобновленного журнала были помещены краткие биографии членов Политбюро, секретарей ЦК КПСС, опубликованы материалы о работе Центральной ревизионной комиссии, Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, непубликовавшиеся ранее документы В.И. Ленина. Открывался номер обращением Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, разъяснявшего, что главная задача нового издания «помогать трудящимся более широко участвовать в разработке и осуществлении партийной политики», что журнал будет следовать традициям издававшихся при В.И. Ленине «Известий ЦК РКП(б)».

Традициям издававшейся при В.И. Ленине «Газеты Временного рабочего и крестьянского правительства» следовала и газета «Правительственный вестник». Ее первый номер также открывался обращением «К нашим читателям» председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова. Эти издания — самое красноречивое свидетельство, что СМИ по-прежнему являлись главной трибуной партии, призванные главное внимание уделять «ключевым направлениям реализации политики КПСС»⁴.

В условиях демократизации общества появляются и качественно новые издания: «Независимая газета», «Куранты», «Совершенно секретно». Еженедельник **«Куранты»** — первая попытка создать независимое от политических партий издание. Первый его номер увидел свет 20 сентября 1990 г. В передовой «К читателю» гово-

⁴ О газете «Правда». Постановление ЦК КПСС // Правда. 1990. 7 апреля.

рилось: «Мы внепартийная газета. Но — обостренно политическая... Имея свою вполне определенную позицию, редакция тем не менее будет стараться отражать весь широкий спектр общественного мнения горожан, депутатских фракций. И, конечно, мы постараемся сделать все, чтобы быть просто интересной газетой для самых разных читателей». Учредителем газеты выступил Моссовет. Он же стал учредителем и **«Независимой газеты»**, появившейся в декабре 1990 г. В первые месяцы весь 150-тысячный тираж газеты распространялся исключительно в столице.

Радио и телевидение. Все больший размах получало радиовещание. В 1990 г. вещание вели около 180 радиодомов и свыше 5 тысяч местных радиостанций. 22 августа 1990 г. начались передачи первой негосударственной (независимой от Гостелерадио) радиостанции **«Эхо Москвы»**, в числе учредителей которой были Моссовет, редакция журнала «Огонек» и факультет журналистики МГУ. В начале 1991 г. образовалась Российская независимая телерадиокомпания, в составе которой стало функционировать **«Радио России»**. «Московское радио» вышло на первое место в мире по объему вещания на зарубежные страны — 2.227 часов в неделю на 80 языках мира. По числу же слушателей самая большая аудитория была у Би-Би-Си (120 млн человек в год), у «Голоса Америки» (85 млн), у «Свободной Европы» (55 млн), у «Немецкой волны» (30 млн), у «Московского радио» (15 млн), у «Радио Франции» (10 млн), у «Радио Пекина» (5 млн человек)⁵.

Практически все население СССР смотрело телевизионные передачи, которые к 1990 г. вели более 130 программных телецентров. Первая программа стала доступной в самых удаленных регионах, вторая использовалась для прямых телетрансляций заседаний Верховного Совета СССР, третья — предназначалась москвичам, четвертая — являлась учебной. Несомненным достижением Центрального телевидения стали передачи «12 этаж», «Взгляд», «7 дней», «До и после полуночи». С 3 августа 1987 г. стал действовать «Прожектор перестройки».

Значительных успехов добилось ленинградское телевидение. Это, прежде всего, «Телекурьер» — обозрение из небольших репортажей, снимаемых в течение каждой субботы и выдавае-

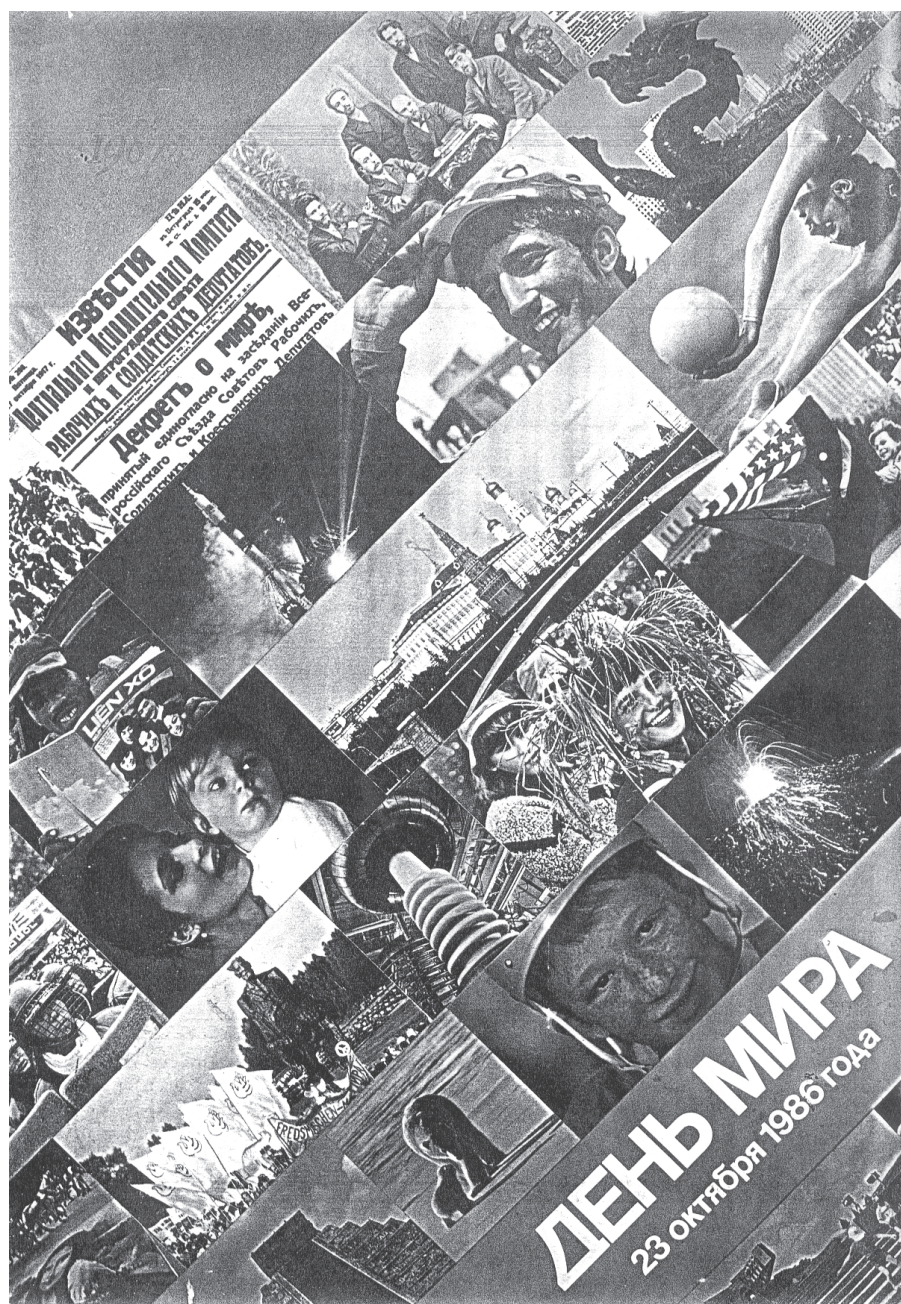
⁵ Вачнадзе Г. Секреты прессы при Горбачеве и Ельцине. — М. 1992. С. 249—250.

мых в эфир ближе к полуночи. Это и «600 секунд» Александра Невзорова, который в одиночку обеспечивал ежедневные десятиминутки новостей и стал одним из популярных телеведущих. Неизменный интерес вызывали передачи «Пятое колесо», с выходом которого на телеэкраны появился совершенно новый видеоканал, объединивший конгломерат разнохарактерных и разножанровых материалов. Именно на этом канале были переданы первые интервью с академиком А. Сахаровым, первые записи митингов общества «Память», первые митинги в поддержку сооружения Мемориала жертвам сталинизма.

Еще до Великой Отечественной войны в Москве был проложен первый телевизионный кабель, но только в 1988 г. Моссовет утвердил «Генеральную схему по развитию кабельного ТВ». В августе 1990 г. был создан Союз организаций кабельного и эфирного телевидения СССР, представлявших около 500 зарегистрированных в стране студий кабельного телевидения, обслуживающих до 15 млн абонентов.

Процессы демократизации общества существенно отразились и на книгоиздательской деятельности. Появились произведения, хранившиеся только в спецхранах, в том числе даже книги объявленных «врагами народа» политических деятелей Г. Зиновьева, Л. Каменева, Л. Троцкого и др. Стали доступны мемуары А. Керенского, атамана П. Краснова, генерала А. Деникина, запрещенные в советское время художественные произведения Е. Замятина, И. Северянина, И. Шмелева, книги авторов, покинувших СССР в последние десятилетия — В. Аксенова, А. Галича, А. Солженицына и многих других. 3 апреля 1988 г. «Известия» в статье «Изпод ареста» сообщили о реабилитации 180 книг и брошюр Н. Бухарина, почти 70 произведений А. Рыкова, трехтомника М. Кольцова, выпущенного в 1928—1929 гг. В статье говорилось: «Перечислять можно очень долго, ведь только творческое наследие репрессированных политических деятелей насчитывает свыше пятисот наименований».

«День мира». Читателей все больше радовали прекрасно оформленные книги серии «Отечество»: «Пушкиногорье», «Свет Ясной Поляны», «Вечные березы». Нельзя не отметить изданной книги «День мира», посвященной 70-летию Советского государства. В предисловии к ней журналисты Агентства печати Ново-

сти писали: «Читатель! Перед тобой третья книга «День мира». Третья попытка воплощения великолепной идеи Алексея Максимовича Горького — дать моментальный снимок жизни нашей планеты за один оборот Земли вокруг своей оси... Первая книга запечатлела события 27 сентября 1935 года. Она готовилась к печати, а великого писателя, задумавшего ее, уже не было в живых. Второй редактор «Дня мира» Михаил Кольцов ровно через год встречал в Испании советский теплоход с продовольствием, отправленным республиканцам советскими женщинами. А затем в бурлящем Мадриде 27 сентября 1936 года читал гранки книги, писал последние строки предисловия.....

Новую книгу «День мира» 27 сентября 1960 года создавал коллектив журналистов газеты «Известия» с сотнями добровольных помощников в СССР и за рубежом — писателями, учеными, общественными деятелями и просто неравнодушными читателями»⁶. Третья книга, как и две первые, хотя и была излишне политизирована, многое правдиво запечатлела из того, что происходило в мире 23 октября 1986 г. со всей «безумной, фантастической пестротой его явлений» и, прежде всего то, что к этому дню население Земли приближалось к пяти миллиардам, что в космосе побывало 198 землян из 18 стран, что человек осуществил пересадку сердца, близок к созданию искусственного интеллекта, разгадке тайн генетического кода, что он поставил себе на службу биотехнологии, что в мире почти 400 атомных реакторов вносят ощутимый вклад в удовлетворение энергетических потребностей 39 стран⁷.

Информационные агентства. Значительно расширилась деятельность информационных агентств. К 1991 г. функционировали 336 телеграфных и 180 телефонных каналов связи, соединявших ТАСС со страной и со всем миром. Его подписчиками являлись свыше 600 зарубежных информационных агентств, редакций газет и журналов из 115 стран. Помимо ТАСС, только АПН имело подобную разветвленную сеть корреспондентов и прочих представителей в СССР и за границей: в стране насчитывалось 20 корпунктов, за рубежом корреспонденты имелись в 120 странах. В июле 1990 г. АПН было преобразовано в государ-

⁶ День мира. — М., 1987. С. 5.

⁷ Там же.

ственное информационное агентство «Новости» (ИАН). С момента своего возникновения АПН, созданное общественными организациями (Союз журналистов СССР, Союз писателей СССР, Всесоюзное общество «Знание» и др.), считалось тоже общественной организацией. Превращенное в государственное, агентство стало именоваться АПН-ИАН. Вскоре, кроме ТАСС и АПН-ИАН, возникают новые информационные агентства: «Постфактум», «Интерфакс», СиБИА и др. Самую большую известность из них получает «Интерфакс». Особенно популярной его информация стала среди иностранных дипломатов и специалистов, которых не устраивала тенденциозная и не очень оперативная, по их мнению, информация ТАСС и АПН. К 1990 г. информацию «Интерфакса» получали уже в 40 странах мира. Из советских изданий одной из первых информацией «Интерфакса» стала пользоваться газета «Известия». Одновременно с «Интерфаксом» в 1989 г. возникло и агентство «Постфактум» — первое независимое, выражавшее свою, а не официальную точку зрения, агентство. В это же время начинают действовать информационные агентства на местах. Из них в числе самых первых было Сибирское информационное агентство (СиБИА). В его составе было всего пять человек и ни одного профессионала. Из региональных агентств, представлявших объединения местных журналистов, можно назвать также «Сибинформ», «Харьков-новости».

Подготовка журналистских кадров. Годы перестройки стали рубежом и в подготовке журналистских кадров. В 1985 г. состоялось Всесоюзное совещание руководителей и преподавателей факультетов и отделений журналистики университетов страны, на котором были подведены итоги журналистского образования в доперестроечное время. Подготовка журналистов к 1985 г. велась в 23 университетах страны, в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Высшей партийной школе и областных ВПШ, Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, Московском институте международных отношений (МГИМО), Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, в Московском и Украинском полиграфических институтах, Военно-политической академии им. Ленина и Львовском высшем военно-политическом училище. Число студентов-журналистов составляло более 15 тысяч⁸.

⁸ Свитич Л., Ширяева А. Журналистское образование: взгляд социолога. — М., 1977. С. 29—30.

Университетская система подготовки журналистов пришла на смену КИЖам. Московский КИЖ (Красный институт журналистики) был закрыт в 1938 г., а первый факультет журналистики появился в Уральском государственном университете в 1941 г. В 1944 г. был создан факультет журналистики в Белорусском университете, в 1946 г. началась подготовка журналистов в Ленинградском, 1947 — Московском, 1954 — Львовском университете. Бурный рост новых отделений и факультетов журналистики происходит в 1960-е годы, когда подготовка работников средств массовой информации началась в Дальневосточном, Воронежском, Иркутском, Казанском, Кишиневском, Ростовском и других университетах.

ПЕРЕСТРОЙКА В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

В год семидесятилетия Советского государства такой же семидесятилетний юбилей отметили созданные в 1917 г. газеты «Гудок», «Известия», «Сельская жизнь», а также многие областные и краевые газеты. В 1986 г. 100-летие и 125-летие отмечали журналы «Морской флот» и «Вокруг света». Конечно, в приветствиях по случаю юбилея неизменно отмечалось, что все издания внесли «неоценимый вклад в строительство социализма в нашей стране», что их страницы — это «волнующая летопись героических свершений советского народа». Однако, как оказалось на самом деле, длительный застой в экономической жизни страны, отставание сельского хозяйства, рост дефицита товаров народного потребления, вызвали необходимость быстрыми темпами наверстать упущенное. Поэтому, начатая в 1985 г. перестройка, должна была развиваться стремительно: требовалось незамедлительно добиться заметного сдвига всего производства в сторону интенсификации.

Внеочередной Пленум ЦК КПСС 11 марта 1985 г. избрал М.С. Горбачева Генеральным секретарем партии, а уже в апреле было принято решение о созыве XXVII съезда КПСС. Как и в доперестроечные времена в средствах массовой информации тотчас же появляется постоянная рубрика «Навстречу XXVII съезду КПСС», публикуются проекты новой редакции

Программы и Устава КПСС. «Стратегия партии», так была озаглавлена передовая «Правды» 10 ноября 1985 г., в которой утверждалось, что за очередную (двенадцатую) пятилетку и до 2000 г. надлежит создать производственный потенциал «равный по своим масштабам накопленному за все предшествующие годы», что национальный доход должен увеличиться также «почти в два раза», а производительность общественного труда — в 2,3—2,5 раза.

Все средства массовой информации включились в активную пропаганду повышения темпов и эффективности экономики на базе ускорения научно-технического прогресса, перевооружения и реконструкции производства, совершенствования системы управления, хозяйственного механизма. В печать, на радио и телевидение не прекращается поток материалов о последовательном осуществлении продовольственной программы СССР, комплексной программы развития производства товаров народного потребления. Неизменно акцентируется внимание читателей, на том, что достичь высоких намеченных рубежей можно лишь напряженным производительным трудом. Средства массовой информации призывают «использовать все средства и возможности», чтобы «взять энергичный старт в двенадцатой пятилетке» и «достойно встретить XXVII съезд КПСС». «Всенародная трибуна» — под таким аншлагом публикует «Правда» читательские письма с замечаниями и предложениями по содержанию новой редакции Программы и Устава КПСС. В редакцию поступают тысячи писем не только с одобрением курса на ускорение, но и нескрываемым сомнением: хватит ли сил грандиозные планы перестройки довести до конца. Многие писали, что немало еще у нас партийных руководителей, которые ведут себя, как «старорежимные бай», «путая свой карман с государственным». Что тормозящих перестройку еще предостаточно, убедительно было сказано в статье-обзоре Т. Самолис «Очищение», напечатанной в «Правде» 13 февраля 1986 г. с подзаголовком «Откровенный разговор». Во время обсуждения предсъездовских документов, пишет она, через мои руки прошли тысячи писем, свидетельствующих, как трудно идет перестройка, как велик еще «инертный и вязкий партийно-административный слой», которому совсем не хочется «радикальных перемен» и которые вряд ли добровольно откажутся от спецбуфе-

тов, спецмагазинов, спецбольниц и других своих привилегий. На статью Т. Самолис редакция «Правды» получила многочисленные отклики, в одном из которых сообщалось: «Когда моя бабушка прочитала статью, она заплакала и сказала: «Наконец-то стучится в нашу жизнь правда. Открыть бы пошире ей двери»⁹. Однако открыть пошире двери правде стало возможно только после XIX партийной конференции, принявшей специальную резолюцию «О гласности», как незаменимом оружии перестройки. А в 1986 г. автора статьи «Очищение» заставили замолчать и лишь спустя два года появилось следующее ее выступление, озаглавленное «Очищение правдой», из которого читатели «Правды» узнали, как хотелось некоторым чиновникам расправиться с автором откровенного разоблачения противников перестройки.

Гласность как одно из главных завоеваний перестройки, хотя и не принимала форму классовых антагонизмов, воспринималась очень остро. В марте 1988 г. в газете ЦК КПСС «Советская Россия» под рубрикой «Полемика» появилось письмо в редакцию преподавателя ленинградского вуза Нины Андреевой, озаглавленное «Не могу поступиться принципами», вызвавшее самую непримиримую полемику: одни утверждали, что это «патриотическая статья», другие характеризовали ее как антиперестроечную. 5 апреля в «Правде» появился редакционный ответ на статью Н. Андреевой «Принципы перестройки: революционность мышления и действий». В статье Андреевой, отмечала «Правда», есть наблюдения, с которыми нельзя не согласиться, есть энергично выраженная озабоченность некоторыми негативными явлениями, но главное в том, особо акцентируется внимание читателей, что в статье «обнаруживается полная несовместимость и противоположность ее позиций и основных направлений перестройки».

Редакционный ответ «Правды», прозвучавший как директива доперестроечных времен, не получил полного одобрения читателей, особенно тех, которые заявили, что развернувшаяся полемика «не есть стремление истребить оппонента». «Наивно думать, — писал в статье «Так понимаю» журналист А. Проханов, — чтобы в таком огромном и сложном обществе, как наше, один-единственный взгляд имел право на истину в по-

⁹ Самолис Т. Очищение правдой. Правда. 1988. 7 июня.

следней инстанции. Сложная, взаимообогащающая сумма взглядов, единство, основанное на противоположностях, — вот желанный результат в этой полемике»¹⁰.

ОДИН ИЗ САМЫХ ЧИТАЕМЫХ ЖАНРОВ

Острая полемичность публицистики периода перестройки — главная ее отличительная особенность. Именно поэтому читатели стали называть публицистику одним из самых читаемых жанров, призывая «сохранить лучшие страницы перестройки» как «духовное завещание одного поколения другому». Именно поэтому только в 1988 г. один за другим появляются сборники публицистики «Зависит от нас. Перестройка в зеркале прессы», «Иного не дано», «Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки», «Если по совести...», «Уроки горькие, но необходимые» и др. Составители сборника «Зависит от нас. Перестройка в зеркале прессы» в редакционном вступлении заявляли: «Наш сборник, конечно, ни в малой степени не претендует на полноту охвата важнейших публикаций и жанров последнего времени. Уровень сегодняшней журналистики таков, что понадобилась бы целая библиотека, чтобы поместить все статьи, достойные книжного запечатления»¹¹. В сборнике, как и в других аналогичного характера книгах, представлены самые разные точки зрения на методы и пути обновления общества, для того чтобы в результате выявить «без изъятия полную правду» о прошлом и настоящем во имя нашего будущего.

Стремясь выявить «полную правду» редакции периодических изданий стали систематически печатать статьи ученых, особенно историков. В «Правде» стали регулярно появляться полосы под общим названием «Страницы истории», на основе которых были изданы двухтомник **«Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки»** и сборник статей **«Урок дает история»**. Появившиеся по инициативе «Правды», эти книги не только содержали статьи по вопросам, о которых раньше «не смели и задумываться», но они демонстрировали реальную связь работы редакций

¹⁰ Проханов А. Так понимаю. Литературная Россия. 1987. 3 апреля.

¹¹ Зависит от нас. Перестройка в зеркале прессы. — М., 1988. С. 5.

Какие исторические возможности и альтернативы не были использованы и почему? Ответы на эти вопросы — в книге

УРОК ДАЕТ
История

Если
по
СОВЕСТИ

УРОКИ
ГОРЬКИЕ.

ПУБЛИЦИСТИКА СЕГОДНЯ

НО НЕОБХОДИМЫЕ

с реальными жизненными процессами. В условиях обновления общества потребовалось очищение исторической науки от субъективистских наслоений и фальсификации, от общепринятой схемы, извлеченной из «Краткого курса». И поэтому стало чрезвычайно важным проведение **«круглых столов»** ведущих журналистов и крупнейших ученых по проблемам отечественной истории. «Круглые столы», кроме «Правды», наиболее успешно проводила редакция журнала «Коммунист», приглашавшая к дискуссиям академиков П. Кима, И. Минца, А. Самсонова, многочисленных докторов и кандидатов наук. Наибольший резонанс получили материалы «круглых столов»: «Основные этапы развития Советского общества» («Коммунист», 1987, № 12), «Двадцатые годы: начало пути» («Ленинградская правда», 1989, 2 марта), «НЭП: Суть. Опыт. Уроки» («Правда», 1988, 15 июля). Следует выделить также статьи Д. Данилова «Коллективизация: как это было» («Правда», 1988, 16 сентября), Ю. Полякова «Исторический процесс многомерен» («Вопросы истории КПСС», 1989, № 9), Е. Зубковой «Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 годов» («Вопросы истории КПСС, 1988, № 4), Ф. Бурлацкого «Брежнев и крушение оттепели. Размышления о природе политического лидерства» («Литературная газета», 1988, 14 сентября).

Социально-политическая значимость публицистики в годы перестройки особенно проявилась в издании книги **«Иного не дано»**, увидевшей свет накануне XIX партийной конференции. В книге затронут самый широкий спектр проблем: экономика, история, культура, идеология, политика. В ней приняли участие ученые-естественники и ученые-гуманитарии, писатели и публицисты, академики А. Сахаров и Т. Заславская. Редактор книги Ю. Афанасьев заметил, что в ней, даже сравнительно с тем, к чему уже более или менее привыкли в пору перестройки и гласности, «немало непривычно откровенного и резкого», что такая книга в доперестроречные времена «не могла бы появиться»¹².

Вслед за сборником «Иного не дано» вышла аналогичная книга, в основном тех же авторов, под заглавием **«Постижение»**, в которой также обосновывается необходимость коренных пре-

¹² Иного не дано. — М., 1988. С. 5.

образований в сфере общественных отношений, излагаются взгляды на процессы, обусловленные перестройкой.

В нараставшем потоке публицистики самую большую озабоченность вызывало неудовлетворительное состояние экономики. В дискуссию о путях быстрее вывода экономики из кризиса вступили такие видные писатели и публицисты, как В. Белов, В. Лацис, В. Селюнин, А. Стреляный, Н. Шмелев и многие другие. В шестом номере журнала «Знамя» появилась содержательная статья «Приход и расход» А. Стреляного, открывшая острую дискуссию по дальнейшему экономическому развитию страны. А. Стреляный достаточно убедительно писал, что успешным может быть только товарное, рассчитанное на потребителя производство, и все попытки «отменить» или «обойти» объективные экономические законы «вредоносно» сказываются на развитии экономики¹³.

С откровенным мнением, что без конкуренции, которую так долго у нас клеймили, ни одна экономическая система не может быть жизненной, выступил в шестом номере «Нового мира» за 1987 г. Н. Шмелев. Его статья «Авансы и долги» привлекла особое внимание читателей резким осуждением сложившейся системы управления экономикой, которая «подрывает складывавшиеся веками, отвечающие природе человека стимулы к труду»¹⁴.

Весьма одобрительные отклики получили статьи **Д. Валового**, **В. Селюнина**, решительно выступивших против «самоедской экономики», «производства ради производства» и призывавших повернуть экономику лицом к нуждам человека. Особенно многочисленными были отклики на выступления писателя **В. Белова**, которого более всего тревожило состояние дел в сельском хозяйстве. Укрупнение колхозов в хрущевские времена, с огорчением замечает писатель, оказалось таким же пагубным, как раскулачивание 30-х годов. В. Белов без обиняков заявлял, что с ликвидацией «неперспективных деревень», становится «неперспективным» само занятие сельским хозяйством. «Возродить в крестьянстве крестьянское», — под таким заглавием 15 апреля 1988 г. напечатала «Правда» статью писателя, вызвавшую небывалый поток читательских отзывов. Их поступило свы-

¹³ Стреляный А. Приход и расход//Если по совести. — М., 1988. С. 316.

¹⁴ Шмелев Н. Авансы и долги. Новый мир. 1987. № 6. С. 144.

ше тысячи, половина которых, по мнению В. Белова, заслуживала издания отдельной книгой. Пора понять, что земля ждет постоянных работников, а не шефов на час — таково основное содержание откликов читателей.

Большой резонанс вызывали выступления очеркиста **И. Васильева**, у которого, как и у В. Белова, особую боль вызывали также «неперспективные деревни». Одно из главных бедствий села, считает публицист, «обленение», первопричина которого — «свободное время», понятое, как праздность. В очерках, публиковавшихся в «Советской России» — «Большое дело не для труса» (22 апреля 1986 г.), «Посторонность» (4 октября 1987 г.), «Бонапартики и демократия» (15 ноября 1987 г.) — И. Васильев решительно выступает против превращения партийной дисциплины в чинопочитание, против «деловых» людей, эгоизм которых породил приятельство и протекционизм, против «бонапартиков» всех рангов, потерявших всякое представление о порядочности, и их услужливого окружения, против тех, кто занят не своим делом, кто этому делу посторонний.

Постановка таких проблем вызывала горячее одобрение читателей. «Так захватили меня рассуждения Ивана Васильева о явлении «посторонности», — читаем в одном из писем в редакцию, — что не преувеличу, сказав: «такая публицистика — событие в процессе нашего понимания нас самих, истоков наших трудностей и бед»¹⁵.

Журналисты неумоимо способствовали не только экономической, но, что еще важнее, «духовной перестройке». «Гласность — это объявленная война против бездны унижений», — писал в «Литературной газете» поэт **Е. Евтушенко**. — Гласность — это война за социальное достоинство человека. Гласность, как «буревестник, «молнии подобный» будит гражданскую совесть народа»¹⁶. Порядочность и совесть — это качества, которыми надлежит дорожить, как своим здоровьем, потому что без этих качеств — «человек не человек», — такова главная мысль выступлений в «Литературной газете» и академика Д.С. Лихачева.

«Лечить глухоту души» — все чаще, все настойчивее звучит в публицистике. В статье «О милосердии», задаваясь вопросом

¹⁵ Советская Россия. 1987. 15 ноября.

¹⁶ *Евтушенко Е.* Притерпелось. Литературная газета. 1988. 11 мая.

о том, как мы дошли до того, что из нормальной отзывчивости перешли в равнодушие, в бездушие, писатель **Д. Гранин** приходит к выводу, что публицистика, как и литература, «не может быть лишена права на сострадание», без этого не может быть «очеловечивания нашего бытия»¹⁷.

Понять и совершенствовать новый мир может только сознание, освобожденное от сталинского мышления, — вот, что стало главным в публицистике периода перестройки. Ни у кого не должно быть монопольного права на критику, гласность — это гласность для всех, пора освободиться от «гражданской дряблости и безразличия», пора возродить подлинно демократический, народный образ жизни. Утверждению этих принципов были посвящены статьи писателей **Чингиза Айтматова** «Не подрываются ли основы» («Известия», 1988, 4 мая), **Юрия Карякина** «Ждановская жидкость», или против очернительства» («Огонек», 1988, № 19), Евгения Носова «Что мы перестраиваем» («Литературная газета», 1998, 20 апреля).

Одной из главных стала в публицистике тема экологии и не только в нашей стране, но и в масштабе планеты. Сейчас на планете, — писал В. Белов в «Новом мире» в 1988 г., — уже более 4 млрд га пустынь. Пустыня с помощью человека расширяется со скоростью 4 га в минуту. Безжалостно и стремительно вырубаются леса Африки, Южной Америки, русского Северо-Запада и Сибири, а ведь Земля, хоть и велика, но и у нее есть предел¹⁸.

Действенным средством в борьбе за чистоту окружающей среды стала предфактумная (упреждающая) публицистика, занимавшая все более значительное место на страницах газет и журналов. Благодаря заблаговременным настойчивым выступлениям журналистов удалось отклонить проект строительства Нижнеобской ГЭС и не допустить затопления более ста тысяч квадратных километров территории, на которой добывались миллионы тонн нефти.

Упорнейшую борьбу вели журналисты за спасение Байкала, битва за который продолжалась более тридцати лет. Еще в феврале 1959 г. «Литературная газета» писала, что «славное море»

¹⁷ Гранин Д. О милосердии. Литературная газета. 1987. 18 марта.

¹⁸ См.: Белов В. Ремесло отчуждения. Новый мир. 1988. № 6.

должно быть заповедной зоной. Борьба особенно обострилась после того, как началось строительство Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, вредные сбросы которого не могли не губить кристально чистых вод озера и окрестных лесов. Тревогу за судьбу Байкала выражали крупные ученые, писатели — академик А. Трофимчук, Валентин Распутин и др. Борьба за то, чтобы никогда не замутился этот «хрустальный ключ», «главный родник России», в конечном итоге принесла известные результаты: в апреле 1987 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о кардинальных мерах по защите бассейна озера от загрязнений, о перепрофилировании Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, о развитии на берегах Байкала без отдыха и туризма.

Преодоление ведомственных барьеров в борьбе за чистоту окружающей среды требовало огромнейших усилий. Пример тому не только защита Байкала, но и борьба за Ладожское озеро, за такие заповедные места, как толстовская Ясная Поляна, некрасовская Карабиха, Щелыково, где расположен музей-заповедник великого драматурга А.Н. Островского. Под названием «У крайнего предела» появилось 6 апреля 1987 г. выступление в «Правде» ее корреспондента В. Герасимова, с огромной тревогой сообщавшего, что предприятия Минлесбумпрома вопреки всем выступлениям газет и письмам-протестам читателей продолжают сбрасывать в Ладожское озеро загрязненные стоки. «Мне выпала честь, — приводит В. Герасимов слова полковника В. Солода, — в годы блокады защищать легендарную «дорогу жизни» артиллеристом-зенитчиком. Даже в те дни солдаты и командиры заботились о чистоте ладожской воды, и любой нехля, кто сливал в озеро отработанные масла или пытался вымыть в нем машину, подвергался не только нравственному осуждению, но и дисциплинарному наказанию, хотя особых приказов на этот счет и не было». После выступления «Правды» меры были приняты: Политбюро ЦК КПСС не только приняло решение о перепрофилировании Приозерского целлюлозно-бумажного завода, но и предложило соответствующим организациям подготовить долгосрочную комплексную программу решения экологических проблем в стране.

Были приняты меры и по выступлению собкора «Литературной газеты» З. Балояна «Ереван в беде»: Совет Министров СССР

принял решение о перераспределении и перепрофилировании ряда промышленных предприятий, расположенных в регионе армянской столицы.

Бескомпромиссная упреждающая публицистика значительно усиливала позитивную действенность средств массовой информации. Самый яркий пример действенности упреждающей публицистики — приостановка и закрытие проекта о переброске северных рек на юг, в Каспий, осуществление которого грозило затоплением огромной территории Западной Сибири, потребовало бы колоссальных бессмысленных денежных затрат. К счастью, журналисты добились своего: на XXVII съезде партии было принято решение о прекращении работ по переброске северных рек. И в журнале «Новый мир» его редактор Сергей Залыгин писал: «Отказавшись от надуманных, в узковедомственных интересах проектов переброски речного стока, или, как еще говорят у нас «проектов поворота рек» государство наше осуществило поворот в сторону общественного мнения. Поворот столько же необходимый, сколько и необратимый»¹⁹.

Очерк С. Залыгина «Поворот», как справедливо отмечалось в печати, убедительно показал, насколько важна предфактурная (упреждающая) публицистика, способная «предотвратить пагубу», способствуя тем самым быстрейшему экономическому и духовному возрождению страны.

Формы массовой работы. Отечественная журналистика периода перестройки использовала все сложившиеся в советский период формы массовой работы. Постоянно появлялись возникшие в годы первых пятилеток и возобновленные в 1963 г. «Страницы народного контроля». В «Правде» к 1988 г. было обнародовано свыше 500 страниц, которые в годы перестройки выходили под заглавием «При свете гласности». Регулярно проводились общественные рейды, материалы которых чаще всего публиковались под рубрикой «Трезвость — норма жизни». По примеру «Окон РОСТА» и «Окон ТАСС» появились «Окна перестройки». Наиболее удачно «окна» использовали «Московская правда» и «Вечерняя Москва». Редакция «Вечерки» совместно с издательством «Плакат» провели конкурс на лучшую идею создания

¹⁹ Залыгин С. Поворот. Новый мир. 1987. № 1. С. 1.

плаката под девизом «Экономия и бережливость на производстве и в быту». В связи с антиалкогольной пропагандой и борьбой за здоровый образ жизни редакциям газет рекомендовалось использовать такие, например, стихотворные подписи к соответствующим рисункам:

Ускорь решение вопроса:
Здоровье или папираса?

В битве против алкоголя...
Победитель — наша воля.

Самогон из жизни — вон!²⁰

Как и в доперестроечные времена, проводились фотоконкурсы и конкурсы на лучший очерк. Из форм массовой работы особо следует выделить «круглые столы», прямые трансляции и телемосты. Наибольший успех имели телемосты «Верховный Совет СССР — Конгресс США». «Прошедшие телемосты и советско-американский диалог в целом, — писала «Правда» 20 ноября 1987 г. в статье «Еще один диалог», — это не состязание в изворотливости, в умении обыграть соперника и набрать побольше очков. Дело это гораздо более серьезное и главное — нужное обеим странам, нужное всему миру. И играем мы здесь в одни ворота — «ворота» стабильного, долговременного мира на Земле».

Альтернативные издания. В первые годы перестройки изменения в системе отечественных СМИ были не столь значительны, как в последние годы советского государства, когда система журналистики начала меняться качественно. Из подполья вышел самиздат: в 1989 г. в стране выходили более тысячи периодических изданий такого характера. Из них 333 — общеполитических, 89 — литературно-художественных, 36 — христианских, 16 — экологических²¹. Появились также пацифистские, юмористические, детские и другие издания. Правда, большая часть газет и журналов уже не являлась самиздатом в его традиционном понимании: это были издания различных обществен-

²⁰ Агитатор. 1988. № 2. С. 63.

²¹ Корнилов Е. Журналистика на рубеже тысячелетий. — Ростов-на-Дону. 1999. С. 100.

ных движений, организаций, групп, выходившие открыто и получившие название альтернативной прессы. К 1991 г. численность альтернативных изданий достигла двух тысяч, а тираж возрос до нескольких миллионов экземпляров. Наиболее значительными тиражами выходили издания, зарегистрированные народными фронтами. Так, газета Народного фронта Латвии «Атмода» («Возрождение») имела тираж 100 тыс. экз.²²

12 июля 1990 г. был принят Закон Союза Советских Социалистических республик об общественных организациях, в соответствии с которым начался процесс формирования в СССР политических партий и их печатных органов. Так, возникшая партия кадетов стала издавать газету «Конституционный демократ», республиканская партия Российской Федерации — газеты «Новая жизнь» и «Социал-демократ», Демократическая партия России (ДПР) — «Демократическую газету». Появились издания монархического направления, органы духовной оппозиции и др. В 1990 г. выходило свыше 1173 газет, журналов, бюллетеней различных политических партий и общественных организаций.

Но и в годы перестройки (1985—1991 гг.) в Советском Союзе не прекращался процесс последовательного подчинения экономики приоритету идеологии. А о том, что жесткий партийный контроль КПСС над средствами массовой информации продолжал осуществляться и в этот период, свидетельствует постановление ЦК КПСС **«О газете «Правда»**, принятое в апреле 1990 г. «Будучи главной трибуной партии, — особо подчеркивалось в этом постановлении, — «Правда» призвана сосредоточить внимание на ключевых направлениях реализации политики КПСС», а журналист-коммунист, на каком бы участке не работал, должен быть «активным, думающим бойцом партии»²³.

Не прошло и трех месяцев, как и в июне 1990 г. был принят первый в истории отечественных СМИ Закон **«О печати и других средствах массовой информации»**. Всего около полутора лет проработал этот Закон: в начале декабря 1991 г. руководители Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины подписали соглашение о создании Содружества независимых

²² Там же. С. 101.

²³ Правда. 1990. 7 апреля.

государств (СНГ), к которому в конце декабря присоединились Среднеазиатские республики. Это означало прекращение существования СССР, а вместе с этим завершилась история и однопартийной советской журналистики.

Вопросы для повторения

1. Отечественная журналистика в условиях гласности и плюрализма мнений.
 2. Первые независимые от политических партий издания — «Куранты» и «Независимая газета».
 3. Первая негосударственная радиостанция «Эхо Москвы», особенности ее передач.
 4. Российское телевидение: история создания, характер деятельности.
 5. Новые информационные агентства в центре и на местах.
 6. «Круглые столы» как средство формирования общественного мнения.
 7. Публицистические сборники статей ведущих журналистов и писателей «Иного не дано», «Если по совести...», «Уроки горькие, но необходимые».
-

Хрестоматия к главе VII

О ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»

Из постановления ЦК КПСС*

<...> Центральный комитет КПСС отмечает, что уровень выступлений газеты «Правда» до недавнего времени не в полной мере отвечал современным требованиям, запросам читателей. Чтобы выполнить свое предназначение, газета «Правда», как и вся наша партийная печать, должна активно перестраиваться, решительно

* Печатается в сокращении.

отказываясь от элементов догматического мышления, стереотипов и казенщины, необходимо наполнить живым, реальным содержанием ленинские принципы прессы нового типа — прессы народа и для народа, свободной и правдивой, честной и откровенной, пользующейся доверием читателей, разговаривающей с ними на языке, понятном всем.

Читатели ждут от нашей печати правдивого слова, глубокого, компетентного анализа практики перестройки, ясных и точных оценок как достигнутых положительных сдвигов, так и причин социально-экономических трудностей, срывов, негативных явлений, вызывающих в обществе социальную напряженность.

Отсюда — возросшая требовательность к работе прессы. Сегодня вновь с особой актуальностью звучит ленинский наказ партийной печати: поменьше политической трескотни, побольше практического дела, воспитания масс на живых конкретных примерах. Наша пресса призвана играть активную, творческую, конструктивную роль в объединении, сплочении всех здоровых сил общества на платформе перестройки.

Писать правду и только правду, настойчиво и последовательно проводить линию КПСС, курс на радикальную перестройку и обновление — партийный долг журналистов-коммунистов, всех работников партийных изданий страны.

Будучи главной печатной трибуной партии, «Правда» призвана сосредоточить внимание на ключевых направлениях реализации политики КПСС.

Ведущей темой «Правды», как и всей партийной публицистики, на нынешнем этапе перестройки должно стать глубокое, всестороннее освещение процессов перестройки, реформирования партии в духе идей февральского и мартовского (1990 г.) Пленумов ЦК КПСС. При этом надо исходить из того, что обновленная партия мыслится как партия социалистического выбора, которая, творчески развивая учение Маркса, Энгельса, Ленина, выражает интересы рабочего класса, всех трудящихся. Она не берет на себя государственные властные полномочия. Роль ее — быть демократически призванным лидером, завоевывающим доверие народа своей политикой и всей практической работой, действующим через коммунистов в Советах народных депутатов, других органах и общественных формированиях.

Освобождаясь от несвойственных ей функций, КПСС сосредоточивает свои усилия на разработке теории, программ действий, на организаторской и воспитательной работе, консолидации общества, на осуществлении кадровой политики. Партия сможет успешно

выполнить свою задачу в новых условиях, осуществляя глубочайшую демократизацию, основой которой должна стать власть партийных масс.

В период подготовки к XXVIII съезду КПСС «Правде», всей партийной прессе необходимо активно способствовать масштабному и глубокому анализу пройденного советским народом и партией пути, решению новых задач, стоящих перед ее организациями. На это должны быть направлены развернувшаяся общественная дискуссия, обсуждение проектов предсъездовской Платформы ЦК КПСС и нового Устава партии.

Надо развивать на страницах партийной прессы конструктивный диалог, вести его с принципиальных партийных позиций, привлекать к нему широкий круг участников, представляющих весь спектр общественных сил, стоящих на позициях обновления социализма, остро и убедительно выступать против любых попыток отвергнуть наш социалистический выбор. Показывать глубинную связь между приверженностью советского народа социалистической идее и его патриотическим устремлением сделать свое Отечество страной подлинного процветания и справедливости. Освещая историческую преемственность поколений, надо особо отметить 45-летие великой Победы, громадные заслуги советского народа перед человечеством в освобождении мира от фашистской чумы.

Шире практиковать обзоры писем коммунистов и беспартийных. Тщательно учитывая все мнения, не «приглаживая» мысли авторов, газета в то же время призвана утверждать перестроечную партийную позицию, своевременно выдвигать на обсуждение возникшие проблемы, вести поиск ответов на злободневные вопросы, давать аргументированный отпор демагогам «правого» и «левого» толка, всем тем, кто пытается дискредитировать партию, ленинские принципы социализма. Поддержать инициативу «Правды» по выпуску «Дискуссионных листков», способствующих развитию плюрализма мнений, выявлению многообразия интересов и точек зрения всех слоев населения.

Необходимо, чтобы на страницах «Правды» оперативно и систематически выступали с разъяснениями по наиболее острым вопросам обновления партии, жизни общества члены политического руководства ЦК КПСС, члены Центрального Комитета партии.

В центре внимания «Правды» должны находиться и такие важные политические мероприятия, как отчеты и выборы в партийных организациях, их повседневная деятельность, а также работа Советов народных депутатов всех ступеней, государственных органов, общественных организаций.

...Работники партийных комитетов должны ощущать себя товарищами, коллегами во взаимоотношениях с партийными журналистами, помогать прессе в обеспечении действенности ее публикаций, расширять авторский актив, утверждать товарищеский настрой. Тесное взаимодействие парткомов и печати в решении выдвигаемых жизнью проблем — обязательное условие на пути к реализации гуманных целей перестройки, построению правового государства.

Реализация этих ответственных задач, особенно в условиях политического плюрализма, требует от журналистов «Правды», всей нашей партийной публицистики высокой компетентности, глубокого проникновения в жизнь, остроты мысли и профессионального мастерства. Процессы в обществе идут живо, в боре страстей, интересов; писать о них надо объективно, взвешенно, со знанием дела и вместе с тем заинтересованно, страстно, что называется, с душой. Необходимо изживать из журналистской практики групповщину, конъюнктурные пристрастия, амбициозность, которые порождают отрицательную реакцию на выступления средств массовой информации, вызывают справедливое недовольство людей.

Служение социалистическому Отечеству, своему народу всегда отличало лучших представителей интеллигенции. Редакторы лично отвечают за содержание изданий, правдивость печатного слова. На каком бы участке ни работал журналист-коммунист — он должен быть активным и современным, думающим бойцом партии.

Правда. 1990. 7 апреля

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ [Рожд. 1928]

Подрываются ли основы?

I

Сам по себе факт весьма показательный, а с точки зрения общественного самочувствия той поры очень даже прискорбный, если не постыдный — многие годы после XX съезда, этого мужественного прорыва блокады культа личности, незаметно затем отнесенного на обочину политического забвения, а точнее сказать — молчаливо аннулированного, мы, пребывая постоянно в атмосфере благодушия и неистощимого самодовольства, призванных демонстри-

ровать псевдостабильность в стране, не пытались думать об этом. Во всяком случае, вслух никто не размышлял — совместим ли культовый дух, приведший страну к грубейшим социально-экономическим деформациям и вытекающим из них негативным явлениям, с тем, что означали наши идеалы? Мы не принимали во внимание, отвечают ли наши лозунги действительности, насколько соотносятся сталинизм и демократия, этот неустанный зов веков? Централизованная искусственная атрибутика той эпохи никак не совмещалась с достоверной, полноценной демократией — с правами и достоинством личности, с социальной справедливостью во всем, что касается коллективов и граждан, народов и наций, с соблюдением социалистической законности, с элементарными понятиями свободы и счастья человека.

И то, что история советского общества обернулась все-таки перестройкой и гласностью, лишь подтверждает исходную потенцию ее начальных этапов: перестройка и гласность выступают как регенерация ленинской революции, как возобновление ее великих побуждений. В силу именно этого перестройка и сталинизм оказались несовместимыми, подобно огню и воде. Однако с первых дней перестройки и гласности вначале глухими намеками, а затем все более отчетливо стали раздаваться голоса, усматривающие в откровенных дискуссиях опасность: ни мало ни много — подрыв основ социализма, утрату принципов, завоеваний эпохи... Разумеется, каждый имеет право на свое мнение. Тем более возникает необходимость поговорить на этот счет без обиняков.

Начну издали, с того, что мне близко, что познал на своем жизненном пути. Случился у меня однажды разговор с земляками (ездил в аил хоронить последнюю из сестер отца). На поминках за чашкой чая зашла речь, как водится, о разных разностях, о царях и мудрецах, в том числе и о Сталине. И тогда рассказал один из стариков интересную байку, явный анекдот дидактического характера. Якобы собрал Сталин своих близких соратников и говорит: «Вы мол, все голову ломаете, как управлять народом, чтобы все люди, сколько их есть под солнцем, все, как один, в глаза мне глядели, моргну — все бы моргнули, открою очи — все бы открыли, и чтобы был я для всех как живой бог, ибо давно сказано: царь не бог, но не меньше бога. Сейчас я и научу вас, как следует обращаться с народом». И велел принести ему курицу. Ощипал он ту курицу живьем, у всех на виду, всю как есть, до последнего перышка, что называется, до красного мяса, остался только гребешок на голове бывшей хохлатки. «А теперь смотрите», — сказал и пустил голую курицу на волю. Ей бы кинуться прочь, куда глаза глядят, но

она никуда не бежит — на солнце нестерпимо от жары, а в тени ей холодно. И жметса, она, бедняжка, к голенищам сталинских сапог. И тогда бросил ей вождь щепотку зернышек — и она за ним, куда он, туда и она, а иначе, ясное дело, пропадет курка с голоду. «Вот как надо управлять народом», — только и сказал в назидание.

Помню, наступила пауза. Была то стариковская присказка, ничего больше, но присутствующие чистосердечно восхищались небылицей, прищелкивая и цокая языками, находя для себя, должно быть, какие-то удивительные аналогии — вот ведь какие дела бывают на свете... И каким дальновидным оказался Сталин! Это надо же такое придумать, вот это был всем падишам шах, ничего не скажешь, а с курицей у него здорово получилось...

Один из собеседников в том кругу, однако, обронил фразу, с чего и завязался дальше разговор, далеко не анекдотичный. «Все это верно, пусть и сказка, — промолвил он, покачивая головой. — С того и начали раскулачивать нас, отцов ваших, чтобы походили мы на ту курицу. А иначе зачем было нам крылья ломать? Сама же Советская власть землю дала, волю дала, но только оборонили, обласкали поля, только урожаи пошли, только тяглом обзавелись, только скот оплодился, и на тебе — наказание за труды, за пот с утра до ночи. Сами себе, выходит, врагами оказались — обобрали, разорили на корню, как чужое отродье, посажали, по сибирям разогнали, а постреляли сколько? И в первую голову тех, кто был покрепче в хозяйстве. Любой, кто на кого зуб тогда имел или позарился на чужое добро, тот и шептал. И вышла тамаша (шутка): вчера был человек хозяин, а в одночасье без коня, без шубы, без крыши, без земли, без воды напольной остался. А уж дети подались поскорей кто куда, лишь бы с глаз долой. Остальной люд в колхозы зачислили, работы там по горло, а когда по трудодню получать, уносили домой воду в решете. Прошло года два, те, кто нас кулаками назвал, сами потом в тех же лагерях загинались вместе с кулаками. Так что, уважаемые, если глядеть в корень, не столько для народа старался он, сколько для того, чтобы всех разом за горло держать, сшибать одного с другим, пусть липли бы в страхе к голенищам его сапог да чтобы каждый другого отпихивал от хозяина...»

Слово за слово, круто вскипел затем спор. Сколько горьких воспоминаний выплеснулось вдруг: кто кого сажал в те годы, кто на кого доносил, а счастья от этого так и не увидел ни на грош, кто присвоил чьего коня, кто — кошмину, кто — ковер, самовар. А сколько добра и скота зазря погибло, и как по той причине грянул голод (это я и сам помню — год 1932-й, которого я был очевидцем). И с

казахстанской стороны, объятай массовым разорением, мором и засухой, шли и шли гонимые, безземельные люди, пытавшиеся продать за кусок хлеба малых детишек и девушек: все равно им предстояло погибать в те крошечные времена, целые кладбища остались по обочинам дорог. Все вспомнилось вдруг, растревоженное случайным словом. И во всех тех напастях фигурировал он, Сталин, точно был он аильным зачинщиком-смутьяном, а не лидером величайшей революционной партии, провозгласившей целью своей счастья трудового люда.

Кончилось все это тем, что старый фронтовик, обреченный всю жизнь ходить на костылях, не стерпел, заорал от тех слов и пригрозил со слезами на глазах перебить всех костылями, если они не перестанут хаять великого человека, с именем которого он шел в атаку... «А где же вы были раньше, до Хрущева? А теперь треплете языками». И в упреках своих он тоже был прав.

К чему, однако, я это? К тому, что тут — вопрос истории, который замалчивался, более того — переиначивался, оправдывался, преподносился как сплошное торжество, осеняемое чудотворным именем, хотя на деле это было далеко не так.

Молва, говорят, не документ, и пусть не на заседании парламента, а в мужицкой среде происходил тот разговор, но за этим, хотя и простодушным, наивным представлением о сталинском вторжении в крестьянскую жизнь обнаружилось куда больше правды, чем в иных наукообразных исследованиях, рассчитанных на пожизненную ренту за подтверждение неподтверждаемого (и та рента шла и идет!). В притче о курице не заключил ли народ одну из величайших своих трагедий, один из катастрофических конфликтов, когда-либо им пережитых, губительные последствия которых дают о себе знать и по сей день?..

Попробуем вспомнить, кто и когда так сокрушался в народе-кормильце, в жизненосном слое населения самых умелых и рачительных хозяев? Зачем надо было превращать колхозы — крестьянские артели — в казенные монополии со средневековыми устоями принудительного труда (заявляю это, поскольку сам с братом был в этом качестве — работали в колхозе «Джийде», ныне Манасского района, лишь для пропитания на полевых работах, отказ от выхода в поле карался дисциплинарными притеснениями). К чему это привело, общеизвестно — к отчуждению земледельца от земли, к лишению чувства причастности обобществленной собственности, к утрате личной заинтересованности в результатах производства, к неуклонному обезлюдению деревень, особенно в центральных областях России, ко все возрастающему дисбалансу между

категориями, непосредственно занятыми в сфере добыwania материальных благ и занятыми в разбухающем из года в год контрольно-управленческом аппарате. Старая язвительная насмешка, когда-то очень выгодная своей социальной направленностью, — об одном с сошкой и о семерых с ложкой — стала выглядеть безобидным анахронизмом. Со сталинских времен тех, кто с ложкой, тех, что бдят да указывают крестьянину, значительно прибавилось.

Но и это полбеды. Абсурдная сталинская идея фикс иметь богатое государство при бедном населении, чего никогда не было и не будет, вплоть до перестройки властвовала в умах первых лиц, включая и Никиту Сергеевича Хрущева, не устоявшего перед ее соблазном. Сейчас даже не понять, зачем надо было центральным и местным властям прилагать столько усилий, чтобы ни в коем случае не допускать, как бы на крестьянском подворье не завелась лишняя овечка или телочка — это, видите ли, нарушит принципы социализма (как оказалось, не принципы социализма, а сталинское понимание этих принципов). Изымание под видом контрактации за мизерную цену всего, что выращивали колхозники в личном хозяйстве чуть больше установленных сверху норм, урезание огородов, садов, низведение их до крохотных участков, зато с пустующими задами и садами, поросшими бурьяном, — это, как ни приглаживай, объективно было умертвлением деревни. Не случайно тем же порочным путем последовали в Китае, и опять жертвы эксперимента исчислялись миллионами человеческих жизней. Слава богу, китайское руководство смогло разобраться, что к чему, и выработать путь аграрного спасения страны через подряд, аренду, кооперацию и другие формы современного делового подхода. О китайских успехах теперь знают все. И никто там особенно не грустил по не оправдавшим себя коммунаам. Думаю, что и полпотовцы, учинившие невиданный геноцид собственного народа, имели в этом смысле достаточно прозрачный пример. (Стоит вспомнить историю истребительного сталинского переселения к концу войны чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, кавказских турок, крымских татар, курдов и других народов. До сих пор — скоро уже полвека — тянется шлейф тех бед и страданий.)

В основе всех этих пагубных явлений, порожденных сталинизмом и его восточными разновидностями, лежит крупнейшая деформация целей социализма, когда не идеи служат народам, а народы превращаются в средства утилизации этих идей, как дрова для огня. В какие дремучие времена впервые совершился этот безнравственный прецедент — для достижения цели использовать любые средства? Во все века человечество страдало и страдает от тако-

го зла. Благодаря Сталину и социализм не избежал, к сожалению, этой участи...

Но вернемся к колхозам. Если они все же состоялись как социалистические аграрные хозяйства, то произошло это вопреки сталинскому произволу, ибо люди, поставленные даже в такие беспричинно суровые условия, пытаются выжить, приспособиться, продолжить свой род, а это можно достичь только через труд. Правда, даже такой ценой, несмотря на титанические усилия и борьбу, колхозы так и не смогли стать образцами передового сельского хозяйства. Производительность труда, урожайность полей и продуктивность животноводства в наших колхозах и совхозах никак не могут идти в сравнение с показателями высокоразвитых стран. Не потому ли, располагая обширнейшими земельно-водными ресурсами на планете и как бы вопреки этому, наша страна не в состоянии обеспечить себя хлебом и покупает его за тридевять земель, в частности в Америке, Канаде? Трудно сказать, как бы мы вообще сводили концы с концами, не имея на продажу газ, нефть, золото, лес, хотя это в свою очередь свидетельствует об экстенсивном, расточительном, дедовском состоянии отечественного экспорта.

Сталинский произвол поразил потенциальные возможности колхозов и совхозов настолько глубоко и долговременно, а сельский труженик настолько безнадежно был лишен инициативы и самостоятельности и подавлен как самостоятельная личность, что это оказалось для нас, для нашей страны проблемой номер один. Многие из нас не упустят красивого случая горделиво напомнить себе и другим, что мы — страна космических открытий. Верно, это так. Но что космические проблемы по сравнению с проблемами хлеба настоящего? Непостижимый парадокс! К слову сказать, и космос, и все индустрии, и все науки — исторически на плечах сельского труженика. А какова обратная связь? Что даем взамен — каков наш научный, интеллектуальный, технический ответ? Способствуем ли мы социальным, демократическим совершенствованиям в деревне? Не эгоистичны мы в этом смысле и не лицемерны ли? Сколько было словесных фейерверков вокруг «расцвета» колхозной державы, но село как было, так и осталось многострадальным и в массе своей бедным. А оно ведь — коренная основа общества. Не подняв деревню, задавленную и задержанную еще при Сталине и его последователях, на реалистическую, сугубо точную экономическую высоту, говоря попросту, на высоту трезвого расчета, мы не сможем решить все другое, весь взаимосвязанный объем современных экономических задач. Открыть новую, ясную, справедливую экономическую перспективу для колхозов и совхозов на путях перестрой-

ки — это значит спасти сельское хозяйство страны, избавить деревню от сталинского наследия.

Разве не стоит для этого честно осмыслить прошлое и настоящее с позиций гласности? Избавиться от вериг прошлого вовсе не означает подрыва социализма, «отхода от принципов» и прочего, как пытаются это изобразить люди, все еще находящиеся под «обаянием» сталинского культа. Неужто и теперь, оправдывая злодеяния по отношению к крестьянству, интеллигенции, партийным и военным кадрам, ко всему, что в обществе понесло невосполнимый урон в 30—40—50-е годы, мы будем гонять, как по цирковому кругу, все того же коня пресловутой демагогии, утверждая, что причиной тому было обострение классовой борьбы при социализме, да еще подстегивая того коня ухищренным кнутом современного цинизма?

Вспоминают опять и опять иезуитскую присказку: лес рубят, щепки летят. Хорошо, когда сами милостью судьбы не оказались тем лесом и щепками, случайно избежали участи быть расстрелянными в числе тысяч и тысяч слишком пламенных энтузиастов, поднявшихся на заре революции строить новое общество и своим рвением и честностью не угодивших имперским поползновениям властолюбивого вождя. Хорошо, когда сами не побывали в сталинских лагерях, на островах и в тундре за колючими заборами, не ходили в гное и язвах с обмороженными руками и ногами, не умирали цинговой смертью, не сходили с ума и не кончали самоубийством, оказавшись среди сотен тысяч бывших фронтовиков в лагерях Отечества после военного плена в концлагерях у врага, — это сталинская бесчеловечная лютость и вызывающее небрежение жизнями людскими карали фронтовиков смертью и каторгой за то, что судьба оказалась столь жестокой; но разве неведомо было ему, что не бывает войн без убитых, раненых и пленных? Кто мог предвидеть, кому какая выпадет доля...

Только высокомерно пренебрегая всем этим, только забыв, что и каждый из нас в ту пору (а молодые могут поставить себя на это место мысленно) вполне мог оказаться жертвой сталинского террора, можно подыскивать ему оправдания.

II

У радетелей Сталина есть несколько, как им кажется, неопровержимых аргументов. Один из них связан с индустриализацией страны в 30-е годы. Приводят в пример Днепрогэс, Магнитку как приметы «его эпохи». Эпоху творит все-таки народ, в целом, в со-

вокупности своей, отвечая на экономические потребности времени. Более чем уверен: не будь Сталина, Днепрогэсы, Магнитки все равно появились бы — в них историческая надобность развития. Одни страны при этом вырываются вперед, своевременно уловив зов времени, другие догоняют, нередко они меняются местами. Не будь Сталина, Россия все равно бы не осталась на уровне 1913 года, все равно она пробивалась бы всеми силами к индустриализации. Другое дело, что Октябрь открыл новые перспективы и народ воспользовался ими. Но в полной ли мере?

Мне представляется, что измерение промышленного роста, как любого другого, надо отмечать не только и не столько по простейшей схеме — что было и что стало, не было того-то, возникло, сооружено то-то, жили плохо — стали лучше, а по более емкому историческому критерию: что представляет из себя то или иное достижение по сравнению с передовым достижением этого же ряда в других местах, в других странах? Изображать дело так, будто сооруженные при Сталине Днепрогэс и Магнитка — из ряда вон выходящие события, и не говорить о том, что такие же сооружения и даже более мощные возводились в то же время и в других странах ибо никто не сидел сложа руки, — значит преувеличивать значение достигнутого при одностороннем сопоставлении и преуменьшать возможное, то, что могло быть, но не сбылось. Кстати, это же касается и сельского хозяйства.

Конечно, по сравнению с дореволюционной староаграрной Россией колхозы и совхозы — ступень в экономическом развитии. Кто спорит? Но если сопоставить колхозно-совхозный уровень в ракурсе современности с тем, что достигнуто в этих же сферах за тот же период (производительность труда, урожайность, агротехнология) в других высокоразвитых государствах, то все станет на свои места...

Вот о чем речь, приписывать Сталину все достижения этого периода, твердить, будто без него они не могли якобы иметь место — значит фетишизировать его имя и роль. А, как известно, фетиш — это суеверие...

Говорят, Сталин выиграл войну. Точно он играл в шахматы. И здесь та же фетишизация. Да, главнокомандующий — высшее лицо. Естественно, его роль и вклад в войне должны быть значительными, он обязан в силу своего положения квалифицированно разбираться в стратегии и тактике и прочих вопросах ведения военных действий. Это в порядке вещей. Но кто может доказать, что страна проиграла бы войну, если бы Верховным был не Сталин, а кто-то другой из военачальников? Критика Сталина не есть умаление, пе-

речеркивание победы как таковой, победа — дело всеобщее, все-народное, а не только неусыпное бдение, пусть и гениального одного лица. И, наконец, выигранная война — не индульгенция от социальной и политической критики. И после войны надо жить, развиваться, совершенствоваться. Славить победу — хорошо, чарка славы — приятная вещь, но налаживать жизнь вслед за тем на цивилизованных началах, поднимать благосостояние народа — еще важнее. И правы те, кто считает: говоря о войне, надо прежде всего подчеркивать колоссальный дух патриотизма в советском народе, всколыхнувший страну от мала до велика и поборовший врага ценой неимоверных, уму непостижимых жертв и лишений, которых, кстати, могло быть гораздо меньше, если бы Сталин действительно был непревзойденным полководцем всех времен и эпох. К этому я добавил бы еще одно — то, о чем у нас, опять же, думаю, из-за оглядки на Сталина, говорят до сих пор без особого энтузиазма. Союзническая помощь США и Англии во второй мировой войне должна ставиться нами на подобающее благодарное место. Американские летчики доставили нам по ленд-лизу только боевых самолетов 14795, не считая другой техники и продовольствия. Это была очень своевременная помощь американского народа, не стоит о ней забывать.

Приписывать победу одному лицу, как божеству, делать из него помпезную, непогрешимую фигуру, каким предстает Сталин в иных фильмах, вряд ли справедливо, разумно, педагогично. Мифологизация личности при жизни, граничащая с религиозным поклонением (а так это было при нем), свидетельствует о болезни этой личности и о недостатке культуры в обществе. Ныне же мы хотим излечиться от этого «патриархально-чинопоклонного» недуга. Вот к чему должны быть направлены силы гласности.

Подчас приходится думать, сопоставлять, как быстро и мощно поднялись в своем послевоенном экономическом возрождении поверженные в прах, разрушенные дотла, демонтированные до гайки, капитулировавшие ФРГ, Япония и вышедшая из войны не в лучшем положении Финляндия, как быстро и прочно достигли они передовых высот по жизненному уровню и индустриальной культуре. А страна-победительница, вещавшая о своем невиданном расцвете под водительством Сталина даже в официальном Государственном гимне, постоянно исполнявшемся в его присутствии, так и не смогла выбраться из все более увеличивающихся разрывов в промышленности, сельском хозяйстве и, стало быть, во всей жизни народа по сравнению с другими странами. Для объяснения и оправдания этого странного феномена находятся многочисленные

доводы и причины, начиная от политических и кончая климатическими (хотя в той же Финляндии климат несколько не лучше), но факт остается фактом. Думаю, не в последнюю очередь повинен в регрессе беспросветный сталинский изоляционизм, его склонность к враждебности, отчуждению окружающего мира. Жить с соседями во вражде и угрозах — дело нехитрое, гораздо больше ума и гибкости требуется, чтобы понимать взаимодействие различных мировых структур с целью извлечения взаимных выгод.

Некоторые люди в поисках параметров величия для Сталина пытаются сравнивать его с Петром Первым. Сходство их разве что в том, что оба была самодержцами (Петр по наследству, а Сталин фактически), различие же — Петр открывал для боярской России окно в Европу, а Сталин закрывал для нас ту же Европу, освобожденную советскими солдатами от фашизма.

Долго еще эхо его насилий над народом будет отзываться в сердцах и душах советских людей зловещим гулом. Самое страшное в «его эпохе» — двойная арифметика, когда мы на виду у всего честного мира антидемократизм выдавали за высшую сталинскую демократию. Такой самообман всегда чреват трагическими последствиями.

Демократия — это искусство масс, она призвана обеспечивать свободу мысли и самовыражения каждому члену общества, не скатываясь, разумеется, до охлократии, то есть до беспорядочных выкриков из уличной толпы. Не случайно, когда мы встретились с необходимостью развития демократии в ее истинных формах, тут и подстерегли нас разногласия. И, в частности, по вопросу о Сталине. Что ж, каждый волен иметь свою точку зрения. Если человек по недостатку знаний отождествляет социализм со сталинизмом, это его беда, если же он сознательно подменяет понятия — у него всегда найдутся оппоненты, принципиально не согласные с ним. Слишком дорогой ценой пришли мы к этой истине.

И последнее. Сталина давно уже нет. Но только теперь, спустя 35 лет после его смерти, наконец-то, преодолевая синдром идолопоклонства, в прессе, на собраниях, причем во всеуслышание, и, что характерно, без прежних жалких экивоков и «дрожи в коленях», начала высказываться вся полная правда о нем. Представить страшно, насколько глубоко было парализовано наше общество сталинскими репрессиями и его авторитарным режимом!

Духовное рабство может быть и добровольным, и даже желанным, сладострастным и ревностным, как результат патриархально-угоднического культа вокруг одного лица, насаждаемого тоталитарными средствами. Когда люди долгие годы унижены, не в состоя-

нии противостоять произволу и жестокости, исходящим из казенных пределов, они готовы боготворить само это зло, находя в том некую внутреннюю компенсацию своему бессилию и некое иллюзорное слияние с этой суперменствующей данностью, поклонение которой становится для них нормой жизни. И поэтому подчас трудно переубедить и, более того, винить апологетов сталинизма. К ним надо проявлять терпимость, как проявляется терпимость ко всякого рода религиозным пристрастиям.

Только на путях демократии и гласности может развиваться полноценная культура свободно мыслящего человека.

Старшие поколения постепенно уходят с арены активной жизни. Слово теперь за молодыми. Чрезвычайно осложнившийся сегодняшний мир обращен своим ликом к гуманизму как высшему смыслу на земле, воплощая в том весь исторический опыт человечества. Иного пути нет. Я глубоко убежден, что понять и совершенствовать новый мир может только сознание, освобожденное от сталинского мышления.

Известия. 1988. 4 мая

В.И. БЕЛОВ [Рожд. 1932]

«Возродить в крестьянстве крестьянское...»

— *Василий Иванович, недавно, как известно, в Москве состоялся IV съезд колхозников. Много вопросов было поднято на нем, в том числе и о развитии кооперации, демократии в деревне. С утверждением их в жизни крестьянин должен почувствовать себя хозяином, творцом. Что вы думаете по этому поводу?*

— За последнее время совещаний, собраний, заседаний стало не меньше, а, пожалуй, больше. Почему — не знаю. Но съезд колхозников, мне кажется, все-таки событие нерядовое. Разговор ведь шел о кооперативах, крестьянской предприимчивости. Мы возвращаемся к идеям ленинского плана кооперации, к идеям А.В. Чаянова, других прогрессивных мыслителей. Только на этом пути, используя глубокую личную заинтересованность крестьянина в конечных результатах труда, мы сможем наконец избавиться от дефицита в продуктах питания.

Сельский житель обретает себя как творец только в предоставленной ему свободе действий. Когда не понукают, не поучают, как пахать, что сеять, и не стоят над душой с очередным указанием. Но

свобода эта вовсе не свобода от земли. Земля — главная опора крестьянина. Это с достаточной убедительностью подтверждают коллективы, которые берут сейчас в аренду фермы, технику. Они уже появляются на Псковщине, в Новосибирской области, о чем говорили на съезде колхозников. Есть они и у нас на Вологодчине.

Такой пример. В прошлом году в совхозе «Тотемский» звено шофера Валентина Творилова взяло арендный подряд в заброшенной дальней деревне. Людей не подгоняли ни директор, ни агроном, ни бригадир. И что же? В плохую погоду, когда через день лили дожди, восемь человек сумели заготовить столько отличного сена, сколько не под силу среднему по размерам колхозу. Вот она, цена самостоятельности на практике!

Далеко не все, конечно, принимают ее, эту самостоятельность. А кое-где еще пребывают и в неведении.

Недавно в одной из деревень произошел у меня разговор с двумя тамошними жителями. Спрашиваю: вот сейчас разрешается иметь приусадебный участок по пятьдесят соток — знаете об этом? Нет, отвечают, не знаем. Ну, а лошадь хотели бы иметь на подворье? Они говорят: так это же запрещено. Как-то запаздываем мы с разъяснением таких вот насущных изменений...

Проблема, впрочем, намного шире, глобальней. Если бы сейчас, предположим, ввели частную собственность на землю, то у меня на родине, мне думается, мало кто согласился бы взять ее. Выросли поколения, которым уже ничего не нужно — ни земля, ни животноводство, ни родной дом. А свобода действий без земли и дома — пустая, никчемная свобода.

Поэтому-то и важно развивать семейный и арендный подряд, всячески поощрять звенья, бригады, арендующие землю и считающие ее своей. Надо выискивать и всеми силами поддерживать людей, которые любят труд в полеводстве и животноводстве. Кстати, земля и животноводство неразрывно связаны. Их нельзя разделять.

Десятилетиями топчемся в том же молочном животноводстве вокруг двух тысяч килограммов молока от коровы. Такова продуктивность в Смоленской, Брянской, Ивановской, Волгоградской, Саратовской, Оренбургской, некоторых других областях. Добрый же хозяин, если у него корова не дает по лету двух ведер молока в день, и держать-то ее не станет... Зачем зазря переводить корма?

— С переходом на самофинансирование, хозрасчет подобные перекосы устраняются, каждый впустую потраченный рубль уже бьет по собственному карману...

— Горько об этом говорить, но во многих хозяйствах сейчас нечем платить зарплату. Где взять деньги? Молока мало — его не хватает, чтобы покрыть все издержки. Надо ждать осени: откормят молодняк, уберут и продадут урожай — тогда появятся средства. А как быть до этого? Я боюсь, что люди вновь побегут в города и поселки, где можно ежемесячно получать твердую зарплату. Если вникнуть, то и винить их нельзя... Говоря о производственных кооперативах, чувствую, какие нелегкие заботы ждут сельских руководителей. О кооперации в деревне мы просто забыли. Многие вековые традиции крестьянства прерваны. Наша историческая наука умалчивает о том, что еще до революции в России была создана мощная кооперативная система. По опубликованным в печати данным, на 1 января 1917 года насчитывалось до 63 тысяч кооперативов, объединявших 24 миллиона членов-пайщиков.

Взяв сибирские кооперативы. Они осуществляли грандиозные обороты, торговали с границей. У нас на Вологодчине первый кооператив возник в селе Ошта в начале века. Кооперативное движение имело народную основу, хотя правительство, естественно, тоже помогало. Был, к примеру, учрежден крестьянский банк. Крестьянин мог на льготных условиях взять кредит. Создавались маслоартели, мелиоративные организации, машинные товарищества. Опять же инициатива шла снизу, а не сверху. С 1921 по 1928 год число кооперативов резко увеличилось. В этот период ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции составлял десять процентов. Если бы кооперативному движению не помешали «сверху», деревня легко, без натуги обеспечила бы страну не только продовольствием и сырьем для легкой промышленности, но и трудовыми ресурсами. Совершенно безболезненно стали бы высвобождаться рабочие руки, необходимые для индустриализации.

У нас же все случилось наоборот. Система кооперации была разрушена. Осталась лишь потребительская кооперация, существующая и поныне. Правда, она тоже изрядно обюрократилась и по существу выродилась, хотя и сыграла положительную роль в тридцатые годы и в Великую Отечественную войну. (Многие путают нынешнюю потребительскую кооперацию с производственно-сбытовой, которая существовала в двадцатые годы. Но это разные вещи.)...

— Видимо, пришло время осмыслить негативный опыт. Как-то, на ваш взгляд, его происхождение? Как это отразилось на вековых традициях крестьянства?

— Хотел бы начать с того, что русофобия, которая то и дело проскальзывает в западной пропаганде, тесно связана с недоверием, а порой даже с ненавистью к русскому крестьянству. В нем они видят некий реакционный «слой». На мой взгляд, это явление имеет свои исторические корни. Я не о тех, кто нейтрален, кто все понимает или даже с любовью (иногда излишней) относится к пахарю. Говорю о тех, кто его шельмует и ненавидит. А за что ненавидят?

Прежде всего за прошлое. Русский крестьянин был главной опорой огромного государства — в экономическом, военном, духовном, культурном смысле. После революции бойцов в Красную Армию рекрутировали из крестьянства, кадры для промышленности — тоже. В Великую Отечественную войну основные тяготы легли опять же на крестьянство. Не случайно А.В. Чаянов сравнивал крестьянство с Атлантом, на плечах которого держится все и вся. Эта могучая, неиссякаемая сила и вызывает кое у кого неприязнь. Так ли уж она неиссякаема? Не будем сейчас вспоминать цифры и факты, отметим лишь следующее: не любить крестьянство — значит не любить самого себя... Не понимать или унижать его — значит рубить сук, на котором сидим. Что, впрочем, мы нередко и делали.

Судьба наших кормильцев складывалась порою просто трагично. Не могу в связи с этим не коснуться Троцкого и его отношения к крестьянству. Троцкизм и крестьянство — тема в нашей исторической науке совершенно неразработанная. Вот и сейчас, во времена гласности, она не только не исследуется, но даже замалчивается. Исторические факты вопиют о том, что троцкизм был врагом государства, но в особенности — крестьянства. Это Троцкий и его компания выдвинули идею рассказывания крестьян на Дону. И осуществили ее, прибегая к репрессиям и расстрелам. Как не вспомнить Григория Мелехова из шолоховского «Тихого Дона»? Это самый трагический образ в советской литературе. Образ злободневный — сегодня он по-новому просветляет многие проблемы нашего государства...

Известно, что Троцкий выдвигал идею так называемых «трудармий». По своей сути идея эта была не нова. Она возникла еще при Александре I и воплощалась в форме военных поселений. (Идеологически обосновывал ее и проводил на практике известный в то время общественный деятель Сперанский.) По моему мнению, замыслы Троцкого восторжествовали после 1928 года. Непосильные налоги, займы, разгон кооперативов, изъятие у них средств и, наконец, репрессии, расстрелы, суды, выселения. Вот чем обернул-

ся троцкизм для миллионов крестьянских семей! Об этом говорят сейчас и наши историки. Но историки не подсчитали, сколько погибло народу. А если и подсчитали, то не оглашают цифру. Репрессии же продолжались вплоть до Великой Отечественной войны — я располагаю документами и фактами.

На мой взгляд, главным троцкистом являлся Сталин, хотя кое-кто из ученых делает вид, что он был антитроцкист. Сталин разгромил Троцкого организационно — убрал его как соперника личной власти. Но суть троцкизма Сталин и его окружение взяли на свое вооружение. Своих оригинальных идей по поводу крестьянства у Сталина не было. Он утвердил наркомом земледелия СССР Якова Аркадьевича Яковлева — человека далекого от сельского хозяйства, мало что в нем понимавшего. Другие руководители отрасли тоже были чужды крестьянству — смотрели на него как на реакционный класс. Потому под видом борьбы с кулачеством была уничтожена не только кооперация...

Коллективизация, в ходе которой с успехом протаскивал свои идеи троцкизм, шла, разумеется, сверху. В результате — первая пятилетка была провалена, вскоре начался массовый голод. С тех пор и до сего дня мы испытываем нехватку продовольствия. И после войны, в 1946 году, люди у нас на Севере умирали от голода, от болезней, связанных с недоеданием. Я был тогда мальчишкой, прекрасно помню: пришел к своему другу, а его мать, Вера Плетнева, лежит на печи мертвая — умерла от голода. Та же участь постигла и мать моего тезки, жившего в соседней деревне. Да и сами мы голодовали — семья большая, пятеро детей, отец погиб на Смоленщине в 1943 году. Помню, и моя бабушка умерла от недоедания. Люди ходили с опухшими ногами...

Да и позже приходилось несладко. Что, скажем, в нашем колхозе выдавалось на трудодень? По пять копеек и двести граммов зерна. А зерна-то какого? Отходов, которые уже государство не принимало, — третий сорт. Несомненно, идеи троцкизма еще долго действовали.

— Ученым, специалистам предстоит еще немало поработать над изучением этих вопросов, документально внести в них полную ясность...

— В пятидесятых годах «раскрестьянивание» воплотилось в укрупнение колхозов. Это было вредным явлением — уничтожались лучшие коллективные хозяйства. В нашем Харовском районе на Вологодчине одним из крепких всегда считался колхоз «Нива». Даже

в войну люди там не бедствовали. Но вот хозяйство укрупнили — оно стало протяженностью в 45 километров. И это в нашей-то лесной зоне, где контурность поля не превышала двух—трех гектаров! Что же вышло? «Нива» по сути завяла. Прекрасные земли запущены, зарастают лозой. Крепкие еще и поныне дома (надежно строили деды) гниют и пустуют...

Ну а потом начались кукурузная кампания, перегнойные горшочки, кролики и т.д. Взялись за различные реорганизации в руководстве. И наконец, доплыли мы до неперспективных деревень. Я считаю, что люди, которые готовили, «протаскивали» идею неперспективности, преподносили ее правительству, должны понести государственную, административную ответственность. Это было преступление против крестьянства. У нас на Вологодчине из-за «неперспективности» прекратили существование несколько тысяч деревень. А по Северо-Западу — десятки тысяч. Вдумаемся: из 140 тысяч нечерноземных сел предполагалось оставить лишь 29 тысяч! Трагические потрясения, пережитые деревней за короткий исторический срок, не могли, конечно, не сказаться на духовном, нравственном устоях народа. Культура и нравственность немыслимы без материальной основы. Земледельческая культура — тем более. Чему же удивляться, если ныне работать и жить на земле, заниматься крестьянским трудом считается неперспективным? Обидно сознавать это...

— *Но жизнь, Василий Иванович, как известно, не стоит на месте, надо думать о том, как поднимать экономику деревни, возрождать добрые традиции, укреплять ту же нравственность...*

— Пахарю — истинному земледельцу — некогда было раньше пьянствовать, охотиться или играть в карты. Да и сама природа, труд на земле требовали от человека высокой нравственности. Каждый день — это неподражаемый день. Все менялось. Не было в году одинаковых дней. Все дни разные — погода разная, работа разная. Человек как бы срастался с землей, а через нее и с природой. Они зависели друг от друга. Все лишнее, ненужное в этой связи само собой отмирало.

Вот, например, отходничество. Им занимались лишь по жесткой необходимости — надо было платить подати, налоги. Мой отец Иван Федорович до самой войны ходил на заработки, а концы с концами не сводил — у нас не было даже сапог. Можно было бы с теленка шкуру снять да сшить ребятишкам сапоги. Однажды отец

так и сделал: выделал шкуру — в бане висела. Так пришли, забрали. Как было жить? Хотел бы я услышать, что сказал бы на это иной «интеллигент», который недолюбливает крестьянство за его мнимую косность...

Крестьянские трудовые и культурные традиции являлись по существу общенародными. И сегодня не косность, а великую нравственную силу черпаем мы в народе. В то же время в колхозы нередко высылают из городов всякого рода рецидивистов и проституток — некому, мол, коров доить, пасти. Как это понимать? Где испортили девочку, там бы и надо ее перевоспитывать. От таких новоявленных «животноводов» один вред...

Внедрение арендных форм на землю, фермы, технику — весьма интересное дело. Боюсь только, что желающих окажется недостаточно, так как промышленность выпускает одни могучие «Кировцы», которые давят на своем пути, как говорится, все — живое и мертвое. Неужели наша мощная индустрия не способна создать для сельского хозяйства малую технику? Ведь делает же она инструменты для рок-музыки, оснащает спорт и туризм. А житель деревни, как и сотни лет назад, вынужден косить косой, копать землю на огороде лопатой...

Говоря о традициях, хотелось бы обратить внимание на народные ярмарки. Когда-то существовали ярмарочные села. У нас в округе таким селом было Кумзеро. Вообще русская ярмарка — уникальное явление, но мы о ней уже позабыли. Она являлась формой не только экономического, но и культурного, духовного общения между людьми разных национальностей. Наверное, следовало бы возродить стихийные торговые ярмарки. А то вся жизнь у нас движется по административному плану: вот область, вот район — и все, дальше не лезь. Даже книжку, изданную в другом регионе, не купишь. Сегодня крестьянин все еще находится в дурацком положении — он «винтик». Десятки тысяч людей командуют колхозниками — от Москвы до районов. Давайте же дадим сельскому жителю земли в аренду, коли возьмет. Перестанем командовать. Увидим: положение через год—два изменится. И, конечно, в лучшую сторону. В крестьянине надо возродить крестьянское...

— *Василий Иванович, в одной из ваших статей, опубликованных несколько лет назад в «Правде», говорилось о серьезном отставании строительства дорог на селе. Сейчас принята и выполняется широкая программа по ликвидации этого пробела. Но люди покидают насиженные «гнезда» и из-за многих других нерешенных социальных проблем...*

— Из-за бездорожья мы теряем немыслимое количество продукции. Нет нужды называть цифры. Хочется особо подчеркнуть, что растрясем не только продукцию... Да, на развитие дорог Северо-Запада России, в том числе и Вологодчины, выделены немалые средства. Но дороги нужны не только к центральным усадьбам и деревням. Их надо вести к полям, фермам — именно там наиболее ощутимы потери. Сегодня тяжелые гусеницы сверхмощных машин ползают по земле и так и сяк, мнут и корежат ее. Сколько прекрасных лугов и пастбищ испорчено техникой!

О социальных гранях говорить можно очень долго. Когда в духовно-нравственном смысле город противопоставляют деревне — это нелепость. Однако честно следует признать: по бытовому обустройству деревня сильно обижена. И в других смыслах — тоже. В восьмилетней школе у меня на родине уже несколько лет не преподается иностранный язык, хотя в области два педагогических вуза. Деревенские школьники поставлены в ущербное положение — ведь без знания иностранного ни один не поступит в высшее учебное заведение. А как с больницами, поликлиниками? Медпункт в нашей деревне то откроют, то закроют. До соседней же амбулатории — семь километров. Пошагай-ка с температурой...

Вместе с тем я далек от той мысли, будто нынешняя деревня должна полностью копировать городской быт. Напротив. Надо сохранить неповторимость жизненного уклада по регионам, сберечь все национальные бытовые особенности в республиках. Избежать стандарта, например в жилищном строительстве, не так уж и сложно. Достаточно предоставить человеку возможность самому строить свой дом. Обеспечь крестьянина материалами, дай ему ссуду. Тогда он и будет не временным, а постоянным работником на родной земле. Тот, кто не имеет своего дома, обычно и к земле относится по-казенному, равнодушно. Он становится квартирантом, наемным работником. Такой человек готов в любой день сорваться с места, уехать куда угодно. Что ему земля? Его ничто не держит на ней...

— *Деревня существует не изолированно — связана с экономическим комплексом, в частности, русского Севера. В последнее время тут возникло немало экологических проблем. Как совместить хозяйствование с благополучием природы?*

— Да, экологических забот на Севере поднакопилось. И ждать дальнейшего обострения ситуации преступно. Нужно срочно ставить диагноз, предвидеть хотя бы ближайшие последствия хозяйственной деятельности. Вот уже вокруг Харькова лесов стало больше, чем

вокруг Вологды или Котласа... Тысячи кубометров бесхозного леса уносится в море, ложится на речное дно во время сплава. До 30—40 процентов древесной массы остается в делянках. Дело идет к гибели северных лесов. Как это скажется на жизни страны в широком смысле, трудно даже вообразить. Тундра уже соединилась с лесостепью. Зона тайги практически исчезает, и никто, как это ни странно, не видит в этом трагедии! Все делают вид, что так и должно быть. Полная безответственность, местническая, отраслевая...

Потому и болит душа. Во времена XV партсъезда и XVI партконференции такие лесозаготовки объявляли временными — вот, мол, создадим индустрию, так сразу и сократим вырубку. Не только не сократили, а увеличили в десятки раз. Лесная промышленность, к слову сказать, выкачала очень много сил из наших колхозов. Колхозников в тридцатых—сороковых годах обязывали рубить лес, причем без всякой оплаты. Люди месяцами не вылезали из делянок.

Сейчас вокруг моей деревни с трех сторон — пустынные вырубки.

А возьмем мелиораторов. Не говорю о постыдных проектах поворота северных и сибирских рек, за которые они в свое время так яростно цеплялись да и продолжают цепляться, не вспоминаю о пресловутом плане перегородить Белое море. Минводхоз во главе со своим министром по-прежнему зарывает народные деньги в землю. Это не метафора. Ежегодно министерство «осваивает» по десять миллиардов народных рублей, а велик ли толк? Во многих хозяйствах урожайность мелиорированного гектара ниже, чем до мелиорации...

У такого, с позволения сказать, хозяйствования есть и еще один минус — оно снижает нравственный уровень личности. Бюрократ особым талантом и высокой нравственностью обычно не обладает. Но ведь у нас много настоящих, талантливых хозяйственников. Они и страдают больше всего от бюрократов вышестоящих, да и нижестоящих тоже. Более подробно об этом я говорю в статье, отданной в редакцию «Нового мира».

— В последние годы все чаще при недородах, снижении продуктивности животноводства в качестве оправдания кое-кем выдвигается такой тезис: мол, природа обделила нашу землю и плодородием, и условиями хозяйствования... Справедливы ли эти упреки?

— Природа ни при чем.... Страна издавна славилась высокими урожаями зерновых, широко развитыми маслоделием, сыроделием, пчеловодством... А сколько — и не в так уж давние времена — мы заготавливали рыбы, грибов, ягод, орехов? Теперь же говорим по-

чему-то о скудности нашей природы. Еще не так давно господствовало мнение, что сельское хозяйство — это для государства нечто второстепенное. Думать так — по меньшей мере глупо. Возьмем США. Национальный доход там создается во многом за счет сельского хозяйства. Нельзя бесконечно производить средства производства для того, чтобы снова производить... средства производства. Много тут и других нюансов.

Не помню, кто из наших экономистов сказал, что экономика имеет национальное своеобразие. Да, это именно так. Во Франции, например, свои особенности, в Японии — свои. Почему мы должны обязательно кому-то подражать? У нас своя стихия, свой национальный характер. Российский крестьянин не похож на немецкого фермера, японский — на американского. Все они разные. Нашим экономистам надо бы побольше считаться и с особенностями того или иного региона внутри страны. Одно дело, допустим, крестьянин на юге, он, может быть, больше любит сам торговать своими продуктами. Совершенно другое дело — наш северянин: этот явно торговлю недолюбливает.

Как-то на днях, будучи в деревне, узнал, что жители наловили очень много речной рыбы. Пироги пекут, уху варят. А остальное-то куда девать? Предлагаю: свезите на рынок в Вологду. Рыбу да еще свежую оторвут с руками. Куда там... Ловить для них значительно интересней, чем торговать.

Пожалуй, одни бюрократы везде одинаковы. Хотя, может быть, русский бюрократ чем-то и отличается, например, от английского...

А если серьезно, то сейчас подошло время больших дел. Откладывать их дальше некуда.

Правда. 1988. 15 апреля

Е.А. ЕВТУШЕНКО [Рожд. 1933]

Притерпелость

*Перестройка будет такой, какими мы будем сами.
Будем половинчатыми — будет полуперестройка.*

1

Не помню, от кого и когда я впервые услышал это русским русское, трагически емкое слово. Но недавно это слово вновь напомнило о себе.

«Извините за подарочек, Евгений Александрович, но по нынешним временам — вещь драгоценная...» — сказала дальняя родственница моих домашних, ставя на первомайский стол пачку сахара, почти исчезнувшего. Это на семьдесят-то первом году Советской власти, это через сорок с лишним лет после войны! И вдруг я поймал себя на том, что радуюсь маленькой бытовой хищной радостью доставания, подменившей для многих из нас полноценную радость бытия. А женщина, подарившая мне сахар, вздохнула: «Вот до чего дожили... А ведь всему виной притерпелость наша проклятая...»

Точнее не скажешь.

В словаре Даля такого слова нет, и приводится только однокоренной глагол: «У кузнеца рука к огню притерпелась». Здесь в глаголе — уважение к терпению. Но если одна женщина спрашивает другую: «Ну как у тебя с мужем-то? Все пьет да бьет?» — а та отвечает, опустив глаза: «Да ничего, притерпелась», — то никакого уважения к своему терпению уже нет, а есть сплошная, ни на что не надеющаяся безысходность, подавляющая сила привычки.

Есть терпение, за которое стоит уважать, — терпение в муках рожаящих матерей, терпение истинных творцов в работе, терпение оскорбляемых за правду, терпение пытаемых, не выдающих имена друзей... Но есть терпение бессмысленное, унижительное. Неуважение к своему терпению, переходящее в гражданский гнев, — это воскрешение личности или нации. Но страшно, когда неуважение к своему терпению превращается в оцепенелую притерпелость. Какое уж тут самоуважение! Да и как можно уважать самих себя, если мы ежедневно позволяем столько неуважительного к нам? Каждая очередь, каждый дефицит — это неуважение общества к самому себе.

Недостатки общества мы привыкли спасительно списывать на других, в частности на правительство. Сейчас мы, слава богу, говорили не только о личной вине Сталина, но и о вине его ближайшего окружения за преступления против народа. Я не сторонник панически поспешного переименования всех городов и улиц, но все-таки не могу понять, почему, например, от дверей ЛГУ не может до сих пор отлипнуть надпись «имени Жданова», оскорбившего великих ленинградцев — Ахматову и Зощенко, и почему ни в чем не повинный Мариуполь должен носить это постыдное имя? А как я иду в Москве по проспекту Калинина, то невольно думаю о том времени, когда «всесоюзный староста» вручал в Кремле орден, а его объявленная «врагом народа» жена, по свидетельству очевидца, выковыривала стеклышком вшей из швов рубашки заключен-

ных. Но давайте будем честными и признаемся, что перед лицом народа была виновата не только правящая кучка, но и сам народ, позволивший делать с ним все, что она хотела. Позволять преступления есть вид соучастия в них. А мы исторически привыкли позволять — притерпелись. Хватит и сейчас все спихивать только на бюрократию. Если мы ее терпим — значит, нам поделом. По словарю Даля, одно из значений слова «терпеть» — это потакать. Притерпелость — это потакание, соучастие.

Возьмем кажущуюся «мелочь» — исчезновение сахара. Это, конечно, поправимо, и, возможно, ко дню опубликования статьи не-сладкая сахарная проблема будет решена. Но кто в ней виноват? ЦК? Совмин? Конечно, и они тоже. Но разве и не мы с вами? Разве не партия? Разве не народ? Сегодня мы притерпелись к исчезновению то одного, то другого продукта. Впрочем, можно ли удивляться этой притерпелости по столь сравнительно малому поводу, если еще вчера мы терпели исчезновение стольких людей? И вот из жизни исчезает крупнейший ученый, в расцвете сил покончивший самоубийством, а мы боимся вслух всенародно подумать: что же с ним случилось, почему мы его потеряли? Притерпелость к молчанию о причинах приводит к повторению следствий.

Разберемся хотя бы в причине того, почему сахар стал печально драгоценным подарком к Дню международной солидарности трудящихся.

Новое руководство, в отличие от предыдущих, остро осознало ключевое значение статистики в народном хозяйстве. Не пряча голову по-страусиному под крыло, наши руководители впервые бесстрашно взглянули в глаза цифровой правде об алкоголизме и его последствиях и ужаснулись. Было принято резкое, радикальное решение. Но справедливые эмоции, к сожалению, не были подкреплены дальнзорким, скрупулезно разработанным планом. Решили от чистой души, но поспешили.

Долг руководителей — служить народу. Но народ иногда забывает, что и его долг — помогать руководителям. Почему наша хваленая общественность не помогла правительству советом не спешить, не настояла на элементарном социологическом анализе, на всенародном обсуждении мер борьбы с алкоголизмом, прежде чем эти меры были приняты? Видимость обсуждения была организована по старинке, по методу рыбной ловли голосов в поддержку.

Иногда я с горечью думаю: а что, если бы в первоапрельском номере «Правды» вышло постановление партии и правительства о борьбе против трезвости? Наверняка нашлись бы «верные солдаты партии», которые немедленно организовали бы «многочисленные

митинги трудящихся» в поддержку сего «исторического решения». Было бы создано всесоюзное общество «Пьянство», и весьма возможно, что одним из его руководителей оказался бы скорехонько «перековавшийся» бывший трезвенник, как сейчас некоторыми руководителями в обществе «Трезвость» становятся якобы перековавшиеся алкоголики. Слова «непьющий», «морально устойчивый» оказались бы антирекомендацией при поездках за границу. Бравые инспекторы ГАИ с энтузиазмом взялись бы за отбирание водительских прав у всех шоферов, от которых не пахнет водкой. Воображаю товарищеские показательные суды над непьющими, доносы на членов партии, замеченных в аморальном употреблении боржома в ресторанах!.. Вся эта абсурдная фантазмагория, к сожалению, легко представима. Я уверен в том, что если в том же первоапрельском номере меня или кого-то другого назовут шпионом страны, скажем, Рикки-Тикки-Тави, то немедленно найдутся добрые люди, которые подтвердят это с патриотическим упоением. О, как глубоко укоренилась в нашем обществе притерпелость к перевертышам, хамелеонам, готовым подладиться под любое решение, идущее «сверху». Но и «верха» они не уважают и готовы предать любого, с этого «верха» падающего.

Чего, например, стоит напускающий на себя маститость литератор, который при одном партийном руководителе столицы подделывался под его консервативные взгляды, при другом — под его ультрарадикальные, а сейчас на всякий случай подделывается под взгляды усредненно-скалькулированные — где-то между статьей Н. Андреевой в «Советской России» и критикой этой статьи в «Правде» (кто знает, куда еще повернет время).

«Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить и в подлости осанку благородства».

Иногда и коллективные письма в поддержку перестройки некоторыми подписываются с тайной надеждой, что перестройка сорвется.

Первый метод торможения перестройки — саботаж под видом поддержки.

Второй метод — это удушение объятиями.

Правильную в принципе идею борьбы с алкоголизмом задушили именно восторженными объятиями, сорвали фальшивым, лицедейским энтузиазмом, вместо того чтобы помочь всенародному серьезному думанию над серьезной хронической болезнью нашего общества. Хронические, застарелые болезни не лечатся оперативным вмешательством с наскока. Многие наши кампании и реформы рушатся потому, что мы подменяем постоянную общественную профилактику доморощенной социальной хирургией.

Парижские верхолазы в обеденный перерыв сидят на арматуре Эйфелевой башни, преспокойно запивают легким красным вином традиционный длинный батон с сыром и, представьте, не падают, и их не стягивает за ноги никакая профсоюзная или партийная организация, обвиняя в аморальности. Кавказские долгожители тоже пьют, но не «табуретовку», не «бормотуху», а натуральное чистое вино, и с гор в канавы не сваливаются. Профилактика алкоголизма, на мой взгляд, должна заключаться не в пуританской полицейщине, а в общем повышении культуры.

Бутылка «табуретовки», «бормотухи» может быть отравительницей. Бутылка хорошего вина может быть хорошей собеседницей. Но производство вина стали автоматически сокращать, нещадно вырубая драгоценные виноградные лозы. Алкоголизм, доходящий до общественно опасного состояния, надо лечить принудительно. Но у кого есть право отбирать у человека, который не алкоголик, его право на кружку пива после работы, на бокал натурального сухого или шампанского?

Все классики марксизма-ленинизма любили пиво.

Пушкин — шампанское.

Почему весь народ повально оказался заподозренным в алкоголизме и после других достаточно унижительных очередей вброшен в новые многочасовые очереди? Были дикие случаи исключения из комсомола за шампанское на свадьбах. Из фильма «Судьба человека» некоторые полуспятившие от общественного рвения прокатчики вырезали эпизод, где советский солдат выпивает стакан водки в знак презрения к гитлеровцам. Актерам не рекомендовали читать пушкинское «Поднимем бокалы, содвинем их разом!».

Причина — наша притерпелось к бездумному выполнению любых решений.

Но это только кажущееся выполнение. Бездумность выполнения — саботаж нового мышления. Есть и положительные результаты: покончили с «бормотухой», меньше пьяных, валяющихся на улицах. Но в очередях гибнут не только время и нервы людей, но и сами люди. Первые крутые меры сыграли положительную роль шоковой терапии. Но социальная шоковая терапия не может быть ежедневной в течение долгого времени — нервная система общества разрушается, появляется много непредугаданных язв. Бабушки, продавая пару очередей в день по пятерке, получают зарплату докторов наук. Бутылка водки в ночном такси стоит уже четвертной. Государственная цена и так достаточно жестокая, а на нее еще накладывают и накладывают все те, кто греет руки на любом дефиците. Мало ли твердых дефицитов, чтобы добавлять еще и жидкий?

Все это страшным образом бьет не столько по самим пьяницам, сколько по их женам и детям, из-за дороговизны выпивки влачащим подчас полуголодное существование.

Борьба против алкоголизма подменена борьбой против легальной водки, легального вина, легального пива. Государственные водка и вино, значительно ухудшившиеся за последние годы, но все-таки более или менее проверенные, уступили место самогону, делаемому порой черт знает из чего, лосьонам, мозольной жидкости. Это будет иметь и уже имеет тяжелейшие генетические последствия. Каким будет ребенок, зачатый под антифриз? Сальвадору Дали было далеко до такого inferнального сюрреализма, когда сапожный крем намазывается на ломоть хлеба, когда дихлофос блаженно вдыхается под целлофановым мешком, наброшенным на голову, когда погружаются в нирвану при помощи клея «Момент».

Каюсь, продрогнув до самых костей на Камчатке, хватанул местного самогона из томатной пасты. На следующий день у меня раздуло суставы ступней от артрита так, что я чуть не выл, и доктор, спасая меня инъекцией гидрокортизона, поставил точный диагноз: «Наша фирменная томатовка». В бухте Провидения делают, на мой взгляд, лучшее в нашей стране пиво, не уступающее чешскому, но его по-ханжески, как и в других городах, заставляют сводить до минимума. В результате в прошлом году 7 ноября местный пограничный оркестр играл праздничные марши под аккомпанемент взрывававшихся на подоконниках трехлитровых банок бражки, от чего вздрагивали соседские берега США. На Севере самые популярные люди — это обладатели спирта: вертолетчики и доктора. Соболиная шкурка стоит всего-навсего бутылку. Но спирт — редкость, вроде «Курвуазье», не только на Севере, но и по всей стране. Сколько драгоценного рабочего времени тратят сейчас наши врачи, обязанные выписывать рецепты на любую пустяковую микстуру или капли даже с крошечным содержанием спирта. Спиртовые или водочные компрессы запрещены к рекомендации. Как же можно удивляться, что сахар вдруг исчез? Он же должен был исчезнуть. И разве все общество в целом, все мы с вами, а не только правительство, не обязаны были это предусмотреть?

Обществу нужны не только вперёдсмотрящие, но и предусматривающие.

Лишь то общество в полном смысле демократично, когда все оно — снизу доверху — ощущает правительством себя, а не верхушку, от коей все сначала раболепно ждут указаний и на которую потом сваливают вину за любые ошибки. Собственная трусливая безответственность — вот что скрывается под подхалимством бес-

прекословного исполнительства. Развитие творческой инициативы масс несовместимо с притерпелостью к инициативе только сверху. Насильственные понукания быть общественно активными довели наше общество своей тошнотворной дидактикой до иронической пассивности. Притерпелость к собственной пассивности, подавляя в зародыше потенциальную позитивную энергию многих талантливых людей, одновременно создает питательную среду для негативной энергии активничающих подлецов. Капитулянтский лозунг пассивности: «Я маленький человек, что я могу!» Но если ты оправдываешь свою трусость тем, что ничего не можешь, то не моги и жаловаться, не моги и требовать! Не суй попрошайничающую руку, если ты не можешь сжать ее в кулак! Хватит бесконечных писем и протестов «наверх», пора перейти к письмам и протестам «вниз» — к самим себе, против самих себя. Убийцы перестройки среди нас. Мы убиваем перестройку нашей гражданской робостью, нашим выжидательством — чья возьмет...

Один крупный журналист пришел ко мне вчера, растерянный, нервничающий: «У вас хороший инстинкт... Что произойдет на партконференции?» В инстинкте моем он как раз ошибся. Был у меня хороший инстинкт, да вышел. Много раз я предполагал лучшее, а выходило худшее. Испортился мой инстинкт: на лучшее, конечно, надеюсь, но худшее на всякий случай предполагаю. Ненавижу я это в себе, а что поделать! Не я один такой — множество вокруг таких инстинктов, историей жестоко стукнутых. Но я ответил моему гостю так: «Что произойдет? То произойдет, какими мы с вами будем...»

Перестройка будет такой, какими мы будем сами.

Будем половинчатыми — будет полуперестройка.

Будем из гнилых лагерных досок строить — перестройка провалится.

Будем тянуть одеяло каждый на себя — перестройка окоченеет.

По отношению к перестройке я не беспартийный — я в партии перестройки. Таких беспартийных членов партии перестройки — немало. Но надо признать горькую истину: многие члены партии — не в партии перестройки. Если член партии поддерживает или хотя бы полуподдерживает такие попытки повернуть историю вспять, как оправдание или полуоправдание преступлений сталинизма против народа, как новое обливание заткнуть кляпом рот гласности, то не след прикрываться идеологическими интересами. То, что делается в интересах собственных ускользающих кресел, — это не идеология, а креслеология.

Между перестройщиками и антиперестройщиками есть, к сожалению, немалочисленная группа, которую я назвал бы «нойщиками».

Это те, кто бесконечно ноет, что нет сахара и чего-то еще, но в то же время, не шевеля и пальцем, равнодушно взирает на то, как хотят задушить перестройку. Они хотят улучшения быта, но сведение всех гражданских чувств только к бытовому нутю может привести к тому, что быт так и останется разбитым корытом, из которого даже свиньи хлебать не смогут. Пора понять, что не существует отдельно перестройки материальной и политической. Не защищая демократию, нечего требовать демократии.

...Вот как поучительно обернулась наша притерпелость в частном, но достаточно печальном случае, когда Первого мая 1988 года под звучащие в телевизоре с Красной площади лозунги перестройки я получил укоряюще редкий подарок — пачку сахара, как будто все еще продолжается война... война изнурительная, измотавшая нас... война не с кем-нибудь, а с самими собой.....

2

В 1965 году по моей поэме «Братская ГЭС» репетировался спектакль в Театре на Малой Бронной. В поэме был кусок, начинавшийся так:

Прославлено терпение России.
Оно до героизма доросло.
Ее, как глину, на крови месили,
ну, а она терпела, да и все.
И бурлаку, с плечом, протертым лямкой,
и пахарю, упавшему в степи,
она шептала с материнской лаской
извечное: «Терпи, сынок, терпи...»

Сам я обычно читал эти стихи с некоторым жертвенно-романтическим энтузиазмом, восхищаясь долготерпением нашего народа, как подвигом. И вдруг замечательная актриса Л. Сухаревская на репетиции прочла этот кусок с ошеломившей меня язвительно-обвинительной интонацией.

Могу понять, как столько лет Россия.
терпела голода и холода,
и войн жестоких муки нелюдские,
и тяжесть непосильного труда,
и дармоедов, лживых до предела,
и разное обманное вранье,
но не могу осмыслить: как терпела
она само терпение свое?!

Две последние строчки я обычно читал с задыхающимся умиленным восхищением, а вот Сухаревская прочла их гневно, возмущаясь терпением как причиной многих бед в нашей истории. Актриса лучше самого автора поняла его стихи.

«Терпя и горшок надсядется», «Терпя и камень треснет» — едко, но метко говорят народные пословицы. Триста лет под татарами, триста лет под Романовыми выработали не только терпение героическое, кончавшееся взрывами народных восстаний, но и терпение холопское — притерпелость. Первой русской революцией, не называемой так, к сожалению, ни в каких учебниках, была отмена крепостного права. Но Россия была последней страной в Европе, отменившей крепостное право, и прыгнула в социализм из самодержавного феодализма, почти минуя опыт буржуазной демократии. Клопы феодализма и холопства в деревянных сундуках перебрались из лучинных изб в коммунальную квартиру социализма. Многие начальники вели себя как «красные феодалы», отобрав у крестьян не только землю, но и паспорта. Что знакомо попахивало крепостничеством. Нарушившая заветы Ленина о добровольности коллективизация при ее насильственном проведении была грубым попранием лозунгов «Земля — крестьянам», «Вся власть Советам». Обещанные райские врата оказались ловушкой. После того как жестоко обошлись с крестьянами, объявленными кулаками, уничтожая, ссылая туда, куда Макар телят не гонял, следующие массовые жестокости, фальшивые процессы уже стали входить в привычку. Образовалась притерпелость.

Притерпелостей постепенно образовалось много — к репрессиям, к произвольным налогам, к насильственным подпискам на заем, к образу «лучшего друга советских физкультурников», к отбиранию семенного зерна, к превращению церковей в овощные склады, к «железному занавесу», к навешиванию оскорбительных ярлыков на ученых, композиторов, писателей, на целые научные направления и даже на отдельные науки, как, например, на кибернетику. Вырубались лучшие люди. Все походило на страшный сон, в котором злая банда, задавшись целью вырубить самых породистых лошадей, бродила ночами по конюшням, орудуя топорами. Лошади как вид выжили, но многие из них оказались лошадьми с психологией мышей. Нам еще многое нужно, чтобы восстановить нашу, понесшую такой урон, человеческую породу. Рабскую кровь сегодня надо не выдавливать по капле, а вычерпывать ведрами. Мы не можем позволить себе терпеть собственное терпение. Притерпелость — главный тормоз перестройки.

У Пастернака были такие строки:

Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сраженья.

Взаимоунижения, как клубок гадюк, вброшенный недоброй рукой во многие семьи. Гадюки хамства и грубости из таких квартир выползают на улицу, заползают в метро, сворачиваются кольцами на столах секретарш и прилавках продавщиц.

В такую «бездну унижений» превратился наш ежедневный быт. Сначала мы унижаемся, чтобы добыть квартиру. Наконец-то получив ордер на выстраданную квартиру, мы плачем от предремонтного унижения, когда ее видим. Мы унижаемся, охотясь в джунглях торговли за обоями, кранами-смесителями, унитазами, шпингалетами, и при виде какого-нибудь югославского плафона или румынского кресла-кровати в наших зрачках вспыхивают шерхановские искры, как в глазах тигра, вонзившего когти в долгожданную антилопу. Когда у нас рождается ребенок, мы унижаемся, выбирая ясли, детский сад, добывая соски, подгузнички, бумажные пеленки, детские колготки, коляску, санки, манежик. Мы унижаемся в магазинах, парикмахерских, в ателье, в химчистках, в автосервисе, в ресторанах, в гостиницах, в театральных и аэрофлотовских кассах, в фирме «Заря», в мастерских по ремонту телевизоров, холодильников, швейных машин, наступая на свое самолюбие, от заискиваний переходя к скандалам, от скандалов — снова к заискиваниям. Все время мы куда то протискиваемся, протыриваемся, что-то выклянчиваем, как жалкие просители, надоедливо раздражающие «владык мира сего». Иногда кажется, что в нашей стране все люди — это лишь обслуга сферы обслуживания.

Унизительно, что мы до сих пор не можем накормить себя сами, покупая и хлеб, и масло, и мясо, и фрукты, и овощи за границей. Талонная система во многих областях — стыдобница наша.

Унизительно, что мы до сих пор не можем хорошо одеть сами себя, гоняясь за иностранными тряпками. Одежда многих из нас — это как географический атлас. Но все «Кардены» и «Бурды» нас не спасут. Самим надо шить так, чтобы советский народ своими одедами и обувью не срамился.

Унизительно, что мы до сих пор не имеем достаточно лекарств, чтобы лечить свой народ. Больно видеть ветеранов войны, которые приходят в аптеку, нацепив для внушительности все ордена и медали, а лекарств, указанных в рецептах, все равно нет. Страшно видеть мечущихся, как раненые птицы, из аптеки в аптеку матерей с рецептами своих детей и опускающих перед ними глаза фарма-

цевтов. Нехватка лекарств — это предательство человеческих жизней.

Унизительна нехватка книг — предательство человеческого духа.

Унизительна нехватка компьютеров — предательство современной технологии мышления.

Унизительна «прописка» — искусственное прищипливание людей по определенным пунктам, несмотря на то, что Конституция гарантирует свободу передвижения. Но при географической неравномерности распространения элементарных благ прописка — увы! — спасительна, иначе Москва превратится в двадцатимиллионный город, но со снабжением, как в многострадальном Ярославле.

Унизительна не выполняющая Конституцию система выезда за границу, несмотря на все заверения в упрощении. Всем, кто хочет уезжать насовсем, надо открыть широкие ворота, за исключением особых, связанных с секретностью случаев. Держать людей насильно унизительно. Но не надо зачислять всех уезжающих во враги! И если они ничем не оскорбили родину, надо дать им возможность приезжать или вернуться насовсем. Почему бы всем гражданам СССР не выдавать на руки советские заграничные паспорта сроком, скажем, на три года с правом постоянного выезда в командировку, в туристическую поездку или по приглашению. Советский паспорт на руках сам по себе должен являться рекомендацией на поездку.

Но самое страшное, когда мы, униженные кем-то, сами в виде дешевой компенсации начинаем унижать других. Унижение других похоже на самый страшный вид наркомании.

Гласность — это объявленная война против «бездны унижений». Гласность — это война за социальное достоинство человека. Человек имеет право любить такую музыку, какую хочет, одеваться, как он хочет, стричься, как он хочет.

Плюрализм социалистической гласности есть воспитание толерантности (терпимости). Но терпимость не должна стать притерпелостью ни к какому виду унижения человека человеком.

Антиперестройщики доносительно пытаются интерпретировать нашу молодую, но уже мужающую гласность как дискредитацию завоеваний социализма. Между тем гласность сама по себе есть завоевание социализма. В «Правде» был справедливо поставлен вопрос о культуре дискуссий. Дрязги в стиле коммунальной кухни действительно вредят нашей литературе. Но борьба за культуру дискуссий ни в коем случае не должна перейти в борьбу против самих дискуссий. Точки зрения должны быть выявлены, а не замаскированы. Поэтому хорошо, что читателям стали известны разные

точки зрения на сегодняшний общественный процесс, и среди них тезис о «некрофильстве» П. Проскурина, тезис о необходимости нового «Сталинграда» на нашем идеологическом фронте Ю. Бондарева.

В этом смысле мы должны быть благодарны и факту публикации статьи Д. Урнова о романе Пастернака «Доктор Живаго». Автор статьи, только что назначенный главным редактором теоретического журнала «Вопросы литературы», политически и художественно полностью перечеркивает роман, рискуя даже стихи из романа назвать «стилизацией расхожей поэзии того времени», а доктора Живаго сравнить с безнравственным ренегатом Климом Самгиным. Статья так говорит о любимом герое Пастернака: «А ведь доктора Живаго можно было бы припереть к стенке и загнать в угол». Странное впечатление производит эта статья — как будто напечатанная с опозданием на тридцать лет речь на собрании, где исключали Пастернака. Нет, времена, когда литературных героев и создавших их писателей припирали к стенке, прошли, и, я надеюсь, навсегда. Реабилитация Пастернака и многих других несправедливо опороченных граждан нашего общества необратима и не сможет обратиться в ре-реабилитацию. Нельзя отдать это великое завоевание гласности — нашу духовную перестройку.

Перестройка духовная и перестройка экономическая должны быть равными взаимогарантами. К сожалению, перестройка экономическая сейчас сильно отстает. Но ее тоже, как гласность, пытаются скомпрометировать, стреножить, запугивают, заматывают. В экономике, как и в литературе, тоже есть свои неприкосновенные «священные коровы», которые, притворяясь, что защищают интересы народа, защищают свои стойла. Сегодня гласность должна помочь экономике как отстающей. А завтра, если гласности станет тугο, ей поможет своим могучим плечом поднявшаяся экономика. Без личной инициативы, без крупных индивидуальностей невозможно идти вперед ни в гласности, ни в экономике. А пока «глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах», гласность, как буревестник, «молнии подобный», будит гражданскую совесть народа.

В английском языке есть слово «имидж», в точном переводе означающее «образ», но не в поэтическом, а в политическом смысле. У каждого из кандидатов в президенты США есть целая команда психологов, социологов, политиков, которая работает над созданием его имиджа. Любая политическая система, любая страна тоже заботится о своем имидже. Конечно, ловко сконструированный имидж может быть или искусным гримом, или маской, скрывающей язвы.

«Железный занавес» между Востоком и Западом долгие годы создавал нашей стране имидж привлекательный и пугающий. Подвиг нашего народа в борьбе против Гитлера придал этому образу ореол героизма. Хрущевская оттепель добавила к этому ореолу светинки надежды на взаимопонимание народов. Страшная правда о сталинских лагерях, аресты диссидентов, злоупотребление психиатрией, высылка академика Сахарова, наши войска в Афганистане — все это, выстраиваемое в один ряд и раздуваемое определенным образом реакционной прессой Запада, работало на развешивание героического ореола, доводя дело чуть ли не до антихристового образа «империи зла». Однако сейчас благодаря мирным инициативам нашей страны по ядерному разоружению, гласности, демократизации нашей жизни этот «антихристов» образ рассыпался.

Нам не нужны ни косметика, ни маска на нашем лице, чтобы понравиться иностранцам, втирая им очки. Конечно, хочется, чтобы наша страна привлекала симпатии человечества, но не за счет лжи, а за счет правды, которую она несет миру. Но прежде всего хочется, чтоб наша страна нравилась нам самим. Мы ее любим, гордимся ее культурными и революционными традициями. Но не все традиции бывают хорошими. Как дурную традицию надо отвергнуть несовместимое с перестройкой понятие — «притерпелость».

Литературная газета. 1988. 11 мая

С.П. ЗАЛЫГИН [1913—2000]

Поворот

Уроки одной дискуссии

16 августа 1986 года было опубликовано решение Политбюро ЦК КПСС, в котором говорилось: «Рассмотрев вопросы осуществления проектных и других работ, связанных с переброской части стока северных и сибирских рек в южные районы страны, Политбюро в связи с необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических аспектов этой проблемы, за что выступают и широкие круги общественности, признало целесообразным прекратить указанные работы. В принятом по данному вопросу постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривается сосредоточить главное внимание и сконцентрировать матери-

альные средства прежде всего на более экономном и эффективном использовании имеющихся водных ресурсов и комплексном использовании всех факторов интенсификации сельскохозяйственного производства».

Так закончился многолетний спор между сторонниками и противниками проектов переброски.

И это решение есть не что иное, как один из важных и убедительных фактов общего процесса перестройки, которым живет ныне страна.

Отказавшись от надуманных в узковедомственных интересах проектов переброски речного стока, или, как еще говорилось у нас, «проектов поворота рек», государство наше осуществило поворот в сторону общественного мнения.

Поворот столько же необходимый, сколько и необратимый.

Так кто же все-таки в этом споре был «за», кто — «против»?

«За» были: Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР и СССР, прежде всего с такими их подразделениями, как Союзгипроводхоз — колоссальный, специально созданный Всесоюзный государственный проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт по переброске и распределению вод северных и сибирских рек, «за» был Институт водных проблем Академии наук СССР, причем — и это удивительно! — выступая в самых разных лицах — и как головная организация по комплексным исследованиям для обоснования объемов и очередности работ, связанных с переброской, и как активнейший ее пропагандист, и, наконец, как... главный эксперт по проекту. «За» были и некоторые ученые, немногочисленные, но с высоким служебным положением.

Во всяком случае не составляет особых трудностей перечислить всех, кто был «за».

Ну, конечно, были и «туда-сюда», колеблющиеся, выжидающие, к ним прежде всего я отнес бы ВАСХНИЛ и Институт географии АН СССР.

А вот кто был против — этого мы никогда, наверное, так и не определим, потому что против выступала общественность — ученые (иногда от своего собственного имени, а иногда и в полном составе отделений, научных советов, институтов Академии наук СССР), писатели — опять-таки каждый сам по себе и организованно, поскольку проблемам использования водных ресурсов было посвящено заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, так как съезд писателей РСФСР в декабре 1985 года, подняв этот вопрос, включил пункт о необходимости пристального внимания к проблемам экологии в свою резолюцию. Против — в печати, в пись-

мах, разного рода откликах — выступали люди самых разных возрастов и профессий: врачи, агрономы, историки, филологи, инженеры, учащиеся, пенсионеры, рабочие, служащие, журналисты...

Сколько их было — никто не знает, наверное, не один миллион.

Вероятно, впервые в нашей истории народнохозяйственная проблема так широко, с такой гласностью, с такой же глубиной обсуждалась народом.

Когда шло обсуждение Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, в нем тоже весьма заметное место занимали проекты переброски («проекты века», как говорили их авторы).

Когда XXVII съезд обсуждал Политический доклад товарища М.С. Горбачева, затем доклад товарища Н.И. Рыжкова, и тут возникла та же проблема.

Специалисты-перебросчики выражали недоумение: с каких это пор технические проекты обсуждаются общественностью? Но в Политическом докладе съезду ответ содержался ясный — с наших дней! Начиная с наших дней вот так и будет — общественное мнение отныне приобретает права гражданства!

И если бы не этот тезис — еще неизвестно, во что вылилось бы ведомственное «недоумение».

Итак, о чем же говорит опыт этой дискуссии, первой в своем роде за всю нашу историю? Каковы ее уроки? Каковы — масштабы? Каково ее происхождение?

Общественная жизнь страны в минувшем году была более чем богата событиями, а импульсом этих событий был XXVII съезд КПСС, прошедший в начале года. Не составляет исключения и дискуссия, о которой идет речь.

Она велась давно.

Собственно, сначала никакой дискуссии и не было, а было безудержное восхваление «проекта века» его авторами в отечественной и зарубежной печати, суть которого состояла в том, что проектировщики уже всех превзошли, все инстанции прошли и дело за немногим — осуществить проект в натуре; немногочисленные же по тому времени противники проекта вплоть до середины 1985 года вообще не получали слова, по крайней мере в печати.

Во время всенародного обсуждения проекта Основных направлений, как уже говорилось, общественное мнение вполне восполнило это молчание — и периодическая печать оказалась заполненной протестами против переброски. Медики предупреждали, что переброска опасна в санитарно-эпидемиологическом отношении, биологи утверждали, что страдает флора и фауна сразу в не-

скольких речных бассейнах, геологи просто-напросто хватали проектировщиков за руку, поскольку они проектировали трассы каналов в заведомо неподходящих для этого грунтах, историки опасались гибели памятников нашей истории и культуры, агрономы, инженеры, экономисты, крупнейшие ученые приводили доводы против, против, против.

В результате пункт проекта Основных направлений, который предлагал развернуть строительные работы по переброске, был после съезда КПСС изменен — теперь предусматривалась лишь углубленная проработка проблемы.

Общественность успокоилась. Казалось, что и вправду для этого у нее имеются все основания. Но не тут-то было!

Оказывается, материалы и решения съезда истолковывались далеко не однозначно.

«Углубленная» проработка вопроса? Очень хорошо! — заявили сторонники переброски. Это именно то, чего мы хотели. В порядке углубленной проработки и «эксперимента» мы и перебросим 6 кубокилометров в Волгу! Ну если уж не 6, так 2,2 кубокилометра. (А это уже совершенно абсурдная цифра.)...

И тут же в завидном темпе началась подготовка к строительству. Прибегая к разного рода ухищрениям, прежде всего канцелярским, Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР добилось финансирования и открытия подготовительных строительных работ в Вологодской и Архангельской областях, а журналистам снова (как в прежние времена) «не рекомендовалось» об этих работах писать. Началось фактическое осуществление проекта, который так ведь и не прошел экспертизы в целом, — вот какие были пущены в ход ухищрения. Но и это не все.

Совершенно неожиданно появилось письмо за подписью первого заместителя председателя Госплана СССР товарища П.А. Паскаря, в котором говорилось: «В результате работы, проведенной многими научно-исследовательскими и проектными институтами Академии наук СССР, Минводхоза СССР и других министерств и ведомств, подтверждена необходимость первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн Волги в объеме 5,8 куб. км».

И это в то время, когда уже пять отделений АН СССР представили отрицательные заключения по проекту, когда такие же заключения вынесли Всесоюзное географическое общество, Всероссийское общество по охране памятников истории и культуры и многие другие, когда решительно выразили свое несогласие с проектом Совмин Коми АССР, а также областные организации Вологды (хотя ранее они некоторое время этот проект и поддерживали).

Со стороны же общественности самую активную позицию заняли писатели. Напомним, что в резолюции VI съезда писателей РСФСР говорилось: «Делегаты съезда выражают серьезную озабоченность решением экологических проблем в некоторых районах страны. Съезд поручает новому составу Правления СП РСФСР довести эту озабоченность до компетентных органов, и если потребуется, привлечь широкую советскую общественность к участию в обсуждении и решении этих жизненно важных проблем».

И хотя кто-то иронически назвал этот съезд «съездом мелиораторов», в Политическом докладе товарища М.С. Горбачева XXVII съезду КПСС была выражена благодарность тем писателям, которые защищают природу, — это ли была не поддержка?

На VIII съезде писателей СССР снова была поднята эта тема, еще раньше, в мае 1986 года, российский Союз провел уже упомянутый секретариат в Ленинграде, где вопрос о переброске встал с особой остротой. Секретариат просил депутатов Верховного Совета СССР товарищей С. Михалкова и Ю. Бондарева обратиться с письмом в Верховный Совет СССР, в котором они изложили бы резолюцию секретариата. Такое письмо было передано в Президиум очередной сессии Верховного Совета СССР. Самое активное участие в развернувшейся в Ленинграде дискуссии приняли вице-президент АН СССР А.Л. Яншин, академик Д.С. Лихачев и другие ученые. Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР представлял первый заместитель министра товарищ П.А. Полад-заде, а Государственный комитет СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды — первый заместитель председателя В.Г. Соколовский.

Что касается проекта, говорил на этом секретариате товарищ Полад-заде, то в его научном обосновании решающее слово принадлежит Академии наук. Если она скажет, что прогнозы понижения уровня Каспия неверны и для его спасения переброска не нужна, то мы (министерство) первыми будем ходатайствовать перед правительством об отказе от проекта. При этом заместитель министра твердо знал, что его академический союзник (Институт водных проблем) не подведет; для руководства института отстаивание «своего», по существу, антинаучного прогноза стало «делом чести». Знал товарищ Полад-заде и о том, что пять отделений АН СССР высказались решительно против переброски. Знал, но никогда и нигде об этом не говорил, не пытался мнения ученых опровергнуть или даже попросту упомянуть о них. От этих мнений он уходил последовательно и по-своему очень умело.

Товарищ Соколовский на тех же ленинградских заседаниях утверждал, что его комитет никакого отношения к проекту не имеет,

не отстаивает его, если же кто-то именем комитета приостанавливает публикацию материалов, критикующих проект, так он об этом знать ничего не знает. Но за примерами лично мне и ходить далеко не надо — из моих статей по указанию Госкомгидромета был выброшен не один абзац.

И вот что интересно: когда почва под ногами Минводхоза и Института водных проблем АН СССР заколебалась, они, чтобы спасти проект, немедленно вступили с общественностью в своеобразный торг. Если на первых этапах объем переброски определялся в перспективе цифрой 100 кубокилометров в год, то позже об этой перспективе как будто забыли и последовали более «успокоительные» цифры — 60, 40, 20, 6 и, наконец, как об этом уже упоминалось, 2,2 кубокилометра. Какое реальное значение имели все эти цифры? А вот какое: 6 кубокилометров могли бы повысить уровень Каспия на... 12 миллиметров. Это попросту смехотворная цифра, которая имела только одну меркантильную цель — во что бы то ни стало сохранить проект на плаву, утвердить за ним финансирование. Дело в том, что Минводхоз уже был должен государству около миллиарда рублей, расплатиться он мог только при новом финансировании под проекты следующего пятилетия (независимо от их целей и целесообразности). Какой смысл имеет переброска 6 или 2,2 «экспериментальных» кубокилометра, если самая совершенная гидрометрия может измерять сток Волги с точностью $\pm 8-10$ кубокилометров?

Однако не о технических показателях «проекта века» должна идти здесь речь — нынче они потеряли всякое значение, а вот общественное значение дискуссии со временем возрастает, опыт этой дискуссии обществу, безусловно, еще пригодится.

Мы не можем думать, будто перемены общественной психологии происходят и произойдут только на основании неких умозаключений — вот эта психология лучше, а эта хуже, так принимаем же лучшую! Психология общества меняется с изменением политики. В политически неизменном государстве общественного мнения либо нет совсем, либо оно ведет подпольный образ жизни. Изменилась политика нашего государства по отношению к обществу — вот почему и возникла та дискуссия, о которой идет речь. Итак, напомним еще раз, что в сравнительно узкой среде специалистов и тоже в самом узком кругу творческой интеллигенции, прежде всего — писателей, эта дискуссия возникла лет семь тому назад. Никто ни на каких этажах, ни в каких инстанциях не придавал ей сколько-нибудь серьезного значения, а по проекту тем временем одна за другой защищались кандидатские диссертации (реже — доктор-

ские), проектировщики быстро повышались в должностях, наращивалась и численность кадров. В специально созданном Всесоюзном проектно-изыскательском и научно-исследовательском институте по переброске и распределению вод северных и сибирских рек работали уже 6 тысяч человек, но и тут говорилось: «Мало! Надо гораздо, гораздо больше!» И делали больше: в системе Минводхоза число исследовательских учреждений достигло ста шестидесяти, а общая численность проектировщиков — 68 тысяч человек.

Главной был отнюдь не одинок, как об этом уже говорилось выше, передавая хозрасчетные темы «высокой» науке, он ни много ни мало, по существу, прикарманил академический Институт водных проблем во главе с членом-корреспондентом АН СССР Г.В. Воропаевым, и это был тем более интересный ход, что Г.В. Воропаев был выдвинут и на должность председателя Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, которая должна осуществлять экспертизу проекта. Легко себе представить, какой могла быть эта экспертиза, если даже в Институте водных проблем АН СССР последовательно не допускалось никакой критики этого проекта.

Так бы и шло дело, и нынче уже перекапывали бы десятки миллионов кубометров земли на трассах запроектированных каналов по полтиннику, а зимой и в полтора-два раза выше за кубометр, ничуть не задумываясь над тем — а для чего? Каков будет конечный результат?

Но тут — перемены, апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, затем XXVII съезд КПСС, затем — последующая деятельность ЦК и Совмина. Если перемены — значит, и обновленное и активное общественное мнение, если они есть — значит, в обществе происходит разделение на прогрессистов и консерваторов. Происходит не только по оценке дня сегодняшнего, но и предшествующего опыта — что из прошлого нужно сегодня, а что не только не нужно, но и вредно. И это же факт, что нынче уже не в порядке пережитков прошлого, а в порядке собственного опыта у нас сложился свой, доморощенный бюрократический советский социалистический консерватизм.

Как и в целом ряде подобных случаев, наш родной консерватизм тоже возник не на пустом месте, а из прогрессивных и революционных идей, вернее всего из идей и практики конца 20 — начала 30-х годов, когда решительно распрощавшись с нэпом, мы заодно распрощались и с вариантным мышлением и целиком сосредоточились на главном (и единственном) направлении — на задаче индустриализации и коллективизации страны любой ценой. Нам в то время не усложнение действительности нужно было, а ее упрощение, полная ее очевидность, полная безвариантность, потому

что мы рассматривали свое положение как положение если уж не военное, так чрезвычайное. Любое отклонение — это был уже уклон левый, а чаще правый, любой уклон — это деяние антиобщественное, антигосударственное, антисоветское. Либо — либо! Или мы победим, или нас победят. Отсюда и «любая цена» во всем, и жертвенность, которую мы тогда проявили, и категоричность суждений («Если враг не сдается — его уничтожают»), и энтузиазм, и нетребовательность в отношении материальном.

Эта однолинейность, этот курс дал нам Кузбасс и Магнитку, Турксиб и Днепрогэс с его «бешеными темпами» строительства, Челябинский и Сталинградский тракторные. Весь мир был удивлен нашими достижениями, и действительно это был опыт мирового значения, он доказывал, на что способен человек, на что способен народ, воодушевленный идеей переделки всей жизни. Динамика этого движения сыграла свою роль и в нашей победе над фашизмом в войне 1941—1945 годов, быть может, решающую роль.

Но вернемся к нашим дням, к «проекту века».

Не случайно в первых редакциях технико-экономических обоснований проектов переброски речного стока утверждалось, что их осуществление еще раз продемонстрирует всему миру неоспоримые преимущества социалистической системы хозяйства, не случайно главными достоинствами проекта почитались его масштабность и даже уникальность. Все та же магия масштабности должна была бесконечно воодушевлять его сторонников и уничтожать противников: мы — больше всех, а вы против нас — разве так может быть?! И в самом деле до поры до времени в нашей истории так быть не могло, но только — до поры и до времени. Грандиозное перестало (перестает) отождествляться с безупречным, перестает быть паролем для беспрепятственного продвижения в будущее; наконец-то мы убедились — и еще как убедились-то! — что грандиозное тоже нужно доказывать.

Какой бы путь развития ни был избран государством и народом, в самом начале он всегда более очевиден, чем где-то уже к середине, на полпути. И тут было так же. Еще в начале 30-х годов каждое вновь построенное предприятие существенно поднимало и общий промышленный потенциал страны, и процент годового прироста производства, потому что в абсолютных цифрах это производство было еще очень невелико, другое дело, когда производство возрастает в десятки раз, тут и каждая десятая доля процента — это не одно, а множество новых предприятий.

Но так или иначе, а чрезвычайное положение 30-х годов потому и было чрезвычайным, что долго оно продолжаться не могло,

жизнь переставала в него укладываться; жизнь в нормальном состоянии требует сопоставления вариантов своего дальнейшего осуществления, но вот в чем дело — государственный аппарат оказывается неподготовленным к вариантному мышлению, к деятельности, требующей самостоятельности и ответственности не только перед вышестоящим руководством, но и перед обществом в целом. И тогда-то возникает «новый» консерватизм, он и есть первый признак этой неподготовленности.

Да, консерватор сохраняет лозунги минувших лет, оберегает их ото всех и всяческих посягательств и гордится этим, но, сохраняя лозунги, он давным-давно потерял чувство времени, в частности — дух того времени, которому эти лозунги принадлежали, он потерял его прежде всего применительно к самому себе.

Вполне вероятно, что он, новый консерватор, был в те 30-е годы еще мальчиком и не помнит их трагизма, их испепеляющей требовательности.

Не помнит коммуналок, в которых жили руководящие кадры, не помнит партмаксимума, чрезвычайных «троек» и «пятерок», ночных бдений на работе, наверное, не помнит и униформы того времени — гимнастерки, галифе (или полугалифе), сапоги, а галстук — это уже признак бужуазности. Ему понятна и желательна полная и безоговорочная самоотдача масс в строительстве социализма, он очень хотел бы и сейчас видеть ее в других. В других, но не в себе. Все общество он хотел бы видеть не изменившимся с тех пор сколько-нибудь заметно и только себя самого — вполне современным, вариантно мыслящим в отношении собственной карьеры, время от времени выдвигающим проекты века, которые только потому, что они величественны, ни обсуждению, ни сомнениям не подлежат, подлежат только исполнению. Они ведь, эти проекты, очень многое ему лично обещают, хотя он — слуга народа и поборник общественного интереса — никогда в этом не признается.

Впрочем, консерватор всегда таков — общество он хочет видеть мыслительно неподвижным, а себя самого мыслящим непогрешимо. И — грандиозно!

Именно такое мышление никак не совпадает ни с нашим временем, ни с той строго логической системой существования мира, которую мы подразумеваем под словом «природа». Не только не совпадает, но и вступает с ней в противоречие, разрушая ее изо дня в день.

При наших-то природных ресурсах — водных, земельных, лесных, минеральных, энергетических, — если бы мы все эти ресурсы по-настоящему научились ценить, научились использовать надле-

жащим образом, да ни одна страна в мире никогда не угналась бы за нами в экономическом развитии! Но мы не столько эти ресурсы используем, сколько совершаем над ними самые разные и самые невероятные «пере»: перебрасываем их, перераспределяем, перекапываем, пересматриваем, переделываем. А в результате теряем. И странно — общество теряет, а ведомство — приобретает, приобретает штаты, кабинеты, оклады, премии, престиж. Все тот же престиж масштабности и грандиозности своей деятельности.

Государство и общество интересуется проблема охраны природы, а ведомство — максимальное (толковое и бестолковое) использование всех ее ресурсов.

Государство и общество интересуется проблема повышения производительности труда, а ведомство — увеличение собственных штатов.

Государство и общество заинтересованы в том, чтобы средства были сосредоточены на важнейших строительных объектах, а ведомства плодят и плодят незавершенку.

Почему так? Причин и условий для этого много, часто эти причины серьезные, объективные. Вот государство решает создать новое ведомство и разрабатывает для него широкую, государственную программу деятельности. Но в этой программе разные пункты, одни исполнить сравнительно легко и доходно, другие — трудно и в ущерб собственному бюджету. Каким пунктам программы ведомство будет отдавать предпочтение? И в самом деле, почему в применении к любому хозяйству или предприятию принцип материальной заинтересованности признается вполне, а для ведомства он не существует?

И вот уже руководитель ведомства парирует обвинения в свой адрес таким образом: государство и общество требуют, требуют и говорят, а делаю-то я!.. а я могу делать только так, чтобы это было и в моих интересах, и уж во всяком случае не вопреки им!

И действительно, государственный аппарат, а Госплан прежде всего, должен перестраиваться и перестраивать свои отношения с ведомствами. Как? Пока не берусь судить. Берусь только ставить вопрос. Вот появятся в портфеле нашей редакции отклики на эту статью, всякого рода материалы и предложения, вот тогда и подумаем, не без пользы подумаем! Другое дело — контроль над ведомством. Тут дело проще прежде всего потому, что очевиднее: контроль, а в более широком смысле воздействие на ведомство должно, как правило, вестись не с одной, а с двух сторон, должно осуществляться и государством, и обществом. Вот к этому второму виду контроля (воздействия) наши ведомства не только не привык-

ли, но и относятся к нему с пренебрежением, не верят, что он возможен, а тем более что он необходим.

Прошло полгода с момента отмены проекта переброски, и что же? Минводхоз вовсе не воспринимает это как факт, опровергающий стиль его работы, нет, это для него всего лишь эпизод. Может быть, неприятный, и только. Отдельный случай. Частная неудача — не более того. А все остальные его проекты — безупречны. И вот уже заместитель министра товарищ Б.Г. Штепа демонстрирует участникам Прикаспийской экспедиции, организованной Комиссией при Президиуме АН СССР по изучению производительных сил и природных ресурсов под руководством академика А.Г. Аганбегяна (начальник экспедиции — кандидат технических наук И.Я. Богданов), строящийся параллельно существующему канал Волга — Дон, а член-корреспондент АН СССР Г.В. Воропаев повторяет все те же опровергнутые наукой и общественностью ведомственные доводы на заключительном совещании экспедиции в Москве. Невероятные просчеты и ошибки в деятельности Минводхоза СССР налицо. Поступают и поступают сигналы бедствия — Кара-Богаз, Сасык, земли Каракалпакии. Ведь с такой тревогой обо всех этих и еще многих-многих других объектах писала наша пресса — вот бы и организовать там проверки группам народного контроля, если на то пошло — и общественного контроля, представителей печати...

Вот бы еще и узнать, почему вдохновитель проекта Г.В. Воропаев и до сих пор является главным экспертом Госплана, — видимо, его «опыт» особенно ценен?!

Узнать — кто же это столь неустанно заботится о перебросках, чтобы ни с чьей головы не упал ни один волосок? Чтобы им не пришлось объяснить общественности свои ошибки ни в печати, ни по телевидению — никак?..

Сколько и как общественность воздействовала на это министерство, а ведь ни одного сколько-нибудь вразумительного ответа так и не получила. И не получает. Проект переброски правительством и партией признан несостоятельным, он ликвидирован, он закрыт — так ведь должен же Минводхоз объяснить общественности, всему народу, что произошло, почему произошло, кто виноват? По элементарной логике ответ должен быть обязательно. По логике самого министерства и Госплана — совсем необязательно, наплевать им на это дело, угробили не то 500 миллионов, не то миллиард, только-то и всего. Ну, поволновалась общественность — и дело с концом...

А возвращаясь непосредственно к предмету нашего разговора, вспомним, что и здесь имело место все то же расхождение между интересами государства и общества, с одной стороны, и

ведомства — с другой, общество интересовала проблема повышения урожайности, ведомство — объем земляных работ, предстоящих на строительстве новых каналов. Чем этот объем больше, тем ведомству выгоднее — вот в чем дело.

Ведь нулевой цикл — «непыльный» цикл, он не требует многочисленных смежников и поставщиков, возможности приписок, особенно в зимний сезон, неисчерпаемы, работы просты и куда как выгодны — значит? Значит, копаем и перекапываем прежде всего, а потом уже и все остальное. (Включая в остальное и проблему повышения урожайности, и научное обоснование перекопки.)

Ведь это только на первый и самый поверхностный взгляд «проект века» — высокая и далеко не всем доступная наука, на самом же деле это подлинный примитив: не хватает воды в одном бассейне — перебросим ее из другого, что может быть проще. Разработать и осуществить систему экономии оросительной воды, внедрить в производство современные способы полива — куда как сложное дело, вот и отложим его на потом, а сейчас — переброска! Тем более что и наука в лице того же Г.В. Воропаева — за.

И, значит, проектируем переброску в бассейн Кубани 6 кубокилометров в год, а теряем там при орошении 9 кубокилометров и слышать не хотим о том, что объем неиспользованного в бассейне местного стока 70 кубокилометров!

Проектируем канал длиной 2400 километров, шириной 200 метров понизу с перекачкой на 110 метров для переброски 27 кубокилометров из Сибири в Арал стоимостью (вместе с обустройством) около 100 миллиардов рублей, а теряем в Средней Азии 49 кубокилометров, заболачиваем и засоляем в связи с этим миллионы гектаров ценнейших земель. И поливаем в Средней Азии так же, как и тысячи лет тому назад, — с помощью кетменя. Ученые подсказывают, что в Средней Азии сосредоточены солидные запасы подземных вод, но эти запасы подождут, они под землей, а вода Сибири — на виду. Перегнать ее в Среднюю Азию, и вся недолга!

Разве тому же Минводхозу никто никогда не указывал на то, что он давно забросил так называемые сухие мелиорации, противоэрозийные мероприятия, проект которых тщательно разработан Росземпроектom? Сухие мелиорации не связаны с риском засоления, заболачивания и эрозии земель, которые в той или иной степени, но почти неизбежно сопутствуют орошению.

Поскольку сухие мелиорации в расчете на один гектар в 400—500 раз дешевле водных, ими можно было бы охватить весь наш земельный фонд, а не только «поливной клин», избранный Минводхозом для вложения огромных средств, но только на одной трети своей площади дающий проектные урожаи.

Столетний опыт Каменной степи подтверждает, что в этой зоне можно получать очень высокие и стабильные урожаи без орошения, высокая агротехника — вот что для этого нужно.

Но Минводхозу они невыгодны. И потому...

— Ерунда! Только орошение, только Минводхоз может решить продовольственную проблему.

Проект переброски части стока северных рек обещает прирост валового сбора сельскохозяйственных культур в лучшем случае 2—3 процента от заданий Продовольственной программы, а при уборке и хранении мы теряем до 20 процентов урожая; куда же выгоднее вложить деньги: в строительство каналов или — элеваторов, овощехранилищ и дорог?

— Полная ерунда: строительство элеваторов — это уже не наше, это другое министерство! У них свой план, а у нас — свой!

Проект исходит из того, что уровень Каспийского моря из года в год понижается, а он за девять лет повысился на 1 метр 20 сантиметров, что составляет 450 кубокилометров, или 75 объемов годичной переброски по первому этапу проекта. Теперь, по выражению одного ученого, не Каспий надо спасать, а надо спастись от Каспия, и Дагестан уже запрашивает 200 миллионов рублей на строительство береговых оградительных дамб.

— Ерунда! Уровень Каспия рано или поздно будет снижаться! И спасем его опять-таки только мы!

Ну, а если «только мы» и никто другой, так для нас и все средства хороши, все средства оправдывает наша благородная цель, и не грех подтасовать и цифры и факты, полностью отказаться от экономических показателей, если они «не бьют».

И в проекте это можно, и на заседаниях можно, и в телепередаче, и на защите диссертаций. Так оно и было, когда диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук защищал главный инженер проекта А.С. Березнер, ни одной научной работы по географии за душой не имея.

Аудитория возмутилась, к соискателю посыпалось множество вопросов, причем «неудобных». Соискатель обиделся, заявил, что ему не созданы надлежащие условия, от дальнейшей защиты отказался. Обидно! Еще бы не обидно — ведь А.Л. Великанов-то, collega, тихо-мирно защитился в Ленинграде.

Возникает вопрос: а где же была во время этой дискуссии наука? Та — настоящая, которая покоряет нынче космос?

В науке по этой проблеме возникли разные позиции. И обнаружилось разное поведение. Одни ученые и руководители инсти-

тутов от участия в проекте уклонились, сознавая его неперспективность. Не случайны, например, сетования проектантов на то, что к обоснованию проектов не удалось привлечь ведущие экономические институты страны. Заметим сразу, что если это и удавалось, так результат неизменно был негативным. Иначе и не могло быть — экономически проект обосновать попросту невозможно. Проектировщиков это не смущало, у них испытанное средство защиты: стоило Институту экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР под руководством академика А.Г. Аганбегяна сделать выводы о недостаточной экономической обоснованности проекта переброски части стока сибирских рек, как институт тут же был объявлен не справившимся с заданием.

Другие ученые (таких тоже оказалось немало) послушно занялись обоснованием проектов по заказу их авторов. Ведь лавры соавторов «проекта века» соблазнительны. Да и не только лавры.

По опубликованному признанию Г.В. Воропаева, научные исследования по проблемам переброски речного стока начались только тогда, когда основные проектные решения были уже predeterminedены. При попустительстве Госплана СССР (вот он, бюрократический консерватизм, в действии!) из пятилетки в пятилетку, из года в год утверждались задания, единственной целью которых было (накануне экспертизы) научно обосновать уже разработанные проекты. Роль науки сводилась при этом к определению компенсационных мероприятий в связи с неизбежными ущербами, и в лучшем случае ей позволялось несколько изменить проект, скажем, изменить трассу переброски, а поскольку ущерб при этом несколько сокращался, это выдавалось за реальную экономию и рассматривалось как безусловное достижение научной мысли. Коренной же вопрос — быть или не быть переброске и нужна ли она в действительности — не ставился и не решался. Такая постановка вопроса считалась уже излишней.

Но были ученые и научные коллективы, казалось бы, очень далекие от конкретных проблем переброски, принявшие, однако, самое активное участие в разгоревшейся дискуссии. Прежде всего это были математики. Ознакомившись с методикой прогнозирования уровня Каспийского и солености Азовского морей, многие из наших выдающихся ученых — академики Л.С. Понтрягин, Г.И. Петров, Н.Н. Красовский, А.А. Дородницын, Ю.В. Прохоров, А.Н. Тихонов, В.П. Маслов и другие — были поражены более чем низкой квалификацией авторов той методики, которую разработал Институт водных проблем, они обнаружили в этой методике грубейшие ошибки

и прямую подгонку с целью «обосновать» понижение уровня Каспия, а значит, и необходимость переброски.

Итак, наука участвовала в решении этой проблемы неофициально, по собственному почину, помимо утвержденных планов своей деятельности, и официально, а в то же время, мягко говоря, весьма своеобразно — когда отнюдь не она сама определяла общее направление проекта, а проектанты определяли, какая наука им нужна и какая не нужна. Снова «только мы»: мы заказываем науку, мы знаем, с какими учеными нам водиться, каких гнать в шею. Ведь в пору своего золотого детства проект был согласован с самим президентом АН СССР академиком А.П. Александровым — что другим-то академикам надо? Их не спрашивают, а они — вот ведь еще какая неприятность — на свой собственный страх и риск — туда же!

Да, связь науки с производством — это хорошо и необходимо, но часто это дело оборачивается совершенно неожиданной стороной — значительно раньше того, как научные достижения внедрены в практику, многие атрибуты ведомственности оказываются внедренными в науку. А тогда и наука приобретает чисто ведомственные замашки и вместо того, чтобы доказывать, беспартийноно утверждает, пользуясь своим авторитетом.

Байкал? А кто сказал, что в Байкале обязательно должна быть чистая вода? — утверждает она.

Переброска? А мы утверждаем, что она нужна! Кто сомневается в нашем авторитете?

Если уж наука оказалась с самого начала в чем-то «завязанной» на этом проекте, тогда что же и говорить о Госплане, о Совмине, о других инстанциях. Там многие отделы, подотделы и секторы в свое время дали проекту «добро», а позже не нашли в себе сил отступить, признать свою ошибку.

А вот уже в этих-то связях и по вертикали и по горизонтали общественность разобраться никак не в состоянии: зная все то, что говорится в пользу проекта, она никогда не знала, кто же все-таки может дать ответы на ее вопросы. И не мудрено: ведь в разработке проектов переброски участвовало... 185 «организаций-соисполнителей»!!!

Она знала, что ее поддерживает печать, знала, что можно обращаться в ЦК и в Совмин, но ведомство, которое все это дело затеяло, было ей недоступно, оно не отвечало на многочисленные статьи, всякого рода протесты были Минводхозу как об стенку горох: что они есть, что их нет — разницы никакой.

И ответственные лица, которые обязаны давать общественности необходимые объяснения, — директора, главные инженеры, ми-

нистр и его замы, соискатели ученых степеней — на этот раз как бы переставали существовать.

Еще один вопрос: ну, как же тот «народ», который — проектировщики? Ведь не один же Березнер, или Великанов, или Воропаев, или Полад-заде проектировал переброску, ведь в проектировании принимала участие армия численностью в 68 тысяч человек. (Всего в системе Минводхоза занято два миллиона человек.) Неужели эти 68 тысяч были единодушны как один в оценке проекта? Они-то разве не общественность, а что-то другое?

Приходится согласиться — да, в большей или меньшей степени, но они оказались чем-то другим. Уже по одному тому оказались, что не приняли участия в дискуссии, отстранились от нее. Их мнение в пользу проекта тоже могло ведь стать общественным, но при одном условии — если бы они высказали его во всеуслышание, если бы доказательно опровергали доводы против.

Но они молчали. Вполне вероятно, что они были за проект, но защищать его перед общественностью не хотели, они передоверили это дело своему руководству: начальство знает, что делает.

Известно, что человек и вслух и тем более молчаливо склонен отстаивать свои собственные интересы почти независимо от того, большие они или малые, — лишь бы они были собственными. Тем более это так, если ему многие годы внушают, что эти его интересы полностью совпадают с интересами государственными. Внушают постоянно и самыми разными способами.

Вот проектировщик приходит на работу, а в вестибюле мигает электрическими лампочками макет-схема переброски, великий проект века... И так каждый день, каждый год, не захочешь — поверишь. К тому же сколько инженеров из этого величия уже извлекли диссертации, сколько всерьез повысили свою квалификацию, в другой какой-то худенькой конторе человек ни в жизнь не проектировал бы крупный гидроузел, а здесь — проектирует. Что этот гидроузел входит в общую схему, которая никому не нужна и даже вредна, — это уже не его дело. Опять-таки это дело главного, дело директора. Главный отвечает за схему в целом. Если же кто-то из проектировщиков когда-то все-таки выступил против проекта — такого в коллективе давно уже нет... Сам ушел или не сам, но его нет, следовательно, коллектив здесь «дружный» и «сплоченный».

И надо еще сказать несколько слов о том, чем же была та общественность, которая активно выступала против.

Вопрос-то трудный. Насколько ведомство очевидно по своему составу и порядку, настолько же общественность изменчива и неопределенна. Существует, действует, деятельность ее то разгора-

ется, то затухает, но персональному учету она не поддается. А если бы поддавалась, так, пожалуй, тоже довольно скоро обратилась бы в какое-нибудь «ведомство общественного мнения». Да, так оно и есть, общественное мнение, общественность всегда находятся между полной неорганизованностью и заорганизованностью — и то, и другое сводит дело общественное на нет, убивает его на корню. А ведь этого никак нельзя допустить, и мы в этом убедились — отсутствие общественного мнения прежде всего скажется на тех же ведомствах, которые тут же окончательно забудут свою первейшую задачу — служить обществу, а не самим себе и не друг другу.

Значение и настоятельная необходимость в общественном мнении определяются нынче еще и необходимостью видеть действительность такой, какая она есть, без ведомственного лоска и без ведомственной узости, наконец, видеть ее, действительность, не по отдельным частям, а в целом.

Что и говорить, без деятельности ведомственно-специализированной, без служебного взгляда на вещи, на все наши проблемы обойтись нельзя, но ведь обойтись только ими — нельзя тоже.

Этот взгляд всегда ограничен прежде всего потому, что он без конца расчленяет окружающий мир — единую природу — на самые разные природные ресурсы — водные, минеральные, земельные, лесные и так далее; общество — на профессии, народное хозяйство — на отрасли, государство — на учреждения. Эта стихия подразделений и разделений все возрастает. Разделяя же действительность и ее главные проблемы на части, на множество частей, ведомственность властвует над действительностью — принцип старый как мир.

И только общество общими усилиями может создать более или менее целостную картину и самого себя, и окружающей его природы, и мира, и своей страны. Его прямое назначение — воспринимать жизнь в возможно широком и всестороннем плане. И каждую проблему тоже.

В случае, о котором идет речь, форма организации общественного мнения, по крайней мере в области научной, определилась с самого начала: в соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС на базе научных советов АН СССР была создана Временная научно-техническая экспертная комиссия по проблемам повышения эффективности мелиорации под председательством вице-президента АН СССР академика А.Л. Яншина.

Именно потому, что комиссия была общественной, она проделала работу, не выполнимую ни для ведомства, ни для самой Академии, ведь она обращалась за участием и помощью к любому на-

учному учреждению, к любому добровольному обществу и к любому гражданину. И никогда, ни разу не получила отказа, наоборот, «предложение» многократно превышало «спрос». Не было у комиссии ни канцелярии, ни машинисток, ни стенографисток, но и тут находились добровольцы, они вели «дела», и дело шло.

Какие бы специалисты ни требовались по ходу дела — агрономы, экономисты, юристы, кинематографисты, биологи, медики, математики, — все они были к ее услугам. Колоссальный общественный резерв, недоступный самому крупному ведомству!

Рассмотрение проекта в работе комиссии занимало не столь уж большое место. Причины низкой эффективности мелиорации в сельском хозяйстве страны — вот тема и направление ее работы, и ее труды еще предстоит серьезно изучать многим ведомствам. Но это тема отдельного разговора, который, надо думать, состоится в недалеком будущем, это совершенно необходимо, чтобы проблема ставилась снова и снова со всей остротой, иначе лет через десять—пятнадцать наши водно-земельные ресурсы придут в окончательный упадок, и мы окажемся одной из самых малоземельных и низкоурожайных стран.

Итак, без самой широкой гласности, без участия печати экспертная комиссия ничего и никогда бы не добилась.

Но тут имел место пример общественной организованности, точнее — сорганизовавшейся общественности. И дело еще вот в чем: наше общество нынче вполне подготовлено к решению экологических проблем, оно уже имеет практический опыт.

Многие помнят, как был закрыт проект Нижнеобской ГЭС, который предусматривал затопление 135 тысяч квадратных километров (территории, превышающей площадь Чехословакии), и как до сих пор при самом активном вмешательстве ей не удалось отстоять пагубного загрязнения Байкала. Все еще окончательно не удалось, однако и это тоже опыт и его тоже надо использовать в самое ближайшее время. Ведь проекты переброски отнюдь не единственные в своем роде. Увы — отнюдь!

Сколько газеты писали и пишут о колоссальных потерях воды (и земель) в оросительных системах Средней Азии! Ведь положение-то у нас в этом смысле такое, что впору подавать сигнал SOS. Но, очевидно, мы не устраним эти потери до тех пор, пока не установим цену на воду и не введем стоимостный земельный кадастр.

Ведь был же недавно осуществлен вредный, разорительный и безграмотный проект плотины, наглухо отгородивший залив Кара-Богаз от Каспийского моря! И разве дело прошлое — забытое дело? Нет, Минводхоз и Государственная экспертная комиссия Госплана

СССР опять-таки должны ответить на эти настойчивые запросы общественности — почему же этот проект все-таки был осуществлен, несмотря на протесты ученых, в частности АН Туркменской ССР? Кто здесь ответчик? Персонально? Почему этот вполне законный и необходимый государству вопрос неизменно встречает гробовое молчание? Кто кого здесь покрывает — Госплан Минводхоз или Минводхоз Госплан? Где народный контроль, который хватается за руку всякого, кто идет на разного рода приписки, и равнодушно смотрит на миллионные, на миллиардные убытки, которые совершенно безнаказанно наносятся государству и народу?!

Нет ответчиков... Значит, и дальше можно проектировать все что бог на душу положит ведомственной выгоды ради. И вот уже снова проектируется ничем не обоснованная переброска стока из Волги в Дон и Кубань, в то время как далеко не использован сток этих рек, а потери в оросительных системах намного превышают там объем переброски.

В ряде случаев невозможно поверить тому, как мелиораторы реагировали на выступления печати.

«Комсомольская правда» от 13 мая 1986 года приводит ответ Союзгипроводхоза на свою статью «Пересол» от 13 февраля того же года, в которой говорилось, что в Молдавии в результате орошения минерализованными водами гибнут земли, что на вредные проекты расходуются огромные средства. (Первая очередь строительства, о котором идет речь, обошлась в 106 миллионов рублей, а вся его стоимость — около миллиарда.)

И вот Союзгипроводхоз отвечает газете: «Авторы же, не поняв сути дела и опубликовав статью, нанесли ущерб коллективу института и главному инженеру проекта т. Прохорову В.В.». Следует несколько подписей и среди них... Прохоров В.В.

Проектировщики (и товарищ Прохоров тоже) ссылаются на положительный опыт орошения на озере Сасык: «... на сопредельных землях УССР». Но вот что об этом опыте незадолго до того говорилось: «Из-за грубого просчета проектировщиков на поля орошения была подана вода с высокой минерализацией из соленого озера Сасык... Колхозы и совхозы получают здесь урожай... в два раза ниже, чем предусмотрено проектом». (И ниже, чем на неполивных землях. — С.З.) Где же это говорилось? А вот где — в документах октябрьского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС. Однако же и этот документ проектировщикам (и товарищу Прохорову В.В.) нипочем. И ведь так же, как и в случае с Кара-Богазом, проектантов здесь и серьезно и тревожно предупреждали ученые Академии наук Молдавии. Нельзя этого делать, ни в коем случае нельзя, уговаривали они.

Но — опять-таки не уговорили.

Тем временем и дальше вопреки предостережениям Академии наук Украины и ее президента академика Б.Е. Патона проектируется переброска из Дуная в Днепр, тем же временем Гидропроект, всячески уклоняясь от гласности (испытанная метода!), и дальше разрабатывает страшный по своим экологическим последствиям проект полного зарегулирования стока реки Енисей каскадом из двенадцати плотин. Неужели колоссальные поймы Енисея и его притоков действительно пойдут под воду? И что станет с тепловым режимом Карского моря? С климатом огромного района?

Что станет с маленькой Латвией, какие потери ни за что ни про что понесет Белоруссия, если будет построена самая неэкономичная в каскаде ГЭС — Даугавпилсская?

Вопрос серьезный, общественность, специалисты двух республик волнуются, теряются в догадках, выступают в печати — Гидропроект молчит и молча делает свое дело.

Функции природоохранные обществу нынче вполне доступны, по крайней мере на первом этапе. Следующий этап — разработка полноценной системы охраны природы, порядка экспертизы природопреобразующих проектов, создание природоохранного законодательства — это нашей общественности еще не под силу, этому нам надо учиться. Думается, что научимся. Тем скорее, чем скорее мы как общество осознаем свои возможности, осознаем и ту необходимость, которую государство испытывает нынче в активном общественном мнении.

Не будет этого мнения — разве государство решит проблему борьбы с пьянством? Борьбы со всякого рода злоупотреблениями? Народного контроля в целом? Усовершенствования государственного аппарата тоже в целом?

Выше говорилось, что комиссия по проблеме эффективности мелиораций была создана в соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС и лично товарища М.С. Горбачева. Но правильнее было бы сказать по-другому — она не была создана, а санкционирована, учреждена, и после этого никто и никогда не определял ни ее состава, ни ее деятельности. Председатель комиссии сформировал ее, а дальше она сама определяла характер своей работы.

Комиссия официально изложила в правительстве свое заключение по проекту переброски 19 июля 1986 года, и Президиум Совета Министров СССР, заслушав соответствующее сообщение академика А.Л. Яншина, тогда же принял решение, с которого мы и начали эту статью.

Дороговато же обошелся государству и обществу этот «проект» — что-нибудь порядка 500 миллионов — миллиарда рублей. Точно эту цифру может назвать министр товарищ Васильев. Но не называет. Должно быть, стесняется.

Это ведь общественная экспертная комиссия академика Яншина никому не стоила ни копейки, а каждый шаг, каждый жест ведомства стоит денег да денег.

И это тоже одна из причин, по которой общественное мнение надо с самого начала включать в «расчетные нагрузки» крупных проектов, прежде всего — природопреобразующих. С самого начала, в то время, когда проблема только еще утрясалась в верхах — академических и ведомственных, — уже была необходима гласность, уже тогда и надо было обсуждать все слабые стороны будущего проекта, а не прятать их от «посторонних» глаз (в том числе и от глаз многих государственных экспертов), не выступать с безапелляционными заявлениями, со всякого рода интервью в советской и зарубежной печати по поводу великих достоинств великого проекта, не заявлять во всеуслышание, что вопрос окончательно решен и, следовательно, обсуждать его дальше — бессмысленно. Надо было обстоятельно отвечать на критические статьи, а не отмахиваться от них: пусть их пишут кому не лень, мы одни дело делаем, только мы, а больше никто.

Но что-то слишком уж дорого обходится нам отчужденность любого ведомства от общественного мнения. Слишком дорого всякий раз, как это случается.

Да, социализм оказался на редкость жизнеспособной и терпливой формацией. Каким только агрессиям, интервенциям, блокадам и эмбарго он не подвергался извне — а вот устоял! Каким только чрезвычайным положениям и происшествиям мы не подвергали его сами в силу необходимости, а иногда и безо всякой необходимости, по привычке мыслить безвариантно, по привычке не столько искать в нем, сколько требовать и требовать от него, — он устоял. Социализм обрел нынче прочное политическое положение, у него — непрекращаемые достижения в области культуры, ему необходимо экономическое упрочение, а разве этому способствуют прожекты, подобные «переброске стока»?!

Так не настало ли наконец время с умом использовать все его возможности, в частности возможности природные и общественные, критически учесть их, а еще вернее — свои собственные недостатки, а то ведь поздно будет!

Время наступило такое, о котором можно сказать: сейчас или никогда! Можно сказать: если не мы, тогда кто же?

На такие-то размышления наталкивает дискуссия по поводу проекта переброски части стока северных рек...

Как это ни грустно признать, но ведь выигрыша-то, по существу, не оказалось ни у кого, все в проигрыше — и ведомство, и государство, и общество. Плакали народные денежки, вложенные в проект. А все те силы, которые мы называем общественным мнением и которые затратили столько энергии ради доказательства того, что дважды два — четыре, — они-то что выиграли? Дело ведь с самого начала было настолько очевидным, что диву даешься, каким образом Минводхоз, а вкупе с ним Институт водных проблем АН СССР путем одних только бюрократических процедур и проволочек могли столько времени удерживать свой проект на плаву?!

По существу, средств защиты в них никогда не было — не было новых доказательств, которые могли бы возникнуть по ходу дискуссии, ничуть не укреплялись и исходные посылки проекта, наоборот, они только теряли, подвергаясь уничтожающей критике. Имея в виду резкое повышение уровня Каспия, можно сказать, что эти посылки были опровергнуты и самой природой.

Природа была против, общество — против, зато ведомство — за. И ничто так и не могло поколебать уверенности сторонников проекта в том, что в конце концов они возьмут верх. Ведь вопреки существующему законодательству они даже открыли строительные работы по проекту, который не прошел экспертизы в целом. Это ли не нарушение государственной дисциплины? Это ли не предмет для расследования? Для далеко идущих заключений и выводов. Для того чтобы отнестись ко всей последующей деятельности Минводхоза и Института водных проблем критически, с особым вниманием и с той же степенью гласности, которая пока что лишь на одном — только на одном! — этапе остановила это министерство от безрассудных действий.

На общем собрании Академии наук СССР в октябре 1986 года Институт водных проблем АН СССР подвергся очень резкой критике. В Академии наук произошло ЧП! — так академик Г.И. Петров охарактеризовал в своем выступлении деятельность института, связанную с переброской. Специалисты, и прежде всего руководство этого института, проявили не просто низкую квалификацию, но явную недобросовестность. Неужели и эта критика не даст результатов? Или же и до сих пор Минводхоз и Институт водных проблем остаются неприкосновенными и неподотчетными ни науке, ни общественности, остаются «зоной вне критики»? Ведь и до сих пор,

месяц спустя, Г.В. Воропаев всю критику в адрес Института водных проблем продолжает называть не иначе как руганью.

И если бы не решения XXVII съезда партии и не перемены в нашем обществе — переброска развертывалась бы в эти дни полным ходом, как полным ходом вопреки общественному мнению и здравому смыслу развернулось когда-то строительство целлюлозно-бумажного комбината на Байкале. Этому мы тоже научились — в ударном порядке и куда как организованно доказывать ведомственную «правоту» там, где ее нет и быть не может.

Ведомство и сейчас не унывает: мол, ничего, потерпим, а лет через пять возьмем свое «Щелкоперы во всем виноваты, журналисты и писатели. Ну и кое-кто из ученых. Потерпим. И свое возьмем!»...

Но призыв партии и государства к переменам — уже перемена, причем важнейшая. И обращен этот призыв прежде всего к общественности. Не к самому же себе будет обращаться с призывами государственный аппарат, для этого у него есть другие средства — приказы, указания, постановления, взыскания, поощрения. Но наступает момент, когда всего этого оказывается мало, — нужны перемены принципиальные. Чем их больше, тем активнее становится общественное мнение, чем активнее оно — тем больше перемен.

Одно другим формируется, одно — причина другого, и то и другое — это уже новое время, время обновления.

Таков опыт этой дискуссии минувшего года — события исключительного общественного значения. Этот опыт ни для кого не должен пройти даром, он — достояние года и минувшего, и предстоящего, и многих последующих лет, поскольку процесс перемен — необратим.

Глава VIII

ЖУРНАЛИСТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВДА

Российские вести

СЕГОДНЯ

**СП. ОБЩИЙ
РЫНОК**

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

ТРУД

**ЭКОНОМИКА
ЖИЗНЬ**

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ**

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**

ФОТОС

**ДЕЛОВОЙ МИР
BUSINESS WORLD**

ИЗВЕСТИЯ

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

КУЛЬТУРА

КУРАНТЫ

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА**

**Медицинская
газета**

**МЕСТЬ
ВЕДТИ**

**МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА**

**МОСКОВСКИЕ
НОВОСТИ**

МК

НЕЗАВИСИМАЯ

**НОВАЯ
газета**

ОЗНА

На рубеже тысячелетий роль средств массовой информации в построении гражданского общества несоизмеримо возросла. Отечественная журналистика в это время вступила в новый, постсоветский период своего развития. Принятый Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» (1990), а затем Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» (1991) с отменой цензуры закрепили право на их издание не только общественными, партийными, коммерческими организациями, но и отдельными гражданами, что обусловило небывалый рост численности газетно-журнальной периодики.

Вслед за Законом «О средствах массовой информации» в 1993 г. появились указы и постановления Президента Российской Федерации Б.И. Ельцина «О защите свободы массовой информации», «О государственной телерадиокомпании «Петербург — 5 канал», «О Российском информационном агентстве «Новости», «О мерах по защите свободы массовой информации в Российской Федерации». В них неизменно отмечалось, что российские средства массовой информации находятся под защитой закона и Президента Российской Федерации, который «как гарант прав и свобод личности обеспечивает во взаимодействии с органами законодательной, исполнительной и судебной власти защиту свободы средств массовой информации в строгом соответствии с Законом «О средствах массовой информации»¹.

Принятые в 1995 г. постановления «Об информации, информатизации и защите информации» и «О рекламе» вселили еще большую надежду на коренные изменения в отечественной журналистике. В 1996 г. у нас произошло беспрецедентное событие: главные редакторы региональных газет объединились в свой Клуб и приступили к изданию журнала «Четвертая власть». В редакционной статье первого номера «Слово к коллегам» сообщалось, что в члены Клуба вступили уже сто редакторов и выражалась уверен-

¹ Правовое поле журналиста. — М., 1997. с. 301.

ность, что его членами скоро будут редакторы всех регионов. «Нас должна объединять идея, — подчеркивалось в статье, — что газета только тогда будет по-настоящему свободна, когда свободен и уверен в завтрашнем дне ее главный редактор»².

Сделать региональную прессу «богатой и подлинно свободной» — такую задачу поставил перед собой редакционный коллектив журнала, девизом которого стали слова Вольтера: «Я не согласен ни с одним словом, которое Вы говорите, но я готов умереть за Ваше право это говорить».

Веря в то, что «Россия начинает пробиваться на поверхность мировой цивилизации» и, понимая, что между печатью административно-командной системы и четвертой властью — глубокая пропасть и сразу «прыжком из одного состояния печати в другое перебраться практически невозможно, «редакция признается, что все же осмелилась назвать журнал «Четвертая власть», хотя еще три—четыре года назад не решилась бы на это. В журнале с первых же номеров возникла дискуссия, в которой приняли участие видные историки и теоретики средств массовой информации. Хотя ее участники высказались, что нет оснований обольщаться в скором превращении журналистики в «четвертую власть», все же единодушно отметили: в ходе дискуссии стала «яснее видна необходимость этого».

ВОПРЕКИ ВСЕМ ТРУДНОСТЯМ

В постсоветский период выяснилось, что свобода печати, прежде всего свобода от цензуры, еще «не означает возможность всегда свободно выражать свои мысли и идеи. Все более отчетливо выявляется экономическая сторона свободы печати. Для того, чтобы газеты, журналы, радио и телевидение свободно функционировали, они должны опираться на здоровый экономический фундамент. В экономической же сфере выявились немалые трудности для развития свободы печати»³. И

² Четвертая власть. 1996. № 1. С. 3.

³ Засурский Я. Десять лет свободы печати в России//Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. 2001. № 1. С. 12.

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА

Выпуск выходного дня

Воскресенье, 20 ноября 1994 года №1541574

СОГЛАСИЕ И ПРИМИРЕНИЕ — РОССИИ!

Историческая справедливость требует того, чтобы именно в день Октября, некогда расколовшей Россию, была подведена черта под разногласиями прошлого. У всех россиян — общее будущее. Во имя него пусть утвердится в нашей стране мир и взаимопонимание. Указ Президента о Дне согласия и примирения — на стр. 2

Из нашего телескопа — весь мир как на ладони. Россия успешно подключается к единому информационному полю. Параллельным мировым телескопом — на стр. 25.

Игра захватывает читательские массы

На предложение газеты поиграть читатели откликаются по-разному: кто серьезными ответами, кто байками и частушками. Новые конкурсы и домашние задания — на стр. 31.

Наша жизнь — уже смешно. Житейские анекдоты — забавное выдуманное. Посмеемся вместе — на стр. 30.

все-таки, вопреки всем трудностям, отечественные средства массовой информации постсоветского периода и количественно, и качественно изменились коренным образом: издания КПСС из официальных правительственных превратились в оппозиционные, официальными же стали президентские демократические газеты и журналы. К 1998 г. у федерального правительства из печатных СМИ имелись: «Российская газета», «Российские вести», «Россия», из электронных — телеканалы ОРТ, РТР, «Культура», «Радио 1», «Радио России», радиостанция «Маяк», а также информационные агентства «ИТАР-ТАСС», «РИА-Новости», «Интерфакс».

В постсоветский период в газетном мире России произошли значительные типологические изменения. Вместо однообразных партийных стали выходить качественные и массовые, дотируемые из казны и коммерческие, официальные издания, отражающие точку зрения правительства и властных структур, и издания, критикующие существующий режим. Как и в дооктябрьский период, постсоветская журналистика стала многопартийной. Уже в начале 1990-х годов появилось свыше тысячи газет и журналов разных политических направлений. В 1992 г. в стране действовало около 150 разных политических партий и движений, приступивших к изданию своих печатных органов. В числе первых появились газеты «Демократическая Россия», «Речь» (партия народной свободы), «Гражданин» (кадетская демократическая партия). Наиболее многочисленными были издания коммунистической и либерально-демократической партий. Из коммунистических можно выделить газеты «Народная правда», «Молния», «За Родину, за Сталина». С марта 1995 г. начала выходить газета компартии Российской Федерации «Правда России». Продолжали издаваться также «Правда», «Советская Россия». К середине 1990-х годов компартия объединяла в своих рядах более полумиллиона человек, имела около 120 газет, общий тираж которых составлял полтора миллиона экземпляров.

Значительную издательскую деятельность развернула и либерально-демократическая партия (ЛДПР). Кроме газет «Правда Жириновского» и «Сокол», имелись издания на местах: «Либерально-правовая газета» (Тамбов), «Елецкие вести» и др.

На ту или иную партию были ориентированы газеты «Новое время» (на «Демократический выбор России»), «Новая га-

зета» (на «Яблоко»), одной из главных газет демократов стали «Известия».

Наибольшую популярность и наибольший тираж в постсоветский период имеют газеты, не выражающие открыто своей партийной приверженности, стремящиеся к объективности, независимости своих суждений: «Аргументы и факты», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Общая газета», «Труд». Одна из старейших в России газета «Труд», имея полуторамиллионный тираж, распространяется не только в СНГ, но и странах Европы, Америки, Азии и даже Африки. Газета получает сотни тысяч писем в год, что свидетельствует о неизменном интересе читателей.

Как и в советский период значительным количеством изданий представлена аграрная, женская и молодежная пресса. Из аграрных, наряду с издававшейся ранее «Сельской жизнью», появились «Крестьянские ведомости», «Крестьянская Россия», «Нива России» и др. Новыми газетами «Сударушка», «Москвичка», «Натали» (Петербург), «Женские игры» (Волгоград), «Анхен» (Калининград) пополнилась женская пресса. В мае 1997 г. в связи с выходом 300-го номера «Сударушки», редакция писала: «Это — праздник. И мы будем счастливы, если вы порадуетесь вместе с нами. Поверьте, для коллектива редакции «Сударушки» каждый номер — экзамен. В каждый номер мы вкладываем частичку сердца. Наша цель неизменна: чтобы каждый из нас нашел в газете что-то для себя»⁴.

Самые значительные перемены произошли в прессе для детей и подростков. Единственная, издававшаяся в СССР «Пионерская правда» выходит в окружении многих газет, из которых следует выделить «Детскую деловую газету» и «Школьную роман-газету». Последняя рекомендована учащимся 6—10 классов для внеклассного чтения. В первых же ее номерах появились «Овод» Этель Лилиан Войнич и «Наследник из Калькутты» Роберта Штильмарка. Нельзя не отметить газет, делающихся исключительно юнками: «Глагол» (Москва), «Контакт» (Калуга), «Честное слово» (Екатеринбург). «Сами» (Барнаул), «Юнкор Прибалтики» (Калининград).

Все больший размах в отечественной журналистике получают религиозные издания. Большой популярностью пользуются

⁴ Сударушка. 1997. 23 апреля — 4 мая.

«Семейная православная газета» (для семейного чтения), «Благовест» (для военных), «Утоли моя печали» (для заключенных), «Татьянин день» (для студентов). Возобновили выход некоторые дореволюционные церковные журналы «Духовный христианин» (основан в 1905 г.) и «Христианин» (1906 г.).

Существенные изменения произошли и в отечественной журнальной периодике. Вместо центрального партийного журнала «Коммунист» издается «Свободная мысль», вместо «Комсомольской жизни» журнал «Пульс». Появились философской ориентации журналы «Логос», «Человек», религиозные — «Мир библии», «Пробуждение». По-прежнему большой популярностью пользуются «Огонек», «Крестьянка», «Работница», «Здоровье», достойное место занимают литературно-художественные журналы «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Аврора», «Звезда», «Москва». Один из старейших и самых читаемых ежемесячный иллюстрированный журнал «Крестьянка» выходит с бесплатным приложением «Хозяюшка», художественной вкладкой «Музеи мира» и ежемесячными подписными приложениями «Наша усадьба», «Мода в доме», «Пятнашки» (для детей дошкольного и младшего школьного возраста), «Обыватель» (иллюстрированный журнал для мужчин). Кроме того, для подписчиков «Крестьянки» издается бесплатное приложение «Семейная библиотека». И все это выпускает издательский дом «Крестьянка».

Появление газетно-журнальных издательских домов — одна из отличительных особенностей журналистики постсоветского периода, так как в рыночных условиях отдельному изданию не всегда удастся выжить. Самыми первыми и наиболее крупными стали издательские дома «Коммерсантъ» (включает газету «Коммерсантъ», еженедельники «Коммерсантъ-Власть» и «Коммерсантъ-Деньги», журналы «Домовой», «Автопилот», «Столица»); «Экономика и жизнь» (газеты «Экономика и жизнь», «Спортивная Москва», журналы «Журналист», «Чудеса и приключения» и более 50-ти центральных, региональных, отраслевых и специализированных изданий, общий тираж которых превышает 1 млн 200 тыс. экземпляров). Крупнейшим в мире стал издательский дом газеты «Аргументы и факты». «Наша газета, — отмечала редакция в мае 2000 года, в статье «АиФ — империя читателей», — охватывает абсолютно все края и области России (не-

давно закрыта последняя «белая точка» — вышла в свет газета «АиФ-Магадан»). В «наши регионы» входят практически все страны СНГ, Западная и Восточная Европа, США, Канада, Израиль, Австралия. Каждый номер «Аргументов и фактов» читает около 10 млн человек. Газету печатают более 60 типографий. При «АиФ» издается около 30 приложений, в том числе «Здоровье», «Молодой», «Дочки-матери», «На даче», «Разбор», «АиФ. Суббота-Воскресенье» и др. На базе «АиФ» в 1995 году создано информационное агентство «Аргументы и факты-Новости», материалы которого используют различные средства массовой информации⁵.

Кардинальные изменения произошли в региональной журналистике. В столицах автономных республик, в краевых, областных и районных центрах наряду с общественно-политическими издаются деловые, информационно-коммерческие, правозащитные, религиозные, литературно-художественные, спортивные, уфологические и многие другие газеты и журналы. Разнообразием газетно-журнального мира отличаются не только центральные регионы, но и самые отдаленные области Сибири и Дальнего Востока. В Красноярском крае в 1994 г. функционировало 179 газет, 16 журналов, 56 телевизионных, 20 радиопрограмм и 2 информационных агентства. В Иркутской области соответственно — 155 газет, 9 журналов, 58 телевизионных и 30 радиопрограмм. Свыше 20 газет выходило в Ярославле: общественно-политические «Золотое кольцо», «Северный край», «Провинция», деловые «Биржевые ведомости» и «НЭП — Новая Эра Предпринимательства», уфологические «Неведомое», «Неопознанный мир», «Четвертое измерение». А еще газетный мир дополняли «Епархиальные ведомости» (религиозная), «Именем закона» (правозащитная), «Школяр» (детская), «Ярославский строитель», «Городские новости», «Ярославский студент», «Ярославский садовод и животновод», «Футбол-Хоккей», «Вечерний Ярославль», три межрегиональные и 25 районных газет⁶.

В газетном мире регионов появились многочисленные религиозные газеты: «Воскресный день» (Мурманск), «Православ-

⁵ Аргументы и факты. 2000. № 22.

⁶ См.: Овсянян Р. История новейшей отечественной журналистики. — М. 1999. С. 249.

ная Тверь», «Пензенские епархиальные ведомости», «Благовест» (Самара), «Православный голос Кубани» и др.

Важное значение для налаживания утраченных связей и экономического возрождения на местах имеют межрегиональные издания: «Центральная Россия», издающаяся одновременно в восьми регионах российского Черноземья, «Приазовский край» и «Кавказский край», способствующие единению проживающих здесь народов.

На рубеже тысячелетий все более мощными конкурентами газет и журналов становятся электронные средства массовой информации, в том числе Интернет.

После дезинтеграции СССР структура Гостелерадио была разделена по республикам, ставшим независимыми государствами. В ведение России перешло 75 телецентров и телестудий, на ее территории передачи стали вести две государственные компании — «Останкино» и «Россия». К началу 1993 г. число вещательных и продюсерских телеорганизаций достигло тысячи. С 1 января 1993 г. начались передачи телекомпании ТВ-6 «Москва», а с 10 октября того же года — канала НТВ, ставшего одним из лучших на отечественном телевидении. С 1 апреля 1995 г. первый канал «Останкино» перешел к новой структуре — акционерному обществу закрытого типа ОРТ (Общественное Российское ТВ). К 2000 г. сформировалась следующая система телевизионных СМИ: государственное ТВ, включающее каналы РТР, «Культура», региональные телекомпании; концерн медиамост В. Гусинского, куда вошли НТВ, «НТВ-плюс», «НТВ-кино», «ТНТ» (твое новое телевидение), в структурах Б. Березовского оказались каналы ОРТ, «ТВ-6»; в информационном холдинге мэра Москвы Ю. Лужкова — «ТВ-Центр», «РЕН-ТВ», кабельное ТВ «Столица».

ОРТ имеет более 70 корпунктов на территории России и за ее пределами, его программы доступны 99% населения страны, а через спутниковую систему «Москва-глобальная» — жителям всех континентов Земли за исключением Антарктиды. Практически всю территорию страны охватывает и Российское телевидение (РТР). Около 90 млн человек могут смотреть программы НТВ.

В 1996 г. появился «Всемирный русский канал» для вещания на русскоязычную аудиторию всех континентов.

С увеличением числа телеканалов все больше проявляют себя специализированные новости, освещающие события под определенным углом зрения: «Хорошие новости» на РТР, «Дорожный патруль» на ТВ-6. Появились «Народные новости» для домашних хозяек и пенсионеров: «Времечко» (ТВЦ), «Сегоднячко» (НТВ), а также сатирические новости: «Намедни» Л. Парфенова, «Итого» и «Куклы» В. Шендеровича.

Новыми радиостанциями пополнилась система радиовещания. В январе 1992 г. начала вещание коммерческая российско-французская радиостанция «Радио России — «Ностальжи», в октябре того же года — радиостанция «Надежда». Только в Москве в 1993 г. действовало свыше 20 частных радиостанций. В декабре 1993 г. создана радиостанция «Голос России», которая стала вести передачи для миллионов зарубежных слушателей на 38 языках и завоевала достойное место среди таких крупнейших мировых служб радиовещания, как Би-Би-Си, «Голос Америки», «Международное радио Китая», «Немецкая волна».

Значительными успехами отмечена и издательская деятельность постсоветского периода. В связи с 50-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне в 1995 г. завершилось издание Книг Памяти, в которых названы поименно все, не вернувшиеся с фронта. Всех книг — больше тысячи томов, а их общий тираж превышает 20 млн экземпляров. По одному экземпляру Книг Памяти хранятся в Москве, в Центральном музее Великой Отечественной войны. Следует отметить и посвященный нашей Победе, величию подвига защитников Родины трехтомник «Живая память. Великая Отечественная: правда о войне».

Безусловно, самым важным событием в истории отечественной журналистики постсоветского периода стало относительно стремительное развитие в России Интернета: если в начале 1997 г. только 0,15% россиян пользовалось Интернетом, то к 2000 г. их стало 6,3%, или 9 млн человек. В середине 90-х годов в электронном исполнении появились газеты «Известия», «Аргументы и факты», «Экономика и жизнь», журнал «Огонек», представлявшие точную копию бумажного образца. В 1998 г. в русскоязычном Интернете насчитывалось уже свыше 700 периодических изданий, а к 2000 г. практически все периодические издания, радиостанции и телевизионные каналы заимели в Интернете

свои сайты. Возрастает и группа Интернет-медиа (т.е. СМИ, не имеющих печатных аналогов).

В числе последних, возникших в самом конце XX столетия Интернет-изданий, следует назвать общероссийский журнал «Ломоносов». Этот научный, научно-популярный и образовательный журнал появился 19 ноября 2000 года в день рождения основоположника Московского университета М.В. Ломоносова. Журнал, в состав совета которого входят известные ученые, ректоры университетов, представители РАН, РАМН, ВАК России, призван способствовать более широкому профессиональному общению ученых, оперативно публиковать их доклады, письма, научные размышления. Это издание позволит гораздо полнее освещать огромный научный и образовательный потенциал российской высшей школы. Основными на его страницах стали разделы: «Новости науки и образования», «Творчество ученых», «Книжная полка», «Занимательная наука», «Твои университеты». В последнем разделе читатели найдут исчерпывающую информацию о российских и зарубежных вузах, материалы для абитуриентов всей страны, варианты вступительных экзаменов во все вузы России, СНГ и Балтии.

Через Интернет стал возможным доступ не только к центральным, но и региональным, и даже многотиражным газетам, а также ко всевозможным библиотекам, картинным галереям и музеям мира.

Незаменимым средством обмена информацией стала электронная почта Интернета, позволяющая свободно общаться с собеседником из любого региона планеты. Открылась возможность мгновенной обратной связи, прямого участия каждого в информационном процессе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ СВЕРШИЛОСЬ

Вторая мировая война, завоевание Гитлером Европы сделали невозможным творчески свободное существование русской эмиграции. Тем не менее, журналистика русского зарубежья своего существования не прекратила. Возникшие еще в годы войны и вскоре после ее окончания и спустя десятиле-

тия журналы «Посев», «Грани», «Новый журнал», «Континент», газета «Русская мысль» продолжают издаваться и в настоящее время. Выходит в Нью-Йорке и газета «Новое русское слово», созданная еще в 1910 г. Наиболее влиятельным в послевоенные годы стал основанный в 1974 г. В.Е. Максимовым журнал «Континент», а первым по времени издания является вышедший в 1942 г. в Нью-Йорке «Новый журнал». «Новое издание, — говорилось в открывавшей первый номер журнала статье «От редакционной группы», — начинающееся в небывалое, катастрофическое время, — единственный русский «толстый» журнал во всем мире вне пределов России... Это увеличивает нашу ответственность и возлагает на нас обязанность, которой не имели прежние журналы: мы считаем своим долгом открыть страницы «Нового журнала» писателям разных направлений — разумеется, в известных пределах: люди, сочувствующие национал-социалистам или большевикам у нас писать не могут»⁷.

В соответствии с этой установкой «Новый журнал» публикует самых известных писателей, поэтов, публицистов русского зарубежья довоенной поры: М.А. Алданова, М.И. Вишняка, В.В. Набокова-Сирина, М.А. Осоргина, Г.И. Федотова, М.О. Цетлина, В.М. Чернова и др. Первые номера журнала открывались рассказами И.А. Бунина. В номере первом его рассказ «Руся» сопровождался следующим редакционным примечанием: «В Америке оказался рукописный экземпляр новой книги И.А. Бунина «Темные аллеи», еще не появившийся ни на русском, ни на иностранных языках. Не имея возможности снестись с знаменитым писателем, находящимся в настоящее время в Европе, мы все же решаемся поместить в «Новом журнале» отдельные рассказы из этой книги»⁸. Из публицистики первого номера можно выделить статью М. Алданова «Убийство Троцкого», в которой утверждалось, что в этой мрачной драме смешалось все — кровь, злоба, ненависть, месть, измена, грязь, шантаж. «Хотим мы этого или нет, — читаем в статье, — Троцкий, как и Сталин, принадлежат истории, и его смертью будут, вероятно, вдохновляться драматурги будущих столетий»⁹.

⁷ Новый журнал. 1942. № 1. С. 5.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Там же. С. 339.

Нельзя не отметить подлинного патриотизма в годы Великой Отечественной войны всего редакционного коллектива. «Надо ли говорить, — подчеркивалось в передовой статье первого номера, что в той страшной борьбе, которую ведет теперь наша родина с Гитлером, все наши мысли — с ней. Кто бы ни руководил русской армией в ее героической борьбе, мы всей душой желаем России полной победы. Каждое ее поражение, каждую ее неудачу мы воспринимаем как большое несчастье, каждую победу как великую радость»¹⁰.

Постоянными в журнале военной поры стали рубрики «Россия и война», «Вопросы дня», «Литература и искусство», «Прошлое и настоящее», «Библиография и заметки». Высокую оценку получила в журнале советская военная поэзия. В рецензии на вышедший в 1942 г. в Нью-Йорке сборник «Молодые поэты советской России» говорилось: не вызывают никаких сомнений в своей значительности М. Исаковский, А. Сурков, А. Твардовский, Маргарита Алигер; и подчеркивалось, что М. Исаковский «очень популярен на Родине», что стихи А. Суркова «относятся к лучшему, что о войне было написано», что А. Твардовский «замечательный поэт».

В 1970 г. вышла сотая книга «Нового журнала», и его редактор Роман Гуль писал, что редакция с полным правом может отметить этот юбилей, выделив в истории журнала три периода: первый — с основания в 1942 г. по 1945 г., второй — с 1945 до «оттепели» (смерти Сталина в 1953 г.), третий — с середины 1950-х до середины 1960-х. Каждый из этих периодов отличался характером публикуемого материала: сначала печатались почти только писатели, поэты, публицисты, ученые первой волны эмиграции, потом — после окончания войны — те, кто эмигрировал в послевоенный период. В третий период начали появляться рукописи, приходившие «с оказией» из Советского Союза. «Теперь, — читаем в статье «Сотая книга», — с половины 1960-х годов «Новый журнал» вступил в четвертый период, когда его редакция стала получать рукописи советских писателей уже не «с оказией», а прямо из рук писателей, бежавших на Запад от большевистской тоталитарщины»¹¹. В статье отмечается так-

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Новый журнал. 1970. № 100. С. 5.

же, что журнал пользуется немалой популярностью, о чем свидетельствовали обнародованные в юбилейном номере приветствия, а также сообщение о том, что Светлана Аллилуева (Сталина) выделила на поддержку «Нового журнала» пять тысяч долларов.

История «Нового журнала» продолжается: в 1995 г. вышел его 200-й номер. В передовой «Двухсотый номер» особо отмечалось, что «Новый журнал», явившийся преемником парижских «Современных записок» (1920—1940 гг.), можно назвать «старейшим из существующих русских журналов, что старейшие из его авторов (философ Николай Лосский, писатель Иван Бунин) родились в царствование Александра II, а молодые авторы — столетие спустя». А главное, — особо акцентировалось внимание читателей — заключается в том, что в последнее десятилетие со времен перестройки журнал стал «связующим звеном между литературным Зарубежьем и демократической интеллигенцией России»¹².

Самым важным событием в истории журналистики русского зарубежья стало возвращение на Родину таких наиболее популярных журналов, как «Посев», «Грани», «Континент». Все они (в отличие от «Нового журнала», который продолжает издаваться в Нью-Йорке), с 1992 г. стали выходить в России. «Посев» и «Грани» появились сразу же после окончания Великой Отечественной войны (первый в 1945 г. второй в 1946 г.). Сначала журналы издавались в районном городе Лимбург-на-Лане, а с января 1952 г. — во Франкфурте-на-Майне. В первых же номерах оба провозгласили, что будут способствовать развитию свободной мысли, свободного творчества, будут публиковать произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. «Нет сегодня в России журнала с такой удивительной, прекрасной и трагической судьбой, как «Грани», читаем в его редакционной статье январского номера за 2000 год. — За свою более чем полувековую жизнь творцы журнала никогда не знали, какое количество номеров журнала — порой с риском для жизни тех, кто это делал, — пересечет границу. Но они были твердо уверены в том, что каждая их строка обязательно будет прочитана ТАМ. И что

¹² Новый журнал. 1995. № 200. С. 7.

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ - АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

С РОЖДЕСТВОМ
ХРИСТОВЫМ,

С НОВЫМ ГОДОМ,

С НОВЫМ ВЕКОМ!

№ 1
2001

ISSN 0234-8284

9 770234 828000

от первого его читателя журнал перейдет ко второму, третьему, четвертому... и по цепочке окажется у человека, который перепечатает его в нескольких копиях»¹³.

Еженедельный журнал «Грани» издается тиражом всего 750 экземпляров. Его основные рубрики: «Публицистика. Пути России», «Интеллигенция и власть» свидетельствуют, что редакция из номера в номер публикует материалы по острым политическим проблемам. Важно заметить и то, что наряду с писателями русского зарубежья И. Буниным, З. Гиппиус, Б. Зайцевым, В. Максимовым, В. Набоковым, И. Шмелевым в журнале регулярно печатались и советские писатели В. Гроссман, К. Паустовский, В. Солоухин и многие другие. И в новых условиях, уже в самой России, заявляет редакция, журнал будет следовать прежним принципам, в первую очередь публикуя произведения, помогающие восстановлению «прерванных тоталитаризмом традиций русской культуры».

Острым политическим изданием является и еженедельный журнал «Посев». Постоянно публикующийся на его обложке текст гласит: «Посев» — общественно-политический журнал. Основан в 1945 году в эмиграции. С 1992 года издается в России. Полвека нелегально распространялся в России и слыл в советской прессе самым антисоветским белогвардейским журналом. Мы не боялись чекистских пуль. Мы не ждали перестройки, чтобы нам разрешили говорить, что думаем. Мы не сверяли своей линии с извилистой линией партии. Мы не продавались партиям и банковским группам, чтобы выжить в послекоммунистический период. Нас читают во всем мире от Австралии до Бразилии. Среди наших подписчиков — советологи, политики, дипломаты». О главной направленности журнала можно судить по его постоянным рубрикам: «Общество, политика, власть», «Россиеведение», «Государство. Личность. Социальные проблемы», «Идеология. Философия». Из художественных произведений, опубликованных в «Посеве» можно выделить произведения «Белая гвардия» М. Булгакова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, стихотворения С. Есенина, Б. Пастернака. Очень активно выступал в «Посеве» академик А.Д. Сахаров. В первом номере за 1990 г. в некрологе «Несгибаемый противник тоталитаризма» сказано: «Умер Андрей Дмитриевич Сахаров — большой ученый, вели-

¹³ Грани. 2000. № 195. С. 270.

кий гуманист, несгибаемый борец против тоталитаризма в своей стране. Памяти А.Д. Сахарова в эти первые дни недели после его кончины посвящают свои страницы издания всего мира. «Посев» также отдает долг памяти великому человеку»¹⁴. В журнале постоянно печатались не только статьи, написанные А.Д. Сахаровым, но и статьи, посвященные всемирно известному академику. В 1973—1975 гг. их было так много, что в «Посеве» появилась специальная рубрика «А.Д. Сахаров». Начиная с 1972 г., на обложку журнала многократно выносился его портрет.

Нельзя не отметить появлявшуюся в каждом номере «Хронику событий», из которой читатели узнавали обо всем, что происходило в России и в мире. В последнем номере за 1999 г. сообщалось о новогоднем выступлении Б.Н. Ельцина, о передаче им президентских полномочий В.В. Путину.

«Посев», как и «Грани» выходит небольшим тиражом, не превышающим трех тысяч экземпляров. Редколлегия этих журналов нередко обращаются к читателям с просьбой о поддержке. «Сегодня «Грани» издаются в России в судьбоносное для страны и трудное для литературных изданий время исключительно на средства зарубежных подписчиков, — говорится в одном из таких обращений. — Учитывая ценность журнала для будущего России, а также для русской эмиграции, которая по-прежнему живет тревогами и болью своего Отечества, просим Вас помочь в распространении журнала в новом, 2000 году»¹⁵.

Наиболее влиятельным в послевоенной журналистике русского зарубежья стал основанный В. Максимовым в 1975 г. в Берлине журнал «Континент». Цели и задачи журнала в статье «От редакции», открывавшей первый номер, формулировались следующим образом: безусловный антитоталитаризм, безусловный демократизм, безусловная беспартийность, безусловный религиозный идеализм. «Нам думается, — разъяснялось в статье, — эти четыре, так сказать, символа веры могут стать достаточно широкой, но в то же время и принципиальной основой для объединения и сотрудничества всех антитоталитаристических сил Восточной Европы в их диалоге с Западом»¹⁶. Объясняя выбор названия журнала, редакция заявляла, что, прежде

¹⁴ Посев. 1990. № 1. С. 11.

¹⁵ Грани. 2000. № 195. С. 271.

¹⁶ Континент. 1974. № 1. С. 5.

всего, весьма привлекательна «смысловая емкость этого названия, так как «мы говорим от имени целого континента культуры стран Восточной Европы, стремясь создать вокруг себя объединенный континент всех сил антитоталитаризма в духовной борьбе за свободу и достоинство человека»¹⁷.

Создание «Континента» искренне приветствовали многие видные писатели и журналисты, в их числе А. Солженицын и А. Сахаров. «Еще 40 лет назад, — писал А. Солженицын, — было бы невозможно представить, что русские, польские, венгерские, чешские, румынские, немецкие, литовские писатели имеют сходный жизненный опыт, сходные горькие выводы из него и почти единые желания о будущем. Сегодня это чудо, столь дорого нам обошедшееся, свершилось. Интеллигенция Восточной Европы говорит слитным голосом страдания и знания. Почет «Континенту», если он сумеет этот голос внушительно выразить»¹⁸.

До 1992 г. редакцию «Континента» возглавлял В. Максимов. В разные годы в редколлегию входили Василий Аксенов, Иосиф Бродский, Игорь Виноградов, Галина Вишневская, Алла Демидова, Фазиль Искандер, Виктор Некрасов, Булат Окуджава, Андрей Сахаров, Зинаида Шаховская. Основными в журнале были разделы: «Россия и современность», «Восток-Запад», «Восточноевропейский диалог», «Литература и время», «Религия в нашей жизни», «Книжные новинки», «Колонка редактора». Появлявшаяся в каждом номере «Колонка редактора» заполнялась острыми статьями на политические темы. Их автором неизменно был В. Максимов. В номере 70-м в 1992 г., озабоченный судьбой не только России, но и всего мира, В. Максимов в статье «Черная дыра» перестройки» писал: «Я убежден, что в ситуации, которая сложилась сейчас в стране, пора отказаться от известного русского вопроса «Кто виноват?»... На мой взгляд, отныне актуальным становится другой вопрос «Что делать?» Если в ближайшем обозримом будущем мы не найдем на него ответа, то не только Россия, но и весь посткоммунистический мир делается, выражаясь языком космологии, огромной «черной дырой», которая наподобие гигантского пылесоса постепенно втянет в себя и всю Западную цивилизацию».

С 71-го номера в 1992 г. журнал стал издаваться в России под редакторством Игоря Виноградова. В журнале появились новые

¹⁷ Континент. 1974. № 1. С. 5—6.

¹⁸ Там же. С. 8.

рубрики: «Россия», «Факты, свидетельства, документы», не стало «Колонки редактора». Однако, как и прежде, «Континент» выходит четыре раза в год, сохраняя значительное число зарубежных подписчиков. Передавая журнал в руки московского редактора, В. Максимов в статье «Тревожное возвращение» отмечал: свершилось то, во что «верилось и не верилось». Не испытывая по этому поводу «особой эйфории», он справедливо заметил, что в постсоветский период «система противостояния исчерпала себя» и любое зарубежное русское издание выглядит бледным и убогим по сравнению с такими журналами в России, как «Новый мир», «Знамя», «Огонек», «Юность». В этих условиях, заключал В. Максимов, созданный им журнал лишь на родине может обрести «второе дыхание» и продолжить свой путь в кругу новых читателей. «Совесть основателей «Континента» чиста, — особо акцентируется внимание читателей в конце статьи, — мы создали журнал в изгнании и, проведя этот утлый корабль сквозь бури и сражения, возвратили его на родину. Доброго плавания в российском океане!»¹⁹.

В 1999 г. увидел свет 100-й номер журнала. В этой связи в редакционном обращении «К читателям «Континента»» отмечалось: первая книжка под этим названием появилась осенью 1974 года. С этого времени все 25 лет журнал выходил регулярно: из них 17 лет под руководством В. Максимова и вот уже 8 лет издается в качестве легального отечественного издания, вставшего в один ряд с другими «толстыми» литературными российскими отечественными журналами. «Для нас важно, — с удовлетворением заявляет редакция, — что московский «Континент» и на родине нашел свою собственную читательскую нишу»²⁰.

Из газет русского зарубежья можно выделить «Русскую мысль» и «Новое русское слово». Единственная ежедневная русская газета «Новое русское слово» издается в Нью-Йорке с 1910 г. Она в основном публиковала произведения эмигрантских писателей, документы самиздата и протесты из СССР. Еженедельник «Русская мысль» выходит в Париже с 19 апреля 1947 г. тиражом 50 тыс. экземпляров. К 2000 г. вышло свыше 4000 ее номеров. В постоянных рубриках газеты «Мир за неделю», «События и размышления», «Россия сегодня», «Взгляды с Запада» находят отражение

¹⁹ Континент. 1992. № 72. С. 10.

²⁰ Континент. 1999. № 100. С. 9.

все важнейшие события в России и в мире. Среди публикаций 2000 года заслуживают внимания статьи «Конец эпохи Ельцина. Первый русский президент ушел в отставку», «Трагедия «Курска», «Юбилей Майи Плисецкой», «Памяти Галины Старовойтовой», «Высоцкий в Париже» (к 20-летию со дня смерти), «Дни памяти Ивана Шмелева в Москве». В последнем декабрьском номере за 2000 год появилась статья редактора газеты Ирины Кривовой «Год испытаний». «Вы держите в руках последний номер «Русской мысли» 2000 года, — говорится в ней. — Этот год стал для коллектива нашей редакции временем испытаний. 4 апреля нас покинула Ирина Алексеевна Иловайская, возглавлявшая газету на протяжении двух десятилетий... Мы приложили немало усилий, чтобы доказать нашим партнерам, что «Русская мысль», основанная в Париже более пятидесяти лет назад, и сегодня должна сохраниться как парижское издание. Работа основной редакции во Франции позволяет нам давать оценку политических событий в России, не оглядываясь на конъюнктуру и очередные кремлевские интриги и в то же время доносить до наших российских читателей европейскую демократическую мысль, то есть быть своеобразным «мостом» для сближения между Россией и Западом»²¹.

Поздравляя редакцию «Континента» с выходом его первого номера, А. Сахаров писал: «К сожалению, я могу только мечтать, чтобы этот журнал был доступен не только на Западе, но и многим людям на Востоке. Но все же будем надеяться»²². Эти надежды осуществились: возвращение на родину ведущих изданий русского зарубежья свершилось.

«С ДУШЕВНОЙ БОЛЬЮ ЗА РОССИЮ»

Под таким заглавием появилось в «Правде» в мартовских номерах за 1995 г. последнее интервью В.Е. Максимова — писателя, драматурга, публициста с мировым именем, создателя и главного редактора журнала «Континент», издававшего

²¹ Русская мысль. 2000. 27 декабря.

²² Континент. 1974. № 1. С. 12.

гося первые три года на одиннадцати языках, статьи из которого передавались из рук в руки читателями «самиздата» и у нас. Это заглавие может быть поставлено эпиграфом ко всей отечественной публицистике постсоветского периода, одним из самых ярких представителей которой был и В. Максимов. Его, как наиболее видного деятеля «третьей волны эмиграции», называли даже «эмигрантским градоначальником», своеобразным «власителем дум». Судьба его чрезвычайно необычна: всю жизнь он носил не свое имя — не литературный псевдоним, а именно имя. Настоящее его имя — Лев Алексеевич Самсонов. Фамилию же, под которой его знают и будут помнить почитатели его таланта во всем мире, он получил в детприемнике, куда был доставлен как беспризорник. С двадцати двух лет он связал свою жизнь с журналистикой: работал в районной газете на Кубани, корреспондентом радио в Черкесии и в газете «Советская Черкесия», затем уехал в Москву, печатался в «Литературной газете» и в журнале «Октябрь». За роман «Семь дней творения» был исключен из Союза писателей и 12 февраля 1974 г. получил разрешение на выезд из СССР. В этот же день был выслан из страны А.И. Солженицын. Оказавшись в длительном изгнании на Западе, В. Максимов издал немало книг (приблизительно на 20-ти языках), получил три международных литературные премии и, начиная с 1991 г., принимал активное участие в «Независимой газете» и в «Правде», выпустил на Родине собрание сочинений в 9-ти томах, несколько однотомников и книгу публицистики под названием «Самоистребление».

В 1994—1995 гг. в «Правде» одна за другой появляются его статьи «Неужели это колокол наших похорон?» «Приглашение на казнь», «Надгробие для России», «Мародеры», «История одной капитуляции» и многие другие. Переживание за своих соотечественников, их будущее, чувство ответственности за то, что происходит со страной, гневный протест против жестокого насилия и кровавого беспредела — главное в этих публикациях. Мне, пишет В. Максимов, сделавшему все от себя зависящее, чтобы Россия занялась в конце концов нравственным, экономическим и культурным самоизлечением, казалось бы, надо радоваться тому, что происходит сегодня в нашей стране. И искренне признается, что радовался обретению независимости бывшими республиками, входившими в состав СССР, но ра-

досье эта оказалась непродолжительной. Очень скоро писатель убедился, что многие его единомышленники жаждут не столько суверенитета, свободы и демократии, а крушения России как таковой. И, как только он понял, что родной стране грозит превращение в колонию или оккупационную зону, уничтожение как единого великого государства, удушение отечественной экономики, науки, культуры, геноцид народа — перед этим все остальное отошло от него на второй план.

Особенно гневно выступает В. Максимов против тех, кто уже в течение многих лет «мусолят грязную мыслишку» о преимуществах для России поражения в войне с гитлеровской Германией. До чего же, до какой степени нужно ненавидеть страну, где живешь, чтобы в своей патологической злобе забыть даже о том, какая судьба в случае победы нацистов ожидала бы единокровных братьев авторов этих высказываний. «Трудно сказать, — читаем в его статье «Приглашение на казнь», — что там стучит в их обросших паутиной сердцах, кроме злобного гноя, но, вне всякого сомнения, только не пепел Майданека и Освенцима»²³.

Не менее гневно бичует он и тех, кто откровенно заявляют: «Россия должна быть уничтожена», или «Я не хочу, чтобы ваша страна вообще существовала». К сожалению, заявляет писатель, комментируя подобные изречения, теперь уже не Советский Союз, а собственно Россию начинают открыто рассматривать, как ничейную землю, предназначенную для глобального распределения. А Запад, делая вид, что России вообще нет, уже нередко заявляет: «Не суйтесь, вы в мировой политике более не участвуете. Решаете не вы»²⁴. В ответ на это публицист решительно заявляет: «Если сказать однажды твердо «цыц», — прислушаются на Западе к голосу России. Они здесь быстро становятся очень послушными и вежливыми, начинают разговаривать по-человечески. Но если вы уступили, не ждите от этих цивилизованных людей пощады. С теми, кто им уступает, они не знают ни стыда, ни совести, ни чести и пока нас не додавят, не успокоятся»²⁵.

В одном из интервью газете «Правда» на вопрос, нет ли у него раскаяния в собственной причастности к тому, что произошло с Россией, В. Максимов признался, что полностью

²³ Правда. 1995. 5 ноября.

²⁴ Там же.

²⁵ Правда. 1995. 29 марта.

разделяет позицию писателя с мировой известностью А.А. Зиновьева, заявившего: «Я написал тридцать книг, анализирующих, что такое коммунизм, тридцать антикоммунистических книг. Но если бы я знал, чем все это кончится, я бы их никогда не писал»²⁶. И все-таки писатель мог с полным правом утверждать: вы можете прочесть все мои труды и убедиться, что я никогда не выступал против России. Говоря о России постсоветской, признавался: я никогда даже не думал, что буду так все это переживать. И добавлял: если не будет России, то вся моя жизнь — абсолютно бессмысленна.

К этим словам могли бы присоединиться многие ведущие отечественные публицисты, в том числе А.А. Зиновьев. В номере «Правды» за 11 марта 1993 г. появилось его очередное интервью с парижским корреспондентом газеты В. Большаковым, сопровождавшееся таким предисловием: «Интервью это родилось не совсем обычно. Александр Зиновьев, которого читателям «Правды» представлять не надо, сам нашел автора этих строк. И пояснил: «На душе такая боль за Россию, что жить невыносимо. А в Мюнхене, где я живу, до этого никому нет дела». Главная мысль интервью — давняя и основная задача Запада — стереть Россию с лица земли, а ее богатства захватить. Нынешнее руководство России, с горечью замечает А. Зиновьев, всячески помогает Западу в этом, способствуя в том числе и физическому уничтожению русского народа, о чем говорит статистика превышения смертности среди русских над рождаемостью за последние годы. И если, — читаем в интервью, — дело пойдет по сценарию господ «демократов» еще в течение нескольких лет, даже не десятилетий, то процесс физической гибели русского народа станет необратимым. На вопрос, каким ему видится будущее России, следует ответ: только социалистическим. Как теперь не истолковывают историю заново, революция 1917 г. была, по его мнению, воистину Великой. И советский период в жизни России был, — утверждает он, — на сегодня, по крайней мере, — верхом ее величия. И во время войны, хотя я и был антисталинистом тогда, — настойчиво утверждает он, — я шел в бой, как коммунист. Таким было все

²⁶ Максимов В. Неужели это колокол наших похорон? Правда. 1994. 16 февраля.

наше поколение... И только за эту Россию я готов сражаться до последней капли крови и сегодня. В заключении к интервью В. Большаков замечает: «Как всегда после встречи с Александром Зиновьевым остаются у меня ворохи записей и груды незадаанных вопросов. Его мышление, одновременно логическое и парадоксальное, приводит его к рекомендациям и решениям не всегда бесспорным. Но в любом случае — это тот человек, которому надо дать высказаться, быть услышанным его народом».

Душевная боль за Россию, да и за все пять континентов Земли, — главное и в публицистических произведениях А.И. Солженицына, которые, начиная с 1992 г., не сходят со страниц журналов «Новый мир», «Диалог», «Звезда», «Новое время», «Москва», газет «Комсомольская правда», «Литературная газета» и других изданий. «Наши пять континентов — в смерче, — тревожится он. — Но в таких испытаниях и проявляются высшие способности человеческих душ. Если мы погибнем и потеряем этот мир — то будет наша собственная вина»²⁷.

В 1995 г. человечество отметило полувековой юбилей Великой Победы над фашизмом. Среди многочисленных публикаций, посвященных этому самому знаменательному событию XX столетия, особо следует выделить выступления Леонида Леонова. Не случайно его статья «Наше дело правое», опубликованная 30 августа 1995 г. в «Правде», открывает одну из книг трехтомника «Живая память. Великая Отечественная: правда о войне». В этой статье писатель, публицистика которого и в суровую военную пору поднимала на бессмертные подвиги российских солдат, веско заявил, что слава нашего народа-победителя будет жить, пока «живет человеческое слово», что «если всю историю земли написать на одной странице — и там будут помянуты наши великие дела». Напоминая о наших многочисленных победах под Ленинградом, на Украине, в Белоруссии, при освобождении Крыма, Севастополя, Одессы, Минска, Вильнюса, Кишинева, на территории Польши, Румынии, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Л. Леонов особо выделяет незабываемое событие, которое произошло 17 июля 1944 г. в Москве. В этот день, читаем в статье, прибыла в Москву «в несколько облегченном виде» армия, отправленная Гитлером на завоевание Востока. Ее громоздкий багаж остался позади, на полях сраже-

²⁷ Солженицын А. Публицистика. В 3-х т. Т. 1. — М. 1995. С. 456.

ний. По этой причине немцы более походили на «экскурсантов» нежели на покорителей Вселенной, и, надо признаться, за 800 лет существования Москва еще не имела такого наплыва «интуристов». Пятьдесят семь тысяч мужчин, по двадцать штук в шеренге, — свидетельствует писатель, — проходили мимо нас около трех часов, и жители Москвы вдоволь нагляделись, что за сброд Гитлер пытался посадить им на шею в качестве устроителей всеноевнейшего порядка». Мы помним все, что было в годы Великой Отечественной, не забыли также и легендарный бой на Волге, заключает свою статью Л. Леонов, о каждом дне которого, по его словам, можно написать книгу, подобную «Илиаде».

В последние годы своей жизни Л. Леонов неумоимо работал над новой книгой «Пирамида», в которой писатель-мыслитель ведет «разговор с вечностью», прозорливо предупреждая «о надвигающейся катастрофе всей нынешней земной цивилизации». С поистине «вселенской болью» пишет он о том, что в результате «неимоверных человеческих стараний» сейчас ежедневно исчезает уже два—три вида земной флоры и фауны. Это значит, в течение ближайших двадцати — тридцати лет может погибнуть до четверти всех видов живого. Столько же, сколько исчезло за предыдущие 60 миллионов лет!

В канун своего 95-летия великий русский писатель в интервью корреспонденту «Правды», опубликованном в газете 5 мая 1994 г., с особой тревогой говорил: научный прогноз обещает к 20-м годам предстоящего века рост населения Земли до 9,3 миллиарда человек, к 40-м годам — до 13 с половиной миллиардов, а в 2200 году на планете нашей ожидается 260 миллиардов — это примерно плотность населения сегодняшней Москвы по всей земной поверхности. И заключает: «Что может быть опаснее, нежели взаимная озлобленность и взрывчатая вражда между ними»? Интервью озаглавлено: «Успеть бы задержаться человечеству на крутом спуске». Главная его мысль — в словах писателя, сказанных в начале интервью: «Прошрое, пережитое нами, должно быть надежным уроком на будущее».

Эти мысли не могут не тревожить нас и в начале третьего тысячелетия: в передовой статье «Новый год, Новое столетие, Новое тысячелетие» журнала «Посев» читаем: «Если в начале XX века человечество предсказывало собственное, радужное будущее, не подозревая о нависших катастрофах, то сегодня радужное буду-

щее мало кто предсказывает, а тень возможных катастроф тревожит многих. Журнал выделяет три глобальные, грозящие человечеству катастрофы: демографическая, экологическая и культурная. Демографической катастрофой грозит необузданный рост населения. Каким образом переломится взметнувшаяся ввысь кривая народонаселения Земли, подчеркивается в статье — самый интригующий вопрос наступающего столетия. Экологической катастрофой грозит потребление невозобновимых ресурсов на душу населения при общем росте последнего. Культурной катастрофой грозит, прежде всего, информационная перегрузка. Наука занята все большим числом все более мелких вопросов, и объем накопленной информации становится неуправляемым. «Как найти существенное среди ненужного шума? Пусть у вас в Интернете миллионы потенциальных собеседников, как знать, у кого из них что-то ценное? И как знать, в чем ценное? Для этого требуется образование — воспитание, направленное на культивирование ценностей, а не на приобретение знаний (которые можно найти в справочнике, если знать, какой из них хороший)»²⁸. «Что все это значит для России?» — задается вопросом журнал и утверждает, что ни демографическая, ни экологическая катастрофы России не грозят. Что касается катастрофы культурной, то самым важным в ее предотвращении, утверждает журнал, является перестройка образования. На место зубрежки фактов и стремления к дипломам должно стать воспитание ценностей, так как только нравственный фундамент, устойчивая ценностная ориентация дает возможность осмысления жизни.

Глубокому осмыслению жизни и учат те ведущие отечественные писатели и публицисты, каждое произведение которых проникнуто душевной болью за Россию, за ее будущее.

Вопросы для повторения

1. Закон «О средствах массовой информации», его структурные и идеологические проявления в деятельности СМИ.
2. Государственное и негосударственное теле- и радиовещание Российской Федерации.

²⁸ Посев. 2001. № 1. С. 3.

3. Постсоветская региональная пресса.
4. Отечественные средства массовой информации в Интернете.
5. Журналы «Посев», «Грани», «Континент» в системе российской журналистики.
6. Отечественная публицистика постсоветского периода.

Хрестоматия к главе VIII

ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 27 ДЕКАБРЯ 1991 г. О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ*

Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Свобода массовой информации

В Российской Федерации:

поиск, получение, производство и распространение массовой информации,

учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение или,

изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации,

не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации.

Статья 2. Средства массовой информации. Основные понятия

Для целей настоящего Закона:

под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы;

* Печатается в сокращении.

под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации;

под периодическим печатным изданием понимается газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное название, текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год;

под радио-, теле-, видео-, кинохроникальной программой понимается совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач), имеющая постоянное название и выходящее в свет (эфир) не реже одного раза в год;

под продукцией средства массовой информации понимается тираж или часть тиража отдельного номера периодического печатного издания, отдельный выпуск радио-, теле-, кинохроникальной программы, тираж или часть тиража аудио- или видеозаписи программы;

под распространением продукции средства массовой информации понимается продажа (подписка, доставка, раздача) периодических печатных изданий, аудио- или видеозаписей программ, трансляция радио-, телепрограмм (вещание), демонстрация кинохроникальных программ;

под специализированным средством массовой информации понимается такое средство массовой информации, для регистрации или распространения продукции которого настоящим Законом установлены специальные правила;

под редакцией средства массовой информации понимается организация, учреждение, предприятие либо гражданин, объединение граждан, осуществляющие производство и выпуск средства массовой информации;

под главным редактором понимается лицо, возглавляющее редакцию (независимо от наименования должности) и принимающее окончательное решение в отношении производства и выпуска средства массовой информации;

под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию;

под издателем понимается издательство, иное учреждение, предприятие (предприниматель), осуществляющее материально-техническое обеспечение производства продукции средства массовой информации, а также приравненное к издателю юридическое лицо или гражданин, для которого эта деятельность не является основной либо не служит главным источником дохода;

под распространителем понимается лицо, осуществляющее распространение продукции средства массовой информации по договору с редакцией, издателем или на иных законных основаниях.

Статья 3. Недопустимость цензуры

Цензура массовой информации, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, — не допускается.

Создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, — не допускается.

Статья 4. Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации

Не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для призыва к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжиганию национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны, фашизма и иных форм политического экстремизма, а также для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости.

Запрещается использование в теле-, видео-, кинопрограммах, документальных и художественных фильмах, а также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации, скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей и(или) оказывающих вредное влияние на их здоровье.

Статья 5. Законодательство о средствах массовой информации

Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации состоит из настоящего Закона и издаваемых в соответствии с ним других законодательных актов, законодательства о средствах массовой информации республик в составе Российской Федерации.

Если межгосударственным договором, заключенным Российской Федерацией, предусмотрены для организации и деятельности средств массовой информации иные правила, чем установленные настоящим Законом, применяются правила межгосударственного договора.

Статья 6. Применение Закона

Настоящий Закон применяется в отношении средств массовой информации, учреждаемых в Российской Федерации, а для создаваемых за ее пределами — лишь в части, касающейся распространения их продукции в Российской Федерации.

Юридические лица и граждане других государств, лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, предусмотренные настоящим Законом, наравне с организациями и гражданами Российской Федерации, если иное не установлено законом.

Глава II. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья 7. Учредитель

Учредителем (соучредителем) средства массовой информации может быть гражданин, объединение граждан, предприятие, учреждение, организация, государственный орган.

Не может выступать учредителем:

гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, либо отбывающий наказание в местах лишения свободы по приговору суда, либо душевнобольной, признанный судом недееспособным;

объединение граждан, предприятие, учреждение, организация, деятельность которых запрещена по закону;

гражданин другого государства или лицо без гражданства, не проживающее постоянно в Российской Федерации.

Соучредители выступают в качестве учредителя совместно.

Статья 18. Статус учредителя

<...> Учредитель утверждает устав редакции и (или) заключает договор с редакцией средства массовой информации (главным редактором).

Учредитель вправе обязать редакцию поместить бесплатно и в указанный срок сообщение или материал от его имени (заявление учредителя). Максимальный объем заявления учредителя определяется в уставе редакции, ее договоре либо ином соглашении с учредителем. По претензиям и искам, связанным с заявлением учредителя, ответственность несет учредитель. Если принадлежность указанного сообщения или материала учредителю не оговорена редакцией, она выступает соотчетчиком.

Учредитель не вправе вмешиваться в деятельность средства массовой информации за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом, уставом редакции, договором между учредителем и редакцией (главным редактором).

Учредитель может передать свои права и обязанности третьему лицу с согласия редакции и соучредителей. В случае ликвидации или реорганизации учредителя — объединения граждан, предприятия, учреждения, организации, государственного органа его права и обязанности в полном объеме переходят к редакции, если иное не предусмотрено уставом редакции.

Учредитель может выступать в качестве редакции, издателя, распространителя, собственника имущества редакции.

Статья 19. Статус редакции

Редакция осуществляет свою деятельность на основе профессиональной самостоятельности.

Редакция может быть юридическим лицом, самостоятельным хозяйствующим субъектом, организованным в любой допускаемой законом форме. Если редакция зарегистрированного средства массовой информации организуется в качестве предприятия, то она подлежит также регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации о предприятиях и предпринимательской деятельности и помимо производства и выпуска средства массовой информации вправе осуществлять в установленном порядке иную, не запрещенную законом деятельность.

В течение двух лет со дня первого выхода в свет (в эфир) продукции средства массовой информации редакция освобождается от налоговых платежей. Перерегистрация средства массовой информации не влияет на исчисление данного срока. В случае, если учредитель прекратил деятельность средства массовой информации до истечения указанного срока, платежи взыскиваются в полном объеме за весь срок.

Редакция может выступать в качестве учредителя средства массовой информации, издателя, распространителя, собственника имущества редакции.

Редакцией руководит главный редактор, который осуществляет свои полномочия на основе настоящего Закона, устава редакции, договора между учредителем и редакцией (главным редактором). Главный редактор представляет редакцию в отношениях с учредителем, издателем, распространителем, гражданами, объединениями граждан, предприятиями, учреждениями, организациями, государственными органами, а также в суде. Он несет ответственность за выполнение требований, предъявляемых к деятельности средства массовой информации настоящим Законом и другими законодательными актами Российской Федерации.

Статья 20. Устав редакции

Устав редакции средства массовой информации принимается на общем собрании коллектива журналистов — штатных сотрудников редакции большинством голосов при наличии не менее двух третей его состава и утверждается учредителем.

В уставе редакции должны быть определены:

- 1) взаимные права и обязанности учредителя, редакции, главного редактора;
- 2) полномочия коллектива журналистов — штатных сотрудников редакции;
- 3) порядок назначения (избрания) главного редактора, редакционной коллегии и (или) иных органов управления редакцией;
- 4) основания и порядок прекращения и приостановления деятельности средства массовой информации;
- 5) передача и (или) сохранение права на название, иные юридические последствия смены учредителя, изменения состава со-учредителей, прекращения деятельности средства массовой информации, ликвидации или реорганизации редакции, изменения ее организационно-правовой формы;

- 6) порядок утверждения и изменения устава редакции, а также иные положения, предусмотренные настоящим Законом и другими законодательными актами.

До утверждения устава редакции, а также если редакция состоит менее чем из десяти человек, ее отношения с учредителем, включая вопросы, перечисленные в пунктах 1—5 части второй настоящей статьи, могут определяться заменяющим устав договором между учредителем и редакцией (главным редактором).

Устав редакции, организуемой в качестве предприятия, может являться одновременно уставом данного предприятия. В этом случае устав редакции должен соответствовать также законодательству о предприятиях и предпринимательской деятельности.

Копия устава редакции или заменяющего его договора направляется в регистрирующий орган не позднее трех месяцев со дня первого выхода в свет (в эфир) данного средства массовой информации. При этом редакция вправе оговорить, какие сведения, содержащиеся в ее уставе или заменяющем его договоре, составляют коммерческую тайну.

С т а т ь я 21. Статус издателя

Издатель осуществляет свои права и несет обязанности на основе данного Закона, Федерального закона «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации», законодательства об издательском деле, предприятиях и предпринимательской деятельности.

Издатель может выступать в качестве учредителя средства массовой информации, редакции, распространителя, собственника имущества редакции.

С т а т ь я 22. Договоры

Договором между соучредителями средства массовой информации определяются их взаимные права, обязанности, ответственность, порядок, условия и юридические последствия изменения состава соучредителей, процедура разрешения споров между ними.

Договором между учредителем и редакцией (главным редактором) определяются производственные, имущественные и финансовые отношения между ними: порядок выделения и использования средств на содержание редакции, распределение прибыли, обра-

зования фондов и возмещения убытков, обязательства учредителя по обеспечению надлежащих производственных и социально-бытовых условий жизни и труда сотрудников редакции. Стороной в договоре с редакцией может быть каждый соучредитель в отдельности либо все соучредители вместе.

Договором между редакцией и издателем определяются производственные, имущественные и финансовые отношения между ними, взаимное распределение издательских прав, обязательства издателя по материально-техническому обеспечению производства продукции средства массовой информации и ответственность сторон.

Учредитель, редакция (главный редактор) и издатель могут заключать также иные договоры между собой, а также с распространителем.

Статья 23. Информационные агентства

При применении настоящего Закона в отношении информационных агентств на них одновременно распространяются статус редакции, издателя, распространителя и правовой режим средства массовой информации.

Бюллетень, вестник, иное издание или программа с постоянным названием, учреждаемые информационным агентством, регистрируются в порядке, установленном настоящим Законом.

При распространении сообщений и материалов информационного агентства другим средством массовой информации ссылка на информационное агентство обязательна.

Статья 24. Иные средства массовой информации

Правила, установленные настоящим Законом для периодических печатных изданий, применяются в отношении периодического распространения тиражом тысяча и более экземпляров текстов, созданных с помощью компьютеров (или) хранящихся в их банках и базах данных, а равно в отношении иных средств массовой информации, продукция которых распространяется в виде печатных сообщений, материалов, изображений.

Правила, установленные настоящим Законом для радио- и телепрограмм, применяются в отношении периодического распространения массовой информации через системы телетекста, видеотекста и иные телекоммуникационные сети, если законодательством Российской Федерации не установлено иное <...>

Глава V. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЖУРНАЛИСТА

Статья 47. Права журналиста

Журналист имеет право:

- 1) искать, запрашивать, получать и распространять информацию;
- 2) посещать государственные органы и организации, предприятия и учреждения, органы общественных объединений либо их пресс-службы;
- 3) быть принятым должностными лицами в связи с запросом информации;
- 4) получать доступ к документам и материалам, за исключением их фрагментов, содержащих сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну;
- 5) копировать, публиковать, оглашать или иным способом воспроизводить документы и материалы при условии соблюдения требований части первой статьи 42 настоящего Закона;
- 6) производить записи, в том числе с использованием средств аудио и видеотехники, кино- и фотосъемки, за исключением случаев, предусмотренных законом;
- 7) посещать специально охраняемые места стихийных бедствий, аварий и катастроф, массовых беспорядков и массовых скоплений граждан, а также местности, в которых объявлено чрезвычайное положение; присутствовать на митингах и демонстрациях;
- 8) проверять достоверность сообщаемой ему информации;
- 9) излагать свои личные суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью;
- 10) отказаться от подготовки за своей подписью сообщения или материала, противоречащего его убеждениям;
- 11) снять свою подпись под сообщением или материалом, содержание которого, по его мнению, было искажено в процессе редакционной подготовки, либо запретить или иным образом оговорить условия и характер использования данного сообщения или материала в соответствии с частью первой статьи 42 настоящего Закона;
- 12) распространять подготовленные им сообщения и материалы за своей подписью, под псевдонимом или без подписи.

Журналист пользуется также иными правами, предоставленными ему законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации.

Статья 48. Аккредитация

Редакция имеет право подать заявку в государственный орган, организацию, учреждение, орган общественного объединения на аккредитацию при них своих журналистов.

Государственные органы, организации, учреждения, органы общественных объединений аккредитуют заявленных журналистов при условии соблюдения редакциями правил аккредитации, установленных этими органами, организациями, учреждениями.

Аккредитовавшие журналистов органы, организации, учреждения обязаны предварительно извещать их о заседаниях, совещаниях и других мероприятиях, обеспечивать стенограммами, протоколами и иными документами, создавать благоприятные условия для производства записи.

Аккредитованный журналист имеет право присутствовать на заседаниях, совещаниях и других мероприятиях, проводимых аккредитовавшими его органами, организациями, учреждениями, за исключением случаев, когда приняты решения о проведении закрытого мероприятия.

Журналист может быть лишен аккредитации, если им или редакцией нарушены установленные правила аккредитации либо распространены не соответствующие действительности сведения, порочащие честь и достоинство организации, аккредитовавшей журналиста, что подтверждено вступившим в законную силу решением суда.

Аккредитация собственных корреспондентов редакций средств массовой информации осуществляется в соответствии с требованиями настоящей статьи.

Статья 49. Обязанности журналиста

Журналист обязан:

- 1) соблюдать устав редакции, с которой он состоит в трудовых отношениях;
- 2) проверять достоверность сообщаемой им информации;
- 3) удовлетворять просьбы лиц, предоставивших информацию, об указании на ее источник, а также об авторизации цитируемого высказывания, если оно оглашается впервые;
- 4) сохранять конфиденциальность информации и (или) ее источника;

- 5) получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей;
- 6) при получении информации от граждан и должностных лиц ставить их в известность о проведении аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки;
- 7) ставить в известность главного редактора о возможных исках и предъявлении иных предусмотренных законом требований в связи с распространением подготовленного им сообщения или материала;
- 8) отказаться от данного ему главным редактором или редакцией задания, если оно либо его выполнение связано с нарушением закона;
- 9) предъявлять при осуществлении профессиональной деятельности по первому требованию редакционное удостоверение или иной документ, удостоверяющий личность и полномочия журналиста.

Журналист несет также иные обязанности, установленные законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации.

При осуществлении профессиональной деятельности журналист обязан уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций.

Государство гарантирует журналисту в связи с осуществлением им профессиональной деятельности защиту его чести, достоинства, здоровья, жизни и имущества как лицу, выполняющему общественный долг.

Статья 50. Скрытая запись

Распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки, допускается:

- 1) если это не нарушает конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- 2) если это необходимо для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц;
- 3) если демонстрация записи производится по решению суда.

С т а т ь я 51. Недопустимость злоупотребления правами журналиста

Не допускается использование установленных настоящим Законом прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации.

Запрещается использовать право журналиста на распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан исключительно по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями <...>

Глава VII. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

С т а т ь я 56. Возложение ответственности

Учредители, редакции, издатели, распространители, государственные органы, организации, учреждения, предприятия и общественные объединения, должностные лица, журналисты, авторы распространенных сообщений и материалов несут ответственность за нарушения законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации.

С т а т ь я 57. Освобождение от ответственности

Редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организаций, либо ущемляющих права и законные интересы граждан, либо представляющих собой злоупотребление свободой массовой информации и (или) правами журналиста:

- 1) если эти сведения присутствуют в обязательных сообщениях;
- 2) если они получены от информационных агентств;
- 3) если они содержатся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб государственных органов, организа-

ций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений;

- 4) если они являются дословным воспроизведением фрагментов выступлений народных депутатов на съездах и сессиях Советов народных депутатов, делегатов съездов, конференций, пленумов общественных объединений, а также официальных выступлений должностных лиц государственных органов, организаций и общественных объединений;
- 5) если они содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию в соответствии с настоящим Законом;
- 6) если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации.

Статья 58. Ответственность за ущемление свободы массовой информации

Ущемление свободы массовой информации, то есть воспрепятствование в какой бы то ни было форме со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций, общественных объединений законной деятельности учредителей, редакций, издателей и распространителей продукции средства массовой информации, а также журналистов, в том числе посредством:

осуществления цензуры;

вмешательства в деятельность и нарушения профессиональной самостоятельности редакции;

незаконного прекращения либо приостановления деятельности средства массовой информации;

нарушения права редакции на запрос и получение информации;

незаконного изъятия, а равно уничтожения тиража или его части;

принуждения журналистов к распространению или отказу от распространения информации;

установление ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих госу-

дарственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну;

нарушения прав журналиста, установленных настоящим Законом, — влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Обнаружение органов, организаций, учреждений или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, — влечет немедленное прекращение их финансирования и ликвидацию в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

С т а т ь я 59. Ответственность за злоупотребление свободой массовой информации

Злоупотребление свободой массовой информации, выразившееся в нарушении требований статьи 4 настоящего Закона, — влечет уголовную, административную, дисциплинированную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации <...>

С т а т ь я 62. Возмещение морального вреда

Моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный вред, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами в размере, определяемом судом.

*Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН
Москва,
Дом Советов России*

*27 декабря 1991 года
№ 2124—I*

*Ведомости Съезда народных депутатов
Российской Федерации
И Верховного Совета Российской Федерации,
1992, № 7*

Наше дело правое

Мы стоим на пороге полувековой годовщины Великой Победы. Пятьдесят лет — много это или мало? Нам думалось тогда, в сорок пятом: если доньше празднуются Полтава и поле Куликово, на сколько же веков хватит нынешней нашей радости?.. Слава наша будет жить, пока живет человеческое слово. И если всю историю земли записать на одной странице — и там будут помянуты наши великие дела. Потому что мы защитили не только наши жизни и достояние, но и самое звание человека, которое хотел отнять у нас фашизм.

Однако кому-то кажется, что и пятидесяти лет для памяти многовато. В последнее время уже довольно часто слышатся пока еще осторожные, но все более настойчивые намеки, что пора бы уже и кончать с этим праздником, а после пятидесятилетия определенно стоит вычеркнуть его из календаря. Тщатся не только забвению нашу гордую славу предать, а исказить ее, опорочить. Все больше желающих «пересмотреть», «осмыслить по-новому» Великую Отечественную войну — с целью якобы самой благопристойной: сказать историческую правду. Нет нужды повторять эти изыскания и называть их авторов, спорить с ними ни желания, ни смысла нет.

А велик или мал прошедший от победных салютов срок, лучше спросить у хранителей живой памяти — ветеранов войны. И вряд ли стоит бросать на чаши весов золотники правды, чести, благородства тех и других — результат будет явно не в пользу нынешних «правдолюбцев».

Наша живая память сохранила множество героических и трагических событий тех незабвенных лет. Многие из них были так или иначе — тогда же, по горячим следам — нами запечатлены. Можно, понятно, по прошествии лет о каком-то факте или событии рассказать по-иному, но выразить точнее, передать ярче родившиеся именно тогда мысли и чувства нельзя.

Вероятно, с наибольшей отчетливостью вспоминается нам последний этап войны. И не потому, что он чуть ближе по времени, главная причина в другом: каждый его день, каждый километр явственно приближал желанный миг Победы. Успешные бои под Ленинградом, на Украине, в Белоруссии, Бессарабии... Освобождены Крым, Севастополь, Одесса, Минск, Вильнюс, Брест, Кишинев... Наши войска вышли на государственную границу Советского Союза, вступили на территорию Польши, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, освободили Заполярье...

Но в ряду этих событий был эпизод по-своему символический, запомнившийся всем нам как наиболее явственный знак близкий Победы.

Это произошло 17 июля 1944 года в Москве, красивейшем из городов нашей эпохи, одетом в мечту героического поколения. Она была прекрасна в июле четвертого года войны, старшая сестра фронта, забывшая боль и усталость, город внушительного и непоказного величия, у подножия которого прокатилось и потаяло столько завоевательских войн!..

В этот день прибыла сюда в несколько облегченном виде еще одна армия, отправленная Гитлером на завоевание Востока. Ее громоздкий багаж остался позади, на полях сражений. По этой причине немцы более походили на «экскурсантов», нежели на покорителей Вселенной, и, надо признаться, за 800 лет существования Москва еще не видела такого наплыва «интуристов».

Представительные верховые «гиды» на отличных конях и с обнаженными шашками сопровождали эту экскурсию. Пятьдесят семь тысяч мужчин, по двадцать штук в шеренге, проходили мимо нас около трех часов, и жители Москвы вдоволь нагляделись, что за сброд Гитлер пытался посадить им на шею в качестве устроителей всеновейшего порядка...

Прищурясь и молча глядела Москва на этот наглядный пример бесконечного политического падения. Только из гнилой сукровицы первой мировой войны могла зародиться инфекция фашизма — этого гнуснейшего из заболеваний человеческого общества. До какого же непотребства и скотства фашизм довел тебя, Германия, которую мы знавали в ее лучшие годы?..

Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца. В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах, во всю длину шествия. Но даже русское благородство не может уберечь от ядовитого слова презренья эту попавшуюся шпану: убивающий ребенка лишается высокого звания солдата... Это они травили и стреляли наших маленьких десятками тысяч. Еще не истлели детские тельца в киевских, харьковских и витебских ямах, — маловерам Африки, Австралии и обеих Америк еще не поздно было вложить пальцы в эти одинаково незаживаемые раны на теле России, Украины или Белоруссии.

Брезгливое молчание стояло на улицах Москвы, насыщенной шаркарьем ста с лишком тысяч ног. Лишь изредка спокойные, ровные голоса, раздумье вслух, доносились до нас сзади:

— Ишь, кобели, что удумали: русских под себя подмять!

Но лишь одно, совсем тихое слово, сказанное на ухо кому-то позади, заставило меня обернуться:

— Запомни, Наточка... это те, которые тетю Полю вешали. Смотри на них!

Это произнесла совсем обыкновенная небольшая женщина своей дочке, девочке лет пяти. Еще трое ребят лесенкой стояли возле нее. Соседка пояснила мне, что отца их Гитлер убил в первый год войны — я пропустил их вперед. Склонив голову, большими, не женскими руками придерживая крайних, двух худеньких девочек постарше, мать глядела на пеструю, текучую ленту пленных. Громадный битюг из немецких мясников, в резиновых сапогах и зеленой маскировочной вуальке поверх жесткой, пропыленной гривы, переваливаясь, поравнялся с нами и вдруг, напоровшись глазами на эту женщину, отшатнулся как от улики. Значит, была какая-то непонятная сила во взгляде этой труженицы и героини, заставившая содрогнуться даже такое животное.

— Поизносились немцы в России, — сказал я ей лишь затем, чтобы она обернулась в мою сторону.

На меня глянули умные, чуть прищуренные и очень строгие глаза, много видевшие и ничему не удивляющиеся... а мне показалось, что я заглянул в самую душу столицы моей, Москвы.

Почти полтора десятка лет кряду германские империалисты растили гигантскую человеко-жабу — фашизм. Над ней шептали тысячелетние заклинанья, ей холили когти, поили до отвала соками прусской груши. Когда жаба подросла, ее вывели из норы на белый, вольный свет. В полной тишине она обвела мутным зраком затихшие пространства Центральной Европы. О, у ада взор человечней и мягче! Было и тогда еще не поздно придушить гаденка: четыре миллиарда людских рук и горы расплющат, объединяясь. Случилось иначе. Вдовы и сироты до гроба будут помнить имя проклятого баварского народа, где малодушные пали на колени перед скотской гордыней фашизма.

Сытый, лоснящийся после первых удач зверь стоял посреди сплошной кровавой лужи, что растекалась на месте нарядных, благоустроенных государств. Он высматривал очередную жертву. Вдруг он обернулся на Восток и ринулся во глубину России — оплота добра и правды на земле... Как бы привидения с Брокена двинулись по нашей равнине, не щадя ни красоты наших городов, ни древню-

сти святынь, ни даже невинности малюток, — избы, цветы и рощи казнили они огнем лишь за то, что это славянское, русское, советское добро. Плохо пришлось бы нам, кабы не песенная живая вода нашей веры в свои силы и в свое историческое призвание.

Перед последней атакой, когда в оружейные прицелы с обеих сторон уже видно было содрогающееся сердце фашистской Германии, солдаты припомнили и весь ход войны. Мои современники помнят первый истинный вопль зверя, когда наши смельчаки вырвали из него пробный клочок мяса под Москвой. Они не забыли также и легендарный бой на Волге, о каждом дне которого можно написать книгу, подобную «Илиаде». Эта священная русская река стала тогда заветной жилочкой человечества, перекусив которую зверь стал бы почти непобедимым. С дырой в боку, он был еще свеж, нахрапист, прочен; боль удесятряла его ярость, он скакал и бесновался; когда он поднялся на дыбки для решающего прыжка — через оазисы Казахстана в райские дебри Индии, — Россия вогнала ему под вздох, тугу, как в ножны, рогатину своей старинной доблести и непревзойденной военной техники. Хотя до рассвета было еще далеко, человечество впервые улыбнулось сквозь слезы... О дальнейшем, как мы преследовали и клочили подбитую гадину, странно досказала история...

Совесь в нас чиста. Потомки не упрекнут нас в равнодушии к их жребию. Вы хорошо поработали, труженики добра и правды, которых фашизм хотел обратить не в данников, не в рабов, даже не в безгласный человеко-скот, но в навозный компост для нацистского огорода... Слава вам, повелители боя, сколько бы звезд не украшало ваши плечи; слава матерям, вас родившим; слава избам, которые огласил ваш первый детский крик; слава лесным тропкам, по которым бегали в детстве ваши босые ножки; слава небу, что свободно несло в юности над головами вашими!.. Живи вечно, мой исполинский народ!

Правда. 1995. 30 августа

В.Е. МАКСИМОВ [1932—1995]

В преддверии нашего завтра

Мне — человеку, сделавшему все от себя зависящее, чтобы Россия в конце концов освободилась от непосильного для нее им-

перского груза и занялась нравственным, экономическим и культурным самоизлечением, казалось бы, надо только радоваться тому, что происходит сегодня в нашей стране. И я вместе со всеми искренне радовался обретению независимости бывшими республиками, входившими в состав так называемого Советского Союза. Но, увы, радость эта продержалась во мне недолго.

Неожиданно для себя я вдруг обнаружил, что многие из тех на Западе и Востоке, кого я считал своими союзниками и единомышленниками в борьбе против тоталитарной системы, жаждут не столько суверенитета, свободы и демократии, сколько, и прежде всего, крушения России как таковой. К моему ужасу, их ничем не мотивированная, почти патологическая ненависть к этой стране, к ее народу, к ее культуре и истории постепенно становится повседневной нормой в самых влиятельных интеллектуальных и политических кругах и в самых что ни на есть либеральных средствах массовой информации.

С недавних пор я начал коллекционировать публикации и высказывания подобного рода. Предлагаю вам из своей коллекции цитаты наугад:

«Я желаю России краха». Это откровенничает известный грузинский правозащитник Тенгиз Гудава на страницах американской русскоязычной газеты «Новое русское слово». По иронии судьбы «крах» во всех отношениях потерпела сегодня именно Грузия. Вот уж, воистину, не рой другому яму!

«Россия должна быть уничтожена... Россия — утопия, страна, населенная призраками и мифами». Вторит ему другая правозащитница в сверхпрогрессивном литературном журнале «Даугава», выходящем в Риге.

Как видите, не стесняются наши нынешние поборники прав человека почти буквально повторять фашистский бред Геббельса и Розенберга.

А вот два пассажа из рецензии на роман, опубликованный в высшей степени демократическом еженедельнике «Панорама», выпускаемом в Лос-Анджелесе:

«Вселенная (то есть Россия. — *В.М.*), в которой обитают герои... нравственно индифферентна. В ней нет никакой этической структуры. Жертва здесь так же гадка, как и палач».

Хотелось бы поинтересоваться у автора, о ком это? О Сахарове, Мандельштаме, Пастернаке, Марченко, бастующих шахтерах или погибших защитниках «Белого дома» на Москве-реке?

Но дальше еще гаже:

«Автор соскребает хрестоматийный глянец с портретов классиков. Гоголь и Достоевский у нее — такие же негодяи и антисемиты, как и все окружающие».

Предлагаю вам поаплодировать автору!

А вот из «Независимой газеты»:

«Кто по национальности были члены восьмерки? — Спрашивает в ней некто Владимир Коваленко. — Семь русских и будущий самоубийца Пуго — родившийся в Калининне сын латышского эмигранта, с презрением отвергнутый собственным народом и даже ставший его палачом... Так что скорее это был заговор русских националистов...» Хотите верьте, хотите — нет.

Жаль только, что расплачиваться за этот фашистский бред придется многим народам.

В заключение не могу отказать себе в печальном удовольствии процитировать здесь ответ Збигнева Бжежинского на вопрос одного российского журналиста: «Я не хочу, чтобы ваша страна вообще существовала». Ничего не скажешь, просто и ясно.

Хватит? Или еще?

Впрочем, кому мало, советую послушать радиостанцию «Свобода». К примеру, специальную программу, посвященную Сибири, передачи о Татарстане или серию «Русская идея». Весьма интересно.

Я уже не говорю о большевистских клише, вдруг замелькавших в последнее время на страницах печати Востока и Запада о «России — тюрьме народов» и «русском империализме».

Если принять эти утверждения на веру, то в таком случае я вправе назвать Америку суперимпериалистическим государством, железом, кровью и подкупом утвердившим себя на никогда не принадлежащей ей земле всего лишь чуть более двухсот лет назад.

Тогда, спрашивается, почему, с какой стати американцы считают себя коренными жителями своей страны, а русских, осевших на берегах Волги или Байкала почти полтысячелетия тому, империалистами?

К сожалению, теперь уже не Советский Союз, а собственно Россию начинают открыто рассматривать, как ничейную землю, предназначенную для глобального распределения. Дошло уже до того, что германское правительство всерьез обсуждает с нашими демократическими лидерами проблему государственности для немцев-колонистов, радушно принятых когда-то на российской земле.

Я всячески приветствовал бы возвращение этих трудолюбивых и достойных людей на берега Волги. Мало того, я считаю, что Россия, как это сделала недавно Америка с этническими японцами,

должна компенсировать им все потери, связанные у них с выселением. Но если они вправе сегодня требовать для себя суверенитета, то, следуя международному принципу взаимности, следует признать и право этнических русских в ФРГ на свое собственное государство. К примеру, со столицей во Франкфурте-на-Майне, где расположена штаб-квартира Национально-трудового союза России. Тем более, что современная Германия тоже называется Федеративной. Но если говорить всерьез, то было бы не только крайне наивным, но и опасным полагать, что какой-либо народ согласится принять по отношению к себе стандарты. Согласитесь, что если одна цивилизованная страна может позволить себе начать настоящую войну за острова, находящиеся за тысячи миль от нее (как это было с Фолклендами), во имя защиты интересов своих соотечественников, а другая по тем же мотивам высаживать десанты в суверенных государствах (как это было в Гранаде и Панаме), а третья — отстаивать Карабах с оружием в руках, то почему же мы не имеем права вслух побеспокоиться о судьбе своих соотечественников, оказавшихся по милости сталинских картографов за пределами родной земли?

Неужели только из-за того, чтобы не прослыть империалистами и шовинистами?

Прошу понять меня правильно, я категорически против каких-либо преимуществ для русского народа на территории Российской Федерации. Россия традиционно сочетает в себе национальную, культурную и религиозную многоукладность. Мы можем и должны найти форму общественного и государственного устройства, где каждый народ и каждая отдельная личность будут пользоваться всеми правами и возможностями для своего гармонического развития, но я столь же категорически против любого национального эгоизма внутри федерации, ставящего собственные прагматические интересы выше интересов российского общества и государства вообще.

Вольным или невольным режиссерам разрушительного сепаратизма в современном мире следовало бы извлечь урок хотя бы из югославской трагедии, если они не хотят, чтобы уже в ближайшее время весь Евро-азиатский континент превратился в одни сплошные Балканы. Им также следовало бы не забывать, какую цену уплатил мир за унижение немецкого народа в эпоху Веймара: народ, загнанный в угол, становится смертельно опасным. В России плохо с продуктами питания, но в ней, уверяю вас, очень хорошо с ядерным оружием. Да и без этого оружия народ в сто пятьдесят миллионов человек не позволит поставить себя на колени.

И если человечество действительно озабочено завтрашним днем России, то ему следовало бы наконец ответственно осознать, что от этого завтрашнего дня зависит и его собственная судьба.

Континент. 1992. № 71

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН [Рожд. 1918]

Из статьи «Русский вопрос» к концу XX века

...И вот мы докатились до Великой Русской Катастрофы 90-х годов XX века. За столетие многое вплеталось сюда, — Девятьсот Семнадцатый год, и 70 лет большевицкого развращения, и миллионы, взятые на Архипелаг ГУЛАГ, и миллионы, уложенные без бережи на войне, так что в редкую русскую деревню вернулись мужчины, — и нынешний по народу «удар Долларом», в ореоле ликующих, хохочущих нуворишей и воров.

В Катастрофу входит — прежде всего наше вымирание. И эти потери будут расти: в нынешней непроглядной нищете сколько женщины решатся рожать? Не менее вчислятся в Катастрофу и неполноценные и больные дети, а они множатся от условий жизни и от безмерного пьянства отцов. И полный провал нашей школы, не способной сегодня взращивать поколение нравственное и знающее. И жилищная скудость такая, какую давно миновал цивилизованный мир. И хищение взяточников в государственном аппарате — вплоть до тех, кто по дешевке отпускает в иностранную концессию наши нефтяные поля или редкие металлы. (Да что терять, если предки в восьми изнурительных войнах лили кровь, пробиваясь к Черному морю, — и все это как корова слизнула в один день?) Катастрофа и в расслоении русских как бы на две разные нации: огромный провинциально-деревенский массив — и совсем на него не похожая, иначе мыслящая столичная малочисленность с западной культурой. Катастрофа — в сегодняшней аморфности русского национального сознания, в сером равнодушии к своей национальной принадлежности и еще большему равнодушии к соотечественникам, попавшим в беду. Катастрофа и в изувеченности нашего интеллекта советской эпохой: обман и ложь коммунизма так наслоились на сознание, что многие даже не различают на своих глазах эту пелену. Катастрофа и в том, что для государственного руководства слишком мало у нас людей, кто б одновременно был: мудр, мужествен и бескорыстен, — все никак эти три качества не соединятся в новом Столыпине.

Сам русский характер народный, так известный нашим предкам, столько изображенный нашими писателями и наблюденный вдумчивыми иностранцами, — сам этот характер угнетался, омрачался и изламывался во весь советский период. Уходили, утекали из нашей души — наша открытость, прямодушие, повышенная простоватость, естественная непринужденность, уживчивость, доверчивое смирение с судьбой, долготерпение, долговыносливость, непогоня за внешним успехом, готовность к самоосуждению, к раскаянию, скромность в совершении подвига, сострадательность и великодушные. Большевики издергали, искрутили и изожгли наш характер — более всего выжигали сострадательность, готовность помогать другим, чувство братства, а в чем динамизировали — то в плохом и жестоком, однако не восполнив наш национальный жизненный порок: малую способность к самостоятельности и самоорганизации, вместо нас все это направляли комиссары.

А рублево-долларовый удар 90-х годов еще по-новому сотряс наш характер: кто сохранял еще прежние добрые черты — оказались самыми неподготовленными к новому виду жизни, беспомощными негодными неудачниками, не способными заработать на прокормление (страшно — когда родители перед своими же детьми!) — и только, с растраченными глазами и задыхаясь, обкатывались новой породой и новым кликом: «нажива! нажива любой ценой! хоть обманом, хоть разворотом, хоть растлением, хоть продажей материнского (родины) добра!» «Нажива» — стала новой (и какой же ничтожной) Идеологией. Разгромная, разрушительная переделка, еще пока никакого добра и успеха не принесшая нашему народному хозяйству, и не видно такого, — густо дохнула распадом в народный характер.

И не дай Бог нынешнему распаду стать невозвратным.

(Отразилось все и в языке, зеркале народного характера. Наши соотечественники весь советский период неизменно теряли, а сейчас — обрушно потеряли собственно *русский язык*. Не буду говорить о биржевых дельцах, ни о затасканных журналистах, ни о столичных комнатных писательницах — даже литераторы из крестьянских детей с отвращением отталкиваются: как это я смею использовать коренные сочные русские слова, отвеку существовавшие в русском языке? Даже им теперь понятнее, не вызывают *ничьего* нарекания такие дивные новизны русского языка, как брифинг, прессинг, маркетинг, рейтинг, холдинг, ваучер, истеблишмент, консенсус — и многие десятки их. Уже полная глухота...)...

«Русский вопрос» к концу XX века стоит очень недвусмысленно: *быть* нашему народу или *не быть*? Да, по всему земному шару катится волна плоской, пошлой нивелировки культур, традиций, национальностей, характеров. Однако сколькок выстаивают против

нее без пошата и даже гордо! Но — не мы... И если дело пойдет так и дальше — то еще через век слово «русский» как бы не пришлось вычеркивать из словарей.

Из нынешнего униженного потерянного состояния мы обязаны выйти — если уж не для себя, то в память предков, и ради наших детей и внуков.

Сегодня мы слышим толки об одной лишь экономике — и наша загнанная экономика, вправду, душит нас. Однако экономика сгодится и для безличного этнического материала, — а нам надо спасти и наш характер, наши народные традиции, нашу национальную культуру, наш исторический путь.

Русский эмигрант проф. Н.С. Тимашев как-то отметил, верно: «Во всяком общественном состоянии есть, как правило, несколько возможностей, которые, становясь вероятными, превращаются в тенденции общественного развития. Какие из этих тенденций осуществятся, а какие нет, — предсказать с абсолютной уверенностью нельзя: это зависит от встречи тенденций друг с другом. И поэтому человеческой воле принадлежит гораздо большая роль, чем это допускается старой эволюционной теорией». Материалистической.

И это — христианский взгляд.

Наша история сегодня видится как потерянная — но при верных усилиях нашей воли она, может быть, теперь-то и начнется — вполне здравая, устремленная на свое внутреннее здоровье, и в своих границах, без заносов в чужие интересы, как мы навидались в начальном обзоре. Еще раз напомним Успенского, как он написал о задачах школы: «Превратить эгоистическое сердце в сердце всекорбящее». Нам и предстоит построить такую школу: в первый класс ее сядут дети уже развращенного народа — а из последнего чтобы вышли с нравственным духом.

Мы должны строить Россию *нравственную* — или уж никакую, тогда и все равно. Все добрые семена, какие на Руси еще чудом не дотоптаны, — мы должны выбрать и вырастить. (Поможет ли нам православная церковь? За годы коммунизма она более всех разгромлена. А еще же — внутренне подорвана своей трехвековой покорностью государственной власти, потеряла импульс сильных общественных действий. А сейчас, при активной экспансии в Россию иностранных концессий и сект, богатых денежными средствами, при «принципе равных возможностей» их с нищетой русской церкви, идет вообще вытеснение православия из русской жизни. Впрочем, новый взрыв материализма, на этот раз «капиталистического», угрожает и всем религиям вообще.)

Но из многочисленных писем из русской провинции, с просторов России, я эти годы узнаю рассеянных по этим просторам духовно здоровых людей, и часто молодых, только разрозненных, без духовной подпитки. С возвратом на родину я надеюсь многих из них повидать. Надежда — именно и только на это здоровое ядро живых людей. Может быть они, возрастая, взаимовлияя, соединяя усилия, — постепенно оздоровят нашу нацию.

Минуло два с половиной столетия — а все так же висит перед нами, по наследству от П.И. Шувалова, неисполненное **Сбережение Народа**.

Ничего для нас нет сегодня важнее. И именно — в этом «русский вопрос» в конце XX века.

Март 1994

Вермонт

Новый мир. 1994. № 7

Основная рекомендуемая литература

- Декрет о печати. 27 октября (9 ноября) 1917 г. // О партийной и советской печати, радио и телевидении. — М., 1972.
- Декрет о революционном трибунале печати. 10 февраля 1918 г. // Там же.
- История отечественной журналистики (1917—1945): Хрестоматия / Сост. И.В. Кузнецов, Р.П. Овсепян, Р.А. Иванова. — М., 1999.
- КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. — М., 1987.
- Ленин В.И.* О характере наших газет // Полн. собр. соч. Т. 37.
- Овсепян Р.П.* История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917—90-е гг.). — М., 1999.
- О печати. Постановление временного правительства 27 апреля 1917 г. // Вестник временного правительства. — 1917. — № 5.
- Правовое поле журналиста. Настольная справочная книга. — М., 1997.
- Радиожурналистика / Под ред. проф. А.А. Шереля. — М., 2000.
- Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. — М., 1995.
- Телевизионная журналистика: Учебник / Ред. коллегия: Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский. — М., 1998.

Дополнительная рекомендуемая литература

- Брыляков Н.* Российское телеграфное...
- Варецкий Б.И.* Шелест страниц, как шелест знамен. Пресса России в трех политических режимах. — М., 2002.
- Вачнадзе Г.* Секреты прессы при Горбачеве и Ельцине. — М., 1992.
- Вильчек Л.Ш.* Советская публицистика 50—80-х годов (от В. Овечкина до Ю. Черниченко). — М., 1996.

Власть, зеркало или служанка? // Энциклопедия жизни современной российской журналистики: В 2 т. — М., 1998.

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М., 1987.

Грабельников А.А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. — М., 2000.

Есин Б.И., Кузнецов И.В. Три века московской журналистики. — М., 1997.

Жирков Г.В. Между двух войн: журналистика русского зарубежья. — СПб., 1998.

Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. — М., 1999.

История советской радиожурналистики. Документы. Тексты. Воспоминания. — М., 1991.

Корнилов Е.А. Журналистика на рубеже тысячелетий. — Ростов-на-Дону, 1999.

Кузнецов И., Фингерит Е. Газетный мир Советского Союза. 1917—1970 гг. — М., 1972. Т. 1. Центральные газеты; Т. 2. Республиканские, краевые, областные и окружные газеты.

Лысенко А.В. Голос изгнания. Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919—1922 гг. — М., 2000.

Многонациональная Советская журналистика. — М., 1975.

Наше Отечество. Опыт политической истории. — М., 1991. Т. 1, 2.

Окороков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. — М., 1970.

Они не молчали: Сб. статей. — М., 1991.

Пресса в обществе (1959—2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. — М., 2000.

Публицистика русского зарубежья (1920—1945): Сб. статей / Сост. И.В. Кузнецов, Е.В. Зеленина. — М., 1999.

Свободное слово «Посева». 1945—1995. — М., 1995.

Яковлев А. Предисловие. Обвал. Послесловие. — М., 1992

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------------	---

Г л а в а I. ЖУРНАЛИСТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА (февраль — октябрь 1917 г.)	17
---	-----------

Пресса в условиях двоевластия	19
-------------------------------------	----

Журналистика после июльских событий	32
---	----

Публицистика в политическом противоборстве	40
--	----

<i>Вопросы для повторения</i>	47
-------------------------------------	----

Хрестоматия к главе I	47
------------------------------------	-----------

О печати. Постановление Временного правительства	47
--	----

<i>М. Горький. Революция и культура</i>	50
---	----

<i>Л.Б. Каменев. Временное правительство и революционная социал-демократия</i>	52
--	----

Без тайной дипломатии	54
-----------------------------	----

<i>В.И. Ленин. О задачах пролетариата в данной революции</i>	55
--	----

Тезисы	56
--------------	----

Кризис назрел	59
---------------------	----

<i>Г.В. Плеханов. Логика ошибки</i>	64
---	----

Открытое письмо к петроградским рабочим	66
---	----

Г л а в а II. СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (ноябрь 1917—1927 гг.)	71
---	-----------

Становление однопартийной советской журналистики	73
--	----

Средства массовой информации первой половины 20-х годов	96
---	----

У истоков советского очерка и фельетона	121
---	-----

Журналистика русского зарубежья	132
---------------------------------------	-----

<i>Вопросы для повторения</i>	143
-------------------------------------	-----

Хрестоматия к главе II	144
-------------------------------------	------------

Декрет о печати	144
-----------------------	-----

Декрет о государственном издательстве	145
---	-----

О революционном трибунале печати. Декрет Совета Народных Комиссаров	146
--	-----

О Российском Телеграфном Агентстве	148
Положение о Телеграфном Агентстве Союза Советских Социалистических Республик (ТАСС)	150
<i>И.А. Бунин.</i> Миссия русской эмиграции	153
<i>Е.Д. Кускова.</i> А что внутри?	162
<i>В.И. Ленин.</i> О характере наших газет	170
<i>Л.М. Рейснер.</i> Казань — Сарапул	172
<i>А.С. Серафимович.</i> В теплушке	179
<i>Л.С. Сосновский.</i> Смагин	187
Тяжелые дни Волховстроя	192
<i>Н.А. Тэффи.</i> Ностальгия	196
<i>Д.А. Фурманов.</i> Лбищенская драма	198

Г л а в а III. ЖУРНАЛИСТИКА КОНЦА 20-х — 30-х годов (1928—1941)

Система средств массовой информации	207
Журналистика и стремительный прорыв в области экономики. Насильственная коллективизация и репрессии	213
Формы массовой работы	218
Борьба с бюрократизмом. «Листки РКИ»	223
Коллективный организатор социалистического соревнования	226
Оружием очерка и фельетона	230
Довоенная журналистика русской эмиграции	237

<i>Вопросы для повторения</i>	243
-------------------------------------	-----

Хрестоматия к главе III

О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Из постановления ЦК ВКП(б)	244
<i>А. Зорич.</i> Общий знакомый	248
<i>И.А. Ильф, Е.П. Петров.</i> Как создавался Робинзон	254
Равнодушие	257
<i>М.Е. Кольцов.</i> К вопросу о тупоумии	264
Похвала скромности	267
<i>Ф.Ф. Раскольников.</i> Открытое письмо Сталину	271

Г л а в а IV. ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)

Перестройка печати и радиовещания	280
«Душевные боеприпасы фронту»	287
И очерки, и памфлеты	297

<i>Вопросы для повторения</i>	306
Хрестоматия к главе IV	307
О создании и задачах Советского Информационного Бюро. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР 24 июня 1941 г.	307
О работе военных корреспондентов на фронте	308
<i>Б.Л. Горбатов.</i> Письма к товарищу. О жизни и смерти	310
<i>П.Н. Милоков.</i> Правда о большевизме	315
<i>К.М. Симонов.</i> Дни и ночи	320
На старой Смоленской дороге	327
<i>Н.С. Тихонов.</i> Города-бойцы	333
<i>А.Н. Толстой.</i> Родина	338
<i>А.А. Фадеев.</i> Бессмертие	344
<i>М.А. Шолохов.</i> Наука ненависти	350
<i>И.Г. Эренбург.</i> О ненависти	364
Бешеные волки	369
 Г л а в а V. ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1946—1956 гг.)	379
Послевоенная перестройка журналистики	380
За восстановление народного хозяйства	387
Стахановские вторники «Труда» и другие формы массовой работы	397
Вопросы международной жизни	401
Ведущие публицисты: проблематика, мастерство	404
<i>Вопросы для повторения</i>	413
Хрестоматия к главе V	414
В Центральном Комитете ВКП(б). Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет	414
О мерах по улучшению областных газет «Молот» (Ростов-на-Дону), «Волжская коммуна» (г. Куйбышев) и «Курская правда»	416
О создании редакционных коллегий в республиканских, краевых и областных газетах	419
<i>В.В. Овечкин.</i> Рекорды и урожай	420
Районные будни. На переднем крае	426
 Г л а в а VI. ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 50-х — СЕРЕДИНЫ 80-х годов	433
Средства массовой информации как единый пропагандистский комплекс	435
От демократического обновления общества до длительного застоя	442

Нештатные отделы, «Рабочая эстафета» и другие формы массовой работы	448
Газетно-журнальная, теле- и радиопублицистика	450
<i>Вопросы для повторения</i>	464
Хрестоматия к главе VI	465
О задачах партийной пропаганды в современных условиях	465
О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения	467
Об издании журнала «Журналист»	470
<i>А.А. Аграновский. Реконструкция</i>	471
<i>В.М. Песков. Речка моего детства</i>	479
<i>Г.Г. Радов. Безнаказанность</i>	490

Г л а в а VII. ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ

80-х — НАЧАЛА 90-х годов	503
Перестройка и журналистика	504
Перестройка в зеркале прессы	513
Один из самых читаемых жанров	516
<i>Вопросы для повторения</i>	526
Хрестоматия к главе VII	526
О газете «Правда». Из постановления ЦК КПСС	526
<i>Чингиз Айтматов. Подрываются ли основы?</i>	529
<i>В.И. Белов. «Возродить в крестьянстве крестьянское...»</i>	539
<i>Е.А. Евтушенко. Притерпелость</i>	548
<i>С.П. Залыгин. Поворот</i>	560

Г л а в а VIII. ЖУРНАЛИСТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вопреки всем трудностям	585
Возвращение на родину свершилось	593
«С душевной болью за Россию»	602
<i>Вопросы для повторения</i>	608
Хрестоматия к главе VIII	609
Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. О средствах массовой информации	609
<i>Л.М. Леонов. Наше дело правое</i>	623
<i>В.Е. Максимов. В преддверии нашего завтра</i>	626
<i>А.И. Солженицын. Из статьи «Русский вопрос» к концу XX века</i>	630

Основная рекомендуемая литература	634
---	-----

Учебное издание

Кузнецов Иван Васильевич
ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
(1917—2000)

У ч е б н ы й к о м п л е к т

Учебное пособие

Хрестоматия

Подписано в печать 18.10.2005. Формат 60 × 88/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 39,2. Уч.-изд. л. 37,6. Тираж 3000 экз. Изд. № 1144.

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д.17-Б, комн. 345.
Тел.: (095) 336-03-11, тел./факс: (095) 334-82-65
E-mail: flinta@mail.ru, flinta@flinta.ru
WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.